

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCE
FAR EASTERN DEPARTMENT
INSTITUTE OF HISTORY, ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF FAR EAST PEOPLES

VADIM S. NIKOLAEV

**NOMADS' BURIAL COMPLEXES
OF THE MIDDLE SIBERIA SOUTH
IN THE XII–XIV CENTURIES**

UST-TALKINSKAYA CULTURE

Managing Editor
Ph.D., professor A.V. Kharinsky

Vladivostok — Irkutsk
Publishing house of the Institute of Geography SD RAS

2004

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В. С. НИКОЛАЕВ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КОЧЕВНИКОВ ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ В XII–XIV ВЕКАХ

УСТЬ-ТАЛЬКИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор
А.В. Харинский

Владивосток — Иркутск
Издательство Института географии СО РАН

2004

УДК 930.26
ББК Т4(2)45
Н63

Утверждено к печати Ученым советом Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Рецензенты:

д.и.н., профессор Н.Н. Крадин
к.и.н., доцент В.В. Свинин

Н63 Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: усть-талькинская культура. — Владивосток; Иркутск: Издательство Института географии СО РАН, 2004. — 306 с., ил.

В монографии впервые дается подробная и всесторонняя характеристика захоронений средневековых кочевников, расположенных на лесостепных пространствах юга Средней Сибири. Производится анализ сопроводительного инвентаря и погребального обряда, обосновывается предложенная датировка этих комплексов. На основе имеющихся материалов автор выделяется новая археологическая культура Предбайкалья — усть-талькинская, предлагается два последовательных этапа ее развития, рассматриваются вопросы происхождения, делается попытка этнической идентификации культуры.

Книга предназначена археологам, историкам, этнографам и краеведам, интересующимся проблемами средневековой истории Сибири и Центральной Азии.

© В. С. Николаев, 2004

© Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, 2004

© Издательство Института географии СО РАН, 2004

ISBN 5-94797-049-X

*Светлой памяти
Евгении Федоровны Седякиной и
Валентины Ивановны Смотровой
посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Первая половина II тыс. н.э. — период, когда в Евразийской степи происходят значительные перемещения кочевников, связанные с усилением и распространением на западе — кимако-кыпчакских племен, на востоке — чжурчжэней, а затем монголов. Миграции значительных масс населения, подчинение или уничтожение отдельных народов и целых государств, возникновение на их основе новых племенных союзов и империй нашли широкое отражение в летописях, записках путешественников и отчетах посольств того времени [Сокровенное сказание..., 1990; Лубсан Данзан, 1973; Рашид-ад-дин, 1952, 1952а, 1960; Марко Поло, 1997; Плано Карпини, 1997; Гильом де Рубрук, 1997]. Несмотря на значительное количество письменных свидетельств, основными источниками при изучении средневековой истории кочевников Евразии были и остаются археологические памятники.

В 30-е — 80-е гг. XX в. различными научными подразделениями Советского Союза на территориях юга России, Казахстана, Узбекистана и Киргизии, Западной и Южной Сибири, Центральной Азии, Забайкалья и Дальнего Востока проводились широко-масштабные археологические изыскания, направленные на поиск и раскопки разнообразных археологических объектов. В результате этих исследований в руки ученых попали многочисленные уникальные материалы, позволившие разработать хронологию, периодизацию и этнокультурную интерпретацию средневековых кочевнических древностей Евразийских степей от берегов Тихого океана до предгорий Карпат [Киселев, 1949, 1951; Грязнов, 1956; Плетнева, 1958; 1981; Гаврилова, 1965; Федоров-Давыдов, 1966; Кызласов Л.Р., 1969, 1979, 1981; 1984; Хамзина, 1970; Дервянко, 1975, 1977; Мажитов, 1977, 1981; Медведев, 1977, 1986, 1991; Асеев, 1980; Кычанов, 1980; Могильников, 1981, 2002; Кызласов И.Л., 1981, 1983; Асеев и др., 1984; Савинов, 1984, 1994; Иванов, Кригер, 1988; Овчинникова, 1990; Шавкунов, 1990; Дашибалов, 1995; Коновалов, 1999; Харинский, 2001, 2001а; Тишкин и др., 2002].

На фоне столь значительных научных достижений на передний план вышла проблема неравномерной изученности средневековых культур как в хронологическом, так и в территориальном масштабе. Наиболее исследованными оказались территории Восточной Европы, Южного Урала, Западной Сибири, Алтая, Приамурья и Приморья. Обозначилось значительное «отставание» в обработке, осмыслении и публикации материалов с археологических комплексов, сосредоточенных в степной и лесостепной зонах Предбайкалья, Забайкалья и Монголии.

Так, в Предбайкалье основной упор был сделан на исследования средневековых могильников и ритуальных комплексов, сосредоточенных в Приольхонье [Харинский, 2001, с.4]. Археологические объекты на территориях Южного Приангарья и верхней

Лены изучались поверхностно, либо не изучались вообще. В опубликованных монографических сводках по средневековым памятникам Предбайкалья [Асеев, 1980; Свинин, Зайцев, 1992; Дашибалов, 1995; Харинский, 2001а] материалы с Ангаро-Ленской области привлекались в качестве дополнительной аргументации к выводам, полученным на материалах западного побережья оз. Байкал. В результате образовался большой пробел в источниковедческой базе по средневековью юга Средней Сибири.

Восполнить этот пробел постарались археологи Иркутского областного краеведческого музея, организовав в 80-х гг. комплексную научно-исследовательскую экспедицию (КНИЭ ИОКМ), в составе которой в 1981–1982 и 1984–1985 гг. работал Ангарский археолого-этнографический отряд под руководством В.И.Смотровой (Бердниковой), а в 1988–1989 гг. — Унгинский археологический отряд под руководством О.Б.Варламова. В результате проведенных работ было найдено и раскопано большое количество средневековых археологических памятников, материалы с которых в полной мере так и не введены в научный оборот.

Изучение средневекового периода Южного Приангарья было продолжено Ангарским археологическим отрядом КНИЭ ИОКМ, а позже Ангарским археологическим отрядом Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области (ЦСН) под руководством автора настоящей работы. В течение четырнадцати лет (1990–2003 гг.) проводились широкомасштабные археологические исследования в долинах верхнего течения рек Ангары и Лены, на трех могильниках — Усть-Уда, Доглан и Озерок раскопано 44 погребальных и 3 ритуальных комплекса, обработаны коллекции предметов с 15 захоронений могильника Усть-Уда, разрушенных волно-прибойной деятельностью Братского водохранилища. Исследовано два одиночных захоронения Уда и Галки. Полученные материалы с названных памятников, а также архивные данные и коллекции предметов могильников Усть-Талькин, Шебуты-III и Сэгенутский, находящиеся на хранении в архиве Института археологии РАН (Москва), фондах Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск) и Иркутском областном краеведческом музее, составили источниковедческую основу настоящей монографии.

Всего в работе дается анализ 158 погребальных и 6 ритуальных комплексов, разрабатывается их хронология и периодизация. Полученные результаты исследований позволили в значительной мере пересмотреть многие аспекты средневековой истории кочевников Южного Приангарья и верхней Лены, по-новому взглянуть на процесс сложения современных сибирских этносов.

Что представляет собой эта территория? Почему именно здесь оказалось наибольшее количество средневековых захоронений первой половины II тыс. н.э.?

В системе физико-географического районирования Сибири Южное Приангарье (300 км участок долины р. Ангары от истока до устья р. Уды, включая междуречье Ангары и Лены) вместе с верховьями р. Лены (100 км участок долины от истока до с. Верхоленск) и Канско-Ачинской лесостепью составляет территорию юга Средней Сибири [Гвоздецкий, Михайлов, 1978, с.256–257; Воробьева, 1990, с.6]. Чаше данную территорию называют *Предбайкальем*, имея в виду районы Средней и отчасти Южной Сибири, которые предполагаются к западу от оз. Байкал [Белов и др., 2002, с.29].

Юг Средней Сибири включает в себя *присяяскую* ландшафтную провинцию и небольшую южную часть *приленской* провинции (рис. 1).

Присяянская провинция включает в себя районы Южного Приангарья, междуречья Ангары и Лены и Канско-Ачинскую лесостепь. Она расположена у подножия северного склона Восточного Саяна, в полосе Присяянского предгорного прогиба, на востоке соприкасается с южной частью *приленской провинции*, которая, в свою очередь, на востоке

ограничена Приморским хребтом. На западе присаянская ландшафтная провинция ограничена енисейским кряжем, на севере — приангарской провинцией [Гвоздецкий, Михайлов, 1978, с.257, 281].

Данная территория представляет собой волнистую равнину, расчлененную широкими, хорошо разработанными речными долинами, которая повышается в северо-восточном направлении (Лено-Ангарское плато, предгорья Приморского хребта). Отметки плоских междуречных пространств в западной половине Присаянья составляют 300–400 м, на востоке, в бассейне Ангары — 500–650 м, на Лено-Ангарском плато 600–1200 м [Плоскогорья и низменности..., 1971, с.28; Гвоздецкий, Михайлов, 1978, с.281; Воробьева, 1990, с.6].

Климат региона резко континентальный, что предопределяется положением региона в центре Азиатского материка, орографической изоляцией и большим влиянием Сибирского антициклона. Максимум атмосферных осадков (700–800 мм/год) приходится на горные системы Саян и Байкала. Наибольшее увлажнение испытывают вершины водоразделов (350–400 мм/год), минимальное — долины крупных рек (300–250 мм/год). Эта провинция самая теплая в Средней Сибири. Период с отрицательными среднемесячными температурами продолжается с октября по апрель. Средние температуры июля +14 — +17°C, января –20 — –25°C. Среднегодовые температуры близки к 0°C (Канск –0,6°, Иркутск –1,2°C), отепляющее влияние на прилегающие территории оказывают водные массы оз. Байкал [Борисов, 1975, с.215–219; Гвоздецкий, Михайлов, 1978, с.281–282; Воробьева, 1990, с.20–21; Белов и др., 2002, с.33].

Благодаря низкой испаряемости, даже при малом количестве осадков влаги достаточно для широкого развития таёжной растительности. Доминируют сосновые, сосново-лиственничные и берёзовые леса. Тёмнохвойная тайга тяготеет к горным склонам северной экспозиции, получающим наибольшее количество осадков. По долинам крупных рек и днищам краевых прогибов широко распространены лесостепные и степные массивы. Степи и лесостепи региона представлены сообществами заволожско-казахстанского и центрально-азиатского генезиса. В современной флоре прослеживается влияние как травянисто-злаковых, злаковых, луговых и сазовых степей Западной Сибири, так и сухих злаковых, тырсовых и вострещодовых степей Монголии [Номоконов, 1961, с.92–95; Пешкова, 1962; Белов и др., 2002, с.61–63].

Животный мир лесостепной и степной зоны юга Средней Сибири, практически, одинаков. Здесь водятся косули, зайцы, лисы, барсуки, длиннохвостые суслики, даурские хомячки, степные хорьки, сурки, различные виды полевых мышей [Ермолова, 1978, с.63–67; Белов и др., 2002, с.82–84].

Большинство известных в настоящее время археологических местонахождений приурочено к расширениям долины р. Ангары в местах впадения в нее ее крупных левых притоков (Иркута, Китоя, Белой, Унги) и более мелких правых притоков (Ушакówki, Куды, Иды, Осы, Уды), а также в остепненных участках долин рек Белой, Унги, Осы. Сходная ситуация наблюдается и на верхней Лене, где большинство археологических памятников приурочены к расширениям долины реки в месте впадения в нее ее крупных левых притоков (Манзурки, Куленги).

Своеобразное географическое положение, обширные пространства, свободные от леса, а также наличие водных источников обусловили относительно высокую насыщенность территории юга Средней Сибири археологическими объектами эпохи средневековья. Все это способствовало образованию здесь особой *историко-культурной области*, где в результате довольно тесного и длительного взаимодействия у населения сложились схожие культурные традиции. Древнее население Южного Приангарья в эпоху

средневековья составляло единое целое с населением, проживавшим в долине верхнего течения р. Лены. Доказательством этому служит наличие на этих территориях однотипных археологических объектов, что позволяет объединить эти две историко-культурные области в одну *Ангаро-Ленскую*. На востоке Ангаро-Ленская область граничила с *Байкальской историко-культурной областью*, имея с ней довольно тесные культурные связи [Харинский, 2001а, с.113–117; 2001б, с.3].

Различные типы ландшафтов юга Средней Сибири способствовали формированию у древнего населения этого края двух основных культурно-хозяйственных типов. Первый тип характеризуется преобладающей ролью охоты и рыболовства. Население, занимавшееся этим типом хозяйства, заселяло горно-таежные и таежные территории. В основе второго культурно-хозяйственного типа лежало скотоводство. Кочевники-скотоводы заселяли лесостепные и степные участки области. Погребальные и ритуальные комплексы, оставленные этим населением в XII–XIV вв., и являются объектом настоящего исследования.

Палеонтологическое определение костных животных из погребальных и ритуальных комплексов, раскопанных в 1999–2003 гг. выполнено палеонтологом А.В. Клементьевым (г.Улан-Удэ). Определение семян растений произведено мл. науч. сотрудником лаборатории палеоэкологии человека ИИАЭ ДВО РАН Е.А.Сергушевой (г.Владивосток). Радиоуглеродное датирование костных останков погребений выполнено под руководством к.г.-м.н. Л.А. Орловой (г.Новосибирск). Реставрация предметов из металла произведена художниками-реставраторами В.В. Малюшенко и М.С. Кустовым (г.Иркутск). Всем этим отзывчивым людям автор очень признателен.

Хотелось бы высказать слова благодарности своим наставникам в полевых археологических исследованиях научным сотрудникам ИОКМ О.Б. Варламову и А.И. Уварову; научным руководителям: к.и.н, доценту, зам. директора по науке ИОКМ В.В. Свинину и д.и.н., профессору ИрГТУ А.В. Харинскому, а также д.и.н., профессору О.В. Дьяковой, д.и.н., профессору Н.Н. Крадину, д.и.н., профессору ДВГУ Д.Л. Бродянскому, к.и.н., доценту УГПИ В.А. Лынше за помощь и советы при подготовке рукописи работы.

Я благодарен старшему преподавателю кафедры искусствоведения ИрГТУ О.В. Лось (Федоровой) и специалисту-археологу ЦСН А.В. Лунькову за оказанную помощь при подготовке части иллюстративного материала монографии.

Выражаю свою признательность И.А. Борисовой, Т.А. Клепиковой, М.С. Скобленкову, А.С. Куклину, А.В. Лунькову, М.С. Кустову, М.А. Рожкову, А.Ю. Исаеву, А.И. Емельянову, Е.Ю. Веселовскому — всем, принимавшим участие в полевых археологических исследованиях и последующей обработке материалов раскопок в камеральных и лабораторных условиях.

Большое спасибо жителям Усть-Удинского и Нукутского районов Иркутской области, пос. Усть-Уда — В.А. Толстоухову, Ю.К. Купрякову, В.Д. Купряковой, В.Г. Константинову и многим, многим другим за их чуткое отношение, постоянную помощь и поддержку в деле сохранения археологического наследия района.

Особые слова благодарности хочу высказать моей жене — Ларисе Владимировне Мельниковой за постоянную поддержку и участие во всех полевых и камеральных исследованиях, за помощь и советы при написании данной работы.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРЕДБАЙКАЛЬЯ

Началом для изучения археологических древностей Сибири явился знаменитый Указ Петра I о Кунсткамере от 13 февраля 1718 г. В нем говорилось: «Ежели кто найдет в земле, ли воде какие старые вещи, а именно: каменя необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи ... старые подписи на каменьях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно — такожь бы приносили, за что будет довольная дача...» [Цит. по: Формозов А.А., 1986, с.17]. Уже на следующий год после выхода Указа из Петербурга в Сибирь отправилась первая научная экспедиция, которую возглавил доктор Даниил Готлиб Мессершмидт из Данцига (Гданьска). В задачу экспедиции входило «приискывать ... могильных всяких древних вещей...» [Формозов, 1986, с.20]. Экспедиция проработала 7 лет. Важнейшим ее результатом стали исследования с применением научной методики курганов у Абаканска, открытие енисейской «рунической» письменности, посещение и описание Бирюсинской писаницы на Енисее [Формозов, 1986, с.23–26; Дэвлет, 1996, с.8; Белокобыльский, 1982, с.10].

С 1733 по 1743 г. в Сибири работала Вторая Камчатская экспедиция под руководством академика Герарда Фридриха Миллера. В состав экспедиции входили известнейшие ученые того времени: натуралист Иоганн Георг Гмелин, астроном Делиль де ла Кройер, художники И.Х. Беркан и И.В. Люрсениус и др. [Элерт, 1990, с.247]. Экспедицией проводился сбор исторических, этнографических и фольклорных данных о народах Сибири, а также осуществлялись отдельные раскопки древних могил в Забайкалье на реках Шилке и Уде. В своём труде «История Сибири» Г.Ф. Миллер впервые упоминает о писаных камнях по рекам Енисею, Ангаре и Лене. Не придавая особого значения этим объектам, ученый все же отметил их почитание местным населением и приказал художнику И.В. Люрсениусу произвести зарисовку отдельных плоскостей знаменитой, впоследствии Шишкинской писаницы на р. Лене [Миллер, 1937, с.535–536; Окладников, 1959, с.9–11].

Одним из основных результатов работы двух академических экспедиций, послуживших началом археологического изучения Сибири, были не только раскопки отдельных археологических объектов, а в первую очередь, выработка научной методики изучения конкретных групп памятников (курганов, писаниц и пр.). Эта методика была подробно изложена Г.Ф. Миллером в инструкции, составленной для адъютанта Фишера [Окладников, 1959, с.6; Белокобыльский, 1982, с.13].

С возникновением в 1851 г. Русского Императорского Географического общества (РГО) и его Восточносибирского отдела (ВСОРГО) изучение археологических древностей Восточной Сибири приобрело более планомерный характер. В середине XIX в. специально подготовленных исследователей, занимающихся проблемами археологии и этнографии, не было. Поэтому открытие и первое описание большинства археологических памятников принадлежит ученым, основной специализацией которых было естествознание.

С 1877 по 1882 г. действительный член ВСОРГО Николай Николаевич Агапитов и бурятский краевед Матвей Николаевич Хангалов совершают ряд поездок по Балаганским и Аларским степям, в Тункинскую долину с целью сбора гербария растений и материалов о черноземе. Попутно они осматривают разнообразие древности края. Собранная ими археологическая коллекция, а также чертежи пяти городищ на р. Унге, выполненные М.Н. Хангаловым, стали первыми сведениями об археологических памятниках этого района [Агапитов, 1882, с.8–12].

В 1880 г. Н.Н. Агапитов избирается правителем дел ВСОРГО, и с этого времени его интересы полностью перемещаются в область археологии и этнографии. В 1881 г. Н.Н. Агапитов совершает поездку в долину р. Куды и Приольхонье с целью проведения там археологических изысканий и сбора этнографических данных о шаманстве бурят. За время поездки, в которой принимал участие и М.Н. Хангалов, им было описано 9 городищ в долине р. Куды и одно на р. Унге; каменные стены, обнаруженные И.Д. Черским на мысах Шибэтэ и Хоргой; различные типы могил в виде каменных ящиков, «шатровых» и «плиточных»; петроглифы в бухтах Саган-Заба, Ая и Куртун, следы древних пашен, а также своеобразные «чашечные» камни-ступни и остатки жилищ на Хоргойском мысу (недалеко от городища Хоргой) в Приольхонском крае [Агапитов, 1882, с.1–23; 1882а, с.23–26; ИОКМ, № кол.174–176, 189].

Большую роль в развитии археологической науки в Восточной Сибири сыграл известный ученый-геолог Иван Деменьевич Черский. В 1879–1881 гг., занимаясь по поручению ВСОРГО детальным геологическим описанием Предбайкалья, он открывает ряд крепостей-городищ в Приольхонском крае и несколько писаниц в долине р. Унги в Южном Приангарье, на которых имелись изображения всадников и верблюдов. Древности края произвели на исследователя большое впечатление. В своих работах он дал их подробное описание, точную географическую привязку, указывая на неточность описания местонахождения двух городищ у Н.Н. Агапитова. И.Д. Черский подчеркнул немирный характер укреплений-городищ на Байкале. Он также сообщил, что буряты приписывают данные памятники монголам. Осмотрев писаницы в бухте Ая на Байкале, И.Д. Черский сравнил их с рисунками, видимыми им около Балаганской степной думы (Южное Приангарье), где, по его мнению, изображаются воинские подвиги [1891, с.19].

В 1882 г. по поручению ВСОРГО консерватором Иркутского краеведческого музея Николаем Ивановичем Витковским совершается длительная поездка по р. Ангаре (от истока до устья) с целью выявления новых памятников археологии. Во время разведки он собрал многочисленные фрагменты сосудов на выдувах в устье р. Унги, а также, отметил в своем дневнике находки крестьянами д. Верхне-Метляево на пашнях древних предметов из бронзы [Овчинников, 1912, с.351, 401].

В 1909–1910 гг. в фондохранилище Иркутского краеведческого музея поступили коллекции подъёмного археологического материала, собранные Михаилом Павловичем Овчинниковым во время своих кратковременных экскурсий по окрестностям г. Иркутска и долине р. Ангары. В состав коллекции входили разнообразные изделия каменного, бронзового и железного веков: удила, стремена, наконечники стрел, ножи, фрагменты

керамических сосудов и пр. [ИОКМ, № кол. 6538–56, 6560–61, 6604, 6622]. К сожалению, в настоящее время большая часть предметов утеряна в связи с неоднократными переездами фондов музея и неправильными условиями хранения.

Дальнейшие археологические исследования в Восточной Сибири тесно связаны с именем профессора Иркутского государственного университета Бенгарда Эдуардовича Петри. Он был первым исследователем в Предбайкалье, основной специальностью которого являлись археология и этнография. В 1912, 1913 и 1916 гг. Б.Э. Петри, будучи младшим научным сотрудником музея антропологии и этнографии, командировался Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Предбайкалье с целью сбора этнографических, антропологических и археологических материалов. Основными районами работ стали долины рек Куды и Лены, Приольхонье. На побережье оз. Байкал им открыты писаницы Орсо (1913 г.) и Сахюртэ (1916, 1921 гг.), в долине р. Куды на землях улуса Шохтой, в местности «Уту-Елга» совместно с учительницей О.А. Монастыревой проведены раскопки древних жилищ типа землянок, давших обильный и интересный материал по железному веку Предбайкалья. В состав полученной при раскопках жилищ коллекции археологического материала входили орудия из железа: ножи, шилья, удила, стремена, наконечники стрел, подкова, коса-горбуша; пряжка. Помимо предметов из железа, было найдено также большое количество фрагментов керамических сосудов баночной формы с плоским дном, украшенных по тулову налепными валиками расщепленными овальными вдавлениями; с поясками пальцевых защипов; прочерченным дугообразным орнаментом; пряслица и обломки жернова [Петри, 1914, с.104–105; 1922, с.23–32; 1923, с.21–39; Дашибалов, 1994].

Полученные в результате раскопок материалы позволили ученому создать первую периодизацию железного века Восточной Сибири. Б.Э. Петри разделил весь железный век Предбайкалья на три эпохи.

1. «Переходная (смешанная) эпоха». В эту эпоху вместе с бронзой употребляется железо. Б.Э. Петри отметил, что погребений данного времени на территории Прибайкалья ещё не найдено и сделал предположение о существовании неолитических культур Восточной Сибири вплоть до железного века [1928, с.54].

2. «Ранняя железная эпоха». В этот период территорию Предбайкалья заселяли тюркоязычные племена «курумчинских кузнецов». Остатки их культуры в виде многочисленных поселений наблюдаются по р. Ангаре — «от верховьев до Балаганска, на верхней Лене, в Ольхонском крае...» [1928, с.58]. Исследователь сравнил материальную культуру курумчинцев с якутской и, найдя много общего, сделал предположение о возможной миграции части курумчинцев на север, в Якутию, после вытеснения последних монгольскими племенами [1928, с.62–64].

3. «Поздняя железная эпоха» (XII–XVI вв.). Для этого периода характерны своеобразные предметы из железа: плоские наконечники стрел, ножи, котлы, стремена, разнообразная бляшка — украшения конской сбруи. «Все эти предметы, имеющие определенно этнографический характер, и относятся к недалекому прошлому современных насельников Сибири ...» [Петри, 1928, с.14]. К остаткам культуры позднего железного века Б.Э. Петри отнес и большинство писаниц Предбайкалья, а также часть укрепленных-городищ и погребений [1922, с.27–29; 1928, с.63–64]. В этот период, по мнению исследователя, на территории Предбайкалья проживало «несколько народов турско-монгольской ветви...» [1928, с.65].

В 1918 г. с началом гражданской войны Б.Э. Петри оказался отрезанным от Петрограда. Осенью 1918 г. в г. Иркутске открывается университет, и Б.Э. Петри становится его доцентом, а позднее профессором и навсегда связывает свою жизнь с Сибирью.

Под его руководством 30 марта 1919 г. при университете организовывается кружок народоведения, первым председателем которого становится студент Е.И. Титов. Кружок стал настоящей школой для молодых начинающих археологов впоследствии известнейших ученых археологов, этнографов и антропологов Е.И. Титова, О.И. Толстихиной, П.П. Хороших, Г.Ф. Дебеца, А.П. Окладникова, М.М. Герасимова, А.В. Попова, В.И. Подгорбунского, Г.П. Сосновского.

В 1920–1921 гг. в Южном Приангарье проводит археологические изыскания экспедиция под руководством Георгия Петровича Сосновского, организованная Иркутским краеведческим музеем. В ее состав входили сотрудники музея Г.А. Земляницкий и П.П. Хороших. Общее научное руководство осуществлял профессор Б.Э. Петри. В задачи экспедиции входили: разведка от пос. Балаганск до с. Распутина; проверка сведений о палеолите в «Балаганских песках»; ознакомление с характером дюнных стоянок; поиск погребений бронзового века — курганов [Сосновский, 1923, с.121–139].

Экспедицией открыт ряд стоянок, на которых проведен сбор подъемного материала. Следов палеолита, как и погребений бронзового века, найдено не было. Указывая на отсутствие погребальных комплексов бронзового века в пределах Балаганских степей, Г.П. Сосновский ещё раз отметил концентрацию находимых изделий из бронзы близ д. Верхне-Метляево. Анализируя предметы из коллекции, приобретённой ВСОРГО в 1890 г. у крестьян д. Верхне-Метляево [ИОКМ, № кол. 1308], он подчеркнул их сходство с подобными изделиями Минусинской котловины [1926, с.145–149].

Недалеко от устья р. Унги экспедицией обнаружены остатки двух разрушенных погребений железного века. Еще одно полуразрушенное погребение этого времени было найдено ниже Балаганска, в 10–12 км к северо-западу [Сосновский, 1923, с.126–127].

Анализируя полученные материалы, Г.П. Сосновский вслед за Б.Э. Петри расчленил находки железного века на две культурно-хронологические группы. К первой группе он отнес керамику «... с накладным лепным орнаментом, рубчатый и простой валик с вдавлениями в виде подковок, со шатмпом-гребенкой», а также «...половину пряслица из каменного угля, железные ассиметричные удила, узкие длинные ножи...». По мнению исследователя, это «чистая» культура железного века, охарактеризованная Б.Э. Петри как курумчинская. Ко второй группе Г.П. Сосновский отнес железные «наконечники стрел ромбической формы, некоторые украшения и шаманские принадлежности...» [1923, с.128].

В 20-х — 30-х гг. XX в. по поручению ВСОРГО и Иркутского краеведческого музея археологические и этнографические исследования в Приольхонье и в долине р. Куды проводит Павел Павлович Хороших. В Приольхонье П.П. Хороших осмотрел уже известные могильники, писаницы и городища, а также произвел раскопки трех погребений на юго-западном склоне горы Имел-Кутул [1924, с.41]. В долине р. Куды им открыт ряд разновременных стоянок, городищ и писаниц [1929; 1930].

В 1927–1928 гг., по поручению ВСОРГО геологом Георгием Михайловичем Константиновым был проведен ряд археологических разведок по р. Ангаре. В результате этого получен ряд интересных данных по эпохам неолита и бронзового века Приангарья. Недалеко от д. Верхне-Метляево исследователем найдено несколько бронзовых бляшек с изображениями животных, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле, открыт ряд новых археологических памятников [1928, с.141–146; 1928а, с.82–84]. В с. Коновалово ему передали древний ручной бурятский жернов, найденный крестьянином при раскопках ямы, которая была заполнена шлаком, углями, обломками железных орудий [1928, с.142].

С 1934 по 1946 г. Алексеем Павловичем Окладниковым (возглавлявшим Ангарскую, а затем и Ленскую археологические экспедиции, а с 1947 по 1950 г. — Бурят-Монгольскую археологическую экспедицию) проводятся широкомасштабные исследования различных археологических памятников с целью выяснения этногенеза прибайкальских народов и создания археологической периодизации Восточной Сибири. Большое внимание уделяется изучению Шишкинских писаниц на р. Лене, раскопкам погребальных комплексов неолита, бронзы и раннего железа.

В 1947 г. свои исследования возобновляет П.П. Хороших. Им производится разведка на северо-западном побережье оз. Байкал от истока р. Ангары до о-ва Ольхон. В результате был открыт ряд новых памятников, собраны археологические и этнографические данные по пещерам Байкала, произведено их описание, классификация найденного предметного комплекса, определена этнокультурная принадлежность полученных археологических материалов [1948, с.50–58; 1949, с.128–135; 1950; 1952; 1955, с.110–112; 1955а; 1955б].

В связи с планом строительства каскада гидроэлектростанций на р. Ангаре и затопления значительных участков суши в 1951–1955 гг. Ангарской археологической экспедицией АН СССР под общим руководством А.П. Окладникова проведены раскопки памятников, расположенных в зоне затопления Иркутской ГЭС между Иркутском и оз. Байкал. В работах принимали участие Евгения Федоровна Седякина, Нина Николаевна Забелина. Под их непосредственным руководством раскапывались многослойные поселения на островах Сосновый, Лесной, Варакин, Кочерга и др., давшие наиболее яркий и богатый материал по культурам бронзового века — средневековья Южного Приангарья.

Остатки культуры людей железного века, обнаруженной на этих поселениях, А.П. Окладников разделил на две группы. В первую, более позднюю, входили обломки сосудов курумчинской культуры. Во вторую — фрагменты сосудов более изящных форм с декоративно-стилизированным растительным узором. Кроме сосудов с таким необычным орнаментом, найдены остатки плавильных горнов, шлаки, глиняные трубки-сопла. Среди зафиксированных в этом слое металлических изделий наиболее интересными находками являются ножи, напоминающие по своей форме ножи бронзового века, остроги с втулкой, литые чугунные топоры-кельты. В этом слое найдены также китайские монеты эпохи Ван Мана, датируемые I в.н.э. По монетам и своеобразной керамике данный слой стоянок датировался ранним железным веком [Окладников, 1958, с.17–28].

В 1947 г. Аларским отрядом Бурят-Монгольской экспедиции под руководством Эрдэмто Ринчиновича Рыгдылона проведено исследование городищ правобережья Ангары и ее левого притока р. Унги. В результате выявлено 15 городищ и собраны сведения еще о 14 подобных памятниках. На отдельных объектах проводились зачистки валов и рвов, а на городищах Хашхай I и II заложены шурфы, однако, никаких находок, кроме следов наличия культурного слоя, зафиксировано не было. Э.Р. Рыгдылон определил назначение городищ как временных стойбищ-убежищ и датировал их VI–X вв. н. э. по отдельным находкам керамики курьканского типа, полученным в результате подъемных сборов и зачисток [1955, с.187, 189].

В 1952 г. производятся раскопки плиточных могил и расположенного рядом с ними городища Манхай в долине р. Куды. В результате получены дополнительные материалы по раннему железному веку и средневековью Восточной Сибири. При раскопках вала городища Манхай найдены плитки песчаника с резными изображениями животных, всадников и пр., отнесенными А.П. Окладниковым к курумчинской культуре

Прибайкалья [1961, с.167–173]. В этом же году В.В. Свиным и П.П. Хороших в долине р. Куды открыты новые петроглифы курыканского времени [1971, с.144–148].

В 1955 г. Ангарской археологической экспедицией начаты раскопки археологических памятников в зоне затопления Братской ГЭС, на участке между устьями рек Китой и Белая и устьем р. Оки до г. Братска.

В 1955–1956 гг. основные работы велись вблизи Братска, где Первым Балаганским отрядом под руководством Е.Ф. Седякиной исследовалось многослойное поселение «Братский Камень». В верхнем слое этого поселения зафиксированы остатки культуры раннего железного века, выделенной А.П. Окладниковым на материалах поселений островов Лесного, Соснового и Варакина [1957; 1958, с.21; 1971, с.9–10].

В 1955 г. по поручению Усть-Ордынского краеведческого музея Владимиром Вячеславовичем Свиным и Прокопием Батюровичем Коноваловым скопированы петроглифы Булук и Улан-Хада в долине р. Манзурки (левый приток р. Лены). Все рисунки выполнены резными линиями. Из наиболее интересных изображений следует отметить фигуры оленей-маралов и жилищ. Датировка петроглифов — VI–X вв. [1958, с.54].

В 1957–1959 гг. Ангарская археологическая экспедиция продолжила раскопки памятников в зоне затопления Братской ГЭС. Местом проведения спасательных работ стала степная зона Южного Приангарья, участок слияния р. Унги с р. Ангарой. Здесь исследованы интересные средневековые памятники: Унгинское поселение и городище Улан-Бор, поселение и могильник Усть-Талькин. Работы велись Первым и Вторым Балаганскими отрядами под руководством Е.Ф. Седякиной и Н.Н. Забелиной [Окладников, Забелина, 1958; 1959; Окладников, Седякина, 1958; Седякина, Окладников, 1959; Окладников, 1971, с.11–20].

Раскопки городища Улан-Бор и Унгинского поселения принесли очень интересные результаты. На обоих объектах, помимо керамики, соотносимой исследователями с культурой курыкан, были зафиксированы бытовые комплексы различного назначения. В первую очередь это касается хозяйственных ям, дно которых было выстлано берестой, а сами они заполнены костями диких и домашних животных, фрагментами глиняных сосудов. Ямы были вытянуты в линию вдоль края террасы, на которой располагалось городище [Окладников, 1971, с.15].

Интересны оборонительные сооружения унгинских городищ. Так, городище Улан-Бор представляло собой небольшую по размерам площадку, ограниченную со стороны р. Унги крутым склоном. С остальных трех сторон площадка была огорожена тремя мощными валами и рвами. К ним примыкало снаружи обширное ровное пространство, также огороженное валом и рвом. На этой части городища обнаружены следы деревянных сооружений в виде частокола, а также очаги [Окладников, 1963; 1971, с.16].

Раскопанные поселения, по мнению исследователей, принадлежали полуоседлому населению. Культурный слой их достаточно мощный и обильно насыщен бытовыми остатками. В некоторых случаях удалось реконструировать облик жилищ. Это землянки округлой формы, стены и пол которых выложены берестой, а крыши перекрывались лиственничной корой. Подобные землянки раскопаны на поселении Усть-Талькин. При раскопках поселений обнаружены и наземные жилища. Они сооружались из вертикально поставленных жердей, обмазанных сверху глиной с примесью соломы. Остатки таких жилищ зафиксированы при исследованиях Унгинского поселения [Седякина, 1965; Окладников, 1971, с.15–16]. Раскопанные на Ангаре поселения датированы А.П. Окладниковым IX–X вв. и принадлежали, по мнению большинства исследователей, курыканам [Окладников, 1961; 1963, с.280; 1971, с.15; Седякина, 1964; Асеев, 1980, с.94–97; Дашибалов, 1995, с.25–39].

В 1957 и 1959 гг. Е.Ф. Седякиной производятся раскопки могильника Усть-Талькин. Всего было исследовано 79 погребений, 53 из которых принадлежали людям, остальные — животным (лошадям и коровам). Погребения имели плоские овальные и кольцевые надмогильные сооружения из плит красноцветного песчаника. Захоронения людей производились в листовенничных колодах, животные располагались в отдельных могильных ямах. Отмечено и совместное захоронение женщины и коровы. В состав сопроводительного инвентаря входили предметы из железа: удила, стремяна, наконечники стрел, ножи, кресала, разнообразные бляшки — украшения узды, сосуды из бересты и кожи, роговые накладки луков. В двух погребениях найдены курительные трубки-ганзы, что позволило А.П. Окладникову датировать могильник XVI — началом XVII в. [1958, с.25; 1971, с.20]. Автор раскопок, Е.Ф. Седякина, предложила другую датировку памятника — XII–XIV вв. [1965, с.202].

Результатом более чем 30 летних полевых археологических исследований стал выход нескольких монографий А.П. Окладникова, в которых автор попытался обобщить все полученные материалы по древним культурам народов Восточной Сибири [1937; 1948; 1955; 1958; 1959; 1959а].

Схема А.П. Окладникова, касающаяся средневековой истории Предбайкалья, выглядит следующим образом.

1. В III–II вв. до н.э. на территорию Предбайкалья в результате давления хуннов проникают племена культуры плиточных могил Забайкалья и Монголии. Они заселяют степные территории, вытесняя на север, в таежную зону местных аборигенов бронзового века [1955, с. 195–196].

2. В VI–X вв. в Предбайкалье проживали тюркоязычные племена гулигань-курыканов. Им принадлежат абсолютное большинство средневековых памятников на данной территории (погребений, стоянок, городищ, писаниц), в том числе и раскопанные Б.Э. Петри поселения Шохтой и Тотхон в Кудинской долине. В начале II тыс. н.э. племена курыканов были вытеснены монголоязычными племенами протобурят в долину средней Лены, где они, смешавшись и ассимилировав местные племена, составили ядро будущего якутского народа [1955, с. 295–320; 1959, с.110–155; 193–194].

3. В XI–XII вв. на территорию Предбайкалья проникают монголоязычные кочевники-скотоводы. Свидетельством этому является раскопанный в 1929 г. Сэгэнутский могильник, в устье р. Манзурки (Верхняя Лена). Могильник состоял из шести детских захоронений, одного погребения женщины и одного погребения лошади [1955, с.321–322; 1958а]. По мнению А.П. Окладникова, XI–XII вв. датируется и ряд писаниц по р. Лене, на которых основными сюжетами являются сцены перекочевков, стилизованные антропоморфные ряды, сцены охоты всадников на животных, жилища в виде юрт [1959, с.156–176].

Данная периодизация средневековья Предбайкалья, за небольшим уточнением времени существования курумчинской культуры, стала господствующей в научной среде до конца XX в. [Седякина, 1964, с. 427–438; Свинин, 1971, с.61–77; 1976, с.167–179; Свинин, Зайцев, 1992; Асеев, 1979, с.93–104; 1980, с.127–136; 1989, с.52–54; Зайцев, 1989; Коновалов, 1989, с.5–20; 1999, с.132–137].

В своих этнокультурных построениях А.П. Окладников повторил предыдущих исследователей. Об исходе гулигань-курыканов на среднюю Лену под давлением монголоязычных племен, как и о связи курумчинской культуры с якутами, неоднократно писали В.В. Радлов, Б.Э. Петри, Н.Н. Козьмин, Г.В. Ксенофонтов [Петри, 1922; 1923; 1928; Козьмин, 1925; 1928; Ксенофонтов, 1993, с.125–126; 1993а, с.110–114]. Основная заслуга ученого состоит в обобщении всех предшествующих теорий и непосредственной

их связи с конкретным археологическим, этнографическим, фольклорным материалом и письменными китайскими и арабскими источниками середины I — начала II тыс. н.э.

После публикации А.П. Окладниковым части археологических материалов поселений, могильников и писаниц возникли разногласия по вопросам их периодизации. С датировкой Унгинского поселения не согласился Л.Р. Кызласов, справедливо отмечая, что большинство датирующих предметов (костяная накладка на лук, большие подпружные пряжки из рога, костяная обкладка колчана) относятся к XIII–XIV вв. [1969, с.204]. Его мнение подтверждается химическим анализом стекла из слоя Унгинского поселения, который показал его близость к стеклам Бухарского (X–XI вв.) и Кеваткелинского (XII–XIV вв.) оазисов [Абдуразаков, 1987, с.31].

Датировка поселения Усть-Талькин определялась А.П. Окладниковым и Е.Ф. Седякиной II–V вв. и VI–XI вв. н.э. [Окладников, 1957, с.5, 6]. С этой датировкой не согласился Б.Б. Дашибалов. Он отметил отсутствие в раскопанных жилищах датирующих предметов, кроме плитки песчаника с резным изображением лошади, везущей кибитку. Б.Б. Дашибалов привел в качестве аргументации мнение самого А.П. Окладникова о появлении данных сюжетов не ранее XI в., и предложил датировать данное поселение первой половиной II тыс. н.э. [1995, с.39].

А.А. Формозов не согласился с датировкой части изображений Шишкинской писаницы [1967, с.68–69; 1969, с.101–102], в чем его поддержали другие исследователи наскального искусства древних племен Евразии [Чернецов, 1969, с. 107; Саватеев, 1969, с.87].

В связи с проектируемым подъемом воды на оз. Байкал, из-за усиления мощностей Иркутской ГЭС в 1959 г. Ленинградским отделением АН СССР была организована археологическая экспедиция под руководством профессора Михаила Петровича Грязнова. В зоне предполагаемого затопления по побережью озера были проведены широкомасштабные раскопки археологических памятников, в том числе и многочисленных средневековых захоронений и ритуально-поминальных комплексов железного века. Наиболее интересные находки сделаны на ритуальных комплексах Нурэ и Куркут, могильниках Харансин I и II [Мандельштам, 1974, с.150–155; Максименков, Сорокин, 1992, с.59–64; Горбунова, Пшеницына, 1992, с.65–69; Качалова, Мандельштам, 1992, с.73–77; Качалова, Черников, 1992, с.77–83].

В середине 70-х гг. XX в. изучение археологических памятников железного века Предбайкалья продолжается экспедицией Института истории, филологии и философии СО АН СССР под общим научным руководством А.П. Окладникова. Прибайкальским отрядом, возглавляемым Иваном Васильевичем Асеевым, раскапывается ряд средневековых памятников в Приольхонье, на о-ве Ольхон, в долине р. Куды. Итогом работ стал выход нескольких статей и монографии И.В. Асеева, посвященных публикации результатов исследований. Анализируя обряд и сопроводительный инвентарь погребальных комплексов Приольхонья, ученый пришел к выводу об их одновременности. Им выделено четыре хронологические группы погребений: первая — III в. до н.э. — I в. н.э., вторая — VI–X вв. н.э., третья — X–XI вв. н.э., четвертая — XII–XIV вв. н.э. И.В. Асеев провел частичный анализ материалов, полученных в результате раскопок городища Манхай и поселений на островах Лесной и Сосновый в 1951–1955 гг. [Асеев, 1979; 1980, с.85–126]. В своих этнокультурных построениях по средневековой истории Предбайкалья И.В. Асеев следует за А.П. Окладниковым, полностью разделяя его точку зрения [Асеев, 1980, с.139–143].

В конце 60-х — начале 70-х гг. выходят три монографии А.П. Окладникова, посвященные петроглифам Байкала, Ангары и верхней Лены [1966; 1974; 1977]. Публикация

большого количества новых наскальных изображений существенно дополнила историко-этнографическую базу по средневековым памятникам Прибайкалья, подвела итог многолетним исследованиям петроглифов Восточной Сибири. Однако периодизация и этнокультурная интерпретация наскальных изображений Прибайкалья осталась прежней, и замечания, высказанные А.А. Формозовым по поводу слабой аргументации изображений эпох палеолита, неолита, бронзы и раннего железного века, не были учтены А.П. Окладниковым при анализе и выделении хронологических групп рисунков, сохранив тем самым свою актуальность.

В 1969, 1973, 1977–1983 гг. работы по изучению средневековых археологических памятников Приольхонья и о-ва Ольхон проводятся под руководством доцента Иркутского университета Владимира Вячеславовича Свинина. За этот период отрядом изучено 15 погребений, 36 шатровых сооружений и 42 других ритуальных комплекса. На основе полученных материалов Михаилом Александровичем Зайцевым защищена кандидатская диссертация, в которой автор проанализировал ритуальные и погребальные памятники курумчинской культуры Приольхонья, дал характеристику шатровым сооружениям как ритуальным комплексам, связав их с захоронениями последа. Хронология памятников курумчинской культуры в Приольхонье определяется М.А. Зайцевым IX–XI вв. [Зайцев, 1989, с.15].

Столь узкая датировка курумчинской культуры вызвала справедливую критику со стороны других исследователей [Коновалов, 1989, с.7; Дашибалов, 1992, с.77–78]. После чего исследователь отодвинул нижнюю границу существования отдельных типов памятников курумчинской культуры до VIII в. н.э. [Зайцев, 1992, с.58–59].

В 1992 г. выходит монография В.В. Свинина и М.А. Зайцева, в которой публикуются полученные в результате многолетних исследований материалы по погребальным и ритуальным комплексам Приольхонья. Все погребальные и ритуальные комплексы авторы делят на две группы. Первую группу составили памятники собственно курумчинской культуры. В нее вошли два захоронения Хужири III, комплекс 5 и Куркут I, комплекс 106. Время их сооружения, как и всей курумчинской культуры, определяется VIII–X вв. [1992, с.121]. Вторую группу составили погребения и ритуальные комплексы «курумчинской культуры с раннемонгольским влиянием», раскопанные на памятниках Харанса I и Харанса II. По мнению исследователей, плоские надмогильные кладки, берестяные пакеты, в которых находились захоронения, кость барана, ориентировка на СВ сближают данные погребения с раннемонгольскими и позволяют их датировать X–XI вв. [1992, с.121–122].

В.В. Свинин и М.А. Зайцев попытались разделить термины курумчинская и курыканская культура, справедливо отметив, что в 70–80-х гг. XX в. произошла подмена понятий и курумчинская культура стала ассоциироваться с гулиганами (курыканами), которые упоминаются в китайских летописях только в VI — VII вв. [Свинин, Зайцев, 1992, с.139]. Авторы высказали мнение, что прямое сопоставление памятников курумчинской культуры Приольхонья и курыкан проблематично, так как точной географической привязки курыкан к территории Приольхонья по письменным источникам не наблюдается [1992, с.139].

В 1984–1989 гг. в составе Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета (КАЭ ИГУ) проводил исследования отряд под руководством Валентины Васильевны Павлуцкой (Яковлевой). В Приольхонье отрядом проведено исследование 56 средневековых погребальных комплексов, материалы которого легли в основу кандидатской диссертации, защищенной В.В. Павлуцкой в 1990 г.

В своей диссертации В.В. Павлуцкая обобщила все накопленные к этому времени материалы по погребальным комплексам II тыс. н.э. на территории Приольхонья. Исследователь разделила их на три одновременные хронологические группы.

Первую группу составили захоронения в берестяных пакетах (16), домовинах (7), без внутримогильных конструкций (7). Труположение погребенных вытянутое на спине с руками вдоль туловища, головой ориентированы на СВ, В. Сопроводительный инвентарь представлен костяными и железными наконечниками стрел, накладками сложносоставного лука, остатками берестяных колчанов, втульчатыми ножами, кресалами, бронзовыми серьгами, зеркалом, керамическими сосудами. Датировка этой группы — XI–XV вв. [1990, с.12].

Вторую группу составили четыре грунтовых погребения и одно в расщелине скал. Труположение всех погребенных вытянутое на спине, головой ориентированы на СВ, В. В состав сопроводительного инвентаря входили наконечники стрел, остатки седел, бронзовые пуговицы, керамические сосуды и пр. Датировка этих захоронений — XV — первая половина XVII в. [1990, с.13].

Для третьей выделенной группы погребений характерно, по мнению автора, преобладание погребений в «расщелинах скал». Сопроводительный инвентарь близок к такому второй группы и представлен бронзовыми и оловянными пуговицами, железными наконечниками стрел и пр. Третья группа погребений датируется XVII–XIX вв. [1990, с.12–13; 1996, с.82].

Подводя итоги работы, В.В. Павлуцкая приходит к заключению о проникновении монгольских племен в Приольхонье уже в IX — X вв. На это указывает появление захоронений в берестяных пакетах, являющихся, по мнению исследователя, одной из характерных черт погребального обряда монгольских племен. Данный обряд захоронения становится господствующим в XI–XV вв. и вытесняется с середины II тыс. обрядом погребения в домовинах и расщелинах скал. Сопроводительный инвентарь в IX–X вв. носит следы тюркского влияния, а с XI в. практически полностью замещается монгольскими типами. Это касается, в первую очередь, предметов вооружения — луков и наконечников стрел [1990, с.13–14].

В 80-х — 90-х гг. XX в. эпизодические исследования средневековых археологических памятников Приольхонья проводятся Маломорским отрядом КАЭ ИГУ под руководством Ольги Ивановны Горюновой. Полученные материалы нашли отражение в ряде публикаций отдельных ритуальных комплексов и погребений [Бердникова, Яковлева, Горюнова, 1989; Горюнова, Павлуцкая, 1992; Номоконова, Горюнова, 2002].

С 1984 г. в Приольхонье начинает работы Байкальский археологический отряд Бурятского научного центра СО РАН под руководством Баира Бальжинимаевича Дашибалова. Итоги работ этого отряда по изучению средневековых памятников побережья оз. Байкал представлены Б.Б. Дашибаловым в ряде статей и вышедшей в 1995 г. монографии [1992; 1993; 1990; 1995]. Практически все средневековые памятники, найденные в Восточной Сибири, автор объединил в рамках единой курумчинской культуры, разделив ее на четыре одновременных хронологических этапа.

1. Куркутский. К нему отнесены погребения могильников Черенхын-I — 19 могил; Черенхын-II — 2 могилы; Баянгол — 9 могил; куркутский комплекс II — 1 могила. Всего 33 захоронения [1995, с.110]. Датировка этого периода — V–VIII и V–VII вв. н.э. [1990; 1995, с.110]. Данный этап характеризуется погребениями под плоской каменной кладкой овальной формы либо грунтовыми. Труположение скорченное на правом боку, головой на СВ. Захоронения производились в простой могильной яме, в каменном ящике, в колоде. Сопроводительный инвентарь представлен трехлопастными наконечника-

ми стрел, костяной подпружной пряжкой, блоками для чумбура, поясными фигурными бляшками, кельтами, сосудами баночной формы, украшенными прочерченным дугообразным орнаментом, накладными рассеченными овальными вдавлениями валиками [1995, с.112–113].

2. Бодонский. К нему отнесены погребения могильников Бодон I — 10 могил; Баянгол — 3 могил; Черенхын I, № 34; Куркут-I, № 106; Иркутское погребение. Всего 16 захоронений. К этому этапу относится и большая часть ритуальных «шатровых» комплексов. Датировка этого периода — VIII–X вв. н.э. [1995, с.116]. Данный этап характеризуется погребениями под плоской овальной каменной кладкой на грунте с деревянной крышеобразной конструкцией. Сопроводительный инвентарь представлен трехлопастными ромбовидными наконечниками стрел, стременами 8-образной формы, теслами, шильями, остатками седел, сосудами баночной формы с разнообразным резным орнаментом и налепными, рассеченными овальными вдавлениями, валиками [1995, с.116–117].

3. Харанцинский. К нему отнесены погребения могильников Харанса I — 11 могил; Харанса II — 3 могилы; Будун III — 5 могил; Куркутский комплекс II, 18. Всего 25 захоронений. Датировка этого периода — XI–XII вв. н.э. [1995, с.118]. Данный этап характеризуется погребениями под плоскими овальными кладками в берестяных пакетах, трупоположение вытянутое на спине и на правом боку [1995, с.118–119].

4. Телятниковский. К нему отнесены материалы поселений Шохтой и Унгинское, могильники Телятниково и Тапхар VI (кроме погребения № 19). Всего 36 захоронений. Датировка этого периода XIII–XIV вв. [1995, с.120]. Данный этап характеризуется погребениями в грунтовых могильниках и под каменными курганами. Внутримогильные конструкции представлены колодами, дощатыми ящиками-гробами. Трупоположение погребенных — горизонтально-вытянутое на спине, головой на С и СВ. Отдельные могилы сопровождалась жертвенными животными (баранами). Сопроводительный инвентарь представлен плоскими наконечниками стрел, серединными накладками сложносоставных луков, арочными стременами, ножницами, S-образными серьгами [1995, с.199–121].

Таким образом, основными критериями объединения всех выделенных периодов в рамках единой курумчинской культуры, по мнению ученого, послужило наличие на всех типах археологических памятников сходных по форме и орнаментике керамических сосудов [1995, с.172–177].

Такой подход вызвал справедливую критику А.В. Харинского, который отметил неправомерность объединения всей найденной в Предбайкалье плоскодонной керамики в рамках единой культуры. А.В. Харинский высказал мнение о недостаточности аргументов для объединения в единую археологическую культуру могил, в которых погребенный находится вытянуто на спине, с захоронениями, где погребенный лежит на правом боку с подогнутыми ногами [1993, 87–88].

В середине 80-х гг. к изучению археологических памятников Приольхонья приступил Артур Викторович Харинский. Отрядом, организованным лабораторией археологии ИГУ, под его руководством обследовано южное, западное и северо-восточное побережья оз. Байкал, долина верхней Ангары, бассейны рек Куды и Иды, южная часть Ангарской долины, Тункинская долина и северный берег оз. Хубсугул. Раскопки проведены на 4 городищах, 1 поселении, 16 стоянках, 4 хозяйственных комплексах, 2 металлургических центрах, 30 погребальных комплексах, 9 городищах-святилищах, 1 пещере-святилище, 20 поминальниках [2001б, с.9]. Результаты работ опубликованы в ряде статей и двух монографиях, в которых А.В. Харинский предложил свою периодизацию и генезис развития погребальных культур Предбайкалья в I — II тыс. н.э. [2001; 2001а].

Исследователь выделил три этапа развития средневековых культур, для которых присущи пять типов погребений.

1 этап — Елгинский (II в. до н.э. — VIII в. н.э.). Елгинцы хоронили умерших на боку с подогнутыми ногами, головой на ЮВ. Над погребениями сооружались плоские овальные, подпрямоугольные кладки. Имелись захоронения без кладок (ангарская группа). В состав инвентаря погребений входят изделия из бронзы хуннской культурной традиции: четырехугольные поясные ажурные бляхи, ложечковидные застёжки ремня; изделия из железа — полусферические пуговицы, кольца и пряжки конской сбруи, бабочковидные бляшки, браслеты, ножи с кольцевым навершием, трехлопастные наконечники стрел; из рога — накладки сложносоставных луков, приборы для добывания огня; керамические сосуды, имеющие плоское дно или поддон, украшенные налепными горизонтальными и вертикальными валиками и круглыми вдавлениями [2001б, с. 33]. С V в. н.э. на смену погребениям елгинского типа приходят захоронения черенхынского типа [2001б, с. 42].

2 этап (VIII–XII вв.). На этом этапе происходит формирование на территории Предбайкалья двух культурно-исторических областей — *Ангаро-Ленской* и *Байкальской*. В Ангаро-Ленской области выделяется *курумчинский этап*, характеризующийся погребениями по обряду кремации долоновского типа; в Байкальской области — *харанцинский*, характеризующийся погребениями по обряду трупопомещения в берестяных пакетах куркутского и харанцинского типа. Происходят изменения в предметном комплексе. Появляются железные кресала, новые виды украшений. Фиксируются новые керамические орнаменты: ногтевые вдавления, пальцевые защипы, круглые позитивные вдавления — «жемчужины» [2001б, с.39].

3 этап (XII–XVII вв.). На этом этапе происходит окончательное обособление Ангаро-Ленской и Байкальской культурно-исторических областей. Для Ангаро-Ленской области наступает *усть-талькинский этап*, характеризующийся погребениями в грунтовых ямах, в колодах, ящиках-гробах с обязательным сопровождением животного. На территории Байкальской культурно-исторической области наступает *ангинский этап*, для которого характерны погребения в колодах ангинского типа. Погребальный инвентарь представлен плоскими наконечниками стрел, сложносоставными луками, остатками берестяных колчанов, зеркалами, пряжками, стремянами арочного типа и пр. На этом этапе, по мнению А.В. Харинского, наблюдается две волны миграции, связанные с появлениями в Предбайкалье погребений сарминского и унгинского типов [2001б, с.43].

В результате последних исследований А.В. Харинского принципы выделения, хронология и само содержание курумчинской археологической культуры подверглись существенной корректировке. Исследователь достаточно аргументировано обозначил противоречия, которые наблюдаются в предложенных Б.Б. Дашибаловым принципах выделения данной культуры, хронологии и периодизации «курумчинских» памятников [1993, с.87–88; 2001, с.35–39]. А.В. Харинский указал на неправомерность объединения в рамках единой культуры групп захоронений с трупоположением на спине и на боку с подогнутыми ногами, справедливо считая, что разные способы захоронения являются свидетельствами не только хронологического, но и культуроопределяющего порядка для двух разных этапов средневековой истории Приольхонья. Исследователь предложил вернуться к понятию, предложенному в начале XX в. Б.Э. Петри — «курумчинский этап или эпоха», [1993, с.88; 2001, с.37; 2001а, с.44]. На основе анализа письменных источников, касающихся средневековой истории Предбайкалья, А.В. Харинский пришел к выводу о несостоятельности объединения гулигань-курукканов с памятниками курумчинской культуры, поскольку территория проживания курыккан ограничивается

Тункинской долиной и югом Байкала, а территория распространения курумчинской культуры — верховьями Ангары и Кудинской долиной [2001а, с.25–27, 53].

Таким образом, к началу 90-х гг. XX в. был накоплен и частично введен в научный оборот большой фактический материал по средневековым археологическим памятникам, изучавшимся, в первую очередь, на побережье Байкала и на о-ве Ольхон. Работы в других регионах Предбайкалья, направленные на поиск и раскопки средневековых объектов, не проводились. Такой подход привел к тому, что Южное Приангарье и верхняя Лена оказались слабо изученными, и все этнокультурные и хронологические построения по железному веку Средней и Восточной Сибири проводились на далеко не полных материалах предыдущих исследований либо на материалах памятников, раскапываемых в Приольхонье.

Необходимость изучения средневековых археологических объектов Южного Приангарья возникла после сплошной разведки, проведенной в 1979 г. научными сотрудниками Иркутского областного краеведческого музея Валентиной Ивановной Смотровой (Бердниковой) и Виктором Михайловичем Ветровым. Осмотр берегов водохранилища, полузатопленных островов Березовый, Шайдоров, Марактуй, Осинский позволил собрать богатую коллекцию подъемного археологического материала, состоящую из большого количества разнообразной керамики неолита — средневековья, каменного, костяного инвентаря, обломков изделий из железа. Результатом этой экспедиции явилось создание в 1981 г. Ангарского археолого-этнографического отряда КНИЭ ИОКМ под руководством В.И. Смотровой (до 1986 г.). Основной целью Ангарского отряда являлся поиск и раскопки погребальных и ритуальных комплексов в зоне размыва берегов Братского водохранилища. Местом дислокации отряда был выбран Осинский район Иркутской области, в котором на начало 80-х гг. шло наиболее активное разрушение археологических памятников.

В 1981–1982 гг. раскопками подвергнуты разрушающиеся волно-прибойной деятельностью водохранилища погребальные комплексы на о-ве Осинском (Хадахан), расположенном в устье Осинского залива и являющемся одним из крупнейших ангарских островов в верхнем течении реки. В результате проведенных исследований раскопано 13 погребений, принадлежащих различным хронологическим периодам, — от неолита до XIX в. и один ритуальный комплекс [Смотровая, 1982, с.106–107; 1982а; 1983; 1984; Бердникова (Смотровая), Николаев, 2003; ИОКМ, № кол. 12520, 12493, 12691, ВС 3123]. Наиболее интересными находками явились погребения хуннской эпохи, ранее не встречавшиеся на территории Южного Приангарья. В состав сопроводительного инвентаря данных захоронений входили: наконечники стрел из рога, накладки сложносоставных луков, ножи, пряжки, полусферические пуговицы, а также две ажурные поясные пластины с геометрическим орнаментом и одна со сценой борьбы двух тигров и дракона. На основе анализа сопроводительного инвентаря захоронений автор раскопок датировала их II в. до н.э. — I в. н.э. [Смотровая, 1982, с.106–107; 1991, с.136–143].

В 1984–1985 гг. работы по спасению разрушающихся археологических памятников в зоне размыва берегов Братского водохранилища перенесены на приустьевой участок Осинского залива. В ходе работ открыто и раскопано два ритуальных комплекса Шебуты-II и Улей, а также два могильника — Игетейский Лог-II и Шебуты-III. Раскопанный ритуальный комплекс Шебуты-II состоял из нескольких ям овальной формы, заполненных костями животных и двух кострищ. В заполнении ям встречались фрагменты неорнаментированных толстостенных сосудов, кусочки охры, угольки. Кострища заполнены мелкими жжеными костями домашних животных, среди которых зафиксировано два фрагмента толстостенной неорнаментированной керамики, астра-

гал барана с прочерченным геометрическим орнаментом и концевая накладка сложно-составного лука. Комплекс датирован ранним средневековьем [Бердникова, 1985; 1986, с.166; 1986а, с.138; ИОКМ, № кол. ВС 3763]. Второй ритуальный комплекс Улей состоял из пяти овальных кладок из плит песчаника, расположенных по линии СЗ-ЮВ. В кладках находились небольшие кострища и колотые кости барана. По мнению автора раскопок, ритуальный комплекс датируется XIX в. и принадлежит бурятскому населению [Бердникова, 1986, с.166; 1986а, с.139].

В 1985 г. проводились исследования двух могильников Игетейский Лог-II и Шебуты-III. Могильник Игетейский Лог-II содержал четыре грунтовых погребения людей, располагавшихся в могильных ямах скорчено на боку, головой на С и В (два погребения). Сопроводительный инвентарь отсутствовал. В засыпке могил наблюдались скопления угольков и мелких колотых костей животных. В 40 м западнее этого могильника было обнаружено еще одно грунтовое захоронение человека, ограбленное в древности. В состав сопроводительного инвентаря этого погребения входили концевые накладки сложно-составного лука, пряжки и пр. Погребение датировалось авторами раскопок «хуннским временем» [Уваров, Бердникова, 1987, с.288]. Могильник Шебуты-III включал в себя 13 грунтовых погребений, расположенных двумя параллельными рядами по линии восток-запад. Первый (северный) ряд состоял из пяти захоронений лошадей, которые были забиты ударом в лобную часть черепа и положены в могильные ямы на живот с подогнутыми передними и задними ногами. В состав сопроводительного инвентаря погребений входили удила, стремяна, остатки седел. Второй ряд состоял из восьми человеческих захоронений. Захоронение людей производилось в листовидных колодах, дощатых ящиках-гробах. Труположение на спине с вытянутыми вдоль тела руками, головой ориентированы на СЗ. В состав сопроводительного инвентаря входили разнообразные предметы из железа: наконечники стрел, пряжки, ножи, топорик, стремяна, удила и пр. Могильник датировался XIII-XIV вв. н.э. [Уваров, Бердникова, 1987, с.288; Николаев, 1993, с.43-46; Николаев, 1993а, с.74-77; Бердникова, Николаев, 1994, с.57-78; ИОКМ, № кол. 13018].

В 1986 г. работы по спасению археологических памятников в зоне размыва берегов Братского водохранилища были прерваны в связи с преждевременной кончиной Валентины Ивановны Бердниковой (Смотровой). Весь накопленный археологический материал остался практически неопубликованным.

Работы в Южном Приангарье, а именно, на правом берегу Унгинского залива Братского водохранилища, продолжены в 1988-1989 гг. Унгинским археологическим отрядом КНИЭ ИОКМ под руководством Олега Борисовича Варламова, при участии автора настоящей работы. Отрядом впервые на территории Южного Приангарья найдено и раскопано два грунтовых погребения в берестяных пакетах [Николаев, 1990, с.156-157]. В 1989 г. найден и стал изучаться могильник Доглан, погребальный обряд и сопроводительный инвентарь которого близки могильнику Шебуты-III [Николаев, 1993].

Помимо исследований древних погребений, Унгинским отрядом проводился активный поиск и раскопки ритуальных комплексов. За два полевых сезона раскопано 26 комплексов, которые представляли собой ямы овальной или округлой формы, заполненные костями домашних животных, фрагментами сосудов преимущественно баночной формы. Стенки сосудов украшены прочерченным геометрическим орнаментом по тулову, полулунными вдавлениями, накладными узкими валиками, венчики — прямые либо слегка отогнутые наружу, украшены косыми овальными вдавлениями. По некоторым ямам удалось проследить обряд, заключающийся в послойном заполнении ям остатками кострища и специфическими костями животных. На уровне заложения ям

была зафиксирована одна роговая подпружная пряжка, пришлифованная бабка, роговой стержень, отдельные фрагменты металлических изделий. После анализа обряда и сопроводительного инвентаря ритуальные комплексы на правом берегу Унгинского залива предварительно были датированы ранним железным веком — средневековьем [Николаев, Багдурев, Варламов, 1995].

С 1987 г. началось планомерное изучение петроглифов Восточной Сибири. Организацию работ и финансирование взял на себя Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области. Организованным ГУ ЦСН отрядом под руководством Ларисы Владимировны Мельниковой и автора настоящей работы повторно скопировано большинство писаниц долины верхнего течения р. Лены и долины р. Куды; петроглифы на плитках из вала городища Манхай, хранящихся в фондах Иркутского областного художественного музея и Усть-Ордынского окружного краеведческого музея. Полученные результаты показали большую разницу между подлинными рисунками и опубликованными копиями А.П. Окладникова и послужили основой создания новой периодизации наскальных изображений Предбайкалья [Николаев, Мельникова, 1997; 1997а; 2002; Мельникова, 2002].

Параллельно с изучением петроглифов юга Средней Сибири автором проводятся ширококомасштабные исследования средневековых погребений и ритуальных комплексов Южного Приангарья. Раскопкам подверглись могильники Усть-Уда, Доглан, Озерок, а также одиночные захоронения Уда и Галки [Николаев, 1993; 1996; 2001; 2003; 2003а; Бердникова, Николаев, 1994; Николаев, Песков, 2003].

Краткий обзор изучения средневековых памятников юга Средней Сибири показывает, что за последние 50 лет усилиями ряда поколений ученых получен огромный материал, в первую очередь, по погребальным и сопутствующим им ритуальным комплексам, требующий систематизации, анализа и введения его в научный оборот. Мы надеемся, что данная монография в какой-то мере восполнит этот пробел и послужит хорошим «трамплином» для будущих поколений археологов при исследовании ими средневековых культур кочевников юга Средней Сибири и Центральной Азии.

ГЛАВА II

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КОЧЕВНИКОВ ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ

В данной главе дается полное описание всех имеющихся в нашем распоряжении данных по погребальным и сопутствующим им ритуальным комплексам первой половины II тыс. н.э., раскопанным на территории юга Средней Сибири. Часть из них получена непосредственно автором в результате многолетних раскопочных работ погребальных комплексов в долине р. Ангары. Другая часть взята из полевых отчетов, дневников и коллекционных описей А.П. Окладникова, Е.Ф. Седякиной и В.И. Бердниковой (Смотровой), а также при обработке коллекций археологического, антропологического и палеонтологического материала в фондах Иркутского областного краеведческого музея и Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск).

Рассматриваемые материалы происходят из могильников, расположенных в центральной части юга Средней Сибири — степной и лесостепной зонах Приангарья и верхней Лены (рис. 1). При их описании мы руководствовались принципами территориального месторасположения могильников и одиночных погребений, наличием или отсутствием у них надмогильных сооружений, а также временем их открытия и раскопок.

МОГИЛЬНИКИ С КАМЕННЫМИ НАДМОГИЛЬНЫМИ СООРУЖЕНИЯМИ

Сэгенутский могильник. Памятник находился в Качутском районе Иркутской области в 12 км юго-восточнее пос. Качут, на левом берегу р. Лены вблизи устья р. Манзурки, около улуса Сэгенут. В настоящее время данная территория представляет собой выположенный свободный от леса и частично занятый пашней склон с относительными отметками от уреза р. Лены 25–30 м. В 1998 г. при визуальном осмотре нами территории предполагаемого места размещения могильника новых захоронений обнаружено не было.

Могильник открыт и раскопан А.П.Окладниковым в 1929 г. Он был найден по хорошо заметным на поверхности надмогильным каменным кладкам из плит серого известняка. Всего выявлено 8 захоронений. Описание результатов раскопок приводится по публикациям А.П. Окладникова [1958, с.200–213; 1959, с.168–169].

Погребение № 1. Надмогильная конструкция представляла собой сплошную кладку в виде неправильного круга из плит известняка в один слой диаметром 2 м. При раскопках погребения на глубине 0,18 м от поверхности зафиксированы фрагменты кера-

мического тонкостенного сосуда. Захоронение ребенка. Внутримогильное сооружение представляло собой колоду очень плохой сохранности. Ребенок располагался в колоде вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головой ориентирован на СВ. Череп развернут лицевой частью на ЮЗ. В ногах погребенного находились остатки ритуальной пищи в виде костей конечностей барана.

Погребение № 2. Надмогильная конструкция представляла собой сплошную кладку в виде неправильного круга из плит известняка в один слой диаметром 1,5 м. На глубине 0,5 м от современной дневной поверхности находилось захоронение ребенка. Внутримогильное сооружение представляло собой колоду очень плохой сохранности. Ребенок располагался в колоде вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 3. Надмогильная конструкция представляла собой сплошную кладку в виде неправильного круга из плит известняка в один слой диаметром около 2 м. На глубине около 1 м от современной дневной поверхности находилось захоронение ребенка. Внутримогильное сооружение представляло собой колоду «корытообразной» формы плохой сохранности. Ребенок располагался в колоде вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 4. Надмогильная конструкция представляла собой сплошную кладку в виде неправильного круга из плит известняка в один слой диаметром 1,5 м. На глубине около 1 м от современной дневной поверхности находилось захоронение ребенка. Внутримогильное сооружение представляло собой деревянную прямоугольную раму без дна и крышки, размером 1 × 0,5 м, выполненную из четырех тонких сосновых (?) досок. Высота конструкции 43 см. Между собой доски скреплялись кожаными ремешками-связками. Об этом свидетельствуют имеющиеся просверленные отверстия на каждом из четырех углов рамы, расположенных параллельно друг другу. Ребенок располагался в раме вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головой ориентирован на СВ. Череп развернут лицевой частью на ЮЗ. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 5. Надмогильная конструкция представляла собой сплошную кладку в виде неправильного круга из крупных плит известняка в один слой диаметром 2 м. На глубине около 1 м от современной дневной поверхности находилось захоронение ребенка. Внутримогильное сооружение отсутствовало. Ребенок располагался в могильной яме на грунте вытянуто на спине, руки вдоль туловища слегка согнуты в локтях, кисти — между бедер, головой ориентирован на СЗ. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 6. Надмогильная конструкция представляла собой сплошную овальную кладку из крупных плит известняка в один слой диаметром 2,5 м. На глубине около 1,45 м от современной дневной поверхности находилось захоронение женщины. Внутримогильное сооружение представляло собой колоду, овальной формы длиной 1,75 м, шириной 0,5 м. Торцы колоды снизу и с боков подтесаны и заужены, на расстоянии 0,25 м от края торцов проходили две выемки в виде желобков. Женщина располагалась в колоде вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти плотно прижаты к бедрам, головой ориентирована на СВ. Над головой женщины, на крышке колоды находился раздавленный глиняный сосуд (рис. 2-1). У самого затылка, почти под затылочной костью находились железные ножницы (рис. 2-2). В ногах покойной зафиксированы остатки ритуальной пищи в виде костей таза и конечностей барана.

Погребение № 7. Надмогильная конструкция представляла собой сплошную кладку эллипсоидной формы из плит известняка в один слой диаметром 2 м. На глубине 0,45 м от современной дневной поверхности находилось захоронение ребенка.

Внутримогильное сооружение отсутствовало. Ребенок располагался в могильной яме на грунте вытянуто на животе (ничком), руки вдоль туловища, головой ориентирован на СЗ. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 8. Находилось на расстоянии 4 м от погребения женщины № 6. Надмогильная конструкция представляла собой сплошную кладку из плит известняка в виде круга диаметром 2,5 м. Могильная яма узкая, овальной (?) формы. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на С-СЗ. В лобной части черепа имелось округлое отверстие от удара. В зубах лошади находились железные удила (рис. 2-3).

Усть-Талькин. Могильник находился в Балаганском районе Иркутской области в 1 км северо-западнее д. Усть-Талькин на юго-восточном свободном от леса склоне горы. Небольшим распадком, по которому проходит овраг, могильник разделен как бы на две части: северо-западную и юго-восточную (рис. 3). В настоящее время данная территория затоплена водами Братского водохранилища.

Памятник открыт в 1957 г. Вторым Балаганским отрядом Братской археологической экспедиции под руководством Е.Ф. Седакиной. Исследовался автором в 1957 и 1959 гг. За два года работ раскопано 79 погребальных комплексов с оригинальным погребальным обрядом и своеобразным сопроводительным инвентарем [Окладников, 1957; Седакина, 1959, с.20; Седакина, 1965]. К сожалению, материалы могильника остались практически не опубликованными, поэтому мы посчитали необходимым, учитывая большое значение данного памятника, привести его полное описание по отчетам Е.Ф. Седакиной, которые находятся в архиве Института археологии РАН (Москва), чертежам и фотографиям. Сопроводительный инвентарь могильника в настоящее время находится на хранении в Институте археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Необходимо отметить, что в отчетах Е.Ф. Седакиной описание раскопанных погребений и особенно надмогильных сооружений очень краткое и, зачастую, противоречивое. Замечено несоответствие размеров могильных ям, внутримогильных конструкций и ориентировки погребений с описанием или чертежами. В таких случаях за основу брался чертеж. По большинству надмогильных сооружений отсутствуют чертежи либо их размеры и описание. При работе с коллекциями археологических предметов могильника Усть-Талькин выяснилось следующее: некоторые предметы сопроводительного инвентаря, имеющие полевой шифр из одного погребения, присутствуют в описании другого, а в публикации — в третьем либо вообще отсутствуют в тексте отчета. В таких случаях за основу брался полевой шифр предмета. Некоторые изделия в коллекции отсутствуют. В этом случае рисунок и описание предмета приводилось из публикации Е.Ф. Седакиной, если таковые там имелись.

Погребение № 1а. Раскопано А.И. Чернышевым. Надмогильное сооружение представляло собой несомкнутый круг из плит песчаника, диаметром 2,5 м, с округлой западиной в середине. Могильная яма овальной формы, размерами 2,35 × 1 м. Захоронение принадлежало мужчине старше 55 лет (*senilis*). Погребение ограблено в древности. Кости скелета располагались в беспорядке на дне колоды, удлинненно-прямоугольной формы, размерами 2 × 0,45 м (рис. 4). Среди костей скелета найден один плоский железный наконечник стрелы (в коллекции отсутствует).

Погребение № 1. Надмогильное сооружение представляло собой несомкнутый круг из плит красноцветного кембрийского песчаника диаметром 2,5 м с западиной в середине. Могильная яма овальной формы, размерами 2,3 × 0,6 м. Захоронение принадлежало мужчине 35–40 лет (*maturus*). Кости скелета располагались в колоде удлинненно-прямоугольной (?) формы размерами 2,2 × 0,45 м. Крышка колоды состояла из двух (?) плах пря-

моугольной формы. Толщина плах составляла 4 см. Костяк потревожен. Среди костей скелета найдены следующие предметы: 2 костяные подвески (рис. 5-5), располагавшиеся в центральной части внешней поверхности крышки колоды; срединная фронтальная накладка сложносоставного лука из рога (в коллекции отсутствует); железный наконечник пальмы (рис. 5-4); обломок дужки железного стремени (в коллекции отсутствует); 2 плоских железных наконечника стрел (рис. 5-6, 7); кресало (рис. 5-3) и 8 обломков неопределимых предметов из железа (в коллекции отсутствуют). В нижней части колоды находилась кость барана (рис. 5-1).

Погребение № 2. По описанию Е.Ф. Седакиной, данное погребение двойное — принадлежало мужчине и лошади. На наш взгляд, тут имеется ошибка. Погребение коня и погребение человека следует разделить. По фотографии и плану, приведенным в отчете, хорошо видно, что костяк лошади лежит под углом к погребению человека, а не параллельно ему. Захоронение человека, по нашему мнению, было осуществлено позже, разрушило надмогильную кладку и частично задело могильную яму погребения лошади [Окладников, 1957, рис. 27–29; Николаев, 2003].

Погребение человека — старо-бурятское (XVI–XVII вв.). В могильной яме овальной формы на глубине 1 м от современной дневной поверхности находилась колода, ориентированная по длинной оси с ЮВ на СЗ. Со всех сторон колоду окружали плиты красноцветного кембрийского песчаника, поставленные на ребро. Крышка колоды разрушена. Мужчина 30–35 лет (*adultus*) располагался в колоде вытянуто на спине, головой на СЗ. Погребение потревожено грызунами, поэтому некоторые кости правой половины скелета лежали вне колоды. Захоронение сопровождалось богатым инвентарем, состоящим из следующего набора предметов: 5 железных наконечников стрел; фрагментов сложносоставного лука в виде 3 фронтальных накладок из рога; бронзовой курительной трубки-ганзы; железных квадратных и овальных бляшек, инкрустированных серебром; 6 округлых оловянных пуговиц с зубчиками по краю и перекрестьем в середине; нескольких обломков железного ножа и кинжала; фрагментов кожаной обуви; деревянных частей седла (передней луки), украшенных маленькими медными гвоздиками, бусинами из бронзы [Николаев, 2003].

Погребение лошади (XII в.). Произведено в могильной яме, на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой животное ориентировано на СЗ (рис. 6-1, 2). В зубах лошади имелись железные удила (рис. 6-4), по обе стороны, в средней части скелета животного, находились парные железные стремяна (рис. 6-5, 6) Среди костей скелета найдено железное кольцо торока (рис. 6-3).

Погребение № 3. Надмогильное сооружение представляло собой несомкнутый круг из разрозненных плит красноцветного кембрийского песчаника диаметром около 3 м с овальной западиной в центре. Могильная яма овальной формы, размерами 2,4 × 0,6 м, ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ. Захоронение мужчины 35–40 лет (*maturus*) произведено в колоде размерами 1,9 × 0,45 м. На крышке колоды, в северо-западной ее части лежала плита песчаника размером 0,6 × 0,55 м, толщиной — 0,1 м, еще две плиты песчаника стояли на ребре с восточной стороны колоды (рис. 7-1). Погребение ограблено в древности. В колоде кости скелета от черепа до поясицы были свалены в кучу около таза. Среди этих костей располагался сопроводительный инвентарь, состоящий из остатков сложносоставного лука в виде срединной фронтальной накладки из рога (рис. 7-6), обломки наконечника пальмы (рис. 7-2), железного наконечника копья (рис. 7-3), двух железных наконечников стрел (рис. 7-4, 5) и кусочка керамики (рис. 7-7).

Погребение № 4. Надмогильное сооружение представляло собой несомкнутый круг из плит красноцветного кембрийского песчаника с западиной в центре диаметром око-

ло 3 м. Несколько плит песчаника лежало и в центре углубления. Погребение двойное. Сразу под плитами кладки, в овальной могильной яме, вытянутой по линии с ЮВ на СЗ, на левом боку располагался скелет коровы головой на ЮВ (рис. 8 -1, 4, 5). Под скелетом на глубине 0,5 м находилась плита песчаника, стоящая на крышке колоды — на ребре (рис. 8 -2-5). Колода — удлиненно-прямоугольной формы, размерами 1,8 × 0,4 м. Погребение женщины зрелого возраста (*maturus*). Кости скелета лежали в беспорядке. На дне колоды зафиксированы следы коричневой тонкой шелковой ткани. Среди костей скелета имелись следующие предметы: железный нож (рис. 8 -6), альчик барана, кусочек рога (в коллекции отсутствует), железная пластинка неизвестного назначения (рис. 8 -8), кресало (рис. 8 -7), фрагменты керамики (рис. 8 -9-11).

Погребение № 5. Надмогильное сооружение представляло собой несомкнутый круг из плит красноцветного кембрийского песчаника с западиной в середине диаметром около 3 м. Могильная яма овальной формы, размерами 2,3 × 0,6 м, глубиной до 1,05 м, ориентирована по линии с Ю на С. Погребение женщины 35-40 лет (*maturus*) произведено в колоде, удлиненно-прямоугольной формы. Длина колоды — 1,7 м, ширина — 0,4 м (рис. 9 -1, 2). Погребение ограблено в древности. На дне колоды находилось разбросанные кости скелета и сопроводительный инвентарь в виде двух обломков железных наконечников стрел (в коллекции отсутствуют), остатков сложносоставного лука в виде серединной фронтальной и плечевой фронтальной накладок из рога (рис. 9 -3, 4), двух железных пластинок неизвестного назначения (в коллекции отсутствуют).

Погребение № 6. Надмогильное сооружение в виде круга из плит красноцветного кембрийского песчаника диаметром около 3 м. Средние размеры плит 0,33 × 0,34 м и 0,4 × 0,2 м. Могильная яма овальной формы, размерами 2 × 0,65 м, глубиной до 1 м, ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ. Погребение ограблено в древности. На глубине 0,4-0,8 м находились разрозненные кости скелета человека (пол и возраст не определен), среди которых обнаружена роговая серединная фронтальная накладка сложносоставного лука из рога (рис. 9 -5).

Погребение № 7. Надмогильное сооружение состояло из плит красноцветного кембрийского песчаника, средние размеры плит 0,35 × 0,3 м, форма не выяснена. Погребение ограблено в древности. На глубине 0,5-0,85 м встречались кости скелета мужчины 35-40 лет (*maturus*). На глубине 1 м от современной дневной поверхности зафиксированы остатки колоды, на дне которой находилась тонкая золоченая бронзовая бляшка с рельефным растительным орнаментом (рис. 9 -6).

Погребение № 8 (ритуальный комплекс). На современной дневной поверхности было отмечено тремя лежащими плашмя плитами красноцветного кембрийского песчаника. На глубине 0,4 м от плит песчаника находилась челюсть лошади. При зачистке на глубину до 1 м ничего больше не обнаружено.

Погребение № 9. На современной дневной поверхности отмечено четырьмя плитами красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,5 × 1,95 (?) м, глубиной до 0,75 м. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой на С. Во лбу — овальное отверстие от удара. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 10. На современной дневной поверхности отмечено плитами красноцветного кембрийского песчаника. Форма не выяснена. Могильная яма овальной формы, размерами 2,2 × 0,7 м, глубиной до 0,4 м. Захоронение мужчины 35-40 лет (*maturus*) произведено в колоде удлиненно-прямоугольной (?) формы. Погребение ограблено в древности. Трупоположение не выяснено, поскольку кости скелета располагались на дне колоды без всякого порядка (рис. 10 -1). Среди костей скелета обнаружены остатки

сложносоставного лука в виде серединной фронтальной накладки из рога (рис. 10 -5), трех железных наконечников стрел (рис. 10 -2-4) и одного костяного (в коллекции отсутствует).

Погребение № 11. На современной дневной поверхности выделялось четырьмя плитами красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,5 × 0,65 м, глубиной до 1,10 м, ориентирована по длинной оси с ЮЗ на СВ. Захоронение мужчины 25–30 лет (adultus). Произведено в колоде. Колода удлиненно-овальной формы, размерами 2,3 × 0,5 м, изготовлена из цельного бревна, расколотого вдоль [Седякина, Окладников, 1959, рис. 5]. Крышка прикреплялась к основе железными скобами (рис. 11 -4, 5). Кости находились в беспорядке в северо-восточной части колоды (рис. 11 -1). Сопроводительный инвентарь, в основном, располагался в средней части колоды. Представлен железной поясной пряжкой (рис. 11 -6), железным напильником (в коллекции отсутствует), железным кольцом (в коллекции отсутствует), остатками сложносоставного лука в виде серединной фронтальной накладки из рога (рис. 11 -3), кресалом (рис. 11 -7), обломками железных предметов сильно окислившись (в коллекции отсутствуют).

Погребение № 12. Надмогильное сооружение в виде круга (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,2 × 0,6 м, глубиной до 1 м, ориентирована по линии с ЮЗ на СВ. Захоронение женщины 25–30 лет (adultus) произведено в колоде размером 1,7 × 0,45 м, удлиненно-прямоугольной формы. Умершая располагалась в колоде вытянуто на спине, кисти рук на бедрах. Головой женщина ориентирована на СВ. В ногах погребенной находился череп и бедренные кости конечностей барана, положенного в могилу в качестве ритуальной пищи (рис. 11 -2). Сопроводительный инвентарь состоял из обломка железного ножа (рис. 11 -8), железной поясной пряжки (в коллекции отсутствует) и мешочка из ткани зеленого цвета с семенами проса (*Panicum miliaceum*).

Погребение № 13 (ритуальный комплекс). Под двумя небольшими плитами красноцветного кембрийского песчаника на глубине 0,5 м располагались отдельные кости скелета лошади — позвонки, ребра, кости ног, нижняя челюсть. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 14. Надмогильное сооружение представляло собой круг(?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,2 × 0,6 м, глубиной до 1 м, ориентирована по длинной оси с ЮЗ на СВ. Погребение ограблено в древности. На дне могильной ямы находились остатки колоды, отдельные кости скелета человека (пол и возраст не определен), барана и лошади (?). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 15 (кенотаф). Надмогильное сооружение не выяснено. Могильная яма размерами 1,8 × 0,8 м, глубиной до 1 м, ориентирована по длинной оси с ЮЗ на СВ. На дне могильной ямы находились части колоды. Костяк и сопроводительный инвентарь отсутствовали.

Погребение № 16. Надмогильное сооружение представляло собой кладку из плит красноцветного кембрийского песчаника овальной (?) формы. Могильная яма овальной формы, размерами 2,6 × 1,2 м, глубиной до 0,7 м, ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой на С (рис. 12 -1). В лобной части черепа имелось овальное отверстие от удара. В зубах лошади находились железные удила (рис. 12 -2), на спинных позвонках остатки рогового Т-образного канта обкладки луки седла (рис. 12 -3) и железные кольца торока (рис. 12 -4).

Погребение № 17. Надмогильное сооружение в виде круга (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,6 × 0,7 м, глубиной 0,6 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение женщины возмужалого возраста (*adultus*) произведено в колоде. Погребенная располагалась вытянуто на спине, головой ориентирована на С. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 18. Надмогильное сооружение в виде круга (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Погребение ограблено в древности. На глубине 1 м от современной дневной поверхности находились разрозненные кости скелета женщины возмужалого возраста (*adultus*) (рис. 13 -1). Среди костей скелета в средней части могильной ямы зафиксированы остатки сложносоставного лука в виде трех накладок из рога — одной срединной и двух плечевых (рис. 13 -2).

Погребение № 19. Надмогильное сооружение в виде сплошной плоской овальной кладки (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,3 × 0,75 м, глубиной до 1,2 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на С (рис. 14 -1, 2). У задних конечностей костяка найдена пара железных стремян (рис. 14 -3, 4); на спинных позвонках остатки седла в виде железных колец и петель торока (рис. 14 -5) и рогового канта обкладки луки (в коллекции отсутствует), двух железных скобок (рис. 14 -6, 7).

Погребение № 20 (кенотаф). Надмогильное сооружение в виде плоской сплошной овальной кладки (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 1,9 × 0,95 м, глубиной до 1 м, ориентирована по длинной оси с ЮЗ на СВ. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на С (рис. 15 -1). В лобной части черепа имелось округлое отверстие от удара. С левой стороны черепа находились 6 железных наконечников стрел (рис. 15 -4, 6) и остатки сложносоставного лука в виде срединной фронтальной накладки из рога (рис. 15 -7). Среди костей скелета обнаружены также две железные бляшки — украшения узды (рис. 15 -2, 3).

Погребение № 21. Надмогильное сооружение представляло собой круг из плит красноцветного кембрийского песчаника диаметром 3,5–3,8 м (рис. 16). Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,8 × 0,6 м, глубиной до 0,8 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение мужчины 35–40 лет (*maturus*) произведено в колоде удлинненно-прямоугольной (?) формы, размерами 2,6 × 0,45 м. Погребение ограблено в древности. Кости скелета располагались бессистемно на дне колоды, в северной ее части (рис. 17 -1). Среди позвонков скелета имелись два, между которыми торчал плоский железный наконечник стрелы. Крышка колоды крепилась к основе семью железными скобами (рис. 17 -8–14). По отдельным костям скелета, сохранившим первоначальное анатомическое положение, установлено, что погребенный располагался в колоде вытянуто на спине, головой ориентирован на С. Среди костей скелета обнаружены следующие предметы: три железных наконечника стрел (рис. 17 -5–7); один костяной наконечник стрелы (в коллекции отсутствует); железная поясная пряжка (рис. 17 -4); железный черешковый нож (рис. 17 -7); фрагменты сложносоставного лука в виде срединной фронтальной накладки из рога (рис. 17 -2); пять бронзовых пуговиц (рис. 17 -15) и две бусины-пронизки из синего стекла (?) (рис. 17 -16).

Погребение № 22. Надмогильное сооружение в виде круга (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,9 × 1,25 м, глубиной до 0,9 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение парное — женщины и ребенка. Пол и возраст не определен. Женщина располагалась в могильной яме

на грунте вытянуто на спине, кисти рук на бедрах, головой ориентирована на С. Слева от костяка женщины находились останки ребенка, лежащего на правом боку, лицо обращено к женщине. Сопроводительный инвентарь отсутствовал (рис.18 -1).

Погребение № 23. Надмогильное сооружение в виде круга (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,2 × 0,6 м, глубиной до 0,8 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Погребение ограблено в древности. На дне могильной ямы находилась колода удлинено-прямоугольной (?) формы, размером 2 × 0,5 м. Погребение ограблено в древности. Кости скелета были разбросаны по всей колоде (пол и возраст не определен) (рис.18 -2). Среди костей находился железный наконечник стрелы (в коллекции отсутствует) и железное стремя (рис. 18 -3).

Погребение № 24. Надмогильное сооружение в виде плоской сплошной овальной кладки (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 1,7 × 0,8 м, глубиной до 1,1 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение лошади. Животное располагалось на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на С. В лобной части черепа имелось овальной отверстие от удара. В зубах лошади находились железные удила (в коллекции отсутствуют) (рис.19 -1).

Погребение № 25. Надмогильное сооружение в виде плоской сплошной овальной кладки (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,4 × 1,3 м, глубиной 1 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение двух лошадей. Животные располагались на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентированы на С. У правого коня в зубах находились железные удила (в коллекции отсутствуют).

Погребение № 26. Надмогильное сооружение не отмечено. Погребение ограблено в древности. На глубине 1 м от современной дневной поверхности находились в беспорядке кости скелета человека (пол и возраст не определен), череп и кости ног барана, куски колоды. Сопроводительный инвентарь отсутствовал (рис.19 -2).

Погребение № 27. Надмогильное сооружение в виде плоской сплошной овальной кладки (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 1,9 × 1,5 м, глубиной до 1,1 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение двух лошадей, которое частично было потревожено грызунами (?). Животные располагались на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентированы на С. В зубах одного коня находился псалий в виде железного кольца диаметром 5,5 см (рис. 19 -3).

Погребение № 28 (кенотаф). Надмогильное сооружение отсутствовало. На глубине 1 м от современной дневной поверхности отмечены отдельные части колоды и бересты. Костяк и сопроводительный инвентарь отсутствовали.

Погребение № 29. Надмогильное сооружение в виде плоской сплошной овальной кладки (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,5 × 0,93 м, глубиной до 0,6 м, ориентированная по длинной оси с Ю на С. Захоронение лошади. Животное располагалось на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на С. В лобной части черепа имелось округлое отверстие от удара. Лошадь была положена в могильную яму полностью оседланной. В зубах находились железные удила (рис. 20 -8), с обеих внешних сторон ребер — железные стремяна (рис. 20 -1, 2), на спинных позвонках остатки седла в виде рогового канта Т-образной формы (рис. 20 -3-6), железных петель и колец торока (рис. 20 -7).

Погребение № 30. Погребение ограблено в древности. Под отдельными разрозненными плитами красноцветного кембрийского песчаника на глубине 1,2 м от современной дневной поверхности отмечены разрозненные кости скелета человека без черепа (пол и возраст не определен). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 31 (ритуальный комплекс). Надмогильное сооружение отсутствовало. На глубине 0,5 м от современной дневной поверхности находились две кости ног лошади. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 32. Погребение ограблено в древности. Надмогильное сооружение не отмечено. На глубине 1 м отмечены фрагменты колоды и разрозненные кости скелета человека (пол и возраст не определен). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 33. Надмогильное сооружение в виде круга (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,3 × 0,6 м, глубиной до 1 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение женщины 35–40 лет (*maturus*) произведено в колоде удлиненно-прямоугольной формы, размером 1,9 × 0,4 м. Погребение ограблено в древности. Кости скелета лежали в беспорядке в северной части колоды (рис. 21 -1). Среди них найдены остатки сложносоставного лука в виде серединной фронтальной накладки из рога (в коллекции отсутствует), железный наконечник стрелы (в коллекции отсутствует).

Погребение № 34. Надмогильное сооружение в виде круга (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 1,95 × 0,9 м, глубиной до 1,2 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Погребение ограблено в древности. На глубине 1,2 м от современной дневной поверхности зафиксированы: половина колоды и кости скелета женщины 35–40 лет (*maturus*). Среди костей скелета находились остатки сложносоставного лука в виде серединной фронтальной накладки из рога (в коллекции отсутствует).

Погребение № 35. Надмогильное сооружение в виде круга (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,4 × 0,6 м, глубиной до 1,1 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение женщины 25–30 лет (*adultus*) произведено в колоде. Погребение ограблено в древности. Костяк сильно потревожен, отдельные кости скелета находились вне колоды. Среди костей скелета найдены остатки сложносоставного лука в виде фронтальной плечевой накладки из рога (рис. 21 -3) и костяной подвески (рис. 21 -2).

Погребение № 36. Ограблено в древности. Надмогильное сооружение в виде несомкнутого круга из плит красноцветного кембрийского песчаника диаметром около 3,5 м с овальной западиной в середине. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,4 × 1,2 м, глубиной до 1 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Совместное захоронение двух коней и человека. Лошади располагались в могильной яме на левом боку с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентированы на С. В лобной части черепов имелись овальные отверстия от удара. Справа от костяков коней находились остатки колоды удлиненно-прямоугольной (?) формы, на дне которой находились разбросанные кости скелета человека, часть костей (ребра, лопатка, нижняя челюсть) находилась вне колоды — у ног левого костяка коня. Среди костей скелета человека было найдены три железные пластинки неизвестного назначения (в коллекции отсутствуют).

Погребение № 37. Надмогильное сооружение представляло собой овальную кладку, состоящую из отдельных разрозненных плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,65 × 0,95 м, глубиной до 1,30 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение лошади. Животное располага-

лось в могильной яме на правом боку с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на С. В лобной части черепа имелось овальное отверстие от удара (рис. 22 -1). В зубах коня находились железные удила (рис. 22 -2), у нижних конечностей располагалась пара железных стремян (в коллекции отсутствуют), под брюхом лошади обломок железной лопаточки (рис. 22 -3) и железные петли и кольца торока (рис. 22 -4, 5).

Погребение № 38. Надмогильное сооружение не отмечено. Погребение ограблено в древности. На глубине 1,1 м от современной дневной поверхности отмечены разрозненные кости скелета мужчины 25–30 лет (*adultus*), среди которых найдены железная скоба и крючок (в коллекции отсутствуют).

Погребение № 39. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных разрозненных плит красноцветного кембрийского песчаника. Погребение ограблено в древности. В могильной яме овальной формы, размерами 2 × 0,95 м, на глубине 1,25 м от современной дневной поверхности находились разрозненные кости скелета человека, куски от колоды, фрагменты бересты (рис. 22 -6). Среди костей скелета человека (пол и возраст не определен) располагались обрывки бересты со следами прошива (в коллекции отсутствуют), железный нож (рис. 22 -7).

Погребение № 40. На глубине 0,45 м от современной дневной поверхности находилась плоская сплошная однослойная кладка прямоугольной формы из плит красноцветного кембрийского песчаника размером 2,4 × 0,7 м. Могильная яма овальной формы, размерами 2,4 × 0,7 м, глубиной до 1,1 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Погребение ограблено в древности. Кости скелета человека (пол и возраст не определен) располагались в беспорядке на дне колоды размерами 2,2 × 0,5 м. Среди них найдены остатки сложносоставного лука в виде роговой накладки (в коллекции отсутствует), железное кресало (рис. 22 -9), фрагмент удил — половинка грызла (рис. 22 -8).

Погребение № 41. Ярусное. Верхнее погребение — старо-бурятское (XVI–XVII вв.). На глубине 0,8 м от современной дневной поверхности находилась могильная яма овальной формы, размерами 2,4 × 0,8 м. В могильной яме, на грунте вытянуто на спине головой на С располагался скелет мужчины. Под черепом находилась плитка песчаника. С левой стороны костяка находились остатки сложносоставного лука в виде трех роговых накладок. Вдоль левой руки с внутренней стороны находилась железная сабля. У острия сабли лежали: кожаный мешочек с трубкой-ганзой, два железных наконечника стрелы и железный кинжал в деревянных ножнах. У левой стопы находился костяной наконечник стрелы (рис. 23 -1).

Нижнее погребение (XII в.). На глубине 0,45 м, от дна верхней могилы, имелась вторая могильная яма овальной формы, размерами 2,3 × 0,7 м, ориентированная по линии с Ю на С. Погребение женщины 35–40 лет (*maturus*) произведено в колоде, дно и стенки которой выложены берестой. Кости скелета находились в беспорядке (рис. 23 -1). Среди них зафиксированы кусочки коричневой ткани с растительным узором — остатки шелкового халата (рис. 23 -4), железная поясная пряжка (рис. 23 -2), костяной наконечник стрелы (рис. 23 -3), бронзовая сильно окислившаяся пластинка (в коллекции отсутствует), часть сложносоставного лука в виде роговой накладки (в коллекции отсутствует).

Погребение № 42. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных разрозненных плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,3 × 0,65 м, глубиной 1,20 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение женщины (?) произведено в колоде удлинненно-прямоугольной формы, размерами 2,1 × 0,4 м. Погребение ограблено в древности. Кости скелета находились в беспорядке на дне колоды (рис. 24 -1). Среди них были найдены

золотая серьга (рис. 24 -3), плоский железный наконечник стрелы (рис. 24 -2) и кусочки светло-коричневой ткани с растительным узором — остатки шелкового халата (рис. 24 -4).

Погребение № 43. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,2 × 0,6 м, глубиной до 1,2 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение женщины 25–30 лет (*adultus*) произведено в колоде плохой сохранности. Сверху колода была перекрыта двумя плитами песчаника, на одной из которых находился скелет овцы (рис. 25 -1). Кости скелета женщины лежали в беспорядке на дне колоды. Среди них зафиксированы остатки берестяного сосуда (рис. 25 -2).

Погребение № 44. Надмогильное сооружение представляло собой плоскую кладку (?) овальной формы из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2,7 × 1,2 м, глубиной до 0,80 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение коровы. Животное располагалось в могильной яме на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на С. В лобной части черепа имелось округлое отверстие от удара. Сопроводительный инвентарь отсутствовал (рис. 26 -1).

Погребение № 45. Надмогильное сооружение в виде круга (?) из отдельных плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2 × 0,6 м, глубиной до 1,25 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение человека (пол и возраст не определен) произведено в колоде размером 1,8 × 0,4 м. Погребение ограблено в древности. Кости скелета располагались на дне колоды в беспорядке. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 46. Надмогильное сооружение не отмечено. На глубине 1,1 м от современной дневной поверхности обнаружены фрагменты дерева и три человеческих позвонка.

Погребение № 47. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных разрозненных плиток красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,4 × 0,6 м, глубиной до 1,3 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение человека в колоде (пол и возраст не определен). Погребение ограблено в древности. Кости скелета находились в беспорядке. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 48. Надмогильная кладка овальной формы, длиной 1,5 м сложена из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2,5 × 0,95 м, глубиной до 1,1 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на С. В лобной части черепа имелось овальное отверстие от удара. Среди костей скелета обнаружен обрывок кожаного ремня, тонкая бронзовая пластинка, фрагменты неопределимого железного изделия (в коллекции отсутствуют).

Погребение № 49. Надмогильное сооружение представляло собой плоскую сплошную овальную кладку (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2,4 × 1,1 м, глубиной до 0,6 м. Ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ. Захоронение коровы. Костяк располагался в могильной яме на левом боку, головой на ЮВ. Передние ноги костяка были вытянуты, задние — подогнуты. Сопроводительный инвентарь отсутствовал (рис. 26 -2).

Погребение № 50. Могильная яма овальной формы, размерами 1,8 × 0,6 м, глубиной до 1,1 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение женщины старше 55 лет (*se-*

nilis) произведено в колоде удлиненно-прямоугольной формы, размером 1,45 × 0,4 м. Погребение ограблено в древности. Череп находился в северной части колоды, остальные кости скелета были в беспорядке разбросаны по всей колоде. Сопроводительный инвентарь отсутствовал (рис. 26 -3).

Погребение № 51. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных плит красноцветного кембрийского песчаника. На глубине 0,5 м от современной дневной поверхности находились кусочки дерева и шесть позвонков лошади. Ниже прослеживалось пятно могильной ямы. Могильная яма овальной формы, размерами 2,4 × 0,7 м, глубиной до 1,2 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение мужчины 25–30 лет (*adultus*) произведено в колоде плохой сохранности. Погребение ограблено в древности. Кости скелета человека сильно потревожены. Среди них зафиксированы остатки берестяного колчана (рис. 27 -1), плоский железный наконечник стрелы (рис. 27 -2), железный черешковый ножик (рис. 27 -3).

Погребение № 52 (кенотаф). Надмогильное сооружение представляло собой плоскую овальную кладку (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2,5 × 1,2 м, глубиной до 0,6 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на С. В лобной части черепа имелось овальное отверстие от удара. Среди костей скелета зафиксированы два фрагмента неопределимого железного предмета и части бересты со следами прошива (в коллекции отсутствуют).

Погребение № 53. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из разрозненных плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,2 × 0,6 м. Захоронение мужчины 30–35 лет (*adultus*) произведено в колоде размером 2 × 0,5 м, которая ориентирована по линии с Ю на С. Погребение ограблено в древности. Кости скелета были разбросаны по дну колоды, череп находился в северной ее части. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 54. Надмогильное сооружение не отмечено. Погребение ограблено в древности. На глубине 1,1 м от современной дневной поверхности на дне могильной ямы находились разрозненные кости скелета человека (череп, кости рук, ребра, позвонки). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 55. Надмогильное сооружение не отмечено. Погребение ограблено в древности. На глубине 1,1 м от современной дневной поверхности зафиксированы части колоды, разрозненные кости скелета человека, отдельные кости скелета барана и кусочки бересты со следами прошива (в коллекции отсутствуют). Сопроводительный материал отсутствовал.

Погребение № 56. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных разрозненных плиток красноцветного кембрийского песчаника с овальной западиной в середине. Несколько небольших плиток находилось в центре западины. Сразу под плитками находились кости стопы и ребро человека. Могильная яма овальной формы, размером 2,3 × 0,7 м, глубиной 1 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение человека (пол и возраст не определен) произведено в колоде удлиненно-прямоугольной (?) формы, размером 2,1 × 0,5 м. Погребение ограблено в древности. На дне колоды находились разрозненные кости скелета, среди которых найдена одна железная панцирная пластина (рис. 27 -4).

Погребение № 57. Надмогильное сооружение в виде круга (?) из отдельных разрозненных плиток красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы. Захоронение человека (пол и возраст не определен) произведено в колоде.

Погребенный располагался на правом боку, левая рука согнута в локте, кисть на лобковых костях, правая рука лежала вдоль туловища. Ноги немного согнуты. Головой костяк ориентирован на С. Среди костей скелета найдены остатки сложносоставного лука в виде фронтальной плечевой накладки из рога (рис. 28 -1), четыре железных наконечника стрелы (рис. 28 -2, 3).

Погребение № 58. Надмогильное сооружение представляло собой плоскую овальную кладку (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2 × 0,9 м, глубиной 1,2 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на С. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 59. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных разрозненных плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2,4 × 0,6 м, глубиной до 1,2 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение мужчины 25–35 лет (adultus) произведено в колоде размером 2,15 × 0,4 м. Погребение ограблено в древности. Кости скелета находились на дне колоды в беспорядке. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 60. На современной дневной поверхности было отмечено небольшим, до 0,2 м, овальным углублением. Погребение ограблено в древности. Кладка отсутствовала. На глубине 1,2 м от современной дневной поверхности находились части колоды и разрозненные кости скелета женщины 25–30 лет (adultus). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 61. Надмогильное сооружение не отмечено. Погребение ограблено в древности. На глубине 0,5 м от современной дневной поверхности зафиксированы три ребра и три позвонка человека (пол и возраст не определен). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 62. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных разрозненных плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 2,15 × 0,7 м, глубиной до 0,95 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение женщины 25–30 лет (adultus) произведено в дощатом ящике-гробе размером 2 × 0,5 м. Ящик изготовлен из досок шириной 14–17 см. На дне ящика находились разрозненные кости скелета. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 63. Надмогильное сооружение не отмечено. Могильная яма овальной формы, размером 1,9 × 0,9 м, глубиной до 0,8 м, ориентирована по линии с Ю на С. Погребение ограблено в древности. На дне могилы находились разрозненные кости скелета человека (пол и возраст не определен), фрагменты дерева и бересты. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 64. Надмогильное сооружение не отмечено. Погребение ограблено в древности. На глубине 0,5 м от современной дневной поверхности найдено три позвонка и два ребра человека. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 65. Надмогильное сооружение представляло собой плоскую овальную кладку (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2 × 0,8 м, глубиной 0,9 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе с подогнутыми передними и задними ногами. Череп отсутствовал. Сопроводительный материал отсутствовал.

Погребение № 66. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных разрозненных плит красноцветного кембрийского песчаника с овальной

западиной в середине. На глубине 0,65 м, в центре западины, находилось шесть плит песчаника. Три плитки лежали горизонтально, три стояли вертикально. Яма овальной формы, размером 2 × 0,6 м, глубиной 0,65 м. Захоронение мужчины 25–30 лет (*adultus*) произведено в колоде удлиненно-прямоугольной (?) формы. Погребение ограблено в древности. Кости скелета находились в беспорядке на дне колоды. Среди костей скелета находились остатки сложносоставного лука в виде двух плечевых фронтальных накладок из рога (рис. 28 -4,5); железного наконечника стрелы (рис. 28 -6); овальной железной бляшки (рис. 28 -7).

Погребение № 67. Надмогильное сооружение представляло собой плоскую овальную кладку (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 1,95 × 0,75 м, глубиной до 1,1 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе с подогнутыми передними и задними ногами. Череп отсутствовал. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 68. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных плиток красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2,4 × 0,5 м, глубиной до 1 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение мужчины 25–30 лет (*adultus*) произведено в колоде удлиненно-прямоугольной формы, размером 2,1 × 0,5 м. Погребение ограблено в древности. Кости скелета находились в беспорядке на дне колоды. Среди костей найдены фрагменты сложносоставного лука в виде серединной фронтальной накладки из рога (рис. 29 -1); два железных стремени (рис. 29 -2,3); четыре железных наконечника стрелы (рис. 29 -5-7); пластинка — крепление (рис. 29 -4).

На дне колоды, помимо костей скелета человека и сопроводительного инвентаря, находились отдельные кости скелета барана, положенного в могилу в качестве ритуальной пищи.

Погребение № 69. Надмогильное сооружение в виде круга (?) из отдельных разрозненных плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2,2 × 0,6 м, глубиной до 1 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение женщины старше 55 лет (*senilis*) произведено в колоде удлиненно-прямоугольной формы, размером 2 × 0,45 м. Погребение ограблено в древности. Кости скелета женщины находились в беспорядке, поэтому точное трупоположение установить не удалось. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 70. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных разрозненных плиток красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2,5 × 0,7 м, глубиной до 1,2 м. В могильной яме на грунте вытянуто на спине, руки вдоль туловища располагался мужчина 25–30 лет (*adultus*), ориентированный головой на С. Среди костей скелета найдены следующие предметы: несколько фрагментов сложносоставного лука, представленных одной серединной фронтальной и двумя плечевыми фронтальными накладками (рис. 30 -1), а также концевым вкладышем из рога (рис. 30 -2); двумя железными черешковыми ножами (рис. 30 -5, 6); двумя железными панцирными пластинами (рис. 30 -3, 4), кресалом (рис. 30 -7), двумя железными скобами (в коллекции отсутствуют).

Погребение № 71. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных разрозненных плиток красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размерами 1,5 × 0,45 м, глубиной до 0,9 м. Захоронение человека (пол и возраст не определен) произведено в колоде. Погребение ограблено в древности. Кости скелета находились в сильно потревоженном состоянии. Среди костей найдены

две железные скобки (рис. 30 -9, 10); железный нож (рис. 30 -8); бусина-пронизка из стекла (?) черного цвета (в коллекции отсутствует), кусочек кожи от обуви (в коллекции отсутствует).

Погребение № 72 (кенотаф). На глубине 1,1 м от современной дневной поверхности находилась колода удлиненно-прямоугольной формы обернутая полосами бересты. Размеры 2 × 0,4 м. Костяк и сопроводительный инвентарь отсутствовали.

Погребение № 73. Надмогильное сооружение представляло собой плоскую овальную кладку (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 1,95 × 1,1 м, глубиною 1 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение лошади и коровы. Животные располагались в могильной яме на животе (?) с подогнутыми передними и задними ногами, головами ориентированы на Ю. В лобной части черепов имелись овальные отверстия от удара. Сопроводительный инвентарь отсутствовал (рис. 31 -1).

Погребение № 74. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных разрозненных плиток красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2,4 × 0,65 м, глубиною до 1 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение человека (пол и возраст не определен) произведено непосредственно на грунте могильной ямы без дополнительных деревянных конструкций. Погребенный располагался вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на бедрах, головой ориентирован на С. У правой руки находились три железные пластины (в коллекции отсутствуют) и еще одна железная изогнутая пластина с петелькой на одном конце (рис. 31 -2).

Погребение № 75. Надмогильное сооружение представляло собой овальную плоскую кладку (?) из плит красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2,4 × 1,2 м, глубиною до 1,25 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на правом боку, головой ориентировано на С. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 76. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных разрозненных плиток красноцветного кембрийского песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2,8 × 0,8 м, глубиною до 0,9 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение человека (пол и возраст не определен) произведено в колоде. Погребенный располагался вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на бедрах, головой ориентирован на С. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 77. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных разрозненных плиток песчаника. Могильная яма овальной формы, размером 2,4 × 0,4 м, глубиною до 1 м, ориентирована по длинной оси с Ю на С. Захоронение человека (пол и возраст не определен) произведено в колоде удлиненно-прямоугольной формы, размером 2,2 × 0,4 м. Погребение ограблено в древности. Кости скелета находились в беспорядке. Среди костей найдены: обломок железной пластинки (в коллекции отсутствует), фрагменты берестяного мешочка (рис. 31 -3) и кусочки кожи от обуви.

Погребение № 78. Надмогильное сооружение представляло собой круг (?) из отдельных разрозненных плиток красноцветного кембрийского песчаника. Погребение парное на глубине 0,8 м от современной дневной поверхности в могильной яме, на грунте находились разрозненные кости скелета женщины (пол и возраст не определен) и ребенка. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Доглан. Могильник находится в Нукутском районе Иркутской области в 7 км северо-восточнее с. Нукуты и в 3,5 км северо-западнее с. Хамхар на юго-восточном склоне урочища Турён (рис. 1; 32). Своё название он получил по самой высокой точке урочи-

ща — горы Доглан. Склон открытый, покрыт невысокой травой. Лесная растительность имеется только в распадках по обе стороны склона урочища. В предварительных публикациях [Николаев, 1993] памятник назван Даглан-1, что не совсем правильно, поскольку название горы Доглан пишется на всех географических картах через «о», а литер «-1» к данному могильнику не применим, так как других памятников такого характера обнаружить не удалось.

Памятник открыт в 1989 г. Унгинским археологическим отрядом КНИЭ ИОКМ под руководством мл. науч. сотрудника музея О.Б. Варламова, при участии автора настоящей работы. В этом же году отрядом раскопано пять погребений могильника и один ритуальный комплекс. Дальнейшие исследования памятника проводились автором в 1999–2001 гг.

Могильник Доглан условно можно разделить на три части: 1) основное (большее) скопление погребений; 2) дополнительное (малое) скопление погребений; 3) ритуальные комплексы.

Основное скопление погребений состоит из 93 визуально читаемых надмогильных сооружений овальной или округлой формы, сложенных из плит красноцветного кембрийского песчаника. Занимает юго-восточную часть склона горы (рис. 33). За четыре года исследований (1989, 1999–2001 гг.) сплошным раскопом, развернутым в юго-западной части скопления, выявлено 19 погребений и один ритуальный комплекс (рис. 33; 34; 35).

Дополнительное (малое) скопление погребений расположено в 25 м юго-западнее основного скопления и состоит из 17 визуально читаемых надмогильных сооружений овальной или округлой форм, сложенных из плит красноцветного кембрийского песчаника (рис. 33).

Ритуальные комплексы располагались в 30 м юго-западнее малого скопления погребений и состояли из двух слабо прослеживаемых на современной дневной поверхности западин округлой формы. В 1989 и 1999 гг. эти комплексы раскопаны автором (рис. 33).

Общая вскрытая площадь памятника составляет 385 кв. м.

Погребение № 1. Надмогильная кладка овальной формы, плоская, сплошная, ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ. Сложена из плит красноцветного кембрийского песчаника, средние размеры которых 0,30 × 0,25 м, размеры кладки 3,1 × 1,7 м (рис. 36 -1). Могильное пятно овальной формы, размерами 2,4 × 0,8 м, зафиксировано сразу под плитами кладки. Могильная яма овальной формы, размерами 2,25 × 0,6 м, глубиной до 0,8 м. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на СЗ. В лобной части черепа имелось овальное отверстие от удара. В зубах коня находились железные удила (рис. 36 -2, 3).

Погребение № 2. Располагалось в 0,5 м южнее погребения № 1 (рис. 34; 35). Надмогильная кладка овальной формы, плоская, сплошная, ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ. Сложена из плит красноцветного кембрийского песчаника, средние размеры которых 0,35 × 0,25 м, размеры кладки 2,5 × 1,5 м (рис. 37 -1). Могильное пятно овальной формы, размерами 2,5 × 0,9 м, зафиксировано сразу под плитами кладки. Могильная яма овальной формы, размерами 2,4 × 0,8 м, глубиной до 1 м. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на СЗ. В лобной части черепа имелось овальное отверстие от удара. В зубах лошади находились железные удила (рис. 37 -2, 3).

Погребение № 3. Располагалось в 2 м юго-западнее погребения № 2 (рис. 34; 35). Надмогильная кладка овальной формы, плоская, сплошная, ориентирована по длинной

оси с ЮВ на СЗ. Сложена из плит красноцветного кембрийского песчаника, средние размеры которых $0,35 \times 0,25$ м, размеры кладки $2,8 \times 1,5$ м (рис. 38 -1). Могильное пятно овальной формы, размерами $2,3 \times 1$ м, зафиксировано сразу под плитами кладки. Могильная яма овальной формы, размерами $2,2 \times 0,9$ м, глубиной до $0,75$ м. Захоронение лошади и жеребенка. Лошадь располагалась в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентирована на СЗ. В лобной части черепа животного имелось овальное отверстие от удара. Жеребенок располагался на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, с правой стороны от лошади. В лобной части черепа имелось прямоугольное отверстие от удара (рис. 38 -2). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 4. Располагалось в $1,8$ м юго-восточнее погребения № 3 (рис. 34; 35). Надмогильное сооружение представляло собой несомкнутый круг диаметром около 4 м, состоящий из отдельных плит красноцветного кембрийского песчаника, в центре которого наблюдалась западина, средние размеры плит $0,35 \times 0,40$ м (рис. 39). Могильное пятно овальной формы, размерами $2,5 \times 1$ м, зафиксировано в центре круга на глубине $0,45$ м от современной дневной поверхности, ориентировано по длинной оси с ЮВ на СЗ. Могильная яма подпрямоугольной вытянутой формы, размерами $2,3 \times 0,8$ м, глубиной до $0,7$ м, ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ. Погребение полностью ограблено в древности. В средней части могильной ямы удалось зафиксировать только отдельные кости руки и позвонок человека. Сопроводительный инвентарь отсутствовал (рис. 39).

Погребение № 5. Располагалось восточнее погребения № 4, надмогильные сооружения погребений № 4 и № 5 соприкасались (рис. 34; 35). Надмогильное сооружение представляло собой несомкнутый круг диаметром $3,5$ м, состоящий из отдельных плит красноцветного кембрийского песчаника, в центре которого наблюдалась западина, средние размеры плит $0,35 \times 0,40$ м (рис. 40 -1). Могильное пятно овальной формы, размерами $2,2 \times 0,7$ м, располагалось в центре круга на глубине $0,4$ м от современной дневной поверхности, ориентировано по длинной оси с ЮВ на СЗ. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами $2,1 \times 0,6$ м, глубиной до $0,85$ м, ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ. Захоронение женщины $25-30$ лет (*adultus*) произведено в могильной яме на грунте. Погребенная располагалась вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Череп находился на правой большой берцовой кости (перетащен сусликом). По окончании ног женщины имелась деревянная дощечка, поставленная на ребро перпендикулярно могильной яме. С левой стороны, у изголовья в северо-западном углу могильной ямы находились железные ножницы (рис. 40 -1, 2, 3).

Погребение № 6. Находилось в северо-западной части раскопа (рис. 34; 35). Надмогильная кладка овальной формы, плоская, сплошная, с небольшим выступом — «сторожком», ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ. Сложена из плит красноцветного кембрийского песчаника, средние размеры которых $0,40 \times 0,35$ м, размеры кладки $3,5 \times 1,8$ м (рис. 41 -1). Могильное пятно овальной формы, размерами $2,25 \times 0,85$ м зафиксировано сразу под плитами кладки. Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы, размерами $2,2 \times 0,8$ м, глубиной до 1 м. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на СЗ. В лобной части черепа имелось овальное отверстие от удара. В зубах лошади находились железные удила (рис. 41 -2, 3).

Погребение № 7. Располагалось в 1 м севернее погребения № 6 (рис. 34; 35). Надмогильная кладка плоская, сплошная, овальной формы, сложена из плит красноцветного кембрийского песчаника, ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ, средние

размеры которых $0,3 \times 0,4$ м, размеры кладки $2,35 \times 1,25$ м (рис. 42 -1). Могильное пятно овальной формы, размерами $2,3 \times 0,8$ м, зафиксировано сразу под плитами кладки. Могильная яма неправильной овальной формы, размерами $2,25 \times 0,75$ м, глубиной до $0,85$ м. Захоронение лошади. Животное находилось в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на СЗ. В лобной части черепа имелось округлое отверстие от удара (рис. 42 -2). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 8. Располагалось в 1 м юго-восточнее погребения № 7 (рис. 34; 35). Надмогильная кладка плоская, сплошная, овальной формы, сложена из плит красноцветного кембрийского песчаника, ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ, средние размеры которых $0,45 \times 0,40$ м, размеры кладки $2,9 \times 1,75$ м (рис. 43 -1). В 20 см от северо-западной оконечности кладки зафиксирована половинка челюсти лошади, возможно, обозначающая «сторожок» (рис. 43 -1). Могильное пятно овальной формы, размерами $2,55 \times 0,95$ м, зафиксировано сразу под плитами кладки. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами $2,45 \times 0,85$ м, глубиной до 1 м. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на СЗ. В лобной части черепа имелось округлое отверстие от удара (рис. 43 -2). В зубах коня находились железные витые удила, с левой и правой сторон черепа зафиксированы железные бляшки — украшения ремней оголовья (рис. 43 -3-12).

Погребение № 9. Располагалось в 1 м севернее погребения № 8 (рис. 34; 35). Надмогильная кладка плоская, сплошная неправильной овальной формы, сложена из плит красноцветного кембрийского песчаника, ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ, отдельные плиты в юго-восточной части отсутствуют, средние размеры плит $0,40 \times 0,35$ м, размеры кладки $2,5 \times 1,8$ м (рис. 44 -1). Могильное пятно размерами $2,4 \times 0,85$ м неправильной овальной формы зафиксировано сразу под плитами кладки. Могильная яма овальной формы, размерами $2,3 \times 0,8$ м, глубиной до $0,85$ м. Захоронение коровы. Животное находилось в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на СЗ. В лобной части черепа имелось овальное отверстие от удара (рис. 44 -2). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 10. Располагалось в 2,7 м северо-восточнее погребения № 9 (рис. 34; 35). Надмогильная кладка овальной формы, сложена из плит красноцветного кембрийского песчаника, ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ, средние размеры плит $0,25 \times 0,30$ м, размеры кладки $2,7 \times 1,45$ м (рис. 44 -3). Могильное пятно овальной формы зафиксировано непосредственно под плитами кладки, размеры $2,25 \times 0,85$ м. Могильная яма овальной формы, размерами $2,15 \times 0,75$ м, глубиной до $0,85$ м. Захоронение коровы с телёнком. Корова располагалась в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой на СЗ. В лобной части черепа имелось овальное отверстие от удара. Телёнок находился в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами с левой стороны от коровы, головой ориентирован на СЗ. В лобной части черепа имелось округлое отверстие от удара (рис. 44 -4). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 11. Располагалось в 2 м южнее погребения № 10 (рис. 34; 35). Надмогильная кладка овальной формы, сложена из плит красноцветного кембрийского песчаника, ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ, средние размеры плит $0,35 \times 0,40$ м, размеры кладки $2,8 \times 1,45$ м (рис. 45 -1). Могильное пятно овальной формы зафиксировано непосредственно под плитами кладки, размеры $2,4 \times 0,9$ м. Могильная яма овальной формы, размерами $2,35 \times 0,85$ м, глубиной до $0,8$ м. Захоронение лошади.

Животное располагалось в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на СЗ. В лобной части черепа имелось овальное отверстие от удара. В зубах лошади находились железные удила (рис. 45 -2, 3).

Погребение № 12 (ритуальный комплекс). Располагалось в 0,7 м южнее погребения № 11 (рис. 34; 35). Надмогильная кладка округлой формы сложена из плит красноцветного кембрийского песчаника, средние размеры которых $0,25 \times 0,30$ м (рис. 46 -1). Могильное пятно округлой формы, размерами $0,55 \times 0,6$ м, располагалось непосредственно под плитами кладки. Могильная яма округлой формы, размерами $0,5 \times 0,55$ м, глубиной до 0,5 м. В центре ее находились остатки деревянного дощатого ящика квадратной формы, размерами $0,4 \times 0,45$ м, заполненного жжеными костями барана, фрагментами дерева, мелким древесным углем и золой (рис. 46 -2). Среди костей были обнаружены железный нож (рис. 46 -3) и золотая бляшка (рис. 46 -4).

Погребение № 13. Располагалось в 0,4 м восточнее погребения № 12 (рис. 34; 35). Надмогильное сооружение представляло собой круг диаметром 4,3–4,6 м, состоящий из отдельных плит красноцветного кембрийского песчаника, в центре которого наблюдалась западина, средние размеры плит $0,45 \times 0,35$ м (рис. 47). Могильное пятно овальной формы, размерами $2,2 \times 0,9$ м располагалось в центре круга на глубине 0,35 м от современной дневной поверхности, ориентировано по длинной оси с ЮВ на СЗ. Могильная яма овальной формы, размерами $2,05 \times 0,8$ м, глубиной до 0,85 м. Погребение женщины 25–30 лет (*adultus*), частично ограблено в древности. Захоронение произведено в колоде плохой сохранности — сохранились торцы и части боковых стенок, длина колоды — 1,7 м, ширина — 0,45 м. Труположение погребенной — вытянуто на спине, руки вдоль туловища кисти на бедрах. Головой женщина ориентирована на СЗ. Череп отсутствовал. Анатомический порядок средней части костяка нарушен грабителями (рис. 48 -1). Сопроводительный инвентарь зафиксирован около верхнего торца колоды: медная бляшка — украшение шапочки (рис. 48 -13) и в средней части — железные части седла (рис. 48 -2–12).

Погребение № 14. Располагалось юго-западнее погребения № 13, причем их надмогильные конструкции соприкасались (рис. 34; 35). Надмогильное сооружение представляло собой круг диаметром 4,1 \times 4,4 м, сложенный из отдельных плит красноцветного кембрийского песчаника, в центре которого наблюдалась западина, средние размеры плит $0,4 \times 0,3$ м (рис. 49). Могильное пятно овальной формы, размерами $2,55 \times 0,9$ м располагалось в центре круга на глубине 0,35 — 0,4 м от современной дневной поверхности, ориентировано по линии с ЮВ на СЗ. Могильная яма овальной формы, размерами $2,45 \times 0,75$ м, глубиной до 1,1 м. Погребение мужчины 25–30 лет (*adultus*). Частично ограблено в древности. Захоронение произведено в колоде плохой сохранности — сохранились торцы и части боковых стенок, длина колоды — 2,1 м, ширина — 0,45 м. Труположение — вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на костях таза. Наиболее сильно разрушена поясная часть костяка. В средней части могилы с левой и правой сторон находилось по кости барана, за нижним торцом колоды располагалось седло, деревянная основа которого не сохранилась (рис. 50 -1). Найден роговой кант окантовки передней луки седла (рис. 50 -5), железная петля торока (рис. 50 -4) и пара железных стремян (рис. 50 -2–3).

Погребение № 15. Располагалось северо-западнее погребения № 14, причем их надмогильные сооружения соприкасались (рис. 34; 35). Надмогильное сооружение представляло собой круг диаметром 4,2 \times 4,3 м, сложенный из отдельных плит красноцветного кембрийского песчаника, в центре которого наблюдалась западина, средние размеры плит $0,4 \times 0,3$ м (рис. 51). Могильное пятно овальной формы, размерами $2,5 \times 0,9$ м

располагалось в центре конструкции, на глубине 0,3 — 0,35 м от современной дневной поверхности, ориентировано по линии с ЮВ на СЗ. Могильная яма овальной формы, размерами 2,45 × 0,85 м, глубиной до 1 м. Погребение мужчины 40–45 лет (*maturus*). Захоронение произведено в колоде плохой сохранности — сохранились торцы и части боковых стенок, длина колоды — 2,1 м, ширина — 0,45 м. Труположение — вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на костях таза, череп и плечевые кости сдвинуты норой суслика (рис. 52 -1).

В средней части могилы, с левой-правой внешних сторон ног мужчины, находился расчлененный скелет барана (*Ovis aries*) в возрасте до 1 года. Распределение частей туши относительно человека выглядело следующим образом: с левой стороны — левая берцовая кость, череп (без нижней челюсти), поясничные позвонки, ребра; с правой стороны — нижняя челюсть, правая берцовая кость, ребра, остатки позвоночника, тазовая кость.

Сопроводительный инвентарь погребения располагался, в основном, в средней части могилы возле пояса покойного. Представлен следующими предметами: фрагментами двух сложносоставных луков (рис. 52 -2–6); фрагментами колчана из кожи с одним железного креплением португеи (рис. 52 -19); семью железными наконечниками стрел (рис. 52 -7–13); поясной железной пряжкой (рис. 52 -14); железной бляшкой — украшением пояса (рис. 52 -16); железным ножом (рис. 52 -18); кресалом (рис. 52 -17); железной пластиной с подвижным кольцом (рис. 52 -15); гвоздиком (рис. 52 -20). На нижнем торце колоды имелись небольшие истлевшие фрагменты светло-коричневой ткани, изготовленной из растительного сырья (лён?).

Погребение № 16. Располагалось юго-восточнее погребения № 15 (рис. 34; 35). Надмогильная кладка овальной формы, сложена из плит красноцветного кембрийского песчаника, ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ, средние размеры плит 0,25 × 0,35 м, размеры кладки 2,6 × 1 м (рис. 53 -1). Могильное пятно прослеживалось сразу после снятия плит кладки. Имело овально-вытянутую форму, размеры 2,15 × 0,75 м. Могильная яма овальной формы, размерами 2,05 × 0,65 м, глубиной до 0,8 м. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на СЗ. В лобной части черепа имелось округлое отверстие от удара. В зубах коня находились железные удила (рис. 53 -2, 3).

Погребение № 17. Располагалось в 0,5 м южнее погребения № 16 (рис. 34; 35). Надмогильное сооружение представляло собой неправильный круг из плит красноцветного кембрийского песчаника диаметром 5 × 4,5 м, в центре которого наблюдалась небольшая западина. Средние размеры плит 0,3 × 0,4 м (рис. 54). Могильное пятно овальной формы, размером 1,9 × 1,1 м располагалось в центре конструкции на глубине 30–40 см от современной дневной поверхности, ориентировано по длинной оси с ЮВ на СЗ. Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы, размерами 1,8 × 1 м, глубиной до 0,6 м, с правой стороны укорочено-изогнутая. Парное погребение детей.

Левый костяк. Захоронение подростка 12–14 лет (*infantilis II*), произведено в дощатом ящике-гробе из досок обзола (с сохранением коры) прямоугольной формы, размером 1,4 × 0,4 м, высотой 0,20 — 0,25 м (рис. 55 -1). Труположение — вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на костях таза. Череп раздавлен, лицевой частью развернут на ЮЗ. Длина костяка 1,25 м (рис. 55 -2). На правой берцовой кости погребенного находилась срединная фронтальная роговая накладка сложносоставного лука (рис. 55 -3). У правой и левой тазовых костей располагались железные ножи (рис. 55 -6, 7); в районе крестца — две железные пряжки (рис. 55 -4, 5).

Правый костяк. Захоронение ребенка до 7 лет (*infantilis I*), произведено в дощатом ящике-гробе из досок обзола (с сохранением коры) прямоугольной формы, размером 1,1 × 0,3 м, высотой 0,20 — 0,25 м (рис. 55 -1). Труположение — вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на костях таза. Череп раздавлен и потревожен грызунами. Кости стоп ног отсутствовали. Длина костяка 1 м (рис. 55 -2). У левой берцовой кости покойного находился железный нож (рис. 55 -8).

Погребение № 18. Располагалось восточнее погребения № 17, причем надмогильные сооружения обоих погребений практически соприкасались (рис. 34; 35). Надмогильное сооружение представляло собой овал из плотно подогнанных друг к другу плит красноцветного кембрийского песчаника размером 2,1 × 1,35 м, средние размеры плит 0,40 × 0,35 м (рис. 56 -1). Могильное пятно размером 1,55 × 0,55 м подпрямоугольной формы, ориентированное по линии с ЮВ на СЗ, прослеживалось сразу после снятия плит на глубине 0,2–0,3 м от современной дневной поверхности. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,5 × 0,5 м, глубиной до 1,1 м. Захоронение ребенка 8–10 лет (*infantilis II*). Погребение совершено в деревянном ящике из тонких досок с неснятой корой, дополнительно ящик обернут редкими полосами тонкой бересты (рис. 56 -2). Труположение — вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на тазовых костях, головой ориентирован на СЗ (рис. 56 -3). Длина костяка — 1,35 м. Сопроводительный инвентарь в виде серединной фронтальной накладки от сложноставного лука (рис. 56 -4) находился рядом с левым коленным суставом ребенка.

Погребение № 19. Располагалось в 2,8 м севернее погребения № 18 (рис. 34; 35). Надмогильная кладка овальной формы, сложена из плит красноцветного кембрийского песчаника, ориентирована по длинной оси ЮВ-СЗ, средние размеры плит 0,25 × 0,35 м. Размеры кладки 2,6 × 1,6 м (рис. 57 -1). Могильное пятно прослеживалось сразу после снятия плит кладки и имело подпрямоугольную форму размером 1,7 × 0,9 м. Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы размерами 1,6 × 0,7 м глубиной до 0,70 м, с правой стороны укорочено-изогнутая. Парное погребение детей.

Левый костяк. Захоронение ребенка 14–15 лет (*infantilis II*), произведено в дощатом ящике-гробе прямоугольной формы, размером 1,45 × 0,3 м, высотой — 0,20–0,25 м (рис. 57 -2). Труположение — вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на костях таза. Череп слегка развернут лицевой частью на ЮВ, кости правой стопы отсутствовали полностью, от левой имелась только пяточная кость. Головой погребенный ориентирован на СЗ. Длина костяка 1,45 м (рис. 57 -3). В области грудной клетки находился железный нож (рис. 57 -4), на крестце — железная пряжка (рис. 57 -5), на правой большой берцовой кости ближе к тазу находился обломок кресала (рис. 57 -6).

Правый костяк. Захоронение ребенка 2–3 лет (*infantilis I*), произведено в дощатом ящике-гробе подпрямоугольной формы, размером 0,8 × 0,25 м, высотой 0,15–0,20 м (рис. 57 -2). Труположение — вытянуто на спине, череп развернут лицевой частью на ЮЗ, сохранность костей плохая. Головой погребенный ориентирован на СЗ. Длина костяка 0,5 м (рис. 57 -3). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 20. Располагалось в 1 м восточнее погребения № 19 (рис. 34; 35). Надмогильное сооружение овальной формы с незаполненной серединой, сложено из плит красноцветного кембрийского песчаника, ориентировано по длинной оси с ЮВ на СЗ, средние размеры плит 0,25 × 0,35 м, размеры кладки 2,2 × 1,5 м (рис. 58 -1). Могильное пятно прослеживалось сразу после снятия плит кладки и имело подпрямоугольную форму, размерами 1,9 × 1,1 м. Могильная яма неправильной подпрямоугольной формы, размерами 1,75 × 0,95 м, глубиной до 0,7 м, с правой стороны укорочено-изогнутая. Парное погребение детей.

Левый костяк. Захоронение ребенка 10–12 лет (*infantilis II*), произведено в дощатом ящике-гробе прямоугольной формы, размером 1,45 × 0,35 м, высотой — 0,20–0,25 м (рис. 58 -2). Труположение — вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Череп слегка развернут лицевой частью на ЮВ, кости стоп неполные. Головой погребенный ориентирован на СЗ. Длина костяка 1,15 м. Сопроводительный инвентарь отсутствовал (рис. 58 -3).

Правый костяк. Захоронение ребенка 4–6 лет (*infantilis I*), произведено в дощатом ящике-гробе подпрямоугольной формы, размером 1 × 0,3 м, высотой 0,2 м (рис. 58 -2). Труположение — вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на костях таза. Кости обеих стоп отсутствовали. Череп развернут лицевой частью на ЮЗ, головой погребенный ориентирован на СЗ. Длина костяка 0,95 м (рис. 58 -3). Около затылочной кости черепа найдена костяная пуговица (рис. 58 -4).

Ритуальный комплекс № 1. Располагался в 78 м юго-западнее основного раскопа (рис. 33). Выделялся на поверхности небольшой округлой западиной глубиной до 0,2 м. На месте западины развернут небольшой раскоп общей площадью 16 кв.м.

На глубине 0,35 м от современной дневной поверхности зафиксировано темное пятно овальной формы, размерами 1,8 × 0,8 м. Яма овальной формы, размерами 1,7 × 0,7 м, глубиной до 0,65 м. На дне её находились отдельные ребра коня. В северо-западной части ямы лежали железные удила (рис. 59 -1, 2).

Ритуальный комплекс № 2. Располагался в 8 м севернее ритуального комплекса № 1, раскопанного в 1989 г. (рис. 33). До начала раскопочных работ выделялся на современной дневной поверхности небольшой западиной с отдельными, слабо читаемыми торчащими плитками песчаника в виде неправильного круга. На их месте развернут раскоп общей площадью 14 кв.м.

Сооружение представляло собой незамкнутый круг, сложенный из отдельных плит красноцветного кембрийского песчаника диаметром 4 × 3,7 м, средние размеры плит 0,3 × 0,4 м (рис. 60 -1). В центре круга располагалось пятно темно-серого цвета, овальной формы, ориентированное по длинной оси с ЮВ на СЗ, размером 0,9 × 0,45 м. Яма овальной формы, размерами 0,85 × 0,35 м, глубиной до 0,9 м, заполнена отдельными костями барана (*Ovis aries*) в возрасте до 1 года: ребра, шейные и поясничные позвонки, берцовые кости, лопатка. Среди костей в средней части ямы был обнаружен железный нож, направленный острием вниз (рис. 60 -2).

МОГИЛЬНИКИ БЕЗ КАМЕННЫХ НАДМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ

Шебуты-III. Могильник находился на левом берегу приустьевом участка Осинского залива Братского водохранилища в Осинском районе Иркутской области в 2,5 км от пос. Рассвет (рис. 1; 61). До затопления ложа водохранилища данная территория представляла собой свободный от леса пологий северо-восточный склон левого борта пади «Шэбутэ», обращенный в сторону р. Осы. Высота от уреза р. Ангары — 40–50 м. Памятник исследован в 1985 г. Ангарским археолого-этнографическим отрядом КНИЭ ИОКМ под руководством Бердниковой (Смотровой) Валентины Ивановны [Уваров, Бердникова, 1987, с.288]. В связи с преждевременной кончиной В.И. Бердниковой материалы памятника обработаны и частично введены в научный оборот автором настоящей работы [Николаев, 1993а; Бердникова, Николаев, 1994, с.57–78; Николаев, 2003а].

На могильнике сплошным раскопом общей площадью 160 кв. м. выявлено 13 грунтовых захоронений, расположенных двумя параллельными рядами по линиям с востока на запад (рис. 62).

Первый, северо-западный ряд захоронений (погребения № 1-4, 10) представлен погребениями лошадей и частично разрушен обвалом берега. Второй ряд погребений располагался в 2–3 м юго-восточнее первого и состоял из семи человеческих захоронений (погребения № 5–9, 11, 13). Юго-западнее погребения № 11 находилось детское захоронение № 12 (рис. 62).

Погребение № 1. Частично разрушено береговой осыпью. Захоронение принадлежало лошади. Могильная яма овальной формы, ширина — 0,75 м, глубина — 0,7 м, ориентирована по линии с ЮВ на СЗ. Сохранились в не потревоженном состоянии только задняя часть скелета (кости таза, конечностей, крестец). Судя по их расположению, лошадь была положена в могильную яму на живот с подогнутыми под брюхо передними (?) и задними ногами, головой ориентирована на СЗ (рис. 63 -1). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 2. Располагалось в 1,2 м восточнее погребения № 1 (рис. 62). Частично разрушено береговой осыпью. Захоронение лошади. Могильная яма овальной формы, шириной 0,85 м, глубиной до 0,75 м, ориентирована по линии с ЮВ на СЗ. В не потревоженном состоянии сохранилась задняя и частично средняя часть скелета (кости таза, нижних конечностей, позвоночника). Судя по расположению сохранившихся костей скелета, лошадь положена в могильную яму на живот, с подогнутыми передними (?) и задними ногами, головой ориентирована на СЗ (рис. 63 -2). В осыпи найдены железные удила (рис. 64 -1), одно железное стремя (рис. 64 -8) и костяная «свистулька» от наконечника стрелы (рис. 64 -3). Около самого обрыва, в верхней части могильной ямы, найдены две железные распределительные пряжки ремней оголовья (рис. 64 -2). На ребрах лошади выявлены фрагменты седла в виде рогового канта (рис. 64 -4) и железных петель для приторачивания (рис. 64 -5, 6), с правой стороны «туловища» — железное стремя (рис. 64 -9), с левой — железный ковш (рис. 64 -7). Судя по расположению и составу сопроводительного инвентаря, лошадь при захоронении была полностью взнузданной и оседланной.

Погребение № 3. Находилось в 1,5 м восточнее погребения № 2 (рис. 62). Частично разрушено береговой осыпью. Могильная яма овальной формы, шириной 0,8 м, глубиной до 0,7 м, ориентирована по линии с ЮВ на СЗ. Захоронение лошади. Анатомический порядок сохранили кости таза, нижних конечностей и части позвоночника. Судя по их расположению, лошадь находилась в могильной яме на животе, с подогнутыми передними (?) и задними ногами, головой ориентирована на СЗ. В осыпи найдены железные удила (рис. 65 -1, 2).

Погребение № 4. Располагалось в 1,3 м восточнее погребения № 3 (рис. 62). Обнаружено по пятну темного цвета овальной формы, размерами 2,1 × 0,85 м. Могильная яма овальной формы, размерами 2 × 0,78 м, глубиной до 0,8 м, ориентирована по линии с ЮВ на СЗ. Захоронение лошади и жеребенка. Животные располагались в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентированы на СЗ. В лобной части черепов имелись округлые отверстия от удара (рис. 65 -3). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 5. Находилось в 3 м юго-восточнее погребения № 1 (рис. 62). Выявлено по пятну темного цвета овально-вытянутой формы, размерами 2,3 × 0,8 м. Могильная яма подпрямоугольной, слегка расширенной в северо-западной части формы, размерами 2,2 × 0,75 м, глубиной до 0,7 м, ориентирована по линии с ЮВ на СЗ. Захоронение женщины 25–30 лет (*adultus*), произведено в колоде удлинено-прямоугольной формы, размерами 2,1 × 0,5 м. Крышка колоды практически полностью сгнила, сохранность остальной части колоды хорошая. Женщина располагалась в колоде вытянуто на спине,

руки вдоль туловища, кисти на тазовых костях, головой ориентирована на СЗ, лицевая часть черепа слегка развернута на ЮВ (рис. 66 -1). Длина костяка — 1,6 м. Вдоль левой голени погребенной находилась часть позвоночника барана, положенная в колоду в качестве ритуальной пищи. Все предметы располагались с внешней стороны правой берцовой кости и голени костяка и состояли из железного сломанного кольца и изогнутого стержня (рис. 66 -2, 3); железным кольцом (рис. 66 -5); железной пластинкой, сломанной на две части (рис. 66 -7); фрагментом железного стержня (рис. 66 -6); железным изделием полуовальной формы неизвестного назначения (рис. 66 -4).

Погребение № 6. Находилось в 0,9 м северо-восточнее погребения № 5 (рис. 62). Выявлено по пятну темного цвета овально-вытянутой формы, размерами 3 × 0,85 м. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,9 × 0,8 м, глубиной до 0,8 м, ориентирована по линии с ЮВ на СЗ. Захоронение мужчины 35–40 лет (maturus), произведено в колоде удлинено-прямоугольной формы, размерами 2,5 × 0,5 м. Крышка колоды и стенки практически полностью сгнили, хорошо сохранились только торцы. Погребенный располагался в колоде вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на тазовых костях. Головой ориентирован на СЗ (рис. 67 -1). Длина костяка 1,8 м. Между левой и правой голенью погребенного располагалась часть позвоночника барана, положенная в колоду в качестве ритуальной пищи. Сопроводительный инвентарь располагался в погребении следующим образом: с правой стороны колоды, в ее средней части, зафиксированы остатки сложносоставного лука в виде серединной фронтальной и плечевой фронтальной накладок из рога (рис. 67 -2, 3); две железные петли (рис. 67 -15, 16); железная скоба (рис. 67 -11); шесть железных наконечников стрел (рис. 67 -4–9), находившихся в колчане на деревянной основе, обтянутой кожей остриями вниз. От колчана сохранились железный крюк для подвешивания (рис. 67 -12) и две железные заклепки крепления (рис. 67 -13, 14). Судя по остаткам тлена длина колчана составляла 75 см. С внутренней стороны левой берцовой кости, в средней ее части, находился железный нож (рис. 67 -11); на торце колоды находилось железное стремя, еще одно стремя зафиксировано у правого края колоды (рис. 67 -17, 18); по краям колоды были найдены четыре железных гвоздика (рис. 67 -19–22). В районе стоп покойного отмечены небольшие кусочки кожи, вероятно, от обуви. Рядом с левой стенкой колоды с внешней стороны зафиксированы небольшие истлевшие фрагменты ткани.

Погребение № 7. Находилось в 1,5 м восточнее погребения № 6 (рис. 62). Выявлено по пятну темного цвета овально-вытянутой формы, размерами 2,5 × 0,8 м. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,35 × 0,7 м, глубиной до 0,7 м, ориентирована по линии с ЮВ на СЗ. Захоронение мужчины 35–40 лет (maturus), произведено в колоде удлинено-прямоугольной формы, размерами 2,2 × 0,5 м. Крышка колоды и стенки практически полностью сгнили, хорошо сохранились только торцы. Под крышкой колоды, в средней части скелета рядом с левой тазовой костью, отмечено скопление зерен гречихи выюнковой (*Polygonum convolvulus* L.), вероятно, находившейся в мешочке из ткани. Костяк потревожен грызунами. По сохранившимся костям скелета установлено, что покойный располагался в колоде вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на бедрах, головой ориентирован на СЗ (рис. 68 -1). Длина костяка 1,7 м. В левом нижнем углу колоды находилась часть позвоночника барана, положенная в качестве ритуальной пищи. Около стоп покойного находились небольшие кусочки толстой кожи от обуви. Сопроводительный инвентарь состоял из остатков сложносоставного лука в виде трех фронтальных накладок, располагавшихся на правой плечевой кости покойного и верхнем торце колоды (рис. 68 -2, 3, 4); восьми стрел, от которых сохранились железные наконечники (рис. 68 -5, 6, 8–12). Судя по остаткам тлена, стрелы находились в сгнившем

кожаном колчане, остриями вниз. Колчан, длиною 70–75 см, находился в средней части могильной ямы, около локтевого сгиба правой руки. Рядом с наконечниками стрел находился железный топорик с остатками деревянной рукояти (рис. 69 -1). На голени правой ноги костяка располагались следующие предметы: фрагменты седла и сбруи в виде рогового канта (рис. 69 -3); роговая пластинка-украшение (рис. 69 -4); железные петли и кольца торока (рис. 70); два железных стремени, украшенных серебряной насечкой (рис. 71 -1, 2); 10 железных бляшек (украшения оголовья) прямоугольной (рис. 71 -1-6), овальной (рис. 69 -5) и округлой форм (рис. 69 -6); деревянная подпружная (?) пряжка (рис. 69 -2); железная петелька (рис. 68 -7).

Погребение № 8. Находилось в 0,5 м восточнее погребения № 7 (рис. 62). Зафиксировано по пятну темного цвета подпрямоугольной формы, размерами 1,4 × 0,5 м. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,35 × 0,45 м, глубиною до 0,7 м, ориентирована по линии с ЮВ на СЗ. Захоронение подростка-девочки (?) 10–12 лет (*infantilis II*), произведено в дощатом ящике-гробе прямоугольной формы, размерами 1,2 × 0,35 м. Ящик изготовлен из струганных сосновых досок шириною 15–20 см, толщиной 2–3 см, соединенных между собой в паз без гвоздей. Ребенок располагался в ящике вытянуто на спине, руки вдоль туловища, левая кисть под тазом, правая на шейке бедра. Головой ориентирован на СЗ, череп развернут лицевой частью на ЮВ (рис. 72 -1). Длина костяка 1,1 м. С правой стороны черепа, на ключице, находилась глиняная чашечка (рис. 72 -2).

Погребение № 9. Находилось в 1 м восточнее погребения № 8 (рис. 62). Выявлено по пятну темного цвета овально-вытянутой формы, размерами 2,2 × 0,7 м. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,1 × 0,65 м, глубиною до 0,75 м, ориентирована по линии с ЮВ на СЗ. Захоронение мужчины 25–30 лет (*adultus*), произведено в колоде, удлинено-прямоугольной формы, размерами 1,95 × 0,5 м. Крышка колоды и стенки практически полностью сгнили, хорошо сохранились только торцы. Мужчина располагался в колоде вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на тазовых костях, головой ориентирован на СЗ, череп слегка развернут на ЮВ (рис. 72 -3). Длина костяка — 1,65 м. Рядом с левой большой берцовой костью находились железные удила (рис. 73 -1). Около коленного сустава правой ноги с внешней стороны имелись остатки седла в виде роговой подпружной пряжки (рис. 73 -2), фрагменты железной накладки, фрагменты рогового канта очень плохой сохранности.

Погребение № 10. Находилось в 2,2 м северо-восточнее погребения № 9 и в 2 м восточнее погребения № 4 (рис. 62). Обнаружено по пятну темного цвета овальной формы, размерами 2,1 × 0,8 м. Могильная яма овальной формы, размерами 2 × 0,6 м, глубиною до 0,8 м, ориентирована по линии с ЮВ на СЗ. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на СЗ. В лобной части черепа имелось округлое отверстие от удара тупым предметом. Среди ребер лошади около левой лопатки находились железные удила (рис. 73 -3, 4).

Погребение № 11. Находилось в 4 м восточнее погребения № 9 и в 2,2 м юго-восточнее погребения № 10 (рис. 62). Зафиксировано по пятну темного цвета подпрямоугольной формы, размерами 1,8 × 0,6 м. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,75 × 0,55 м, глубиною до 0,7 м, ориентирована по линии с ЮВ на СЗ. Захоронение подростка-мальчика (?) 12–14 лет (*infantilis II*), произведено в дощатом ящике-гробе прямоугольной формы, размерами 1,6 × 0,45 м. Ящик изготовлен из струганных березовых досок шириною 10–22 см, толщиной 2–3 см, соединенных между собой в паз без гвоздей. Ребенок располагался в ящике вытянуто на спине, руки вдоль туловища, левая кисть под тазом, правая на тазовых костях, головой ориентирован на СЗ (рис. 74 -1). Длина ко-

стяка 1,3 м. С внешней стороны вдоль правой голени располагалась часть позвоночника овцы — остатки ритуальной пищи. Около кисти правой руки находился железный нож в истлевших деревянных ножнах (рис. 74 -2).

Погребение № 12. Находилось в 1 м юго-западнее погребения № 11 (рис. 62). Зафиксировано по пятну темного цвета овальной формы, размерами 1,8 × 0,6 м. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 0,8 × 0,4 м, глубиной до 0,6 м, ориентирована по линии с ЮВ на СЗ. Захоронение ребенка 3–5 лет (*infantilis I*), произведено в могильной яме овальной формы, размерами 0,75 × 0,3 м. Останки погребенного располагались в могильной яме на грунте и, вероятно, первоначально были завернуты в овчину — на что указывают темно-зеленые примазки в заполнении могилы. Труположение — на спине с поднятыми коленями, левая рука вытянута вдоль туловища, правая — согнута в локте, кисть находится в области груди, головой ориентирован на СЗ (рис. 74 -3). Длина костяка 0,6 м. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 13. Находилось в 5 м северо-восточнее погребения № 11 (рис. 62). Выявлено по пятну темного цвета овально-вытянутой формы, размерами 2,1 × 0,8 м. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 2 × 0,65 м, глубиной до 0,75 м, ориентирована по линии с ЮВ на СЗ. Захоронение мужчины 35–40 лет (*maturus*), произведено в колоде удлинено-прямоугольной формы, размерами 1,9 × 0,55 м. Крышка колоды практически полностью сгнила, хорошо сохранились только торцы и стенки. Погребенный располагался в колоде вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на тазовых костях, головой ориентирован на СЗ, лицевой частью обращен на ЮВ (рис. 75 -1). Длина костяка 1,55 м. Вдоль его правой плечевой кости располагались фрагменты сложносоставного лука в виде срединной фронтальной накладки из рога (рис. 75 -2). С внешней стороны левого бедра находился железный нож (рис. 75 -4). На костях крестца зафиксировано железное кресало и кремь (рис. 75 -6). Вдоль правой бедренной кости — остатки колчана усеченно-овальной формы со срезанным горизонтально верхом. Судя по остаткам тлена, колчан был изготовлен из кожи, которая натягивалась на деревянную раму-основу. Длина колчана — около 70 см, ширина горловины 12–14 см, ширина днища — 20–22 см. Из железных частей сохранилось одно крепление (рис. 75 -3). В колчане остриями вниз были помещены шесть железных наконечников стрел (рис. 75 -8–11) и один костяной (рис. 75 -7).

Усть-Уда. Могильник Усть-Уда находится на западной оконечности мыса правого берега Братского водохранилища и входит в парковую зону пос. Усть-Уда в Усть-Удинском районе Иркутской области (рис. 1; 77).

До сооружения Братской ГЭС это место представляло собой одну из «площадок» западного склона горы Роговской, с относительными отметками от уреза р. Ангары — 40–50 м. С северо-востока гора Роговская подходила вплотную к р. Каткон, с западной стороны горы в 800 м от нее протекала р. Ангара. На берегу Ангары юго-западнее могильника, находилась д. Рогова (рис. 76). В конце 50-х — начале 60-х гг. на место выше памятника перенесен пос. Усть-Уда, ранее располагавшийся в 30 км ниже по течению р. Ангары в устье р. Уды. Таким образом, в настоящее время могильник входит в зону пос. Усть-Уда, по которому он и получил свое название.

Могильник Усть-Уда известен с 1990 г., когда в Иркутский областной краеведческий музей поступила информация от учителя физкультуры школы № 2 пос. Усть-Уда Владимира Анатольевича Толстоухова об интенсивном размыве на окраине поселка древних погребений.

В июне 1990 г. сотрудниками музея О.Б. Варламовым и В.С. Николаевым осуществлена командировка в пос. Усть-Уда для проверки и уточнения полученной информа-

ции. После осмотра памятника, сбора подъемного материала и раскопок двух разрушающихся погребений могильник был предварительно датирован эпохой средневековья и рекомендован к срочным спасательным раскопкам.

В дальнейшем памятник исследовался В.С. Николаевым в 1993, 1999–2001, 2003 гг. [Николаев, 1993; 1996; 2001; 2003а]. На могильнике заложено 6 раскопов, общая площадь которых составила 1254 кв. м. Пятилетними исследованиями выявлено и раскопано 19 захоронений (включая два погребения 1990 г.), собран археологический и палеонтологический материал из 15 разрушенных погребений; определен характер, степень разрушения и приблизительная площадь могильника.

В результате проведенных в 1990, 1993, 1999–2001, 2003 гг. наблюдений удалось установить, что размыв и разрушение памятника носит характер «плоскостного». С начала августа по конец октября каждого года наблюдается сильное поднятие уровня воды в Братском водохранилище, которая топит большую часть, а возможно, и весь могильник. За зиму и начало весны вода убывает, и к середине мая каждого года уровень воды становится наиболее низким, обнажаются все затопленные ранее площади.

Таким образом, происходит постепенное «смытие» верхних слоев почвы, в результате чего погребения обнажаются и при следующих поднятиях воды разрушаются.

По степени разрушения могильник Усть-Уда условно разделен нами на три участка: южный, центральный и северный (рис. 78).

Южный участок охватывает южную и юго-восточную части могильника и представляет собой песчаный пляж, на котором в 1990 и 1993 гг. отмечено наибольшее, в сравнении с другими участками, количество костей животных и человека. В 1993 г. здесь развернуты два раскопа № 1 и № 5 общей площадью 165 кв. м (рис. 78). В раскопе № 5 выявлено одно погребение лошади и одно захоронение коровы, а также собран археологический материал из трех разрушенных погребений лошадей и трех человеческих захоронений. Общая площадь южного участка составляет около 4000 кв. м.

Раскоп № 5. Погребение № 1. Располагалось в восточной части раскопа (рис. 79 -1). Могильное пятно темно-серого цвета овальной формы, размерами 2,2 × 1,1 м. Могильная яма овальной формы, размерами 2 × 1 м, глубиной до 0,25 м, ориентирована по линии с ЮЗ на СВ. Погребение принадлежало лошади. В процессе расчистки выяснилось, что захоронение практически полностью уничтожено волно-прибойной деятельностью водохранилища. По отдельным сохранившимся свое первоначальное положение нижним конечностям удалось установить, что лошадь располагалась в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентирована на СВ-В. Лошадь помещена в могильную яму взнузданной и под седлом. Сопроводительный инвентарь не имел четкой привязки и располагался, в основном, в средней части могильной ямы (рис. 80 -1). Часть предметов была вынута из могилы местными жителями и отдана нам в процессе работ на могильнике. В состав сопроводительного инвентаря входят: железные удила (рис. 80 -4), пара железных стремян (рис. 80 -2, 3), железная подпружная пряжка (рис. 80 -5), остатки седла в виде рогового канта (рис. 80 -6, 7) и железных петель и колец торока (рис. 80 -8).

Погребение № 2. Находилось в 2,5 м восточнее погребения № 1 (рис.79 -1, 2). Могильное пятно темно-серого цвета овальной формы, размерами 2,1 × 1 м. Могильная яма овальной формы, размерами 2 × 0,8 м, глубиной до 0,4 м, ориентирована по линии с З на В. Захоронение коровы. Погребение по большей части разрушено волно-прибойной деятельностью водохранилища. По сохранившимся свое первоначальное положение отдельным костям скелета удалось установить, что корова помещена в могильную яму на живот, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентирована на В.

Поверх скелета коровы зафиксированы отдельные кости скелета барана — нижние челюсти, кости ног (рис. 79 -2). Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Разрушенные погребения. На южном участке могильника вблизи раскопов № 1 и № 5 собран подъемный археологический материал из шести разрушенных погребений. Провести полную идентификацию материала с тем или иным захоронением не представлялось возможным, поэтому их описание мы решили дать суммарно.

Погребения лошадей (3). Располагались по линии в 3 м западнее раскопа № 1 (рис. 78). Первоначального положения в могильных ямах зафиксировать не представлялось возможным. По двум найденным черепам, в которых имелись округлые отверстия, удалось установить, что лошади убиты ударом тупым предметом в лобную часть черепа. Среди разрозненных костей скелетов найден сопроводительный инвентарь, представленный тремя железными удилами (рис. 81 -1-3) и 4 железными стремянами (рис. 81 -1, 2, 4, 5).

Погребения людей (3). Располагались вдоль кромки береговой линии в 2-6 м от разрушенных погребений коней (рис. 78). Захоронение производилось в колодах, ориентировку и труположение установить не удалось. Погребения, судя по отдельным костям скелетов, принадлежали двум мужчинам возмужалого возраста и одной женщине молодого возраста. Среди разрозненных костей скелетов собран археологический материал, представленный тремя плоскими железными наконечниками стрел (рис. 82 -3-5); железным черешковым ножом (рис. 82 -6); чашечкой из низкопробного серебра (рис. 82 -7).

Северный участок охватывает северную и северо-восточную часть могильника и представляет собой песчаный пляж, на котором местами, особенно в восточной части, сохранился верхний почвенно-растительный горизонт. В то же время западная часть участка, примыкающая к урезу воды, покрыта «ковром» мелкого и среднего галечника, мощность которого колеблется в пределах 0,1 — 0,3 м. Общая площадь северного участка составляет около 6 000 кв. м (рис. 78).

В 1993 г. на северном участке заложен раскоп № 2 общей площадью 50 кв. м. Раскопом выявлено одно погребение лошади, а также собран палеонтологический материал из трех разрушенных погребений лошадей и одного захоронения коровы.

Раскоп № 2. Погребение № 1. Располагалось в северной части раскопа № 2 (рис. 83 -1). Выявлено по отдельным торчащим на поверхности земли костям скелета. Могильная яма неправильной овальной формы, размерами 1,9 × 0,5 м, глубиной до 0,4 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение принадлежало лошади. Благодаря сохранившимся первоначальное положение нижним конечностям, удалось установить, что лошадь была помещена в могильную яму на живот, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентирована на С. В лобной части черепа животного имелось овальное отверстие от удара тупым предметом (рис. 83 -1). В зубах лошади находились железные удила (рис. 84 -1), с правой стороны черепа — пара железных стремян (рис. 84 -2, 3), вынутых из погребения местными жителями пос. Усть-Уда до начала раскопок (рис. 83 -2).

В северо-восточном углу раскопа на глубине 20 см от современной дневной поверхности был найден железный бронебойный наконечник стрелы (рис. 84 -4).

Разрушенные погребения. Вдоль кромки береговой линии, в 40 м западнее раскопа № 2 были собраны кости скелетов от трех погребений лошадей и одной коровы (рис. 78). Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Судя по имевшим овальные отверстия черепам, способ забоя и, вероятно, положение животных в могилах было на животе, с подогнутыми передними и задними ногами.

Центральный участок охватывает центральную часть могильника, имеет наиболее высокие относительные отметки от уреза воды и представляет самую большую, наи-

менее разрушенную водохранилищем, часть памятника. Его общая площадь составляет около 10 000 кв.м. Центральный участок условно разделен нами на две части: западную и восточную.

Западная часть участка покрыта сплошным «ковром» мелкого и среднего галечника, в отдельных местах уходящего на 30 м в глубину могильника. Мощность слоя колеблется в пределах 0,1 — 0,4 м. Заброс западной части данного участка галечником регулярно продолжается в связи с ежегодным поднятием уровня воды Братского водохранилища, что существенно затрудняет поиск и раскопки погребений.

Восточная часть участка свободна от галечника и покрыта невысокой травянистой растительностью. Эта территория практически не пострадала от волно-прибойной деятельности водохранилища и имеет близкий к первоначальному облик.

В 1990 г. на центральном участке раскопано два погребения и собран археологический и палеонтологический материал от трех разрушенных захоронений коней и двух погребений человека.

В 1993 г. на месте раскопанных погребений 1990 г. развернуты раскопы № 4 и № 6, работы на которых продолжались в течение 1999–2001 гг. и в 2003 г. Для проверки наличия захоронений, на самых высоких гипсометрических отметках участка заложен раскоп № 3, общей площадью 40 кв. м, не давший положительных результатов (рис. 78).

Раскоп № 4. Расположен в западной части центрального участка могильника, в 4–10 м от уреза воды (на 20 июля 1999 г.). За три года исследований (1990, 1993, 1999 гг.) общая площадь раскопа № 4 составила 70 кв. м. Всего выявлено три погребения (рис. 78; 85).

Погребение № 1 (1990 г.). Располагалось в северной части раскопа (рис. 85). Обнаружено по пятну угловато-овальной формы, размерами 3 × 1 м. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,5 × 0,9 м, глубиной до 0,45 м, ориентирована по линии с ЮЗ на СВ. Захоронение женщины 30–35 лет (*adultus*) произведено в колоде удлиненно-прямоугольной формы, размерами 2,1 × 0,65 м. Женщина располагалась в колоде горизонтально-вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на бёдрах, головой ориентирована на СВ, лицевая часть черепа развернута на В. Под нижним торцом колоды находился целый скелет овцы. Сопроводительный инвентарь отсутствовал (рис. 86).

Погребение № 2 (№ 1 1993 г.). Находилось в 7 м южнее погребения № 1 (1990 г.). Выявлено по пятну темного цвета овальной формы, размерами 2,1 × 0,6 м (рис. 85). Могильная яма овальной формы, размерами 1,95 × 0,35 м, глубиной до 0,35 м, ориентирована по линии с ЮЗ на СВ. Захоронение коровы. Животное располагалось в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами. Череп и кости таза отсутствовали (извлечены местными жителями пос. Усть-Уда до начала раскопок). Корова ориентирована головой на СВ. Сопровождающий инвентарь отсутствовал (рис. 87 -1).

Погребение № 3. Обнаружено в трёх метрах южнее погребения № 2 (1993 г.) по отдельным торчащим костям (ребра, лопатка и пр.) и пятну темного цвета овальной формы, размерами 2,2 × 0,75 м (рис. 85). Могильная яма овальной формы, размерами 2,1 × 0,7 м, глубиной до 0,45 м, ориентирована по линии с ЮЗ на СВ. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе с подогнутыми передними и задними ногами. Череп отсутствовал (был извлечен из могильной ямы местными жителями). После его осмотра выяснилось, что лошадь забита ударом в лоб, так как в лобной части черепа имелось отверстие полуовальной неправильной формы, размером 4 × 2,5 см, ориентирована головой на СВ (рис. 87 -2). Лошадь находилась в могильной яме полностью осёдланной. Среди костей скелета в средней части могильной ямы находились остатки седла в виде железных петель и колец торока (рис. 87 -3, 4), рогового

канта обкладки луки (рис. 87 -5, 6); железного стремени (рис. 87 -9) и железного предмета неизвестного назначения (рис. 87 -8).

Отсутствие ещё одного стремени и удила, на наш взгляд, объясняется частичным ограблением погребения местными жителями.

Разрушенные погребения. На центральном участке могильника, вблизи раскопа № 4 собран подъемный археологический материал из пяти разрушенных погребений (рис. 78). Провести полную идентификацию материала с тем или иным захоронением не представлялось возможным, поэтому их описание мы решили дать суммарно.

Погребения лошадей (3). Располагались по линии в 15–20 м юго-западнее раскопа № 4 (рис. 78). Первоначальное положение в могильных ямах зафиксировать не представлялось возможным. По двум найденным черепам, в которых имелись округлые отверстия, удалось установить, что лошади забиты ударом тупым предметом в лобную часть черепа. Среди разрозненных костей скелетов найден сопроводительный инвентарь, представленный следующими категориями предметов: половинка железных удили (рис. 88 -1), железные стремена (рис. 82 -2–5).

Погребения людей (2). Располагались вдоль кромки береговой линии в 2–6 м северо-восточнее от разрушенных погребений коней. Проследить обряд погребения, ориентировку не удалось. Захоронения, судя по отдельным костям скелетов, принадлежали двум женщинам молодого возраста. Среди разрозненных костей собран археологический материал, представленный фрагментами трех керамических сосудов (рис. 89 -1 -3).

Раскоп № 6. Расположен в южной части центрального участка в 30 м от уреза воды (на 20 июля 1999 г.). За шесть лет исследований (1990, 1993, 1999–2001, 2003 гг.) здесь выявлено 13 погребений. Общая площадь раскопа составила 929 кв. м (рис. 78; 90).

Погребение № 1. Обнаружено по отдельным костям скелета и пятну овальной формы темно-серого цвета, размерами 1,5 × 0,4 м. Захоронение принадлежало корове и сильно разрушено волно-прибойной деятельностью водохранилища. Могильная яма овальной формы, размером 1,45 × 0,45 м, глубиной до 0,15 м, вытянута по линии с ЮЗ на СВ. В могильной яме зафиксированы отдельные нижние конечности и часть позвоночника скелета коровы. Сопроводительный инвентарь отсутствовал (рис. 90, 91).

Погребение № 2. Располагалась в 2,5 м северо-восточнее погребения № 1 (рис. 90). Выявлено по пятну темно-серого цвета овальной формы. Размер пятна 2,7 × 1 м. Могильная яма подпрямоугольной формы, размером 2,5 × 0,9 м, глубиной до 0,5 м. Захоронение мужчины 35–40 лет (*maturus*) произведено в деревянном дощатом ящике-гробе, обшитым берестой, размером 1,8 × 0,4 м. Высота ящика — 0,2 м. Ящик изготавливался из березовых струганных досок шириною 10 см, толщиной 2–2,5 см. Доски крепились между собой в паз — без гвоздей. Мужчина располагался горизонтально-вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на бедренных костях, головой ориентирован на СВ. Череп развернут лицевой частью на В. Сопроводительный инвентарь отсутствовал (рис. 92).

Погребение № 3. Располагалась в 10,5 м севернее погребения № 2 (рис. 90). Выявлено по тёмному пятну могильной ямы овальной формы, размерами 2,10 × 0,75 м. Могильная яма овальной формы, размерами 2 × 0,7 м, глубиной до 0,55 м, вытянута по линии с ЮЗ на СВ. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой на СВ. Череп отсутствовал, вынут из могилы местными жителями до начала раскопочных работ и отдан нам после раскопок. После его осмотра удалось установить, что лошадь забита ударом тупым предметом в лобную часть черепа, так как в этой части имелось отверстие неправильной овальной формы, размером 3 × 3,5 см. В зубах лошади имелись железные удила (рис. 93 -2), также

отданные нам после раскопок. Помимо удила в состав сопроводительного инвентаря входила пара железных стремян (рис. 93 -1, 2), которые располагались в верхней части могильной ямы, с левой стороны, в 5–15 см от шейных позвонков животного. Судя по тому, что стремяна находились изолировано от костяка, данная лошадь не была полностью осёдлана, а имела только повод, с помощью которого её заводили в могильную яму для забоя и последующего захоронения (рис. 93 -1).

Погребение № 4. Находилось в 2 м севернее погребения № 3 (рис. 90). Выявлено по пятну могильной ямы тёмного цвета, размерами 2,35 × 0,65 м. Могильная яма вытянуто-овальной формы, размерами 2,25 × 0,6 м, глубиной — 0,6 м, ориентирована по линии с Ю на С. Захоронение мужчины 25–30 лет (*adultus*), произведено в колоде удлиненно-прямоугольной формы со скошенными углами, размерами 2,1 × 0,45 м. Крышка подпрямоугольной формы размерами 1,9 × 0,35 м, частично сгнила и провалилась на костяк, в целом сохранность колоды хорошая. На крышке колоды в центральной части, располагались фрагменты лука и трёх стрел (рис. 94 -1–6). В 30 см от нижнего торца с западной стороны располагался неполный скелет барана (*Ovis aries*) в возрасте до 6 мес. Отсутствовали кости конечностей от мясных частей туши, ребра, грудные позвонки. Имелся череп с нижней челюстью, дистальные отделы задних и передних конечностей, отдельные поясничные позвонки.

Мужчина располагался в колоде вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Головой костяк ориентирован на С. Кисть левой руки находилась под тазовой костью, правой — на тазовых костях. Череп слегка развернут лицевой частью на ЮЗ (рис. 94 -1). Длина костяка — 1,7 м. Рядом с правой бедренной костью находился железный черешковый нож с остатками крепления ножен (рис. 94 -7,8). Внизу колоды рядом с костями правой стопы находилась часть ноги барана (рис. 94 -1). Сохранность костяка хорошая.

Погребение № 5. Располагалось в трёх метрах севернее погребения № 4 (рис. 90). Обнаружено по могильному пятну удлиненно-вытянутой овальной формы, размером 2,6 × 0,65 м. Могильная яма неправильной овальной формы, размером 2,5 × 0,55 м, глубиной до 0,5 м, вытянута по линии с ЮЗ на СВ. Захоронение бычка. Животное располагалось в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентирован на СВ (рис. 95 -1). Бычок был забит ударом в лобную часть черепа, имеется отверстие округлой формы от удара тупым предметом размером 3 × 3 см. Сопроводительный инвентарь в погребении отсутствует.

Погребение № 6. Располагалось в 3,2 м северо-восточнее погребения № 5 (рис. 90). Зафиксировано по пятну темно-серого цвета, подпрямоугольной формы, размерами 2,5 × 0,75 м. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,4 × 0,7 м, глубиной до 0,6 м, вытянута по линии с ЮЗ на СВ. Захоронение женщины 25–30 лет (*adultus*), произведено в колоде удлиненно-прямоугольной формы, размерами 2,15 × 0,5 м. Крышка колоды частично сгнила и провалилась на костяк, в целом, сохранность колоды хорошая. Труположение — вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головой ориентирована на СВ. Длина костяка — 1,55 м (рис. 95 -2). На внешней стороне левой кисти руки находился железный предмет неизвестного назначения (рис. 97 -1), на верхней части правого бедра — бронзовое зеркало, помещенное в кожаный чехол (рис. 96 -1, 2). На малых берцовых костях лежали два берестяных мешочка (рис. 97 -2, 3), в одном из которых находилась часть тазовой кости барана — остатки ритуальной пищи.

Погребение № 7. Располагалось в 4,5 м северо-восточнее погребения № 6 (рис. 90). Выявлено по тёмному пятну могильной ямы овальной формы, размерами 2,40 × 0,80 м. Могильная яма овальной формы, размерами 2,35 × 0,7 м, глубиной до 0,6 м, вытянута по линии с Ю на С. Захоронение лошади и жеребёнка. Лошадь располагалась в мо-

гильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой на С. Жеребенок был положен вплотную справа от костяка лошади, с подогнутыми передними и задними ногами головой на С. Черепа обоих животных имели овальные отверстия. Сопроводительный инвентарь отсутствовал (рис. 98 -1).

Погребение № 8. Располагалось в 1,8 м западнее погребения № 7 (рис. 90). Выявлено по тёмному пятну могильной ямы овальной формы, размерами 2,3 × 0,85 м. Могильная яма неправильной овальной формы, размерами 2,25 × 0,8 м, глубиною до 0,65 м, вытянута по линии с ЮЗ на СВ. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой на СВ. Череп имел овальное отверстие от удара. В зубах коня находились железные удила (рис. 98 -2, 3).

Погребение № 9. Располагалось в 1,3 м севернее погребения № 8 (рис. 90). Выявлено по тёмному пятну могильной ямы овальной формы, размерами 2,7 × 0,8 м. Могильная яма овальной формы, размерами 2,55 × 0,65 м, глубиною до 0,6 м, вытянута по линии с ЮЗ на СВ. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами головой на СВ. В лобной части черепа лошади имелось овальное отверстие. В зубах животного находились железные удила (рис. 99 -1, 2).

Погребение № 10. Располагалось в 1,6 м западнее погребения № 9 (рис. 90). Выявлено по тёмному пятну могильной ямы овальной формы, размерами 2,5 × 0,85 м. При зачистке пятна могильной ямы в центре найдена фаланга пальца человека, в юго-восточной части обнаружен один железный наконечник стрелы. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,4 × 0,75 м, глубиною до 0,7 м, вытянута по линии с ЮЗ на СВ. Захоронение мужчины 35–40 лет (*maturus*) произведено в колоде удлинено-прямоугольной формы со скошенными углами, размерами 2,2 × 0,6 м. Погребенный располагался в колоде вытянуто на спине, руки вдоль туловища, череп развернут лицевой частью на СЗ, головой ориентирован на СВ (рис. 99 -3). В юго-восточном углу могильной ямы, у левого края торца колоды находился неполный скелет овцы (*Ovis aries*) в возрасте 6 мес. Отсутствовали кости конечностей от мясных частей туши, ребра, грудные позвонки. Имелись: череп с нижней челюстью, дистальные отделы задних и передних конечностей, несколько поясничных позвонков.

На торце колоды находилось округлое углубление диаметром 8–10 см, глубиною 3 см, заполненное зернами гречишки вьюнковой (*Polygonum convolvulus* L.), семенами малины (*Rubus* sp.). С правой стороны костяка внутри колоды располагались остатки пальмы в виде фрагментов древка длиной 1,1 м и железного наконечника (рис. 100 -10), острием направленного к локтевому суставу. Вдоль левого края колоды находились шесть железных наконечников стрел на древках плохой сохранности (рис. 100 -3–9) и части лука из дерева длиной 91 см, усиленного срединной фронтальной накладкой из рога. Общая длина лука, судя по остаткам тлена, была 120 см (рис. 100 -1, 2). Найденная при зачистке могильного пятна фаланга пальца не принадлежала данному костяку, у которого присутствовали все фаланги.

Погребение № 11. Расположено в 11 м юго-восточнее погребения № 3 (рис. 90). Выявлено по тёмному пятну могильной ямы овальной формы, размерами 2,5 × 0,8 м. Могильная яма овальной формы, размерами 2,4 × 0,7 м, глубиною до 0,4 м, вытянута по линии с ЮЗ на СВ. Захоронение мужчины 35–40 лет (*maturus*). Произведено в колоде усеченно-овальной формы, размеры основы 2,2 × 0,55 м. Верхний, северо-восточный торец основы колоды в плане полуовальный массивный, шириной 0,22 м, в продольном разрезе приостренный к основанию. Нижний торец узкий, прямой, шириной 0,1 м. Крышка колоды прямоугольной формы, размером 1,9 × 0,45 м крепилась к основе плот-

но в паз. Внешняя (видовая) сторона крышки полностью драпирована полотнищем бересты, которое состояло из берестяных полос шириною 20–25 см, сшитых между собой, вероятно, жильной или волосяной ниткой. Сами нитки не сохранились, однако отверстия от прошива прослеживались достаточно четко. Края берестяной драпировки слегка заходили под край крышки (рис. 101). Мужчина располагался в колоде вытянуто на спине, руки вдоль туловища, череп развернут лицевой частью на СЗ, головой ориентирован на СВ. Длина костяка составляет 1,6 м (рис. 101). Плечевая и лучевые кости левой руки были вынуты местными жителями до начала раскопок и находились на крышке колоды ближе к нижнему ее торцу. Весь обнаруженный в могиле сопроводительный инвентарь располагался с правой стороны мужчины (рис. 101). Вдоль большой берцовой кости левой ноги находились остатки сложносоставного лука в виде трех роговых фронтальных накладок (рис. 102 -6–8). Рядом с накладками располагались четыре стрелы, от которых сохранились лишь железные наконечники (рис. 102 -1–4). Ниже наконечников вдоль малой берцовой кости левой ноги зафиксированы четыре железные бляшки и фрагмент железного стержня (рис. 102 -5, 9–12).

Погребение № 12. Расположено в 8 м восточнее погребения № 3 и в 2 м северо-западнее погребения № 11 (рис. 90). Выявлено по темному пятну могильной ямы подпрямоугольной формы, размерами 2,1 × 0,7 м. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 2 × 0,6 м, глубиною до 0,4 м, вытянута по линии с ЮЗ на СВ. Захоронение женщины старше 55 лет (*senilis*). Произведено в колоде подпрямоугольной формы, размеры основы 1,85 × 0,4 м, ширина торцов одинакова — 0,15 м. Крышка сильно разрушена. Женщина располагалась в колоде вытянуто на спине, руки вдоль туловища, череп раздавлен, плечевая и лучевые кости левой руки, лучевые правой руки и левая ключица отсутствуют. Вероятно, они были вынуты местными жителями до начала раскопочных работ. Длина костяка составляет 1,55 м. Головой погребенная ориентирована на СВ (рис. 103). Из сопроводительного инвентаря зафиксирована только железная основа чашечки (рис. 105 -1), которая находилась под пальцами ступни левой ноги женщины (рис. 103).

Погребение № 13. Расположено в 2,5 м северо-восточнее погребения № 12 (рис. 90). Выявлено по темному пятну могильной ямы подпрямоугольной формы, размерами 2,1 × 0,9 м. Могильная яма овальной формы, размерами 2 × 0,85 м, глубиною до 0,4 м, вытянута по линии с ЮЗ на СВ. Захоронение девушки 20–25 лет (*juvenis*). Произведено в колоде цилиндрической формы. Колода состояла из двух одинаковых половинок: нижняя служила основой, а верхняя — крышкой конструкции. Обе половинки в плане прямоугольной формы, длиною 1,65 м. Ширина верхнего конца 0,5 м, нижнего 0,4 м. Толщина стенок и днища нижней части колоды не превышает 5 см. Верхняя часть (крышка) крепилась к нижней части плотно в паз и как бы в дополнение — железными небольшими скобками П-образной формы. Одна такая скобка плохой сохранности зафиксирована у северо-восточного конца с правой стороны нижней части колоды, на месте ее сочленения с крышкой. Внешняя (видовая) сторона крышки полностью драпирована полотнищем бересты, которое состояло из берестяных полос шириною 20–25 см, сшитых между собой жильной или волосяной ниткой. Нитки не сохранились, однако отверстия от прошива на бересте прослеживались достаточно четко. До разрушения верхней части (крышки) в поперечном разрезе колода представляла собой овал. К моменту раскопок крышка разрушилась и «легла» на скелет погребенной (рис. 104). Женщина располагалась в колоде вытянуто на спине, головой на СВ, череп слегка развернут лицевой частью на ЮВ, локти разведены в стороны, кисти сложены на тазе, кости стоп соприкасаются с нижней внутренней стенкой конца колоды и развернуты параллельно ей на запад. Длина костяка составляет 1,6 м. На черепе покойной зафиксированы

остатки кожаной шапочки, расшитой мелким речным белым жемчугом. У левого локтя девушки находились железные ножницы (рис. 104; 105 -2).

Озерок. Памятник расположен на левом приустьевом мысу, образованном заливом Озерок и Братским водохранилищем, на правом берегу водохранилища в 7 км южнее пос. Усть-Уда в Усть-Удинском районе Иркутской области (рис. 1; 106). До затопления ложа водохранилища это место представляло собой левый пологий юго-западный свободный от леса склон пади Озерок с высотными отметками 40–50 м от уреза р. Ангары.

Могильник открыт летом 2000 г. Ангарским археологическим отрядом под руководством автора настоящей работы. За три года исследований (2000–2001, 2003 гг.) сплошным раскопом общей площадью 462 кв. м. найдено и раскопано шесть погребений (рис.107; 108).

Погребение № 1. Выявлено по могильному пятну овальной формы, размером 2,3 × 0,95 м, которое хорошо прослеживалось на фоне плотного красноцветного суглинка на глубине 30–40 см от современной дневной поверхности. Пятно вытянуто по линии с юга на север. Могильная яма овальной формы, размером 2,2 × 0,9 м, глубиной до 0,6 м, вытянута по линии с Ю на С с незначительным отклонением на СВ. Захоронение молодой женщины 20–25 лет (juvenis) в колоде удлинено-прямоугольной формы. Колода располагалась в могильной яме по диагонали и ориентирована по линии с ЮЗ на СВ. Нижний край уничтожен осыпью, крышка практически полностью сгнила. Женщина находилась в колоде на спине, руки вытянуты вдоль туловища, кисти на бедрах, головой ориентирована на СВ. Череп слегка развернут лицевой частью на ЮЗ. Кости ног полностью отсутствовали — уничтожены осыпью берега (рис. 109 -1). У левой височной кости черепа находился железный нож (рис. 109 -3), в 10 см от нижнего края колоды, с левой стороны, находился комбинированный сосуд из керамики и бересты (рис. 109 -1, 2, 2а, 2б).

Погребение № 2. Располагалась в 16 м южнее погребения № 1 (рис. 108). Могильное пятно овальной формы, размером 2,2 × 0,85 м хорошо прослеживалось на фоне плотного красно-бурого суглинка на глубине 30–40 см от современной дневной поверхности. Вытянуто по линии с Ю на С. Могильная яма овальной формы, размером 2,05 × 0,7 м, глубиной до 0,6 м, вытянута по линии с Ю на С с незначительным отклонением на СЗ. Захоронение молодой женщины 25–30 лет (juvenis), произведено в колоде удлинено-прямоугольной формы, размером 2 × 0,45 м. Колода располагалась в могильной яме по линии с Ю на С. Кости скелета, за исключением пальцев ног, были полностью извлечены из могилы местными жителями до начала раскопочных работ (рис. 110 -1). У верхнего торца колоды, внутри, с правой стороны находились железные ножницы (рис. 110 -2), в нижней части колоды, с правой стороны находились берестяные сосуды (рис. 110 -8–9), железное остриё (рис. 110 -3). Вдоль края колоды зафиксированы четыре железные скобы, крепившие крышку (рис. 110 -1, 4–7).

Погребение № 3. Располагалась в 2,7 м юго-восточнее погребения № 2 (рис. 108). Могильное пятно овальной формы, размером 2,7 × 0,95 м хорошо прослеживалось на фоне плотного красно-бурого суглинка на глубине 30–40 см от современной дневной поверхности. Вытянуто по линии с ЮВ на СЗ. Могильная яма овальной формы, размером 2,6 × 0,7 м, глубиной до 0,6 м, вытянута по линии с ЮВ на СЗ. Захоронение лошади. Животное располагалось в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентировано на СЗ. В зубах коня находились железные удила (рис. 111 -1, 2).

Погребение № 4. Располагалась в 7,5 м юго-восточнее погребения № 1 (рис. 108). Могильное пятно овальной формы, размером 2,15 × 1 м хорошо прослеживалось на

фоне красно-бурого плотного суглинка на глубине 25–30 см от современной дневной поверхности. Вытянуто по линии с Ю на С. Могильная яма овальной формы, размером 2,05 × 0,9 м, глубиной до 0,6 м, вытянута по линии с Ю на С с незначительным отклонением на СВ. Захоронение парное — коровы и теленка (рис. 111 -3). Корова находилась в могильной яме на правом боку, голова приподнята и развернута под прямым углом на З. В лобной части черепа имеется округлое отверстие от удара тупым предметом. Теленок располагался в могильной яме на животе, с подогнутыми передними и задними ногами по антитезе с западной стороны скелета коровы. Лобная часть черепа сильно разрушена ударом тупым предметом. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Погребение № 5. Располагалось в 3 м восточнее погребения № 3 и в 17,5 м южнее погребения № 4 (рис. 108). Могильное пятно овальной формы, размером 2,4 × 0,55 м хорошо прослеживалось на фоне красно-бурого плотного суглинка на глубине 25–30 см от современной дневной поверхности. Вытянуто по линии с ЮВ на СЗ. Могильная яма овальной формы, размером 2,3 × 0,7 м, глубиной до 0,6 м, вытянута по линии с ЮЗ на СВ. Захоронение мужчины 40–45 лет (maturus). Произведено в колоде. Колода удлиненно-овальной формы со скругленными широкими торцами состояла из крышки и основания, которые изготавливались из единого бревна, расколотого вдоль. Крышка, вероятно, крепилась к основанию в паз (рис. 112).

Скелет мужчины располагался в колоде вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на бедрах. Череп развернут лицевой частью на ЮЗ. Головой погребенный ориентирован на СВ. Длина костяка составляет 1,65 м. На крышке колоды, в средней части, ближе к ее левому краю располагались остатки сложносоставного лука в виде центральной накладки из рога (рис. 112; 113 -5). С внешней стороны правого края колоды находилась костяная подвеска (рис. 112; 113 -4). Между малых берцовых костей под углом, острием к ступням располагался железный кинжал в деревянных ножнах (рис. 112; 113 -1). Под костями ступни левой ноги находилась железная панцирная пластина (рис. 112; 113 -6). Под левой тазовой костью зафиксированы остатки кожаной сумочки, в которой находилось железное кресало с кремнем (рис. 112; 113 -2,3).

Погребение № 6. Располагалось в 1 м южнее погребения № 3 (рис. 108) и в 3 м юго-западнее погребения № 5. Могильное пятно овальной формы, размером 2,2 × 0,9 м хорошо прослеживалось на фоне красно-бурого плотного суглинка на глубине 20–30 см от современной дневной поверхности. Вытянуто по линии с Ю на С, с небольшим отклонением на СЗ. Могильная яма овальной формы, размером 2,1 × 0,8 м, глубиной до 0,60 м, вытянута по линии с ЮВ на СЗ. Захоронение лошади (рис. 114). Костяк располагался в могильной яме на правом боку с подогнутыми передними и задними ногами, голова развернута на запад. В лобной части черепа имелось овальное отверстие от удара тупым предметом. Головой лошадь ориентирована на СЗ. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

ОДИНОЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Уда. Захоронение находилось на левом приустьевом мысу, образованным заливом Уда и Братским водохранилищем в местности под названием Старая Уда, в 35 км севернее пос. Усть-Уда в Усть-Удинском районе Иркутской области (рис.1; 115).

До затопления ложа Братского водохранилища это место представляло собой пологий свободный от леса склон левого берега р. Уды, с относительными отметками от уреза реки 40–50 м.

Погребение, получившее название «Уда», найдено местными жителями во время покоса летом 2003 г. Обнаружив человеческий череп и приняв его за утопленника, они

сообщили в районный отдел внутренних дел пос. Усть-Уда. Прибывшая оперативная группа в составе оперуполномоченного уголовного розыска П.В. Иванова и техника-криминалиста Р.В. Парилова произвела частичные раскопки захоронения. Убедившись в отсутствии «криминала», о находке сообщили автору этих строк.

Через неделю, к моменту нашего приезда место погребения представляло собой развороченную яму с отдельными торчащими из песка разрозненными костями скелета человека. На месте находки был развернут небольшой раскоп общей площадью 25 кв. м. В результате выявлены остатки захоронения: контуры могильной ямы и части колоды. Поскольку погребение было практически выкопано до нашего приезда, описание обряда мы приводим по записям П.В. Иванова, с теми добавлениями и поправками, которые нам удалось получить в результате исследований.

Погребение № 1. Каменная надмогильная конструкция отсутствовала. Могильная яма подпрямоугольной формы, размером 2,4 × 0,9 м, ориентирована по длинной оси с ЮВ на СЗ. Захоронение мужчины старше 55 лет (*senilis*) произведено в колоде усеченно-овальной формы, размеры основы 2,1 × 0,55 м. Верхний, северо-восточный торец основы колоды в плане полуовальный массивный, шириной 0,2 м. Нижний торец узкий, вогнутый, шириной 0,5 м, имеет выступы. Крышка колоды практически не сохранилась, вероятно, она была прямоугольной формы и крепилась к основе плотно в паз. По длинным сторонам колоды фиксировались следы узкой деревянной рамки, пробитой небольшими железными гвоздиками, а также скобкой и шпилькой, которые, вероятно, крепили ткань, покрывавшую колоду (рис.116 -1, 2-14, 23).

Мужчина располагался в колоде вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на бедрах, головой ориентирован на СЗ. С правой стороны погребенного находились роговые накладки сложносоставного лука (рис. 116 -15, 16), железные и костяные наконечники стрел (рис. 116 -18-22; 117 -2, 3), железный нож (рис. 117 -1), крюк для подвешивания колчана (рис. 116 -17). В ногах мужчины зафиксированы остатки седла в виде колец и петель торока (рис. 117 -7, 8), стремян (рис. 117 -4, 5), подпружной пряжки (рис. 117 -6).

В 10 м севернее погребения мужчины нами найдены редкие разрозненные кости лошади (кости ног, фрагмент нижней челюсти). Вероятно, захоронение мужчины сопровождалось погребением коня, которое ранее было разрушено волно-прибойной деятельностью Братского водохранилища.

Галки. Данное захоронение найдено летом 2003 г. Иркутским отрядом Новоострочной экспедиции ГУ ЦСН под руководством С.А. Пескова во время проведения археологической экспертизы территории под реконструкцию автодороги Оёк-Кударейка (в обход д. Галки) в Иркутском районе Иркутской области (рис.1; 118 -1) [Николаев, Песков, 2003].

Погребение находилось на левом борту аллювиальной террасовидной поверхности руч. Оёк на высоте 15 м относительно его русла, в 1 км к ЮЗ от д. Галки (рис. 118 -1, 2). Рельеф участка пологий, покрыт частой лесной растительностью (сосна, береза, кустарник). В ходе раскрытия геологических отложений шурфа № 3, на глубине 0,05-0,1 м от поверхности в слое серой подерновой супеси стало прослеживаться могильное пятно темно-серого цвета с узкой линией красноватого прокала по контуру. После обнаружения пятна шурф был развернут в небольшой раскоп размером 3 × 3 м.

Погребение № 1. Захоронение грунтовое, без каменного надмогильного сооружения. Могильное пятно подпрямоугольной формы, размером 3 × 1 м, ориентировано по длинной оси с ЮЗ на СВ. Могильная яма подпрямоугольной формы, размером 2,8 × 0,7 м, глубиной до 0,7 м. Вероятно, сооружение могильной ямы происходило в зимнее время

года. На это указывает небольшое прокал земли по краю и на дне могилы. Захоронение мужчины 40–45 лет (*maturus*) произведено в колоде. Длина основы колоды 2,45 м, ширина 0,6 м, высота 0,25 — 0,3 м. Северо-восточный (верхний) торец колоды массивный, шириной 0,25 м. Край его стесан под овал. Юго-западный (нижний) узкий прямой, шириной 0,7–0,1 м. Крышка практически не сохранилась. Вероятно, она крепилась в паз к основе колоды. Мужчина помещен в колоду, вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти — в области паха, головой ориентирован на СВ. Длина костяка — 1,75 м (рис. 119).

Погребение сопровождалось достаточно богатым и разнообразным инвентарем (рис. 119). У правой затылочной кости черепа донцом вверх находилась серебряная чашечка — пиала (рис. 120 -2). Рядом с ней плоский железный наконечник стрелы (рис. 121 -3). У правого внутреннего края колоды напротив правого локтевого сгиба зафиксированы остатки лука в виде трех частей роговой накладки (рис. 121 -8) и железная бляшка — крепление в виде четырех лепесткового цветка (рис. 120 -9). Ниже накладки находились остатки колчана из кожи, железный крюк для подвешивания (рис. 121 -9), кольцо со шпилькой крепления (рис. 120 -5) и три бляшки в виде шести лепестковых цветков (рис. 120 -6–8). В колчане острыми вниз располагались шесть железных наконечников стрел (рис. 121 -1, 2, 4–7). Ниже их зафиксированы удила (рис. 122 -3). С внешней стороны левого коленного сочленения находился железный нож (рис. 120 -3). У правой малой берцовой кости с внешней стороны находились фрагменты ритуальной пищи в виде поясничных позвонков и двух берцовых костей барана. Рядом с костями барана и на костях стоп покойного располагались остатки седла, состоящие из двух стремян (рис. 122 -1, 2), колец и петель торока (рис. 122 -4, 5, 6), подпругной пряжки (рис. 122 -7) и трех гвоздиков (рис. 120 -4). На нижнем краю колоды дном вверх находился железный ковш, возле ручки которого обнаружен топорик (рис. 121 -10).

Рассмотренные в данной главе материалы 158 погребальных и 6 ритуальных комплексов послужат дальнейшей основой для систематизации и классификации предметного комплекса и анализа погребального обряда средневекового населения юга Средней Сибири.

СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

Сопроводительный инвентарь является одним из важнейших составляющих погребальной практики кочевников юга Средней Сибири в эпоху средневековья. По его составу и качеству можно судить о техническом и социальном уровне развития общества, его хозяйственных, культурных и религиозных приоритетах.

В данной главе рассматриваются три основные характеристики погребального инвентаря:

- функциональная (что за вещь и каким образом она использовалась);
- хронологическая (время бытования предметов);
- социальная (взаимосвязь предметного комплекса с покойником).

По представлениям древних обитателей Предбайкалья жизнь человека продолжалась и после смерти. Для «комфортного» существования в загробном мире с покойником укладывали и его личные вещи. В средневековых погребениях кочевников юга Средней Сибири предметы не носят на себе следы преднамеренной порчи — в не потревоженных грызунами и грабителями захоронениях все изделия, включая и органические их части, целые. Отдельные вещи, изготовленные из железа, имеют утраты только в результате сильной коррозии металла.

Помимо предметов в могилу часто укладывали части туши овец, реже коз — погребения № 1 и № 6 Сэгенутский; № 1, 12, 14, 26, 55 Усть-Талькин; № 15 Доглан; № 4, 6, 10, раскоп № 6 Усть-Уда; № 6, 7, 9, 13 Шебуты-III; № 1 Галки. Вероятно, животные выполняли функцию ритуальной пищи покойника. Из частей туши животных предпочтение отдавалось голове, позвоночнику и ногам. Они располагались в могилах, в основном, рядом с ногами или между ног умерших. В погребении женщины № 6 раскопа № 6 могильника Усть-Уда, фрагмент тазовой кости барана находился в берестяном мешочке в ногах покойной.

В трех погребениях № 12 Усть-Талькин; № 10, раскоп № 6 Усть-Уда; № 7 Шебуты-III зафиксированы зерна проса и гречишки. В погребении мужчины № 10 могильника Усть-Уда зерна гречишки и ягоды малины находились в чашеобразном углублении, выдолбленном в нижнем торце колоды. В погребении мужчины № 7 Шебуты-III зерна гречишки находились компактной кучкой рядом с левой тазовой костью покойного в мешочке из кожи или ткани. В мешочке из зеленой ткани зафиксированы и зерна проса из погребения женщины № 12 Усть-Талькин.

Сопроводительный инвентарь обнаружен в 104 захоронениях юга Средней Сибири (включая 15 разрушенных погребений могильника Усть-Уда), что составляет 65% от всех погребений. При его анализе учтены вещи, найденные в ритуально-поминальных комплексах на могильниках Усть-Талькин и Доглан.

Классифицируя вещевой комплекс из кочевнических погребений юга Средней Сибири, мы выделяем несколько уровней или классификационных ступеней [Федоров-Давыдов, 1966, с.11]. Весь инвентарь по своим функциональным признакам разбит нами на четыре основные категории: предметы быта и хозяйства, одежда и украшения, предметы вооружения, снаряжение коня. В отдельную пятую категорию выделены изделия, сильно фрагментированные, без четко выраженного функционального назначения. В каждой категории (если это возможно), на основе материала, из которого изготовлены предметы, выделяются классы. По устойчивым ключевым признакам изделий выделяются отделы, группы и типы.

ПРЕДМЕТЫ БЫТА И ХОЗЯЙСТВА

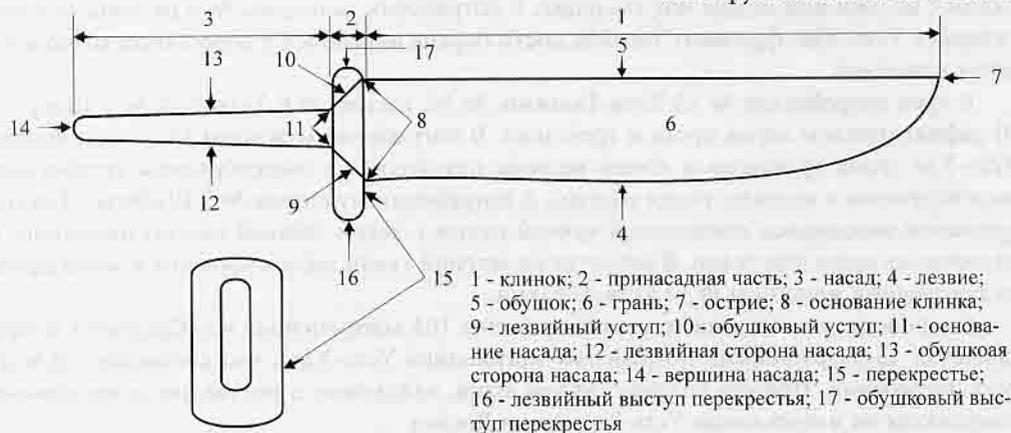
В категорию предметов быта и хозяйства вошли: ножи, кресала, ножницы, зеркало, посуда, берестяные мешочки, лопаточка, наконечник-воронка, скобы, гвоздики. Объединяя данные предметы в одну категорию, мы руководствовались тем, что многие из указанных вещей полифункциональные, т.е. использовались как в бытовых, так и в хозяйственных целях. В качестве примера можно привести ножницы: в быту они могли использоваться для кроя одежды, а в хозяйстве — для стрижки овец. Поэтому выделение данной категории носит условный характер и призвано, в первую очередь, облегчить и упорядочить анализ предметного комплекса захоронений.

Ножи. Общее количество найденных экземпляров ножей 23. Из них 21 зафиксирован в погребениях и 2 — в ритуальных комплексах. Анализу поддаются только 22 экземпляра, поскольку от ножа из погребения № 1 Галки сохранилась небольшая часть клинка (рис. 120-3).

Все ножи изготовлены из железа, черешковые. У большинства из них ручка практически не сохранилась, поскольку изготавливалась из дерева. Обычно при классификации ножей учитывается сочетание рабочей (клинка) и несущей частей изделия (черешка) [Гладилин, 1985, с.178; Молодин и др., 1990, с.68; Харинский, 2001, с.118], причем последней отдается предпочтение, поскольку форма клинка изделия нестабильна и менялась в процессе неоднократной заточки [Колчин, 1953, с.71-72].

При описании ножей использовалась терминологическая схема, разработанная А.В. Харинским [2001, с.118-119, рис.61], дополненная нами с учетом особенностей рассматриваемого материала (табл. 1).

Таблица 1
Конструктивные элементы ножа

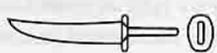
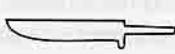
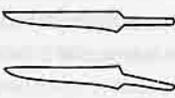
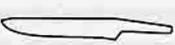
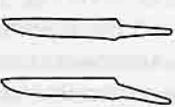
Ножи состоят из двух частей — рукояти и клинка.

Клинок — рабочая часть ножа, служащая для выполнения режущих и колющих действий. У клинка выделяется *острие* — колющее окончание клинка, *основание* — окончание клинка, переходящее в принасадную часть, *грань* (границы) — плоская часть клинка от острия до основания насада, *обушок* — противоположная лезвию часть клинка и *лезвие* — режущая рабочая часть клинка.

Рукоять — несущая часть ножа, служащая для удержания изделия в руке. Рукояти изготавливались из органического материала, преимущественно дерева, сохранность которого не позволяет произвести их реконструкцию. Поэтому мы имеем дело только с *насадом* — частью ножа, служащую креплением рукояти. Между клинком и насадом располагается принасадная часть ножа. Принасадная часть имеет *уступ* (уступы) — стороны принасадной части. Они бывают лезвийные и обушковые. На некоторых ножах имеется одно, двустороннее *перекрестье* — пластина (выступ), предохраняющая руку от случайного ранения о лезвие. У части ножей принасадная часть не выражена, и основание клинка совпадает с основанием насада.

По материалу изготовления ножи делятся на классы; по различиям в насаде — на отделы; по особенностям конфигурации принасадной части и перекрестья — на группы; по из форме клинка — на типы (табл. 2).

Таблица 2
Классификация и типология ножей

КЛАСС	ОТДЕЛ	ГРУППА	ТИП
ЖЕЛЕЗНЫЕ	ЧЕРЕШКОВЫЕ	I с перекрестьем	1
			2
			3
		II без перекрестья и уступов	1
		III с обушковым и лезвийным уступами	1
			2
		IV с лезвийным уступом	1
		V с обушковым уступом	1

Все найденные в погребальных и ритуальных комплексах юга Средней Сибири ножи изготовлены из железа способомковки и относятся к одному классу — железных. Все ножи имеют насад в виде черешка, поэтому они отнесены к одному отделу — черешковых. Различия между ножами заключаются в наличии или отсутствии перекрестья, а также в оформлении принасадной части (наличии или отсутствии уступов).

Группа I. Ножи с перекрестьем.

Тип 1. С выгнутым, саблеобразным клинком, прямым черешком и округлым двусторонним перекрестьем. Включает один экземпляр из погребения № 17 Доглан. Длина ножа — 8,5 см, длина лезвия — 6,5 см, ширина лезвия в основании — 2 см. Насад обломан, длина сохранившейся части — 2 см (рис. 55 -7).

Тип 2. С прямым клинком, прямым черешком и округлым перекрестьем, выступающим со стороны граней лезвия. Включает один экземпляр из погребения № 71 могильника Усть-Талькин. Часть клинка обломана. Длина сохранившейся части клинка — 4 см, ширина в основании — 1,5 см, длина насада — 3 см (рис. 30 -8).

Тип 3. С прямым клинком, обушковым уступом и односторонним лезвийным перекрестьем. Включает один экземпляр из погребения № 70 могильника Усть-Талькин. Острие клинка и вершина насада обломаны. Длина сохранившейся части клинка — 5 см, ширина в основании — 1,5 см, длина сохранившейся части насада — 1,5 см (рис.30 -5).

Группа II. Ножи без перекрестья и уступов.

Тип 1. С прямым клинком, прямым невыделенным насадом, зауживающимся к основанию. Включает один экземпляр из погребения № 4 могильника Усть-Талькин. Острие обломано. Длина сохранившейся части ножа — 17,4 см, длина клинка — 10,9 см, ширина в основании — 1,2 см, длина насада — 6,5 см (рис. 8 -6).

Группа III. Ножи с обушковым и лезвийными уступами.

Тип 1. С прямым, двулезвийным клинком, прямым насадом. Включает три экземпляра из погребений № 70 и № 39 Усть-Талькин и погребения № 1 Озерок. Длина первого экземпляра — 11 см, длина клинка — 8 см, ширина в основании — 1,5 см, длина насада — 3 см (рис. 30 -6). Кончик клинка ножа из погребения № 39 обломан. Длина сохранившейся части клинка — 6,6 см, ширина в основании — 2,5 см, длина насада — 3,4 см (рис. 22 -7). Длина ножа из погребения № 1 Озерок — 14 см, длина клинка — 9 см, ширина в основании — 2 см, длина насада — 5 см (рис. 104 -5).

Тип 2. С прямым однолезвийным клинком, прямым или слегка изогнутым под небольшим углом насадом. Включает 7 экземпляров — два из погребения № 17 (рис. 55 -6,8), один — из погребения № 19 Доглан (рис. 57 -4), по одному из ритуальных комплексов № 2 (рис. 60 -2) и погребения № 12 могильника Доглан (рис. 46 -3), один — из погребения № 4, раскоп № 6 могильника Усть-Уда (рис. 94 -7), один — из погребения № 1 Уда (рис. 117 -1). Длина ножей колеблется в пределах — 9,5–18 см, длина клинков — 6,5–12,5 см, ширина клинков в основании — 1-2 см, длина насадов — 3–5,5 см. Отдельные изделия имеют утраты кромки лезвия.

Группа IV. Ножи с лезвийным уступом.

Тип 1. С прямым приостренным клинком, изогнутым под небольшим углом насадом. Включает три экземпляра из погребений № 21, 51 Усть-Талькин и разрушенного погребения могильника Усть-Уда. Длина ножа из погребения № 21 Усть-Талькин — 10,5 см, длина клинка — 7 см, ширина клинка в основании — 1,5 см, длина насада — 3,5 см (рис. 17 -7). Кончик клинка ножа из погребения № 51 могильника Усть-Талькин обломан. Длина сохранившейся части клинка — 4 см, ширина клинка в основании — 1,5 см, длина насада — 4 см (рис. 27 -3). Кончик клинка ножа из разрушенного погребения

могильника Усть-Уда (южный участок) обломан. Длина сохранившейся части — 7 см, ширина лезвия в основании клинка — 1,5 см, длина насада — 4 см (рис. 82 -б).

Группа V. Ножи с обушковым уступом.

Тип 1. С прямым клинком, прямым или слегка изогнутым под углом насадом. Включает 5 экземпляров из погребения № 12 Усть-Талькин, погребения № 15 Доглан, погребений № 6, 11, 13 Шебуты-III. Половина клинка ножа из погребения № 12 Усть-Талькин обломана. Длина сохранившейся части клинка — 3,5 см, ширина лезвия в основании клинка — 1,5 см, длина насада — 2 см (рис. 11 -8). Общая длина ножа из погребения № 15 Доглан — 10 см: длина клинка — 7,5 см, ширина лезвия в основании клинка — 1,5 см, длина насада — 2,5 см (рис. 52 -18). Нож из погребения № 11 Шебуты-III сломан на четыре части. Большая часть насада отсутствует. Длина сохранившейся части клинка — 10,5 см, ширина лезвия в основании клинка — 1,3 см, длина сохранившейся части насада — 0,5 см (рис. 74 -2). Общая длина ножа из погребения № 13 Шебуты-III — 9 см, длина клинка — 7,5 см, ширина лезвия в основании клинка — 1,5 см, длина насада — 1,5 см (рис. 75 -4). Нож из погребения № 6 могильника Шебуты-III сломан на три части и имеет незначительные утраты вершины насада и острия клинка. Общая длина — 8,5 см, длина клинка — 6,5 см, ширина лезвия в основании клинка — 1 см, длина насада — 2,5 см (рис. 67 -11).

В погребении № 4 раскопа № 6 могильника Усть-Уда вместе с ножом найдено железное основание крепления ножен. Оно состоит из прямого стержня с тремя отходящими от него подвижными полулунными пластинками, к которым крепились деревянная основа. Длина стержня — 11,3 см (рис. 94 -8).

По своему функциональному назначению ножи делятся на два вида: «едовые» и «бытовые». Первые использовались для обрезания мяса с костей во время приема пищи, вторые имели более широкую сферу применения. К «едовым», относятся ножи длина которых не более 12 см. К бытовым — ножи, длина которых превышает 12 см [Харинский, 2001, с.120-121].

Таким образом, у кочевников средневековья юга Средней Сибири наблюдается достаточно широкое разнообразие ножей. Что, на наш взгляд, связано с функциональным назначением того или иного типа экземпляра. Наибольшее распространение имели ножи третьей, четвертой и пятой группы (табл. 2).

Основной особенностью ножей из рассматриваемых комплексов является наличие типов с двулезвийными «кинжальными» клинками и перекрестьями. В Предбайкалье ножи с двулезвийными клинками зафиксированы только в верхних горизонтах поселений на островах Лесной и Сосновый в верховьях р. Ангары [Асеев, 1980, с. 89, табл. XXIV, с.102]. В составе сопроводительного инвентаря средневековых захоронений они обнаружены впервые. Наличие данных типов ножей в погребениях могильников Усть-Талькин и Озерок позволяет более внимательно отнестись к датировке верхнего горизонта данных поселений.

В свое время А.П. Окладников датировал верхний горизонт стоянок на островах Лесной и Сосновый VI-X вв. н.э. и соотнес с курумчинской (куруканской) культурой Предбайкалья [1958, с.18-19; 1971, с.10]. К его датировке присоединился и И.В. Асеев [1980, с.85-92].

По нашему мнению, верхние горизонты этих поселений следует датировать более поздним временем — XII-XIV вв. На это указывают не только ножи с двулезвийными клинками, но и другие находки, например, плоские железные наконечники стрел и скобчатые кресала [Асеев, 1980, с.91, табл. XXVI-7-10,14,15]. Данные изделия получили широкое распространение в среде кочевников в XII-XIV вв.

Наиболее ранними из рассмотренных приангарских ножей являются ножи с лезвийным уступом. Они бытовали на территории Северного Приангарья с I в. до н. э. по V в. н. э. [Гладилин, 1985а, с.12–13]. Последовательная смена ножей с лезвийным на ножи с лезвийным и обушковым уступами отмечена А.В. Харинским на западном побережье Байкала. Появление ножей третьей группы исследователь относит к началу II тыс. н.э. [2001, с.121].

Кресала. Кресало — это металлическая пластина, которая вставлялась в небольшую деревянную колодку и служила основой для высекания огня при ударе о кремь. Вместе с кремнем и футляром для ношения и хранения трута кресало составляло «пиротехнический набор» кочевника-скотовода.

Для классификации и типологии наших кресал за основу взята схема, предложенная и разработанная А.В. Харинским по кресалам из средневековых погребальных комплексов Приольхонья [2001, с.121–124, 233].

Общее количество найденных в захоронениях кочевников юга Средней Сибири экземпляров кресал — 8. Все они изготовлены из железа способомковки. Большая часть кресал имеет плохую сохранность — сломана и найдена во фрагментах. Все кресала относятся к одному отделу — *однолезвийных*. К одной группе — *полосчатых*. По форме они делятся на два типа — *скобчатые овальные* и *скобчатые прямоугольные*.

Тип 1. *Скобчатые овальные*. Представлен 7 экземплярами из погребений № 4, 11, 40, 70 Усть-Талькин (рис.8 -7; 11 -7; 22 -9; 30 -7); № 15 могильника Доглан (рис. 52 -17); № 13 могильника Шебуты-III (рис. 75 -5); погребения № 5 могильника Озерок (рис. 113 -2). Ударное лезвие прямое либо слегка выгнуто наружу. Толщина лезвия — 0,6–1 см, ширина — 0,8–1,5 см, длина — 7–5 см. В месте перехода в дужки — плавно закругляется. Концы дужек приострены и могут быть слегка выгнуты или вогнуты. Междужечный зазор широкий от 2 до 3 см.

В погребениях № 13 Шебуты-III и № 5 Озерок вместе с кресалом были найдены кусочки серого кремня (рис. 75 -6; 113 -3).

Тип 2. *Скобчатые прямоугольные*. Представлен одним экземпляром из погребения № 1 Усть-Талькин. От изделия сохранилась одна половинка. Ударное лезвие прямое, в месте перехода в дужки имеет небольшой прямоугольный выступ. Толщина лезвия — 0,5 см, ширина — 1,5 см, длина — 6,5 см. Дужка короткая, расположена под небольшим углом к лезвию. Длина дужки — 1,5 см. Междужечный зазор широкий — 6 см (рис. 5 -3).

На территории Предбайкалья скобчатые кресала, аналогичные вышеописанным, зафиксированы при спасательных раскопках верхних горизонтов поселений на островах Лесной и Сосновый в верховьях р. Ангары [Окладников, 1952; 1953]. Кресала были найдены вместе с железными трубочками-футлярами для ношения фитилей [Асеев, 1980, с. 91, табл. XXVI]. Два скобчатых кресала найдено в шатровых поминальных комплексах в Приольхонье. Автор раскопок А.М. Мандельштам датировал их VIII–IX вв. [1974, с.154]. Б.Б. Дашибалов, произведя анализ предметного комплекса из поминальных шатровых сооружений Приольхонья, датировал их XI–XII вв. [1995, с.88, рис.27 -15, 16, 90–91].

Скобчатые кресала характерны для культуры енисейских кыргызов X–XIV вв. и приамурских чжурчжэней в XI–XII вв. [Кызласов И.Л., 1983, с.40–41; Медведев, 1982, с.132, табл.V -3, с.186, табл.LXV -9,14; 1986, с.60]. Присутствуют они и в составе погребального инвентаря у кочевников Южного Урала в XII–XIV вв. и Восточной Европы в X–XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с.84; Иванов, Кригер, 1988, с.14, с.36, рис.12 -4].

Кресало с кремнем хранились и переносились в небольших кожаных или матерчатых сумочках на пояс погребенных. Остатки одной из них отмечены в погребении мужчины № 5 могильника Озерок, в котором кожаная сумочка находилась под левой тазовой костью. Подобный способ ношения кресал отмечен у кочевников Приольхонья. Так, в могиле АП-4 ангинского комплекса кресало вместе с кремнем находилось в матерчатой сумочке с накидным клапаном, который застегивался на бусину из голубого стекла. Сумочка находилась у правого бедра погребенного [Асеев, 1980, с.74, табл. XII].

Поясные сумочки широко использовались тюрками Саяно-Алтая в VI-X вв. Они изготавливались из кожи, меха, войлока и шелка, имели накидной клапан и подвешивались к поясу с правой стороны. Иногда в погребениях присутствуют сразу две такие сумочки. Обычно в них находятся кресала, огнива, трут, амулеты, украшения и другие мелкие бытовые предметы [Овчинникова, 1990, с.38-39, с.190, рис.24 -7].

В сумочках из кожи или ткани хранили кресала с кремнем и кочевники Южного Урала. В кургане № 9 могильника Урал подобная сумочка находилась у пояса погребенного [Иванов, Кригер, 1988, с.14, рис.13 -38].

Лопаточка. Единственная лопаточка обнаружена в погребении № 37 могильника Усть-Талькин. Лопаточка изготовлена из железа способомковки. Рабочая часть прямоугольной формы находится под небольшим углом к насаду. Длина рабочей части — 4 см, ширина — 6 см. Данные размеры не совсем соответствуют реальной рабочей части, поскольку края ее загнуты (забиты) во внутрь. Насад черешковый, частично обломан. Длина сохранившейся части — 3 см (рис. 22 -3).

Данное изделие, вероятно, служило орудием для выкапывания корней. Хотя нахождение его в погребении коня может говорить и об ином, пока не ясном, использовании. Сходные по форме, но несколько больших размеров лопаточки найдены в Приладожских древнерусских курганах и, по мнению Б.А. Колчина, являлись принадлежностью очага — служили для перемешивания и переноски угля [Колчин, 1953, с.89, рис.52].

Ножницы. Данная группа изделий представлена четырьмя экземплярами из погребений № 6 могильника Сегэнутский; № 5 Доглан; № 13, раскоп № 6 Усть-Уда; № 2 Озерок. Все ножницы изготовлены из железа способомковки. Относятся к одному типу — шарнирных. Ножницы состоят из двух половинок, скрепленных между собой, с большими несомкнутыми кольцами-держателями. Общая длина изделий 13, 15 и 19 см, длина рабочей кромки — 7,5 и 9,5 см (рис. 40 -3; 105 -2). Экземпляры из погребения № 2 Озерок и № 5 могильника Сэгэнутский деформированы (рис. 2 -2; 110 -2).

Обращает на себя внимание устойчивое расположение ножниц в захоронениях — они находятся в изголовье с левой стороны затылочной части черепа женщин. Только в одном случае, в погребении № 13 раскоп № 6 могильника Усть-Уда, ножницы располагались с внешней стороны левой плечевой кости погребенной (рис. 104).

Ножницы шарнирного типа встречаются в погребальных комплексах степняков, начиная с X в. В XII-XIV вв. они практически повсеместно входят в состав сопроводительного инвентаря женских захоронений кочевников-скотоводов Забайкалья, Саяно-Алтая и Южного Урала [Хамзина, 1970, с.70, 73, с.138, табл. XIII-3; Асеев и др., 1984, с.184, табл. XXXII-1, с.193, табл. XLI-1; Могильников, 1981, с.193; Иванов, Кригер, 1988, с.14-15]. Встречаются они и в погребальных комплексах кочевников Восточной Европы X — XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с.84].

Полученная по костям скелета погребения № 5 Доглан радиоуглеродная дата позволяет отнести появление ножниц данного типа в погребальных комплексах юга Средней Сибири к началу XII в. (табл. 20).

Ножницы шарнирного типа использовались как в бытовых целях, так и в хозяйственных — для стрижки овец и просуществовали с небольшими модификациями до настоящего времени.

Наконечник-воронка. Наконечник представлен одним экземпляром из погребения № 2 могильника Озерок. Он изготовлен из свернутой полосы железа и имеет форму короткого конуса. Наконечник насаживался на деревянную рукоятку и крепился с помощью железного стопора — в нижней части конуса имеется округлое отверстие. Высота наконечника — 7 см, ширина основания — 5 см (рис. 110 -3).

Подобные наконечники-воронки, но изготовленные из свернутого медного листа, найдены в одном из раннемонгольских погребений второй половины I тыс. н.э. [Асеев, 1975, с.182, табл. III -4] и в одном погребении ундугунской культуры XII–XIV вв. [Кириллов, 1983, с.132, рис.7 -6]. Данные воронки, по мнению И.И. Кириллова, служили льячиками для разлива металла [1983, с.135].

Поскольку наш наконечник изготовлен из железной, а не медной пластины, не исключено и другое его использование, например, он мог служить острием для орудия; с помощью которого выкапывали съедобные корни или долбили лед в зимнее время года.

Скобы. Данная группа представлена 22 экземплярами. Скобы зафиксированы в семи погребениях: № 11, 21, 70, 71 могильник Усть-Талькин; № 2 могильник Озерок; № 13 раскоп № 6 могильник Усть-Уда и № 1 Уда (рис. 11 -4, 5; 17 -8-14; 30 -9-10; 110 -4-7; 116 -14). Железные скобы служили креплением крышек колод в погребениях. Все они однотипные, П-образной формы, приостренные на концах.

Железные скобы П-образной формы отмечены в захоронениях ундугунской культуры и погребениях № 6 и № 12 могильника Чиндант I, относящихся к XII–XIV вв., в Восточном Забайкалье [Кириллов, 1983, с.125, 131, рис.6 -8, 9; Асеев и др., 1984, с. 57; с. 192, табл. XL, рис. 2], а также в разрушенном кургане могильника Телеутский Взвоз-I в лесостепном Алтае [Тишкин и др., 2002, с.267, рис.67 -3, 4], где они также служили креплениями крышек колод.

В погребении № 3 могильника Часовенная Гора на р. Енисее аналогичными скобами скреплялись доски ящика-гроба [Гаврилова, 1965, с.73].

Гвоздики. Зафиксированы в четырех погребениях: № 15 Доглан (2 экз.); № 6 Шебуты-III (3 экз.); № 1 Галки (3 экз.) и № 1 Уда (12 экз.), общим количеством 20. Они изготовлены из железа, шляпки плоские округлые. Длина острия 1–2,5 см (рис. 52 -20; 67 -19-22; 116 -2-13; 120 -4).

По нашему мнению, в погребениях № 15 Доглан и № 6 Шебуты-III данные гвоздики служили креплением драпировочной ткани погребальных колод. В погребении № 1 Галки они использовались в качестве дополнительных креплений деревянного остова седла.

В погребении № 1 Уда найдено самое большое количество гвоздиков — 12. Все они были забиты в тонкую деревянную раму, следы которой фиксировались с двух сторон колоды. Возможно, они также крепили ткань, которой закрывалась колода. Использование гвоздиков в качестве креплений крышек внутримогильных конструк-

ций исключено, поскольку толщина краев крышек колод превышает 2 см, а максимальная длина гвоздиков не превышает 2,5 см.

Зеркало. Единственное зеркало найдено в погребении № 6 раскопа № 6 могильника Усть-Уда. Оно находилось в кожаном чехле с правой стороны на поясе женщины.

Зеркало представляет собой литой плоский бронзовый диск диаметром 11 см. Одна сторона гладкая. На другой имеется орнамент в виде двух фигурных бортиков, между которыми помещен пояс стилизованных веточек клевера (лотоса). В центре — простая выступающая петелька, окруженная слабочитаемым треугольным бордюриком (рис. 96 -2).

По костям скелета женщины из погребения № 6 получена одна радиоуглеродная дата, позволяющая датировать зеркало первой половиной XIV в. (табл. 20).

Зеркала, подобные усть-удинскому, обнаружены в погребении Хунгай III-1 в Приольхонье [Харинский, 2001, с.217, рис. 46 -1] и погребении 1 Тапхарского могильника I в Западном Забайкалье [Хамзина, 1970, с.107, рис. 27], на Шайгинском городище в Приморье [Шавкунов, 1981].

Э.В. Шавкунов считает, что подобные зеркала являются поздней копией ханьских зеркал и датируются XII–XIII вв. [Шавкунов, 1981, с. 108]. По погребению Хунгай III-1 имеется радиоуглеродная дата, определяющая время захоронения — XII в. [Харинский, 2001, с.128].

Как было сказано выше, зеркало находилось в чехле на поясе женщины. Чехол изготовлен из двух частей плотной кожи, сшитых между собой на две трети окружности. В верхней, вытянуто-приостренной части чехла имеются две горизонтальные прорези для ремешка, который крепился к поясу. В центре лицевой стороны находится узелок из тонких полосок кожи (рис. 96 -1).

Подобный чехол вместе с бронзовым зеркалом был обнаружен в могиле № 6 могильника I Ангинского комплекса в Приольхонье. Судя по сохранившемуся небольшому фрагменту, чехол был изготовлен из шелковой ткани коричневого цвета. Датировка данного погребения XII–XIV вв. [Асеев, 1980, с.70, табл. XVI — 4, с. 136].

В кожаной сумочке, пошитой мехом внутрь, возле левого бедра женщины находилось и бронзовое зеркало из погребения Хунгай III-1 в Приольхонье, причем зеркало, найденное в этом погребении, аналогично усть-удинскому [Харинский, 2001, с. 66].

В погребении Бертек-20 (Горный Алтай) бронзовое зеркало находилось в войлочной сумочке округлой формы на груди женщины. Мешочек изготовлен из двух частей, сшитых между собой через край на две трети окружности. Погребение датируется исследователями XIII–XIV вв. [Молодин, Соловьев, 1994, с.121, рис.126; с.153].

В женском погребении кургана № 1 могильника Телеутский Взвоз-I датированного XIII–XIV вв., фрагмент металлического зеркала находился в боковом кармашке сумки, сшитой из нескольких кусков кожи и ткани. В основном отделении сумки находился деревянный гребень [Тишкин и др., 2002, с.43, с.92, с.204, рис. 5 -1].

В кожаных или матерчатых чехлах, находящихся в изголовье погребенных, находят и зеркала в кочевнических погребениях XII–XIV вв. Южного Урала [Иванов, Кригер, 1988, с.19].

Приведенные примеры, в первую очередь, свидетельствуют о бережном отношении к данной категории инвентаря, о его высокой «престижности». Столь же высоко ценили зеркала и бережно относились к ним тюрки Саяно-Алтая в VI–X вв. Найденные в погребениях обломки зеркал заполированы от долгого употребления [Овчинникова, 1990, с.63].

Способов хранения и ношения зеркал, вероятно, было два: на поясе или на груди в чехлах из кожи, войлока или шелка (Усть-Уда, Ангинский комплекс, Бертек) и в специальных отделах кожаных сумочек на боку вместе с гребнем для расчесывания волос (Хунгай, Телеутский Взвоз).

Ковши. Данная группа предметов представлена двумя экземплярами из погребения № 2 могильника Шебуты-III и погребения № 1 Галки. Ковши изготовлены из железа способомковки, клепки и сварки.

Экземпляр из погребения № 2 Шебуты-III имеет округлый резервуар с высокими деформированными краями. Диаметр — 22 см, высота края — 7–8 см. Ручка, прямоугольная в сечении, приклепана к резервуару под небольшим углом тремя клепками. На конце ручка приострена и загнута в петельку. Длина — 14 см (рис. 64 -7).

Технология изготовления изделий хорошо прослеживается на экземпляре из погребения № 1 Галки. Он изготовлен из трех отдельных металлических частей. К округлой цельной пластине — дну внахлест приваривался бортик, свернутый из прямоугольной пластины, в результате чего получился округлый резервуар с высокими деформированными краями диаметром 28 см. Высота края — 12 см. К бортику под небольшим углом тремя клепками приклепана рукоять в виде прямоугольного в сечении бруска. На конце ручка приострена и загнута в петельку. Длина рукояти — 19 см. На дне ковша имеется приклепанная одной клепкой прямоугольная пластина размером 3 × 3 см — результат заделки дырки днища (рис. 120 -1).

Ковши — достаточно редкая находка в погребальных комплексах эпохи средневековья. Железный ковш со сходным резервуаром, но с небольшой втулкой для крепления деревянной ручки был найден В.А. Грачем во впускном погребении № 3 кургана Улуг-Хорум в Туве. Погребение датируется XIII–XIV вв. [Грач, 1982, с.158, с.161, рис.6 -14].

Полученная по костям скелета погребения № 1 Галки радиоуглеродная дата позволяет уточнить время бытования железных ковшей у кочевников юга Средней Сибири — вторая половина XIV — начало XV в. (табл. 20).

Чаши. Данная группа предметов представлена тремя экземплярами из погребений № 1 Галки, № 12 раскопа № 6 Усть-Уда и одного разрушенного погребения могильника Усть-Уда.

Две чаши серебряные, одна найдена среди разрушенных погребений южного участка могильника Усть-Уда (рис. 82 -7), другая — в погребении № 1 Галки (рис. 120 -2). Чаши изготовлены из низкопробного серебра способом холоднойковки. Стенки чаш тонкие, слабо выражен небольшой круглый поддон, дно плоское. Венчик прямой, чуть отогнут наружу. Имеются утраты металла стенок и части дна. Толщина стенок — до 1 мм. Высота чаш — 4,5 см, диаметр по венчику — 12 и 15–17 см, по дну — 6 и 9 см.

Третья чаша (а точнее ее основа из металла) найдена в погребении № 12 раскопа № 6 могильника Усть-Уда (рис. 105 -1). Чашечка имеет небольшой округлый резервуар в плане подквадратной формы глубиной 2–2,5 см, с двумя отходящими в стороны подтреугольными выступами — «ушками», одно из которых обломано. По нашему мнению, данное изделие является основой — дном комбинированной чашечки-пиалы, верхняя часть которой была изготовлена из дерева.

Металлические чаши из серебра схожих форм и размеров получают распространение в погребальных комплексах кочевников с начала II тыс. н.э. Наиболее близкой аналогией нашим экземплярам, но несколько больших размеров является серебряная

чаша (ковш) из погребения № 3 могильника Часовенная Гора на р. Енисее [Гаврилова, 1965, с.77, рис.14 -4].

Железные чаши-пиалы, аналогичные приангарским, но несколько больших размеров и с округлым дном зафиксированы на могильниках Еловка I в Томском Приобье и Сарма III -2 в Приольхонье. Они датируются соответственно XI-XII и XIV — началом XV в. [Могильников, 1981, с.191, с.243, рис.71-11; Харинский, 2001, с.129, с.190, рис.19 -9].

Полученная радиоуглеродная дата по погребению № 1 Галки позволяет уточнить время бытования у кочевников юга Средней Сибири серебряных чаш XIV — началом XV в. (табл. 20).

Что касается комбинированной чаши из погребения № 12 Усть-Уда, то прямых аналогий для нее пока не найдено.

Керамическая посуда. Наличие керамических сосудов достоверно зафиксировано в четырех погребениях: № 1 и № 6 Сегэнутский могильник, № 8 Шебуты-III и № 1 Озерок. Фрагменты еще пяти сосудов найдены в погребениях № 3 и № 4 Усть-Талькин и двух (?) разрушенных погребениях центрального участка могильника Усть-Уда. Однако в связи с их небольшими размерами (Усть-Талькин) и невозможностью точной фиксации (Усть-Уда) соотнести их с погребениями данных некрополей можно только условно, до нахождения подобных изделий непосредственно в могилах или ритуальных комплексах.

Основой при описании керамических сосудов и их элементов послужили разработки иркутских археологов О.И. Горюновой, Н.А. Савельева и А.В. Харинского [Горюнова, Савельев, 1981; Харинский, 1992; 2001, с. 124, 234].

Керамические чашки и сосуды из погребений.

1. Чашка-пиала из погребения № 8 Шебуты-III. Ручной лепки, без применения гончарного круга, обжиг равномерный, цвет темно-серый. Чашечка остродонная, венчик слегка загнут вовнутрь. Высота — 5 см, диаметр венчика — 6 см (рис. 72 -2).

2. Чашка-пиала из погребения № 1 Озерок. Комбинированная. Чашка изготовлена из сломанной придонной части глиняного сосуда и бересты. Придонная часть сосуда ручной лепки без применения гончарного круга, обжиг равномерный, цвет темно-серый. Дно округлое. Высота — 4 см, ширина — 12,5 см, толщина стенок — 4-6 мм (рис. 109 -2а). Сломанная придонная часть глиняного горшка была обернута берестой, которая скрыла неровности края и выровняла дно сосуда, сделав его плоским. Береста накладывалась внахлест и прошивалась жильными нитками (рис. 109 -2, 2б). Таким образом, сломанный глиняный сосуд приобрел как бы «второе рождение» и использовался в качестве чашечки-пиалы.

3. Сосуды из погребений № 1 и № 6 могильника Сегэнутский. Не имея в наличии самих предметов, мы приводим их описание по публикации и рисункам А.П. Окладникова. Один сосуд из погребения № 6 склеен полностью. Он остродонный, с удлинённым эллипсовидным туловом, с выраженной слегка зауженной шейкой и отогнутым наружу венчиком. По краю венчика имеется треугольный налест, напоминающий «воротничок», резко выступающий снаружи в виде козырька. Толщина стенок горшка 2-3 (?) мм (рис. 2 -1).

Сосуд из погребения № 1 аналогичен вышеописанному. Основное отличие состоит в том, что венчик не имеет столь ярко выраженного выступа [Окладников, 1958, с.202-204].

Исследователь подробно остановился на технологии изготовления этих горшков. По А.П. Окладникову, оба сосуда изготовлены способом ручной лепки «на болванке с помощью лопаточки, которой наколачивалась на болванку или подкладку глиняная масса, как это делалось недавно в примитивном гончарстве якутов» [1958, с.203].

Наиболее близкие аналогии сосудам из Сэгенутского могильника А.П. Окладников увидел в средневековых горшках мохэских племен Приамурья и Приморья [Окладников, 1958, с.210].

Действительно, керамика с характерным выступающим под венчиком козырьком присутствует в археологических комплексах племен Приамурья и Восточного Забайкалья уже в раннем средневековье [Деревянко, 1975, с.139, с.215, табл. XVII; Асеев и др., 1984, с.68–69; Нестеров, 1998, с.43; Гребенщиков, 2000, с. 138]. В VI–XII вв. данный технический элемент (козырек) присутствует на сосудах у мохэских племен, а затем у чжурчжэней [Деревянко, 1975, с.138; 1977, с.165, табл. I -4, табл. XLVII -16; Медведев, 1982, с.139, табл. XII-6, 29; 1991, с.138-139, табл. XLVIII -17, табл. XLIX -34, 35]. Однако, в отличие от горшка из Сэгенутского могильника, эти горшки преимущественно баночной или вазообразной формы с плоским дном.

Фрагменты керамики из погребений могильника Усть-Талькин.

1. Фрагмент тулова сосуда из погребения № 3 Усть-Талькин серого однородного цвета, ручной лепки без применения гончарного круга. Имеется орнамент в виде двух рядов узких косых овальных вдавлений, между которыми находятся округлые ямки. Толщина стенки — 1 см (рис. 7 -7).

2. Три фрагмента керамики из погребения № 4 Усть-Талькин принадлежат одному сосуду (рис. 8 -9-11). Фрагменты тулова сосуда серого однородного цвета, ручной лепки без применения гончарного круга. Один из фрагментов украшен орнаментом в виде прочерченных линий, спускающихся вниз под углом от округлой ямки (рис. 8 -9). Толщина стенок — 7–8 мм.

Фрагменты керамических сосудов из разрушенных погребений могильника Усть-Уда.

1. Сосуд ручной лепки без применения гончарного круга равномерного обжига темно-серого цвета. Сосуд баночной формы, с отогнутым наружу венчиком, округлыми стенками и плоским дном. Венчик украшен по краю небольшими, узкими овальными вдавлениями. По тулову сосуда проходит орнамент в виде трех поясков полулунных вдавлений. Высота горшка — 15 см, диаметр венчика — 12 см, диаметр дна — 7 см. Толщина стенок горшка — 4-6 мм (рис. 89 -1).

2. Фрагмент дна сосуда. Дно плоское, ручной лепки без применения гончарного круга. Обжиг равномерный, цвет темно-серый. Диаметр — 8 см (рис. 89 -2).

3. Фрагмент дна и придонной части сосуда. Ручной лепки без применения гончарного круга. Обжиг равномерный, цвет темно-серый. Сосуд, вероятно, был баночной формы с округлыми стенками и плоским дном. Диаметр дна — 7 см (рис. 89 -3).

Сосуды баночной формы с плоским дном характерны, в первую очередь, для археологических комплексов курумчинской культуры Предбайкалья VI–X вв. в долинах рек Ангары и Лены, а также в Приольхонье и Баргузинской долине [Асеев, 1980, с.19, табл. I, с.25, табл. IV, с.93, табл. XXVIII, с.98, табл. XXXI; Дашибалов, 1995, с.31, рис.10, с.111, рис.33, с.115, рис.34, с.121, рис.35].

Найденные в погребениях керамические горшки в первую очередь свидетельствуют о том, что в хозяйстве кочевников-скотоводов юга Средней Сибири в XII–XIV вв. продолжалось использование глиняной посуды ручной лепки.

Вероятно, в XI–XII вв. на смену сосудам баночной формы с плоским дном приходят горшки с округлым дном [Харинский, 2001а, с.92–93]. Хотя не исключено частичное сохранение старых культурных традиций в изготовлении плоскодонной керамической посуды.

Мешочки из бересты. Всего найдено пять экземпляров мешочков. Все они изготовлены из сшитых полос бересты и служили для хранения пищи. От мешочков сохранилась только береста. Нитки, которыми они были прошиты, не сохранились — от них имеются только дырочки.

По геометрической форме все найденные в погребениях мешочки можно разделить на четыре типа: цилиндрические, прямоугольные, треугольные и конусные.

Тип 1. Цилиндрические. Насчитывает один экземпляр из погребения № 43 могильника Усть-Талькин. Мешочек изготовлен из одной — двух полос бересты. По краю имеются следы прошива. Мешочек не полный — имеет утраты верха. Высота сохранившейся части — 7 см, ширина 10 см (рис. 25 -2).

Тип 2. Прямоугольные. Насчитывает один экземпляр из погребения № 6 раскоп № 6 могильника Усть-Уда. Мешочек изготовлен из цельного листа бересты, прошитого внахлест по основанию и боковому краю. Для придания устойчивости формы края мешочка были перегнуты так, что получились рельефные жесткие углы. Высота — 23 см, ширина — 7 см (рис. 97 -3).

Тип 3. Треугольные. Представлен двумя экземплярами из погребений № 77 Усть-Талькин и № 6 раскоп № 6 Усть-Уда. Мешочки треугольные, приостренные к основанию. Сшивались из нескольких полос бересты. Экземпляр из погребения № 77 могильника Усть-Талькин, судя по наличию двойного шва, был комбинированный — имел кожаный верх. Высота — 26 см (рис. 31 -3). Край резервуара мешочка из погребения № 6 Усть-Уда двойной, береста подвернута на 0,5 см и дополнительно прошита для прочности. В мешочке находился фрагмент бедренной кости барана — остатки ритуальной пищи. Высота мешочка — 42 см (рис. 97 -2).

Тип 4. Конусные. Насчитывает один экземпляр из погребения № 2 могильника Озерок. Мешочек изготовлен из двух полос бересты, сшитых между собой. Имеет узкий резервуар и широкое основание. Высота — 18 см, ширина резервуара — 4 см, ширина основания — 9–10 см (рис. 110 -8).

Туесок. Единственный туесок найден в погребении № 2 могильника Озерок. Туесок цилиндрический, изготовлен из свернутой полосы бересты внахлест, следов прошива нет, видимо, крепились в «замок». Для большей прочности и устойчивости нижняя треть изделия дополнительно обернута еще одной полосой бересты поперек предыдущей. Верхний край загнут во внутрь на 0,5 см. Дно не сохранилось, вероятно, было изготовлено из тонкой деревянной дощечки. Высота туеска — 22 см, диаметр — 8 см (рис. 110 -9).

Самой ранней находкой берестяной посуды в Предбайкалье может считаться небольшое ведерко из Большой Байдинской пещеры в Приольхонье, которое датируется VII–VI вв. до н.э. [Филиппов и др., 1997]. Еще один берестяной туес с остатками пищи был найден в 1958 г. Н.Н.Забелиной при раскопках ямы-погребца (?) № 12 недалеко от городища Улан-Бор. Комплекс датируется концом I — началом II тыс. н.э. [Дашибалов, 1995, с.30]. Фрагменты берестяной посуды с округлыми бортиками по краю отмечены И.В. Асеевым в погребении № 2 могильника I Ангинского комплекса в Приольхонье, датированного X–XI вв. [1980, с.69–70, 135].

Берестяные туески получают наибольшее распространение в составе сопроводительного инвентаря погребальных комплексов кочевников в первой половине II тыс. н.э. Подобные изделия зафиксированы в Западной Сибири в погребениях № 39 и № 64 могильника Абрамово-10 [Молодин и др., 1990, с.90], в погребении № 6 могильника Чиндант I в Восточном Забайкалье [Асеев и др., 1984, с.73; с. 192, табл.XI, рис. 1]. Фрагменты берестяной посуды отмечены А.А. Гавриловой в погребениях часовенногорского типа на могильнике Кудыргэ [1965, с.48].

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

В данную категорию сопроводительного инвентаря вошли детали одежды и пояса: фрагменты халатов, головных уборов, пуговицы, пряжки, бляшки-накладки и украшения: серьга, бусы, подвеска.

Одежда. В погребениях женщин № 4, 41, 42 могильника Усть-Талькин зафиксированы только небольшие фрагменты верхней одежды. Она изготавливалась из шелковых тканей темно-коричневого цвета, вероятно, китайского или среднеазиатского производства. Ткани были трех сортов: тафта, парча и саржа [Седакина, 1965, с. 200]. Судя по опубликованным Е.Ф.Седакиной рисункам, ткани имели растительные узоры в виде изогнутых веточек с цветами и листьями (рис. 23 -4; 24 -4).

Подобные усть-талькинским остатки одежды из шелковых тканей имелись в погребениях могильника Часовенная Гора на р. Енисее, датируемых XIII–XIV вв., и погребении Л Хушот-Худжиртэ в Северной Монголии [Евтюхова, 1957, с. 218; Гаврилова, 1964, с.169; 1965, с.106].

По мнению А.А. Гавриловой, подобная одежда представляла собой шелковый женский халат на подкладке монгольского покроя: со стоячим воротничком, с проймой и пришитыми рукавами [1965, с.49]. Дополнить эти сведения позволяют материалы, полученные Е.А. Хамзиной при раскопках погребения женщины № 8 могильника IV на сопке Топхар, в котором найдены хорошо сохранившиеся остатки халата. Он был изготовлен из шелковой ткани темно-коричневого цвета, его правая пола заходила на левую. Халат длинный, не доходил до щиколоток на 15 см, рукава были длиннее фаланг пальцев рук на 15 см [Хамзина, 1970, с.39].

Таким образом, суммируя все данные, мы можем предположить, что одним из престижных видов женской верхней одежды у кочевников юга Средней Сибири были шелковые длиннополые халаты на подкладке, со стоячим воротничком, проймой и длинными пришитыми рукавами.

Вне всякого сомнения, у кочевников Предбайкалья в ходу были и другие виды верхней одежды из шерсти, кожи и меха. К сожалению, крайне фрагментированные остатки пока не позволяют произвести ее реконструкцию.

Небольшие кусочки кожаных обрывков, которые фиксируются в районе стоп костяков (№ 71, 77 Усть-Талькин; № 6 и № 7 Шебуты-III), позволяют утверждать, что обувь у населения Предбайкалья изготавливалась из плотной двухслойной кожи.

Головной убор. Основа головных уборов из органических материалов практически не сохраняется в могилах. Фрагменты шапочки удалось проследить только в погребении девушки № 13 раскопа № 6 могильника Усть-Уда. В районе черепа девушки на теменной и затылочной частях располагались небольшие кусочки кожи, рядом с которыми находился мелкий белый речной жемчуг. Вероятно, шапочка была невысокая из кожи, типа тубетейки, верх которой был расшит мелким жемчугом.

В нашем распоряжении имеются также украшения шапочек в виде металлических бляшек-нашивок, которые найдены в трех погребениях № 7 Усть-Талькин, № 13 Доглан, а также в одном ритуальном комплексе № 12 Доглан.

Бляшки из погребений изготовлены из тонких пластинок медной фольги, штамповка. Они сглаженной подтреугольной формы с отверстиями по краю для пришивания. Лицевые стороны бляшек имеют рельефный растительный орнамент. На лицевой стороне изделия из погребения № 7 могильника Усть-Талькин имеются остатки золочения. Размеры бляшки из погребения № 7 Усть-Талькин — 3,5 × 3,5 см (рис. 9 -6), размеры бляшки из погребения № 13 Доглан — 5 × 4,2 см (рис. 48 -13).

Бляшка из ритуального комплекса № 12 могильника Доглан изготовлена из золотой тонкой фольги, способом штамповки, сглаженной подтреугольной формы. Один край оплавлен огнем, на втором имеются маленькие отверстия для крепления. На лицевой стороне бляшки имеется рельефный растительный орнамент. Размеры: 4,5 × 4,2 см (рис. 46 -4).

Головные уборы, украшенные орнаментированными медными, золотыми и серебряными бляшками, были распространены в среде кочевых культур Евразийских степей в первой половине II тыс. н.э. [Гаврилова, 1965, с.47, 48, табл. XXVI -1; Федоров-Давыдов, 1966, с.36–37; Хамзина, 1970, с.72–73, 137, табл. XII; Могильников, 1981, с.198].

У нас имеются данные о двух видах шапочек, в которых использовались нашивные металлические бляшки. Первый тип восстановлен по остаткам шапочки из погребения Королевка (Казахстан). Данный головной убор изготавливался из шелковой ткани, по форме напоминал тубетейку, каркас которой составляли изогнутые пластинки, нижняя пластинка медная с изображением в центре цветка, а верхняя — золотая [Могильников, 1981, с.198].

Еще одна шапочка, но несколько иного вида, была обнаружена на голове женщины в кургане № 23 Старое Мусино (Восточная Европа). Она представляла собой шлем-шишак из бересты и коры, обшитый бронзовой пластиной. Внутри шапочки имелась меховая подкладка. По низу, с внешней стороны, шапочка была обшита ремнем с серебряными фигурными бляшками [Федоров-Давыдов, 1966, с.37].

Отдать предпочтение какому-либо из описанных видов шапочек сложно из-за небольшого количества найденного материала. Не исключено, что кочевники юга Средней Сибири могли использовать как подобные головные уборы, так и несколько другие, модифицированные под свои вкусы и потребности. Полученная по костям скелета погребения № 13 могильника Доглан радиоуглеродная дата позволяет отнести время появления шапочек, украшенных бронзовыми и золотыми бляшками, у кочевников Предбайкалья к XII в. (табл. 20).

Обращает на себя внимание отсутствие в погребальных комплексах кочевников юга Средней Сибири остатков широко распространенного в монгольское время среди кочевников Саяно-Алтая, Монголии, Южного Урала и Восточной Европы женского головного убора типа «бокка» [Федоров-Давыдов, 1966, с.36–37; Иванов, Кригер, 1988, с.18; Тишкин и др., 2002, с.95]. Дать объяснение данному факту мы пока не можем.

Пуговицы являются одним из обязательных элементов одежды. Всего найдено 6 экземпляров пуговиц в двух погребениях № 21 могильника Усть-Талькин и № 20 могильника Доглан.

Пуговица из погребения № 20 могильника Доглан найдена у теменной части черепа ребенка. Вероятно, служила застежкой шапочки (?). Пуговица изготовлена из кости,

подтреугольной вытянутой формы с круглым отверстием в середине. Размеры 4 × 1 см (рис. 58 -4).

В погребении № 21 могильника Усть-Талькин находилось пять пуговиц от одежды. Все они были изготовлены из бронзы, способом литья. Пуговицы шаровидной формы с круглой петелькой (рис. 17 -15).

Наиболее ранние экземпляры пуговиц зафиксированы в погребениях эпохи бронзы — раннего железного века и имеют устойчивую полушаровидную форму [Цыбиктаров, 1998, с. 56; Асеев и др., 1984, с. 94].

У тюрков Саяно-Алтая в V–X вв. в качестве пуговиц использовались небольшие полые литые бубенчики шаровидной формы, схожие с пуговицами из погребения № 26 могильника Усть-Талькин [Овчинникова, 1990, с.53–54].

Пуговицы в виде небольших бубенчиков зафиксированы в погребальных комплексах кочевников Приуралья в VIII–XII вв. [Мажитов, 1981, с.75, рис. 41 -4, 5] и Восточной Европы в X — XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с.70; Плетнева, 1981, с.217, с.260, рис. 83 -28, 30, 31].

Наиболее близкие аналогии костяной пуговице из погребения № 20 могильника Доглан имеются в погребальных комплексах Восточного Забайкалья конца I тыс. н.э. [Асеев и др., 1984, с.94, с.172, табл. XX — 6].

Пряжки пояса. Пряжка — металлическая деталь пояса, которая состоит из рамки и язычка [Ковалевская, 1979, с.10]. Функция пряжки — застегивание ремня. Существуют пряжки пояса человека, а также обуви и конской сбруи. Данный раздел посвящен поясным наременным пряжкам, подпружные пряжки будут проанализированы вместе с прочим конским снаряжением ниже.

Общее количество найденных в погребениях кочевников юга Средней Сибири поясных пряжек — 8. Они находились в семи погребениях, причем в погребении № 17 могильника Доглан находилось сразу две. Пряжка из погребения № 12 могильника Усть-Талькин утеряна. Таким образом, анализу подлежат только 7 пряжек.

По материалу изготовления они относятся к одному классу — железных. По варианту крепления язычка относятся к двум группам: 1) с неподвижным язычком; 2) с подвижным язычком. По форме рамки пряжки делятся на типы (табл. 3).

Группа I. *Пряжки с неподвижным язычком.*

Тип 1. *Фигурные.* Насчитывает один экземпляр из погребения № 15 могильника Доглан. Пряжка состоит из двух частей: собственно пряжки овальной вытянутой формы с прямоугольной прорезью в основании для крепления ремня и навершием в виде «бараньих рогов», между которыми находится неподвижный язычок, и плоской ромбовидной бляхи, приклепанной к самой пряжке двумя клепками. Длина изделия — 10,5 см (рис. 52 -14).

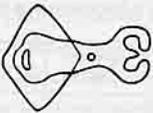
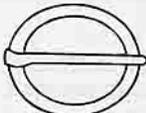
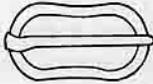
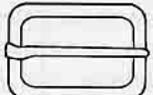
Группа II. *Пряжки с подвижным язычком.*

Тип 1. *Овальные.* Насчитывает один экземпляр из погребения № 17 Доглан. Рамка правильной овальной формы, размерами 7 × 5,7 см. Язычок прямой приостренный, длина — 7 см (рис. 55 -4).

Тип 2. *Овальные с вогнутыми сторонами.* Включает три экземпляра из погребений № 11, 21, 41 могильника Усть-Талькин. Рамки овальной формы с вогнутыми вовнутрь сторонами. Язычки слегка изогнутые, приостренные. У экземпляра из погребения № 21 язычок и часть рамки обломана. Длина целых пряжек — 3,5–4 см, ширина — 2–2,5 см (рис.11 -6; 17 -4; 23 -2).

Тип 3. *Прямоугольные*. Насчитывает два экземпляра из погребений № 17, 19 Доглан. Рамки прямоугольной формы со сглаженными краями. Язычки обломаны. Длина рамок — 3,5–5 см, ширина — 2,5–3,5 см (рис. 55 -5; 57 -5).

Таблица 3
Классификация и типология поясных пряжек

КЛАСС	ГРУППА	ТИП	РАЗМЕРЫ, СМ	КОЛ-ВО, ЭКЗ.	МОГИЛЬНИК, ПОГРЕБЕНИЕ №
ЖЕЛЕЗНЫЕ	I с неподвижным язычком	1 	длина - 10,5	1	Доглан, № 15
	II с подвижным язычком	1 	7×5,7	1	Доглан, № 17
		2 	3,5-4×2-2,5	3	Усть-Талькин, № 11, 21, 41
		3 	3,5-5×2-3,5	2	Доглан, № 17, 19

Наибольший интерес вызывает фигурная пряжка из погребения № 15 могильника Доглан, входящая в первую группу. Прямых аналогий для нее нет. Наиболее близка ей по общему абрису литая бронзовая пряжка из погребения № 3 могильника Чинданти I в Восточном Забайкалье [Асеев и др., 1984, с.178, табл. XXVI, рис.2].

Пряжки, относящиеся ко второй группе, имеют очень широкие аналогии среди поясных наборов кочевников-скотоводов X — XIV вв. по всей Евразийской степи [Гаврилова, 1965, табл. XXII-12, XXIII-8; Федоров-Давыдов, 1966, с.42-44; Ковалевская, 1979; Плетнева, 1981, с.260; Асеев и др., 1984, с.174-176; Иванов, Кригер, 1988, с.15, 19-20; Ковычев, 1988, с.137, рис.7 -7, 8; Кириллов и др., 2000, с.164, рис.75 -1, 2, 3, с.170, рис. 81 -3, с.171, рис. 82 -8; Могильников, 2002, с.100-101, с.345, рис.209 -21, 22].

Бляшки-накладки отмечены в шести погребениях. Общее количество бляшек — 11. По материалу изготовления относятся к одному классу — железных. По форме среди них выделяются пять типов (табл. 4).

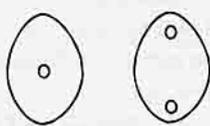
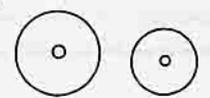
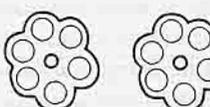
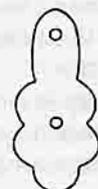
Тип 1. *Овальные*. Представлен пятью экземплярами из погребений № 66 Усть-Талькин, № 15 Доглан, № 7 Шебуты-III, № 11 раскоп № 6 Усть-Уда. Бляшки изготовлены из тонкой железной пластинки, овальные, плоские. По краю или в центре изделия име-

ют небольшие округлые отверстия для крепления к основе и остатки клепок. Размеры 7,5-5 × 3,5-4 см и 2,2 × 1,6 см (рис. 28 -7; 52 -16; 69 -5; 102 -10, 11).

Тип 2. *Круглые, простые*. Представлен двумя экземплярами из погребения № 7 Шебуты-III и погребения № 11 раскоп № 6 Усть-Уда. Бляшки изготовлены из тонких железных пластинок, круглые, плоские, в центре имеются клепки крепления. Край изделия из погребения № 7 Шебуты-III волнистый. Размеры: 6 × 6 см и 2,5 × 2,2 см (рис. 69 -6; 102 -12).

Таблица 4

Классификация и типология бляшек-накладок

КЛАСС	ТИП	РАЗМЕРЫ, СМ	КОЛ-ВО, ЭКЗ.	МОГИЛЬНИК, ПОГРЕБЕНИЕ №	
ЖЕЛЕЗНЫЕ	1		7,5-5 × 3,5-4 2,2 × 1,6	5	Усть-Талькин, № 66; Доглан, № 15; Шебуты-III, № 7; Усть-Уда, р. 6, № 11
	2		6 × 6 2,5 × 2,2	2	Шебуты-III, № 7; Усть-Уда, р. 6, № 11
	3		3 × 3	2	Галки, № 1
	4		2 × 2,5	1	Галки, № 1
	5		3,5-5 × 1,8	1	Галки, № 1

Тип 3. *Круглые, в виде шестилепестковых соцветий*. Представлен двумя экземплярами из погребения № 1 Галки. Бляшки изготовлены из тонких железных пластинок в виде шестилепестковых соцветий, ковка. Лепестки оформлены полусферическими вдавлениями. В центре изделий имеется одна клепка крепления. Размеры 3 × 3 см (рис. 120 -6,7).

Тип 4. *Квадратные, в виде четырехлепесткового соцветия*. Представлен одним экземпляром из погребения № 1 Галки. Бляшка двойная, изготовлена из двух тонких плоских пластинок, соединенных между собой одной центральной клепкой. Размеры 2 × 2,5 см (рис. 120 -9).

■ Тип 5. *Фигурные, в виде шестилепесткового соцветия.* Представлен одним экземпляром из погребения № 1 Галки. Бляшка двойная, изготовлена из двух тонких плоских пластинок, соединенных между собой двумя клепками. Размеры 3,5 × 1,8 см (рис. 120 -8).

Бляшки первого и второго типов использовались в качестве украшений пояса, возможно, и конской сбруи. Бляшки третьего типа служили украшением колчана, а бляшки 4 и 5 типов помимо декоративной несли в себе функцию креплений портупей.

Наиболее интересными являются бляшки в виде шестилепестковых соцветий, выделенные нами в третий тип. Подобные бляшки-розетки, но изготовленные из серебра, с шестью лепестками, оформленными в виде выпуклых рельефных полусфер, входили в состав украшений шапочки женщины из погребения № 10 Телятниковского могильника XII–XIV вв. в Западном Забайкалье [Хамзина, 1970, с.72, с.137, табл. XII -6]. Двумя подобными бляшками, также выполненными из серебра с шестью рельефными полусферическими лепестками была украшена сумочка из погребения Хунгай III-1 в Приольхонье, в которой находилось бронзовое зеркало [Харинский, 2001, 133, с.217, рис.46 -6].

Бляшка-подвеска найдена в единственном экземпляре в погребении № 11 раскопа № 6 могильника Усть-Уда. Бляшка плоская подтреугольной формы, со сквозным отверстием для подвешивания. Размеры 6,5 × 5 см (рис.102 -9).

Прямых аналогий данной подвески нет, вероятно, она служила украшением пояса.

Серьга. Единственная серьга, изготовленная из золотой тонкой проволоки, зафиксирована в погребении № 42 могильника Усть-Талькин. Серьга округлой формы, несомкнутая, на конце петелька.

Серьги в виде несомкнутого кольца являются самым распространенным типом серег и имеют достаточно широкий хронологический диапазон. В погребениях с конем в Саяно-Алтайском нагорье подобные серьги характерны для периода IX–XI вв. [Овчинникова, 1990, с.51; Могильников, 2002, с.354, рис.218].

Точные копии нашей серьги найдены в погребениях чжурчжэней XI–XII вв. в Приамурье [Медведев, 1986, с.128, рис.60 -1], в погребениях кыпчаков XII–XIV вв. на Южном Урале [Иванов, Кригер, 1988, с.17, рис. 4 -1], в погребениях кочевников X–XIV вв. Восточной Европы [Федоров-Давыдов, 1966, с.38, рис.6 -П, с.39]. Одна подобная серьга найдена в слое городища золотоордынского времени Укек на Волге [Недашковский, 2000, с.41, рис.7 -2, 3].

Бусины. Две бусины зафиксированы в погребении № 21 и одна — в погребении № 71 могильника Усть-Талькин. Бусины круглые с отверстием в середине из синего и черного стекла (?). Размеры: 9 × 9 мм (рис. 17 -16).

В погребальных комплексах кочевников конца I — первой половины II тыс. н.э. бусы не являются распространенной категорией сопроводительного инвентаря. Например, в кимакских погребениях с конем западных предгорий Алтая они встречаются в количестве от 2 до 30 экз. [Могильников, 2002, с.118], а в погребениях кыпчаков Южного Урала обычно присутствуют одна — две крупные бусины, аналогичные усть-талькинской [Иванов, Кригер, 1988, с.18].

Подвеска. Единственная подвеска найдена в погребении № 5 могильника Озерок. Она изготовлена из кости. Подвеска удлинено-подтреугольной формы, заостренная. В основании имеется округлое сквозное отверстие, диаметром 3-4 мм. Длина изделия — 5 см (рис. 113 -4).

Вероятно, данная подвеска использовалась в качестве амулета-оберега, поскольку форма ее напоминает длинный клык хищника. Острый конец подвески мог также служить проколкой.

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ

Комплекс вооружения воина-кочевника юга Средней Сибири в эпоху средневековья включал в себя: средства ведения дистанционного боя — луки, стрелы и снаряжения — колчаны и их детали; средства ведения ближнего боя — копьё, пальмы, кинжалы, топоры; средства защиты — панцири. Для их описания и последующего анализа мы воспользовались разработками и схемами, предложенными А.Ф. Медведевым [1966], Ю.С. Худяковым [1979; 1981; 1986; 1991; 1993] и М.В. Гореликом [1983; 1987; 1993], с учетом специфики и особенностей нашего материала.

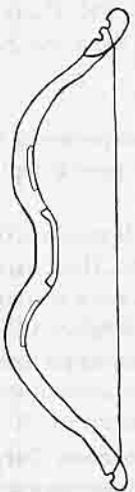
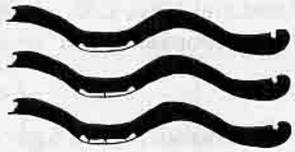
Средства ведения дистанционного боя

Средства ведения дистанционного боя в приангарских погребениях представлены остатками сложносоставных луков и стрел, а также их снаряжением — колчанами. В погребальных комплексах встречаются часто, что, связано с большой распространенностью и широким использованием данного вида оружия не только в военных столкновениях, но и на охоте.

Луки. Данную группу составляют 30 экземпляров сложносоставных луков, найденные в 29 погребениях. Роговые накладки из погребений № 1, 33, 34 могильника Усть-Талькин утеряны. В погребении № 35 Усть-Талькин имеется только фрагмент накладки, а в погребении № 57 Усть-Талькин — только одна плечевая накладка, поэтому типологическому анализу поддаются материалы 25 луков из 24 погребений.

Все луки относятся к одной группе — сложносоставных. По количеству и месторасположению роговых накладок среди них выделяются несколько типов (табл. 5).

Таблица 5
Классификация сложносоставных луков

ГРУППА	ТИП	РАЗМЕРЫ, СМ	КОЛ-ВО, ЭКЗ.	МОГИЛЬНИК, ПОГРЕБЕНИЕ №
		120	14	Усть-Талькин, № 3, 6, 10, 11, 20, 21, 68; Доглан, № 17, 18; Шебуты-III, № 13; Усть-Уда, р. 6, № 4, 10; Озерок, № 5; Галки, № 1
			5	Усть-Талькин, № 5; Доглан, № 15; Шебуты-III, № 6; Усть-Уда, р. 6, № 11; Уда, № 1
			2	Усть-Талькин, № 18; Шебуты-III, № 7
			2	Усть-Талькин, № 66; Доглан, № 15
			1	Усть-Талькин, № 70

Тип 1. *Со срединной фронтальной накладкой.* Включает 14 экземпляров из погребений № 3, 6, 10, 11, 20, 21, 68 Усть-Талькин (рис. 7 -6; 9 -5; 10 -5; 11 -3; 15 -7; 17 -2; 29 -1); № 17, 18 Доглан (рис. 55 -3; 56 -4); № 13 Шебуты-III (рис. 75 -2); № 4, 10 раскоп № 6 Усть-Уда (рис. 94 -2; 100 -1, 2); № 5 Озерок (рис. 113 -5); № 1 Галки (рис. 121 -8).

Технологию изготовления и размеры лука удалось установить по сохранившимся деревянным деталям кибити из погребения № 10 Усть-Уда. Общая длина лука — 120 см, длина сохранившейся части — 91 см. Кибить вырезана из цельной березы и дополнительно обклеена тонкими полосками бересты. Верхняя часть кибити лука ближе к концу дополнительно усилена тонкими полосками сухожилий или кожи. Сечение кибити подтреугольное. Фронтальная накладка плотно вставлялась в центральную часть кибити и также обклеивалась берестой (рис. 100 -1).

Накладки изготавливались из рога, с расширяющимися веслообразными концами. По внешней и внутренней сторонам имеется вертикальная и косая нарезка для лучшего приклеивания к деревянной основе кибити и бересты. Имеются как цельные накладки, так и составные из двух, трех и четырех частей, склеивавшихся между собой. Длина накладок 14,5–29,5 см, ширина — 2–4 см.

Луки данного типа были симметричными.

Исходя из полученных радиоуглеродных дат по костям скелетов погребений № 17 Доглан, № 10 Усть-Уда, № 5 Озерок и № 1 Галки (табл. 20) время бытования данного типа луков на территории юга Средней Сибири можно определить XII — началом XV вв.

Тип 2. *Со срединной фронтальной и плечевой фронтальной накладками.* Включает 5 экземпляров из погребений № 5 Усть-Талькин (рис. 9 -4); № 15 Доглан (рис. 52 -2-4); № 6 Шебуты-III (рис. 67 -2, 3); № 11 раскоп № 6 Усть-Уда (рис. 102 -6-8); № 1 Уда (рис. 116 -15, 16).

Размеры лука не установлены. Срединные фронтальные накладки длинные, узкие и широкие, с расширяющимися веслообразными концами. Длина накладок — 21–23 см, ширина — 2,5–3 см. Плечевые фронтальные накладки узкие и короткие, нередко с одним сужающимся концом. Длина накладок — 5–10 см, ширина — 2,5–3,2 см. По внешней и внутренней сторонам накладок нанесена вертикальная и косая нарезки для лучшего склеивания с деревянной основой кибити. В погребении № 15 Доглан плечевая накладка состоит из двух частей — узкой прямоугольной вытянутой и маленькой узкой (рис. 52 -3, 4). Длина первой -10 см, ширина — 2,5 см; длина второй — 0,8 см, ширина — 3 см. В погребении № 11 Усть-Уда плечевая накладка также состоит из двух прямоугольных небольших частей, которые, склеиваясь между собой, образовывали цельную наладку. Размеры: 2,5 × 3,5 и 2,3 × 3,3 см (рис. 102 -7, 8).

Судя по тому, что плечевая накладка крепилась лишь на одно плечо кибити, луки данного типа были асимметричными.

Полученные радиоуглеродные даты по костям скелетов из погребений № 15 могильника Доглан и № 11 могильника Усть-Уда позволяют определить время бытования данного типа лука у кочевников юга Средней Сибири XII — первой половиной XIV вв. (табл. 20).

Тип 3. *Со срединной фронтальной и двумя плечевыми фронтальными накладками.* Включает два экземпляра из погребений № 18 Усть-Талькин (рис. 13 -2) и № 7 Шебуты-III (рис. 68 -2-4).

Размеры лука не установлены. Срединные фронтальные накладки длинные, широкие с расширяющимися веслообразными концами. Длина — 28–30 см, ширина — 3,5–4,5 см. Плечевые фронтальные накладки прямоугольной и квадратной формы, короткие

и широкие. Длина — 8–4,5 см, ширина — 4,5 см. По внешней и внутренней сторонам накладок нанесена вертикальная нарезка.

Луки данного типа были симметричными.

Тип 4. *С двумя плечевыми фронтальными накладками.* Включает два экземпляра из погребений № 66 Усть-Талькин (рис. 28 -4,5) и № 15 Доглан (рис. 52 -5, 6).

Размеры лука не установлены. Плечевые фронтальные накладки короткие, удлиненной прямоугольной формы. Длина — 8–13,8 см, ширина — 3–3,5 см. По внешней и внутренней сторонам накладок нанесена вертикальная и косая нарезки для лучшего склеивания с деревянной основой кибита.

Луки данного типа были симметричными.

Тип 5. *С одной срединной фронтальной двумя плечевыми фронтальными накладками и концевым вкладышем.* Включает один экземпляр из погребения № 70 могильника Усть-Талькин (рис. 30 -1, 2).

Размеры лука не установлены. Срединная фронтальная накладка длинная и узкая, с расширяющимися веелообразными концами. Длина накладки — 18 см, ширина — 2,5–3 см. Плечевые фронтальные накладки узкие и короткие. Длина — 8–12,5 см, ширина — 3,8–4 см. Концевой вкладыш имеет округлый конец и два арочных выреза для крепления тетивы. Нижний конец обломан. Длина — 7,5 см, ширина — 2 см.

Наличие только одного концевого вкладыша говорит о том, что луки данного типа были асимметричными.

Таким образом, у кочевников юга Средней Сибири в первой половине II тыс. н.э. существовало пять основных типов сложносоставного лука.

Наиболее распространенными являются луки первого и второго типов — с одной срединной фронтальной накладкой и срединной фронтальной и одной плечевой фронтальной накладкой (табл. 5).

Оба эти типа луков бытовали у населения Западного и Восточного Забайкалья со второй половины I тыс. н.э. [Худяков, 1991, с.27–28; Именохоев, 1992, с.30–31]. С начала II тысячелетия они становятся общераспространенными типами у всех кочевников-скотоводов на территории Центральной Азии, Южной Сибири и Западной Сибири [Гаврилова, 1965, с.87–88; Савинов, 1981, с.158–160; Худяков, 1981, с.123; 1991, с.103; 1993, с.140; 1997, с.122–123; Соловьев, 1987, с.21; Горбунов, Тишкин, 1998, с.264].

Наибольшее внимание исследователей, занимающихся вопросами эволюции кочевнического лука, привлекли луки первого типа — с одной срединной фронтальной накладкой. Распространение данного типа напрямую связывают с монголами и называют «монгольскими» [Савинов, 1981, с.161]. Сама эволюция, результатом которой стало появление лука данного типа, рассматривается исследователями по-разному. А.А. Гаврилова видела в данном типе результат процесса технологического совершенствования кибита, протекавшего путем уменьшения количества накладок [1965, с.87–89], а Д.Г. Савинов — унификацию форм лука, присущих разным культурам [1981, с.160–161]. По мнению Ю.С. Худякова, первая половина II тыс. является «...третьей, завершающей стадией в развитии сложносоставного лука в Центральной Азии. Произошел отбор наиболее оптимальных для боевого применения в условиях интенсификации конного боя уменьшенных луков с минимальным количеством роговых накладок» [1993, с.141]. В повсеместном распространении луков данных типов, проявился «процесс универсализации стрел и средств защиты, форм лука и процесс унификации общераспространенных типов во всем историко-культурном регионе...» [1991, с.103].

Луки с одной срединной и одной-двумя плечевыми накладками, двумя плечевыми фронтальными накладками просуществовали до этнографической современности. Они

зафиксированы в старобурятских погребениях № 2 и № 41 могильника Усть-Талькин (Южное Приангарье) и № 2 могильника Хагун (Приольхонье). В отличие от луков первой половины II тысячелетия, луки бурят XVII–XIX вв. имели гораздо более длинные изогнутые плечевые фронтальные накладки — 17–20 см, которые закрывали практически все плечо кибити [Николаев, 2003, с.344–345, рис.1 -2–4, рис.2 -2–4; Зайцев, Свинин, Харинский, 1994, с.236; 249, рис.7 -1, 2].

Наконечники стрел являются самой многочисленной группой сопроводительного инвентаря в категории предметов вооружения. Общее количество зафиксированных экземпляров — 93. Из них не поддаются анализу 10 наконечников (8 — железных, 2 — костяных) в связи с утерей или плохой сохранностью изделий. Таким образом, анализу подверглись 83 наконечника, из которых 79 — железных, 4 — костяных.

Наконечники стрел из рассматриваемых погребальных комплексов по материалу изготовления относятся к двум классам — железным и костяным.

Железные наконечники стрел относятся к одному отделу — черешковых. По сечению пера они делятся на группы, по форме пера — на типы (табл. 6).

Группа I. *Плоские наконечники*. Наконечники данной группы имеют плоское перо, обычно завершающиеся упором. Насчитывает 12 типов.

Тип 1. *Асимметрично-ромбические*. Включает 9 экземпляров из погребений № 1, 10, 51 могильника Усть-Талькин; № 10, 11 раскоп № 6 могильника Усть-Уда. Наконечники с тупоугольным острием, пологими плечиками, упором. Отдельные экземпляры из погребений могильника Усть-Талькин снабжены костяными биконическими свистунками с округлыми, прямоугольными и фигурными отверстиями. Длина пера — 4,5–9,5 см, ширина — 2–4,5 см, длина черешка — 3–9 см (рис. 5 -7; 10 -2–4; 27 -2; 100 -6; 102 -1–3).

Тип 2. *Симметрично-ромбические*. Включает один экземпляр из разрушенного погребения могильника Усть-Уда. Наконечник с остроугольным острием, симметричными пологими плечиками и сторонами, упором. Длина пера — 8 см, ширина — 5,5 см, длина черешка — 3,5 см (рис. 82 -5).

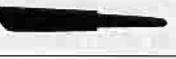
Тип 3. *Пентаграммные*. Включает 10 экземпляров из погребений № 20, 21, 68 Усть-Талькин; № 4, 10 Усть-Уда; № 15 Доглан; № 1 Галки. Наконечники с тупоугольным острием, пологими сторонами, покатыми плечиками, упором. Отдельные экземпляры снабжены костяными биконическими свистунками с прямоугольными или округлыми отверстиями. Длина пера — 8,5–10,5 см, ширина — 5–6,5 см, длина черешка — 8,5–10,5 см (рис. 15 -6; 17 -3; 29 -5; 94 -4; 100 -4; 121 -1–3).

Тип 4. *Секторные с вогнутыми сторонами*. Включает четыре экземпляра из погребений № 20 и № 68 могильника Усть-Талькин; № 15 могильника Доглан. Наконечники с округлым острием, пологими слегка вогнутыми сторонами, покатыми плечиками, упором. Отдельные экземпляры снабжены биконическими костяными свистунками с округлыми или прямоугольными отверстиями. Длина пера — 8–9,5, ширина — 4–6 см, длина черешка — 8,5–9 см (рис. 15 -5; 29 -6; 52 -11).

Тип 5. *Секторные*. Включает шесть экземпляров из погребений № 57 Усть-Талькин; № 13 Шебуты-III; № 4 и № 10 Усть-Уда; № 15 Доглан. Наконечники с округлым острием, пологими плечиками, упором. Длина пера — 4–7 см, ширина — 3–5 см, длина черешка — 4–7 см (рис. 28 -3; 52 -13; 75 -10, 11; 94 -3; 100 -5).

Тип 6. *Томары*. Включает три экземпляра из погребений № 6 и № 7 могильника Шебуты-III и погребения № 1 Уда. Наконечники с тупым острием, пологими плечиками, упором. Длина пера — 6,8–9 см, ширина — 2–3 см, длина черешка — 3,5 см и 5–7 см (рис. 69 -9; 68 -5; 116 -19).

Таблица 6
Классификация железных наконечников стрел

КЛАСС	ОТДЕЛ	ГРУППА	ТИП	РАЗМЕРЫ, СМ	КОЛ-ВО, ЭКЗ.	МОГИЛЬНИК, ПОГРЕБИЕ №
ЖЕЛЕЗНЫЕ	ЧЕРЕШКОВЫЕ	I		4,5-7×2-4× 3-6	9	Усть-Талькин, № 1, 10, 51; Усть-Уда, раск. 6, № 10, 11
				8×5,5×3,5	1	Усть-Уда, разрушенное погребение
				8,5-10×5-5,5 ×10,5	10	Усть-Талькин, № 20, 21, 68; Усть-Уда, раск. 6, № 4, 10; Доглан, № 15; Галки, № 1
				8-9,5×4-6× 8,5-9	4	Усть-Талькин, № 20, 68; Доглан, № 15
				4-7×3-5×4-7	6	Усть-Талькин, № 57; Усть-Уда, раск. 6, № 4, 10; Доглан, № 15; Шебуты-III, № 13
				8×2×7 9×3×5	3	Шебуты-III, № 6, 7; Уда, № 1
				9-9,5×6,5-7,5 ×4-7,5	4	Усть-Талькин, № 1; Шебуты-III, № 6; Усть-Уда, разрушенное погребение
				5,5×3×5	1	Шебуты-III, № 13
				3×1,5×3,5	1	Шебуты-III, № 7
				4,5×3×3	1	Шебуты-III, № 6
				6×1×4	1	Усть-Талькин, № 21
				5,5×1×3,2 7×2×6	2	Усть-Талькин, № 3, 21
		II		6,5-9×1-1,5× 4-5,5	16	Усть-Талькин, № 3, 20; Усть-Уда, р. 6, № 10, 11; Доглан, № 15; Шебуты-III, № 7, 13
		III		4-8×0,7-1× 3,3-5,5	13	Доглан, № 15; Шебуты-III, № 6, 7, 13; Усть-Уда, раск. 2 (о.п.); Уда, № 1
				5,5×1,8	5	Усть-Талькин, № 66; Уда, № 1; Галки, № 1
				8,3×1,5-1,7× 5,5	1	Галки, № 1
		IV		6,5×0,8×4,5	1	Усть-Уда, раск. 6, № 4

Тип 7. *Овально-крылатые*. Включает четыре экземпляра из погребений № 1 могильника Усть-Талькин; № 6 могильника Шебуты-III; разрушенного погребения могильника Усть-Уда. Наконечники с остроугольным или овальным острием, выступающими крыльями, округлыми плечиками, упором. Длина пера — 9–9,5 см, ширина — 6,5–7,5 см, длина черешка — 4–7,5 см (рис. 5 -6; 67 -7).

Тип 8. *Ярусные*. Включает один экземпляр из погребения № 13 могильника Шебуты-III. Наконечник с остроугольным острием, выступающими крыльями, пологими плечиками, упором. Длина пера — 5,5 см, ширина — 3 см, длина черешка — 5 см (рис. 75 -8).

Тип 9. *Удлиненно-треугольные*. Включает один экземпляр из погребения № 7 могильника Шебуты-III. Наконечник с остроугольным острием, прямыми плечиками. Длина пера — 3 см, ширина — 1,5 см, длина черешка — 3,5 см (рис. 68 -6).

Тип 10. *Вильчатые*. Включает один экземпляр из погребения № 6 могильника Шебуты-III. Наконечник с вогнутым острием, пологими плечиками. Длина пера — 4,5 см, ширина — 3 см, длина черешка — 3 см (рис. 67 -8).

Тип 11. *Срезни*. Включает один экземпляр из погребения № 21 могильника Усть-Талькин. Наконечник со скошенным на одну сторону острием, параллельными сторонами. Длина пера — 6, ширина 1 см, длина черешка — 4 см (рис. 17 -6).

Тип 12. *Боеголовковые*. Включает два экземпляра из погребений № 3 и № 21 могильника Усть-Талькин. Наконечники с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, упором. Длина пера — 5,5–7 см, ширина пера — 1–2 см, длина черешка — 3,2–6 см (рис. 7 -5; 17 -5).

Группа II. *Линзовидные наконечники*. Наконечники данной группы имеют массивное тело, выделенную боевую головку, линзовидную в разрезе. Насчитывает один тип.

Тип 1. *Боеголовковые*. Включает 16 экземпляров из погребений № 3 и № 20 Усть-Талькин; № 10 и № 11 Усть-Уда; № 15 Доглан; № 7 и № 13 Шебуты-III. Наконечники с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, удлиненной шейкой, упором. Длина пера — 6,5–9 см, ширина — 0,7–1,2 см, длина черешка — 3,3–5,5 см (рис. 7 -4; 15 -4; 52 -9, 10; 68 -8, 9; 79 -9; 100 -7–9; 102 -4). Наконечники данного типа являются броневыми.

Группа III. *Прямоугольные наконечники*. Отличительная особенность данной группы — удлиненное прямоугольное в сечении тело. Насчитывает два типа.

Тип 1. *Томары*. Включает 13 экземпляров из погребений № 15 Доглан; № 6, 7, 13 Шебуты-III; № 1 Уда; раскоп № 2 Усть-Уда. Наконечники с вытянуто-трапецевидным пером, тупым острием, упором. Длина пера — 4–8,3 см, ширина — 0,7–1 см, длина черешка — 3,3–5,5 см (рис. 52 -7, 8; 67 -4–6; 68 -10–12; 84 -4; 116 -20–22). Наконечники данного типа являются броневыми.

Тип 2. *Срезни*. Включает 5 экземпляров из погребений № 66 могильника Усть-Талькин, № 1 Уда, № 1 Галки. Наконечники со скошенным на две стороны острием с вытянуто-трапецевидным пером, упором. Длина пера — 5,5–7 см, ширина — 1,2–1,8 см. Длина черешка — 3,5–5,5 см (рис. 28 -6; 116 -18; 121 -5–7). Наконечники данного типа являются броневыми.

Тип 3. *Боеголовковые*. Включает один экземпляр из погребения № 1 Галки. Наконечник с остроугольным острием, выделенной боевой головкой, удлиненной шейкой, упором. Длина пера — 8,3 см, ширина — 1,5–1,7 см, длина черешка — 5,5 см (рис. 121 -4). Наконечники данного типа являются броневыми.

Группа IV. *Круглые наконечники*. Отличительная особенность наконечников данной группы — округлое в сечении, удлиненное тело. Насчитывает один тип.

Тип 1. *Остроугольные*. Насчитывает один экземпляр из погребения № 4, раскоп № 6 могильника Усть-Уда. Наконечник с остроугольным острием, удлинненным пером, упором. Длина пера — 6,5 см, ширина — 0,8 см, длина черешка — 4,5 см (рис. 94 -5). Наконечники данного типа являются бронебойными.

Костяные наконечники стрел, обнаруженные в кочевнических погребениях юга Средней Сибири, относятся к одному отделу — черешковых. По сечению пера делятся на две группы, по форме пера — на типы (табл. 7).

Таблица 7

Классификация костяных наконечников стрел

КЛАСС	ОТДЕЛ	ГРУППА	ТИП	РАЗМЕРЫ, СМ	КОЛ-ВО, ЭКЗ.	МОГИЛЬНИК, ПОГРЕБЕНИЕ №
КОСТЯНЫЕ	ЧЕРЕШКОВЫЕ	I	1 	4-5x1,2-1,5x4-6	2	Уда, № 1
			2 	7x1,2x2	1	Усть-Талькин, № 41
		II	1 	6,5x2x8	1	Шебуты-III, № 13

Группа I. *Четырехгранные*. Насчитывает два типа.

Тип 1. *Удлинено-ромбические*. Включает два экземпляра из погребения № 1 Уда. Наконечники с остроугольным острием, покатыми плечиками, уплощенным черешком. Длина пера — 4-5 см, ширина — 1,2-1,5 см, длина черешка — 4, 6 см (рис. 117 -2, 3).

Тип 2. *Боеголовковые*. Включает один экземпляр из погребения № 41 могильника Усть-Талькин. Наконечник с остроугольным острием, выделенной боевой головкой и плоским черешком. Длина пера — 7 см, ширина — 1,2 см, длина черешка — 2 см (рис. 23 -3).

Группа II. *Семигранные*. Насчитывает один тип.

Тип 1. *Боеголовковые*. Включает один экземпляр из погребения № 13 могильника Шебуты-III. Наконечник с остроугольным острием, выделенной подтреугольной боевой головкой, длинным уплощенным черешком. Длина пера — 6,5, ширина — 2 см, длина черешка — 8 см (рис. 75 -7).

Выделенные нами группы и типы железных и костяных наконечников стрел имеют достаточно обширные аналогии среди комплексов вооружения кочевников Южной Сибири, Забайкалья и Саяно-Алтая в XI-XIV вв. [Худяков, 1981, с.124; 1991, с.99-134; Немеров, 1982; Асеев и др., 1984, с.82-92, с.196, табл. XLIV; Именохоев. Коновалов, 1985, с.80-81; Горбунов, Тишкин, 1998, с.264-265; Харинский, 2001, с.137-140, с.236, рис.65; Могильников, 2002, с.108-114, табл. 5, 6]. Присутствуют они и в составе сопроводительного инвентаря погребальных комплексов кочевников Южного Урала и Восточной Европы X-XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с.25-27; Иванов, Кригер, 1988, с.11].

Отдельные типы плоских (асимметрично-ромбические, овально-крылатые, вильчатые), линзовидных (боеголовковые) и прямоугольных (томары) наконечников стрел использовались современными сибирскими этносами до XIX в. Они присутствуют в комплексах вооружения дистанционного боя у якутов, бурят, эвенков и Барабинских татар [Молодин и др., 1990, с.49-54, рис.41-43; Михайлов, 1993, с.16-24; Зайцев и др., 1994, с.249, рис.7 -3,4; Васильев, 1995, с.73-80; Худяков, 2001, с.84-85; Николаев, 2003; Харинский, 2003, с.120, рис.3 -1-4].

Обращает на себя внимание большое количество бронебойных наконечников стрел, обнаруженных в погребальных комплексах кочевников юга Средней Сибири. Они составляют 36 единиц, или 45 % от общего числа железных наконечников. По нашему мнению, это связано с ведением активных боевых действий с противником, защищенным панцирным доспехом.

Часть плоских наконечников стрел снабжена костяными биконическими и круглыми свистунками. Свистунки имеют округлые, прямоугольные и фигурные отверстия. В погребении № 2 могильника Шебуты-III обнаружен свистунок без отверстий (рис. 64 -3). Отсутствие отверстий позволяет предположить, что свистунки в первой половине II тыс. н.э. не только использовались в качестве источника звука, но и служили своеобразными муфтами крепления торцевой части древка стрелы, предохраняя ее тем самым от раскалывания [Худяков, 1980, с.111; 1991, с.125].

Древко стрелы — основная ее часть, которая обеспечивает полет стрелы [Худяков, 1980, с.111]. Целых древков стрел обнаружить не удалось. В погребениях № 4 и № 10 могильника Усть-Уда сохранились только небольшие части древков стрел. По ним можно установить, что древки были круглые в сечении, диаметром — 7–8 мм и изготавливались из березы (рис. 94 -6).

Колчаны. Колчан — это футляр для ношения и хранения стрел [Худяков, 1980, с.112]. По материалу изготовления найденные в погребальных комплексах юга Средней Сибири колчаны относятся к двум классам — берестяные и кожаные. К одной группе — с цилиндрическим приемником.

Класс 1. *Берестяные.*

Группа I. *С цилиндрическим приемником.*

Тип 1. *С горизонтально срезанным верхом.* Отмечен в единственном экземпляре в погребении № 51 Усть-Талькин. Колчан изготовлен из двухслойной бересты. Судя по сохранившимся остаткам, вероятно, имел горизонтально срезанную горловину, цилиндрический расширяющийся к низу приемник, горизонтальное днище. Полные размеры не установлены. Длина сохранившейся части — 39 см (рис. 27 -1).

Класс 2. *Кожаные.*

Группа I. *С цилиндрическим приемником.*

Тип 1. *С горизонтально срезанным верхом.* Представлен пятью экземплярами из погребений № 15 могильника Доглан, № 6, 7, 13 могильника Шебуты-III, № 1 Галки. Для изготовления данного типа колчанов использовалась толстая кожа и дерево. Вероятно, первоначально делался деревянный каркас для придания колчану более устойчивой формы. После он обтягивался кожей. Колчаны имели горизонтально срезанную горловину, цилиндрический расширяющийся к низу приемник, горизонтальное днище. По краям приемник иногда украшался железными бляшками. Две из них найдены в погребении № 1 Галки (рис. 120 -6, 7). По остаткам тлена из погребения № 13 могильника Шебуты-III удалось установить примерные размеры изделия: длина 70–75 см, ширина горловины 12–14 см, ширина днища — 20–25 см.

За край приемника колчана крепились железные кованые петли портупей. Петли, найденные в погребении № 6 Шебуты-III, подпрямоугольной формы, с клепками в середине, размеры: 2,5 × 1,5 см (рис. 67 -13,14). В погребении № 13 Шебуты-III петля портупей имеет полуовальную форму, на концах расширяется в виде цветков, в середине которых находятся клепки крепления (рис. 75 -3). В погребении № 15 Доглан петля портупей оканчивается небольшим колечком (рис. 52 -19).

Вероятно, к деталям портупей (креплениям ремней) следует отнести и две бляшки в виде шестилепестковых и четырехлепестковых соцветий из погребения № 1 Галки, которые находились недалеко от остатков колчана (рис. 120 -8, 9).

Разнообразные железные крепления портупей часто находят вместе с колчанами в погребальных комплексах тюрков Саяно-Алтая в VI–X вв. [Трифонов, 1987, с.193–194, рис.2] и кочевников Забайкалья в VIII–XIV вв. [Именохоев, 1992, с.30–31].

Положение стрел в колчанах удалось зафиксировать в четырех случаях. В погребении № 15 Доглан и № 6, 7, 13 Шебуты-III в остатках колчанов стрелы располагались остриями вниз (рис. 52 -1; 67 -1; 68 -1; 75 -1).

Отмеченные в погребальных комплексах населения юга Средней Сибири колчаны не отличаются какими-либо типологическими и техническими особенностями от уже известных экземпляров из погребальных комплексов кочевников VI–XIV вв. Южной Сибири, Приольхонья, Забайкалья и Центральной Азии [Гаврилова, 1965, с.29–30, 45–46; Хамзина, 1970, с.109, с.113; Овчинникова, 1981, с.136–137; Кириллов, 1983, с.128; Худяков, 1986, с. 217; 1997, с.129; Ковычев, 1988, с.135; Павлуцкая, 1990, с.10; Горбунов, Тишкин, 1998, с.266; Тишкин и др., 2002, с.88–89].

Колчаны с горизонтально срезанной горловиной из кожи или бересты использовали кочевники Южного Урала и Восточной Европы в X–XIV вв. Их часто окрашивали в красный и черный цвета, украшали костяными резными накладками [Федоров-Давыдов, 1966, с.29; Плетнева, 1981, с.215; Иванов, 1987, с.179, рис.2 -1, 3–10, с.185; Иванов, Кригер, 1988, с.13].

Традиция украшения колчанов резными орнаментированными накладками в XII–XIV вв. существовала и у кочевников Приольхонья, Южной Сибири и Центральной Азии [Асеев, 1980, с.77, табл. XVII; Худяков, 1991, с.127, рис.70].

Для фиксации колчана на поясе воина использовались железные **колчаные крюки**. Всего найдено три экземпляра. Крюки изготовлены из железа способомковки. По форме основы среди них можно выделить два типа.

Тип 1. *С прямоугольной пластиной-основой*. Включает два крюка из погребений № 6 Шебуты-III и № 1 Уда. Крюки имеют прямоугольную основу с двумя клепками крепления и загнутый крюк для подвешивания (рис. 67 -12; 116 -17).

Тип 2. *С овальной пластиной основой и дополнительным подтреугольным щитком*. Представлен одним экземпляром из погребения № 1 Галки. Крюк имеет овальную уплощенную основу с загнутым крюком для подвешивания (частично обломан). К внешней (лицевой) стороне основы крюка приклепан подтреугольный щиток (рис. 121 -9).

Колчаные крюки на пластинах основах разнообразных форм широко использовались населением Евразии в эпоху средневековья. Самые ранние из них, изготовленные из бронзы и железа, присутствуют в комплексах вооружения тюрков Саяно-Алтая в VI–VIII вв. [Кызласов Л.Р., 1969, с.20, рис.28; Овчинникова, 1990, с.79], у мохэских племен Приамурья VI — VIII вв. [Деревянко, 1975а, с.197].

В начале II тыс. подобные колчаные крюки широко используются для подвешивания колчанов чжурчжэнями Приамурья [Медведев, 1986, с.136–137, рис.63 -1–3]. В XII–XIV вв. они бытуют у забайкальских племен ундугунской культуры [Кириллов, 1983, с.131, рис.6 -13], у населения Западной Сибири [Соловьев, 1987, с.32, табл. I -10] и у кыпчакских племен Южного Урала и Приуралья [Иванов, 1987, с.179, рис.2 -5; Иванов, Кригер, 1988, с.13]. Колчаные крюки с овальной и прямоугольной основой найдены в Туве в тюркском погребении № 2 могильника Аргалыкты-1 VI–X вв. [Трифонов, 1987, с.194, рис.2 -7], в могиле № 2 Часовенная Гора на Енисее [Савинов, 1980, с.116, 127, рис.1 -7].

Наиболее близкие аналогии нашим крюкам найдены на территории Приольхонья в могиле на горе Бегул и погребении из пещеры Шида XII–XIV вв. [Асеев, 1980, с.79, табл. XIX -3; Горюнова, Павлуцкая, 1992, с.98, рис.6 -6].

Средства ведения ближнего боя

Средства ведения ближнего боя в приангарских погребениях представлены наконечниками копий и пальм, топориками и кинжалом. В погребальных комплексах встречаются редко, что, вероятно, связано с большой ценностью данного вида вооружения.

Копье. Найдено в единственном экземпляре в погребении № 3 могильника Усть-Талькин. Древяно, вероятно, было деревянное и не сохранилось. Наконечник копья изготовлен из железа подтреугольной формы, с округлым острием и покатыми плечиками, длинной шейкой, короткой, широкой несомкнутой втулкой. Длина пера — 6 см, ширина 2,2 см, длина шейки и втулки — 7,5 см (рис. 7 -3).

Анализируя вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху средневековья, Ю.С. Худяков датировал данный наконечник XIII–XIV вв. и соотнес с комплексом вооружения средневековых монголов [Худяков, 1991, с.134, 151; 1992, с.114–115].

Наконечники копий с несомкнутой втулкой известны среди предметов вооружения конца I тыс. н.э. у племен Приамурья, Забайкалья и Предбайкалья [Медведев, 1986, с.61, рис.31 -18; Худяков, 1991, с.17, 40]. Встречаются они и у населения Западной Сибири в первой половине II тыс.н.э. [Соловьев, 1987, с.98–99].

Наиболее близкой аналогией усть-талькинскому наконечнику является наконечник копья, найденный в мужском погребении VIII–X вв. раннемонгольской археологической культуры могильника Енхор [Именохоев, 1988, с.113, с.117, рис.5 -18].

По мнению Ю.С. Худякова, распространение у кочевников-скотоводов Предбайкалья данного типа копий может быть связано с заимствованием их у таежных племен Сибири [1992, с.116].

Пальмы. Данная категория оружия представлена тремя экземплярами из погребений № 1 и № 3 Усть-Талькин; № 10 Усть-Уда.

Полностью удалось проследить конструкцию пальмы по экземпляру из погребения № 10 раскоп № 6 могильника Усть-Уда.

Пальма состояла из железного наконечника и древка, на которое он крепился. Общая длина изделия — 137 см. Древяно изготавливалось из дерева (березы?) и частично прослежено по остаткам тлена только в погребении № 10 Усть-Уда. Древяно имело округлое сечение диаметром 3–3,5 см и длину около 110 см.

Наконечник пальмы изготовлен из железа способомковки, черешковый. По сечению пера клинка относится к группе трехгранных. По форме пера к типу удлинненно-треугольных без перекрестья или упора. Клинок прямой, однолезвийный, узкий, черешок частично обломан. Длина клинка — 27 см, ширина — 2 см, длина сохранившейся части черешка — 2,5 см. (рис. 100 -10).

В погребениях № 1 и № 3 могильника Усть-Талькин зафиксированы только наконечники пальм. Они изготовлены из железа способомковки. Все наконечники черешковые, однолезвийные. Клинки подтреугольные в сечении прямые, имеются утраты черешка и части лезвий. Длина сохранившейся части изделия из погребения № 1 Усть-Талькин — 18 см (рис. 5 -4). Длина сохранившейся части изделия из погребения № 3 Усть-Талькин — 11 см (рис. 7 -2).

Пальмы с черешковыми наконечниками ранее никогда не встречались в средневековых погребальных комплексах Сибири и Центральной Азии. Обычно к данному виду вооружения относят однолезвийные наконечники с несомкнутой втулкой насада [Худяков, 1992; Харинский, 2001, с.140–141].

Пальма как вид универсального древкового оружия ближнего боя получила широкое распространение у населения таежной зоны Сибири в XVII–XIX вв. [Василевич, 1969, с.65; Мазин, 1992, с.83; Васильев, 1995, с.94–96; Харинский, 2003, с.118, рис.2 -1, с.119–120].

По мнению А.И. Гоголева, пальма (батыя) является изобретением якутов и первоначально имела втульчатый насад. «Постепенно... в бассейне Средней Лены древние якуты стали пользоваться черешковыми пальмами, ставшими одним из индикаторов якутской этнографической культуры» [1990, с.105].

Полученные нами материалы позволяют утверждать, что черешковое наконечники пальм появляются у кочевников юга Средней Сибири уже в XII–XIV вв. и, вероятно, отсюда происходит их постепенное распространение по таежным пространствам Сибири в последующие столетия.

Топорики. Представлены двумя экземплярами из погребения № 7 могильника Шебуты-III и погребения № 1 Галки.

Топорики изготовлены из железа способомковки. Они проушные, с узким лезвием, прямоугольным проухом и высоким обухом. Длина лезвия 10,5 см и 14 см, ширина лезвия — 2,5 см и 3 см (рис. 69 -1; 121 -10). Рукоять топориков была деревянной, вероятно, из березы, о чем свидетельствуют небольшие фрагменты дерева на экземпляре из погребения № 7 Шебуты-III (рис. 69 -1).

Аналогичные топоры использовались в качестве боевого оружия ближнего боя у енисейских кыргызов в IX — X вв. [Худяков, 1980, с.62–65, с.133, табл. 6], у чжурчжэней Приамурья в X — XII вв. [Медведев, 1986, с.61, рис.31 -13; Деревянко, 1987, с.99].

Боевые топоры входили в комплекс вооружения монгольских племен Забайкалья и Центральной Азии в XII–XIV вв. [Худяков, 1991, с.138, рис. 76 -2; 139].

Кинжал. Кинжалы являются редкой находкой в погребальных комплексах кочевников юга Средней Сибири. Единственный экземпляр обнаружен в погребении № 5 могильника Озерок (рис. 112; 113 -1).

Клинок изготовлен из железа способомковки. Ножны и рукоять из цельного дерева, вероятно, березы. Общая длина изделия составляет 28 см.

По сечению пера данный кинжал относится к группе трехгранных. По форме пера — к типу удлинненно-треугольных без перекрестья, с небольшим односторонним упором. Клинок слегка изогнутый узкий, ширина в средней части составляет 2,3–2,5 см. Длина клинка — 18,5 см. Насад черешковый, длина — 5 см. Рукоять прямая, длина (включая упор) составляет 9,5–10 см. Ширина рукояти — 2 см (рис. 113 -1).

Аналогии описанному кинжалу имеются в комплексах вооружения тюрков VI–X вв. Саяно-Алтая [Овчинникова, 1990, с.82, с.205, рис.38 -10] и кыпчаков Южного Урала в XII–XIV вв. [Иванов, 1987, с.180, рис.9, с.186; Иванов, Кригер, 1988, с.11]. Использовали кинжалы в качестве боевого оружия ближнего боя в начале II тыс. и чжурчжэней Приамурья и Приморья [Медведев, 1977, с.139, табл. XLIX -4, 5; 1986, с.140; Деревянко, 1987, с.95].

Средства защиты

К средствам защиты относятся найденные в погребальных комплексах кочевников юга Средней Сибири **металлические пластины панциря**.

Всего отмечено четыре пластины: 3 из них находились в погребениях № 56 и № 70 могильника Усть-Талькин и одна — в погребении № 5 могильника Озерок.

Панцирные пластины изготовлены из железа способомковки. Три из них прямоугольной формы с двумя и тремя клепками крепления к основе диаметром 1,3 см. По краю проходит небольшой рельефный бортик. На двух экземплярах из погребения № 70 Усть-Талькин имеются небольшие утраты краев. Размеры — 5,5 × 4 см и 5,5 × 4,5 см и 7 × 8 см (рис. 30 -3, 4; 113 -6). Одна пластина из погребения № 56 Усть-Талькин плоская пятиугольная со скошенным углом и одной сохранившейся клепкой крепления к основе диаметром 1 см. Имеются утраты края. Размеры пластины 12 × 12 см (рис. 27 -4).

Найденные в приангарских погребениях пластины принадлежат пластинчатому типу панциря. Находки этого типа доспеха имеются в археологических комплексах XII–XIV вв. населения Западной и Южной Сибири, Забайкалья и Центральной Азии. Его распространение связывают с завоевательными походами монголов в XIII в. [Сунчигашев, 1979, с. 133–134; Горелик, 1983, с. 250–251; 1987, с. 183–184; Соловьев, 1987, с. 54–56; Худяков, 1991, с.143].

Наиболее полные наборы пластин панцирей данного типа доспеха, позволившие произвести его реконструкцию, найдены в местечках Абазы в Минусинской котловине и Ийи-Кулак в Бий-Хемском районе Тувы [Худяков, 1980, с. 123–125; Горелик, 1983, с. 251–255; 1987, с. 165–168]. Исходя из анализа встречаемости пластин разных типов в составе комплексов, с использованием изобразительных материалов, существует две реконструкции данного доспеха — одна в виде куяка [Худяков, 1980, с. 123–125; Борисенко, Худяков, 2002, с.44], другая — в виде панциря-халата [Горелик, 1983, с. 249–255; 1987, с. 184; 1993, с. 151, 157]. Отдать предпочтение той или иной реконструкции сложно из-за небольшого количества найденных в наших комплексах панцирных пластин. По нашему мнению, кочевники Предбайкалья могли использовать оба этих варианта пластинчатого доспеха.

Таким образом, проведенный анализ предметов вооружения позволяет утверждать, что племена юга Средней Сибири в первой половине II тыс. имели конное войско, состоявшее из легковооруженных луками и стрелами, копьями, пальмами, кинжалами и топорами всадников.

Большое количество бронебойных железных наконечников стрел, а также найденные пластины панцирного доспеха позволяют предположить, что кочевники Предбайкалья в XII–XIV вв. использовали не только легкую, но и тяжеловооруженную бронированную конницу.

Предметы снаряжения коня

К предметам снаряжения коня относятся удила, части оголовья: тройники-распределители ремней, бляшки-украшения; части седел: роговой кант, колец и петли торока; стремена; подпружные пряжки.

Предметы конского снаряжения находились в погребениях как коня, так и человека. Для их описания и последующего анализа мы воспользовались разработками и схемами, предложенными А.Н. Кирпичниковым и Д.Г. Савиновым [Кирпичников, 1973; Савинов, 1977].

Удила. Вместе с оголовьем и поводом удила составляют узду, которая одевалась на голову коня и имела две основные функции — смирительную и управленческую [Кирпичников, 1973, с.20]. С помощью удил и крепившегося к ним повода управляли лошадью во время передвижения всадника.

Удила в погребальных комплексах юга Средней Сибири многочисленны. Они представлены 32 экземплярами из погребений № 2, 16, 24, 25, 27, 29, 37, 40 Усть-Талькин (рис. 6 -4; 12 -2; 19 -3; 20 -8; 22 -2); № 1, 2, 6, 8, 11, 16 Доглан (рис. 36 -3; 37 -3; 41 -3; 43 -3; 45 -3; 53 -3); № 2, 3, 5, 9, 10 Шебуты-III (рис. 64 -1; 65 -2; 73 -1,4); п. № 1 раскопа № 5, п. № 1 раскопа № 2, п. № 3, 8, 9 раскопа № 6, четыре из разрушенных погребений Усть-Уда (рис. 80 -4; 81 -1, 2, 3; 84 -1; 88 -1; 93 -2; 98 -3; 99 -2); № 3 Озерок (рис. 111 -2); № 8 Сэгенутский (рис. 2 -3); № 1 Галки (рис. 122 -3); ритуальный комплекс № 1 Доглан (рис. 59 -2). Экземпляры удил из погребений № 24, 25 Усть-Талькин утеряны, удила из погребений № 2, 27, 40 Усть-Талькин и одного разрушенного погребения с могильника Усть-Уда найдены во фрагментах и анализу не поддаются. Таким образом, анализу подверглось 26 полных экземпляров удил из 25 погребений и одного ритуального комплекса.

По форме псалий удила относятся к одному отделу — с кольчатыми псалиями. По способу оформления псалий среди них выделяются два типа.

Тип 1. С гладкими кольцами-псалиями. Удила двусоставные, со звеньями грызла неравномерной или одинаковой длины с одинарными подвижными кольцами-псалиями. Диаметр колец — 3–11 см.

На отдельных экземплярах сохранились тройнички-распределители ремней оголовья в виде стилизованных лепестков или соцветий (рис. 122 -3).

Тип 2. С витыми кольцами-псалиями. Включает один экземпляр из погребения № 8 могильника Доглан. Удила двусоставные, со звеньями грызла одинаковой длины, с одинарными подвижными витыми кольцами-псалиями, на одном из которых имеются два, на другом — одно крепление ремня оголовья в виде стилизованных «лепестков». Диаметр колец — 7 см (рис. 43 -3).

Традиция изготовления и использования удил с кольчатыми псалиями характерна для кочевых племен западной части Евразии, начиная с первых веков I тыс. н.э. [Абрамова, 1989, с.275; табл. 110 -57].

Данный тип удил зафиксирован и в древнетюркских погребениях с конем на Алтае (Берель-3, Курай VI-1). А.А. Гаврилова отнесла эти типы удил к VI и VII–VIII вв. н.э. [1965, с.81]. В свою очередь, Б.Б. Овчинникова, анализируя предметный комплекс погребений с конем Саяно-Алтая, считает, что удила с кольцами-псалиями могут датироваться не ранее IX–X вв. [1990, с.99].

В IX–X вв. удила с подвижными кольцами-псалиями получают распространение в погребальных комплексах сrostкинской культуры Алтая и Западной Сибири [Грязнов, 1956, с.145–152, табл. IV -23; Савинов, 1984, с.109–112, табл. VII -13].

На территории Предбайкалья наиболее ранняя находка удил с подвижными кольцами-псалиями связана с Долоновским погребением, совершенным по обряду кремации [Волокитин, Инешин, 1991, с.235, рис. 62]. Появление в долине Ангары захоронений с трупосожжением большинством исследователей связывается с экспансией енисейских кыргызов в период их «великодержавия» и датируется концом I тыс. н.э. [Волокитин, Инешин, 1991, с. 146; Николаев, Белоненко, 1996, с.120; Николаев и др., 2002, с.89].

В первой половине II тыс. н.э. симметричные двусоставные и асимметричные удила с подвижными кольцами-псалиями становятся общераспространенным и ведущим типом удил у большинства кочевых племен степной зоны Евразии [Басандайка, 1947, табл. 47–48, рис. 97, 99; Плетнева, 1958, с.178–179, рис. 14–15; Гаврилова, 1964, с.165, рис.1 -1,3;

1965, с.80–82; Арсланова, 1968, с.110, 111, рис. 47, 51, 55; Асеев, 1975, с.185, табл. V -2; 1975а, с.222, рис. 2 -6; Асеев и др. 1984, с.187, табл. XXXV-5, с.191, табл. 1; Савинов, 1977, с.38; Ковычев, 1988, с.137, рис.6 -12; Ковычев, Беломестнов, 1988, с.149, рис.6 -4, 7; Тишкин и др., 2002, с.66–68].

Удила с подвижными кольцами–псалиями просуществовали до этнографической современности и в настоящее время входят в состав снаряжения коня у многих народов мира.

Оголовья. Собственно оголовье является частью узды и состоит из кожаных ремней (затылочных, налобных, подчелюстных, нащечных, наностных, подгубных), железных тройников–распределителей ремней, бляшек–украшений.

В погребениях юга Средней Сибири кожаные ремни оголовья за небольшим фрагментом из погребения № 48 Усть-Талькин практически не сохранились. Сохранившийся фрагмент представляет собой полоски двойной толстой кожи, спитых между собой по краю. Длина сохранившейся части — 7 см, ширина ремня — 1,5–2 см.

В большей степени об оголовье можно судить по сохранившимся железным бляшкам–украшениям и тройникам–распределителям ремней.

Всего обнаружено три комплекта оголовий из погребений № 8 Доглан и № 2, 7 Шебуты-III. Каждый из этих комплектов обладает особой индивидуальностью и не поддается типологической сортировке, поэтому мы приводим описание каждого оголовья отдельно.

Оголовье из погребения № 2 Шебуты-III. Сохранилась только пара распределителей ремней, которые состоят из кольца с двумя-тремя подвижными лопастями крепления. Лопаста оформлены в виде двух-трех стилизованных «лепестков», к которым с помощью клепок крепились распределительные ремни. Изготовлены из железа,ковка. Сохранность изделий плохая, отдельные лопасти утеряны (рис. 64 -2).

Оголовье из погребения № 7 Шебуты-III. Сохранилось только 8 железных накладных бляшек, располагавшихся на нащечных ремнях по четыре с обеих сторон. Изготовлены из железа,ковка, насечка серебром. Бляшки прямоугольной формы, ажурные. Имеют по два–три округлых отверстия от крепления к ремням. Инкрустированы тонкой серебряной проволокой — серебряные «нити» нанесены на видовые стороны бляшек и составляют орнамент в виде двух–трех прямых параллельных линий (в двух случаях одна линия зигзагообразная), заполняющих все пространство изделий. Размеры 3,5–4,2 × 2–2,5 см (рис. 71 -3–6).

Оголовье из погребения № 8 Доглан. От оголовья сохранились семь железных накладных бляшек и два распределительных кольца. Изготовлены из железа,ковка. Бляшки принадлежали нащечным ремням и располагались в погребении по обе стороны черепа лошади: с левой стороны — три и кольцо, с правой — четыре и кольцо. Крепились к ремням с помощью двух маленьких железных клепок. По форме и оформлению бляшек среди них можно выделить четыре типа.

Тип 1. Включает три экземпляра. Бляшки представляют собой лепестковые «соцветия» с отходящей стилизованной «веточкой», которая заканчивается «лепестком», оформленным полусферическим вдавлением. Размеры 7–8 × 2,7–3 см (рис. 43–4–6).

Тип 2. Включает два экземпляра. Бляшки представляют собой стилизованную «веточку», на концах которой находятся по одному «лепестку», которые оформлены полусферическими вдавлениями. Размеры 7 × 2,5 см (рис. 43 -8, 9).

Тип 3. Включает один экземпляр. Бляшка представляет собой стилизованную «веточку» с одним «лепестком» на конце и прикрепленной параллельной прямоуголь-

ной пластиной. Лепесток оформлен полусферическим вдавлением. Размеры 8 × 2 см (рис. 43 -7).

Тип 4. Включает один экземпляр. Бляшка представляет собой стилизованный «лепесток», оформленный полусферическим вдавлением без «веточки». Размеры 2 × 2 см (рис. 43 -10).

Кольца-распределители ремней. Включают два экземпляра. К окончанию нащечного ремня крепились с помощью креплений с одной клепкой в виде стилизованных «лепестков», оформленных полусферическими вдавлениями. Диаметр колец — 2–2,3 см (рис. 43 -11, 12).

Отдельные бляшки-украшения оголовья. В погребении коня № 20 Усть-Талькин обнаружено две железные бляшки овальной формы, у одного экземпляра в центре и по краям имеются округлые отверстия крепления, у другой бляшки — в середине стерженек с клепкой крепления. Размеры: 6 × 4 см и 5 × 3 см (рис. 15 -2, 3). Возможно, эти бляшки также являются украшениями оголовья.

Найденные в погребальных комплексах бляшки оголовий не имеют прямых аналогов в археологических комплексах Сибири и Центральной Азии и являются одной из особенностей снаряжения коня у кочевников юга Средней Сибири.

Седла. В погребальных комплексах юга Средней Сибири сохранились только роговые и железные часть седел. Деревянные полки и луки фиксировались только в небольших фрагментах. По их размерам и конструкции можно судить по сохранившемуся роговому канту, украшавшему край передней луки.

Роговой кант луки седла. Кант изготовлен из рога. По форме сечения канта нами выделено два типа.

Тип 1. *Кант Т-образной в сечении формы.* Включает 7 экземпляров из погребений № 16, 19, 29 Усть-Талькин; № 2 и № 7 Шебуты-III; № 1 раскоп № 5, № 3 раскоп № 4 Усть-Уда. Роговой кант Т-образной формы крепился к луке с помощью небольших тонких костяных гвоздиков. Ширина канта — 0,8 см (рис. 12 -3; 20 -1, 2; 64 -4; 80 -6; 87 -5, 6).

Тип 2. *Кант треугольной в сечении формы.* Включает 6 экземпляров из погребений № 14 Доглан, № 2, 7, 9 Шебуты-III, № 1 раскоп № 5, № 3 раскоп № 4 Усть-Уда. Кант данной формы встречен в двух видах: широкий, близкий по сечению к канту Т-образной формы, и узкий, вставлявшийся, вероятно, в самый край луки. Ширина широкого канта из погребения № 14 Доглан — 0,6 — 0,8 см, узкого — 0,3 см (рис. 50 -5; 69 -3; 80 -7; 87 -7).

В погребениях № 14 Доглан и № 2 Шебуты-III удалось полностью склеить и проследить форму передней луки седел. В первом случае (Доглан) передняя лука была овальная и низкая (рис. 50 -5), во втором (Шебуты-III) — высокая (рис. 64 -4; 69 -3). Исходя из этого, можно предположить, что у кочевников Южного Приангарья в XII–XIV вв. существовало два типа седел. *Первый тип* — с низкой овальной передней лукой, *второй тип* — с высокой изогнутой передней лукой.

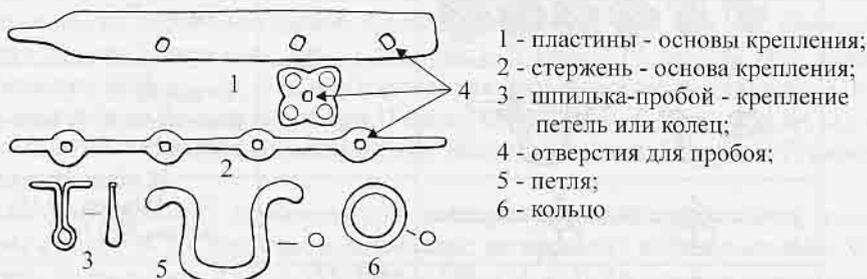
Треугольный в сечении роговой кант обкладок лук седел появляется в среде древнетюркских племен Саяно-Алтая во второй половине I тыс. н.э. Он зафиксирован в могилах № 5 и № 15 Кудыргэ [Гаврилова, 1965, табл. XII -13; XXI -6]. В конце I — начале II тыс. украшение передней луки седла роговым кантом практиковали кочевники Алтая, Обь-Иртышского междуречья, Восточной Европы [Федоров-Давыдов, 1966, с.21; Генинг, Овчинникова, 1969, табл. 66-18; Могильников, 2002, с.96, с.217, рис.87].

Прямые аналогии роговому канту Т-образной формы из приангарских погребений имеются в могиле № 5 у горы Суханиха на Среднем Енисее [Гаврилова, 1964, с.169–170; 1965, с.73–78].

Петли и кольца торока. К деталям седла относятся железные петли и кольца для приторачивания вещей, крепившиеся к полкам лук седел с помощью шпилек-пробоев. Все они изготовлены из железа, ковка.

Кочевники юга Средней Сибири использовали как одиночные кольца и петли, так и комбинированные виды. Они включали в себя одновременно одно-два кольца и петлю, состоявшие из нескольких конструктивных элементов: пластины или стержня, на которые крепились петли и кольца с помощью шпилек-пробоев (табл. 8).

Таблица 8
Конструктивные элементы петель и колец торока

По материалу изготовления петли и кольца торока относятся к одному классу — железных. По основе их крепления, сочетанию и количеству колец и петель среди них выделяется несколько типов (табл. 9).

Тип 1. *Кольцо на прямоугольной, квадратной или круглой пластине-основе, либо без основы.* Включает в себя 16 экземпляров из погребений № 2, 37 Усть-Талькин; № 13 Доглан; № 7 Шебуты-III; № 1 раскоп № 5, № 3 раскоп № 4 Усть-Уда, № 1 Галки (рис. 6 -3; 22 -4, 5; 48-5, 8, 9; 70 -1, 2, 3; 80 -8; 87 -4; 122 -6). Диаметр колец — 1,5–3 см.

Кольца находились на передних или задних полках седел по одному, два или три в один ряд. В одном случае (погребение № 1 Галки) пять колец имели основу в виде четырех лепестковых соцветий, лепестки которых оформлены полусферическими вдавлениями. Все кольца располагались в один ряд.

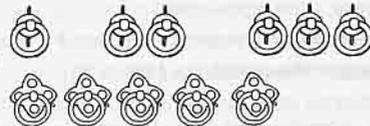
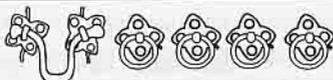
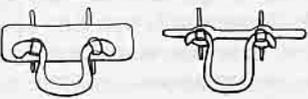
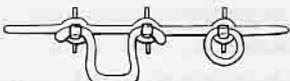
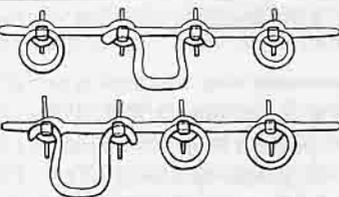
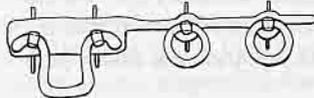
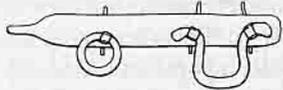
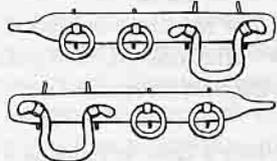
Тип 2. *Петля и четыре кольца на изолированных пластинах-основах.* Включает один экземпляр из погребения № 1 Галки (рис. 122 -4, 5). Петля и кольца имеют основу в виде четырех лепестковых соцветий, лепестки которых оформлены полусферическими вдавлениями. Размеры петли 2 × 2,5 см, диаметр колец — 1,5–2 см.

Тип 3. *Петля на прямоугольной пластине или стержне-основе.* Включает в себя 5 экземпляров из погребений № 13, 14 Доглан; № 7 Шебуты-III; № 3 раскоп № 4 Усть-Уда (рис. 48 -6, 7; 50 -4; 70 -5; 87 -3). Петли П-образной или полуовальной формы, размером 3,0–3,5 × 3,5–4,5 см.

Тип 4. *Два кольца на стержне-основе.* Включает в себя четыре экземпляра из погребения № 16 Усть-Талькин; № 13 Доглан (рис. 12 -4; 48 -2, 3, 4). Диаметр колец — 2–3 см.

Тип 5. *Петля и кольцо на стержне-основе.* Включает один экземпляр из погребения № 2 Шебуты-III (рис. 64 -6). Петля П-образной и полуовальной формы, размеры 3 × 4 см. Диаметр кольца — 2,5–3 см.

Таблица 9
Классификация и типология седельных колец и петель торка

КЛАСС	Т И П	КОЛ-ВО, ЭКЗ.	МОГИЛЬНИК, ПОГРЕБЕНИЕ №
ЖЕЛЕЗНЫЕ		16	Усть-Талькин, № 2, 37; Доглан, № 13; Шебуты-III, № 7; Усть-Уда, раск. 5, № 1, раск. 4, № 3; Галки, № 1
		1	Галки, № 1
		5	Доглан, № 13, 14; Шебуты-III, № 7; Усть-Уда, раск. 4, № 3
		4	Усть-Талькин, № 16; Доглан, № 13
		1	Шебуты-III, № 2
		2	Усть-Талькин, № 19; Шебуты-III, № 2
		1	Усть-Талькин, № 29
		3	Шебуты-III, № 7; Усть-Уда, раск. 5, № 1
		2	Уда, № 1

Тип 6. Два кольца и петля на стержне-основе. Включает в себя два экземпляра из погребений № 19 Усть-Талькин; № 2 Шебуты-III (рис. 14 -5; 64 -5). Петли П-образной и полуовальной формы, размеры 3 × 4 см. Диаметр колец — 2–3,5 см.

Тип 7. Петля на пластине и два кольца на стержне-основе. Включает один экземпляр погребения № 29 Усть-Талькин (рис. 20 -7). В качестве основы одновременно использованы пластина и стержень. Петля полуовальной формы, размером 3 × 4 см, диаметр колец — 2–2,5 см.

Тип 8. *Петля и кольцо на пластине-основе*. Включает три экземпляра из погребений № 7 Шебуты-III, № 1 раскоп № 5 Усть-Уда (рис. 70 -4; 80 -8). Петли П-образной и полуовальной формы, размеры 3 × 4 см. Диаметр колец — 2,5–3 см.

Тип 9. *Петля и два кольца на пластине-основе*. Включает два экземпляра из погребения № 1 Уда (рис. 117 -7, 8). Петли полуовальной формы, размером 3,5–4 см. Кольца утеряны.

Такое разнообразие типов седельных петель и колец для приторочки вещей в погребальных комплексах кочевников выявлено впервые. Обычно в погребениях коня или человека, в которых имеется седло, находят две реже четыре петли или кольца торока.

Седельные кольца и петли, аналогичные приангарским, присутствуют в погребальных комплексах часовенногорской группы памятников XIII–XIV вв. Саяно-Алтая и Среднего Енисея [Гаврилова, 1964, с.165, рис.1–2; 1965, с.74, рис. 12 -5–7, табл. XXVII -2–9; Савинов, 1980, рис.IV -12]; в захоронениях Пахомовского могильника XII–XIV вв. в лесостепной зоне Западной Сибири [Генинг, Овчинникова, 1969, табл. 64 -2]; в погребениях монгольского времени могильника Телеутский Взвоз-I на Алтае [Тишкин и др., 2002, с.83–85, табл.3].

Одиночные кольца с пробоями для приторочки вещей отмечены на седле из погребения с конем № 2 в Восточном Забайкалье, датируемого исследователями XI–XII вв. [Ковычев, Беломестнов, 1986, с.153; 1988, с.150–152, 154]. Отдельные экземпляры колец торока имеются в погребениях кочевников IX — XIV вв. на Алтае и Южной Сибири [Савинов, 1977, с.37; Могильников, 1981, 65, 72; 2002, с.97; Ефремов, 1998, с.165, рис.5 -5, 6].

Оригинальные парные кольца, сходные с приангарскими (тип 3), для приторочки вещей на S-видной пластине-основе зафиксированы в кургане 1 Каменный Амбар III на Южном Урале. Данное погребение датируется XIII–XIV вв. [Костюков, 1994, с.155, рис. 10 -8–11, 156].

Стремена. Древнейшие стремяна появились в Корее, Китае и Японии в IV в. — начале V в. [Джарылгасинова, 1972, с.111–112; Кирпичников, 1973, с.43; Грач, 1982, с.160–162; Вайнштейн, 1991, с.220–223]. В V–VI вв. стремяна заимствуют тюрки, и в результате их западных военных походов они мгновенно распространяются по всему Евразийскому материка [Вайнштейн, 1972, с.131–132; 1991, с.223–226; Савинов, 1996, с.20; Шульга, Горбунов, 1998, с.101]. В первой половине II тыс. стремяна являются неотъемлемой частью снаряжения коня практически у всех народов Евразийской степи, так или иначе связанных со скотоводством.

Общее количество зафиксированных в погребениях кочевников юга Средней Сибири стремян 40. Анализу поддаются 36 экземпляров, поскольку от стремян из погребений № 1а и № 68 Усть-Талькин сохранились только верхние части дужек (рис. 29 -3), а стремяна из погребения № 37 Усть-Талькин утеряны.

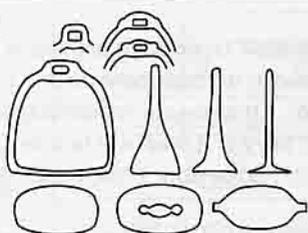
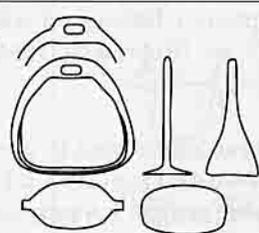
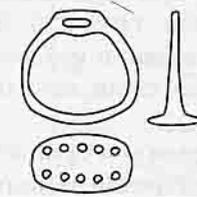
Все стремяна выполнены из железа способомковки. По форме дужки и подножки среди них выделяются несколько типов (табл. 10).

Тип 1. *Стремяна арочной формы*. Включает 15 экземпляров из погребений № 2, 19, 23 Усть-Талькин (рис. 6 -5, 6; 14 -3, 4; 18 -3); № 7 Шебуты-III (рис. 71 -1, 2); № 1, раскоп № 2 Усть-Уда (рис. 84 -2, 3); разрушенных погребений Усть-Уда (рис. 81 -5; 88 -3, 4, 5); погребения № 1 Уда (рис. 117 -4, 5). Стремяна с широкой прямой подножкой, с плоской расплющенной дужкой овальной либо угловато-овальной формы и прямоугольной прорезью путлица в ней. Верхняя часть дужки над прорезью путлица иногда имеет

фигурное оформление (рис. 18 -3). Высота стремян — 15,5-13,5 см, ширина — 14-11 см, ширина подножки — 5,5-7 см.

Оригинальная пара стремян из погребения № 7 могильника Шебуты-III, по нашему мнению, требует отдельного описания. Эти стремяна парные, арочной формы, с плоской расплющенной дужкой овальной формы и прямоугольной прорезью путлища в ней. Верхний край дужки фигурный. Подножка прямая с фигурными прорезями. Стремяна инкрустированы серебром. Тонкие «нити» серебра нанесены на внешние стороны дужек и составляют орнамент в виде трех прямых и двух вписанных в них зигзагообразных линий. Такие же тонкие «нити» серебра нанесены по обе стороны прорези путлища и составляют орнамент в виде двух соединенных между собой спиралей. Высота стремян — 15 см, ширина — 12,5-13 см, ширина подножки — 7 см (рис. 71 -1,2).

Таблица 10
Классификация стремян

ТИП	РАЗМЕРЫ, СМ	КОЛ-ВО, ЭКЗ.	МОГИЛЬНИК, ПОГРЕБЕНИЕ №
1 	15,5-13,5×14-11 × 5,5-7	15	Усть-Талькин, № 2, 19, 23; Шебуты-III, № 7; Усть-Уда, раск. 2, № 1 и разрушенные погребения мог. Усть-Уда
2 	15-12,5×11,5-14 × 5-8	19	Усть-Талькин, № 29, 68; Доглан, № 14; Шебуты-III, № 2, 6; Усть-Уда, раск. 4, № 3, раск. 5, № 1, раск. 6, № 3; разрушенные погребения Усть-Уда; Галки, № 1
3 	13,5×14×6,5-8	2	Усть-Уда, разрушенное погребение

Тип 2. Стремяна полуовальной формы. Включает 19 экземпляров из погребений № 29, 68 Усть-Талькин (рис. 20 -1,2; 29 -2); № 14 Доглан (рис. 50 -2, 3); № 2, 6 Шебуты-III (рис. 64 -8, 9; 67 -17, 18); № 3, раскоп № 4, № 1, раскоп № 5, № 3, раскоп № 6 Усть-Уда (рис. 87 -9; 80 -2, 3; 93 -3, 4); разрушенных погребений Усть-Уда (рис. 81 -4; 88 -2) и погребения № 1 Галки (рис. 122 -1, 2). Стремяна с широкой округлой либо прямой подножкой, с плоской расплющенной дужкой угловато-овальной или овальной формы и прямоугольной прорезью путлища в ней. Высота — 12,5-15 см, ширина — 11,5-14 см, ширина подножки — 5-8 см.

Подножка одного стремени из погребения № 3 раскоп № 6 Усть-Уда носит следы починки. Вероятно, во время использования она лопнула поперек и была стянута внах-

лест и усилена с одной стороны приклепанной полоской металла, а с другой — простой одинарной клепкой (рис. 93 -3).

Тип 3. *Стремена овальной формы.* Включает 2 экземпляра из разрушенного погребения могильника Усть-Уда (рис. 82 -1, 2). Стремена с широкой округлой подножкой, с плоской расплющенной дужкой угловатой формы и прямоугольной прорезью путлища в ней. В подножке стремян имеются два ряда округлых параллельных отверстий по шесть каждый. По внешней стороне дужек наблюдаются слабые следы инкрустации серебряной проволокой. Высота стремян — 13,5 см, ширина — 14 см, ширина подножки — 6,5-8 см.

Стремена с невыделенной или слабо выделенной петлей путлища распространяются среди кочевых племен Евразийской степи в начале II тыс. н.э. Они быстро вытесняют стремяна предшествующих типов. Формирование стремян с невыделенной петлей, по мнению большинства исследователей, происходило в среде племен сrostкинской культуры Саяно-Алтая и Западной Сибири [Савинов, 1977, с.38; Могильников, 1981, с.197].

Стремена арочной формы из приангарских захоронений аналогичны стремянам из впускного погребения № 3 из курганной группы Улуг-Хорум в Туве [Грач, 1982, с.161, рис.6 -11-12]. Стремена полуовальной формы из приангарских захоронений абсолютно аналогичны таковым из погребения № 5 у горы Суханиха на р. Енисее [Гаврилова, 1964, с.165, рис. 1 -6].

Отдельные экземпляры приангарских стремян (разрушенное погребение Усть-Уда, № 7 Шебуты-III) имеют отверстия в подножках. Наличие данного элемента стремян трактуется исследователями по-разному. А.Н. Кирпичников считает, что отверстия предназначены для крепления войлока [Кирпичников, 1973, с.51]. Б.Б. Овчинникова, помимо функции крепления войлока, увидела в этой детали стремян дополнительный элемент украшения [Овчинникова, 1990, с.111]. По всей видимости, отверстия в некоторых случаях действительно служили креплением войлока (Усть-Уда), однако, фигурные прорези в центре подножки на стремянах из погребения № 7 Шебуты-III, на наш взгляд, служили одним из элементов их украшения.

Подпружные пряжки. Эти пряжки использовались для стягивания подбрюшного ремня и наилучшего крепления седла. Всего в погребениях выявлено четыре пряжки, которые можно с уверенностью отнести к подпружным. По материалу изготовления они относятся к двум классам — железных и костяных. По способу крепления язычка к одной группе — с подвижным язычком. По форме рамки они делятся на типы (табл. 11).

Класс 1. *Железные.*

Группа I. *С подвижным шпеньком.*

Тип 1. *Трапецевидные.* Представлена одним экземпляром из погребения № 3 раскоп № 4 могильника Усть-Уда. Пряжка трапецевидной формы, края рамки чуть вогнуты во внутрь. Язычок подвижный, изогнутый, кончик обломан. Размеры рамки 7,5 × 5 см (рис. 80 -5).

Тип 2. *Овальные с вогнутыми сторонами.* Представлены одним экземпляром из погребения № 1 Галки. Пряжка овальной формы, края рамки вогнуты вовнутрь. Язычок подвижный изогнутый. Размеры рамки 8 × 4 см (рис. 122 -7).

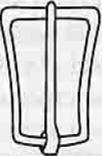
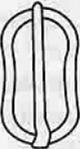
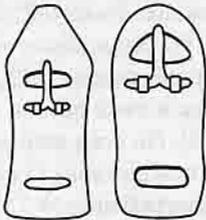
Класс 2. *Костяные.*

Группа I. *С подвижным язычком.*

Тип 1. *Прямоугольные с приостренным концом.* Представлены двумя экземплярами из погребений № 9 Шебуты-III и № 1 Уда. Пряжки изготовлены из рога. Они крупные,

удлиненных прямоугольных пропорций, приостренные. Имеют две овальные поперечные прорези для крепления ремня и подвижный железный язычок, закрепленный на рамке двумя железными шпильками. Длина — 11,5–12 см, ширина — 4,5–5 см (рис. 73 -2; 117 -6).

Таблица 11
Классификация и типология подпружных пряжек

КЛАСС	ГРУППА	ТИП	РАЗМЕРЫ, СМ	КОЛ-ВО, ЭКЗ.	МОГИЛЬНИК, ПОГРЕБЕНИЕ №	
ЖЕЛЕЗНЫЕ	I с подвижным язычком	1		7,5×5,5	1	Усть-Уда, раск. 5, № 1
		2		8×4	1	Галки, № 1
КОСТЯНЫЕ	I с подвижным язычком	1		11,5-12 4,5-5	2	Шебуты-III, № 9 Уда, № 1

Железные подпружные пряжки с трапецевидной и овальной рамкой появились в среде кочевых племен в VII–IX вв. [Кирпичников, 1973, с.76]. Данные типы являются ведущими в X–XI вв. у восточных славян [Кирпичников, 1973, с.77], а в XII–XIV вв. у средневековых хакасов [Кызласов И.Л., 1983, с.101, табл. XIII -23-34] и кочевников Алтая [Ефремов, 1998, с.164, рис.4 -1]. Имеются они и в снаряжении коня у кочевников Восточной Европы в X — XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с.43, рис.7 -3, с.46].

Костяные подпружные пряжки, аналогичные нашим, найдены в могиле № 3 Часовенная Гора и могиле № 5 у горы Суханиха на р. Енисее. Погребения датируются XIII–XIV вв. [Гаврилова, 1964, с.165, рис.1 -5; 1965, с.74, рис.13 -18]. Генетически они связаны с пряжками сrostкинской культуры Западной Сибири [Могиликов, 1981, с.197], которые также имеют прямоугольную приостренную форму, но отличаются наличием продольного разреза для прикрепления язычка на жесткой оси [Гаврилова, 1964, с.168].

ПРОЧИЕ КАТЕГОРИИ ИНВЕНТАРЯ

В данную выделенную категорию вошли изделия, чье функциональное назначение определить не удалось. Большая часть предметов фрагментирована и плохой сохранности.

Костяные подвески (?). Отмечено три экземпляра. Два в погребении № 1 Усть-Талькин (одна утеряна), одна — в погребении № 21 Усть-Талькин. Подвески вытянутой пря-

моугольной формы, узкие, на концах имеют биконические круглые отверстия. Подвеска из погребения № 1 Усть-Талькин обломана на концах по отверстиям, длина сохранившейся части — 14,5 см, ширина — 1 см (рис. 5 -5). Длина подвески из погребения № 21 Усть-Талькин — 12 см, ширина — 1 см (рис. 21 -2).

Функциональное назначение не выяснено. Возможно, они служили украшением одежды или являлись частью комбинированных изделий с присутствием органических частей, не сохранившихся в погребениях.

Пластинки. В семи погребениях могильника Усть-Талькин — № 1, 4, 5, 6, 68, 74, 77 и погребениях № 5 и № 6 Шебуты-III имелись железные пластинки или их обломки. Большая часть их в коллекции отсутствует. Сохранились только три пластинки из погребения № 4, 68, 74 Усть-Талькин и № 5 Шебуты-III.

Пластинка из погребения № 4 Усть-Талькин подтреугольной формы с клепкой в середине. Размеры — 4 × 1,8 см (рис. 8 -8). Вероятно, служила украшением пояса (?).

Пластинка из погребения № 68 Усть-Талькин подпрямоугольной формы, с петелькой и одной клепкой. Размеры — 2,8 × 0,8 см (рис. 29 -4). Вероятно, данная пластинка служила креплением ремня (?).

Пластинка из погребения № 74 Усть-Талькин изогнутая, на конце утолщение и петелька. Длина изделия — 8 см (рис. 31 -2). Функциональное назначение не выяснено.

В погребении № 5 Шебуты-III зафиксировано две пластинки. Они прямоугольной формы, одна — обломана по округлому отверстию крепления. Размеры: 6 × 1,2 см (рис. 66 -6, 7).

Пластинка из погребения № 6 Шебуты-III сломана пополам, прямоугольной формы, концы загнуты. Имеется утолщение и часть клепки (?) крепления. Длина изделия 9 см (рис. 67 -10).

Кольца. Целое кольцо из железа и обломки еще одного экземпляра зафиксированы в погребении № 5 Шебуты-III. Диаметр колец 4–5 см (рис. 66 -3, 5). Назначение данных колец неизвестно.

Проушина. В погребении № 6 раскоп № 6 Усть-Уда зафиксирован железный предмет неизвестного назначения. Предмет представляет собой проушину овальной формы с удлинённым обломанным (?) концом. Длина изделия — 9,5 см (рис. 97 -1).

Стержни. Найдены в двух экземплярах погребении № 5 Шебуты-III и погребении № 11 раскоп № 6 Усть-Уда. Стержни изготовлены из железаспособомковки.

Экземпляр из погребения № 5 Шебуты-III, изогнутый по форме, напоминающий псалий. Один конец частично обломан, в середине имеется треугольный выступ. Длина изделия — 19 см (рис. 66 -2). Функциональное назначение не выяснено.

Стержень из погребения № 11 Усть-Уда прямоугольной формы, в сечении круглый. Конец обломан, размеры сохранившейся части 5,5 × 2 см (рис. 102 -5).

Скоба (?). В погребении № 5 Шебуты-III отмечена изогнутая железная пластинка в виде полуовальной скобы. Длина изделия — 9 см (рис. 66 -4).

Пластинка с петелькой. В погребении № 7 Шебуты-III найдена пластинка, состоящая из подквадратной основы и петельки. В центре основы имеется клепка крепления. Размеры — 3 × 2 см (рис. 68 -7). Функциональное назначение неизвестно.

Железный предмет неизвестного назначения найден в погребении № 3 раскоп № 4 Усть-Уда. Предмет подквадратной формы с тремя загнутыми краями. Размеры — 8 × 6 см (рис. 87 -8).

Пряжка (?). В погребении № 7 Шебуты-III зафиксирована деревянная прямоугольная изогнутая пряжка (?) с овальной прорезью. Размеры — 7,5 × 4,5 см (рис. 69 -2). Использование данного изделия не выяснено.

Костяная пластинка. В погребении № 7 могильника Шебуты-III обнаружена сегментовидная костяная пластинка, на обеих плоских сторонах которой нанесена косая нарезка, образующая ромбическую сетку. Размеры — 4,3 × 0,6 см (рис. 69 -4). Назначение данной пластинки определить сложно. Вероятно, она служила украшением луки седла (?).

* * *

Таким образом, проведенный сравнительно-типологический анализ вещевого комплекса из погребений кочевников юга Средней Сибири позволяет датировать его в рамках первой половины II тыс. н.э.

Отдельные предметы в выделенных категориях сопроводительного инвентаря, например, ножницы, ножи, удила, некоторые типы наконечников стрел и пр., появились в среде кочевников Евразийской степи уже в X-XI вв. и просуществовали без особых изменений до XVII-XIX вв., однако наибольшее распространение они получили в XII-XIV вв.

Предложенную хронологию подтверждает и радиоуглеродное датирование костных останков погребенных. Полученные даты не выходят за рамки первой половины XV в. (табл. 20).

СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ И ЕГО СВЯЗЬ С ПОЛОМ И ВОЗРАСТОМ ЗАХОРОНЕНИЙ

Пол и возраст оказывают существенное влияние на присутствие или отсутствие в могиле сопроводительного инвентаря, его характер и качество.

Сопроводительный инвентарь не обнаружен в парных погребениях женщин с детьми № 22 и № 78 Усть-Талькин, детских погребениях № 2, 3, 4, 5, 7 Сэгенутского могильника, погребении девочки до 7 лет № 12 Шебуты-III, в женских возмужалых погребениях № 17 Усть-Талькин и № 1 раскоп № 4 Усть-Уда, в женском старческом захоронении № 50 Усть-Талькин; в мужских возмужалых погребениях № 53, 59 Усть-Талькин, в мужском зрелом захоронении № 2 раскоп № 6 Усть-Уда. Не обнаружен сопроводительный материал и в парном детском погребении № 20 Доглан (табл. 12). Можно говорить об особом социальном статусе этих погребенных, хотя не исключено, что данные могилы могли содержать и предметы, сделанные из органических материалов (дерева, войлок, кожа), которые в силу объективных причин практически не сохраняются в погребальных комплексах юга Средней Сибири.

При рассмотрении вещественного комплекса погребений наблюдается достаточно определенное разграничение между категориями инвентаря в мужских и женских захоронениях. *Мужским погребениям* присущи: предметы вооружения (луки, стрелы, колчаны, пальмы, топорики, панцирные пластины), детали пояса (пряжки), предметы конской упряжи (стремена, удила, седла), ножи и кресала, *женским* — луки, берестяные и керамические мешочки и сосуды, ножницы, зеркала, остатки одежды из шелка. Категориями предметов, встречающихся как в мужских, так и в женских захоронениях, являются ножи, кресала, пряжки и луки. Из 21 ножа, зафиксированного в погребениях, 18 находились в мужских и 3 — в женских могилах. Из 8 кресал 7 находились в мужских захоронениях и одно — в женском. Из восьми пряжек в мужских погребениях найдено 7, в женском — одна. Из 26 луков 6 найдены в женских могилах, 20 — в мужских.

Наиболее распространенными вещами в мужских погребениях были ножи, луки, наконечники стрел, пряжки и кресала, в женских — луки, ножницы, ножи, сосуды и

украшения. В целом, инвентарь женских захоронений юга Средней Сибири отличается бедностью по сравнению с мужскими погребениями. Данный факт свидетельствует о складывающемся в обществе социальном неравенстве. В то же время обращает на себя внимание факт наличия в шести женских погребениях могильника Усть-Талькин остатков сложносоставных луков и стрел. Причем, они составляют самую большую категорию сопроводительного инвентаря женских могил. Это, на наш взгляд, свидетельствует о значительной роли женщин не только при ведении домашнего хозяйства, но и об активном их участии в охоте и, вероятно, в военных столкновениях племен.

В XII–XIV вв. среди кочевников юга Средней Сибири наблюдается не только социальное, но и имущественное неравенство. Это выразилось, в первую очередь, в отсутствии в некоторых могилах взрослого мужского и женского населения каких-либо предметов сопроводительного инвентаря (табл. 12; 18).

Особый социальный статус имели старики и дети, в могилах которых либо совсем отсутствует сопроводительный инвентарь, либо имеется в незначительном количестве. Однако это касается не всех погребений данных возрастных групп. Встречаются отдельные могилы как, например, № 1 Уда, в которой мужчина старческого возраста похоронен с богатым сопроводительным инвентарем. Имеются и детские погребения, например, № 17 (левый) могильника Доглан, в которой подросток похоронен с практически полным набором предметов (лук, ножи, пряжки) взрослого мужчины.

При анализе взаимосвязи сопроводительного инвентаря с половозрастными особенностями умерших мы заметили интересную особенность между парными погребениями женщин с детьми и кобыл с жеребятами (коров с телятами). Так, в погребениях № 22 и № 78 Усть-Талькин похоронены женщины с детьми без сопроводительного инвентаря, а в погребениях № 3 и № 10 Доглан, № 4 Шебуты-III, № 7 раскоп № 6 Усть-Уда, № 4 Озерок похоронены кобылы или коровы с жеребятами (телятами) в которых, тоже отсутствуют предметы материальной культуры. Дать объяснение этой связи в настоящий момент сложно, необходим дополнительный археологический материал.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КОЧЕВНИКОВ ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ В XII–XIV ВВ.

Определение погребального обряда достаточно емко и полно дано в одной из работ В.С. Ольховского: «Погребальный обряд есть совокупность символических и реальных действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими религиозно-идеологическую нагрузку, в процессе подготовки и совершения захоронения умершего» [1986, с.68].

Раскапывая то или иное погребение, мы, как правило, имеем дело не с собственно погребальным обрядом, а с его конечным продуктом — погребальным памятником, вещественным результатом погребального ритуала. Однако через изучение всего комплекса, связанного с погребальной практикой (процесса обращения с телом умершего), исследователь может и должен делать попытку реконструкции самого погребального обряда. В этом большую помощь оказывают летописи, записки путешественников и дипломатов, этнографические и фольклорные материалы, собранные многими поколениями ученых.

В данной главе мы постараемся уделить как можно больше внимания всем элементам и сторонам погребального обряда, присущим населению юга Средней Сибири в эпоху средневековья. Анализ погребальной практики базируется на материалах 158 захоронений и 6 ритуальных комплексах, сконцентрированных на 6 могильниках и двух одиночных погребениях.

ТОПОГРАФИЯ МОГИЛЬНИКОВ

Место захоронения и размещение кладбищ играло крайне важную роль в погребальной практике кочевников. Покойников уважали и боялись их «возвращения», поэтому соплеменники старались создать для своих ушедших сородичей самые благоприятные условия их дальнейшего существования в другом мире.

Для рассматриваемых погребальных комплексов характерны следующие топографические особенности.

1. Все могильники размещаются на расстоянии не менее 0,5 км от ближайших поселений или городищ, на значительных гипсометрических отметках — 25–50 м, на открытых пространствах, свободных от леса, склонах гор и падей, с которых открывается прекрасный вид на степные долины рек. Экспозиция склонов юго-восточная, западная, северо-западная, северо-восточная.

2. Могильники Усть-Талькин, Шебуты-III, Усть-Уда, Озерок, Сэгенутский и одиночное погребение Уда находятся вблизи основных водных артерий Предбайкалья — рек Ангары и Лены. Могильник Доглан находится глубоко в степи, на левом борту урочища и обращен на долину р. Унги левого притока Ангары. Погребение Галки находится на левом берегу руч. Оёк и тяготеет к долине р. Куды (правый приток р. Ангары). Таким образом, все погребальные комплексы связаны с левыми приустьевыми участками крупных или мелких водотоков.

3. В своем большинстве средневековые погребения объединены в большие некрополи, самый крупный из которых — Доглан насчитывает 110 могил. Вероятно, каждый из этих некрополей принадлежал определенному конкретному роду.

Выбор под кладбища высоких и хорошо освещенных склонов гор характерен для многих кочевых племен второй половины I — начала II тыс. н.э. Забайкалья, Монголии, Саяно-Алтая. На склонах сопок обычно находятся могильники с незначительными каменными кладками [Гаврилова, 1964, с.164; Хамзина, 1970, с.20–21, 60, 64; Именохоев, 1992, с.27; Дашибалов, 1995, с.62; Харинский, 2001, с.75–76]. Курганные некрополи размещали на высоких ровных террасовидных уступах в долинах рек, в ущельях либо у подножий сопок [Гаврилова, 1965, с.9–11; Савинов, 1982, 102–103; Могильников, 2002, с.6]. Разное месторасположение грунтовых и курганных могильников связано с большими размерами и сложностью сооружения последних. Нередко средневековые захоронения впущены в курганы предшествующей эпохи [Савинов и др., 1988, с.83, 99; Грач, 1982; Полосьмак, 2001, с.47].

В сознании древних тюрко-монгольских племен смерть мыслилась как продолжении земной жизни. Монголы «...веруют ... что после смерти станут жить в ином мире, будут умножать свои стада, есть, пить и делать другое, что делают люди, живущие в этом мире» [Плано Карпини, 1997, с.37]. Поэтому, помещение умерших на открытой солнечной стороне склонов гор, которое мы наблюдаем у всех центрально-азиатских народов, связано с символической ролью солнца как проводника жизненной силы отца-неба к матери-земле. В результате «умерший получал возможность нового «возрождения» в мире живых посредством рождения потомства у соплеменников ...» [Мэнэс, 1992, с.17].

Горы, в понимании древних обитателей Сибири и Центральной Азии, являлись как бы центром мира, аккумулятором и хранилищем всей жизни рода. Гора давала жизнь, и в нее же возвращались после смерти [Львова и др., 1988, с.32; Тиваненко, 1989, с.172–174; Сагалаев, 1992, с.60–76; Галданова, 2002, с.151].

В горах хоронили своих умерших ханов и воинов-багатуров средневековые монголы. «Всех великих государей, потомков Чингисхана ... хоронят в большой горе Алтай; и где бы не помер великий государь татар ... его привозят туда хоронить» [Марко Поло, 1997, с.235]. «Я до того одряхлел, что пора мне восходить на вершины» и далее ... «Когда же я в преклонных летах взойду на горы ...», говорил Ван-хан кэрэйтский [Сокровенное сказание ..., 1990, с.65]. Когда погиб Хуилдар-багатур, Чингисхан «...тут же и предал его прах погребению при реке Халхе на Орнаунском полугорье, в скалах...» [Сокровенное сказание ..., 1990, с.73]. Ухуани (одно из монгольских племен) считали, что души умерших в бою воинов возвращаются на священную гору Чишань [Таскин, 1980, с.74].

Предпочитали сооружать свои кладбища на вершинах или склонах высоких гор и некоторые народы Сибири. Так, буряты располагали свои кладбища в лесу, на вершинах высоких гор [Жамбалова, 2000, с.290] либо на южных их склонах, чтобы место было сухое, теплое, обогреваемое солнцем [Галданова, 2002, с.147]. Сооружали кладбища на высоких горах и хакасы Минусинской котловины [Радлов, 1989, с.225].

Культ гор, тесно связанный с погребальным обрядом, имел распространение и среди земледельческих народов. Так, в Северном и Восточном Китае владыкой подземного мира считался *Дуньюэ дади* (Великий император восточного пика) — бог горы Тайшань, под которой и помещалось царство мертвых. В Сычуани и Южном Китае владыкой царства мертвых был *Фэнду дади* — Великий император горы Фэнду [Малявин, 2001, с.229].

Ярким примером поклонению горам — центрам мироздания, аккумуляторам всего живого и мертвого — может служить широко распространенный среди тюрко-монгольских народов юга Сибири культ *ова (оваа) обо*. Для его сооружения выбирали место возвышенное и гористое, обильное травами и водой, большей частью при дорогах, на перевалах, возле древних или более поздних погребальных комплексов [Потапов, 1946, с.145–146; Вайнштейн, 1991, с. 235; Мельникова, 1994, с. 146–147; Галданова, 2002, с.151–152].

Обращает на себя внимание обязательное расположение могильников и отдельных погребений кочевников юга Средней Сибири на левых приустьевых участках долин. Северная часть света, левая сторона, устье реки — это все характеристики нижнего мира, месторасположение страны предков практически у всех народов Сибири [Василевич, 1969, с.213–214; Дьяконова, 1975, с.49; Галданова, 1987, с.54; Львова и др., 1988, с.100, 101; Мэнс, 1992, с.20; Мельникова, 1994, с.131, 132]. Реки, текущие в Сибири в основном с юга на север, в традиционном мировоззрении тюрков и монголов понимались как пути или дороги, ведущие в нижний мир [Василевич, 1969, с.213; Львова и др., 1988, с.75; Мельникова, 1994, с.131]. Ускорить и облегчить переселение души, была призвана и ориентировка тел умерших головой на север [Харинский, 2001, с.106–107].

Таким образом, устойчивое месторасположение некрополей на хорошо освященных склонах гор, на левых приустьевых участках речных долин позволяет утверждать, что у кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв. уже существовали религиозные анимистические представления, связанные с трехчастным делением мира на верхний (Небо), средний (Земля) и нижний (Подземный мир).

Одной из ключевых особенностей рассматриваемых средневековых захоронений является объединение их в крупные некрополи, состоящие из большого количества могил одного хронологического периода. Только на могильнике Усть-Талькин выявлено два погребения № 2 и № 41 (верхнее), относящихся к другому историческому времени.

Территория Предбайкалья отличается большим разнообразием природных ландшафтов. Развитая сеть плодородных речных долин, наличие большого количества островных и пойменных заливных лугов, подступающие таежные и горно-таежные массивы и, в то же время, наличие достаточно больших степных участков привели к сложению у населения данной территории уже в эпоху раннего средневековья определенного типа хозяйственной деятельности. В его основе лежало сочетание пастбищного скотоводства и примитивного земледелия и как дополнение — охота, рыболовство и сбор дикоросов [Хороших, 1959, с.87; Седякина, 1971; Павлинская, Жамбалова, 1986, с.238, 242–245; Дашибалов, 1995, с.137–140]. Такой тип хозяйства обеспечивал устойчивое развитие культуры на достаточно длительном отрезке времени. Возникали долговременные поселения, плотность жителей в которых была достаточно высока, и как следствие — долговременные большие некрополи.

На степных пространствах Приольхонья ситуация иная. Захоронения средневековых кочевников находятся среди разновременных некрополей и не составляют больших могильников. По мнению А.В. Харинского, отдельные погребальные комплексы, «разбросанные» по всему пространству приольхонских степей, могли служить определен-

ными маркерами родовых территорий и указывать на наследственные права владельцев [2001, с.76–78].

В Забайкалье, в зависимости от географических особенностей территории, тоже отмечается разное количество и концентрация захоронений на могильниках. Так, для южных степных районов Забайкалья в бассейнах рек Онона и Аргуни характерно небольшое количество погребений на некрополях — 10–15. Часто встречаются одиночные захоронения и небольшие группы по две — пять могил. В северо-восточных лесостепных районах наоборот захоронения образуют крупные некрополи до 60–100 могил [Асеев и др., 1984, с.22]. По мнению исследователей, это свидетельствует «если не о производственно-хозяйственной обособленности этих двух районов (может быть, даже связанной с различными формами хозяйства) то, о различной плотности населения» [Асеев и др., 1984, с.22].

НАДМОГИЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Из шести исследованных средневековых некрополей юга Средней Сибири на трех могильниках Сэгенутский, Усть-Талькин и Доглан погребения сопровождаются надмогильными сооружениями. В связи с частичным ограблением могил и разрушением кладок удалось установить форму надмогильных конструкций 90 погребений: из них 60 — над погребениями людей и 30 — над погребениями животных.

Каменные конструкции достаточно разнообразны. Все они однослойные и сложены из плит серого известняка (Сэгенутский) или красноцветного кембрийского песчаника (Усть-Талькин, Доглан), средние размеры плит $0,3 \times 0,4$ м при толщине 3–10 см. По общему абрису и форме надмогильных сооружений среди них выделяются четыре типа.

Тип 1. *Круглые плоские сплошные кладки.* Общее количество надмогильных конструкций данного типа — 8. Из них 7 — над погребениями людей и 1 — над погребением лошади № 8 могильника Сэгенутский. Средние размеры конструкций 2×2 м.

Тип 2. *Овальные, плоские сплошные кладки.* Данный тип характерен для одиночных и парных захоронений животных на могильниках Усть-Талькин и Доглан. Погребение человека под подобной кладкой зафиксировано в одном случае на могильнике Доглан, погребение № 19. Средние размеры кладок $2,3 \times 1,5$ м.

Тип 3. *Прямоугольные, плоские сплошные кладки.* Такая конструкция зафиксирована в одном случае на могильнике Усть-Талькин, погребение № 40. Размеры кладки $2,4 \times 0,7$ м.

Тип 4. *Круглые плоские кольцевые сооружения с незаполненной серединой.* Данный тип характерен для одиночных и парных захоронений человека и совместного захоронения человека и животных на могильниках Усть-Талькин и Доглан (табл. 12; 18). Средние размеры сооружений $3,5 \times 3,5$ м.

Тип 5. *Овальные плоские кольцевые сооружения с незаполненной серединой.* Данная конструкция отмечена в единственном случае над парным захоронением детей № 19 могильника Доглан. Средние размеры конструкции $2,2 \times 1,5$ м.

Овальные плоские и овальные кольцевые конструкции ориентированы преимущественно по линии с ЮВ на СЗ и с Ю на С.

К двум плоским овальным сооружениям погребений коней № 6 и № 8 могильника Доглан, с северо-западной стороны примыкают, в одном случае (погребение № 6) прямоугольная плитка песчаника, в другом (погребение № 8) — половинка нижней челюсти лошади (рис. 41 -1; 43 -1). Вероятно, они являлись своеобразными «сторожками» этих захоронений.

Обычай устанавливать в изголовье могилы сторожок или коновязь в виде деревянного столбика наблюдался у племен сросткинской культуры Саяно-Алтая в VIII–X вв. [Кирюшин, Горбунов, 1998, с. 198–200], у кочевников Приольхонья и Забайкалья в первой половине II тыс. н.э. [Асеев и др., 1984, с.60; Асеев, 1985, с.164; Именохоев, 1988, с.110; Харинский, 2001, с. 95].

Таким образом, для надмогильных сооружений средневековых погребальных комплексов кочевников юга Средней Сибири характерны:

— конструкции в виде колец и овала над захоронениями человека и совместными погребениями человека и животного (Усть-Талькин, Доглан);

— плоские сплошные кладки в виде круга над захоронениями людей и коня (Сэгенутский);

— наличие над могилами животных плоских сплошных однослойных кладок овальной формы (Усть-Талькин, Доглан).

Присутствие над двумя погребениями № 40 Усть-Талькин и № 19 Доглан (парное захоронение детей) плоских сплошных кладок прямоугольной и овальной форм мы считаем индивидуальной особенностью данных конкретных погребений.

Плоские сплошные кладки круглой, овальной или прямоугольной форм являются самым распространенным типом надмогильных сооружений в X–XIV вв. у кочевников Тункинской долины, Среднего Енисея, Саяно-Алтая, Приольхонья и Забайкалья. Обычно под данными кладками находятся погребения человека [Окладников, 1937, с.284, 288, рис.15; Гаврилова, 1964, с.163–165; Асеев и др., 1984, с.49–50; Именохоев, Коновалов, 1985, с.69; Именохоев, 1988, с.110; Павлуцкая, 1990, с.11; Дашибалов, 1995, с.62–63; Харинский, 2001, с.91–92]. Плоская овальная сплошная кладка над погребением лошади зафиксирована в единственном случае на могильнике в долине р. Анги в Приольхонье [Асеев, 1980, с.80].

В начале XIII в. погребения под плоскими каменными сооружениями в простой могильной яме прямоугольной формы, в которых костяк располагается вытянуто на спине с ориентировкой на С или СЗ, появляются на Южном Урале (могильники Система I и Каменный Амбар III). Исследователи соотносят данные погребения с тюркскими племенами, принимавшими участие в западных походах монголов [Костюков, 1994, с.153–156].

Плоская сплошная кладка прямоугольной формы, отмеченная над погребением № 40 Усть-Талькин, аналогична кладке погребения Л Хушот-Худжиргэ, раскопанного Л.А. Евтюховой в Северной Монголии [1957]. Данное погребение датируется XII в. [Могильников, 1981, с.192].

Кольцевые или овальные конструкции активно используются в качестве надмогильных сооружений в среде кочевников-скотоводов Саяно-Алтая, Южной Сибири и Центральной Азии в конце I — начале II тыс. н.э. Погребения под подобными кладками раскопаны на могильнике Кудыргэ, среди группы могил кудыргинского (№ 2, 3, 5, 6, 7, 9–13) и часовенногорского типа (№ 14, 17, 19, 20, 21), датируемых соответственно VI–VII и XII–XIV вв. [Гаврилова, 1965, с.28, 73–76, табл. VII–IX, XXV, XXVI, XXX]. Отмечены они и у средневекового населения Приольхонья среди группы могил ангинского типа, датируемого исследователями XII–XIV вв. [Асеев, 1980, с.76; Павлуцкая, 1990, с.11; Харинский, 2001, с.91–97]. Подобные конструкции присутствуют и у кочевников Забайкалья в X–XIV вв. [Хамзина, 1970, с.112–116; Кириллов, 1983, с.124–125; Ковычев, 1988, с.135–136, рис.5 -1 -3; Ковычев, Беломестнов, 1988, с.142–143, рис.1].

Таблица 12

Надмогильные, внутримогильные конструкции, пол и возраст, положение и ориентировка костяков

№	Название могильника и № погребения	Надмогильное сооружение	Внутримогильная конструкция	Пол и возраст	Положение умершего	Инвентарь	Ориентировка
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Сэгенутский, № 1	круглая, сплошная	колода	ребенок	вытянуто на спине	+	СВ
2	№ 2	круглая, сплошная	колода	ребенок	вытянуто на спине	-	СВ
3	№ 3	круглая, сплошная	колода	ребенок	вытянуто на спине	-	СВ
4	№ 4	круглая, сплошная	рама	ребенок	вытянуто на спине	-	СВ
5	№ 5	круглая, сплошная	на грунте	ребенок	вытянуто на спине	-	СЗ
6	№ 6	круглая, сплошная	колода	♀	вытянуто на спине	+	СВ
7	№ 7	круглая, сплошная	на грунте	ребенок	вытянуто на животе	-	СЗ
8	Усть-Талькин, № 1а		колода	♂ Sen.	не выяснено	+	С
9	№ 1	кольцо	колода, дно выстлано берестой	♂ Mat.	не выяснено	+	С
10	№ 3	кольцо	колода, плиты	♂ Mat.	не выяснено	+	С
11	№ 4	кольцо	колода, плита	♀ Mat.	не выяснено	+	С
12	№ 5	кольцо	колода	♀ Mat.	не выяснено	+	С
13	№ 6	кольцо	на грунте, дно выстлано берестой	-	не выяснено	+	С
14	№ 7	не выяснено	колода	♂ Mat.	не выяснено	+	С
15	№ 10	не выяснено	колода	♂ Mat.	не выяснено	+	С
16	№ 11	кольцо (?)	колода	♂ Ad.	не выяснено	+	С
17	№ 12	кольцо (?)	колода	♀ Ad.	вытянуто на спине	+	СВ
18	№ 15 кенотаф	отсутствует	колода	-	-	-	Ю-С
19	№ 14	кольцо (?)	колода	-	не выяснено	-	С
20	№ 17	кольцо (?)	колода	♀ Ad.	вытянуто на спине	-	С
21	№ 18	кольцо (?)	на грунте	♀ Ad.	не выяснено	+	С
22	№ 21	кольцо	колода	♂ Mat.	вытянуто на спине	+	С

1	2	3	4	5	6	7	8
23	№ 22 парное	кольцо (?)	на грунте	женщина и ребенок	вытянуто на спине, на правом боку	-	С
24	№ 23	кольцо (?)	колода	-	не выяснено	+	С
25	№ 26	не выяснено	колода	-	не выяснено	-	С
26	№ 28 кенотаф	отсутствует	колода, оберну- тая берестой (?)	-	-	-	Ю-С
27	№ 30	кольцо (?)	на грунте	-	не выяснено	-	С
28	№ 32	не выяснено	колода	-	не выяснено	-	С
29	№ 33	кольцо (?)	колода	♀ Mat.	не выяснено	+	С
30	№ 34	кольцо (?)	колода	♀ Mat.	не выяснено	+	С
31	№ 35	кольцо (?)	колода	♀ Ad.	не выяснено	+	С
32	№ 36	кольцо	колода	-	не выяснено	+	С
33	№ 38	не выяснено	на грунте	♂ Ad.	не выяснено	+	С
34	№ 39	кольцо (?)	колода	-	не выяснено	+	С
35	№ 40	прямоуголь- ная, сплошная	колода	-	не выяснено	+	С
36	№ 41	кольцо (?)	колода, внутри выложенная бе- рестой	♀ Mat.	не выяснено	+	С
37	№ 42	кольцо (?)	колода	-	не выяснено	+	С
38	№ 43	кольцо (?)	колода, плиты	♀ Ad.	не выяснено	+	С
39	№ 45	кольцо (?)	колода	-	не выяснено	-	С
40	№ 46	не выяснено	на грунте(?)	-	не выяснено	-	С(?)
41	№ 47	кольцо (?)	колода	-	не выяснено	-	С
42	№ 50	кольцо (?)	колода	♀ Sen.	не выяснено	-	С
43	№ 51	кольцо (?)	колода	♂ Ad.	не выяснено	+	С
44	№ 53	кольцо (?)	колода	♂ Ad.	не выяснено	-	С
45	№ 54	кольцо (?)	на грунте	-	не выяснено	-	С
46	№ 55	кольцо (?)	колода	-	не выяснено	-	С
47	№ 56	кольцо (?)	колода	-	не выяснено	+	С
48	№ 57	кольцо (?)	колода	-	на правом боку	+	С
49	№ 59	кольцо (?)	колода	♂ Ad.	не выяснено	-	СЗ
50	№ 60	кольцо (?)	колода	♀ Ad.	не выяснено	-	СЗ
51	№ 61	не выяснено	на грунте	-	не выяснено	-	СЗ
52	№ 62	кольцо (?)	ящик	♀ Ad.	не выяснено	-	СЗ
53	№ 63	не выяснено	ящик, обернутый берестой	-	не выяснено	-	СЗ
54	№ 64	не выяснено	на грунте	-	не выяснено	-	СЗ
55	№ 66	кольцо (?)	колода, плиты	♂ Ad.	не выяснено	+	З
56	№ 68	кольцо (?)	колода	♂ Ad.	не выяснено	+	СЗ
57	№ 69	кольцо (?)	колода	♀ Sen.	не выяснено	-	З
58	№ 70	кольцо (?)	на грунте	♂ Ad.	вытянуто на спине	+	С
59	№ 71	кольцо (?)	колода	-	не выяснено	+	С

1	2	3	4	5	6	7	8
60	№ 72 кенотаф	отсутствует	колода, обернутая берестой	-	-	-	Ю-С
61	№ 74	кольцо (?)	на грунте	-	вытянуто на спине	+	С
62	№ 76	кольцо (?)	колода	-	вытянуто на спине	-	С
63	№ 77	кольцо (?)	колода	-		+	С
64	№ 78, парное	кольцо (?)	на грунте	женщина и ребенок	вытянуто на спине	-	С
65	Доглан, № 4	кольцо	на грунте	-	-	-	ЮВ-СЗ
66	№ .5	кольцо	на грунте, в ногах дощечка	♀ Ad.	вытянуто на спине	+	СЗ
67	№ 13	кольцо	колода	♀ Ad.	вытянуто на спине	+	СЗ
68	№ 14	кольцо	колода	♂ Ad.	вытянуто на спине	+	СЗ
69	№ 15	кольцо	колода	♂ Mat.	вытянуто на спине	+	СЗ
70	№ 17, парное	кольцо	ящик из досок с сохранением коры	♂(?) Inf. II ♂(?) Inf. I	вытянуто на спине	+	СЗ
71	№ 18	овал	ящик, обернутый берестой	♂(?) Inf..II	вытянуто на спине	+	СЗ
72	№ 19, парное	сплошная овальная	ящик	♂(?) Inf. II ♂(?) Inf. I	вытянуто на спине	+	СЗ
73	№ 20, парное	овал	ящик	♂(?) Inf. I ♂(?) Inf. I	вытянуто на спине	+	СЗ
74	Шебуты-III, № 5	-	колода	♀ Ad.	вытянуто на спине	+	СЗ
75	№ 6	-	колода	♂ Mat.	вытянуто на спине	+	СЗ
76	№ 7	-	колода	♂ Mat.	вытянуто на спине	+	СЗ
77	№ 8	-	ящик	♀(?) Inf. II	на спине	+	СЗ
78	№ 9	-	колода	♂ Ad.	вытянуто на спине	+	СЗ
79	№ 11	-	ящик	♂ Inf. II	вытянуто на спине	+	СЗ
80	№ 12	-	на грунте, завернутый в овчину (?)	♀(?) Inf. I	на спине с поднятыми коленями	-	СЗ
81	№ 13	-	колода	♂ Mat.	вытянуто на спине	+	СЗ
82	Усть-Уда, р. № 4, п. № 1	-	колода	♀ Ad.	вытянуто на спине	-	СВ

1	2	3	4	5	6	7	8
83	р. № 6, п. № 2	-	ящик, обернутый берестой	♂ Mat.	вытянуто на спине	-	СВ
84	р. № 6, п. № 4	-	колода	♂ Ad.	вытянуто на спине	+	С
85	р. № 6, п. № 6	-	колода	♀ Ad.	вытянуто на спине	+	СВ
86	р. № 6, п. № 10	-	колода	♂ Mat.	вытянуто на спине	+	СВ
87	р. № 6, п. № 11	-	колода, крышка обернута берестой	♂ Mat.	вытянуто на спине	+	СВ
88	р. № 6, п. № 12	-	колода	♀ Mat.	вытянуто на спине	+	СВ
89	р. № 6, п. № 13	-	колода, крышка обернута берестой	♀ Juv.	вытянуто на спине	+	СВ
90	Озерок, № 1	-	колода	♀ Juv.	вытянуто на спине	+	СВ
91	№ 2	-	колода	♀ Juv.	вытянуто на спине (?)	+	С
92	№ 5	-	колода	♂ Mat.	вытянуто на спине	+	С
93	Уда, № 1	-	колода	♂ Sen.	вытянуто на спине	+	СЗ
94	Галки, № 1	-	колода	♂ Mat.	вытянуто на спине	+	СВ

ПЛАНИГРАФИЯ МОГИЛЬНИКОВ

Основу планиграфии некрополей составляют одиночные и парные захоронения людей и животных, а также ритуально-поминальные комплексы. На могильниках Усть-Талькин и Сэгенутский проследить определенную последовательность в расположении могил сложно, поскольку план Усть-Талькина, выполненный Е.Ф. Седакиной, достаточно условный, а план Сэгенутского могильника вообще отсутствует.

Определенную последовательность расположения погребений удалось проследить на четырех некрополях: Доглан, Шебуты-III, Усть-Уда и Озерок.

Могильник Доглан. На вскрытой площади некрополя выявлены следующие особенности расположения погребений: в северо-западной части раскопа двумя рядами в шахматном порядке располагались плоские овальные сплошные кладки могил, под которыми находились захоронения животных (лошади, коровы). В 0,5 - 1 м юго-восточнее погребений животных, под кольцевыми конструкциями находились захоронения взрослых людей. В 0,5 м юго-восточнее захоронений людей зафиксировано одно погребение лошади (№ 16) под плоской сплошной овальной кладкой. Юго-восточнее погребения лошади (№ 16) размещался ряд детских одиночных и парных могил, которые располагались под кольцевыми круглыми и одной овальной конструкциями. Кладка погребения № 19 оказалась овальной сплошной. Между погребениями № 13 и № 14 находилась плоская круглая кладка ритуального комплекса — погребение № 12 (рис. 34, 35).

Могильник Шебуты-III. Сплошным раскопом на могильнике Шебуты-III было выявлено 13 захоронений, которые располагались двумя условно выделенными параллельными рядами относительно друг друга. Первый (северо-западный) ряд состоял из пяти могил животных, второй (нижний) юго-восточный ряд — из семи погребений людей. В 1 м юго-западнее могилы № 11 находилось детское погребение № 12 (рис. 62). Человеческим захоронениям № 5, 6, 7, 9, 11 соответствуют погребения животных № 1, 2, 3, 4, 10. Без сопроводительного животного остались могилы № 8 и № 12, в которых находились дети, и погребение мужчины № 13. Вероятно, лошадь мужского погребения № 13 была уничтожена береговой осыпью.

Могильник Усть-Уда. Захоронения людей и животных на этом некрополе производились небольшими группами в разных частях склона горы Роговской. Раскопом № 6 выявлена группа, состоящая из одиннадцати могил (погребения № 3–13) Шесть могил принадлежали людям, остальные — животным, причем животные располагались в отдельных ямах преимущественно с восточной, северо-восточной стороны от погребений людей № 4, 6, 10. Такие же скопления, но только пострадавшие от волноприбойной деятельности Братского водохранилища зафиксированы раскопом № 4 и вблизи раскопов № 1, 2, 5 (рис. 90).

Могильник Озерок. Погребения людей и животных на данном могильнике производились небольшими группами в разных частях левого борта пади. Сплошным раскопом выявлено два таких скопления: погребения № 1 и № 4 и погребения № 2, 3, 5, 6 (рис. 108). Животные располагались с левой-правой сторон относительно погребений человека. Причем погребения коней № 3 и № 6 находились как бы между двух погребений женщины № 2 и мужчины № 5 (рис. 108).

Таким образом, на могильниках Доглан, Шебуты-III, Усть-Уда и Озерок удалось зафиксировать довольно стройную картину расположения захоронений. Каждый могильник сооружался по определенному плану и имеет свои присущие только ему черты планиграфии. Это связано со временем появления и длительностью функционирования некрополя, а также, вероятно, с принадлежностью его определенному роду. Объединяющим моментом планиграфии служит отмеченная на всех могильниках рядность захоронений животных и людей относительно друг друга. Вероятно, определенному погребению человека соответствовали определенные захоронения одного или двух животных. Вне всякого сомнения, сопровождение умершего тем или иным животным зависело от его пола, возраста и социального статуса в обществе.

Мужчин, занимавших высокое социальное положение, помимо богатого погребального инвентаря, сопровождал конь, обычно полностью оседланный и взнузданный. Примерами могут служить погребение мужчины № 6 и соответствующие ему захоронение коня № 2 Шебуты-III; погребение мужчины № 15 и соответствующие ему захоронение коня № 8 Доглан.

Женщин в потусторонний мир сопровождали не только лошади, но и овцы, коровы. Примером могут служить погребения № 43 на могильнике Усть-Талькин и № 1 раскоп № 4, № 6 раскоп № 6 на могильнике Усть-Уда, которые сопровождались целой тушей овцы или коровы в одной могильной яме. Погребение девушки № 1 на могильнике Озерок сопровождалось захоронением коровы и теленка № 4 в отдельной могильной яме слева от могилы покойной.

Детские и подростковые захоронения вообще не сопровождались животными, что говорит об их самом низком социальном статусе. В отдельных случаях детские могилы как бы «привязаны» к взрослым захоронениям, находясь в непосредственной близости

к ним. Примером могут служить погребения № 8 и № 12 могильника Шебуты-III, расположенные в непосредственной близости к захоронениям мужчин № 7 и № 11 (рис. 62).

Планировка могил параллельными рядами, вытянутыми по направлению от линии север-юг до восток-запад, наблюдается на некрополях культуры плиточных могил раннего железного века Забайкалья и Монголии. Причем количество рядов доходит до семи [Диков, 1958, с.26; Волков, 1981, с.56; Цибиктаров, 1998, с.27]. В эпоху раннего-развитого средневековья она присутствует на могильниках Барабинской лесостепи Кыштовка-2, Абрамово-10 [Молодин и др., 1990, с.162, 164], на мохэском могильнике Манастырка-3 в Приморье [Дьякова, 1998, с.46, 312-313].

Хорошо прослеживается рядность захоронений, исходя из половозрастной особенности и социального статуса покойного, на Больше-Тарханском, Больше-Тиганском и Танкеевском могильниках в среднем Поволжье. Некрополи датируются концом I — началом II тыс. н.э. и этнически соотносятся с ранними болгарами и венграми [Плетнева, 1981, с.77-80; Халиков, 1984, с.123, 128].

Многие ныне живущие народы Сибири практиковали рядную планировку некрополей. Так, сооружение родовых кладбищ с определенной рядностью размещения могил практиковали буряты Приольхонья. Кладбище, по их мнению, место пребывания бохолдоев, оно нечисто и небезопасно. Причем у бурят считается грехом хоронить покойника на новом месте, «ибо он не любит лежать один и в таком случае может взять с собой живых». Женщин буряток на родовом кладбище хоронят отдельно от мужчин, располагая их места на уровень ниже [Михайлов, 1987, с.41; Жамбалова, 2000, с.290].

Рядной планировки погребений придерживались и хакасы Минусинской котловины. Посетивший их стойбища в конце XIX в. этнограф М.А. Кастрен, писал «...нынешние татары хоронят своих покойников на высоких местах и следят за тем, чтобы все могильные холмики на общих местах захоронения были выстроены в ряд и чтобы каждая могила была расположена в направлении с востока на запад...» [Цит. по: Радлов В.В., 1989, с.225].

ЗАХОРОНЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Из 158 исследованных погребальных комплексов на территории юга средней Сибири человеку принадлежит 99 захоронений, что составляет 63% всех раскопанных могил. Поддается анализу только 94 погребения (табл. 12), остальные пять, зафиксированные на могильнике Усть-Уда, сильно разрушены Братским водохранилищем. Из проанализированных погребений: одиночных — 86, парных — 5, кенотафов — 3. Общее количество раскопанных костяков, учитывая парные, — 96.

Антропологическая и половозрастная характеристика. Изучение и половозрастное определение костяков из могильника Усть-Талькин произведены антропологом И.И. Гофманом [Гофман, 1959; 1963]. Половозрастное определение костяков из могильника Шебуты-III — В.И. Смотровой и В.С. Николаевым; из могильников Усть-Уда, Доглан, Озерок и погребений № 1 Уда, № 1 Галки — А.В. Харинским и В.С. Николаевым.

Для антропологической характеристики погребений могильника Усть-Талькин И.И. Гофман использовал 30 черепов (18 мужских и 12 женских). Для сравнительного анализа им были использованы материалы серии черепов погребений VII-X вв. из Забайкалья, XIII-XIV вв. из Тункинской долины и черепа погребений VII-XII вв. с севера Минусинской котловины, обработанные в свое время антропологами Г.Ф. Дебецом и В.П. Алексеевым [Гофман, 1963, с.340]. Изученные черепа близки к серии черепов из

Забайкалья, от которой они отличаются более крупными размерами, что в свою очередь приближает их к черепакам из Тунки [Гофман, 1959, с.87; 1963, с.343–345].

В системе современных антропологических типов Сибири рассмотренные черепа занимают промежуточное положение между центрально-азиатским и южно-сибирским антропологическими типами. Генетически черепа погребений могильника Усть-Талькин «...не выходят за пределы центрально-азиатского антропологического типа, к формированию которого они имеют, очевидно, самое прямое отношение» [Гофман, 1959, с.88]. Наиболее близкое сходство черепов из Усть-Талькина наблюдается с черепами западных и забайкальских бурят, «...причем наиболее прямыми потомками усть-талькинцев, являясь, по-видимому, забайкальские буряты» [Гофман, 1959, с.88; 1963, с.359].

Пол и возраст удалось определить у 60 костяков (табл. 12). В детских погребениях пол и возраст определен достаточно условно из-за плохой сохранности костей скелетов. Всего выявлено 35 мужских костяков, среди которых предположительно мужскими, в возрасте до 14 лет являются 5 костяков — погребения № 17 (левый), № 18, 19 (левый), № 20 (левый) Доглан и погребение № 11 Шебуты-III; до 7 лет являются три костяка — погребения № 17 (правый), № 19 (правый), № 20 (правый) Доглан, и 27 женских костяков, среди них женскими в возрасте до 14 лет являются, предположительно, детское погребение № 8 Шебуты-III, в возрасте до 7 лет — погребение № 12 Шебуты-III. У двух парных погребений № 22, 78 Усть-Талькин, удалось определить только пол — женщины с детьми. Остальные взрослые костяки распределены нами по трем возрастным группам: юная (18–25 лет), возмужалая (25–35 лет), зрелая (35–55 лет), старческая (старше 55 лет). Среди мужских костяков выделяются: 11 возмужалых (№ 11, 38, 51, 53, 59, 66, 68, 70 Усть-Талькин; № 14 Доглан; № 9 Шебуты-III; № 4 раскоп № 6 Усть-Уда), 14 зрелых (№ 1, 3, 7, 10, 21 Усть-Талькин; № 15 Доглан; № 6, 7, 13 Шебуты-III; № 2, 10, 11 раскоп № 6 Усть-Уда; № 5 Озерок; № 1 Галки), 2 старческих (№ 1а Усть-Талькин; № 1 Уда). Среди женских костяков выделяются: 3 юных (№ 1 и № 2 Озерок; № 13 раскоп № 6 Усть-Уда), 12 возмужалых (№ 12, 17, 18, 35, 43, 60, 62 Усть-Талькин; № 5 и № 13 Доглан; № 5 Шебуты-III; № 1 и № 6 раскоп № 6 Усть-Уда), 6 зрелых (№ 4, 5, 33, 34, 41 Усть-Талькин; № 12 раскоп № 6 Усть-Уда), 2 старческих (№ 50 и № 69 Усть-Талькин).

Могильные ямы и варианты погребений. Все раскопанные на могильниках захоронения являются грунтовыми. По форме могильные ямы делятся три типа:

Тип 1. *Овальные.* Данный тип характерен для одиночных и парных захоронений людей на грунте без внутримогильных конструкций.

Тип 2. *Подпрямоугольные.* Данный тип характерен для одиночных погребений людей в колодах и ящиках-гробах.

Тип 3. *Подпрямоугольные, укорочено-изогнутые.* Отмечены в трех случаях на могильнике Доглан, погребения № 17, 19, 20. Данный тип характерен для парных разновозрастных захоронений детей.

Стенки могильных ям прямые, подбой и тайнички отсутствуют, глубина незначительна — от 0,5 м до 0,8 м, крайне редко до 1,7 м от современной дневной поверхности. Никакого смещения могил по отношению к каменным кладкам не наблюдается. Обычно могильная яма находится в центре под надмогильным сооружением, будь то кольцо, овал или плоская сплошная конструкция.

Форма и размеры могильной ямы в погребениях напрямую зависели от типа внутримогильной конструкции и характера захоронения (одиночное, парное или совместно с животными). Для погребений в колодах и ящиках обычно сооружалась яма подпрямоугольной формы, для простых грунтовых захоронений — яма овальной формы. Она

должна была быть не слишком большой, но и не слишком маленькой. В связи с этим, у парных разновозрастных детских погребений № 17, 19, 20 Доглан могильные ямы укорочено-изогнутые в соответствии с размерами внутримогильных конструкций. К сожалению, не выяснена форма ямы в совместном захоронении мужчины и пары коней № 36 могильника Усть-Талькин, но, судя по количеству костяков и их труположению, она, вероятно, была квадратной или прямоугольной формы, размерами 2,5 × 2,5 м.

Могильная яма являлась своеобразным «домом» умершего и должна была обеспечить его «комфортное» пребывание на том свете. Так, по бурятским поверьям могилы покойников в стране духов образуют улусы, каждая могила или гроб превращается в дом, в котором обитает душа покойного — боходой. У кого гроб был сделан хорошо, соответственно его дом на том свете хороший, и наоборот [Хангалов, 1961, с.51; Михайлов, 1987, с.41].

По наличию или отсутствию внутримогильных сооружений все захоронения юга Средней Сибири можно разделить на два больших отдела: 1) с внутримогильными конструкциями; 2) без внутримогильных конструкций.

Захоронения с внутримогильными конструкциями. Внутримогильные конструкции зафиксированы в 78 (83%) случаях из 94 раскопанных захоронений (табл. 12). По способу изготовления и конструкции среди них выделяются три основных варианта: *колода, дощатый ящик-гроб и дощатая рама.*

Колода является самым распространенным вариантом внутримогильной конструкции среди средневековых погребений кочевников Предбайкалья. Она присутствует в 67 (72%) погребениях — одиночных и совместно с животными, а также кенотафах. Парные погребения в колодах отсутствуют.

Обычно форму колоды в погребениях абсолютно точно определить крайне сложно из-за частичного или полного разрушения под действием времени. По хорошо сохранившимся экземплярам, в первую очередь из погребений могильника Усть-Уда, Озерок, № 1 Галки, нам удалось выделить пять типов колод, которые использовались кочевниками юга Средней Сибири для погребения умерших.

Тип 1. *Удлиненно-овальная, с двумя массивными овальными торцами.* Данный тип выделен по хорошо сохранившимся экземплярам из погребения № 11 Усть-Талькин и № 5 Озерок (рис. 112).

Тип 2. *Удлиненно-прямоугольная с двумя массивными торцами, углы которых скошены под конус.* Данный тип выделен по хорошо сохранившимся образцам из погребений № 4 и № 10 раскоп № 6 могильника Усть-Уда (рис. 94 -1; 99 -3).

Тип 3. *Усеченно-овальная, с узким прямым нижним торцом и массивным овальным верхним торцом.* Данный тип выделен по хорошо сохранившимся образцам из погребений № 11 раскоп № 6 могильника Усть-Уда и погребения № 1 Галки (рис. 101; 119).

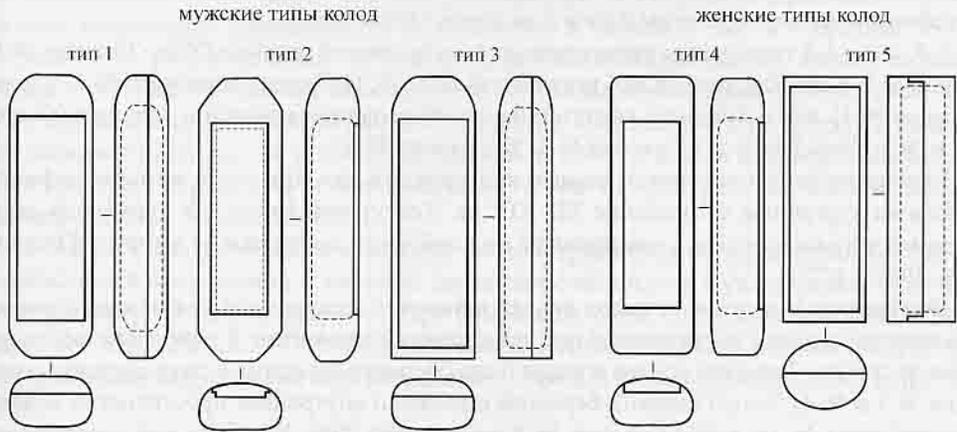
Тип 4. *Удлиненно-прямоугольная, с массивными прямоугольными торцами.* Данный тип выделен по хорошо сохранившимся экземплярам из погребений № 1 раскоп № 4 и № 6 раскоп № 6 могильника Усть-Уда (рис. 86; 95 -2).

Тип 5. *Цилиндрическая, с прямыми узкими торцами, тонкими узкими округлыми стенками и дном, крышка драпирована берестой.* Данный тип выделен по хорошо сохранившемуся образцу из погребения № 13 раскоп № 6 могильника Усть-Уда (рис. 104).

Для изготовления колоды применялось только одно дерево — лиственница сибирская (*Larix sibirica*). Изготовление производилось из цельного ствола прикомлевой части дерева тремя способами:

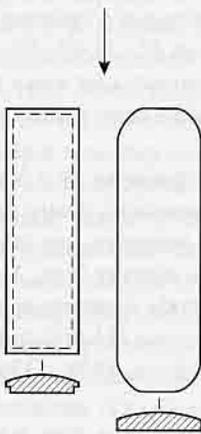
Варианты внутримогильных конструкций,
типы колод и варианты крепления крышек колод

КОЛОДЫ

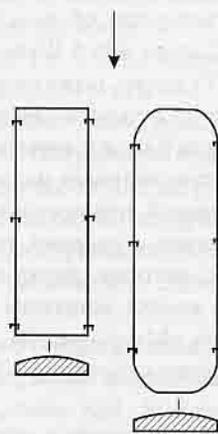

ВАРИАНТЫ КРЕПЛЕНИЯ КРЫШЕК КОЛОДЫ

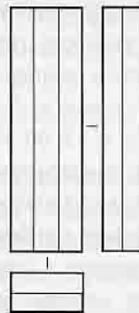
в паз, без
гвоздей и скоб

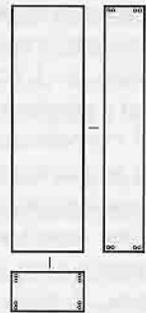
железными
скобами

ЯЩИК-ГРОБ

РАМА

1. Ствол расщеплялся вдоль, на две неравные части, одна из которых (меньшая) шла на крышку, а вторая (большая) обтесывалась и выдалбливалась под основу. Крышка выдалбливалась с внутренней стороны, в разрезе становилась плавно изогнутой. В плане она повторяла основу колоды и крепилась к ней в паз или с помощью прямоугольных скоб. Данным способом изготовлены колоды 1-го и 3-го типов (табл. 13).

2. Ствол раскалывался вдоль, на две равные части, одна из которых шла на крышку, другая — на основу. Крышка и основа одинаково выдалбливались и крепились между

собой в паз и скобами. Данным способом изготовлена колода погребения № 13, раскоп № 6 могильника Усть-Уда, выделенная в 5-й тип (табл. 13).

3. Ствол обтесывался до нужной формы и выдалбливался без расщепления. Крышка изготавливалась отдельно из другого куска того же дерева, что и основа, в плане она прямоугольной формы и плавно изогнутая в разрезе, плотно подгонялась и крепилась к основе в паз без гвоздей и скоб либо железными прямоугольными скобами. Данным способом изготовлены колоды 2-го и 4-го типов (табл. 13).

1-й, 2-й и 3-й типы колод характерны для захоронений мужчин (Усть-Талькин № 11; Озерок № 5; Усть-Уда, раскоп № 6 погребения № 4, 10, 11; Галки погребение № 1; Уда погребение № 1). 4-й и 5-й типы характерны для погребений женщин и девушек (Озерок № 1 и № 2; Усть-Уда № 6, 13 раскоп № 6, № 1 раскоп № 4).

Разные варианты внутримогильных конструкций для мужчин и женщин зафиксированы на курганном могильнике XII–XIV вв. Телеутский Взвоз-Г. В ящиках из досок хоронили только мужчин, а в колодах из нижней части и крышки — женщин [Тишкин и др., 2002, с.127].

Особенностью отдельных колод является наличие дополнительных не свойственных большинству данных внутримогильных конструкций элементов. В одном случае (погребение № 28 Усть-Талькин) основа колоды была обернута берестой. В двух случаях (погребения № 1 и № 41 Усть-Талькин), берестой выложено внутреннее пространство колоды. В погребениях № 11 и № 13 раскоп № 6 могильника Усть-Уда берестой драпированы крышки колод. На нижнем торце колоды погребения № 10 раскоп № 6 Усть-Уда имелось выдолбленное чашеобразное углубление, засыпанное семенами гречишки и малины.

Одной из интересных черт погребального обряда, является драпировка крышки или всей колоды тканью. Это удалось установить благодаря маленьким едва уловимым фрагментам растительных волокон ткани на крышках и торцах колод, а также наличию небольших, до 1,5 см длиной, железных гвоздиков, обычно расположенных в крышке либо рядом с колодой в погребениях № 15 Доглан и № 6 Шебуты-III (рис. 52 -20; 67 -19-22).

В погребениях № 3, 4, 43, 66 Усть-Талькин, помимо колод, в могильных ямах отмечены дополнительные конструкции из плит красноцветного кембрийского песчаника, располагавшиеся плашмя на колодах или рядом с ними на ребре.

Еще одной интересной особенностью является наличие в погребении № 1 Уда дополнительного сооружения в виде тонкой прямоугольной деревянной рамы вокруг колоды. В раме были набиты маленькие железные гвоздики, которые, по нашему мнению, крепили тканевое полотнище, которое сверху закрывало колоду (рис. 116 -1). Обрамляющая узкая деревянная рама вокруг дощатого ящика-гроба фиксировалась в погребении женщины № 1 могильника «Мауу-толгой» в Каракоруме (Монголия). По найденным монетам погребение датируется серединой XIV в. [Войтов, 1990, с.138-141, рис.5, с. 147].

Колода как тип внутримогильного сооружения впервые появляется еще в эпоху бронзы [Погорелов, 1985, с.151-159]. В раннем железном веке захоронения в колодах широко практикуются скифо-сарматскими племенами Тувы, Монголии, Саяно-Алтая и Казахстана [Грязнов, 1980, с.18-21; Кызласов Л.Р., 1979, с.97-98; Новгородова, 1989, с.261, 280; Кубарев В.Д., 1991, с.31-32; Мыльников, 1999, с. 32-33; Полосьмак, 2001, с.55, 69-70, 101, 103; Заднепровский, 1992, с.73-87].

С начала III в. н. э. и до VI-VII вв. погребения в колоде практически не встречаются на территориях Центральной Азии и Южной Сибири, их место занимает обряд захоронения в дощатом ящике-гробе и просто на грунте [Коновалов, 1976, с.156-159; Кызласов Л.Р., 1979, с.88-89, 98-100].

В VI–XI вв. колода как тип внутримогильной конструкции изредка присутствует среди погребальных комплексов тюркских кочевых племен Саяно-Алтая [Киселев, 1949, с.278, 300, 303; Кызласов Л.Р., 1969, с.19; Могильников, 2002, с.76].

Новое распространение погребений в колоде относится к концу I тыс. н.э. и связывается исследователями с активизацией монгольских племен Забайкалья и Центральной Азии. А.В. Харинский считает центром распространения обряда захоронения в колодах по всей территории Предбайкалья и Забайкалья в начале II тыс. н.э. среднее течение р. Селенги — район кочевий одного из крупнейших монгольских племен меркитов [2001а, с. 82, 86]. Колода как ведущий тип внутримогильной конструкции характерна для погребальных комплексов раннемонгольской археологической культуры кочевников Западного Забайкалья VIII–XIV вв. [Арданов, 2001, с.72]. Для некоторых погребений этой культуры характерно и заполнение внутреннего пространства колоды берестой [Хамзина, 1970, с.36–41, 109, 121].

В XII–XIV вв. погребения в колодах распространяются на территории Восточного Забайкалья. В лесостепной и таежных зонах они соотносятся с ивдунгунской археологической культурой «диких дада», «татар» [Кириллов, 1983, с.125; Ковычев, 1989, с.24–25; Кириллов и др., 2000, с.76–78]. В степной зоне Восточного Забайкалья они присутствуют в погребениях монгольских кочевых племен [Асеев, 1975а, с.226–227; Асеев и др., 1984, с.129].

Ящик-гроб является вторым по распространению вариантом внутримогильной конструкции рассматриваемых погребений. К нему относятся 9 (9%) захоронений из них три парных. Общее количество костяков в деревянных ящиках-гробах — 12. Ящик прямоугольной формы, изготавливался из 2–4 досок креплением в паз (?), без применения гвоздей. Средняя ширина досок 10–20 см, толщина — 1,5–2,5 см. Доски изготавливались из березы бородавчатой (*Betula verrucosa*) и сосны обыкновенной (*Pinus silvestris*), они хорошо струганные, только в погребении № 17 Доглан при изготовлении ящиков использовались обзолные доски, т.е. с сохранением коры сосны. В отдельных случаях ящик-гроб оборачивался полосами бересты.

Этот вариант внутримогильной конструкции характерен в первую очередь для детских и женских захоронений. Погребение мужчины в ящике-гробе зафиксировано в единственном случае на могильнике Усть-Уда, раскоп № 6 погребение № 2.

Ящик, как и колода, является одним из древнейших вариантов внутримогильных конструкций. Наибольшее распространение он получил во II в. до н.э. — III в. н.э. в погребальных комплексах хунну [Коновалов, 1976, с.156; Кызласов Л.Р., 1979, с.88–89, 96; Давыдова, 1996, с.11].

В эпоху раннего — развитого средневековья дощатый ящик-гроб активно использовался в погребальном обряде тюркских и монгольских племен Саяно-Алтая, Забайкалья и Монголии [Гаврилова, 1965, табл. XIII, В; Хамзина, 1970, с.113; Овчинникова, 1990, с.11; Именохоев, 1992, с.29; Арданов, 2001, с.72; Тишкин и др., 2002, с.126].

В X–XIV вв. дощатый ящик-гроб являлся самым распространенным вариантом внутримогильных конструкций у кочевников Восточной Европы и Южного Урала [Федоров-Давыдов, 1966, с.130; Иванов, Кригер, 1988, с.47].

Рама является самым малочисленным вариантом внутримогильной конструкции. К нему относится одно погребение, что составляет 1% от всех захоронений. Дощатая рама присутствовала в погребении ребенка № 4 могильника Сэгенутский. Она была изготовлена из четырех струганных досок, которые скреплялись между собой кожаными ремешками-связками через округлые просверленные отверстия по углам конструкции, расположенные параллельно друг другу.

Четырехугольная рама из досок, на наш взгляд, является предшествующим или переходным вариантом, из которого в дальнейшем получился дощатый ящик-гроб. Четырехугольные рамы встречаются в погребальных комплексах раннемонгольской археологической культуры Западного Забайкалья в VIII–XIV вв. [Именохоев, Коновалов, 1985, с.70–71; Именохоев, 1992, с.29].

Захоронения без внутримогильных конструкций. Среди 94 исследованных погребальных комплексов, 17 (18%) не содержало внутримогильных конструкций. По способу помещения тела в могильную яму среди них можно выделить два варианта.

Вариант 1. *Помещение тела умершего просто на грунте, без каких-либо дополнительных материалов (береста, ткань, войлок и пр.).* Всего 16 погребений (табл. 12).

Данный вариант захоронений был достаточно широко распространен среди населения Саяно-Алтая, Монголии, Приольхонья и Забайкалья в VIII–XIV вв. [Овчинникова, 1990, с.11; Павлуцкая, 1990, с.11; Кириллов и др., 2000, с.74, 76; Именохоев, 1992, с.28–29; Арданов, 2001, с.73; Харинский, 2001, с.104; Тишкин и др., 2002, с.128; Худяков, 2002, с.153–156].

Вариант 2. *Помещение тела умершего в могильную яму, предварительно обернутого овчиной.* Всего — 1 (погребение № 12 могильника Шебуты-III).

Предварительное помещение тела умершего в овчину перед совершением погребения среди погребальных комплексов кочевников юга Средней Сибири зафиксировано только один раз. Однако не исключено, что другие захоронения, совершенные по обряду погребения просто на грунте, тоже могли быть похоронены подобным способом. Овчина, войлок, ткани практически не сохраняются в могилах, поэтому проследить данный способ захоронения крайне сложно.

Помещение тела в овчину или войлок было отмечено Е.А. Хамзиной среди погребений могильников Тапхар IV (мог. № 3 и № 13) и Телятниковском (мог. № 8 и № 9) в Западном Забайкалье. Комплексы датируются исследователем X–XIII вв. [Хамзина, 1970, с.109, 121, 122–123].

Положение погребенных. Из 91 раскопанного погребения (кенотафы исключены), трупоположение удалось установить у 43 (табл. 12). Часть погребений могильника Усть-Талкин и погребение № 4 могильника Доглан сильно пострадали от грабителей, что не позволило нам досконально определить их положение и включить в анализ.

Среди способов помещения тела умершего в могильную яму или внутримогильное сооружение можно выделить три варианта.

Вариант 1. *Трупоположение горизонтально вытянуто на спине, руки вдоль туловища, кисти на бедрах либо рядом с ними.* Голова (череп) находилась на затылке, лицевой частью вверх, в отдельных случаях она располагалась на левой или правой стороне и была направлена лицевой частью на восток, юго-восток. В погребении № 13 раскоп № 6 могильника Усть-Уда локти девушки разведены в стороны, а кисти рук вытянуты и аккуратно сложены ладонями вниз на лобковых костях (рис. 104). Данный вариант трупоположения зафиксирован в 40 случаях, что составляет 94%.

Вариант 2. *Трупоположение на боку (левом или правом), руки вдоль туловища, кисти на бедрах, ноги чуть согнуты в коленях.* Голова (череп) развернута влево или право. Такой вариант зафиксирован в двух случаях — № 57 и № 22 Усть-Талкин, что составляет 4%.

Вариант 3. *Трупоположение — на спине с поднятыми коленями, левая рука вытянута вдоль туловища, правая — согнута в локте, кисть находится в области груди.* Голова развернута вправо. Имеется одно погребение — № 12 Шебуты-III, что составляет 2%.

Вариант 4. *Труположение* — *вытянуто на животе*, руки вдоль туловища. Голова прямо, лицом вниз (ничком). Имеется одно захоронение — № 7 Сэгенутского могильника, что составляет 2%.

Таким образом, мы наблюдаем среди погребальных комплексов кочевников Предбайкалья устойчивый способ помещения тела в могилу — горизонтально вытянуто на спине, руки вдоль туловища, что свидетельствует о достаточной однородности населения, оставившего эти могильники.

Наличие погребений с отклонениями в труположении умерших (варианты 2–4) объясняется половозрастными особенностями и, вероятно, причиной смерти индивидуумов. Погребения № 12 Шебуты-III, № 7 Сэгенутский, № 22 Усть-Талькин принадлежат детям, причем в могильниках Шебуты-III и Усть-Талькин их возраст не превышает шести лет.

Захоронения лицом вниз (ничком) очень редко встречаются в погребальных комплексах средневековых кочевников. Два таких погребения были исследованы Е.А. Хамзиной на могильнике Тапхар I могилы 3 и 4 в Западном Забайкалье [Хамзина, 1970, с.28, 124].

Ориентировка. Ориентировку относительно сторон света удалось установить у 95 костяков (табл. 12). Она распределяется по погребальным комплексам следующим образом:

— головой на С — 49 костяков — могильники Усть-Талькин (46 костяков), Усть-Уда (1), Озерок (2), что составляет 51 %;

— головой на СЗ — 29 костяков, могильники Усть-Талькин (7), Сэгенутский (2), Доглан (11), Шебуты-III (8), Уда (1), что составляет 31 %;

— головой на СВ — 15 костяков, могильники Усть-Талькин (1), Сэгенутский (5), Усть-Уда (7), Озерок (1), Галки (1), что составляет 16 %;

— головой на З — 2 костяка на могильнике Усть-Талькин, что составляет 2 %.

Таким образом, ориентировка покойников в погребальных комплексах Предбайкалья связана с северным (СЗ, СВ) направлением.

Кочевые племена юга Средней Сибири, как и все народы Евразийской степи, считали, что душа человека заключалась в его голове и соответственно ориентировка покойного головой в сторону страны мертвых обеспечивала душе более быстрый и «комфортный» переход в мир иной. Следовательно, предполагаемая Страна мертвых находилась где-то на севере, куда после смерти отправлялась душа соплеменника и где она прибывала до своего возрождения — реинкарнации.

О поклонении голове как вместилищу души у монгольских народов повествует «Сокровенное сказание монголов». Узнав о гибели правителя кэрэитов Ван-хана, Гурбесу, мать Таян-хана найманского сказала следующее «...Ван-хан... был древнего ханского рода. Пусть привезут сюда его голову... мы принесем ей жертву. Послали... Хорису-беки, и тот отрезал и доставил его голову... Разослали большую белую кошму и, положив на нее голову, стали совершать жертвоприношение, сложив молитвенно ладони и заставив невесток, совершая положенную для них церемонию, петь под звуку лютни-хура...» [Сокровенное сказание ..., 1990, с.82]. Точно также поступили сыновья меркитского предводителя Тохтоа-беки. После гибели отца, пораженного стрелой «...сыновья его, не имея возможности ни похоронить отца на месте боя, ни увезти его прах с собою, отрезали его голову и спешно отошли...» [Сокровенное сказание..., 1990, с.93].

Поклонение голове как вместилищу духа мы находим среди бурятских легенд и преданий. Так, Буртэ — глава хангинского рода приангарских бурят, во время бегства

из Маньчжурии в XVII в. не смог продолжать путь из-за глубокой старости. Тогда он повелел своему сыну Хортому отрубить ему голову и взять с собой. По пути следования буряты захоронили голову Буртэ на одном из перевалов, предварительно сделав копию из дерева, которая стала почитаться в дальнейшем как родовой онгон хангинцев [Манжигеев, 1978, с.34].

По бурятским легендам загробный мир находится где-то на северо-востоке, за средним течением р. Лены. Души мертвых шли в этом направлении и попадали на суд владыки царства мертвых и главы восточных хатов (*зууни хад*) Эрлэн-хана. В связи с этим, особым почитанием среди бурят пользовался антропоморфный скальный останец в виде головы воина — Хара-Ажирай (Черный Ажирай, Ажирай Бухэ, Ажирай найон), расположенный на правом берегу р. Лены на Шишкинской писанице, в 21 км от пос. Качуг. Его считали главой божеств (*эжинов*), хозяином р. Лены — *Зулхэйн-нойд* [Окладников, 1959, с.177].

В молитвенных текстах шаманов, записанных М.Н. Хангаловым и С.П. Балдаевым, Хара-Ажирай предстает как грозное божество. Камлали ему в темную безлунную ночь, вымазав лицо сажей и стоя на опрокинутом вверх дном котле. После смерти шаманы направлялись или к владыке преисподней Эрлен-Хану, или к Хара-Ажираю. Ажирай-Бухэ принимает участие в суде Эрлен-Хана. Он имеет вид черного, огромного роста человека, одетого в черный халат с воротником из камчатского бобра, подпоясанный черным шелковым кушаком, и полновластно распоряжается судьбами подсудимых [Окладников, 1959, с.177–183].

Почитание хозяина Ленских скал было известно и якутам. В их пантеоне божеств он занимал одно из главных мест и назывался *Улуу тойон — Ажирай*. Место его жительства находилось на дальнем небе, куда могли проникнуть самые великие шаманы [Алексеев, 1984, с.25–29]. Якуты считали *Улуу тойона* воспитателем и предком наиболее могущественных шаманов и отцом Ворона — одного из их главных тотемов [Серошевский, 1993, с.631–633].

КЕНОТАФЫ

Кенотафы — это, погребения, не содержащие костяков людей, но имеющие надмогильные и внутримогильные конструкции, а также сопроводительный инвентарь, свойственный захоронениям человека. Они зафиксированы только среди погребальных комплексов могильника Усть-Талькин (табл. 12). Среди пяти выявленных кенотафов нами выделено два типа.

Тип 1. *Кенотафы, имитирующие захоронения людей*, — могилы № 15, 28 и № 72. Данный тип не имеет каменных надмогильных конструкций, внешние проявления — небольшие овалы западины. Могильные ямы ничем не отличались от обычных захоронений — они овальной или подпрямоугольной формы, с прямыми стенками без подбоев. В могилах находились долбленные листовенничные колоды, в двух случаях обернутые берестой (погребения № 28 и № 72), ориентированные по длинной оси юг-север. Костяки и сопроводительный инвентарь во всех трех кенотафах отсутствовали.

Тип 2. *Кенотафы — захоронения коня с предметным комплексом человека* — могилы № 20 и № 52. Данный тип имеет каменные надмогильные сооружения в виде плоских овальных сплошных кладок. Могильная яма овальной формы содержит одиночные захоронения лошадей с предметным комплексом человека. Лошади располагались в могильных ямах на животе с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентированы на С. В черепе костяков имелись овальные отверстия от удара.

Появление на могильниках кенотафов, вероятно, связано с гибелью человека и невозможностью найти и придать его тело погребению. В древнетюркской среде подобные захоронения сооружались под обычными каменными курганами, в могильной яме, в которой слева или справа находился конь, а вместо тела человека укладывались его вещи. Иногда в могилу, на место, где должен был лежать человек, ставили пустой гроб, сруб или каменный ящик — Боротал I, курган 50, 51 [Кубарев В.Д., 1985, с.140, 143]. В древнетюркских погребениях Тувы, исследованных А.Д. Грачом, в некоторых случаях на место человека помещали «куклу», одетую в его одежду [Нестеров, 1990, с.77–78].

ПОГРЕБЕНИЯ ЖИВОТНЫХ

Одной из главных черт погребального обряда средневековых кочевников юга Средней Сибири является присутствие рядом с захоронениями людей погребений животных — лошадей или коров, крайне редко производилось совместное захоронение человека и лошади, коровы или овцы.

Общее количество захоронений животных (включая кенотафы) и людей с животными, зафиксированных на шести рассматриваемых могильниках, — 63. Анализу поддаются только 53 погребения, поскольку 10 захоронений на могильнике Усть-Уда сильно разрушены волноприбойной деятельностью Братского водохранилища (табл. 17). Из них лошадей — 40 (34 одиночных и 6 парных), что составляет 76 %; коров — 10 (8 одиночных и 2 парных), что составляет 19 %, овец — 2, что составляет 3,5 %. На могильнике Усть-Талькин отмечено одно парное погребение лошади и коровы, что составляет 1,5 %.

Палеонтологическая характеристика. Палеонтологическое изучение скелетов животных из погребальных комплексов кочевников Предбайкалья проводилось Н.М. Ермоловой и А.В. Клементьевым. К сожалению, не все погребения животных удалось передать в руки палеонтологов. Не сохранились костяки лошадей из погребений могильника Шебуты-III, а также погребений № 1–3 могильника Доглан.

Н.М. Ермоловой был проведен анализ 17 костяков лошадей (табл. 14) и 3 костяка крупного рогатого скота из погребений могильника Усть-Талькин.

Пол и возраст удалось определить у 16 особей. Из них 8 принадлежало жеребцам и 8 — кобылам, причем две из них были жеребыми.

Таблица 14
Лошади (*Equus caballus* L.) из могильника Усть-Талькин

Особь	Возрастные группы					
	Эмбрионы	До 3 лет	От 3 до 5 лет	От 5 до 10 лет	От 10 до 15 лет	От 15 до 20 лет и старше
Жеребцы	-	1	3	1	1	2
Кобылы	-	1	1	1	1	4
Неопределимые	2	1	-	-	-	-
Общее количество	2	3	4	2	2	6

Половозрастной состав захороненных лошадей свидетельствует о том, что в погребениях присутствуют либо старые лошади — 15–20 лет, либо молодые — до 5 лет (табл. 14). Судя по имеющимся следам от удила, верховых лошадей было шесть — 3 же-

ребца и 3 кобылы. Из них только на двух жеребцах была надета узда. Кобылы не всегда ходили под верхом, поскольку стертости на их зубах не значительны. Две из них оказались жеребцами [Ермолова, 1965, с.203].

На основании изучения черепов и посткраниального скелета лошадей из могильника Усть-Талькин их можно отнести к группе монгольских лошадей. Эта лошадь имела небольшой рост — в среднем 134 см в холке. При этом самые низкие лошади имели 128 см в холке, а самые высокие — больше 136, но не более 140 см. Усть-талькинские лошади имели крепкие костистые ноги и относительно крупные и тяжелые головы. В отличие от монгольских лошадей, которые имеют выпуклый профиль носовой части черепа, у рассматриваемых особей профиль в носовой части черепа прямой или слегка выпуклый.

Данные характеристики вполне соответствуют одному из типов монгольских лошадей — забайкальской лошади [Ермолова, 1965, с.209; 1978, с.120–123].

Что касается, костяков крупного рогатого скота, то все они, по мнению Н.М. Ермоловой, принадлежали молодым нетельным коровам (*Bos taurus* L.) [Ермолова, 1978, с.53].

А.В. Клементьевым проведен анализ 14 костяков лошадей и четырех костяков крупного рогатого скота из могильников Доглан, Усть-Уда и Озерок (табл. 3; 4), а также определение пола и возраста мелкого рогатого скота из ритуальных комплексов и погребений могильников Доглан и Усть-Уда.

Половозрастной анализ показал, что в захоронениях могильника Доглан, Усть-Уда и Озерок предпочтение отдавалось взрослым особям — жеребцам в возрасте от 5 до 20 лет (табл. 15; 16).

Таблица 15
Лошади (*Equus caballus* L.) из могильника Доглан

Особь	Возрастные группы					
	Эмбрионы	До 3 лет	От 3 до 5 лет	От 5 до 10 лет	От 10 до 15 лет	От 15 до 20 лет и старше
Жеребцы	-	1 (№ 16)	-	1 (№ 8)	2 (№ 6, 11)	1 (№ 7)
Кобылы	-	-	-	-	-	-
Общее количество	-	1	-	1	2	1

Анализ черепов и посткраниальных скелетов лошадей из могильников Доглан, Усть-Уда и Озерок показал их идентичность лошадям могильника Усть-Талькин. В основной массе (9 из 13) рост лошадей в холке колебался в пределах 128–136 см. Самый мелкий экземпляр встречен в погребении № 6 могильника Доглан (не выше 128 см). Три лошади были выше 136 см — в погребении № 8 (Доглан), в погребении № 3 (Озерок) и в погребении № 9 (Усть-Уда, раскоп № 6). Их рост колебался в пределах 138–144 см.

Лошади из могильников Доглан, Усть-Уда и Озерок имели крепкие костистые ноги, крупные и тяжелые головы. По своему экстерьеру они аналогичны лошадям из могильника Усть-Талькин.

Крупный рогатый скот, зафиксированный в захоронениях могильников Доглан, Усть-Уда и Озерок, принадлежал одному виду — *Bos taurus* L. На могильниках Доглан погребение № 10 и Озерок, погребение № 4 находилась взрослая корова с теленком (теленки в возрасте до 6 месяцев), в погребении № 9 могильника Доглан — корова (нетель) в возрасте до 4 лет. В погребении № 5, раскоп № 6 могильника Усть-Уда находился бычок в возрасте до 4 лет.

Таблица 16
Лошади (*Equus caballus* L.) из могильников Усть-Уда и Озерок

Особи	Возрастные группы					
	Жеребята до 1 года	До 3 лет	От 3 до 5 лет	От 5 до 10 лет	От 10 до 15 лет	От 15 до 20 лет и старше
Жеребцы	-	-	-	2 Усть-Уда, № 3, р.4; №3, р.6	3 Усть-Уда, № 1, р.4; № 8, р.6 Озерок, № 3	1 Усть-Уда, № 9, р.6
Кобылы	-	-	-	-	1 Усть-Уда, №7, р.6	-
Жеребята	1 Усть-Уда, №7, р.6	-	-	-	-	-
Общее количество	1	-	-	2	4	1

Мелкий рогатый скот, представленный в ритуальных комплексах и отдельных погребениях могильников Доглан и Усть-Уда, принадлежал одному виду — *Ovis aries*, в возрасте 6 мес. и 1 года. В качестве ритуального захоронения останков *Ovis aries* использовались как мужские, так и женские особи.

Могильные ямы, варианты погребений и положение костяков. Могильные ямы во всех одиночных и парных погребениях животных, за исключением погребения № 36 Усть-Талькин, овальной, крайне редко подпрямоугольной формы. Ствол могилы прямой, подбой, тайнички и внутримогильные конструкции отсутствуют. Средние размеры 2 × 0,5 м. Средняя глубина могильных ям — 0,7 м, крайне редко она достигает 1,2 м от современной дневной поверхности.

В погребении № 36 могильника Усть-Талькин могильная яма имела, вероятно, квадратную или прямоугольную форму, поскольку в ней находилось два коня и человек.

На шести некрополях выделяется пять вариантов размещения животных и человека относительно друг друга.

Вариант 1. В отдельной могильной яме в 1–6 м перед могилой человека — могильники Усть-Талькин, Доглан, Шебуты-III, Сэгенутский (?). Видовой состав — лошади (жеребята), коровы (телята).

Вариант 2. В отдельной могильной яме, в 2–6 м справа или слева от могилы человека — могильники Усть-Уда, Озерок. Видовой состав — лошади (жеребята), коровы (телята).

Вариант 3. В одной могильной яме, над погребением человека — могильник Усть-Талькин, погребение № 4 — корова, № 43 — овца.

Вариант 4. Парное погребение коней, слева от человека, в одной могильной яме — могильник Усть-Талькин, погребение № 36.

Вариант 5. Совместное погребение женщины и овцы, в одной могильной яме. Овца находилась под нижним торцом колоды — могильник Усть-Уда, раскоп № 4, погребение № 1.

Таблица 17
Погребения животных в отдельных могильных ямах
на средневековых могильниках юга Средней Сибири

№	Наименование могильника, № погребения	Вид	Характер захоронения	Труположение	Ориенти- ровка	Инвентарь
1	2	3	4	5	6	7
1	Сэгенутский, № 8	лошадь	одиночное	на животе	С-СЗ	удила
2	Усть-Талькин, № 2	лошадь	одиночное	на животе	СЗ	удила, стремяна, кольцо
3	№ 9	лошадь	одиночное	на животе	С	-
4	№ 16	лошадь	одиночное	на животе	С	удила, кольцо, кант
5	№ 19	лошадь	одиночное	на животе	С	стремена, петли и кольца, кант, скобы
6	№ 20 кенотаф	лошадь	одиночное	на животе	С	накладки лука, на- конечники стрел, бляшки
7	№ 24	лошадь	одиночное	на животе	С	удила
8	№ 25	лошади	парное	на животе	С	удила
9	№ 27	лошади	парное	на животе	С	кольцо
10	№ 29	лошадь	одиночное	на животе	С	удила, стремяна, петли и кольца, кант
11	№ 37	лошадь	одиночное	на правом боку	С	удила, стремяна, коль- ца, лопаточка
12	№ 44	корова	одиночное	на животе	С	-
13	№ 48	лошадь	одиночное	на животе	С	обрывок ремня, пла- стинка
14	№ 49	корова	одиночное	на левом боку	ЮВ	-
15	№ 52 кенотаф	лошадь	одиночное	на животе	С	береста со след. про- шива, неопр. предмет из железа
16	№ 58	лошадь	одиночное	на животе	С	-
17	№ 65	лошадь	одиночное	на животе	С	-
18	№ 67	лошадь	одиночное	на животе	С	-
19	№ 73	лошадь, корова	парное	на животе	Ю	-
20	№ 75	лошадь	одиночное	на правом боку	С	-
21	Доглан, № 1	лошадь	одиночное	на животе	СЗ	удила
22	№ 2	лошадь	одиночное	на животе	СЗ	удила
23	№ 3	лошадь и жеребе- нок	парное	на животе	СЗ	-
24	№ 6	лошадь	одиночное	на животе	СЗ	удила

1	2	3	4	5	6	7
25	№ 7	лошадь	одиночное	на животе	СЗ	-
26	№ 8	лошадь	одиночное	на животе	СЗ	удила, бляшки оголовья
27	№ 9	корова	одиночное	на животе	СЗ	-
28	№ 10	корова и теленочек	парное	на животе	СЗ	-
29	№ 11	лошадь	одиночное	на животе	СЗ	удила
30	№ 16	лошадь	одиночное	на животе	СЗ	удила
31	Шебуты-III, № 1	лошадь	одиночное	на животе	СЗ	-
32	№ 2	лошадь	одиночное	на животе	СЗ	удила, стремяна, петли и кольца, кант, тройники оголовья, ковш, свистулька
33	№ 3	лошадь	одиночное	на животе	СЗ	удила
34	№ 4	лошадь и жеребе- нок	парное	на животе	СЗ	-
35	№ 10	лошадь	одиночное	на животе	СЗ	удила
36	Усть-Уда, р. № 5, п. № 1	лошадь	одиночное	на животе	СВ	удила, стремяна, пряжка, петли и кольца, кант
37	р. № 5, п. № 2	корова	одиночное	на животе	В	-
38	р. № 2, п. № 1	лошадь	одиночное	на животе	С	удила, стремяна
39	р. № 4, п. № 2	корова	одиночное	на животе	СВ	-
40	р. № 4, п. № 3	лошадь	одиночное	на животе	СВ	стремя, петля, кант, неопр. предмет из металла
41	р. № 6, п. № 1	корова	одиночное	на животе (?)	СВ	-
42	р. № 6, п. № 3	лошадь	одиночное	на животе	СВ	удила, стремяна
43	р. № 6, п. № 5	корова	одиночное	на животе	СВ	-
44	р. № 6, п. № 7	лошадь и жеребе- нок	парное	на животе	С	-
45	р. № 6, п. № 8	лошадь	одиночное	на животе	СВ	удила
46	р. № 6, п. № 9	лошадь	одиночное	на животе	СВ	удила
47	Озерок, № 3	лошадь	одиночное	на животе	СЗ	удила
48	№ 4	корова и теленочек	парное	на правом боку, на животе	С Ю	-
49	№ 6	лошадь	одиночное	на правом боку	С	-

При совместном захоронении человека и животных принадлежность последних покойному сомнений не вызывает (табл. 18). В то же время захоронения коней или коров

в отдельных могильных ямах идентифицировать с тем или иным погребением человека крайне сложно, поскольку на отдельных некрополях захоронения животных либо превалируют над погребениями людей (Доглан) либо, наоборот, присутствуют в меньшем количестве (Усть-Талькин, Сэгенутский). На могильнике Озерок количество погребений животных и людей одинаково. На наш взгляд, погребения животных в отдельных могильных ямах все же соответствовали определенным захоронениям людей. Это прослеживается на могильниках Шебуты-III и Усть-Уда, где наблюдается определенная рядность захоронений.

Таблица 18
Совместные захоронения человека и животного
на средневековых могильниках юга Средней Сибири

№	Наименование могильника, № погребения	Надмогильное сооружение	Вид животного	Помещение в могильной яме	Ориентировка	Инвентарь
1	Усть-Талькин, № 4	кольцо	корова над погребением женщины	на левом боку	ЮВ	-
2	№ 36	кольцо	две лошади, справа от погребения мужчины	на левом боку	С	железные пластинки
3	№ 43	кольцо	овца над погребением женщины	на правом боку	-	-
4	Усть-Уда, р. № 4, п. № 1	-	овца под торцом колоды	на правом боку	-	-

Среди погребений животных на могильниках юга Средней Сибири зафиксировано два способа помещения туши в могильную яму.

1. *На животе, с подогнутыми передними и задними ногами*, шея изогнута, голова наклонена носом вниз. Ориентировка — преимущественно на С, в одном случае на Ю (погребение № 73 Усть-Талькин). Данный способ труположения является ведущим среди захоронений животных на могильниках Приангарья. Общее количество погребений, в которых зафиксировано труположение на животе с подогнутыми передними и задними ногами, включая кенотафы — 43 (костяков 51), что составляет 86% от общего количества захоронений животных.

2. *На левом или правом боку*. Всего 7 погребений — костяков 8 (табл. 17), что составляет 14 % от всех захоронений. В двух случаях животные ориентированы на ЮВ (погребения № 4 и № 49 Усть-Талькин), в остальных — на С.

Способ помещения коня (коровы) в могильную яму на живот, с подогнутыми передними и задними ногами распространяется в среде скифо-сакских кочевых племен Евразии в VIII–III вв. до н.э. [Грязнов, 1980, с.46–50; Кубарев В.Д., 1991, с.25–26; Полосьмак, 2001, с.48; Манцевич, 1987, с.14, 17, 26].

В V–X вв. н.э. способ помещения коня в могильную яму на живот, с подогнутыми передними и задними ногами, широко практиковали тюркские племена по всей зоне евразийской степи [Овчинникова, 1990, с.11; Нестеров, 1990, с.80; Могильников, 1981, с.34].

У тюрков Саяно-Алтая, наряду с «классическим» способом положения на животе, существовал также способ помещения коня на левом или правом боку. По мнению Ю.С. Худякова, помещение туши коня на бок не всегда было преднамеренным. В не-

которых случаях такое положение костяка связано с тем, что лошадь могла в последний момент «взбрыкнуть в агонии» и сама «завалиться на бок» [Худяков, 1979а, с.198].

В начале II тыс. в тюркской среде обряд захоронения человека и коня трансформируется в сторону большего разнообразия в положении животного. Появляются погребения человека с частями коня, шкурой, конечностями и черепом как в одной, так и в разных могильных ямах. Большинство исследователей связывают появление подобных захоронений с активизацией в X–XI вв. кимако-кыпчакских племен и расселением их на достаточно большой территории — от южнорусских степей до предгорий Алтая [Могильников, 1981, с.190; Савинов, 1984, с.113–115; 1997, с.87–90; Матвеев и др., 1995, с.197–198].

Среди приангарских погребений коней и коров зафиксировано два совместных погребения женщин и овец (табл. 18). Овцы располагались в могильных ямах на боку, в погребении № 43 Усть-Талькин — сверху на колоде, в погребении № 1, раскоп № 4 Усть-Уда — под нижним торцом колоды. Захоронения овец или баранов были достаточно широко распространены в среде тюркских кочевых племен Саяно-Алтая, Тувы, Минусинской котловины и Забайкалья в I — начале II тыс. н.э. [Нестеров, 1990, с.83].

Баран или овца обычно присутствуют в древнетюркских погребениях детей и женщин [Грач, 1960, с.31–36; Кубарев Г.В., 1996, с.108]. Только в одном случае (Монгун-Тайга-57-XXXVII) баран был захоронен с женщиной 30–35 лет [Грач, 1960, с.31–36; Нестеров, 1990, с. 82, рис. XXII -2, с.83].

Четыре захоронения барана (овцы) раскопано Е.А. Хамзиной на Телятниковском могильнике X–XIII вв. в Западном Забайкалье. Захоронения находились отдельных небольших овальных могильных ямах (могилы № 1–4), костяки располагались: 1) на животе, с подогнутыми ногами, головой на С, СВ — мог. № 1, 2) свернуто на боку — мог. № 3, 4 [Хамзина, 1970, с.76–77]. В могиле № 17 при совместном захоронении ребенка и барана последний располагался справа от костяка человека на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, головой ориентирован в ту же сторону, что и ребенок — на С, СВ [Хамзина, 1970, с.75–76].

Одно одиночное погребение барана было раскопано Б.Э. Петри на Тункинском могильнике XII–XIV вв. [Окладников, 1937, с.291, рис.18].

Замена в детских и женских погребениях коня бараном или овцой объясняется особым социальным статусом погребенных в обществе (дети) или бедностью и отсутствием лошадей (женщины, мужчина) [Нестеров, 1990, с.84; Кубарев Г.В., 1996, с.111]. Вероятно, правы М.П. Грязнов и Ю.С. Худяков, полагая, что поскольку баран в могилах ребенка занимает точно такое же место и положение, что и верховой конь в могиле взрослого мужчины, следовательно «надо полагать, что баран в данном случае выполнял роль верхового коня» [Комплекс археологических памятников ..., 1979, с.155]. Возможно, баран был положен в могилы детей и женщин, являясь их личной собственностью. Обычай дарить мелкий рогатый скот (коз, овец, баранов) детям известен по этнографическим свидетельствам у тувинцев и алтайцев [Дьяконова, 1975, с. 157]. Имеются и детские погребения с бараном среди захоронений тувинцев XVII–XIX вв. [Дьяконова, 1975, с.156–157].

Ориентировка. Ориентировка практически всех погребений животных совпадает с погребениями людей на этих же могильниках. В основном, она колеблется в пределах северного сектора света (табл. 17). Противоположная ориентировка — головой на Ю, ЮВ (Усть-Талькин, погребения № 4, 49, 73) и В (Усть-Уда, раскоп № 5, погребение № 2) — является исключением и объясняется индивидуальными особенностями этих

захоронений. Во всех захоронениях с «неправильной» ориентировкой присутствуют коровы. Так, в погребении № 4 Усть-Талькин корова находилась над погребением женщины. Погребение № 73 Усть-Талькин принадлежит совместному захоронению лошади и коровы — это единственный вариант подобного сочетания. Захоронения № 49 Усть-Талькин и № 2 Усть-Уда, раскоп № 5 принадлежат коровам, причем в погребении № 2 Усть-Уда над скелетом коровы зафиксированы отдельные кости барана.

Способы забоя. Все животные, присутствующие в средневековых могильниках юга Средней Сибири, за исключением овец и лошади из погребения № 3 могильника Озерок, убиты одним способом. Коня или корову заводили в заранее подготовленную могильную яму и наносили сильный удар в лобную часть черепа, чуть ниже ушей. Удар наносился тупым предметом, поскольку края отверстия обычно ровные. В отдельных случаях он был такой силы, что кружок лобной части оказывался внутри черепа, а края отверстия ближе к носу сломаны от края рукояти. После такого удара ноги животного подгибались, и оно оседало в могильную яму на брюхо. Голову обычно наклоняли носом вниз либо слегка поворачивали так, что бы она входила в могильную яму. В погребениях № 7 могильника Шебуты-III и № 1 Галки найдены железные топоры, которые служили орудием убийства. Их форма и диаметр обушковой части аналогичны отверстиям в черепах коней и коров (рис. 69 -1; 121 -10).

Подобный способ забоя коней широко практиковался в раннем железном веке у скифо-сарматских племен Саяно-Алтая. В качестве орудия убийства использовались чеканы [Кубарев В.Д., 1991, с.26; Полосьмак, 2001, с.48, 59].

Среди современных сибирских народов данный способ забоя лошади зафиксирован в отношении жертвенных животных на поминках при забивании ездового коня *хойлага* (*хойлого*) у бурят и хакасов. Животное убивали ударом обуха в лоб (*сосижа унгаха* — дословно «ударом уронить») [Галданова, 1987, с.56; Жамбалова, 2000, с.294–295]. Подобным способом забивали быков и коров тувинцы. Сначала производился удар обухом топора по лбу, а затем перерезалась сонная артерия [Вайнштейн, 1972, с.37].

В VI–X вв. н.э. тюркские племена, практиковавшие обряд погребения человека и лошади, не пробивали черепа своим коням, а использовали иной способ забоя животных — шушкулап [Овчинникова, 1984, с.216]. Он подробно описан этнографом Н.Ф. Катановым в конце XIX в. при посещении белтыров «...потом, расседлавши коня и сняв с него вещи, ведут его к низменному месту или яме. Люди, не боявшиеся ничего, ведут того коня, ...приведя его в яму, связывают вместе четыре ноги его, голову притягивают меж передних ног его же уздой и его же поводом. Сзади меж ног и брюхом коня вталкивают оглоблю. Народ ступает на эту оглоблю ногами. Мужественный, не боящийся человек берет острый нож и вонзает его коню меж ушей в затылок...» [Цит. по: Нестеров С.П., 1990, с.81].

Еще один способ забоя жертвенного коня, существовавший в конце XIX в. у тюркоязычных народов Алтая, описывает В.В. Радлов. Жертвоприношение было посвящено одному из главных божеств алтайцев — *Ульгеню*. Сначала шаман выбирал жертвенную лошадь, которая должна была быть обязательно светлой масти. На спину ей ставилась деревянная чашка. Затем лошадь ударяли так, что она отскакивала, и чашка падала на землю. Если чашка ложилась на землю вверх дном, то животное считалось непригодным для жертвы, если наоборот, то животное объявлялось подходящим для жертвоприношения. После выбора *баш-туткан кизи* (человека, держащего голову) шаман брал березовую ветку и, ударя по спине лошади, отправлял ее душу *Ульгеню*. После камлания в юрте, которое должно было ускорить процесс перехода души животного, шаман с

некоторыми из присутствующих приступали к забоя животного. В.В. Радлов описывал это следующим образом: «...лошадь ставят так, чтобы ее голова была обращена на восток, а затем туго завязывают ее пасть веревкой. К каждой из четырех ног также привязывают веревку. Затем животному кладут вдоль спины крупную жердь и наматывают на эту жердь привязанные к ногам лошади веревки таким образом, что когда часть людей пригибает жердь книзу, а другая тянет за концы веревок, то передние ноги лошади сильно вытягиваются вперед, задние — назад и по возможности равномерно приближают их к жерди. ... В результате такой операции, позвоночник лошади оказывается переломанным в нескольких местах, а ноги вытянуты из суставов. Вдобавок жертве плотно забивают травой все отверстия — ушные, носовые и задний проход, чтобы не вытекала кровь...» [1989, с.375]. После этого с лошади сдирали шкуру так, чтобы череп и кости ног до колен остались в шкуре, и вырывали язык. Шкуру с черепом и ногами укрепляли на жерди [1989, с.376].

Данный способ забоя самый мучительный для животного и в погребальной практике кочевых племен юга Средней Сибири пока не зафиксирован.

У якутов и бурят в XVIII–XX вв. существовал еще один схожий способ забоя лошади. К ее ногам привязывались веревки, животное опрокидывалось на спину, на груди или шее делался надрез. После чего знающий человек просовывал руку и вырывал у коня сердце либо вскрывал воротную вену [Хангалов, 1958, с.356; Константинов, 1970, с.188; Линденау, 1983, с. 41; Серошевский, 1993, с.627]. Вероятно, этим способом был убит конь из погребения № 3 могильника Озерок.

Основные функции животных в погребальных комплексах. Наличие погребений животных является устойчивым элементом погребальной практики средневековых кочевников Предбайкалья. Лошадь, корова и баран могли нести в себе три основные функции: *транспортное средство, жертвенное животное и погребальное животное* [Нестеров, 1990, с.51–84; Дубровский, 2001, с.198, 205].

Транспортное средство. На животных доставляли тело умершего на место погребения. Причем лошадь и корова могли использоваться двояко: 1) как тягловая сила, везущая телегу или другое транспортное средство, на котором находился покойник и 2) как личное средство передвижения — покойник привязывался к седлу или придерживался другим человеком [Нестеров, 1990, с.55–56].

Оба этих способа доставки умерших на место погребения были широко распространены в среде кочевников в эпоху средневековья. Повозка-арба была найдена в древнетюркском захоронении (курган № 14, могильника Даг-Аразы II) вместе с человеком и двумя конями [Овчинникова, 1990, с.10–11, рис.1]. На двухколесной кибитке-арбе сожгли умершего в кургане 2 могильника Кизек-Тигей (Минусинская котловина). Курган датируется началом II тыс. н.э. и соотносится с аскизской культурой средневековых кыргызов [Кызласов Л.Р., 1975, с.196, 209–211]. Остатки повозок (дверь, дно, колеса) в качестве перекрытия могил, а также захоронение повозки вместе с конем фиксируются в курганах кочевников Восточной Европы в X–XIV вв. [Федоров-Давыдов, 1966, с.130].

Обычай отвозить покойников на кладбища на телегах существовал у средневековых монголов. По описанию Плано Карпини, монголы в XIV в. отвозили своих умерших на кладбища на повозке, которую затем ломали: «Повозку, на которой везут его, ломают, а ставку его разрушают» [1997, с. 38]. Имеются сведения, что Чингис-хан был также похоронен в повозке [Бартольд, 1921, с.71].

По данным М.Н. Хангалова, буряты в конце XIX — начале XX в. «садили покойного на коня и во главе с таким странным всадником отправлялись на известное место, при-

чем одну из стрел покойного выстреливали по направлению к дому» [1958, с.23]. «На зарытой яме оставляют... арбу покойника, но разбитую, с сломанными колесами...» [1958, с.393]. У приольхонских бурят на место совершения погребения простых людей увозили на телеге, а шаманов — верхом на оседланной лошади, которую на месте забивали [Жамбалова, 2000, с.293–294]. Хакасы, по сведениям Н.Ф. Катанова, везли умерших на кладбища на саях или телегах, которые после похорон бросали в степи, повернув оглобли в противоположную от жилья сторону [1892, с.116–140].

Жертвенное животное. Роль коня, коровы и барана в качестве жертвенных животных хорошо видна на материалах ритуальных комплексов могильников Усть-Талькин и Доглан. Основные черты, по которым прослеживается эта функция, — захоронение отдельных расчлененных костей (остатков тризны) или шкуры животного. Кроме этого, отдельные захоронения целых туш коней и коров на могильниках также могли выполнять функцию жертвоприношения.

Один из примеров жертвоприношения лошади, описанного В.В. Радловым у алтайских племен, мы уже приводили выше. В дополнение, хотелось бы обратить внимание на подобные жертвоприношения, практиковавшиеся в XIX — начале XX в. у ангарских и приольхонских бурят.

Буряты верили, что существует бог лошадей Солбон, и посвящали ему живого коня. Для посвящения выбирался только жеребец любой масти. После выбора совершали обряд брызганья на его голову, спину и хвост, к гриве привязывали ленточки. Священного коня можно было седлать и работать на нем, всем, кроме женщин. Когда священный конь становился дряхлым, мужчины уводили его в лес, на высокую гору, и производили обряд ритуального заклания. Мясо варили, совершали обряд жертвоприношения (*харбайха*) и съедали. Голову, шкуру, копыта и кости сжигали на специальном каменном помосте — *шэрээ*, иногда шкуру коня с головой и ногами вывешивали на дерево. Таким образом, лошадь (вместе с дымом) возвращалась к богу Солбону для нового воскрешения уже на небе [Хороших, 1922, с.13; Жамбалова, 2000, с.174–175].

Обряд жертвоприношения быка у бурят, посвященного *Буха нойону*, в начале XX в. описан П.П. Хороших. При посвящении быка ему на шею одевали ярмо с лентами белого, синего, желтого и красного цветов, клали волосистой шнур с девятью парами ленточек, к концам которого привязывали по одной березке с корнями. Примерно через два месяца после посвящения животного посреди двора разводят костер и «угощают» быка тарасуном. После чего — закалывают. Шкуру вместе с черепом вывешивают на воротах скотного двора для предотвращения падежа скота [Хороших, 1922, с.13–14].

Погребальное животное. Основная цель погребального животного — это удачная доставка умершего в мир мертвых и служение ему там же, как и при жизни на земле. Для этого лошадь была полностью экипирована. Одним из вариантов данной функции является появление кенотафов. Кенотафы — захоронения лошадей с вещами человека являлись одним из способов доставки на «тот свет» всего необходимого для продолжения жизни человека в ином мире.

Погребение с конем было свойственно многим скотоводческим народам Евразии. Об этом свидетельствует название посмертного коня, которого якуты называют *хайлага*, хакасы — *хойлага*, алтайцы — *койло ат*, буряты — *хойлго*, монголы — *хойлго морин* [Потапов, 1969, с.174; Алексеев, 1992, с.71; Галданова, 1987, с.56–57; 1992, с.79].

Предать человека погребению без лошади в среде тюркских народов считалось тяжелейшим наказанием, что нашло отражение в проклятии: «чтобы ты остался без посмертной лошади» [Галданова, 1992, с.79].

По поверьям, народы Сибири считали смерть человека переселением в иной мир, где он продолжает существовать. С верой в загробную жизнь и связано захоронение вместе с человеком животных и предметов, ему принадлежащих. Богатый набор предметов, видовой и половозрастной состав животных, а также их количество было, в первую очередь, связано с социальным статусом и богатством покойника.

РИТУАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ

Ритуальные (поминальные) комплексы являются неотъемлемой частью большинства средневековых некрополей. На территории юга Средней Сибири они выявлены на могильниках (или рядом с могильником) Усть-Талькин и Доглан (табл. 19). Ритуальные комплексы располагаются как рядом с погребениями на основной площади могильника (Усть-Талькин, погребения № 8, 13, 31; Доглан, погребение № 12), так и в некотором отдалении от него, образуя самостоятельные, небольшие группы (Доглан, ритуальные комплексы № 1 и № 2).

Обнаруженные на средневековых могильниках Приангарья ритуальные комплексы состоят из каменной конструкции (если таковая имелась) и ритуальной ямы, заполненной костями животных, среди которых встречается и археологический материал (табл. 19).

Таблица 19

Ритуальные комплексы на средневековых могильниках юга Средней Сибири

№	Название могильника, № погребения	Надмогильное сооружение	Вид животного	Сопроводительный инвентарь
1	Усть-Талькин, № 8	отдельные плиты песчаника	челюсть лошади	-
2	№ 13	отдельные плиты песчаника	позвонки, ребра, ноги лошади	-
3	№ 31	-	ноги лошади	-
4	Доглан, № 12	плоская, сплошная круглая кладка из плит песчаника	жженные кости барана	золотая бляшка, железный нож
5	Доглан, ритуальный комплекс № 1	-	ребра лошади	железные удила
6	Доглан, ритуальный комплекс № 2	не сомкнутое кольцо из плит песчаника	ребра, нога, позвонки барана	железный нож

Каменные конструкции присутствуют над четырьмя из шести раскопанных комплексов (табл. 19). По форме их можно разделить на три типа.

Тип 1. *Круглые плоские сплошные кладки* из плит красноцветного кембрийского песчаника. Имеются в одном экземпляре над ритуальным захоронением № 12 могильника Доглан. Размеры кладки 1 × 1 м (рис. 46 -1).

Тип 2. *Сооружения в виде несомкнутого кольца* из отдельных разрозненных плит красноцветного кембрийского песчаника. Имеются в одном экземпляре над ритуальным комплексом № 2 могильника Доглан. Размеры кольца 4 × 3,5 м (рис. 60 -1).

Тип 3. *Аморфные сооружения из отдельных разрозненных плит* красноцветного кембрийского песчаника. Зафиксированы на могильнике Усть-Талькин, погребения № 8 и № 13. Размеры не выяснены.

Ритуальная кладка 1-го типа на территории Приангарья раскопана впервые и не имеет аналогий в средневековых комплексах Предбайкалья.

Круглые сплошные кладки ритуального характера, подобные кладке погребения № 12 Доглан, исследовались А.В. Харинским на памятнике Курма XII в Приольхонье. Время сооружения и функционирования ритуальных комплексов данного типа определяется исследователем концом I тыс. до н.э. — первой половиной I тыс. н.э. [1999, с.501–502].

Круглые плоские кладки характерны и для ритуальных комплексов курумчинской культуры Приольхонья второй половины I тыс.н.э. Они выделены Б.Б. Дашибаловым в 4-й тип ритуальных сооружений данной культуры [1992, с.65; 1995, с.79].

Конструкция в виде кольца над ритуальным комплексом № 2 могильника Доглан повторяет надмогильные сооружения человеческих захоронений этого могильника. По своему характеру она схожа с ритуальными оградками тюрок VI–X вв. Саяно-Алтая, Тувы и Среднего Енисея [Гаврилова, 1965, с.14–17, табл.V].

Найденные в ритуальных ямах разрозненные и колотые кости лошадей и баранов позволяют утверждать, что все раскопанные ритуальные комплексы являются останками поминальной тризны по умершим сородичам. После совершения тризны в яму бросался нож, которым совершали забой ритуального животного. Подтверждает это наличие двух железных ножей среди костей животных в ритуальных комплексах № 2 и № 12 Доглан.

В погребении № 12 Доглан колотые и жженые кости барана находились в небольшом квадратном дощатом ящичке. По всей видимости, здесь мы имеем дело с захоронением остатком поминального кострища, произведенного где-то на стороне и захороненного рядом с погребением женщины № 13, к которому оно и относится (рис. 34, 35).

Поминки по умершему сородичу занимают заметное место в погребальном обряде всех сибирских народов. Обычно они проводились после завершения захоронения. Тризна совершалась рядом с могилой или некрополем либо после похорон — в домашней обстановке [Галданова, 1987, с.58–59; 2002, с.149–151; Мэнэс, 1992а, с.122–123; Тангад, 1992, с.132].

Обязательными ритуальными сооружениями в виде оградок или плоских каменных кладок сопровождаются средневековые тюркские курганы Саяно-Алтая. Находки в них редки и в основном представлены отдельными предметами и колотыми костями животных [Гаврилова, 1965, с.14–17; Овчинникова, 1990, с.8–9].

Ритуальные сооружения в виде шатровых, плоских округлых и прямоугольных кладок с отдельными костями животных и фрагментами глиняной посуды в большом количестве присутствуют на средневековых могильниках Приольхонья [Зайцев, 1989; Свинин, Зайцев, 1992; Дашибалов, 1992; Харинский, 2001, с.76].

Итак, мы завершили разбор наиболее значимых элементов погребальной практики средневекового населения юга Средней Сибири. Проведенный анализ материалов 158 захоронений, сосредоточенных в семи пунктах (могильники и одиночные могилы) на территории Южного Приангарья и верхней Лены, свидетельствует о культурном единстве всех этих погребений, что позволяет объединить их в рамках новой археологической культуры, названной нами **усть-талькинской**.

Под усть-талькинской культурой понимается группа археологических объектов, в данном случае могильников, расположенных на определенной географической терри-

тории (юг Средней Сибири), объединенных единым погребальным обрядом и сопутствующим им, во многом схожим, предметным комплексом.

В рамках усть-талькинской культуры проведенный анализ погребальной практики позволяет выделить две группы захоронений — догланскую и усть-удинскую, схожих между собой, но все же имеющих определенные различия в отдельных элементах погребального обряда.

Догланская группа. Включает в себя могильники Усть-Талькин, Доглан (Южное Приангарье) и Сэгенутский могильник (верхняя Лена). Основные черты погребального обряда данной группы следующие:

- могильники грунтовые, расположены на юго-восточных, северо-восточных склонах гор;
- погребения имеют надмогильные каменные конструкции в виде колец, овалов и плоских круглых, овальных сплошных кладок из плит известняка или песчаника;
- ориентировка подавляющего большинства погребений головой на С, СЗ;
- внутримогильные конструкции в виде колод и дощатых ящиков;
- имеются захоронения просто на грунте, без внутримогильных конструкций;
- трупоположение на спине, руки вдоль туловища, кисти на костях таза или рядом с берцовыми костями;
- наличие погребений животных (коней, коров, баранов);
- наличие ритуальных комплексов.

Усть-Удинская группа. Включает в себя могильники Усть-Уда, Шебуты-III, Озерок, одиночные захоронения Уда и Галки. Основные черты погребального обряда данной группы следующие:

- могильники грунтовые, с большим количеством захоронений, расположены на западных, северо-западных — северо-восточных склонах гор;
- погребения не имеют надмогильных каменных сооружений;
- рядная планировка некрополей;
- ориентировка большинства погребений головой на С, СЗ, СВ;
- внутримогильные конструкции в виде колод и дощатых ящиков;
- трупоположение на спине, руки вдоль туловища;
- наличие погребений животных (коней, коров, баранов).

Основные отличия выделенных групп — это присутствие или отсутствие надмогильных конструкций и ритуальных комплексов, а также наличие захоронений без внутримогильных конструкций в догланской группе могил. Объединяющими чертами служат топографическое размещение, планировка, внутримогильные конструкции, трупоположение и ориентировка умерших, наличие захоронений животных.

В Южном Приангарье обращает на себя внимание интересная особенность расположения могильников двух этих групп. Так, могильники догланской группы присутствуют только на левобережье Ангарской долины, а могильники усть-удинской группы — на правобережье. По нашему мнению, это связано с недостаточной полной и равномерной археологической изученностью всей территории юга Средней Сибири. Практически не исследованными на сегодняшний день остаются Канско-Ачинская лесостепь и лесостепные участки верхней Лены.

Наблюдаемые отличия догланской и усть-удинской групп погребений, на наш взгляд, связаны с двумя разными хронологическими периодами существования и развития усть-талькинской культуры. В следующей главе мы попробуем это доказать, рассмотрев детально вопросы хронологии, периодизации и возможной этнокультурной принадлежности погребальных комплексов.

УСТЬ-ТАЛЬКИНСКАЯ КУЛЬТУРА ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ УСТЬ-ТАЛЬКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопросы, связанные с определением времени появления захоронений с присутствием животных на юге Средней Сибири, являются наиболее сложными и дискуссионными. За прошедшие 47 лет со времени открытия могильника Усть-Талькин и публикации материалов Сэгэнутского могильника среди ученых, связанных с проблемами средневековой археологии и этногенезом сибирских народов, сложилось достаточно много противоречивых и взаимно исключающих точек зрения.

Е.Ф. Седякина, автор раскопок могильника Усть-Талькин, на основе проведенных аналогий предметного комплекса и обряда захоронения определила время его функционирования XII–XIV вв. [1965, с.201–202]. С этой датировкой согласилось большинство исследователей [Константинов, 1970, с.195–196; 1975, с.125–126; Гоголев, 1986, с.71–72; Коновалов, 1989, с.9; 1999, с.137; Худяков, 1991, с.99–135; Харинский, 2001а, с.91–93].

А.П. Окладников предложил для Сэгэнутского могильника дату XI–XII вв. [1958а], а для могильника Усть-Талькин — XVI–начало XVII в. [1958, с.25; 1971, с.20]. Основанием для столь поздней даты Усть-Талькина послужили «...железные наконечники стрел, срединные накладки луков сложносоставного тюрко-монгольского типа ...а также металлическая трубка-ганза...» [1958, с.25].

С датировкой А.П. Окладникова согласился Б.Б. Дашибалов [1989, с.66–67; 1999, с.104; 2000, с.118–119]. Исследователь предложил отнести Сэгэнутский могильник, как и Усть-Талькин, также к XVI–XVII вв., аргументируя эту датировку тем, что «удила с выгнутыми стержнями», обнаруженные в погребении лошади № 8 Сэгэнутского могильника, получают распространение «после монгольского времени» [Дашибалов, 2000, с.119; 2001, с.59].

Столь противоречивые точки зрения на хронологию усть-талькинской культуры связаны с различными подходами, в первую очередь, к датировке самих погребальных комплексов и применением учеными только одного, сравнительно-типологического метода определения возраста захоронений. Проведенный нами в III главе данной работы сравнительно-типологический анализ предметного комплекса выделенной культуры позволяет датировать ее первой половиной II тыс. н.э. Причем, некоторые изделия, появившись в X–XI вв., продолжали бытовать до XVII–XIX вв. и действительно, как отметил Б.Б. Дашибалов, имеют аналогии в старобурятских и якутских погребальных комплексах [1989, с. 66–67; 2000, с.119; 2001]. Однако датировка больших могильников, основанная на аналогиях по отдельно взятым из погребений вещам, без производства полного анализа всего предметного комплекса и погребального обряда, без привлече-

ния методов естественных наук, на наш взгляд, неминуемо приводит исследователей к неверным выводам.

Для определения более точного возраста и времени существования усть-талькинской культуры и выделенных в ней двух групп захоронений (догланской и усть-удинской) мы воспользовались методом радиоуглеродного датирования костных останков погребенных.

По отдельным захоронениям могильника Доглан было получено четыре даты: погребение № 5 — 835±20 л.н. (СОАН-3167), погребение № 13 — 790±50 л.н. (СОАН-4578), погребение № 15 — 795±50 л.н. (СОАН-4211), погребение № 17 — 750±50 л.н. (СОАН-4577) (табл. 20). Таким образом, с учетом калибровки догланская группа датируется XII–первой половиной XIII вв. н.э.

По второй группе было получено одиннадцать радиоуглеродных дат (табл. 20), из которых корректными и соответствующими действительности мы считаем восемь: Усть-Уда, раскоп № 6, погребение № 6 — 655±50 л.н. (СОАН-4209), Усть-Уда, раскоп № 6, погребение № 10 — 655±50 л.н. (СОАН-4580), Усть-Уда, раскоп № 6, погребение № 11 — 645±25 л.н. (СОАН-5283), Усть-Уда, раскоп № 6, погребение № 13 — 700±25 л.н. (СОАН-5284), Озерок, погребение № 1 — 730±30 л.н. (СОАН-4581), Озерок, погребение № 5 — 512±35 л.н. (СОАН-5285), Уда, погребение № 1 — 860±35 л.н. (СОАН-5286), Галки, погребение № 1 — 565±35 л.н. (СОАН-5288). Таким образом, датировка усть-удинской группы с учетом калибровки определяется нами второй половиной XIII–XIV вв. н.э.

Таблица 20

Радиоуглеродные датировки погребальных комплексов кочевников юга Средней Сибири

№	Название могильника, № погребения	Координаты	Дата по С14 (лет назад)	Индекс лаборатории	Калибровочные даты, коэф. 1,03	Материал
1	Доглан, № 5	E: 53°45' N: 102°52'	835±20	СОАН-3167	1148±20	кости человека
2	№ 13		790±50	СОАН-4578	1194±50	кости человека
3	№ 15		795±50	СОАН-4211	1189±50	кости человека
4	№ 17		750±50	СОАН-4577	1236±50	кости левого костьяка ребенка
5	Усть-Уда, № 4	E: 54°10' N: 103°00'	835±40	СОАН-4579	1148±40	кости человека
6	№ 6		655±50	СОАН-4209	1333±50	кости человека
7	№ 10		655±50	СОАН-4580	1333±50	кости человека
8	№ 11		645±25	СОАН-5283	1344±25	кости человека
9	№ 13		700±25	СОАН-5284	1287±25	кости человека
10	Озерок, № 1	E: 54°06' N: 103°01'	730±30	СОАН-4581	1256±30	кости человека
11	№ 3		860±50	СОАН-4582	1122±50	кости коня
12	№ 5		512±25	СОАН-5285	1481±35	кости человека
13	Шебугты-III, № 4	E: 53°34' N: 103°26'	240±30	ГИН-8186	1761±30	кости лошади
14	Уда, № 1	E: 54°23' N: 103°15'	860±35	СОАН-5286	1122±35	кости человека
15	Галки, № 1	E: 52°38' N: 104°27'	565±35	СОАН-5288	1426±35	кости человека

Три даты второй группы вызывают сомнение, поскольку датировка погребения № 4 Шебуты-III концом XVIII в. более чем неточная, а начало XII в. для погребения № 3 могильника Озерок и погребения № 4, раскоп № 6 могильника Усть-Уда, слабо согласуется с другими датами, полученными по расположенным рядом погребениям этих же могильников (табл. 20). Интересен тот факт, что две из трех неточных дат получены по костям лошадей.

Наличие неверных дат является достаточно устойчивым явлением и не должно удивлять исследователей [Кренке, Сулержицкий, 1992]. Для достижения максимальной точности в определении возраста большую роль играет количество образцов и возможности их повторного датирования [Харинский, 2001, с.114].

Таким образом, проведенное радиоуглеродное датирование подтверждает правомерность выделения нами по отмеченным ранее различиям в деталях погребального обряда двух разновременных групп захоронений: догланскую и усть-удинскую, которые мы предлагаем выделить в два этапа развития усть-талькинской культуры:

1 этап — *Догланский* (XII–первая половина XIII в.). Представлен тремя могильниками догланской группы Усть-Талькин, Доглан (Приангарье), Сэгэнутский (верхняя Лена);

2 этап — *Усть-Удинский* (вторая половина XIII–XIV вв.). Представлен тремя могильниками усть-удинской группы Шебуты-III, Усть-Уда, Озерок и двумя одиночными погребениями № 1 Галки и № 1 Уда (Приангарье).

Не стоит принимать выделенные этапы как нечто неизменное. Датировка усть-талькинской культуры XII–XIV вв. вовсе не означает того, что ее носители появились в начале XII в. и исчезли в конце XIV в. или начале XV в. Процесс образования как и распад этнических общностей, конечно, занимает не одно — два десятилетия, и указанная датировка, как нам думается, отражает в первую очередь период расцвета и стабильного существования данной культуры. Вне всякого сомнения, усть-талькинцы в период с XII по XIV в. являлись основной доминирующей силой на лесостепных пространствах юга Средней Сибири.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УСТЬ-ТАЛЬКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Определив возраст захоронений и выделив два этапа в развитии усть-талькинской культуры, мы теперь можем приступить к анализу этнокультурной ситуации в регионе во второй половине I–начале II тыс. н.э. и попытаемся выяснить происхождение данной культуры.

Ангаро-Ленская историко-культурная область. Данная область включает в себя лесостепные и степные пространства Южного Приангарья, верхней Лены и Канско-Ачинскую лесостепь. Географически соотносится с югом Средней Сибири [Гвоздецкий, Михайлов, 1978, с.256–284; Дашибалов, 1995, с.5]. В настоящее время мы располагаем достаточно полной информацией об одиннадцати средневековых захоронениях, выявленных на территории Ангаро-Ленской области и датированных в целом второй половиной I–началом II тыс. н.э. Помимо этого, имеются отдельные упоминания в работах А.П. Окладникова о раскопанных средневековых могилах в долинах рек Обусы и Иркуты, а также краткие сведения о двух разрушенных погребениях в долине р. Заларинки. Приведем их краткое описание и анализ в соответствии со временем их обнаружения и раскопок.

Первые три средневековых погребения раскопаны Г.П. Сосновским в 1921 г. Два из них обнаружены недалеко от устья р. Унги на песчаной дюне. Кости скелетов имели плохую сохранность и лежали на поверхности в полном беспорядке. Около одного из

костяков найдены обломки спёкшегося железа, медные бляшки с остатками кожаных ремней, четыре медных пуговицы шарообразной и конической форм, обломки кремня. При проведении раскопок зафиксированы остатки лиственничной колоды длиной 1,50 м и шириной 0,53 м. Погребенный располагался в колоде вытянуто на спине, с руками, протянутыми вдоль туловища, головой на З [Сосновский, 1923, с.126].

Ниже Балаганска, в 10-12 км к северо-западу, было обнаружено и раскопано еще одно погребение. Верхняя часть скелета была разрушена. Погребенный лежал на спине, руки вытянуты вдоль тела. Головой тело ориентировано на В. С левой стороны костяка находились остатки лиственничной доски, служившей, по всей видимости, обкладкой могилы. Между бедренными костями скелета находилась стеклянная бусина, а около правой руки — ассиметричные железные удила [Сосновский, 1923, с.127].

Раскопанные Г.П. Сосновским захоронения не содержат костей животных, судя по отдельным элементам погребального обряда (колода, доски), они датируются не ранее XII в. н.э.

В 1962 г. в г. Иркутске при прокладке траншеи по ул. Маяковского рабочими было найдено еще одно средневековое погребение. Захоронение исследовано П.П. Хороших, А.И. Казанцевым и Н.В. Тюменцевым. Надмогильная кладка отсутствовала. Могильное пятно черного цвета размером 2,8 × 0,85 м хорошо прослеживалась на фоне светлого суглинка. Скелет мужчины 40–45 лет (*maturus*) располагался на дне могильной ямы в скорченном положении, на левом боку. Головой ориентирован на СВ. Глубина залегания костяка от современной дневной поверхности — около 2 м. В состав сопроводительного инвентаря захоронения входили железные стремена, тесло, железные трехлопастные наконечники стрел, пластинка из кости с резным орнаментом, костяной наконечник стрелы, фрагмент рогового псаляя, роговое острие, грифельная кость лося и костяное изделие неизвестного назначения. Кроме того, зафиксированы мелкие фрагменты бересты, прошитые конским волосом. По сопутствующему инвентарю погребение датировано авторами раскопок VII–IX вв. [Николаев, Белоненко, 1996, с.118]. При изучении коллекции предметов Б.Б. Дашибалов включил данное погребение во второй (бодонский) этап развития курумчинской культуры и датировал его VIII–X вв. н.э. [1995, с.116]. А.В. Харинский отнес данное погребение к *черенхынскому* типу захоронений, которые датируются на побережье Байкала V–IX вв. н.э. [2001а, с.45].

В 80–90-х гг. XX в. различными научными подразделениями Иркутской области в долинах рек Кан, Ока и Ангара были исследованы пять средневековых погребений по обряду кремации на поверхности земли, без надмогильных сооружений [Савельев, Свинин, 1978, с.135–149; Николаев и др., 2002, с.85–89]. Данные погребения А.В. Харинский объединил в *долоновский* тип захоронений [2001а, с.114]. В состав сопроводительного инвентаря этих погребений входят железные тесла, трехлопастные, плоские и бронебойные железные наконечники стрел, ножи, кинжалы, напильники, тройники — распределители ремней оголовья, железные стремена 8-образной формы и с выделенной прямоугольной петлей путлища, бронзовые полушаровидные бляшки — пуговицы, бронзовые фигурные накладки — остатки поясного набора. Анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря, а также найденная в одном из погребений бронзовая китайская монета «Кайюань тунбао» позволяет датировать их VIII–XI вв. н.э. [Савельев, Свинин, 1978; Волокитин, Инешин, 1991; Николаев, Белоненко, 1996, с.120–121; Николаев, Дзюбас, Белоненко, 2002, с.88].

Два средневековых захоронения на правом берегу Унгинского залива Братского водохранилища были раскопаны в 1988 г. Унгинским археологическим отрядом КНИЭ ИОКМ под руководством О.Б. Варламова. Погребения не имели надмогильных кон-

струкций. Захоронения подростков (до 14 лет) производилось в подпрямоугольных грунтовых могильных ямах, в берестяном пакете вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головой на З. В состав сопроводительного инвентаря входил глиняный круглодонный сосуд и черешковый железный нож [Николаев, 1990, с.156–157].

Захоронения в берестяных пакетах достаточно широко распространены на территории Приольхонья. Они выделены А.В. Харинским в *харанцинский* тип и датируются на побережье Байкала VIII–XIV вв. н.э. [2001, с. 154]. Вероятно, концом I — началом II тыс. н.э. следует датировать и унгинские погребения в берестяных пакетах.

В работах А.П. Окладникова имеются упоминания о нескольких раскопанных средневековых погребениях в долинах рек Обусы и Иркута [1937, с.284–285; 1958, с.25]. В долине р. Обусы захоронения людей производились в колодах. В состав сопроводительного инвентаря входили «остатки грубой шерстяной одежды, унтов (обуви), пряслица, берестяные женские коробки, наконечники стрел и... зерна проса...» [Окладников, 1937, с.284]. В долине р. Иркут небогатые средневековые захоронения около д. Акининой недалеко от г. Иркутска были раскопаны в 30-х гг. XX в. Б.Э. Петри. Погребения обозначены на поверхности каменными надмогильными конструкциями в виде плоских кругов. Покойные располагались в долбленых колодах [Окладников, 1937, с.285; 1958а, с.205–207]. К сожалению, краткость информации не позволяет произвести анализ погребального обряда данных захоронений. По составу погребального инвентаря они, по всей видимости, датируются XII–XIV (?) вв. А.П. Окладников соотнес данные захоронения, как и Сегзнутский могильник, с монгольскими племенами, проникшими на территорию Ангаро-Ленской области с Монголии или Забайкалья [1937, с.284–285; 1958а].

В 1998 г. при разработке карьера на правом берегу р. Заларинки было разрушено два средневековых погребения. По собранной нами информации захоронения не имели надмогильных каменных конструкций, покойные находились в колодах вытянуто на спине, головой на СЗ. Сопроводительного инвентаря отмечено не было. Вероятно, данные погребения следует датировать, как и погребения в долинах рек Обусы и Иркута, не ранее XII в.

Итак, все описанные погребальные комплексы Ангаро-Ленской историко-культурной области, датируемые второй половиной I–начала II тыс. н.э., не содержат целых костяков или отдельных частей животных. Следовательно, появление в начале XII в. на территории Юга Средней Сибири погребального обряда с обязательным захоронением животных (лошадей, коров) можно связать только с миграциями нового населения с сопредельных территорий, а не с местными вариантами развития погребального обряда ангаро-ленских племен.

Чтобы выяснить, откуда все-таки пришли носители усть-талькинской культуры, необходимо провести сравнительный анализ погребального обряда захоронений конца I–первой половины II тыс. н.э., расположенных на сопредельных с Ангаро-Ленской областью территориях Сибири и Центральной Азии.

Байкальская историко-культурная область. Данная область включает в себя лесостепные и степные пространства побережья Байкала, о-в Ольхон и Тункинскую долину [Харинский, 2001б, с.3]. Байкальская историко-культурная область граничит с Ангаро-Ленской историко-культурной областью на юго-востоке, востоке, отделена от нее Приморским и Байкальским хребтами. Географически данная область соотносится с Прибайкальем [Гвоздецкий, Михайлов, 1978, с.337–338].

Анализ погребальных комплексов кочевников эпохи средневековья Байкальской историко-культурной области достаточно подробно дан в работах А.В. Харинского

[2001, 2001a, 20016]. Исходя из особенностей погребального обряда, исследователем выделено пять групп захоронений: черенхынские (V–IX вв.), куркутские (VIII–XIX в.), харандинские (конец VIII–середина XIV вв.), ангинские (XII–XV вв.) и сарминские (середина XIV–начало XV вв.) [2001, с.154–155; 20016, с.37].

Захоронения животных присутствуют в группах ангинских и сарминских погребений. Первое из них опубликовано И.В. Асеевым. Погребение располагалось недалеко от средневековых могильников в долине р. Анги в Приольхонье. Лошадь погребена в отдельной могильной яме под плоской овальной кладкой. Животное уложено на живот. Передние и задние ноги подогнуты. На лобной части черепа отмечено округлое отверстие, образованное ударом твердого предмета. Головой лошадь ориентирована на В. В зубах животного находилась удила [Асеев, 1980, с. 68–70; с.135]. Соотнести данное захоронение с раскопанными человеческими погребениями сложно, поскольку по описанию автора оно находилось в 50 (?) м от основного скопления могил. Захоронение лошади И.В. Асеев сравнил с Сэгэнутским, датировал X–XI вв. н.э. и соотнес с монгольскими племенами [1980, с.80, 135]. Данная датировка, основанная только на сравнении погребального обряда двух захоронений, вызывает сомнения. По нашему мнению, данное захоронение в долине Анги правильнее датировать XII–XIV вв., и если предположить, что погребение лошади находилось не в 50, а в 5 м, то его можно соотнести с могилой 6 Ангинского комплекса, расположенной в непосредственной близости к нему [Асеев, 1980, с.80]. К этой датировке склоняется и А.В. Харинский [2001, с.155], объединивший данные захоронения в ангинский тип. Теперь рассмотрим основные черты погребального обряда захоронений ангинского типа и сравним их с погребальным обрядом усть-талькинской культуры. Для погребений ангинского типа характерно:

— размещение могильников на западных, юго-западных склонах ущелий, у подножий сопок, реке на южных склонах сопок;

— обязательное наличие каменных надмогильных конструкций в виде плоской сплошной овальной или круглой кладки;

— труположение на спине, руки вдоль туловища;

— захоронения одиночные, внутримогильные конструкции представлены колодами, дощатыми ящиками-гробами, дощатыми рамами;

— ориентировка покойных головой на В, СВ;

— наличие в изголовье погребенных задней ноги барана.

Погребальный обряд усть-талькинской культуры и обряд захоронений ангинского типа имеет ряд общих черт — внутримогильные конструкции в виде колод и ящиков-гробов, ориентировка головой на северо-восток, присутствие одиночного захоронения коня. Однако погребения ангинского типа в Приольхонье изучены далеко неполно и обобщающих работ по ним практически нет. Поэтому пока можно только говорить об определенных культурно-этнических связях между усть-талькинцами и кочевниками Приольхонья в XII–XIV вв. Возможно, Приольхонье являлось определенной «буферной» зоной между носителями усть-талькинской культуры и населением Западного Забайкалья.

Второе погребение, в котором присутствовали останки коня, было раскопано М.А. Зайцевым на памятнике Куркут-1, погребение № 106. В могиле находился человек и части коня (шкура?). По сопроводительному инвентарю захоронение датируется VIII–X вв. [1992, с.58–59].

Третье погребение исследовано В.В. Свининым и М.А. Зайцевым на могильнике Сарма-III. Захоронение совершено на поверхности земли по обряду частичной кремации. Под плоской однослойной кладкой на глубине 25–30 см находились остатки

деревянной и берестяной конструкции, кости человека и коня. Исходя из радиоуглеродной даты, время совершения погребения определяется авторами раскопок серединой XI–XII вв. [Зайцев, Харинский, Свинин, 1995, с. 202]. А.В. Харинский выделил подобные захоронения в особую *сарминскую* группу погребений и датировал их серединой XIV–XV вв. н.э. [2001, с.49, 111].

Соотнести сарминскую группу могил и носителей усть-талькинской культуры сложно, поскольку у усть-талькинцев отсутствует обряд кремации, и захоронения имеют могильные ямы. Не совпадает и время существования этих двух культур. Вероятно, появление в сарминской группе могил коня объясняется сильным влиянием культурных традиций усть-талькинской культуры на племена Приольхонья в XII–XIV вв.

Еще одним могильником, где отмечено захоронение целого животного, является Тункинский. Могильник раскопан в 30-х гг. XX в. Б.Э. Петри. В 1937 г. Б.Э. Петри был репрессирован, и материалы раскопок Тункинского могильника исчезли. В нашем распоряжении имеется только краткое их описание и несколько фотографий, приведенных в монографии А.П. Окладникова, посвященной истории бурят-монгольского народа [1937, с.286–291]. Погребения Тункинского могильника имели плоские сплошные круглые и овальные каменные надмогильные сооружения. Захоронение производилось в колодах. Погребенные располагались вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Среди человеческих захоронений Тункинского могильника было отмечено одно (?) погребение барана под отдельной плоской кладкой. Сопроводительный инвентарь очень богат и разнообразен. В его состав входили плоские железные наконечники стрел, остатки сложносоставных луков, железные стремена, удила, остатки конской сбруи и седел, фрагменты одежды из шелка, серебряная чаша на ножке. К сожалению, мы не можем дать подробную характеристику погребального обряда и сопроводительного инвентаря Тункинского могильника в связи с отсутствием развернутых публикаций и самих предметов. По нашему мнению, обряд захоронения и предметный комплекс Тункинского могильника имеют прямые аналогии с группой могил часовенногорского типа Саяно-Алтая, которая датируется XIII–XIV вв. [Гаврилова, 1965, с.73–78]. А.П. Окладников связал Тункинский могильник с монгольскими племенами и датировал XIII–XIV вв. [1937, с.286]. Н.В. Именохоев включил Тункинский могильник в саянтуйский этап раннемонгольской культуры [1992, с.26].

Таким образом, наличие всего трех разновременных погребений исключает Байкальскую историко-культурную область как территорию формирования и распространения обряда погребения человека с конем. В то же время, наличие единичного погребения лошади на могильнике в долине Анги и захоронение барана на Тункинском могильнике свидетельствуют о тесных этнокультурных связях между усть-талькинцами и населением этих территорий в XIII–XIV вв.

Забайкалье. Традиционно территория Забайкалья делится исследователями на две больших историко-культурных области — Западное и Восточное Забайкалье. Условная граница между ними проходит по Яблоновому хребту.

Западное Забайкалье включает в себя степные и лесостепные пространства бассейна рек Селенги, Чикоя и Хилка. С конца I тыс. н.э. территория Западного Забайкалья входит в зону распространения раннемонгольской археологической культуры, в которой исследователи выделяют два этапа хойцегогорский (VII–X вв.) и саянтуйский (XI–XIV вв.) [Именохоев, Коновалов, 1985; Данилов, 1985; Коновалов, 1989, с.12–13; Именохоев, 1988; 1989; 1992; Арданов, 2001, с.77].

Основные черты погребального обряда раннемонгольской культуры следующие:

— могильники располагаются на юго-западных, южных, юго-восточных хорошо освещенных склонах гор и сопок, реже — на горных седловинах, гребнях и перевалах;

— каменные конструкции в виде мощных многослойных сооружений курганного типа (хойцегорский этап) и плоские сплошные овальные или круглые кладки (саянтуйский этап);

— захоронения покойных производились просто на грунте, в колодах, в дощатых ящиках-гробах, дощатых рамах, в берестяных пакетах;

— трупоположение на спине с поднятыми коленями, горизонтально вытянуто на спине, на левом-правом боку;

— ориентировка головой на С, СВ, В;

— наличие в могилах заднего бараньего «стегна» — берцовой кости задней ноги барана [Именохоев, 1992, с.27–29; Арданов, 2001].

Захоронения коней или коров на некрополях раннемонгольской культуры встречаются крайне редко. Два погребения шкуры коня (череп и кости ног) зафиксированы Е.А. Хамзиной при раскопках могильника Тапхар III [1970, с.36–38, 91]. Еще два погребения лошадей «без следов насильственной смерти» раскопаны на могильнике Енхор на р. Джиде [Именохоев, 1988, с.109]. Чаще среди могил раннемонгольской культуры встречаются целые захоронения баранов или овец. Так, среди погребений Телятниковского могильника и могильника Енхор, имеются захоронения баранов, которые располагались в могильных ямах на животе с подогнутыми передними и задними ногами [Именохоев, 1988, с.109; 1992, с.26; Хамзина, 1970, с.76–81]. Данная черта погребального обряда захоронений животных раннемонгольской культуры сближает ее с усть-талькинской.

К сожалению, подробного анализа погребального обряда раннемонгольской культуры не проводилось. Последняя небольшая работа Б.Ч. Арданова [2001, с.69–78], посвященная характеристике погребального обряда, не решает всех проблем, связанных как с выделением этой культуры, так и с характеристиками погребального обряда и сопроводительного инвентаря каждого выделенного этапа. Поэтому критерии, по которым выделена ранне-монгольская культура и два ее этапа, а также территория и памятники, которые входят в ее круг, неоднократно подвергались и подвергаются сомнению [Кызласов, Ивашина, 1989, с.50–51; Кириллов и др., 2000, с.68–69; Дашибалов, 2001, с.64; Харинский, 2001а, с.77–82]. В связи с этим на данном этапе исследования провести сопоставление и анализ погребального обряда и сопроводительного инвентаря раннемонгольской и усть-талькинской культур невозможно. Тем не менее, хотелось бы отметить определенные черты сходства отдельных элементов погребальной практики усть-талькинцев и носителей раннемонгольской археологической культуры на саянтуйском этапе ее существования:

— наличие сплошных плоских овальных каменных кладок;

— одинаковое трупоположение животных в могильных ямах (на животе с подогнутыми передними и задними ногами);

— внутримогильные конструкции в виде колод и ящиков-гробов;

— трупоположение покойных на спине с руками вдоль туловища;

— ориентировка головой на С, СВ.

На наш взгляд, это свидетельствует о тесных этнокультурных контактах данных культур в XII–XIV вв.

Восточное Забайкалье. Территория Восточного Забайкалья расположена к востоку от Яблонового хребта и включает в себя долины рек Ингоды, Онона, Шилки, Аргуни, Нерчи и Куэнги. На территории Восточного Забайкалья выделено три средневековых археологических культуры: бурхотуйская (IV–IX вв.), дарасунская (VI–IX вв.) и унду-

гунская (XII–XV вв.). Кроме выделенных культур на территории Восточного Забайкалья имеются отдельные захоронения и могильники раннемонгольской культуры XII–XIV вв.

Бурхотуйская культура. Бурхотуйская археологическая культура впервые была выделена А.П. Окладниковым на материалах погребальных комплексов раскопанных им на р. Онон в местности Бурхотуй [1960, с. 16–30]. Погребальный обряд носителей бурхотуйской культуры имеет следующие основные черты:

- могильники располагаются в узких распадах у подножий гор;
- мощные каменные трех-, четырехслойные надмогильные конструкции, округлые в плане, диаметром 2–3 м;
- наличие угольков и фрагментов костей животных в забутовке кладки и засыпке могильных ям;
- погребенные находились в простых грунтовых ямах без внутримогильных конструкций;
- трупоположение покойных вытянутое на спине, руки вдоль туловища, головой ориентированы на З, СЗ [Окладников, 1960; Ковычев, 1984, с.23–25; Кириллов и др., 2000, с.74].

Большинством исследователей бурхотуйская культура связывается с племенами отуз-татар (тюркских эпитафий) или шивей (китайских хроник) [Асеев и др., 1984, с.124–126; Ковычев, 1984, с.16–25; 1989, с.24; Кириллов и др., 2000, с.72, 75].

Дарасунская культура. Памятники этой культуры были выделены читинскими исследователями И.И. Кирилловым и Е.В. Ковычевым на материалах погребальных комплексов раскопанных возле станции Дарасун [Ковычев, 1984, с.25–33]. Погребальный обряд носителей дарасунской культуры имеет следующие основные черты:

- могильники располагаются в узких темных распадах у подножий гор или скальных выходов;
- слабые надмогильные выкладки подквадратной или подовальной форм;
- неглубокие могильные ямы, расположенные сразу под плитами кладок;
- захоронение людей производилось скорченно на правом или левом боку, головой на С или В;
- имеются кенотафы — могильные ямы без человеческих останков, но с сопроводительным инвентарем [Ковычев, 1983; 1988; Алькин, 1992, с. 48–51; Кириллов и др., 2000, с.68].

Этнически дарасунская культура соотносится большинством исследователей с тюркоязычными племенами байырку (байегу) [Ковычев, 1989, с.24–25; Худяков, 1989, с.29; Кириллов и др., 2000, с.69–71].

Погребальный обряд бурхотуйцев и дарасунцев не предусматривал обязательного захоронения вместе с человеком животного. Хотя отдельные кости баранов и лошади имелись в погребениях бурхотуйской культуры на начальном этапе ее развития [Коновалов, 1989, с.14].

Ундугунская культура. Даная археологическая культура выделена И.И. Кирилловым и Е.В. Ковычевым на материалах погребальных комплексов исследованных ими на оз. Ундугун в верховьях р. Хилок [Кириллов, Ковычев, 1976; Кириллов, 1979, с.75–78; 1983, с.123–138; Ковычев, 1984, с.50–58; Кириллов и др., 2000, с.76]. Погребальный обряд ундугунцев имеет следующие основные черты:

- надмогильные каменные конструкции, сложенные в два–три слоя в виде овала, диаметром 2–3 м;
- могильные ямы неглубокие, подпрямоугольной или овальной форм;

— внутримогильные конструкции представлены колодами, берестяными подстилками и пакетами, деревянными ящиками без дна;

— трупоположение горизонтально-вытянутое на спине, руки вдоль туловища, головой на С;

— имеются остатки ритуальной пищи в виде вертикально поставленной в изголовье задней ноги барана, а также наличие отдельных позвонков этого животного;

— наличие жертвенных кострищ с остатками углей и жженных костей животных под внешними каменными конструкциями [Кириллов, 1983; Кириллов и др., 2000, с. 76–77].

По мнению большинства исследователей, ундугунская культура этнически соотносится с лесными народами «дикими дада», «татарами» — тунгусоязычными племенами предками «конных эвенков» [Кызласов Л.Р., 1975а, с.172; Кириллов и др., 2000, с.78].

Раннемонгольская культура. Погребения раннемонгольской культуры на территории Восточного Забайкалья зафиксированы на могильниках Чиндант и Будулан, на Токчинском могильнике и могильнике на р. Брянке [Асеев и др., 1984, с.128–133], имеются они и на р. Керулен [Асеев, 1975, с.178]. Захоронения осуществлялись небольшими группами до 10 комплексов на восточных, юго-восточных склонах гор. Захоронения обозначены плоскими или округлыми каменными кладками, имеются и кольцевые надмогильные конструкции. Могильные ямы овальной или прямоугольной формы. Внутримогильные конструкции разнообразны: колоды, деревянные рамы, дощатые гробы, берестяные мешки. Имеются захоронения просто на грунте. Трупоположение погребенных — на спине с вытянутыми руками и ногами, головой ориентированы на С, СВ. В изголовье и ногах погребенных имелись поставленные вертикально трубчатые кости барана. В надмогильных перекрытиях или в заполнении могильной ямы нередко встречаются отдельные кости баранов и лошади [Асеев, 1975; Асеев и др., 1984, с.128–130; Худяков, 2002, с.155–156].

Два средневековых погребения по обряду захоронения человека и шкуры коня были раскопаны Верхнеамурской археологической экспедицией Читинского пединститута в 1884 г. на р. Онон, у с. Усть-Борзя, в местечке Улугуй. Они не соотносятся ни с одной из выделенных культур Восточного Забайкалья и, по мнению исследователей, принадлежат «...тюркоязычным пришельцам XI–XII вв., состоявшим на службе у монгольских ханов» [Ковычев, Беломестнов, 1986; 1988, с.153–154]. Оба захоронения располагались на южном склоне высокого террасовидного уступа р. Онон. На поверхности земли были обозначены каменными конструкциями подпрямоугольной формы с незаполненной серединой. Размеры конструкций: 3,4 × 1,8 м и 4,7 × 4, 7 м. Захоронения произведены в прямоугольных могильных ямах размером 2,1 × 1,1 м, глубиной 1–1,1 м. В засыпке ям зафиксированы следы прокала и мелкие древесные угольки. Костяки людей располагались в дощатых ящиках-гробах прямоугольной формы горизонтально-вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Головой ориентированы на СЗ. С левой стороны от человека, за забором из наклонно поставленных веток ивы и тополя (погребение № 1) и невысоких досок и чурок (погребение № 2) располагались кости коня (шкура) в зубах черепов находились удила, в средней части деревянных остовы седел. Ориентировка коней совпадает с ориентировкой человека — головой на СЗ. В северной части могил располагались жертвенные кости задней ноги барана. Сопроводительный инвентарь находился на крышке гробовиц и представлен берестяными кочанами с карманами-приемниками; стрелами из веток ивы и березы, древки которых были окрашены в красный цвет, наконечники железные плоские; бронзовыми серьгами; железной пряжкой; кресалом; железными удилами с кольчатыми псалиями; деревянными седлами окрашенными

в красный цвет и имеющими в полках железные пробои торока в виде простых колец [Ковычев, Беломестнов, 1986; 1988, с.142–152].

Таким образом, в конце I первой половине II тыс н.э. на территории Забайкалья обряд погребения человека и животных представлен отдельными захоронениями. Поэтому проникновение отсюда значительных групп населения с подобным обрядом на территорию юга Средней Сибири маловероятно. Скорее всего, происходило проникновение усть-талькинцев через Приольхонье на территорию Западного Забайкалья следствием этого было появление отдельных погребений лошадей и баранов на могильниках раннемонгольской культуры.

Саяно-Алтай и Обь-Иртышское междуречье. Саяно-Алтайское нагорье включает в себя предгорья и горные системы Алтая и Саян, Туву, Хакассо-Минусинскую котловину и Северную Монголию. Лесостепные пространства Обь-Иртышского междуречья расположены западнее Саяно-Алтая. Данные территории издревле имели достаточно тесные культурные связи.

Саяно-Алтай по праву является колыбелью обряда погребения человека с конем. Население этой территории практиковало данный обряд, начиная с раннего железного века. В VI–VIII вв. на территории Саяно-Алтая складывается мощное государство тюрков-тугю, известное в истории как I (552–630 гг.) и II (682–744 гг.) Тюркские каганаты [Могильников, 1981, с.29; Гумилев, 1993, с.26–41; Савинов, 1984, с.48–50, 60–61]. Тюрки активно практиковали обряд погребения с конем. В процессе их экспансии он распространился по всей территории каганата от Алтая до Причерноморья.

Тюрки-тугю хоронили умерших, возводя над могилами невысокие каменные курганные насыпи. Диаметр их колебался в пределах 6–10 м, высота составляла до 1 м (Катанда I, курган № 5–8; Катанда II, курган № 5 и др.). Иногда вокруг могил выкладывались каменные кольцевые сооружения (Кудыргэ, погребения № 2, 3, 5, 12, 13; Аймырлыг I VIII–52; Даг-Аразы II, курган № 14 и др.) [Гаврилова, 1965, с.54, 61; Овчинникова, 1990, с.10–11]. В отдельных случаях (Кудыргэ, погребения № 7, 9, 11) над могилами сооружались только незначительные кладки с меньшим диаметром, чем расположенные под ними могильные ямы [Гаврилова, 1965, с.28; Овчинникова, 1990, с.11]. Захоронения производились в прямоугольных или овальных ямах, глубиной 0,6–1,6 м, иногда с подбоем [Овчинникова, 1990, с.9]. На материалах могильника Кудыргэ А.А. Гаврилова выделяет четыре типа погребений: 1) человека с конем в одной могильной яме; 2) человека со сбруей, но без коня; 3) человека без коня и без сбруи; 4) кенотафы, содержащие захоронения лошади в сбруе, но без человека [Гаврилова, 1965, с.28, 58]. Покойников помещали в могилы на спине, в вытянутом положении, руки вдоль тела, иногда — на животе, головой на В, реже на ЮВ, юго-запад. Внутримогильные деревянные конструкции в большинстве погребений отсутствуют. Умершие снабжались ритуальной пищей в виде частей барана или овцы [Могильников, 1981, с.33]. Вместе с покойником в могилу укладывали верхового коня в сбруе, реже двух — трех коней. Конь отделялся от человека заборчиком из валунов, реже — из вертикально поставленных кольев. Кони в погребении лежали обычно на животе с подогнутыми передними и задними ногами, параллельно костяку человека слева, реже — справа от него. В большинстве случаев головами они ориентированы в ту же сторону, что и человек, но встречается ориентировка и в противоположном направлении. Иногда вместо лошади в могилу помещали овцу или барана [Савинов, 1982, с.103–112; Савинов, 1984, с.53–54, 61–70; Овчинникова, 1990, с.11].

В 742 г. господству тюрков-тугю на степных просторах Евразии пришел конец. Потерпев поражение от уйгуров, II каганат прекратил свое существование. Наступила

эпоха господства телесских тюркских племен. Власть на обширных пространствах Саяно-Алтая, Южной Сибири и Центральной Азии перешла к уйгурам, которые образовали Уйгурский каганат (745–840 гг.). Погребальный обряд уйгуров до конца не ясен. По мнению большинства исследователей, уйгуры хоронили своих умерших под небольшими земляными или каменными курганами, в катакомбах или неглубоких могильных ямах с подбоем. Погребенные располагаются на спине или на левом-правом боку. В могилах присутствуют кости коня (шкура), барана и собаки, имеются и целые костяки коней, расположенные слева от человека в одной могильной яме [Кызласов Л.Р., 1969, с.64–77; 1979, с.158–199; Худяков, Цэвээндорж, 1982, с.93–94; Савинов, 1984, с.86–88; Худяков, 2002, с.154–155].

В 840 г. закончились длительные войны между енисейскими кыргызами и уйгурами за господство в степях Центральной Азии. Кыргызы нанесли сокрушительное поражение Уйгурскому каганату, власть уйгуров закончилась и перешла к Кыргызскому каганату — наступил период «кыргызского великодержавия», который длился менее 100 лет (840–950 гг.) [Савинов, 1984, с.89–103; Длужневская, 1985, с.14–16; Худяков, 1986а, с.53–56]. Погребальный обряд кыргызов хорошо известен и достаточно полно освещен в научной литературе. Кыргызы на протяжении всей своей истории с V по XVII вв. практиковали обряд кремации трупа в небольших округлых, подпрямоугольных или квадратных могильных ямах либо на поверхности земли в бревенчатом срубе. Над местом кремации обычно насыпался небольшой каменный курган диаметром от 1 до 6 м и высотой до 1,5 м. Иногда захоронения сопровождалось поминальными каменными сооружениями овальной, подпрямоугольной конической форм. В могильных ямах фиксируются обожженные кости скелета человека и животного, разнообразные предметы сопроводительного инвентаря. На поздних этапах развития кыргызской культуры сопроводительный инвентарь зачастую располагался отдельно от основного захоронения в небольшой ямке-тайничке [Кызласов Л.Р., 1981, с.46–52, 54–59; Савинов, 1984, с.90–97; Длужневская, 1985, с.3–4; 1990; Худяков, 1986а, с.45–66; Митько, 1994].

В IX–XII в. на территории Саяно-Алтая появляются захоронения не только с целой тушей, но и со шкурой или чучелом коня, а также с предметами конской сбруи. Большинство исследователей связывают эти погребения с распространением кимако-кыпчакских племен, центр государства которых находился на Иртыше [Кумекоев, 1972, с.39–41; Савинов, 1984, с.114; Иванов, Кригер, 1988, с.55, 58; Могильников, 2002, с.78–81].

У кимаков в IX–XI вв., а позже у кыпчакских племен в XII–XIV вв., достаточно активно практиковался обряд погребения человека и лошади. Для его характеристики мы воспользуемся материалами могильников Еловка I и Басандайка [Матющенко, Старцева, 1970; Басандайка, 1947], а также материалами могильников Гилево, Корболиха, Павловка и Куравка [Могильников, 2002]. Эти объекты на сегодняшний день являются самыми изученными и наиболее полно опубликованными.

Могильник Еловка I расположен на левобережье р.Оби, на юге Томской области. Раскопами вскрыто семь погребений в шести курганах с земляными насыпями, пять из которых впускные в курганы эпохи бронзы. Умершие лежали на спине в неглубоких могильных ямах на берестяной подстилке, головами ориентированы на С, СЗ, СВ. Сверху тела покрывали берестой или деревянными плахами. Четыре погребения сопровождалось захоронениями коней. В парном погребении было две лошади, в одиночных — по одной. В женских и детских погребениях животные отсутствовали. В трех случаях скелеты коней располагались под погребениями людей в углублении на дне могильной ямы; в одном случае конь находился над захоронением человека. Внутри могил трупы

коней отделены от умерших людей перегородкой из горизонтально положенного одного бревна. Данные захоронения датируются XI–XII вв. [Матющенко, Старцева, 1970; Могильников, 1981, с.101].

Могильник Басандайка расположен на правом берегу р. Томи в 7 км от г. Томска. Захоронения производились под земляными курганами. Под одной курганной насыпью находилось сразу несколько могил, относящихся, по мнению автора раскопок, к трем хронологическим периодам: 1) погребения нижнего горизонта — XI–XII вв.; 2) погребения верхнего горизонта (впускные) — XIII–XIV вв.; 3) впускные масульманские захоронения — XVI–XVII вв. [Басандайка, 1947, с.153]. Погребения по обряду захоронения человека и коня относятся к «нижнему горизонту».

Захоронения нижнего горизонта. Отмечено два способа: 1) труположение и 2) трупосожжение с последующим захоронением. Костяки находились в неглубоких овальных могильных ямах: а) просто на грунте; б) на каменных плитах; в) на войлоке; г) на берестяной подстилке; д) на берестяной подстилке, с дополнительным покрытием костяка берестой; е) в берестяных прошитых пакетах; ж) в деревянных дощатых ящиках-гробах. Труположение на спине, руки вдоль туловища, головой ориентированы на В, ЮВ, Ю. У головы и в ногах покойников имелись остатки ритуальной пищи в виде отдельных костей барана или овцы. В шести погребениях обнаружены захоронения частей коня: черепа и ног; в девяти погребениях — части конской упряжи. Захоронения частей коня производилось: а) в одной могильной яме, слева от человека; б) в одной могильной яме, над скелетом человека; в) в отдельной могильной яме, параллельно погребению человека [Басандайка, 1947, с.157–161].

Одно захоронение, относящееся к XI–XII вв. и сопоставимое с кимако-кыпчакскими племенами, раскопано в Северной Монголии Л.А. Евтюховой. Погребение Л Хушот-Худжиртэ совершено в грунтовой могильной яме под плоской кладкой прямоугольной формы. Умерший лежал на спине в деревянном дощатом гробу. Головой костяк ориентирован на З. Параллельно ему, слева, с той же ориентировкой выявлены голова и конечности коня. Первоначально погребение было датировано автором раскопок IX в. [Евтюхова, 1957, с.217–220]. Позднее его датировка по результатам анализа сопроводительного инвентаря и обряда погребения была пересмотрена [Могильников, 1981, с.192].

Курганные могильники Гилево I–XVI, Корболиха II–X, Павловка II и Кураевка I расположены на правобережье р. Алей в Локтевском и Третьяковском районах Алтайского края. Курганы находятся на длинных мысовидных уступах р. Алей, объединены в небольшие группы и вытянуты цепочками в направлении с С на Ю. Все курганы имеют каменно-земляные насыпи диаметром 6–12 м, высотой 0,15–0,6 м. Под насыпями на уровне древнего почвенного горизонта фиксируются каменные конструкции в виде прямоугольных оград и колец, плоских панцирных кладок. Могильные ямы простые широкие подпрямоугольной формы, рассчитанные на совместное погребение человека и коня. Крайне редко наблюдаются ямы с подбоями. Сверху могильные ямы закрывались перекрытиями из плах или горбылей. Стенки и дно некоторых ям выложены плитняком. Внутримогильные конструкции либо отсутствуют, либо представлены колодами. Погребенные располагались горизонтально-вытянуто на спине, руки вдоль туловища. Головой ориентированы на В, СВ. Наблюдаются остатки ритуальной пищи в виде отдельных костей баранов и лошадей, которые располагались обычно сбоку, в ногах погребенных или у плеча, в изголовье. Зафиксировано пять вариантов расположения лошади или частей коня (черепа и кости ног) по отношению к человеку: 1) рядом и на одном уровне с покойным; 2) слева и справа от человека (два коня); 3) на ступеньке

высотой до 0,7 м от дна ямы; 4) в углублении на дне могильной ямы под захоронением человека; 5) в отдельных могильных ямах, рядом с захоронением человека. Все лошади располагались в могильных ямах на животе с подогнутыми передними и задними ногами, отдельные костяки слегка завалены на сторону. Обычно животные имеют такую же ориентировку, что и покойные, но встречаются погребения коней с противоположной человеку ориентировкой. Отдельные курганы представлены двумя вариантами кенотафов; 1) захоронения взнузданных и оседланных коней; 2) захоронение предметов конского снаряжения (конь и человек отсутствовал). Сопроводительный инвентарь располагался рядом с покойными в могильных ямах и представлен берестяными колчанами, железными наконечниками стрел, ножами, кресалами, пряжками, бронзовыми зеркалами, бусами и пр. [Могильников, 2002, с.68–81].

Сравнивая погребальный обряд кимако-кыпчакских племен X–XII вв. и погребальный обряд усть-талькинской культуры, можно выделить целый ряд схожих элементов:

- могильники занимают господствующие высоты над долинами рек;
- наличие кольцевых каменных надмогильных сооружений;
- разнообразные виды внутримогильных конструкций: на грунте, в колоде, в дощатых ящиках-гробах и пр.;
- идентичное положение костяков — горизонтально-вытянутое на спине, руки вдоль туловища;
- преимущественная ориентировка погребенных головой на С, СВ, В;
- наличие ритуальной пищи в виде костей барана (ноги, части позвоночника);
- идентичное трупоположение лошади в могильной яме — на животе с подогнутыми ногами;
- разнообразие в размещении коня: а) в одной могильной яме рядом с человеком; б) в одной могильной яме над захоронением человека; в) в отдельной могильной яме рядом с погребением человека; г) в одной могильной яме под захоронением человека;
- детские погребения не сопровождаются захоронениями животных;
- наличие кенотафов.

Из данного сравнения следует, что погребальный обряд тюркских (кимако-кыпчакских) племен наиболее близок захоронениям усть-талькинской культуры. Объединяет эти группы и хронологические рамки существования этих этнических общностей — XII–XIV вв.

ЭТНИЧЕСКАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ УСТЬ-ТАЛЬКИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ. ТУМАТЫ, ХОРИ И УСУТУ-МАНГУН

Этнокультурная принадлежность погребальных комплексов по обряду захоронения человека и коня трактуется исследователями по-разному.

Е.Ф. Седакина считала, что могильник Усть-Талькин принадлежит одному из «...монголоязычных племен, сыгравших роль в образовании бурятской народности» [1965, с.201–202].

А.П. Окладников соотнес захоронения Усть-Талькина с бурятскими племенами Приангарья [1958, с.25; 1971, с.20], а Сэгенутский могильник — с первыми монгольскими переселенцами в Предбайкалье [1937, с.283; 1958а].

Его точку зрения на вопросы этнической принадлежности Усть-Талькина разделил Б.Б. Дашибалов, предлагая «...рассматривать Усть-Талькин как могильник, оставленный племенным объединением булагатов — одним из основных бурятских племен...» [1989, с.66–67; 1999, с.104]. Касаюсь Сэгенутского могильника, исследователь говорит следующее: «Судя по погребальному обряду — захоронению коня в отдельной

яме — Сэгенутский могильник сопоставим с бурятскими погребениями XVI–XVII вв.» [2000; 2001, с.59]. Исследователь не отрицает процесса миграции тюркских племен в Предбайкалье и далее в Якутию с Саяно-Алтая и Обь-Иртышского междуречья, но относит его к более позднему времени — XVI–XVII вв. [1999, с.104, 106].

Якутские ученые высказались за тюрко-кыпчакскую принадлежность могильников Усть-Талькин и Сэгенутский. Так, И.В. Константинов считал, что «...обряд погребения с конем в Сибири ... этнический признак тюркских народов» и что «...в эпоху монголов в Прибайкалье продолжали обитать или вновь появились какие-то тюркские племена...» [1970, с.192–195]. А.И. Гоголев, соглашаясь с И.В. Константиновым по вопросу тюркской принадлежности данных захоронений, связал появление погребений с конем в Приангарье с миграциями кимако-кыпчакских племен [1986, с.72]. И.В. Константинов считал, что якутские погребения XVIII в. по обряду захоронения человека и коня в отдельных могильных ямах генетически связаны с погребениями Усть-Талькина. Мигрировав в XIV–XV вв. на Среднюю Лену, данные группы племен приняли самое активное участие в сложении якутского этноса [1970, с.183–196; 1975, с.136–139].

Несколько обособленно выглядит точка зрения Н.И. Именохоева. Объединяя средневековые погребальные комплексы Западного Забайкалья в рамках раннемонгольской археологической культуры, он посчитал возможным распространить ее на территорию юга Средней Сибири. В качестве основного аргумента в пользу включения могильников Усть-Талькин и Сэгенутский в саянтуйский этап (XII–XIV вв.) выделенной культуры исследователь выдвинул наличие в отдельных захоронениях этих могильников ритуальных костей барана, а также наличие захоронений коней и коров [1989, с.59–60; 1992, с.26, 34–35, 45–46].

Так все же, с каким из народов или племен можно соотнести усть-талькинскую культуру? Кто мог принести в Предбайкалье культурные традиции, связанные с обрядом погребения человека и животного? По нашему мнению, таким племенем могли быть *туматы*.

Туматам, как одному из племен, оказавших упорное сопротивление Чингисхану, уделено много внимания в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина, «Сокровенном сказании монголов» и «Алтан тобчи». В «Сокровенном сказании...» и «Алтан тобчи» они упоминаются вместе с еще одним племенем *хори* под общим этнонимом *хори-туматы*.

По Рашид-ад-дину, туматы принадлежали к народностям, «которых в настоящее время называют монголами, однако в начале их название не было таковым» [1952, с.77]. «Оно... ответвилось [от] родственников и ветви баргутов» [1952, с.122]. «Местопребывание этого племени было поблизости вышепоименованной [местности] Баргуджин-Токум. [Туматы] жили в пределах страны кыргызов и были чрезвычайно воинственным племенем и войском» [1952, с.122]. Рашид-ад-дин указал на то, что в древности туматы обитали в Восьмиречье [Секиз-мурэн], где ныне обитают ойраты [1952, с.118]. Предводитель туматов Тайтула-Сокар (Дайдухул-Сохор) явился к Чингисхану «покорился и смирился [перед ним]» [1952, с.122]. Все было бы хорошо, но Чингисхан позволил одному из своих нойонов-темников Хорчи взять себе в жены тридцать самых красивых туматских девушек. Такой заслуги Хорчи-нойон удостоился за то, что в годы юности предсказал Тэмучжину, что он будет «царем царства» [Сокровенное сказание..., 1990, с.44, 104]. Туматы восстали, захватили Хорчи-нойона и оставили у себя в плену [Лубсан Данзан, 1973, с.185; Сокровенное сказание..., 1990, с.119–120].

Узнав о пленении Хорчи, Чингисхан и послал к туматам Худуху-беки, своего зятя, нойона племени ойратов, поскольку он был известен как «хороший знаток Лесных на-

родов» [Лубсан Данзан, 1973, с.186; Сокровенное сказание..., 1990, с.120]. Но у Худухе-беки ничего не получилось, он тоже был схвачен и пленен.

«Тогда Чингисхан приказывает отправиться [туда] Ная-найону из племени баарин; [но], сказали что он болен. [Тогда] он послал Борогул-нойона» (Борохул-нойона) [Рашид-ад-дин, 1952, с.122]. В это время туматами правила по смерти мужа Дайдухул-Сохора — Ботохой-Толстая (Ботохуй Тархун). «Борогул-нойан, дойдя до [земли туматов] вместе стремя воинами-телохранителями отправился впереди войска. Когда вечером они шли, стараясь незаметно пройти по тропинке в густой чаще, за ними по следам шел караул туматов, окружил [их], внезапно напал на них и, захватив Борохул-нойана, убил его» [Лубсан Данзан, 1973, с.185].

Узнав о гибели Борохул-нойона, Чингисхан страшно разгневался, и сам собирался отправиться в военный поход на туматов. Отговорили его Богурчи и Мухули. В поход был отправлен Дорбо-Докшин с суровым повелением: «В строгости держи войско и попробуй, молясь Вечному Небу, покорить Туматское племя» [Сокровенное сказание..., 1990, с.119]. Дорбо-Докшин распорядился «по тропе, где раньше шли войны Борохула, были в узких проходах расставлены охранявшие путь караулы, медленно продвигавшиеся вперед. Он распорядился, чтобы воины прошли тропой через [ущелье] Улан-Буха. Тем из воинов, кто боялся идти, он велел дать по десять палок, остальным приказал топорами, тесаками, пилами, долотами срезать и спиливать деревья, находившиеся у тропы, которая проходила через Улан-Буха. Когда путь был проложен и они вышли на вершину горы, то неожиданно напали сверху на туматов, сидевших в своих юртах и пировавших» [Лубсан Данзан, 1973, с.185]. «Замирив окончательно туматский народ, Дорбо отдал сотню Туматов семейству Борохул-нойона в возмещение за смерть его. Хорчи набрал себе тридцать девиц, а Ботохой-Толстую он отдал Худухе-Беки» [Сокровенное сказание ..., 1990, с.120].

Туматы не успокоились и «спустя двенадцать лет, в год барса (1218 г.), восстало одно из племен тумат, сидевшее в Баргуджин-Токуме и Байлуке». Для подавления непокорных, монголы потребовали от кыргызов войска, но те не дали и тоже восстали [Рашид-ад-дин, 1952, с.151]. По мнению Л.Р. Кызласова, разразилась настоящая война, которая привела фактически к повторному завоеванию монголами Саяно-Алтая [1969, с.134].

Возможно, туматы восставали и позже, поддерживая кыргызов, но в летописях об этом уже не сообщается.

Итак, письменные источники указывают, что туматы проживали поблизости от страны Баргуджин-Токум, в пределах страны кыргызов. По поводу локализации Баргуджин-Токума существует достаточно много литературы и разнообразных во многом пересекающихся точек зрения. Большинство исследователей сходятся во мнении, что под Баргуджин-Токумом следует понимать территорию Южного Прибайкалья, Западного и Центрального Забайкалья [Грум-Гржимайло, 1926, с.415–416; Окладников, 1937, с.276; Вайнштейн, 1961, с.29–30; Потапов, 1969, с.161; Савинов, 1973а, с.26; Ксенофонтов, 1993, с.129–161; Худяков, 1989, с.31; Зориктуев, 1997, с.23; Харинский, 2001а, с.29]. Только, пожалуй, Т.Д. Скрынникова предложила более узкие географические рамки — Баргузинский хребет и долину реки Баргузин [1993, с.41].

В моем понимании, Баргуджин-Токум — это прежде всего горная область Восточного Саяна, Южного Прибайкалья и Западного Забайкалья с включением Баргузинского хребта и долины р. Баргузин. Территория Предбайкалья не входила в Баргуджин-Токум, но граничила с ним на юге и юго-востоке. На востоке их разделяло оз. Байкал. Таким образом, туматы проживали в северных пределах Баргуджин-Токума, восточнее кыргызов, т.е. на юге Средней Сибири.

Подтверждает этот вывод и сообщение Рашид-ад-дина о том, что туматы «живали в пределах страны кыргызов» [1952, с.122], а также данное им описание месторасположения г. Кикас в устье р. Ангары, «где она и река Кем сливаются вместе. Город тот принадлежит к области кыргызов» [Рашид-ад-дин, 1952, с.102]. По нашим данным, в IX–XI вв. население юга Средней Сибири, особенно проживавшее на территории Южного Приангарья, испытывало на себе значительное давление кыргызского каганата. Об этом свидетельствуют найденные в Приангарье погребения по обряду кремации на поверхности земли, предметный комплекс которых (как и сам обряд) имеет прямые аналогии в кыргызских материалах [Николаев, Белоненко, 1996, с.120–121; Николаев и др., 2002, с.88–89]. Это подтверждают и наскальные изображения всадников, во многом схожие с кыргызскими петроглифами [Николаев и др., 2002, с.89]. Таким образом, Рашид-ад-дин, описав местопребывание туматов в «пределах страны кыргызов» поблизости от Баргуджин-Токума, дал нам возможность достаточно точно определить места кочевий туматов — юг Средней Сибири.

Интересным фактом, несомненно заслуживающим самого пристального внимания, является указание Рашид-ад-дина, что туматы в древности, проживали в верховьях Енисея, т.е. в Саяно-Алтае, на землях, которые в начале XIII в. принадлежали ойратам [1952, с.118]. Очевидно, что пришедшие в X–XI вв. ойраты вытеснили большую часть туматов с их территории. Анализируя погребальный обряд носителей усть-талькинской культуры, мы пришли к выводу, что наиболее вероятным центром распространения погребений с конем на территорию юга Средней Сибири было Саяно-Алтайское нагорье. Проживавшие в X–XI вв. в Саяно-Алтае туматы вполне могли практиковать данный обряд погребения и принести его с собой на новую родину.

Обряд погребения с конем, как мы рассматривали выше, свойственен тюркским народам, поэтому у нас есть все основания считать туматов тюркоязычным племенем. Постоянное упоминание в «Сокровенном сказании монголов» и «Алтан тобчи» не просто туматов, а хори-туматов свидетельствует о том, что пришедшие туматы застали проживавших на данной территории (или рядом с ней) хоринцев. Вероятно, сложился племенной союз, в котором «первую скрипку» играли туматы. К таким же выводам пришел и Ц.Б. Цыдендамбаев, анализируя бурятские исторические хроники и родословные [2001, с.167]. По мнению ученого, «...при употреблении двойных этнонимов монголоязычные народы на втором месте обычно располагают общее (или ведущее) название, а на первом — частное (или ведомое) название. Это можно видеть на примере таких сочетаний, как ойрод монгол, чахар монгол; хори буряад, хонгоодор буряад...» и далее «хори-туматы представляли союз племен, состоящий из туматов-тюрков, занимавших ведущее положение в союзе, и хоринцев протомонгольского происхождения, находившихся в зависимом положении» [2001, с.167].

Первым, кто выдвинул предположение о проживании туматов в XII–XIV вв. на территории юга Средней Сибири и попытался это аргументировать был Г.В. Ксенофонов [1993, с.413; 1993а, с.153–161]. Во многом мы согласны с его работками и можем подвести под них «археологическую базу» в виде усть-талькинской культуры.

Близкой точки зрения на расселение туматов придерживался и Г.Н. Румянцев, считая, что они проживали вместе с хори в районе современного г. Нижнеудинска, т.е. в северных предгорьях Восточных Саян [Румянцев, 1962, с.140].

По мнению Комаи Есиаки, туматы проживали в верховьях Селенги, в районе современного Хубсугульского аймака МНР [Кычанов, 1980, с.143].

А.В. Харинский считает, что туматы в XI–XII вв. занимали Дархатскую котловину, северное и западное побережье оз.Хубсугул. В начале XIII в. часть туматов «вместе с булагчинами и кэрэмучинами переселилась в Приангарье» [2001а, с.41–42].

Ряд исследователей придерживаются мнения, что туматы вообще не являются народом. Так, Г.Д. Санжеев, рассматривая историю этнонима «тумат», связал появление этого слова с термином военно-административного характера — тумэн — «десять тысяч» [1983, с.61–64]. С его мнением согласился Д.Д. Нимаев, считая, что нет оснований рассматривать хори и туматов как два совершенно разных народа, поскольку никакого племенного союза не было. «Хори и туматы, это как бы этнонимы — синонимы, обозначающие одно этническое целое...» и далее «сочетание *хори-тумат* может быть использовано как «хоринские туматы» ... вполне могли быть и другие туматы (тумэты), скажем, баргутские, урянхайские и т.д. Термин *тумэт*, первоначально выступает как обозначение воинского союза, со временем стал восприниматься и как этническое наименование». [Нимаев, 2000, с.27–28].

На наш взгляд, подобное толкование термина неверно. Трудно себе представить, что живший в XIII в. Рашид-ад-дин слабо себе представлял военно-административную систему монгольской империи и спутал *туман*, обозначающий 10 тысяч единиц войска, с названием племени *тумат*. На страницах его труда неоднократно присутствует упоминания о туманах как военных единицах монголов и о найонах-темниках, командовавших ими [1952, с.98, 99, 159, 170; 1952а, с.266–280; 1960, с.21–22, 172–173]. Также сложно представить, что анонимный автор «Сокровенного сказания монголов», датированного 1240 г., или Лубсан Данзан, написавший «Алтан тобчи» в XVII в., смешали в одно целое этническое название народа и воинскую единицу. Нет, и в том и другом произведении хори-туматы выступают как народ, а 10 тысяч войска называется *тьма*, *түмэн* [Сокровенное сказание..., 1990, с.103–104, 111, 113; Лубсан Данзан, с.156–157, 163]. Одним из доказательств, что туматы являлись отдельным народом, служит упоминание о них Плано Карпини, как об одном из покоренных монголами племен [1997, с.60].

Живым свидетельством существования туматов является и наличие среди южных алтайцев, тувинцев и якутов родов под названием Тумат и местностей под названием «Туймаада»-и «Тумат чазызы» [Окладников, 1955, с. 368, рис. 102; Долгих, 1960, с.394, 464, 469; Потапов, 1969, с.161, 1969а, с.49–51, 56–57, 76; Бутонаев, 1983, с.72; Серошевский, 1993, с.207; Ксенофонтов, 1993, с.276–277, 288, 295, 411–412; Зориктуев, 1997, с.27]. Значительное место туматы занимают и якутском фольклоре [Константинов, 1975, с.158–160; Ксенофонтов, 1977, с.174, 198, 211, 215–217; 1993а, с.67, 71–73, 75, 108–109].

Теперь попробуем разобраться с еще одним племенем — хори. В отличие от туматов они были удостоены гораздо большего внимания ученых. В своей обобщающей монографии Б.Б. Дашибалов, делая попытку этнической идентификации археологических культур Байкальской Сибири, пришел к выводу, что в XI–XIV вв. на территории Предбайкалья сложился племенной союз из остатков курыкан и мигрировавшим сюда в X–XI вв. монголоязычным племенем хори [1995, с.155–165]. В XVI–XVII вв., по мнению исследователя, происходит еще одна волна миграции тюркских племен с Саяно-Алтая и Обь-Иртышского междуречья, свидетельством которой и являются захоронения по обряду человека и коня, принадлежащие булагатским родам бурят. Далее эти переселенцы появляются в Якутии, сохраняя «свои старые обычаи — западной ориентировки умерших и погребения коней» [1999, с.104]. Что касается туматов, то исследователь приводит мнения Г.Д. Санжеева и Д.Д. Нимаева, вероятно, склоняясь к их позиции.

Основой данной схемы Б.Б. Дашибалова послужила работа Г.Н. Румянцева о происхождении хоринских бурят [1962]. В своей монографии Г.Н. Румянцев суммировал

ранее высказанные В.В. Бортольдом, А.П. Окладниковым и другими исследователями предположения об отождествлении этнонимов «кури, кули» или «фури» арабских авторов X–XIII вв. (Гардизи, Марвази, Худуд ал-алам) с племенным монголоязычным объединением «хори» [Бартольд, 1897, с.110; Окладников, 1948, с.5–7; 1963, с.280–281]. Ученый выстроил непрерывную цепочку происхождения хоринских бурят: курыканы — кули, кури (фури) — хори — хоринцы, отстаивая и пытаясь обосновывать их монголоязычность [Румянцев, 1962, с.122–123, 126–128, 132].

Недостатком, а точнее слабым звеном концепции Б.Б. Дашибалова является отсутствие на территории юга Средней Сибири погребальных комплексов XI–XIV вв., которые можно было соотнести с племенным объединением хори, а также неверное определение датировки и, следовательно, времени появления погребений с конем на территории Предбайкалья [Дашибалов, 1989, с.67; 2000]. В результате, основными памятниками данного периода (XII–XIV вв.) на территории Ангаро-Ленской историко-культурной области у исследователя стали городище Улан-Бор и поселения Унгинское и Усть-Талькин [1995, с.25–39]. Верхний культурный горизонт этих памятников Б.Б. Дашибалов, датировал XII–XIV вв., а на основе сходства керамики из верхнего (XII–XIV вв.) и нижнего (VI–X вв.) горизонтов получилось культурное единство которое, по его мнению, и свидетельствует о непрерывном развитии курумчинской археологической культуры курыкан и хори [1995, с.172–173].

Несколько иную точку зрения высказал А.В. Харинский. Анализируя письменные источники, касающиеся населения Предбайкалья во второй половине I — первой половине II тыс. н.э., ученый пришел к выводу, что племена гулигань (курыканов) в VI–X вв. вероятней всего, заселяли Тункинскую котловину и Кударинские степи [2001а, с.14]. «Во второй половине X в. представители племени фури расселились к северу от кыргызов», т.е. на Среднем Чулыме, другая часть «фури-курыкан оставалась жить на своих исконных землях в Тункинской долине» [2001а, с.26]. Таким образом, курыканы и фури были выведены исследователем за пределы Предбайкалья в Тункинскую котловину и Южное Присяянье, где они проживали вместе с потомками дубо — туматами и упоминаются в «Сокровенном сказании монголов» под этнонимом хори-туматы [2001а, с.40]. Необходимо сказать, что археологических памятников, подтверждающих концепцию А.В. Харинского, пока не выявлено. Это отметил и сам исследователь, предлагая рассматривать ее как одну из вероятных гипотез [2001а, с.42].

Третье племя, расселение которого связывают с территорией Приангарья, называется усуту-мангун. По Рашид-ад-дину данное племя проживало на реке «Анкара-мурэн». «Река эта чрезвычайно большая; на ней живет одно монгольское племя, которое называют усуту-мангун. Границы его расселения соприкасаются с [пропущено название страны]. Та река [Ангара] находится вблизи города по имени Кикас и в том месте, где она и река Кэм сливаются вместе. Город этот принадлежит к области кыргызов. Утверждают, что эта река [Ангара] течет в одну область, по соседству с которой находится море. Повсюду [там] серебро. Имена этой области: Алафтин, Адутан, Мангу и Балаурнан. Говорят, что лошади их [тамошних народов] все пегие [ала]; каждая лошадь сильная, как четырехгодовалый верблюд; все инструменты и посуда [у населения] из серебра. [В этой стране] много птиц» [1952, с.102].

По мнению А.В. Харинского, при описании р. Ангары Рашид-ад-дин допускает неточность, и вместо словосочетания: «эта река [Ангара] течет (выделено мной — В.Н.) в одну область, по соседству с которой находится море», следовало бы читать: «эта река [Ангара] **вытекает** (выделено мной — В.Н.) из одной области, по соседству с которой находится море» [2003, с.106]. Море, которое упоминает Рашид-ад-дин, А.В. Харинский

связывает с оз. Байкал [2003а, с.106–107]. Далее, на основе исправленной ошибки в летописи Рашид-ад-дина, исследователь высказывает предположение о расселении племени усуту-мангун (поскольку они были скотоводами и разводили прекрасных лошадей) в лесостепной зоне Южного Приангарья [2003а, с.107].

Такое предположение вполне уместно, однако, следует отметить, что лесостепные участки, вполне пригодные для занятия скотоводством, находятся не только в унгино-осинских степях, а также севернее в Ангаро-Окинском междуречье (Средняя Ангара). Данная область значительно ближе к месту слияния Ангары и Енисея, и соответственно, к городу Кикас. Поэтому, усуту-мангуны, вероятнее всего, проживали на лесостепных пространствах Средней Ангары.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что археологических памятников, в первую очередь погребальных комплексов, которые можно было бы смело соотнести с племенем хори и усуту-мангун, на территории юга Средней Сибири пока не выявлено. Можно предположить, что часть погребальных комплексов усть-талькинской культуры, соотносимая нами с туматами, принадлежат также и этим племенам. До появления новых данных, думаю, что данное предположение вполне уместно.

Полученные радиоуглеродные даты на данном этапе исследований ограничивают усть-талькинскую культуру XIV — началом XV в. н.э. Погребений человека с конем, которые могли бы датироваться XVI–XVII вв., на территории юга Средней Сибири пока не выявлено. Логично будет предположить, что в середине XV в. в Предбайкалье проникают новые племена, которые и составили ядро бурятского этноса.

Раскопанных погребений бурят по обряду захоронения человека и коня XVII–XVIII вв. в Предбайкалье и Забайкалье пока не найдено, есть только письменные свидетельства подобного обряда в работах М. Татарникова, И.Г. Георги, П.Е. Кулакова [Татарников, 1958, с.20; Георги, 1799, с.36; Кулаков, 1898, с.40]. Наиболее полно, на наш взгляд, обряд погребения с конем у бурят описал И.Г. Георги «...ныне зарывают в землю всех ... в могиле кладут лицом к югу. При погребении ведут обыкновенно к могиле самую лучшую верховую лошадь покойника или покойницы во всей сбруе, убивают оную там обухом и для употребления на том свете бросают в покойникову могилу» [Георги, 1799, с.36]. Приведенное описание погребального обряда бурят конца XVIII в. во многих чертах совпадает с обрядом захоронений усть-талькинской культуры. На основании этого можно предположить, что туматы участвовали в формировании бурятского этноса. Не противоречат этому и данные антропологического анализа черепов из погребений Усть-Талькина, проведенного И.И. Гофманом [Гофман, 1959; 1963].

В большей степени туматы повлияли на сложение якутского этноса. Об этом свидетельствуют погребения с конем, раскопанные в центральных районах Якутии. Думаю, будет уместно, в виду крайней важности данной проблемы, остановиться на этом подробнее.

Начнем с письменных свидетельств. Прекрасное описание похорон богатого якута начала XVIII в. имеется у Я.И. Линденау: «...на восточной стороне могилы богатого тойона, в ногах покойника, вырывали отдельную яму, куда сбрасывали до смерти зачеченную лошадь со сбруей. В яме, находившейся немного подалее от могилы, закапывали двух лошадей. После этого гроб закапывали. По углам могилы вбивали шести с насаженными на них деревянными изображениями птиц, которые назывались *ёлю суора-тураага* — вороны смерти. Они якобы сопровождали душу покойника. Затем, стреножив, валили на землю несколько кобыл, вспарывали им брюхо и вырывали сердце. Снятые шкуры вешали на деревья. Мясо варили, жарили и съедали. После этого все расходились по домам. Участники похорон снова собирались у могилы через семь

дней. Они сооружали над ней сруб. В этот день тоже забивали несколько кобыл и мясо съедали. С одной стороны могилы втыкали столько выгоченных и зазубренных стрел, сколько было закопано коней с покойным, с другой — столько таких же стрел, сколько съедено кобыл» [1983, с.41].

Краткое описание подобного обряда присутствует в ответах неизвестного якутского информатора на запросы Татищева: «В прежние годы обычность была, что с умершим господином верных из его слуг погребали ... а за умершим господином лошадей бьют и особливо погребают около его, а седло и всю збрую конскую и ево зимнюю и летнюю одежду, лук с приправою, котел и всякую посуду кладут при нем в одну могилу и помышляют, что на оном свете ездить будет на лошаде, а человек ему служить, а положенное ему платье носить, а съесное есть ...» [Цит. по: Окладников А.П., 1955, с.384].

Одно из сообщений о существовании у якутов обряда погребения человека с конем приводит А.П. Окладников: «в Бестяхском наслеге Нюрбинского района в аласе Балыга Суох известна могила *чардааттаах дьахтар унуоһа*, в которой погребена знатная женщина с семью лошадьми и рабом-конюхом» [1955, с.385].

Все вышеприведенные письменные свидетельства получили полное подтверждение археологическими материалами. В настоящее время на территории Якутии раскопано около 20 погребений по обряду захоронения человека и коня [Константинов, 1975, с.136–137, 183–184; 1975а; Гоголев, 1990, с.88–89; 1993, с.100–103; Васильев, 1995, с.39].

Якутские погребения имели наземные деревянные конструкции, от которых сохранились отдельные столбы. Погребения отличаются достаточным разнообразием. Среди них можно выделить следующие варианты размещения человека и лошади:

- конь или кони лежат в отдельной яме в 18–24,5 м перед могилой человека, на боку — правом, левом, ноги подогнуты, головой ориентированы на запад. Один из коней обычно является верховым, т.е. взнуздан и оседлан;

- человек и конь в одной могильной яме. Ориентированы в одну сторону — головой на З;

- человек в одной могильной яме со шкурой коня (череп и четыре конечности), помещенной в подбой. Ориентированы головой на В;

- отдельное погребение по обряду кремации взнузданного и оседланного коня у оз. Коеллярики.

Захоронения людей производились в дощатых ящиках-гробах либо долбленых колодах. Труположение — вытянуто на спине, руки вдоль туловища, головой на З. Сопроводительный инвентарь однотипен и представлен конской упряжью, медным котелком, деревянными чашками, чоронами и ложками, железным топором, наконечниками стрел [Константинов, 1970, с.183–186; 1975а, с.197–199; Гоголев, 1990, с.88–89; Васильев, 1995, с.39]. И.В.Константинов и А.И.Гоголев датируют данные захоронения XVIII в. [Константинов, 1970, с.184; 1975а, с.197; Гоголев, 1990, с.72; 1993, с.100–102].

Ф.Ф. Васильев считает, что большинство этих датировок носят произвольный характер. По его мнению, подбойное захоронение и погребение у оз. Коеллярики должны датироваться более ранним временем — XVI–XVII вв. [1995, с.40]. Ф.Ф. Васильев считает, что «хронология и ареал распространения культуры носителей погребений с конем совпадают с культурой кыргыс-отехов, следовательно, представляют собой единую культуру. Носители погребений с конем являются представителями завершающей массивированной волны переселенцев. ... Мы склонны связать ранние варианты культуры кыргыс-отехов с родоплеменными образованиями кангаласцев» [1995, с.40].

Во многих чертах погребального обряда якутские погребения с конем повторяют захоронения усть-талькинской культуры: присутствие внутримогильных конструкций

в виде колоды и ящика-гроба, трупоположение покойных вытянуто на спине, наличие погребений животных (коней) в отдельной могильной яме. Несмотря на немногочисленность источников ясно улавливается логическая цепочка и напрашивается вывод об их этнокультурном единстве [Константинов, 1970, с.194–196; 1975, с.173; Васильев, 1995, с.41]. Волна переселенцев, практиковавших обряд погребения с конем, который характеризует ранний этап якутского этногенеза, связывается Ф.Ф. Васильевым с племенами кыргыс, хоро и тумат [1981, с.82; 1982, с.131–132; 1995, с.41].

Конечно, проблема якутского этногенеза еще далека до окончательного решения [Борисов, 1999, с.173–174], однако, отмеченная связь между усть-талыкинской культурой XII–XIV вв. и якутскими погребениями несомненна. Вполне реально, что в конце XIV — начале XV в. под давлением протобурятских племен из Северной Монголии и Западного Забайкалья часть туматов и хори мигрировала на среднюю Лену, где, смешавшись с местными тунгусскими и юкагирскими племенами, а возможно, и с более ранними переселенцами из Предбайкалья, приняла самое активное участие в сложении якутского этноса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период развитого средневековья юга Средней Сибири характеризуется появлением и распространением в конце XI — начале XII в. по зонам степи и лесостепи данной территории своеобразных погребальных комплексов по обряду захоронения человека и коня (коровы).

Проведенное исследование этих комплексов свидетельствует об их этнокультурном единстве, что позволяет выделить на юге Средней Сибири новую археологическую культуру эпохи средневековья — усть-талькинскую.

Исходя из анализа погребальной практики, подкрепленной радиоуглеродным датированием костных останков погребенных, в рамках усть-талькинской археологической культуры выделяется два последовательных этапа ее развития:

- 1 этап — *Догланский* (XII — начало XIII в.);
- 2 этап — *Усть-Удинский* (XIII–XIV вв.).

Догланский этап представлен двумя большими некрополями (до 110 погребений) Усть-Талькин и Доглан, которые располагаются на юго-восточных склонах гор левобережья р. Ангары, и Сэгенутским могильником (8 погребений) на верхней Лене. Погребальные комплексы имеют каменные надмогильные сооружения в виде плоских кладок и кольцевых (овальных) конструкций. Захоронения коней или коров присутствуют в могилах как совместно с человеком, так и в отдельной могильной яме перед погребением человека. Имеются совместные захоронения человека и барана (овцы). Труположение животных в основном на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, имеются захоронения на боку (левом — правом). Внутримогильные конструкции либо отсутствуют совсем, либо представляют собой долбленные листовенничные колоды или дощатые ящики-гробы, дополнительно обернутые берестой. Имеются как одиночные, так и парные захоронения людей — женщин и детей, подростков. Труположение покойных — горизонтально-вытянутое на спине, руки вдоль туловища, кисти на бедрах или рядом с ними. В могилах человека присутствуют остатки ритуальной пищи в виде костей скелета баранов и овец.

На могильниках догланского этапа среди погребений имеются кенотафы — захоронения одних колод без костяка человека либо захоронения коней с предметным комплексом человека и ритуальные комплексы — захоронения останков «тризны» в виде отдельных костей коня или барана.

Сопроводительный инвентарь захоронений догланского этапа усть-талькинской культуры включает в себя предметы быта: ножи, кресала, пряжки, берестяную и керамическую посуду; предметы вооружения: остатки сложносоставных луков, железные и костяные наконечники стрел, остатки берестяных колчанов, наконечники палым, копье, железные панцирные пластины; украшения: остатки шелковых одежд, золотую серьгу, бусы, нашивные золотые и медные бляшки шапочек. В погребениях человека и коней присутствуют предметы конского снаряжения в виде железных удил и стремян, остатков седел, бляшек — украшений оголовья.

Усть-Удинский этап представлен тремя большими некрополями (до 40 погребений) Шебуты-III, Усть-Уда, Озерок, которые располагаются на западных, северо-западных, северо-восточных склонах гор правобережья р. Ангары, и двумя одиночными погребениями

ниями — Уда и Галки. Надмогильные сооружения отсутствуют — на поверхности земли могилы не прослеживаются. Захоронения коней или коров производятся в отдельных могильных ямах, на животе, с подогнутыми передними и задними ногами, перед погребениями людей либо рядом с могилой человека. Внутримогильные конструкции представляют собой долбленные листовничные колоды или дощатые ящики-гробы, дополнительно обернутые берестой. Имеются только одиночные захоронения людей. Труположение — горизонтально-вытянутое на спине, руки вдоль туловища, кисти на бедрах, либо рядом с ними. В могилах человека имеются остатки ритуальной пищи в виде частей скелетов баранов или овец.

Сопроводительный инвентарь захоронений усть-удинского этапа представлен предметами быта: ножами, кресалами, пряжками, бронзовым зеркалом с кожаным чехлом, ножницами, берестяной, железной и керамической посудой, скобами; предметами вооружения: сложносоставными луками, железными и костяными наконечниками стрел, пальмой. В погребениях людей и коней присутствуют предметы конской упряжи — остатки седел, стремяна, удила, подпружные пряжки, бляшки — украшения оголовья, тройники — распределители ремней оголовья.

Археологические памятники усть-талькинской культуры не ограничиваются только погребальными комплексами. К данной культуре следует отнести верхние культурные горизонты поселений Усть-Талькин, Унгинское и городища Улан-Бор, датировка которых, по мнению большинства исследователей — XII–XIV вв. [Кызласов Л.Р., 1969, с.204; Дашибалов, 1995, с.32, 39, 53; 173; Харинский, 20016, с.118], верхние культурные горизонты на островах Лесной и Сосновый в верховьях р. Ангары. К усть-талькинской культуре относятся своеобразные наскальные изображения первой половины II тыс. н.э., расположенные на скалах в долинах рек Ангары, Куды, Манзурки и Лены. Рисунки выполнены в технике тонких гравированных и резных линий. Основными сюжетами являются одиночные и многофигурные композиции оленей, змей, верблюдов, всадников, жилищ объединенные в военные сцены, сцены охоты и мирной жизни [Николаев, Мельникова, 1998, с.111; 2002а, с. 131; Мельникова, 2002, с.22].

Народом, создавшим усть-талькинскую культуру, вероятно, были тюркоязычные племена туматов, мигрировавшие в конце XI в. в Предбайкалье с предгорий Саяно-Алтая. На это указывают письменные источники XIII в. (Сокровенное сказание монголов, Рашид-ад-дин), в которых говорится, что территория расселения туматов располагалась между кыргызами и баргутами в северных пределах Баргуджин-Токума, т.е. на юге Средней Сибири.

Усть-талькинская культура просуществовала в Предбайкалье до конца XIV в. В конце XIV — начале XV в. сюда проникают новые племена с юга (Тункинская долина, Северное Прихубсугулье) и юго-востока (Западное Забайкалье). Происходит вытеснение части туматов в долину верхнего — среднего течения р. Лены. Оказавшись в долине средней Лены, они продолжали заниматься традиционным для себя скотоводством и, смешавшись с местными племенами, образовали якутскую народность — саха. Оставшиеся в Предбайкалье туматы, вероятно, вошли в состав бурятского этноса.

Данное исследование не исчерпывает всех проблем, связанных с изучением средневековой истории юга Средней Сибири. В будущем еще предстоит окончательно уточнить территорию, занимаемую усть-талькинской культурой, а также взаимосвязь двух этапов ее развития. Необходимо произвести корреляцию материалов погребальных

комплексов с другими типами археологических объектов (городища, поселения, петроглифы), что позволит дать полную характеристику этой самобытной культуры.

Крайне важной остается проблема выделения археологических памятников, в первую очередь погребений, которые можно было бы соотнести с племенами хори и усуту-мангун, что позволит окончательно решить вопрос о существовании на территории Предбайкалья хори-туматского или иного племенного союза.

Продолжение археологических исследований усть-талькинской культуры и раскопки погребальных комплексов XV–XVII вв. на территориях Предбайкалья и Якутии помогут разобраться в столь сложной проблеме, как этногенез бурятского и якутского народов и участие туматов и хори в формировании этих этносов.

SUMMARY

VADIM S. NIKOLAEV. «NOMADS' BURIAL COMPLEXES OF THE MIDDLE SIBERIA SOUTH IN THE XII–XIV CENTURY: UST-TALKINSKAYA CULTURE»

Monograph of Vadim S. Nikolaev is the first resumptive research that it is devoted to comprehensive analysis of burial custom data of human being and animals (horse and cow) from the south of the Middle Siberia territory.

Monograph consists of Introduction, Conclusion, five Chapters, References List and it is provided with the analytical tables (based on the text) and the illustrations (the final section).

In Introduction, the theme's actuality is proven, the researched area physiographic characteristics is provided. The south of the Middle Siberia territory is the territory that includes forest-steppe area of the southern part of Angara-river, upper reaches of Lena-river and Kansk-Achinsk forest-steppe. Peculiar geographic layout determined relatively high territorial saturation by the archeological objects of medieval epoch — settlements, sites of ancient settlement and burial grounds. However, there has not been any summarized research on the above mentioned archeological objects. Actuality of the performed research is the following: first, summarizing and systematizing the accumulated archaeological materials on burial complexes of the south of Middle Siberia; second, introducing them into the scientific circulation that allows to revise many aspects of the region's medieval history considerably; considering differently the process of modern Siberian ethnos formation — Buryat and Yakut.

Chapter I. This chapter is devoted to the history of studying the region's medieval archeological monuments and to the scientific problems the author came across in the process of research. The beginning of archeological studying was initiated by the researchers at the end of the XIX century — at the beginning of the XX century — in the works of N. Agapitov, G. Sosnovskiy, B. Petry, P. Horoshih, I. Konstantinov. These researchers characterized the discovered monuments, contemplated the perspectives of studying the Iron Age of the region.

In the 30–50s of the XX century the archaeological researches in Predbaikal region were performed by the academician A. Okladnikov and his follower N. Zabelina and H. Sedyakina. In the 60s of the XX century I. Aseev and V. Svinin started the studying of the Iron Age. In the 80s of the XX century M. Zaitseva, O. Goryunova, V. Pavlutsкая, B. Dashibalov, A. Harinskiy, V. Smotrova and O. Varlamova started the studying of medieval monuments.

In the following years the researchers of medieval objects of the south of Middle Siberia have been performed by V. Nikolaev. During seven excavation seasons (1989, 1990, 1993, 1999–2001, 2003) the author excavated 45 funeral and 3 ritual complexes of the medieval epoch.

Chapter II. Complete description of the excavation results of 158 burial and of 6 ritual complexes, that were excavated by the previous generations of researchers as well as by the author himself from 1989 to 2003 is provided in this Chapter. These sites are concentrated in five big necropolis: «Ust-Talkin», «Doglan», «Shebuty-III», «Ust-Uda», «Ozeroyu» and «Segenutskiy» and in two single burial places «Uda» and «Galki» (picture 1).

Chapter III. This chapter is devoted to the detailed analysis, systematization and typology of the artifacts complex from excavated burial sites.

In this Chapter three main characteristics of burial implements are considered: *functional* (the thing itself and how it was used), *chronological* (timing period), *social* (correlation of the artifact with the deceased). The correlation of artifacts with the artifacts from the contiguous territories of Siberia and Central Asia is performed. Complexes' dating XII–XIV A.D. is proposed on basis of system-typological method.

Chapter IV. This chapter is devoted to the comprehensive analysis of the burial ceremony of the population that left the described in Chapter III burial complexes. The analysis of burial complexes topography and of planigraphy is performed, external and internal constructions of burial complexes and difficult location and position of the buried are systematized. Cenotaphs, burial places of animals and their main functions in burial ceremony of the nomads of the south of Siberia are considered separately. Systematization and analysis of available ritual complexes is performed. Obtained results allowed the researcher to **distinguish the new archeological culture**, that he named after the first excavated burial ground «Ust-Talkin» — «**ust-talkinskiy**» and to distinguish two burial groups that have the distinctions concerning the details of burial custom: *doglanskaya* and *ust-udinskaya*.

Chapter V. The detailed analysis of the dating problems of the distinguished culture is given, radiocarbon dating of burials' bones remains are provided. (table 20) On the basis of achieved radiocarbon dating and analysis performed in Chapter IV, two consecutive stages of the development of Ust-Talkinskiy culture are established: **doglanskiy** — XII century — first part of XIII century and **ust-udinskiy** — second part of XIII century — XIV century.

Further on, the chapter deals with the possible culture origin, the data on medieval burial complexes of the south of the Middle Siberia and contiguous territories are systematized. The obtained data prove that the appearance of the culture is the consequence of the nomads' migration from Sayan-Altay upland region to the territory of the south of Middle Siberia. The dominant cause of this migration, according to the researcher, is the activation of Mongol tribes Kidan and Naiman, in the X–XII century. Analyzing the existing written records (Rashid-ad Din, Yuan-chao bi shi, Altan tochbi) the researcher came to conclusion that **Ust-Talkinskaya culture belongs to Tumat family**.

The Chapter completes with the ethnographical materials' analysis of Buryats and Yakut burial ceremony dated to XVII–XIX century. Burials with horses excavated on the territory of modern Yakutiya and also numerous folk materials of Yakut epos, let the researcher suppose the subsequent migration of the representatives of Ust-Talkinskaya culture — tumats in XVI century on the territory of Yakutia. Author considers that tumats participated in a very active way in Yakut and Buryat ethnologic formation in XVI–XVII century.

In conclusion the results of the research are summarized, the appropriate problems are allocated and new tasks in researching the region's medieval history are posed.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абдуразаков А.А.** О связях народов Средней Азии с Сибирью // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. — Алма-Ата, 1987. — С.27–34.
- Абрамова М.П.** Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989. — С.268–281.
- Агапитов Н.Н.** Прибайкальские древности // Изв. ВСОРГО, 1882. — Т.12, № 4–5. — С.1–28.
- Агапитов Н.Н.** Следы каменного века в бассейне реки Куды и по р.Унге // Изв. ВСОРГО, 1882а. — Т.12, № 4–5. — С.23–26.
- Алексеев Н.А.** Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск, 1984. — 232 с.
- Алексеев Н.А.** Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. — Новосибирск, 1992. — 242 с.
- Алькин В.И.** Погребения дарасунской культуры у села Александровка // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. — Новосибирск, 1992. — С.48–56.
- Арданов Б.Ч.** Характеристика погребального обряда раннемонгольской культуры Западного Забайкалья // Бурятия: пробл. регион. истории и ист. образования. — Улан-Удэ, 2001. — Ч.1. — С.69–78.
- Арсланова Ф.Х.** Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. — Алма-Ата, 1968. — С.98–111.
- Асеев И.В.** О раннемонгольских погребениях // История и культура востока Азии. — Новосибирск, 1975. — Т.3. — С.178–187.
- Асеев И.В.** Предки позднейших монголов на территории Забайкалья // Археология Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1975а. — С.217–226.
- Асеев И.В.** Культурно-хронологическое соотношение средневековых памятников Прибайкалья // Сибирь в древности. — Новосибирск, 1979. — С.93–104.
- Асеев И.В.** Прибайкалье в средние века. — Новосибирск, 1980. — 150 с.
- Асеев И.В.** Отражение некоторых аспектов шаманизма в археолого-этнографическом материале Прибайкалья и Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск, 1985. — С.161–172.
- Асеев И.В.** О формировании культуры курыкан в Прибайкалье // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989. — с.52–54.
- Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковыгчев Е.В.** Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья: (по материалам погребений). — Новосибирск, 1984. — 200 с.
- Бартольд В.В.** Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // Записки АН по ист.-филол. отделению. — М., 1897. — Т.1, № 4.
- Бартольд В.В.** К вопросу о погребальных обрядах турков и монголов // ЗВОРАО. — СПб., 1921. — Т.25. — с.55–76.
- Басандайка.** Сборник материалов по археологии Томской области. — Томск, 1947. — 220 с.
- Белов А.В., Лямкин В.Ф., Соколова Л.П.** Картографическое изучение биоты. — Иркутск, 2002. — 160 с.

- Белокобыльский Ю.Г.** У истоков сибирской археологии // Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982. — С.5-14.
- Бердникова В.И.** Отчет о полевых исследованиях археолого-этнографического отряда иркутского краеведческого музея в 1984 году. — Архив ИОКМ, — Иркутск, 1985. — 60 л.
- Бердникова В.И.** Ритуальный комплекс Шебутэ II // АО 1984 года. — М., 1986. — с.166.
- Бердникова В.И.** Ритуальные комплексы Ангаро-Осинского района (Братское водохранилище) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1986а. — С.137-139.
- Бердникова В.И., Николаев В.С.** Могильник Шебуты-III (Южное Приангарье) // Краевед. зап. — Иркутск, 1994. — Вып.1. — С.57-78.
- Бердникова (Смотрова) В.И., Николаев В.С.** Шаманские погребения на о.Осинский (Южное Приангарье) // Изв. Лаборатории древних технологий. — Иркутск, 2003. — Вып.1. — С.123-133.
- Бердникова В.И., Яковлева В.В., Горюнова О.И.** Жертвенные комплексы Приольхонья (VI-XIX вв.) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, — 1989. — С.71-78.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Опыт типологической классификации деталей панцирного доспеха средневековых кочевников Центральной Азии // Военное дело народов Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 2002. — С.28-58.
- Борисов А.А.** Климаты СССР в прошлом, настоящем и будущем. — Л., 1975. — 434 с.
- Борисов А.А.** Современное состояние теории этногенеза саха // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрия. — Новосибирск, 1999. — С.164-176.
- Бутонаев В.Я.** Происхождение хакасов по данным этнонимии // Историческая этнография: традиции и современность. Проблемы археологии и этнографии. — Л., 1983. — Вып.2. — С.68-73.
- Вайнштейн С.И.** Тувинцы-тотжинцы. — М., 1961. — 218 с.
- Вайнштейн С.И.** Историческая этнография тувинцев: проблемы кочевого хозяйства. — М., 1972. — 313 с.
- Вайнштейн С.И.** Мир кочевников центра Азии. — М., 1991. — 296 с.
- Васильев Ф.Ф.** Об этнонимах «кыргыс», «хоро» и «тумат»: (к вопросу о ранней этнической истории якутов) // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. — Новосибирск, 1981. — Вып.3. — С.79-82.
- Васильев Ф.Ф.** Южные предки якутов по материалам археологических раскопок (домонгольский период) // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока. — Якутск, 1982. — С.131-132.
- Васильев Ф.Ф.** Военное дело якутов. — Якутск, 1995. — 224 с.
- Василевич Г.М.** Эвенки. — Л., 1969. — 304 с.
- Войтов В.Е.** Могильники Каракорума (по материалам работ 1976-1981 гг.) // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. — Новосибирск, — 1990. — С.132-149.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. — Улан-Батор, 1981. — 253 с.
- Волокитин А.В., Инешин Е.М.** Новые данные по железнному веку Среднего Приангарья // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. — Иркутск, 1991. — С.144-147.

- Воробьева Г.А.** Южное Приангарье. Общие сведения по геоморфологии и четвертичной геологии // Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири. — Иркутск, 1990. — С.20–21.
- Гаврилова А.А.** Могилы поздних кочевников у горы Суханихи на Енисее // СА. — 1964. — № 2. — С.164–170.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. — М.; Л., 1965. — 142 с.
- Галданова Г.Р.** Доламаистские верования бурят. — Новосибирск, 1987. — 114 с.
- Галданова Г.Р.** Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монголов // Традиционная обрядность монгольских народов. — Новосибирск, 1992. — С.71–89.
- Галданова Г.Р.** Погребально-поминальная обрядность // Обряды в традиционной культуре бурят. — М., 2002. — С.147–156.
- Гвоздецкий Н.А., Михайлов Н.И.** Физическая география СССР (Азиатская часть). — М., 1978. — 512 с.
- Генинг В.Ф., Овчинникова Б.Б.** Пахомовский могильник // ВАУ. — Свердловск, 1969. — Вып.8. — С.128–137.
- Георги И.Г.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. — 2-е изд., — СПб., 1799. — Ч.3. — 385 с.
- Гильом де Рубрук** Путешествие в Восточные страны // Путешествия и путешественники. — М., 1997. — С.88–189.
- Гладилин А.В.** Металлургия Среднеангарья // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. — Новосибирск, 1985. — С.167–180.
- Гладилин А.В.** Памятники железного века Северного Приангарья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1985а. — 16 с.
- Гоголев А.И.** Историческая этнография якутов: Вопросы происхождения якутов. — Якутск, 1986. — 108 с.
- Гоголев А.И.** Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). — Иркутск, 1990. — 192 с.
- Гоголев А.И.** Якуты: (проблемы этногенеза и формирования культуры). — Якутск, 1993. — 200 с.
- Горбунова Н.Г., Пшеницына М.Н.** Поселение и могильник Шидэ // Древности Байкала. — Иркутск, 1992. — С.65–69.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А.** Вооружение населения лесостепного Алтая в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. — СПб., 1998. — С.262–266.
- Горелик М.В.** Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. — М., 1983. — С.244–269.
- Горелик М.В.** Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск, 1987. — С.163–208.
- Горелик М.В.** Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н.э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1993. — С.149–178.
- Горюнова О.И., Савельев Н.А.** Опыт разработки понятий для описания форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. — Иркутск, 1981. — С.115–125.

- Горюнова О.И., Павлуцкая В.В.** Погребение война в пещере Шида (Малое море оз. Байкал) // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. — Новосибирск, 1992. — С.87–102.
- Гофман И.И.** Антропологическая характеристика черепов Усть-Талькинского могильника в Прибайкалье // Археологический сборник. — Улан-Удэ, 1959. — № 1. — С.85–89.
- Гофман И.И.** Палеоантропологические материалы из могильника Усть-Талькин в Прибайкалье: (к вопросу о происхождении бурят) // МАЭ. — М.; Л., 1963. — Т.21. — С.338–359.
- Грач В.А.** Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве: (полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ: 1957–1958 гг. Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. — М.; Л., 1960. — Т.1.
- Грач В.А.** Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982. — С.156–168.
- Гребенчиков А.В.** Памятники михайловской культуры эпохи раннего средневековья, Букинский Ключ-2, керамика // Древности Бурей. — Новосибирск, 2000. — С.136–143.
- Грум-Гржимайло Г.Е.** Западная Монголия и Урянхайский край. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. — Л., 1926. — Т.2. — 896 с.
- Грязнов М.П.** История древнейших племен Верхней Оби по раскопкам близ с.Большая Речка // МИА. — М.; Л., 1956. — № 48. — 226 с.
- Грязнов М.П.** Аржан — царский курган раннескифского времени. — Л., 1980. — 61 с.
- Гумилев Л.Н.** Древние тюрки. — М., 1993. — 500 с.
- Давыдова А.В.** Иволгинский археологический комплекс. — СПб., 1996. — Т.2: Иволгинский могильник. — 176 с.
- Данилов С.В.** Жертвоприношения животных в погребальных обрядах монгольских племен Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск, 1985. — С.86–90.
- Дашибалов Б.Б.** Погребальные памятники и обряды позднего средневековья Прибайкалья как источник по этногенезу бурят // Этнокультурные процессы в юго-восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989. — С.62–70.
- Дашибалов Б.Б.** Курыканы (Курумчинская культура Прибайкалья и юга Средней Сибири): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1990. — 22 с.
- Дашибалов Б.Б.** Поминальные сооружения курумчинской культуры в Прибайкалье // Археологические памятники эпохи средневековья Бурятии и Монголии. — Новосибирск, 1992. — С.56–87.
- Дашибалов Б.Б.** Находки культуры «курумчинских кузнецов» из раскопок Б.Э.Петри // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. — Кемерово, 1994. — С.190–207.
- Дашибалов Б.Б.** Археологические памятники курыкан и хори. — Улан-Удэ, 1995. — 189 с.
- Дашибалов Б.Б.** Археологические памятники Ольхона в системе западных и восточных взаимосвязей // Палеоэкология человека Байкальской Азии: (путеводитель к полевым экскурсиям). — Улан-Удэ, 1999. — С.96–107.
- Дашибалов Б.Б.** Хронология и этнокультурная принадлежность памятников позднего средневековья Байкальской Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Владивосток; Омск, 2000. — С.118–119.

- Дашибалов Б.Б.** Об этнической принадлежности могил саянтуйского типа юго-восточной Сибири // Бурятия: пробл. регион. истории и ист. образования. — Улан-Удэ, 2001. — Ч.1 — С.58–68.
- Деревянко Е.И.** Мохэские памятники Среднего Амура. — Новосибирск, 1975. — 250 с.
- Деревянко Е.И.** К вопросу о вооружении мохэского воина // Археология Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1975а. — С.192–203.
- Деревянко Е.И.** Троицкий могильник. — Новосибирск, 1977. — 224 с.
- Джарылгасинова Р.Ш.** Древние когуресцы. — М., 1972. — 202 с.
- Диков Н.Н.** Бронзовый век Забайкалья. — Улан-Удэ, 1958. — 105 с.
- Длужневская Г.В.** Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1985. — 17 с.
- Длужневская Г.В.** Кыргызский могильник Сарьг-Хая в Саянском каньоне Енисея // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1990. — С.86–102.
- Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — М., 1960. — 621 с.
- Дубровский Д.В.** Жертвенный конь в погребальном обряде кочевников улуса Джучи // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее падение. — М., 2002. — С.198–211.
- Дьякова О.В.** Мохэские памятники Приморья. — Владивосток, 1998. — 318 с.
- Дьяконова В.П.** Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. — Л., 1975. — 163 с.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы Енисея: История изучения (XVIII — начало XX вв.). — М., 1996. — 249 с.
- Евтюхова Л.А.** О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. — 1957. — № 2. — С.217–220.
- Ермолова Н.И.** Лошади из могильника Усть-Талькин // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. — Улан-Удэ, 1965. — Вып.2. — с.203–205.
- Ермолова Н.И.** Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. — Новосибирск, 1978. — 222 с.
- Ефремов С.А.** Снаряжение верхового коня у алтайских кочевников I пол. II тыс. н.э.: (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. — Барнаул, 1998. — С.159–169.
- Жамбалова С.Г.** Профанный и сакральный миры ольхонских бурят. — Новосибирск, 2000. — 400 с.
- Заднепровский Ю.А.** Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. — М., 1992. — С.73–87.
- Зайцев М.А.** Ритуальные и погребальные памятники курумчинской культуры в Приольхонье (оз.Байкал): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Кемерово. — 1989. — 16 с.
- Зайцев М.А.** Погребение с конем на памятнике Куркут-1 на Байкале // Вторая Дальневост. конф. молодых историков. — Владивосток, 1992. — С.58–59.
- Зайцев М.А., Свинин В.В., Харинский А.В.** Старобурятские погребения из бухты Хагун // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. — Кемерово, 1994. — С.233–250.
- Зайцев М.А., Харинский А.В., Свинин В.В.** Погребение с трупосожжением у поселка Сарма // Байкальская Сибирь в древности. — Иркутск, 1995. — С.193–206.

- Зориктуев Б.Р.** Прибайкалье с середины VI до начала XVII века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Иркутск, 1997. — 43 с.
- Иванов В.А.** Вооружение средневековых кочевников Южного Урала и Приуралья (VII-XIV вв.) // Военное дело древнего населения Северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С.172-189.
- Иванов В.А., Кригер В.А.** Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). — М., 1988. — 90 с.
- Именохоев Н.В.** Средневековый могильник у с.Енхор на р.Джиде: (предварительные результаты исследования) // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. — Улан-Удэ, 1988. — С.108-128.
- Именохоев Н.В.** К вопросу о культуре ранних монголов: (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989. — С.55-61.
- Именохоев Н.В.** Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. — Новосибирск, 1992. — С.23-48.
- Именохоев Н.В., Коновалов П.Б.** К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск, 1985. — С.69-85.
- Катанов Н.Ф.** О погребальных обрядах тюркских племен в древние времена до наших дней // ИОИАЭ. — Казань, 1892. — Т.12, вып.2. — С.116-140.
- Качалова Н.К., Мандельштам А.М.** Поселения и могильники на мысах Бурхан, Шибэтэй и Нюргон (о.Ольхон) // Древности Байкала. — Иркутск, 1992. — С.73-77.
- Качалова Н.К., Черников С.С.** Могильники в окрестностях поселка Харансы и озера Елгай на острове Ольхон // Древности Байкала. — Иркутск, 1992. — С.77-84.
- Кириллов И.И.** Восточное Забайкалье в древности и средневековье. — Иркутск, 1979. — 96 с.
- Кириллов И.И.** Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск, 1983. — С.123-138.
- Кириллов И.И., Ковычев Е.В.** Дворцы — новый комплекс археологических памятников // АО 1975 года. — М., 1976. — С.243-244.
- Кириллов И.И., Ковычев Е.В., Кириллов О.И.** Дарасунский комплекс археологических памятников: Восточное Забайкалье. — Новосибирск, 2000. — 176 с.
- Кирпичников А.Н.** Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX-XIII вв. // САИ. — Л., 1973. — Вып. Е1-36. — 139 с.
- Киришин Ю.В., Горбунов В.В.** Погребение сrostкинской культуры на могильнике Восход-I // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул, 1998. — С.198-200.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири // МИА. — М.; Л., 1949. — № 9. — 363 с.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — 642 с.
- Ковалевская В.Б.** Поясные наборы Евразии IV-IX вв.: Пряжки // САИ. — М., 1979. — Вып.Е1-2. — 57 с.
- Ковычев Е.В.** Могильник железного века у станции Дарасун // По следам древних культур Забайкалья. — Новосибирск, 1983. — С.113-123.
- Ковычев Е.В.** История Забайкалья (I — сер. II тыс. н.э.). — Иркутск, 1984. — 81 с.
- Ковычев Е.В.** Средневековые погребальные памятники из окрестностей станции Оловянная // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. — Улан-Удэ, 1988. — С.129-141.

- Ковычев Е.В.** Этническая история Восточного Забайкалья в эпоху средневековья (по археологическим данным) // *Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века*. — Новосибирск, 1989. — С.21–26.
- Ковычев Е.В., Беломестнов Г.И.** Исследования в бассейне р.Онон // *Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока*. — Новосибирск, 1986. — С.151–154.
- Ковычев Е.В., Беломестнов Г.И.** Погребения с конем из Поононья: хронология и этническая принадлежность // *Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье*. — Улан-Удэ, 1988. — С.142–155.
- Козьмин Н.Н.** К вопросу о времени расселения бурят около Байкала. — Иркутск, 1925. — 22 с.
- Козьмин Н.Н.** К вопросу о происхождении якутов — сахалар (историко-этнографические заметки) // *Очерки по изучению Якутского края*. — Иркутск, 1928. — № 2. — С.5–14.
- Колчин Б.А.** Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период) // *МИА*. — 1953. — № 32. — 258 с.
- Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее / Под ред. М.П.Грязнова. — Новосибирск, 1979. — 167 с.
- Коновалов П.Б.** Хунну в Забайкалье: (погребальные памятники). — Улан-Удэ, 1976. — 248 с.
- Коновалов П.Б.** Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // *Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века*. — Новосибирск, 1989. — С.5–20.
- Коновалов П.Б.** Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). — Улан-Удэ, 1999. — 214 с.
- Константинов Г.М.** Археологические находки близ деревни Верхнее-Метляево // *Изв. ВСОРГО*, — 1928. — Т.53. — С.141–146.
- Константинов Г.М.** К материалам по изучению Ангарского неолита // *Изв. ВСОРГО*. — 1928а. — Т.54. — С.82–84.
- Константинов И.В.** Захоронение с конем в Якутии: (новые данные по этногенезу якутов) // *По следам древних культур Якутии*. — Якутск, 1970. — С.183–197.
- Константинов И.В.** Происхождение якутского народа и его культуры // *Якутия и ее соседи в древности*. — Якутск, 1975. — С.106–173.
- Константинов И.В.** Новые материалы о захоронениях якутов XVIII века // *Якутия и ее соседи в древности*. — Якутск, 1975а. — С.197–200.
- Костюков В.П.** Тюркские поминальные комплексы на Южном Урале // *Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э.* — Кемерово, 1994. — С.138–156.
- Кренке Н.А., Сулержицкий Л.Д.** Археология и реальная точность радиоуглеродного метода // *Геохронология четвертичного периода*. — М., 1992. — С.161–167.
- Ксенофонтов Г.В.** Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. — М., 1977. — 246 с.
- Ксенофонтов Г.В.** Ураангхай-Сахалар: Очерки по древней истории якутов. — Якутск, 1993. — Т.1, кн.1. — 415 с.
- Ксенофонтов Г.В.** Ураангхай-Сахалар: Очерки по древней истории якутов. — Якутск, 1993а. — Т.2, кн.2. — 316 с.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские кенотафы Боротала // *Древние культуры Монголии*. — Новосибирск, 1985. — С.136–148.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. — Новосибирск, 1991. — 190 с.

- Кубарев Г.В.** Детские древнетюркские погребения Саяно-Алтая // Археология, палео-экология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. 36 РАСК. — Иркутск, 1996. — Ч.2. — С.107–111.
- Кулаков П.Е.** Ольхон. Хозяйство и быт бурят Еланцинского и Кутулского ведомств Верхоленского округа Иркутской губернии // Зап. РГО. — СПб., 1898. — Т.8, вып.1. — 245 с.
- Кумекон Б.Е.** Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. — Алма-Ата, 1972. — 156 с.
- Кызласов И.Л.** Аскизская культура: (средневековые хакасы X–XIV вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С.200–207.
- Кызласов И.Л.** Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. // САИ. — М., 1983. — Вып. Е3-18. — 126 с.
- Кызласов Л.Р.** О южных границах государства древних хакасов в IX–XII вв. // Учен. зап. КНУИИЯЛИ, — 1960. — Вып.8.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. — М., 1969. — 212 с.
- Кызласов Л.Р.** Курганы средневековых хакасов: (аскизская культура) // Первобытная археология Сибири. — Л., 1975. — С.193–211.
- Кызласов Л.Р.** Ранние монголы: (К проблеме истоков средневековой культуры) // История и культура востока Азии. — Новосибирск, 1975а. — Т.3. — с.170–177.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува. — М., 1979. — 207 с.
- Кызласов Л.Р.** Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. Культура древних уйгур (VIII–IX вв.). Тухтятская культура древних хакасов (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С.46–61.
- Кызласов Л.Р.** История Сибири в средние века. — М., 1984. — 167 с.
- Кызласов Л.Р., Ивашина Л.Г.** Курганы средневековых тюрков в Северо-восточной Бурятии // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989. — С.34–52.
- Кычанов Е.И.** Монголы в VI — первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1980. — С.136–148.
- Линденау Я.И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). — Магадан, 1983. — 176 с.
- Лубсан Данзан.** Алтан Тобчи («золотое сказание») / Пер. и комментарии Н.П.Шатиной. — М., 1973. — 439 с.
- Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.** Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. — Новосибирск, 1988. — 225 с.
- Мажитов Н.А.** Южный Урал в VII–XIV вв. — М., 1977. — 239 с.
- Мажитов Н.А.** Курганы Южного Урала VIII–XII вв. — М., 1981. — 162 с.
- Мазин А.И.** Быт и хозяйство эвенков-ороченов. — Новосибирск, 1992. — 156 с.
- Максименков Г.А., Сорокин В.С.** Могильник в заливе Куркут // Древности Байкала. — Иркутск, 1992. — С.59–65.
- Малявин В.В.** Китайская цивилизация. — М., 2001. — 632 с.
- Мандельштам А.М.** Шатровый могильник у оз.Нурэ (о.Ольхон) // Бронзовый и железный век Сибири. — Новосибирск, 1974. — С.150–155.
- Манжигеев И.А.** Бурятские шаманистские и дошаманистские термины. — М., 1978. — 125 с.
- Манцевич А.П.** Курган Солоха. — Л., 1987. — 143 с.

- Марко Поло** Книга Марко Поло // Путешествия и путешественники. — М., — С.192–380.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Панфилов А.Н., Буслова М.А., Зах В.А., Могильников В.А.** Археологическое наследие Тюменской области. — Новосибирск, 1995. — 240 с.
- Матющенко В.И., Старцева Л.М.** Еловский курганный могильник I эпохи железа // Вопросы истории Сибири. — Томск, 1970. — Вып.5. — С.152–174.
- Медведев А.Ф.** Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. // САИ. — М., 1966. — Вып. Е1–36. — 181 с.
- Медведев В.Е.** Культура амурских чжурчжэней. — Новосибирск, 1977. — 223 с.
- Медведев В.Е.** Средневековые памятники острова Уссурийского. — Новосибирск, 1982. — 216 с.
- Медведев В.Е.** Приамурье в конце I — начале II тысячелетия (чжурчжэньская эпоха). — Новосибирск, 1986. — 204 с.
- Медведев В.Е.** Корсаковский могильник: хронология и материалы. — Новосибирск, 1991. — 175 с.
- Мельникова Л.В.** Тофы (историко-этнографический очерк). — Иркутск, 1994. — 304 с.
- Мельникова Л.В.** Корреляция и периодизация петроглифов верхней Лены (на примере Шишкинской писаницы): Автореф. дис.... канд. ист. наук. — Владивосток, 2002. — 24 с.
- Миллер Г.Ф.** История Сибири. — М., 1937. — Т.1. — 550 с.
- Митько О.А.** Обряд трупосожжения у енисейских кыргызов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н.э. — Кемерово, 1994. — С.207–227.
- Михайлов В.А.** Оружие и доспехи бурят. — Улан-Удэ, 1993. — 70 с.
- Михайлов Т.М.** Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. — Новосибирск, 1987. — 287 с.
- Могильников В.А.** Сибирские и среднеазиатские кочевнические древности VI–IX и XI–XIV вв. Тюрки. Кимаки. Сросткинская культура. Карлуки. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1981. — С.29–46; 189–194.
- Могильников В.А.** Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI веках. — М., 2002. — 362 с.
- Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И.** Бараба в эпоху позднего средневековья. — Новосибирск, 1990. — 262 с.
- Молодин В.И., Соловьев А.И.** Могильник Бертек-20. Позднее средневековье // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). — Новосибирск, 1994. — С.127–128; 152–156.
- Мыльников В.П.** Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. — Новосибирск, 1999. — 232 с.
- Мэнэс Г.** Символика солнца в системе погребального обряда монгольских племен // Археологические памятники средневековья в Бурятии и Монголии. — Новосибирск, 1992. — С.7–23.
- Мэнэс Г.** Материалы по традиционной похоронной обрядности заахчинов МНР конца XIX — начала XX в. // Традиционная обрядность монгольских народов. — Новосибирск, 1992а. — С.112–126.
- Недашковский Л.Ф.** Золотоордынский город Укек и его округа. — М., 2000. — 224 с.

- Немеров В.Ф.** Наконечники стрел Ундугунской культуры // Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982. — С.168–177.
- Нестеров с.П.** Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. — Новосибирск, 1990. — 143 с.
- Нестеров с.П.** Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. — Новосибирск, 1998. — 184 с.
- Николаев В.С.** Новые средневековые погребения в бересте в Приангарье (р.Унга) // Палеоэтнология Сибири: Тез. докл. 30 РАСК. — Иркутск, 1990. — С.156–157.
- Николаев В.С.** Новые средневековые погребения с конем в Приангарье // Цибиловские чтения: проблемы истории и культуры монгольских народов. — Улан-Удэ, 1993. — С.74–77.
- Николаев В.С.** Предметы вооружения из погребений могильника Шебуты-III в Приангарье // Исторический опыт освоения восточных районов России: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. — Владивосток, 1993а. — С.43–46.
- Николаев В.С.** Раскопки могильника Усть-Уда в Приангарье // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. 36 РАСК. — Иркутск, 1996. — Ч.2. — С.132–134.
- Николаев В.С.** Раскопки могильника Усть-Уда // АО 2000 года. — М., 2001. — С. 244–246.
- Николаев В.С.** Позднесредневековые захоронения могильника Усть-Талькин // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. — Новосибирск, 2003. — С.343–346.
- Николаев В.С.** Погребальные комплексы Южного Приангарья первой половины II тыс. н.э.: усть-талькинская культура: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Владивосток, 2003а. — 23 с.
- Николаев В.С., Багдуев Н.М., Варламов О.Б.** Ритуальный комплекс Унга-IV в Приангарье // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. — Новосибирск, 1995. — С.198–200.
- Николаев В.С., Белоненко В.В.** Средневековые погребения на территории города Иркутска // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. 36 РАСК. — Иркутск, 1996. — Ч.2. — С.117–121.
- Николаев В.С., Дзюбас С.А., Белоненко В.В.** Средневековые погребения по обряду кремации на территории Приангарья // Археологическое наследие Байкальской Сибири. — Иркутск, 2002. — Вып.2. — С.85–100.
- Николаев В.С., Мельникова Л.В.** Петроглифы «Писанного Камня» на реке Лене // Дуловские чтения 1997 года: Материалы докл. и сообщ. — Иркутск, 1997. — С.135–139.
- Николаев В.С., Мельникова Л.В.** Исследование петроглифов долины верхнего течения р. Лены // АО 1996 года. — М., 1997а. — С. 342–343.
- Николаев В.С., Мельникова Л.В.** Некоторые итоги изучения петроглифов Восточной Сибири // Междунар. конф. по первобытному искусству: Тез. докл. — Кемерово, 1998. — С.110–111.
- Николаев В.С., Мельникова Л.В.** Периодизация петроглифов верхней Лены // Археологическое наследие Байкальской Сибири. — Иркутск, 2002а. — Вып.2. — С.127–142.
- Николаев В.С., Песков С.А.** Средневековое погребение у деревни Галки // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. — Иркутск, 2003. — С.98–102.

- Нимаев Д.Д.** Буряты: этногенез и этническая история: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Улан-Удэ, 2000. — 37 с.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия: (некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). — М., 1989. — 383 с.
- Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И.** Шатровые сооружения Приольхонья // Археологическое наследие Байкальской Сибири. — Иркутск, 2002. — Вып.2. — С.101–108.
- Номоконов Л.И.** Некоторые характерные особенности растительного покрова иркутско-балаганской лесостепи // Изв. Сиб. отделения АН СССР. — Новосибирск, 1961. — № 9. — С.92–95.
- Овчинникова Б.Б.** К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы (по материалам раскопок могильника Аймарлыг) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С.132–146.
- Овчинникова Б.Б.** Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Азии. // Древний и средневековый Восток: История, филология: (Проблемы источниковедения). — М., 1984. — С.209–226.
- Овчинникова Б.Б.** Тюркские древности Саяно-Алтая в VI-X веках. — Свердловск, 1990. — 223 с.
- Овчинников М.П.** Дневник Н.И.Витковского, веденный им во время поездки по р.Ангаре в 1882 г. // Сибирский архив. — Иркутск, 1912. — Т.5, С.341–354; Т.10, С.745–754.
- Окладников А.П.** Очерки из истории западных бурят-монголов. — Л., 1937. — 427 с.
- Окладников А.П.** Древняя тюркская культура в верховьях Лены // КСИИМК. — М., 1948. — Вып.19. — С.3–11.
- Окладников А.П.** Отчет об исследованиях на Сосновом и Лесном островах на Ангаре летом 1952 года // Архив ИА РАН, Р-1, № 737.
- Окладников А.П.** Отчет о раскопках в 1953 году Ангарской археологической экспедиции на Лесном острове // Архив ИА РАН, Р-1, № 823.
- Окладников А.П.** История Якутской АССР: Якутия до присоединения к русскому государству. — М.; Л., 1955. — 432 с.
- Окладников А.П.** Сводный Отчет о работе Ангарской археологической экспедиции в 1957 году. — Архив ИА РАН, Р-1, № 1649.
- Окладников А.П.** Археологические работы в зоне строительства ангарских гидроэлектростанций (общие итоги) // Зап. Иркут. краевед. музея. — Иркутск, 1958. — С.17–28.
- Окладников А.П.** Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. — М., 1958а. — С.200–213.
- Окладников А.П.** Шишкинские писаницы — памятник древней культуры Прибайкалья. — Иркутск, 1959. — 210 с.
- Окладников А.П.** Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье // Тр. БКНИИ. — 1960. — Вып.3. — С.16–30.
- Окладников А.П.** Культурно-этнические связи тюркского Прибайкалья VI-X вв. с Западом (орнамент венгерских пластин для украшения сумок X в. и манхайские гравированные плитки) // Исследования по археологии СССР. — Л., 1961. — С.167–173.
- Окладников А.П.** Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (содгийская колония на р. Унге?) // Тюркологические исследования. — М.; Л., 1963. — С.273–281.
- Окладников А.П.** Петроглифы Ангары. — М.; Л., 1966. — 321 с.

- Окладников А.П.** Прошлое Приангарья в свете археологии (в связи с археологическими работами на строительстве ангарских гидроэлектростанций) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. — Новосибирск, 1971. — Ч.1: Приангарье. — С.7-27.
- Окладников А.П.** Петроглифы Байкала — памятник древней культуры Сибири. — Новосибирск, 1974. — 166 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Верхней Лены. — Л., 1977. — 322 с.
- Окладников А.П., Забелина Н.Н.** Отчет о работе Первого Балаганского отряда Ангарской археологической экспедиции в 1958 году. — Архив ИА РАН, Р-1, № 1790.
- Окладников А.П., Седякина Е.Ф.** Отчет о работе Второго Балаганского отряда Ангарской экспедиции в 1958 году. — Архив ИА РАН, Р-1, № 1789.
- Окладников А.П., Забелина Н.Н.** Отчет о работах Первого Балаганского отряда Братской археологической экспедиции в 1959 году. — Архив ИА РАН, Р-1, № 2024.
- Окладников А.П., Запорожская В.Д.** Ленские писаницы: наскальные рисунки у деревни Шишкино. — М.; Л., 1959а. — 145 с.
- Ольховский В.С.** Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. — 1986. — № 1. — С.65-76.
- Павлинская Л.Р., Жамбалова С.Г.** Становление и развитие хозяйственной традиции на территории Прибайкалья и Забайкалья // Культурные традиции народов Сибири. — Л., 1986. — С.237-262.
- Павлуцкая В.В.** Байкальское Приольхонье в эпоху поздних кочевников: (по материалам могильников XI-XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Л., 1990. — 16 с.
- Павлуцкая В.В.** Сохтер-II — могильник в расщелинах скал старобурятского времени (XVII-XIX вв.) // Археологическое наследие Байкальской Сибири. — Иркутск, 1996. — Вып.1. — С.77-88.
- Петри Б.Э.** Вторая поездка в Прибайкалье // Изв. Рус. Комитета для изуч. Сред. и Вост. Азии. — 1914. — Сер.2, № 3. — С.89-106.
- Петри Б.Э.** Далёкое прошлое Бурятского края. — Иркутск, 1922. — 32 с.
- Петри Б.Э.** Доисторические кузнецы в Прибайкалье: (к вопросу о доисторическом прошлом якутов) // Изв. ин-та нар. образования в Чите. — Чита, 1923. — № 1. — С.21-39.
- Петри Б.Э.** Далекое прошлое Прибайкалья. — Иркутск, 1928. — 73 с.
- Пешкова Г.А.** Взаимоотношения леса и степи в Приангарье // Тр. Вост.-Сиб. биол. ин-т. — Иркутск, 1962. — Вып.1. — С.90-99.
- Плано Карпини Джованни Дель.** История Монгалов // Путешествия и путешественники. — М., 1997. — С.30-85.
- Плетнева С.А.** Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. — М.; Л., 1958. — № 62. — С.151-226.
- Плетнева С.А.** Восточноевропейские степи во второй половине VIII-X в. Кочевники восточноевропейских степей в X-XIII вв. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии и эпоху средневековья. Археология СССР. — М., 1981. — С. 62-79; 213-221.
- Плоскогорья и низменности Восточной Сибири.** — М., 1971. — 319 с.
- Погорелов В.И.** Ширяевский могильник бронзового века на Среднем Дону // СА. — 1985. — № 1. — С.151-159.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. — Новосибирск, 2001. — 336 с.
- Потапов Л.П.** Культ гор на Алтае // СЭ. — 1946. — № 2. — С.145-160.
- Потапов Л.П.** Этнический состав и происхождение алтайцев. — Л., 1969. — 196 с.

- Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. — М., 1969а. — 401 с.
- Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. — М., 1989. — 749 с.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. — М.; Л., 1952. — Т.1, кн. 1. — 221 с.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. — М.; Л., 1952а. — Т.2, кн. 2. — 315 с.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. — М.; Л., 1960. — Т.2. — 248 с.
- Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны // Путешествия и путешественники. — М., 1997. — С.88–189.
- Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. — Улан-Удэ, 1962. — 268 с.
- Рыгдылон Э.Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области // СА. — 1955. — № 22. — С.177–189.
- Савватеев Ю.А. Петроглифы Карелии и наскальное искусство лесной полосы Евразии // СЭ. — 1969. — № 1. — С.87–104.
- Савельев Н.А., Свинин В.В. Погребение железного века на реке Кане // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1978. — Вып. 4. — С.135–149.
- Савинов Д.Г. К этнической принадлежности сrostкинской культуры // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. — Томск, 1973. — С.27–33.
- Савинов Д.Г. К вопросу этногеографии Севера Центральной Азии в предмонгольское время // Проблемы отечественной и всеобщей истории. — Л., 1973а. — Вып.2. — С.23–28.
- Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н.э.) // СЭ. — 1977. — № 1. — С.31–48.
- Савинов Д.Г. Археологические памятники завершающего этапа культуры енисейских кыргызов // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. — Новосибирск, 1980. — С.114–131.
- Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С.146–162.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала: (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982. — С.102–122.
- Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л., 1984. — 175 с.
- Савинов Д.Г. Государства и культуuroгенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. — Кемерово, 1994. — 215 с.
- Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремьян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. — Барнаул, 1996. — С.16–20.
- Савинов Д.Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс.н.э.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. — Кемерово, 1997. — С.77–99.
- Савинов Д.Г., Павлов П.Г., Паульс Е.Д. Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири (по материалам раскопок 1980–1984 гг.). — Л., 1988. — С.83–103.
- Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. — Новосибирск, 1992. — 176 с.
- Санжеев Г.Д. Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. — Улан-Удэ, 1983.
- Свинин В.В. К итогам археологических исследований на Байкале // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1971. — Вып. 4, ч.1. — С.61–77.

- Свинин В.В.** Периодизация археологических памятников Байкала // Изв. ВСОРГО. — Иркутск, 1976. — Т.69. — С.167–179.
- Свинин В.В., Зайцев М.А.** Памятники курумчинской культуры Приольхонья. — Иркутск, 1992. — 156 с.
- Свинин В.В., Коновалов П.Б.** Новые наскальные рисунки на горах Булук и Улан-Хада // Зап. Иркут. обл. краевед. музея. — Иркутск, 1958. — С.51–54.
- Свинин В.В., Хороших П.П.** Новые наскальные рисунки в долине реки Куды // Вопросы истории Сибири. — Иркутск, 1971. — Вып.4, ч.1. — С.144–148.
- Седякина Е.Ф.** Курыканы // Материалы по древней истории Сибири. — Улан-Удэ, 1964. — С.427–438.
- Седякина Е.Ф.** Могильник Усть-Талькин // Тр. БКНИИ. — 1965. — Т.16, вып.2. — С.196–202.
- Седякина Е.Ф.** О земледелии у курыкан // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. — Новосибирск, 1971. — № 1. — С.128–130.
- Седякина Е.Ф., Окладников А.П.** Отчет о работе Второго Балаганского отряда Братской археологической экспедиции (1959 г.) — Архив ИА РАН, Р-1, № 2026.
- Серошевский В.Л.** Якуты: Опыт этнографического исследования. — М., 1993. — 736 с.
- Скрынникова Т.Д.** Этнопоним Баргуджин-Токум // История и культура народов Центральной Азии. — Улан-Удэ, 1993. — С.41–50.
- Смотрова В.И.** Находки бронзовых ажурных пластин в Предбайкалье // Проблемы археологии и этнографии Сибири. — Иркутск, 1982. — С.106–107.
- Смотрова В.И.** Отчет о полевых исследованиях Ангарского отряда археолого-этнографической экспедиции иркутского областного краеведческого музея летом 1981 года. — Архив ИОКМ, — Иркутск, 1982а. — 70 л.
- Смотрова В.И.** Отчет о полевых исследованиях Ангарского отряда археолого-этнографической экспедиции иркутского областного краеведческого музея за 1982 г. — Архив ИОКМ, — Иркутск, 1983. — 68 л.
- Смотрова В.И.** Исследование на о-ве Осинском в Братском водохранилище // АО 1982 года. — М., 1984. — С.230–231.
- Смотрова В.И.** Погребение с ажурными пластинами на острове Осинском (Братское водохранилище) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. — Иркутск, 1991. — С.136–143.
- Сокровенное сказание монголов.** / Пер. с.А. Козина. — Улан-Удэ, 1990. — 146 с.
- Соловьев А.И.** Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. — Новосибирск, 1987. — 192 с.
- Сосновский Г.П.** К археологии Ангарского края // Сиб. живая старина. — Иркутск, 1923. — Вып. 1. — С.121–139.
- Сосновский Г.П.** Заметки по археологии Прибайкалья (из отчета о поездке в Балаганский уезд Иркутской области, летом 1921 г.) // Изв. ВСОРГО. — 1926. — Т.51. — С.145–149.
- Сунчигашев Я.И.** Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. — Новосибирск, 1979. — 192 с.
- Таскин В.С.** Материалы по истории ухуаней и сяньби // Дальний Восток и соседние территории в средние века. — Новосибирск, 1980. — С.54–102.
- Тангад Д.** Заметки о похоронных обычаях в западных районах МНР // Традиционная обрядность монгольских народов. — Новосибирск, 1992. — С.127–133.
- Татарников М.** Описание о братских татарах, сочиненное морского карабельного флота штурманом ранга капитана М.Татарниковым. — Улан-Удэ, 1958. — 78 с.

- Тиваненко А.В.** Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. — Новосибирск, 1989. — 202 с.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А.** Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения лесостепного Алтая в монгольское время. — Барнаул, 2002. — 276 с.
- Трифонов Ю.И.** О берестяных колчанах Саяно-Алтая VI-X вв. в связи с их новыми находками в Туве // Военное дело древнего населения северной Азии. — Новосибирск, 1987. — С.189-199.
- Уваров А.И., Бердникова В.И.** Исследования Осинского залива Братского водохранилища // АО 1985 года. — М, 1987. — С.288.
- Федоров-Давыдов Г.А.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. — М., 1966. — 273 с.
- Филиппов А.Г., Алексеев А.Б., Сергиенко Т.Ю., Горюнова О.И.** Берестяное ведро из Большой Байдинской пещеры (Приольхонье) // Дуловские чтения 1997 года: Материалы докл. и сообщ. — Иркутск, 1997. — С.82-88.
- Формозов А.А.** О наскальных изображениях эпохи камня и бронзы в Прибайкалье и на Енисее // СЭ. — 1967. — № 3. — С. 68-82.
- Формозов А.А.** Всемирно-исторический масштаб или анализ конкретных исторических источников? // СЭ. — 1969. — № 4. — с. 99-107.
- Формозов А.А.** Страницы истории русской археологии. — М., 1986. — 237 с.
- Халиков А. Х.** Новые исследования Больше-Тиганского могильника: (о судьбе венгров, оставшихся на древней Родине) // Проблемы археологии степей Евразии: Советско-венгерский сборник. — Кемерово, 1984. — С.122-133.
- Хамзина Е.А.** Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). — Улан-Удэ, 1970. — 140 с.
- Хангалов М.Н.** Зэгэтэ-Аба. Облавная охота на зверей у древних бурят // Собр. соч. — Улан-Удэ, 1958. — Т.1. — С.11-32.
- Хангалов М.Н.** Материалы для изучения шаманства в Сибири // Собр. соч. — Улан-Удэ, 1958. — Т.1. — С.289-402.
- Хангалов М.Н.** Шаманские легенды // Собр. соч. — Улан-Удэ, 1961. — Т.3. — С.35-52.
- Харинский А.В.** Об орнаментике керамического комплекса городища Байкальское I // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. — Новосибирск, 1992. — С.117-137.
- Харинский А.В.** Курумчинская археологическая культура: (история и современное состояние проблемы) // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. — Улан-Удэ, 1993. — С.84-88.
- Харинский А.В.** К вопросу о генезисе ритуальных кладок Приольхонья в I тыс. н.э. (по материалам местонахождения Курма XII) // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: Тез. Междунар. симпоз. 6-11 сент. 1999 г. — Улан-Удэ, 1999. — С.501-502.
- Харинский А.В.** Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. — Иркутск, 2001. — 238 с.
- Харинский А.В.** Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. — середине II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. — Иркутск, 2001а. — 200 с.
- Харинский А.В.** Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. — середине II тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация (по материалам погребальных комплексов): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Владивосток, 2001б. — 47 с.

- Харинский А.В.** Оружие эвенков северного побережья озера Байкал в XVIII-XIX вв. // Изв. лаборатории древних технологий. — Иркутск, 2003. — Вып.1. — С.113-122.
- Харинский А.В.** Предбайкалье накануне образования монгольского государства // Чингисхан и судьбы народов Евразии. — Улан-Удэ, 2003а. — с. 104-110.
- Хороших П.П.** Посвящение лошади и быка // Этнограф. бюл. — М., 1922. — № 1. — С.13-14.
- Хороших П.П.** Исследования каменного и железного века Иркутского края // Изв. Биол.-Геогр. ин-т. — Иркутск, 1924. — Т.1, вып.1. — 41 с.
- Хороших П.П.** Древности Кудинских степей // Бурятияведение. — 1929. — № 9-10. — С.142-151.
- Хороших П.П.** Древности Кудинских степей // Бурятияведение. — 1930. — № 3-4. — С.85-100.
- Хороших П.П.** Пещеры Байкала // Природа. — 1948. — № 12. — С.50-58.
- Хороших П.П.** Пещеры Забайкалья // Тр. Кяхт. краевед. музея и Кяхт. отделения ВГО. — 1949. — Т.16, вып. 1. — С.128-135.
- Хороших П.П.** По родному краю. — Иркутск, 1950. — 76 с.
- Хороших П.П.** По родному краю. — Иркутск, 1952. — 62 с.
- Хороших П.П.** Находки в пещерах острова Ольхон // Природа. — 1955. — № 11. — С.110-112.
- Хороших П.П.** По пещерам Прибайкалья: Экскурсии в пещеры Прибайкалья. — Иркутск, 1955а. — 72 с.
- Хороших П.П.** Пещерные стоянки Сибири как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Иркутск, 1955б. — 23 с.
- Хороших П.П.** Следы древнего земледелия в Прибайкалье // Сельск. хоз-во Сибири. — 1959. — № 7. — С.87-88.
- Худяков Ю.С.** Основные понятия оружиеведения: (по материалам вооружения енисейских кыргызов VI-XII вв. н.э.) // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1979. — С. 184-193.
- Худяков Ю.С.** Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1979а. — С. 194-206.
- Худяков Ю.С.** Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. — Новосибирск, 1980. — 175 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение кочевников Приалтайских степей в IX-X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С.115-132.
- Худяков Ю.С.** Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986. — 268 с.
- Худяков Ю.С.** Кыргызы на Енисее. — Новосибирск, 1986а. — 80 с.
- Худяков Ю.С.** Об этнической интерпретации средневековых памятников Юго-Западного Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. — Новосибирск, 1989. — С.27-34.
- Худяков Ю.С.** Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. — Новосибирск, 1991. — 189 с.
- Худяков Ю.С.** Наконечники копий и «пальм» из средневековых памятников Прибайкалья, Забайкалья и Монголии // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. — Новосибирск, 1992. — С.107-117.
- Худяков Ю.С.** Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1993. — С.107-148.

- Худяков Ю.С.** Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. — Новосибирск, 1997. — 159 с.
- Худяков Ю.С.** Лук и стрелы бурят в эпоху позднего средневековья // Бурятия: Пробл. регион. истории и ист. образования. — Улан-Удэ, 2001. — Ч.1. — С.78–88.
- Худяков Ю.С.** Типология погребальных памятников кочевников Монголии эпохи раннего и развитого средневековья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. — Улан-Удэ; Чита, 2002. — С.150–160.
- Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д.** Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. — Новосибирск, 1982. — С.85–94.
- Цыбиктаров А.Д.** Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. — Улан-Удэ, 1998. — 288 с.
- Цыдендамбаев Ц.Б.** Бурятские исторические хроники и родословные. — Улан-Удэ, 2001. — 256 с.
- Чернецов В.Н.** О приемах сопоставления наскальных изображений // СЭ. — 1969. — № 4. — С.107–113.
- Черский И.Д.** Описание коллекций послетретичных млекопитающих животных собранных Новосибирской экспедицией 1885–1886 гг. Приложение к Т.25 ЗАН, 1891. — 706 с.
- Шавкунов Э.В.** Описание бронзовых зеркал из Приморского края и их датировка // Материалы по археологии Дальнего Востока СССР. — Владивосток, 1981. — С.93–110.
- Шавкунов Э.В.** Культура чжурчженей-удигэ XII–XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. — М., 1990. — 281 с.
- Шульга П.И., Горбунов В.В.** Стремя раннего типа из Алейской степи // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. — Барнаул, 1998. — С.99–101.
- Элерт А.Х.** Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. — Новосибирск, 1990. — 247 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
БИОН СО АН — Бурятский институт общественных наук Сибирского отделения академии наук
БКНИИ — Бурятский комплексный научно-исследовательский институт
БМНИИК — Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт истории и культуры
БНЦ СО РАН — Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВСОГО — Восточно-Сибирский отдел Географического общества
ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
ЗАН — Записки академии наук
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук
ИИАЭ ДВО РАН — Институт истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук
ИИФиФ СО АН СССР — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения академии наук
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИОКМ — Иркутский областной краеведческий музей
КНИЭ — Комплексная научно-исследовательская экспедиция
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАЭ — Материалы по археологии и этнографии
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
РАСК — Региональная археологическая студенческая конференция
РГО — Российское географическое общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СЭ — Советская этнография
ТТКАЭЭ — Труды тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции
ХНИИЯЛИ — Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
ЦСН — Центр по сохранению историко-культурного наследия

ИЛЛЮСТРАЦИИ

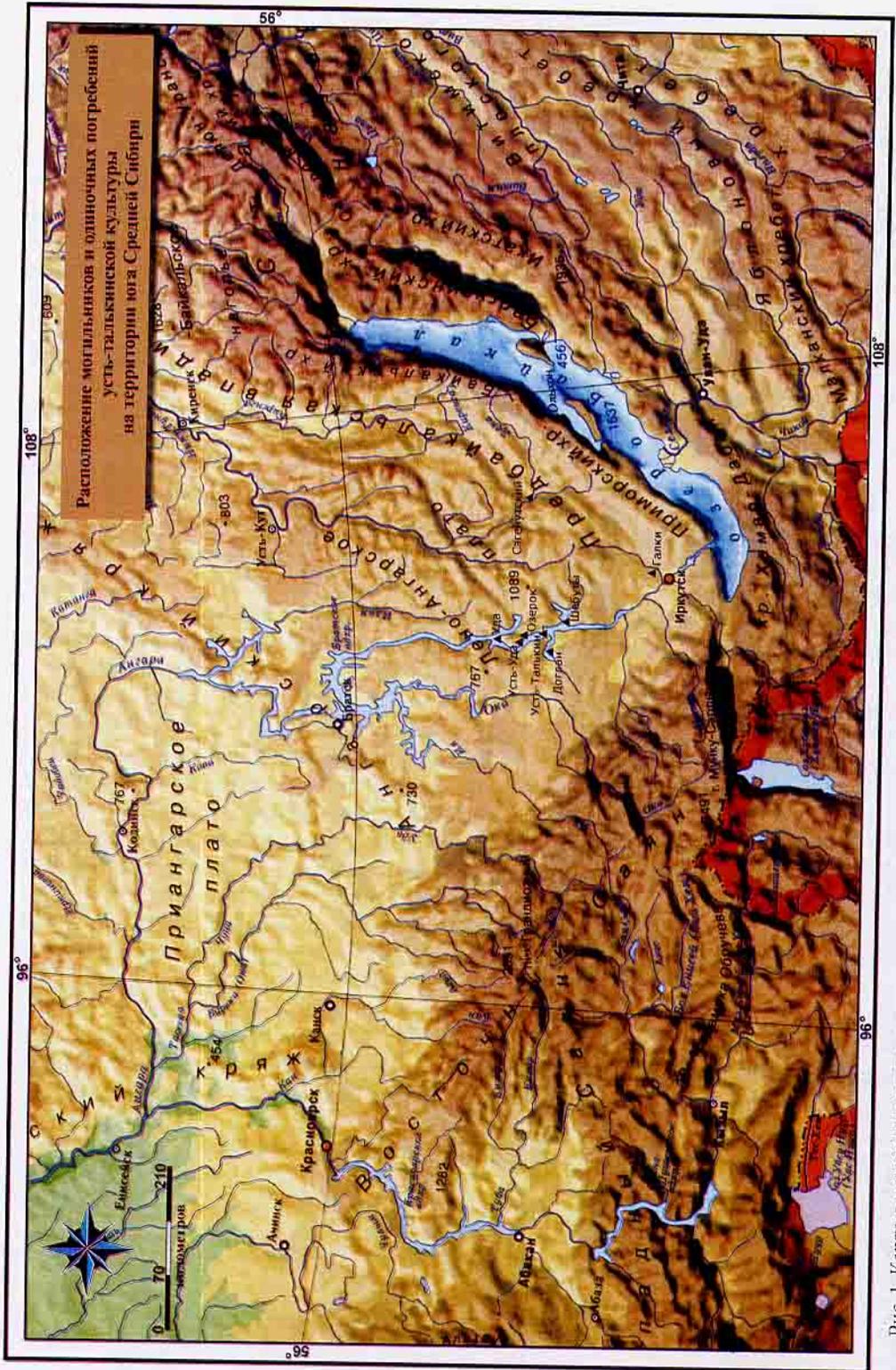
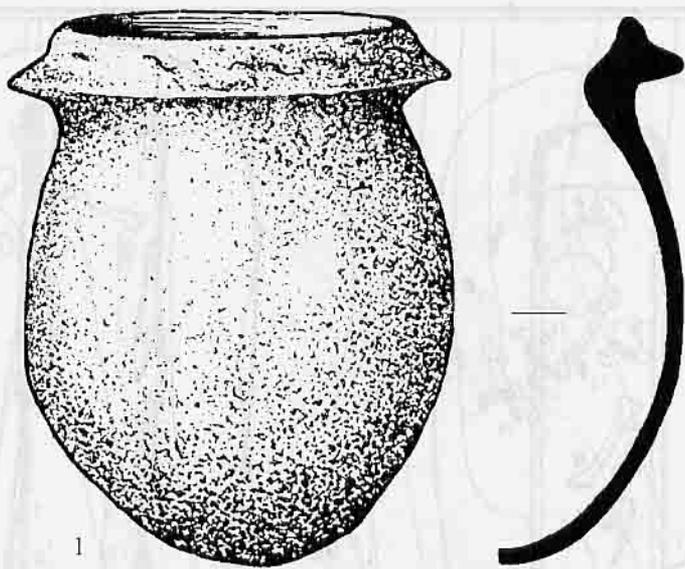
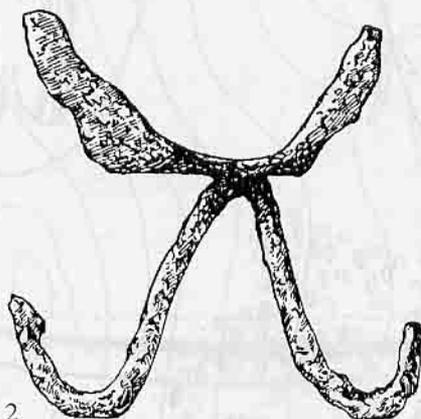

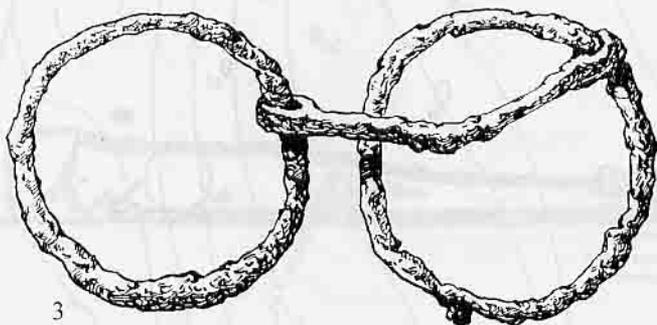
Рис. 1. Карта с указанием месторасположения могильников и одиночных погребений усть-талынской культуры на юге Средней Сибири

1

2

3

Рис. 2. Сэгенутский могильник: 1 – глиняный сосуд из погребения № 6; 2 – пожницы из погребения № 6; 3 – удила из погребения № 8 (по А.П. Окладникову, 1958 г.)

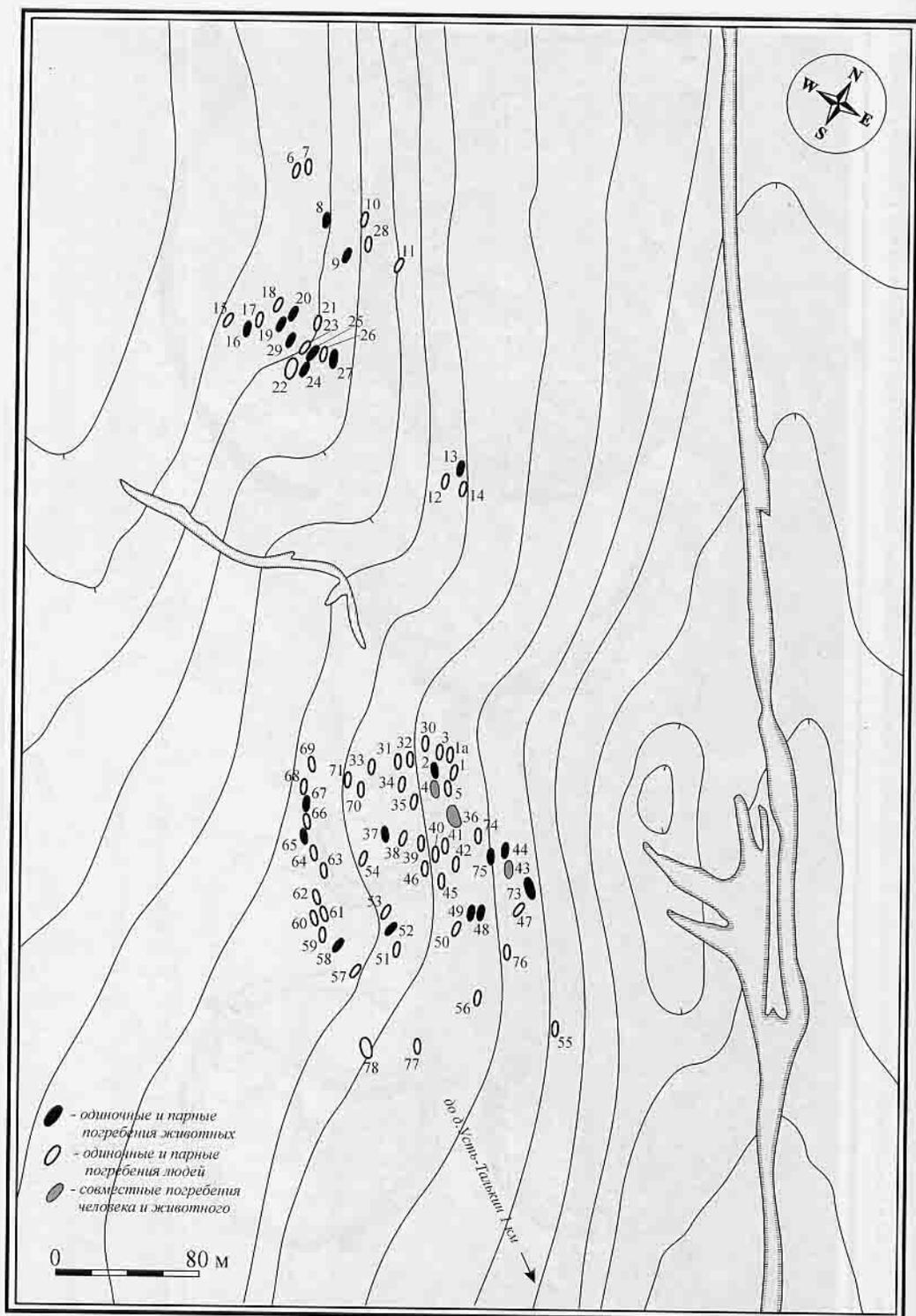

Рис. 3. Ситуационный план могильника Усть-Талькин (по Е.Ф. Седакиной, 1959 г.)

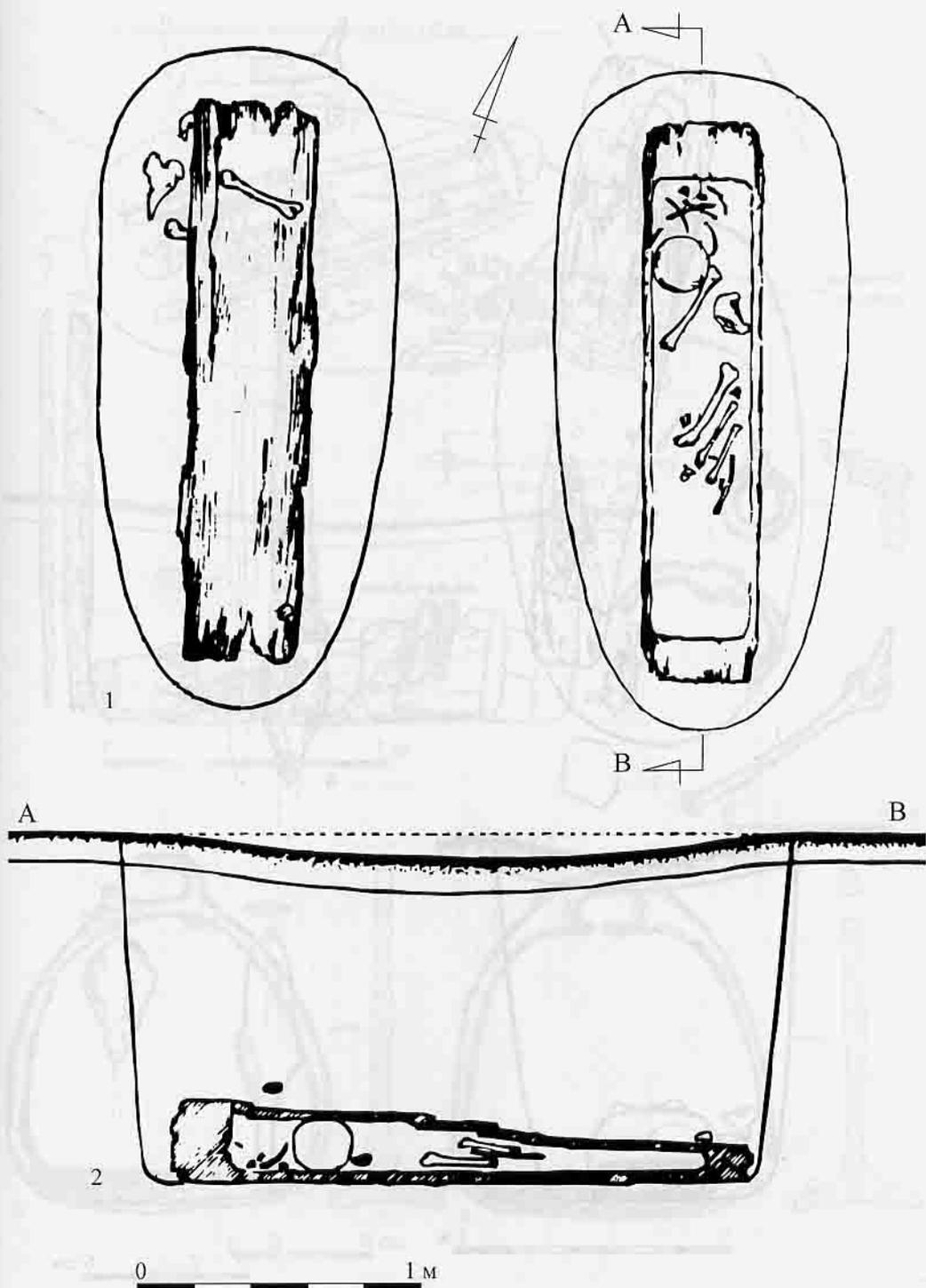

Рис. 4. Могильник Усть-Талькин, погребение № 1а: 1, 2 – планиграфия и разрез (по Е.Ф. Седакиной, 1957 г.)

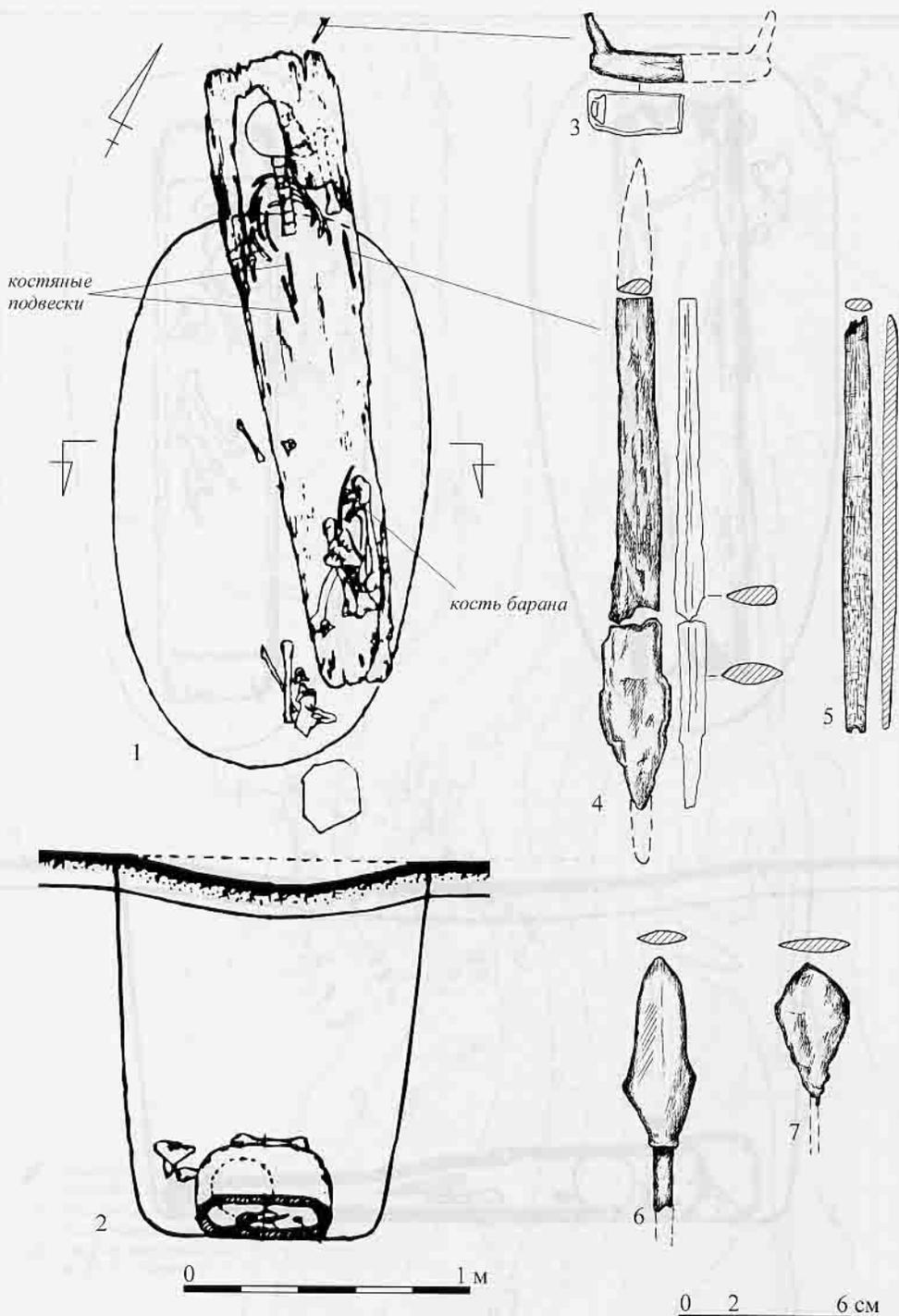

Рис. 5. Могилиник Усть-Талькин, погребение № 1: 1, 2 – планиграфия и разрез (по Е.Ф. Седакиной, 1959 г.). Сопроводительный инвентарь погребения № 1: 3 – кресало, 4 – наконечник пальмы, 5 – костяная подвеска (?), 6, 7 – наконечники стрел

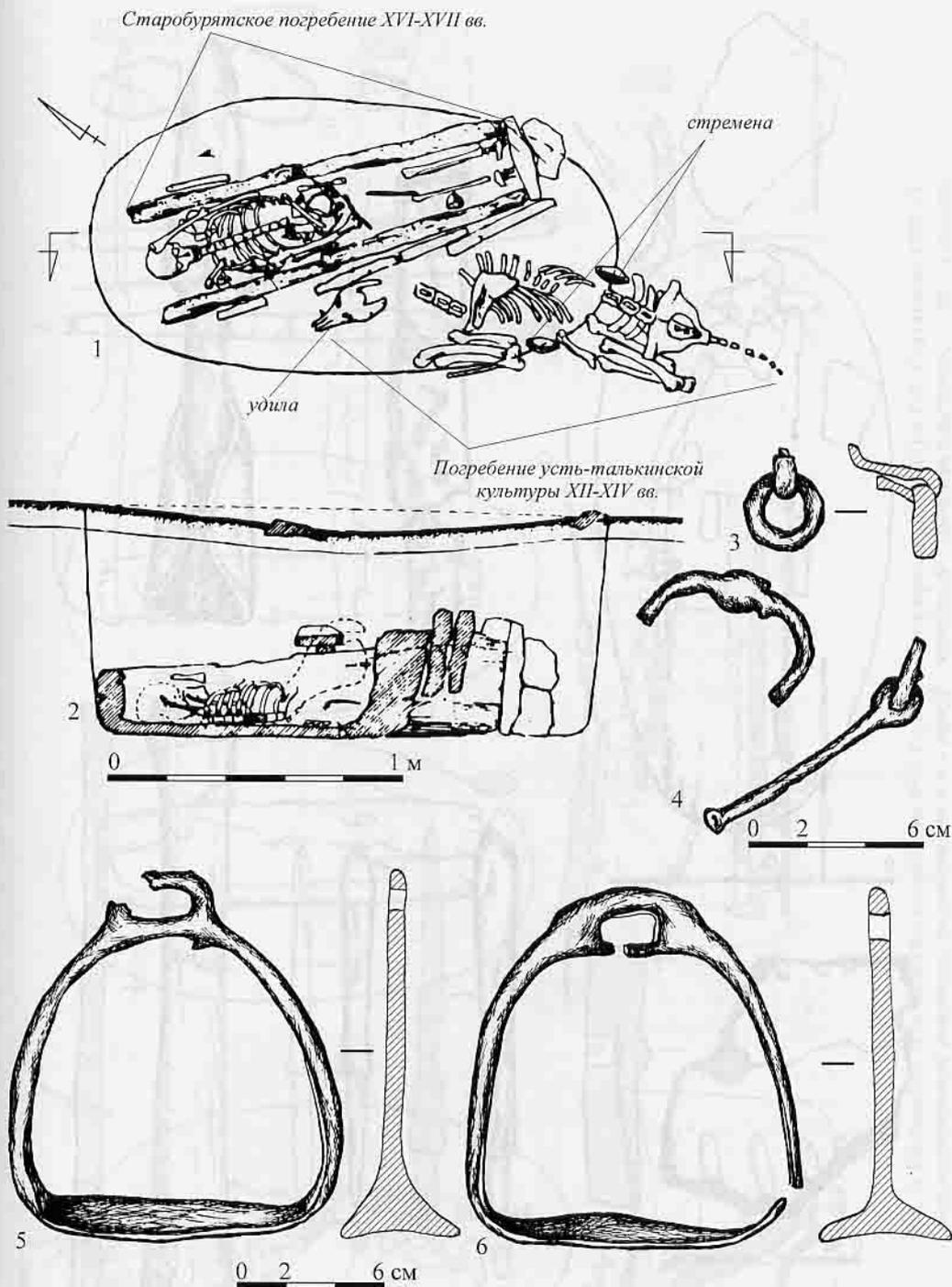

Рис. 6. Могильник Усть-Талькин, погребение № 2: 1, 2 – планиграфия и разрез (по Е.Ф. Седакиной, 1957 г.). Сопроводительный инвентарь погребения № 2: 3 – кольцо торока, 4 – удила, 5, 6 – стремена

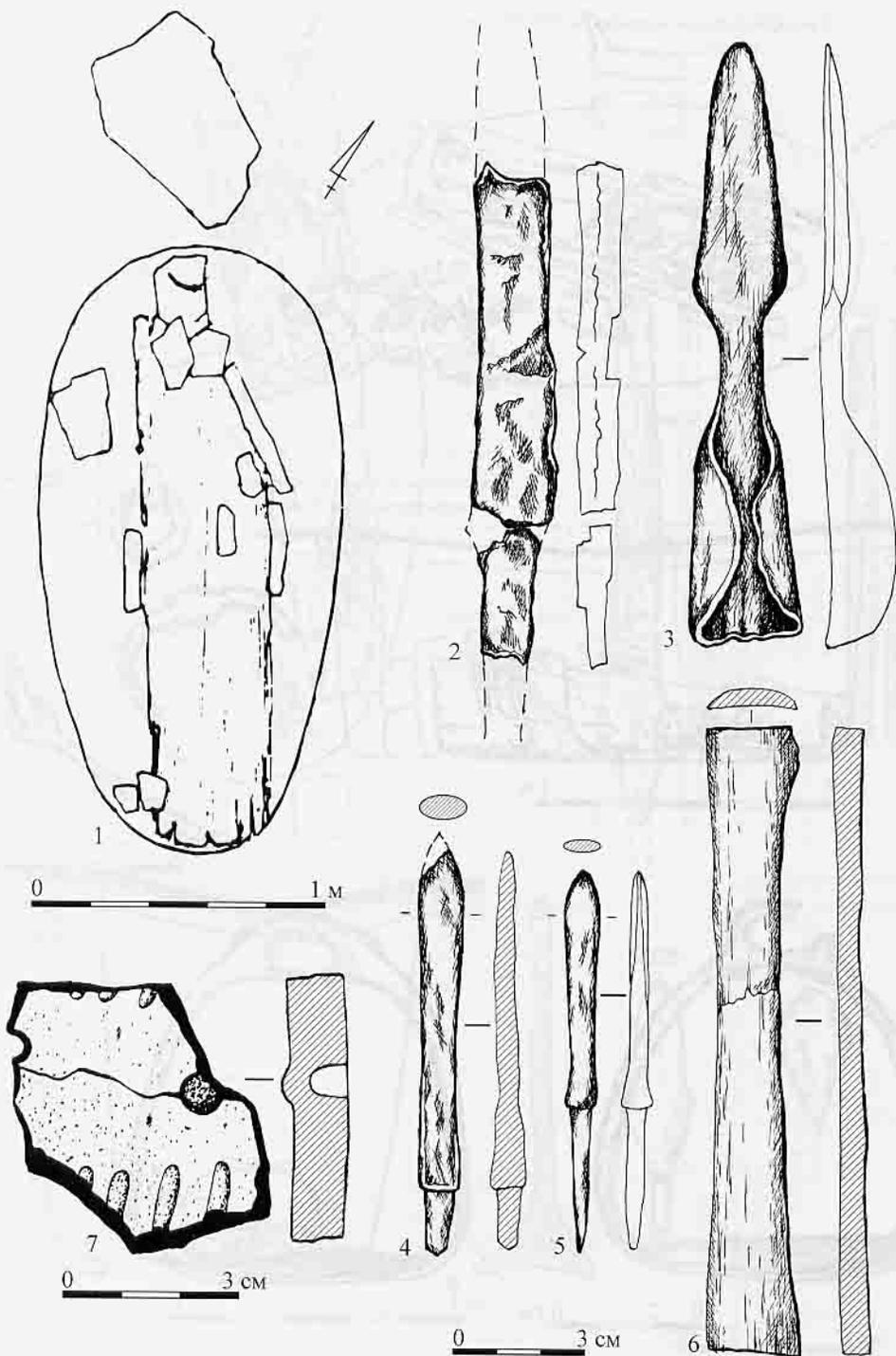

Рис. 7. Могильник Усть-Талькин, погребение № 3: 1 – планиграфия (по Е.Ф. Седакиной, 1957 г.). Сопроводительный инвентарь погребения № 3: 2 – наконечник пальмы, 3 – наконечник копыя, 4, 5 – наконечники стрел, 6 – накладка лука, 7 – керамика

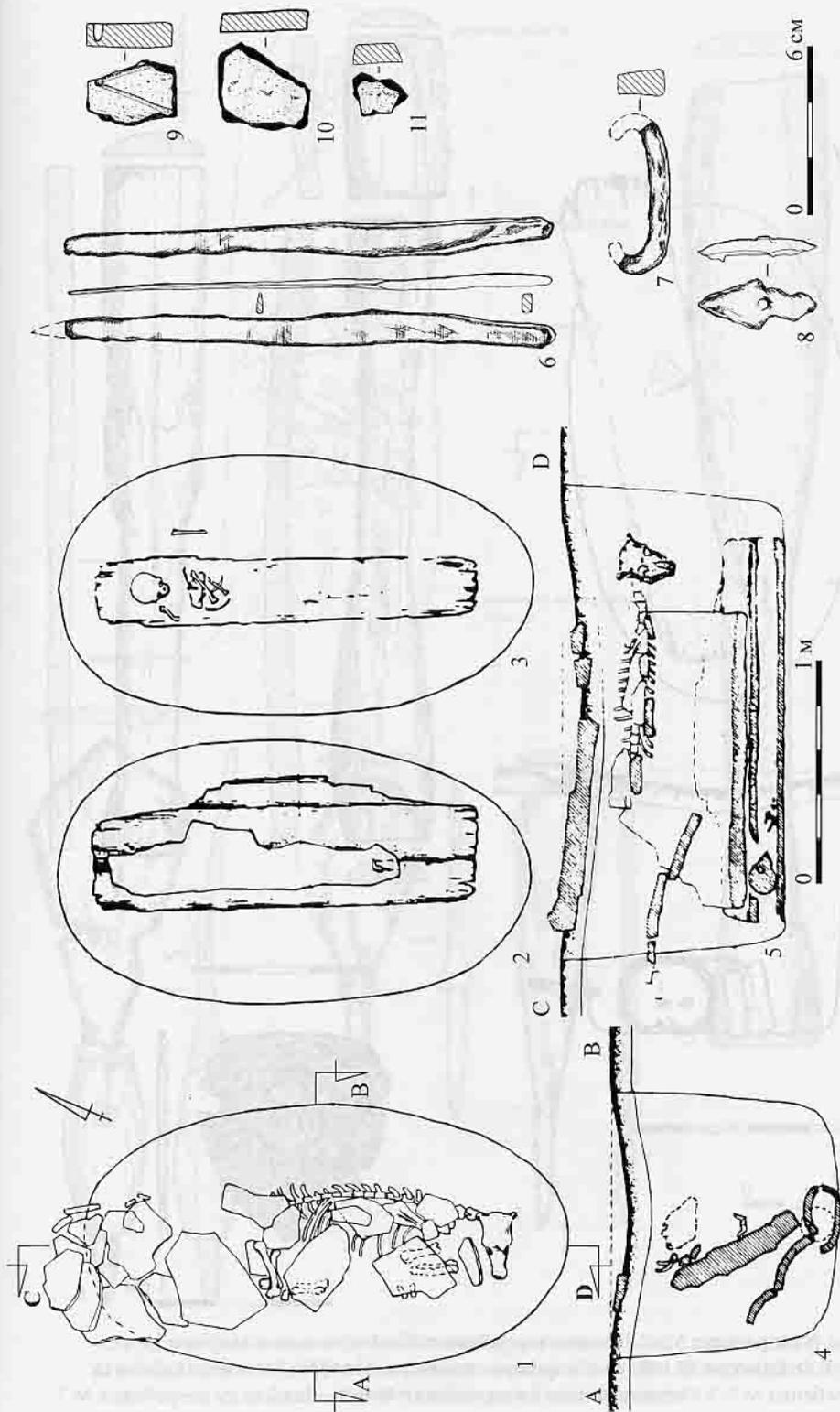

Рис. 8. Могильник Усть-Талкин, погребение № 4: 1 - 5 - планиграфия и разрезы (по Е.Ф. Седякиной, 1957 г.).
 Сопроводительный инвентарь погребения № 4: 6 - нож, 7 - кресало, 8 - железная пластинка, 9 - 11 - керамика

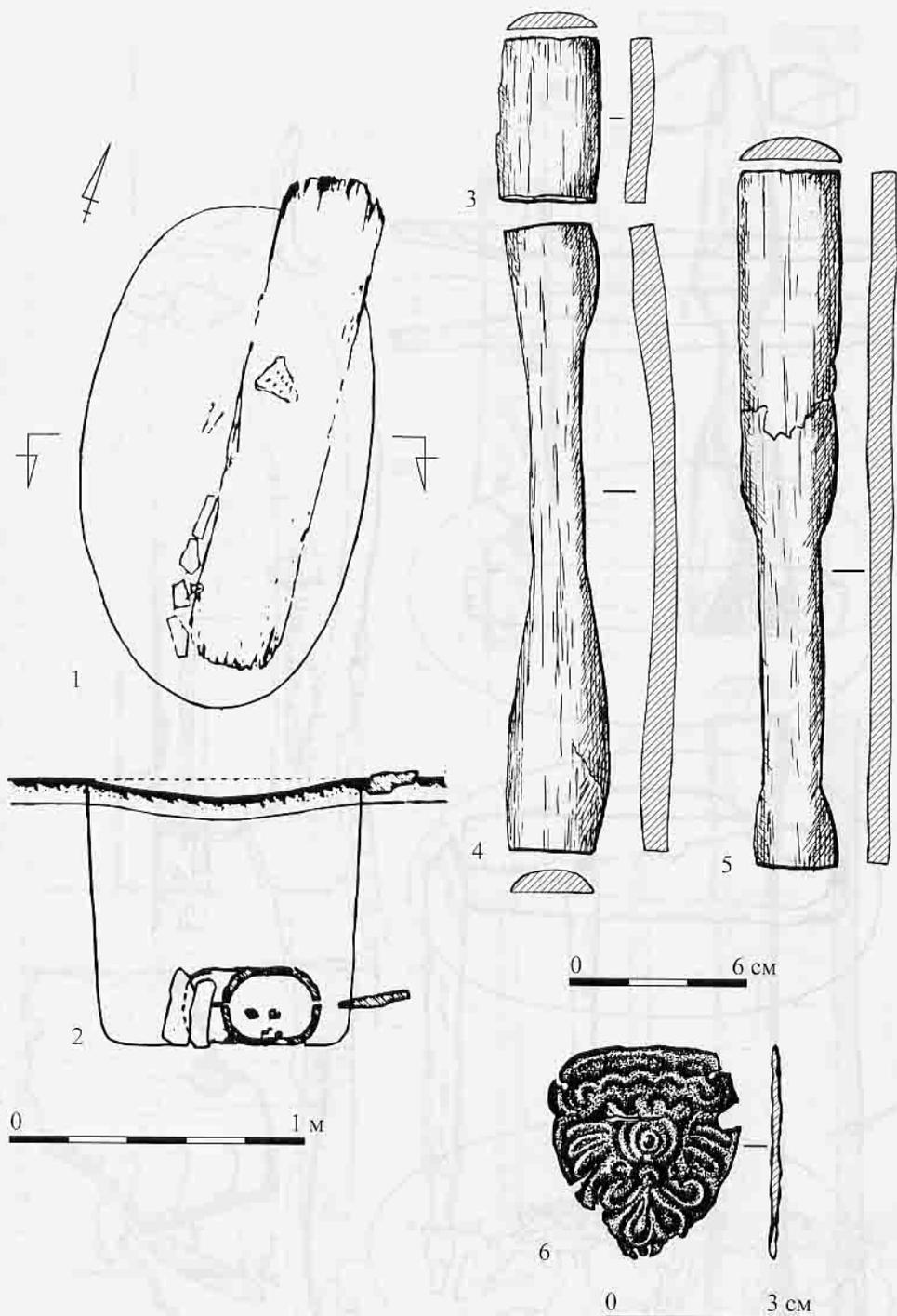

Рис. 9. Могильник Усть-Талькин, погребение № 5: 1 – 2 – планиграфия и разрез (по Е.Ф. Седякиной, 1957 г.). Сопроводительный инвентарь: 3, 4 – накладки лука из погребения № 5, 5 – накладка лука из погребения № 6, 6 – бляшка из погребения № 7

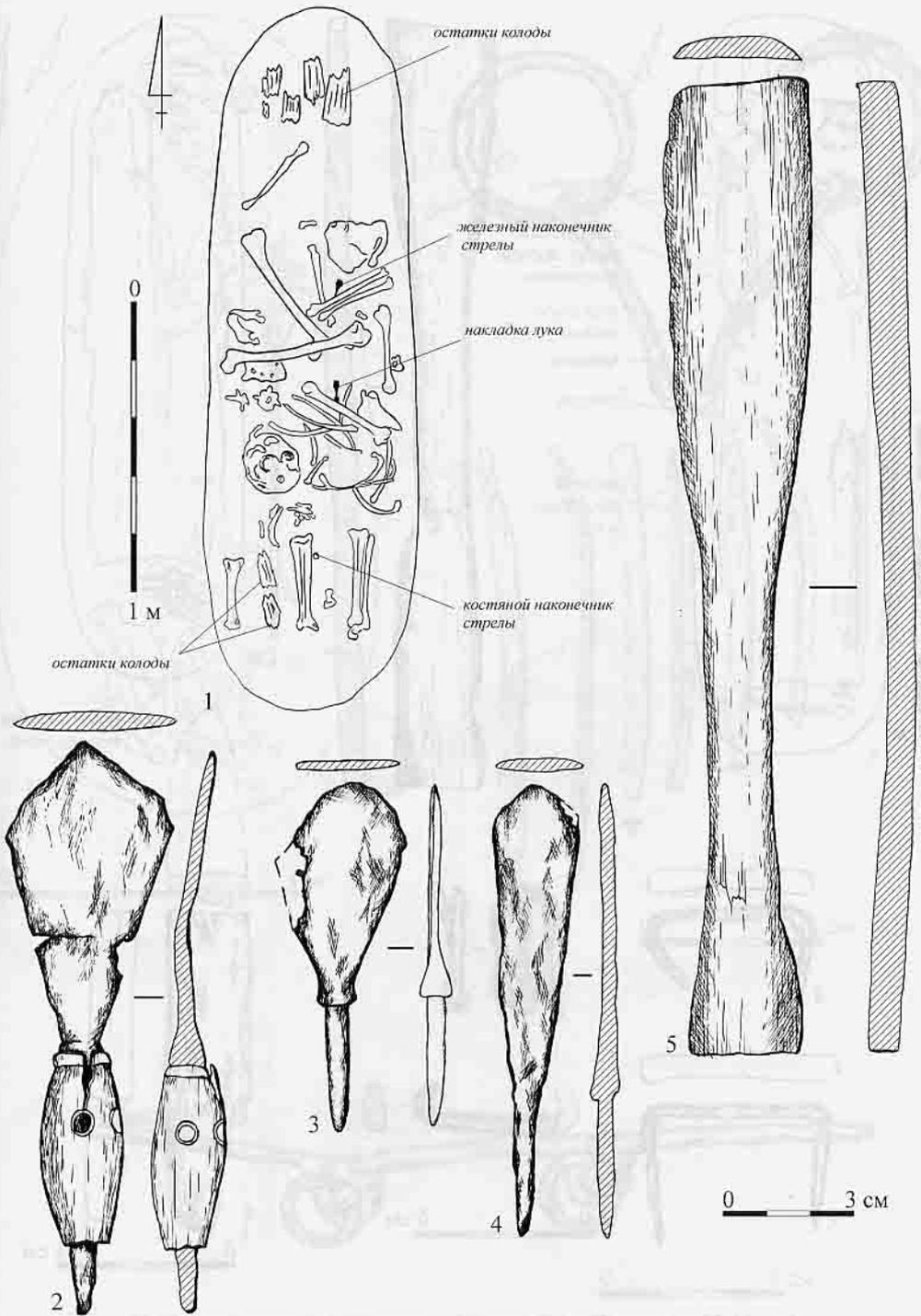

Рис. 10. Могильник Усть-Талькин, погребение № 10: 1 – планиграфия (по Е.Ф. Седякиной, 1959 г.). Сопроводительный инвентарь из погребения № 10: 2 – 4 – наконечники стрел, 5 – накладка лука

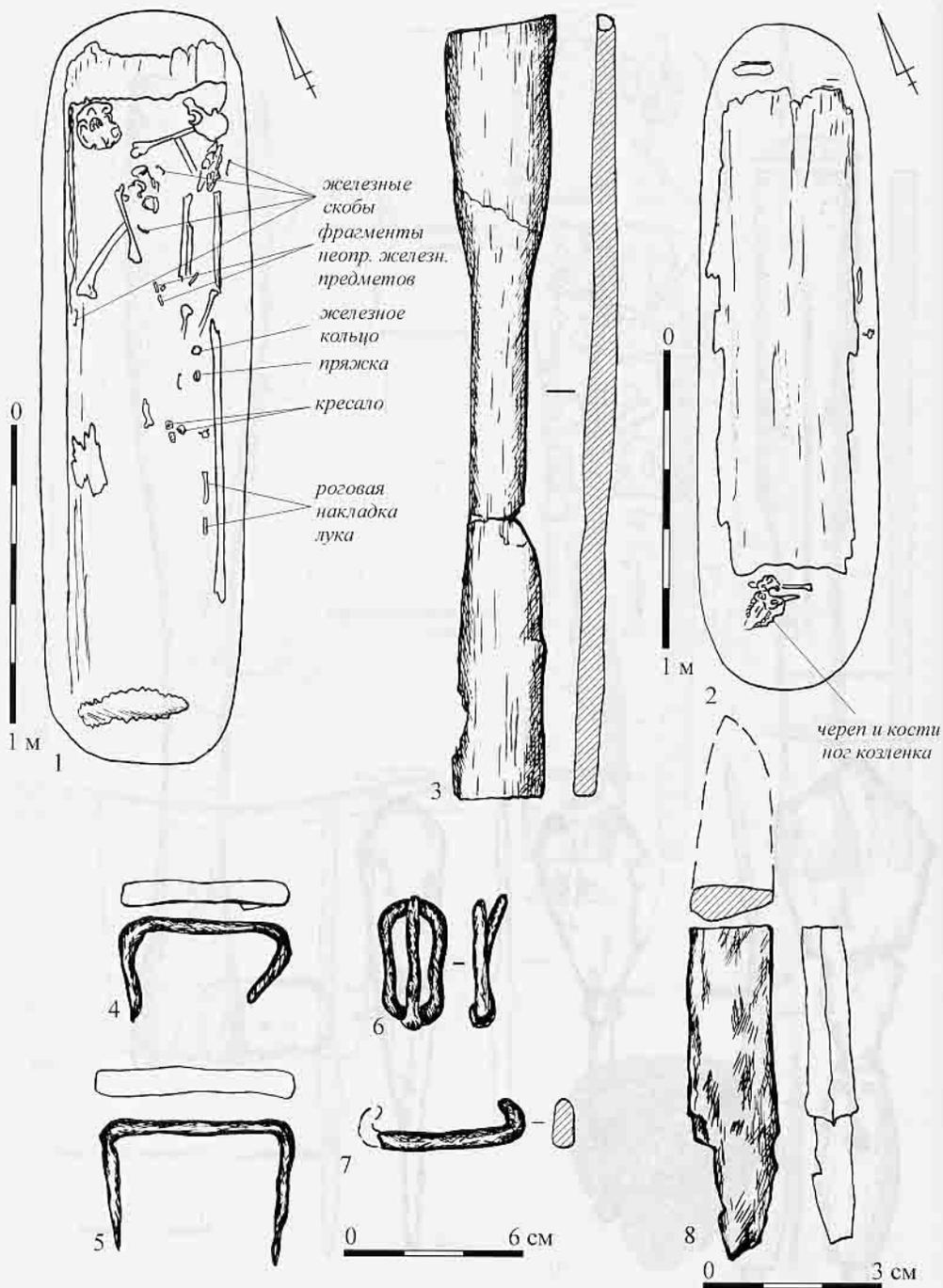

Рис. 11. Могильник Усть-Талькин: 1 – планиграфия погребения № 11 (по Е.Ф. Седякиной, 1959 г.). Сопроводительный инвентарь из погребения № 11: 3 – роговая накладка лука, 4, 5 – скобы, 6 – пряжка, 7 – кресало; 2 – планиграфия погребения № 12 (по Е.Ф. Седякиной, 1959 г.), 8 – нож из погребения № 12

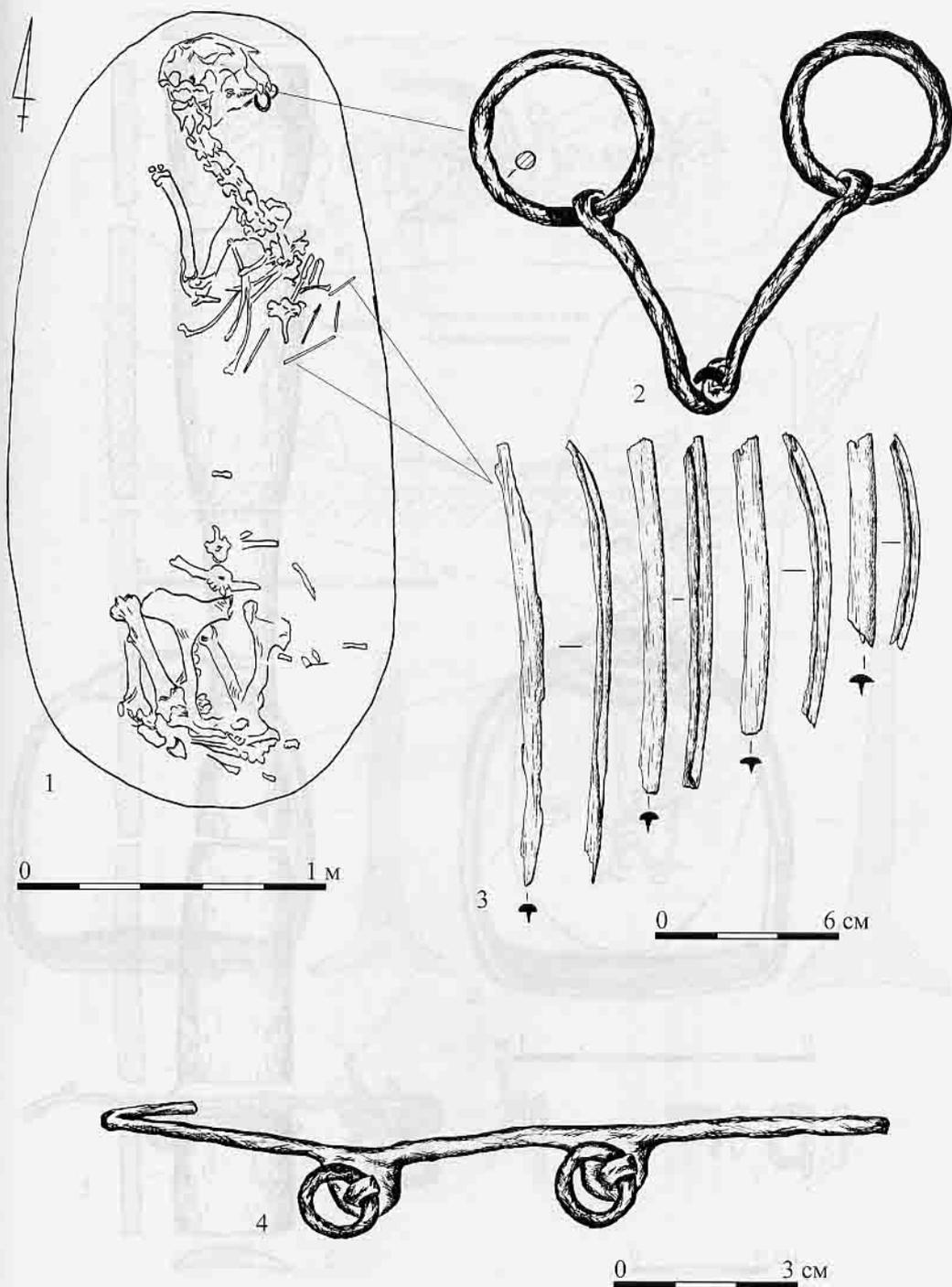

Рис. 12. Могильник Усть-Талькин, погребение № 16: 1 – планиграфия (по Е.Ф. Седакиной, 1959 г.).
 Сопроводительный инвентарь погребения № 16: 2 – удила, 3 – роговой кант луки седла,
 4 – кольца торока

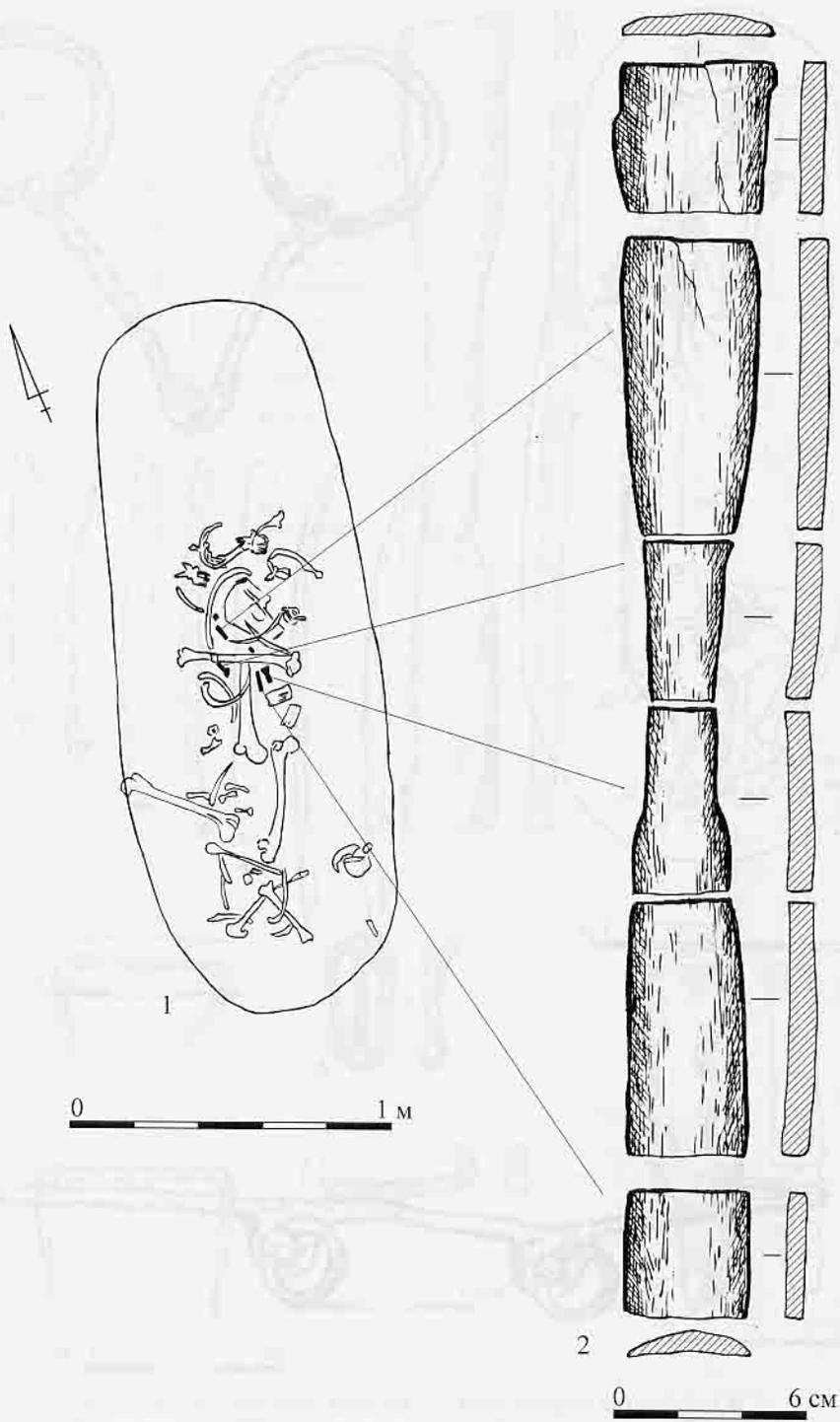

Рис. 13. Могильник Усть-Талькин, погребение № 18: 1 – планиграфия (по Е.Ф. Седакиной, 1959 г.),
 2 – составная фронтальная накладка лука из погребения № 18

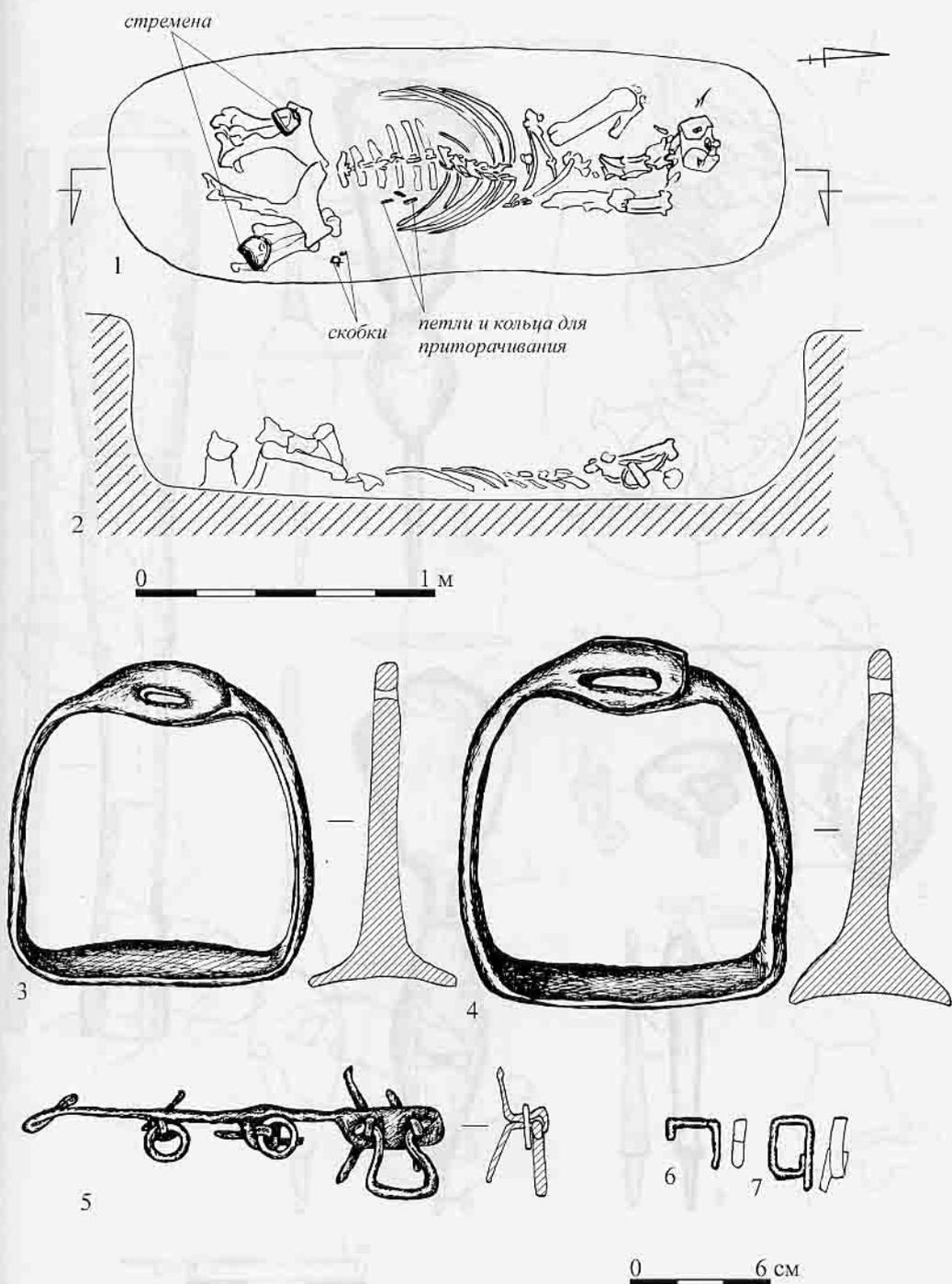

Рис. 14. Могильник Усть-Талькин, погребение № 19: 1, 2 – планиграфия и разрез (по Е.Ф. Седакиной, 1959 г.). Сопроводительный инвентарь из погребения № 19: 3, 4 – стремена, 5 – кольца и петля торока, 6, 7 – скобки

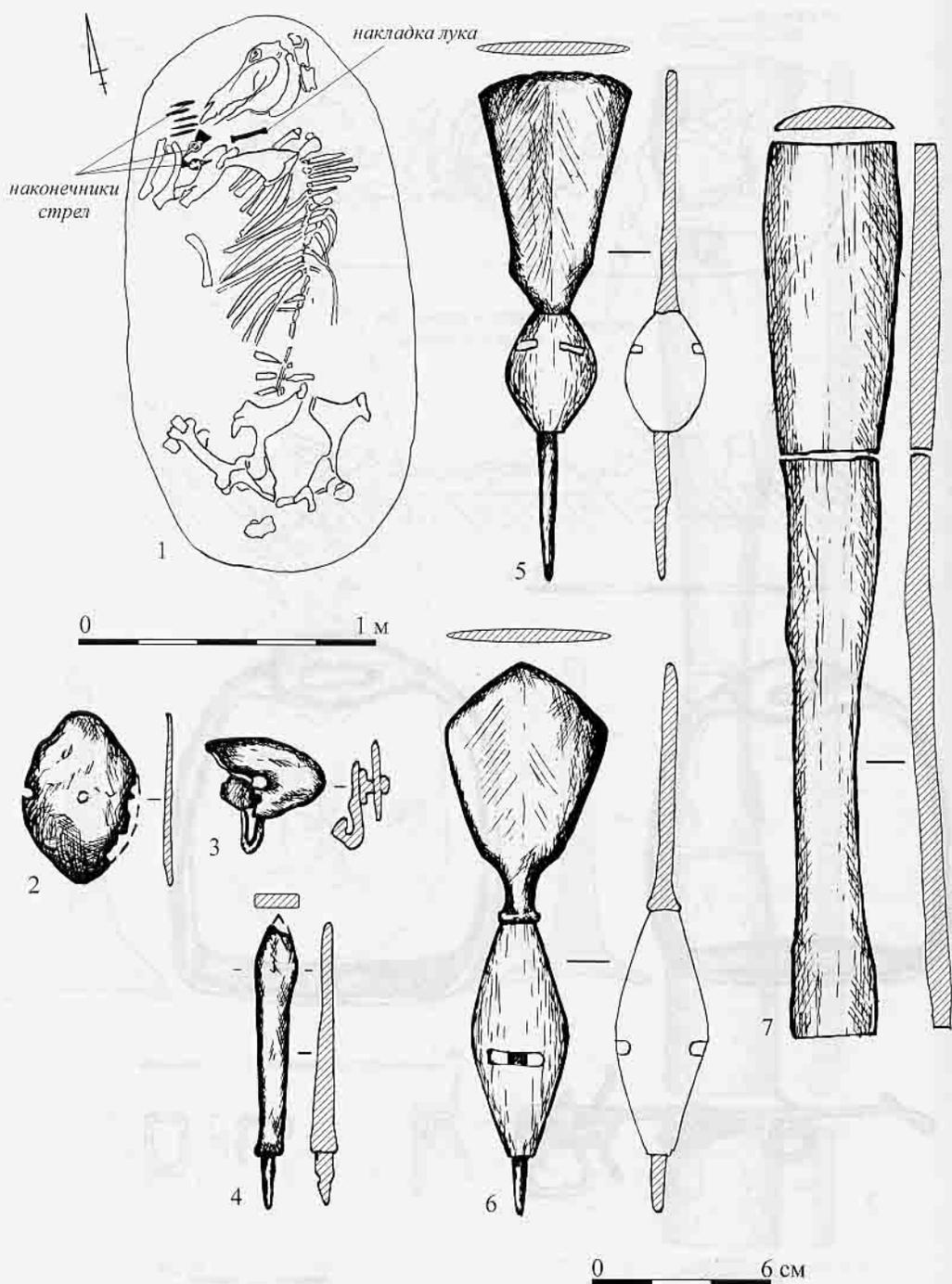

Рис. 15. Могильник Усть-Талькин, погребение № 20: 1 – планиграфия (по Е.Ф. Седакиной, 1959 г.). Сопроводительный инвентарь погребения № 20: 2, 3 – бляшки-накладки, 4 – 6 – наконечники стрел, 7 – накладка лука

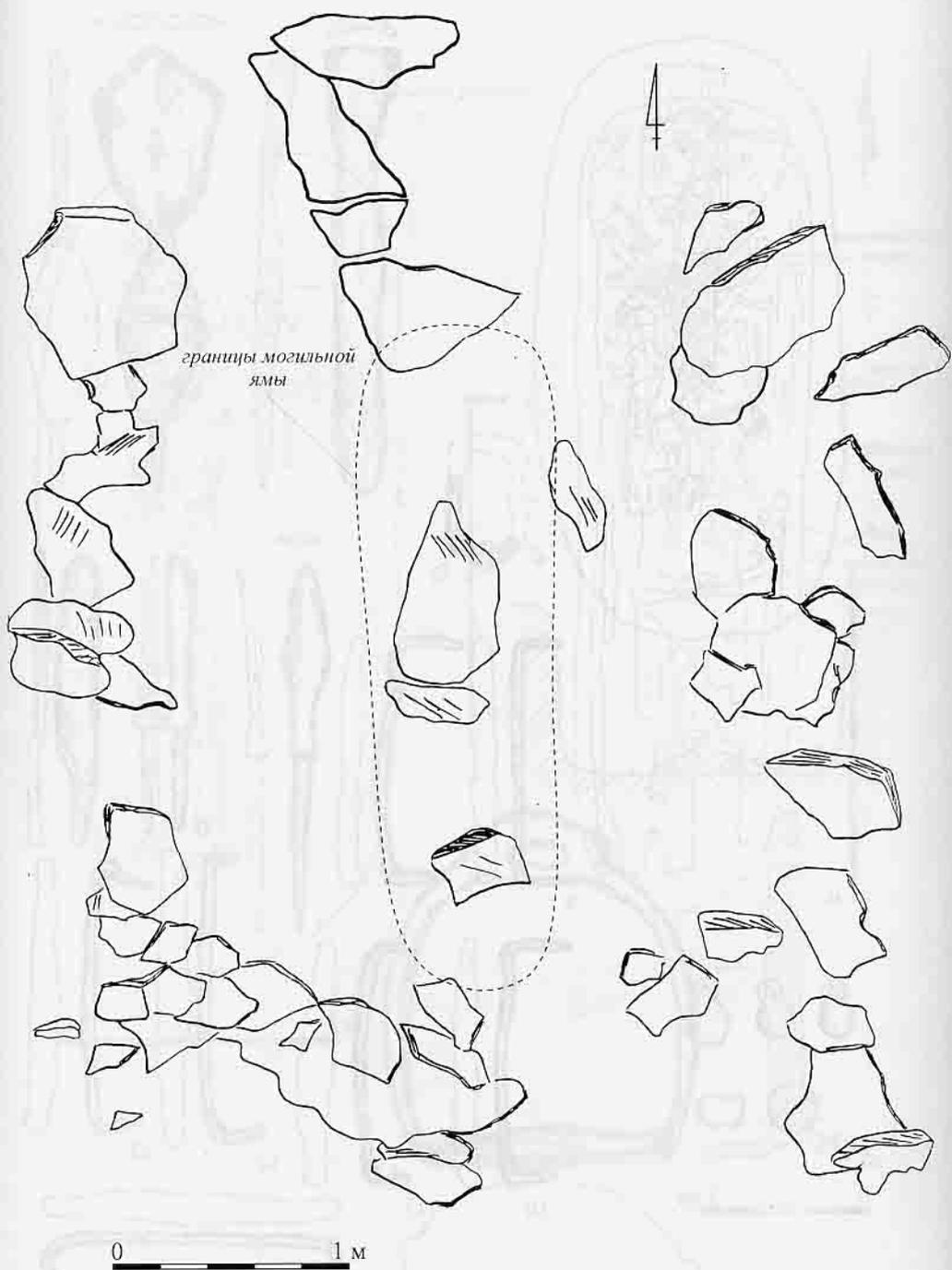

Рис. 16. Могильник Усть-Талькин, погребение № 21 – планиграфия надмогильного сооружения (по Е.Ф. Седякиной, 1959 г.)

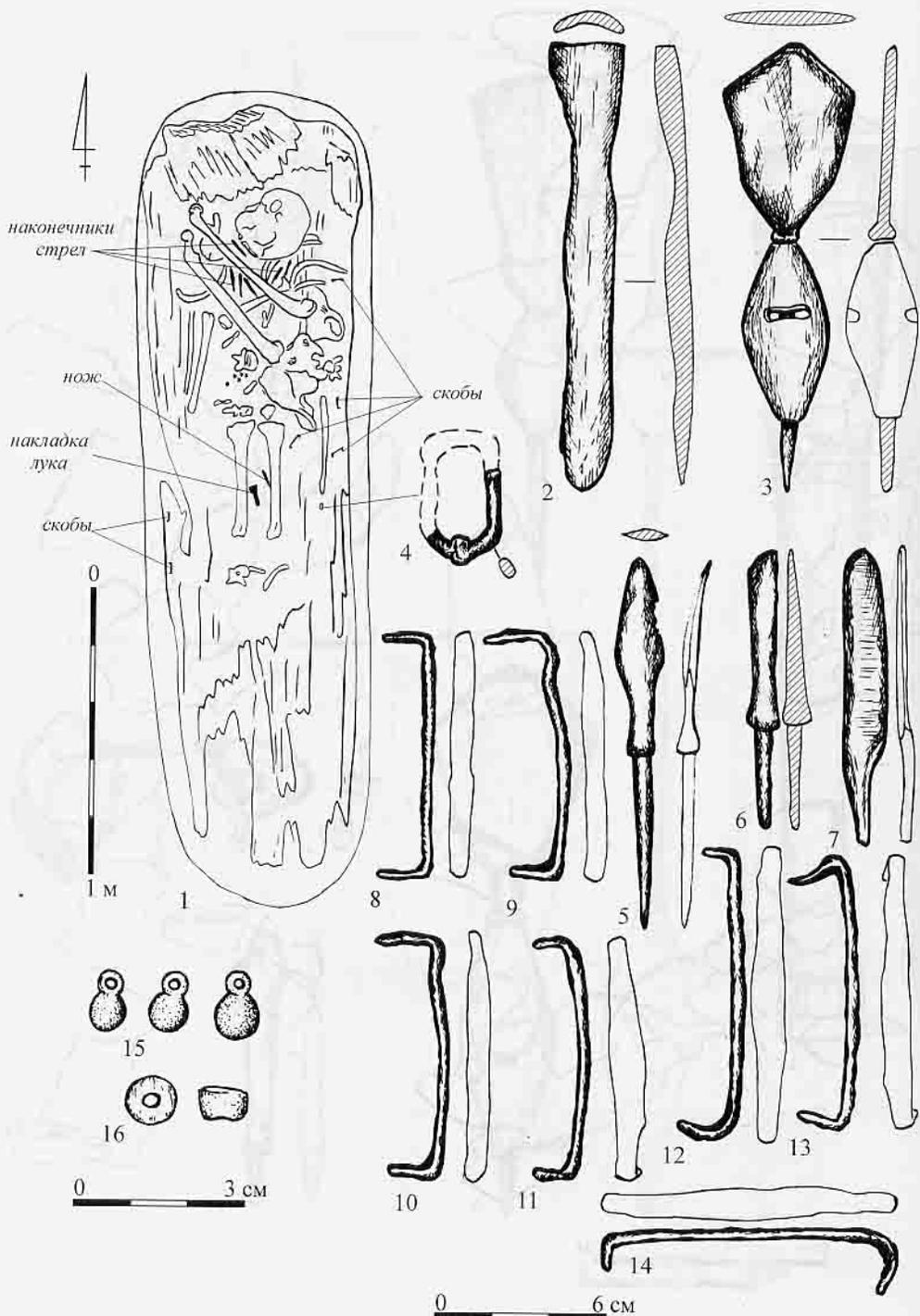

Рис. 17. Могильник Усть-Талькин, погребение № 21: 1 – планиграфия (по Е.Ф. Седякиной, 1959 г.). Сопроводительный инвентарь из погребения № 21: 2 – накладка лука, 3, 5, 6 – наконечники стрел, 4 – пряжка, 7 – нож, 8 – 14 – скобы, 15 – пуговицы, 16 – бусины

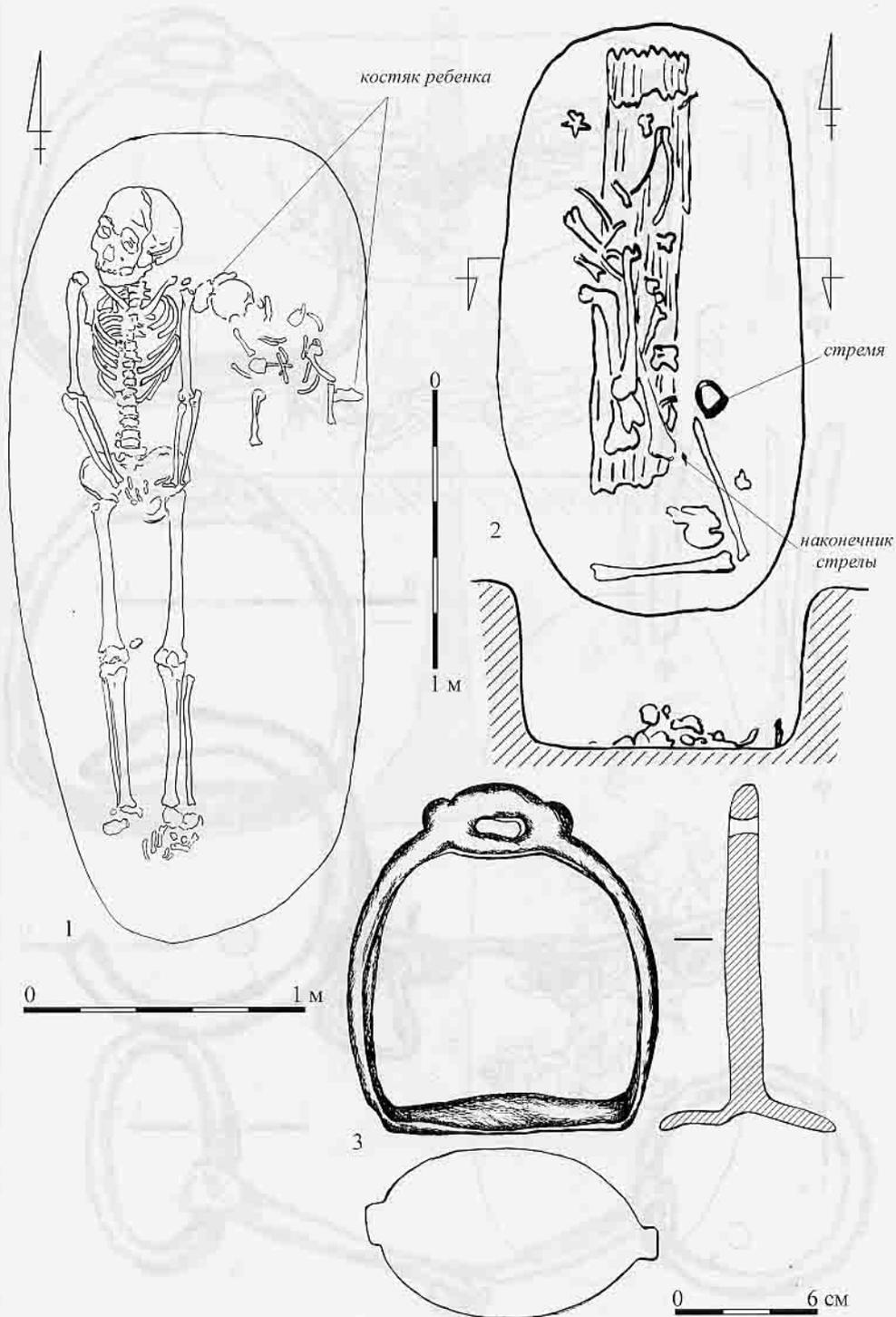

Рис. 18. Могильник Усть-Талькин: 1 – планиграфия погребения № 22 (по Е.Ф. Седакиной, 1959 г.),
 3 – стреля из погребения № 23

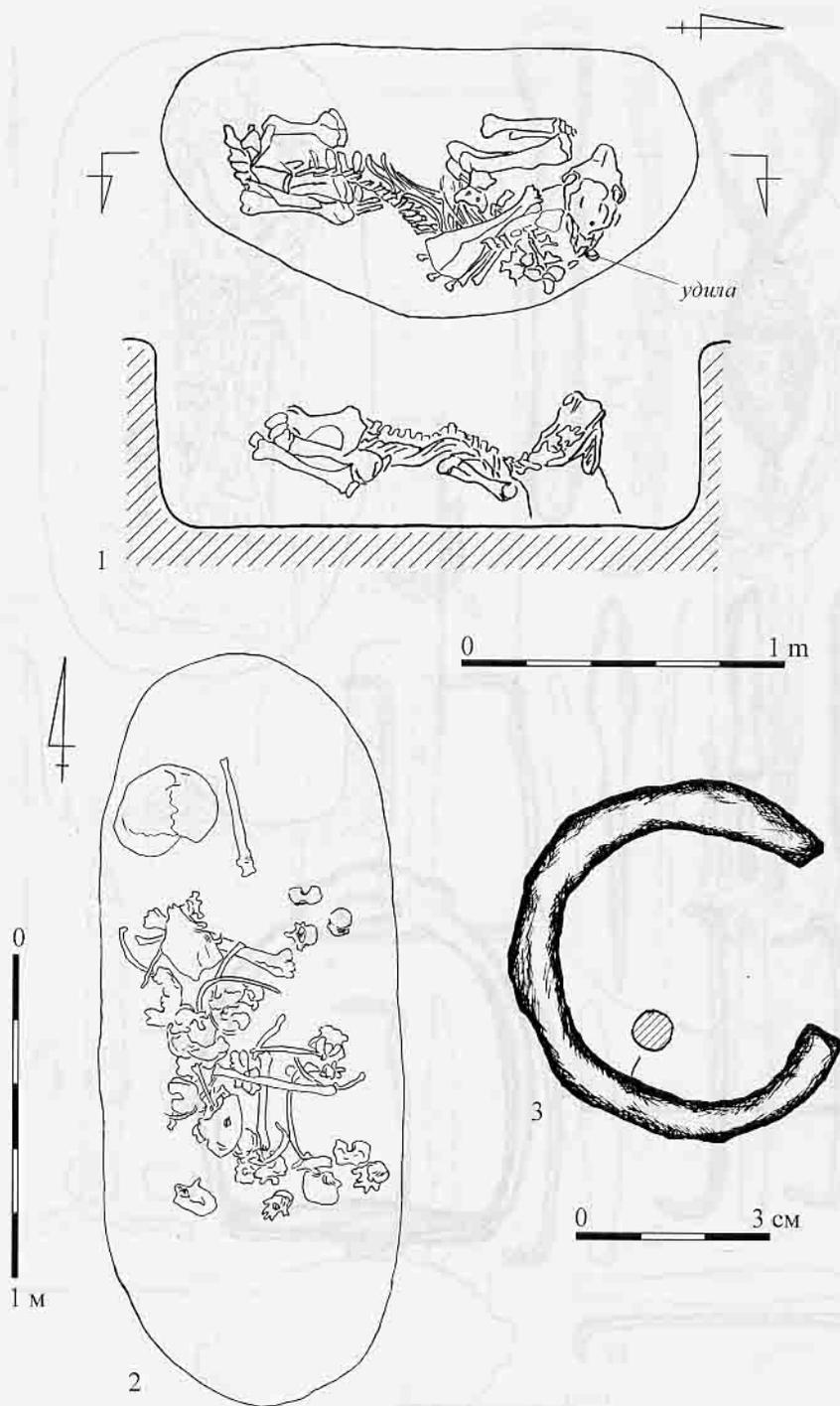

Рис. 19. Могильник Усть-Талькин: 1 – планиграфия и разрез погребения № 24 (по Е.Ф. Седякиной, 1959 г.), 2 – планиграфия погребения № 26 (по Е.Ф. Седякиной, 1959 г.), 3 – железное кольцо из погребения № 27

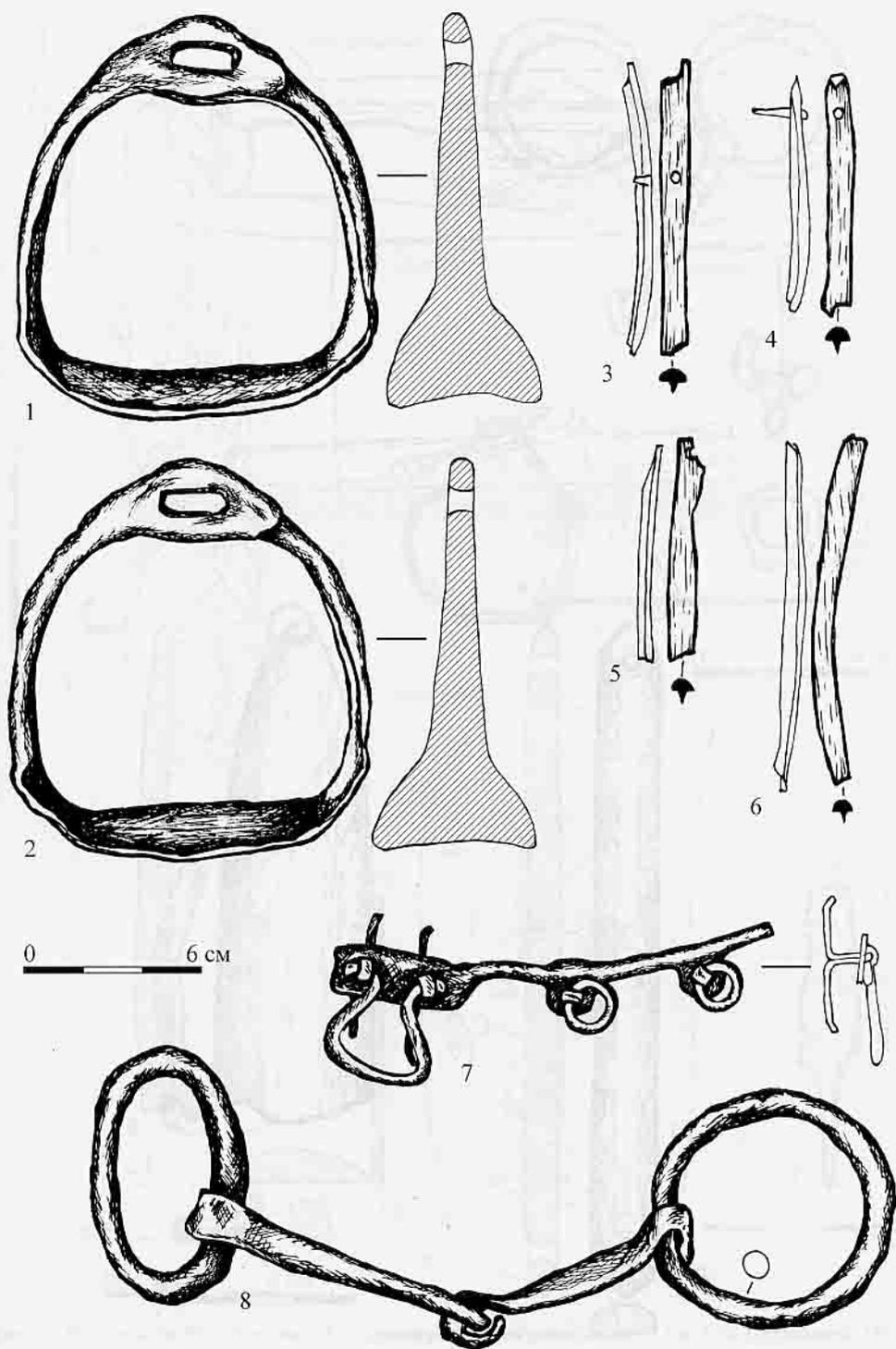

Рис. 20. Могильник Усть-Талькин, сопроводительный инвентарь погребения № 29: 1, 2 – стремена, 3 – 6 – роговой кант луки седла, 7 – петля и кольца торока, 8 – удила

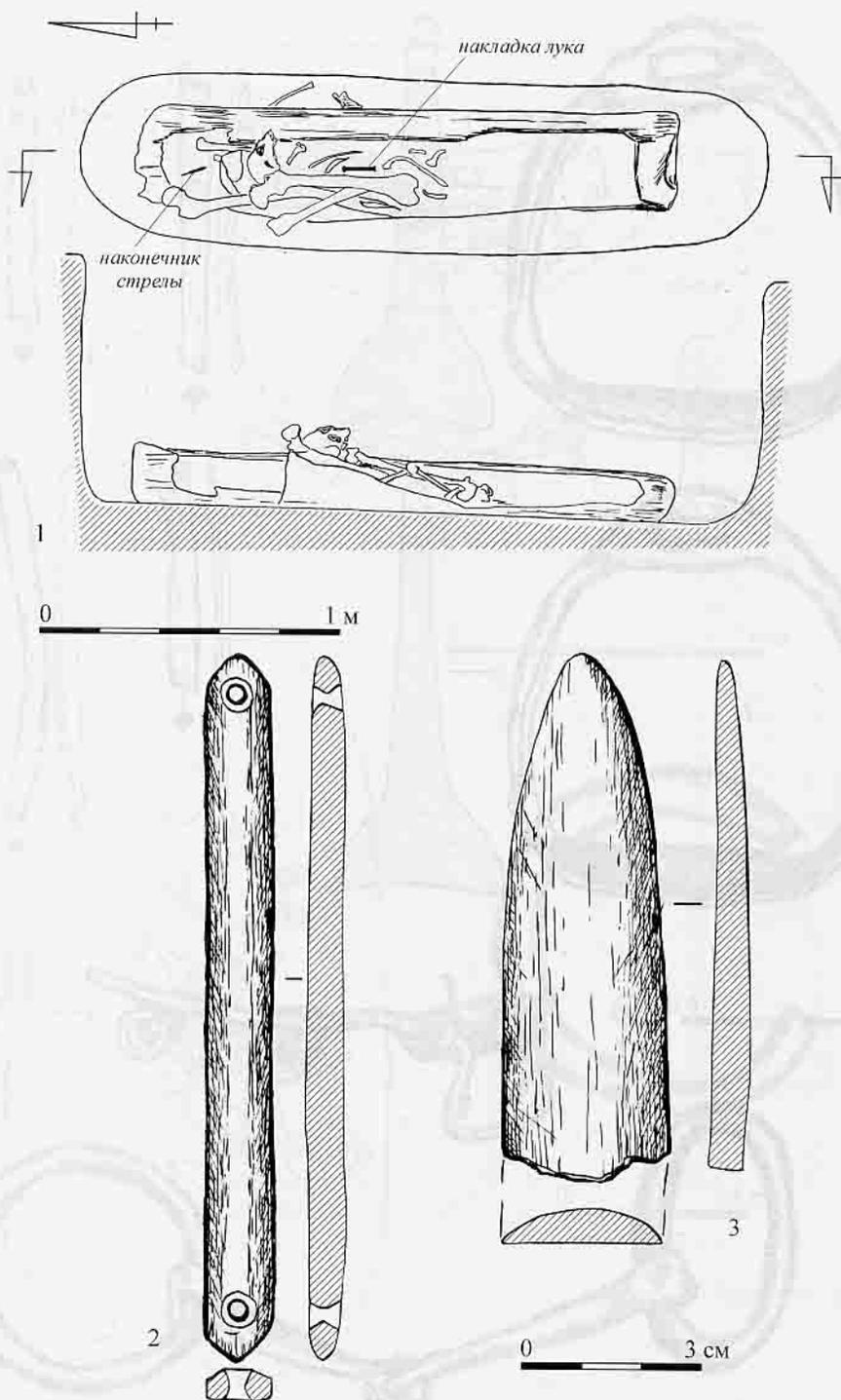

Рис. 21. Могильник Усть-Талькин: 1 – планиграфия и разрез погребения № 33 (по Е.Ф. Седякиной, 1959 г.). Сопроводительный инвентарь погребения № 35: 2 – костяная подвеска (?), 3 – фрагмент роговой накладки лука

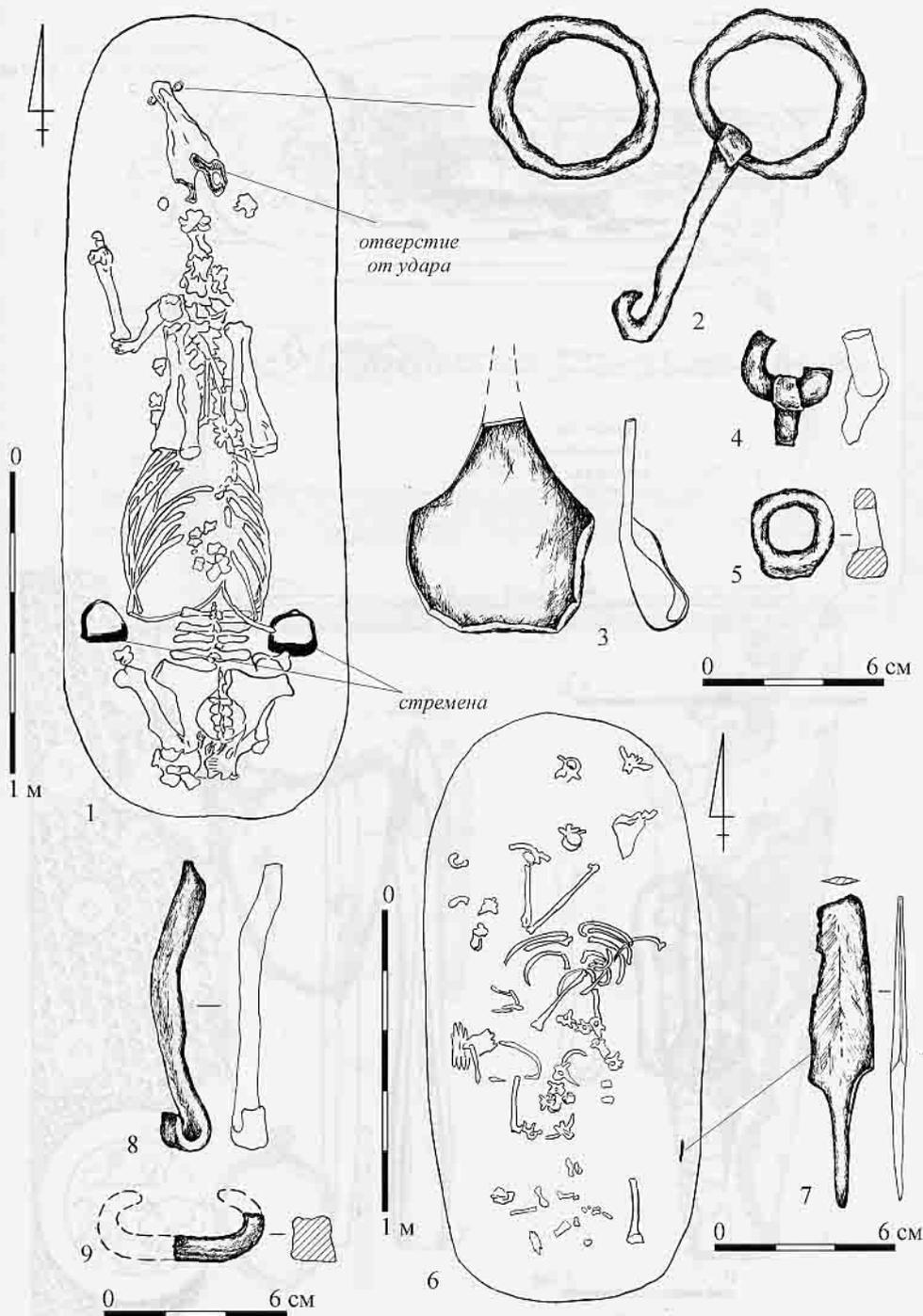

Рис. 22. Могильник Усть-Талькин: 1 – планиграфия погребения № 37 (по Е.Ф. Седякиной, 1959 г.). Сопроводительный инвентарь погребения № 37: 2 – удила, 3 – лопаточка, 4, 5 – кольца торока. 6 – планиграфия погребения № 39 (по Е.Ф. Седякиной, 1959 г.). Сопроводительный инвентарь из погребения № 40: 7 – нож, 8 – половинка грызла удил, 9 – кресало

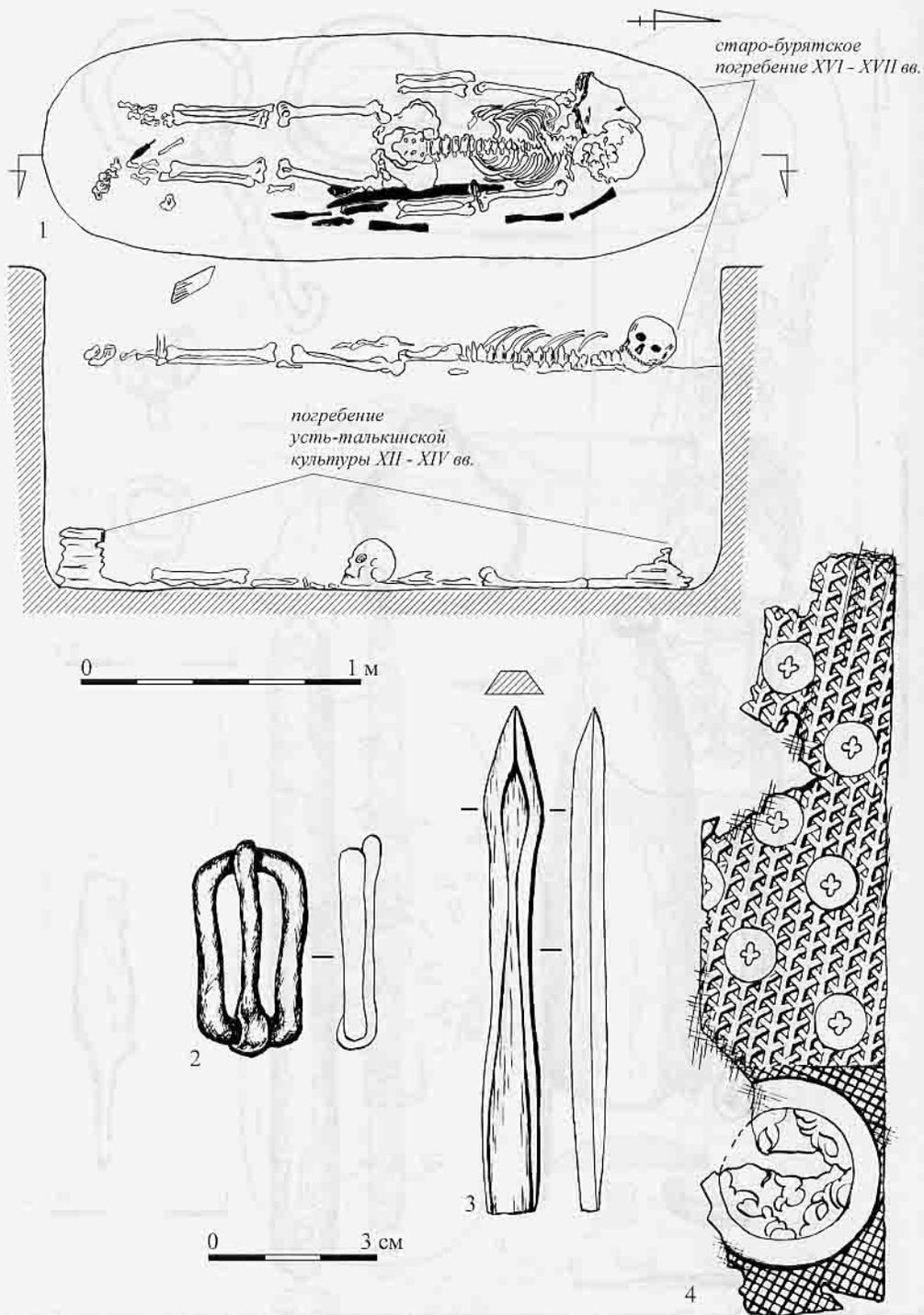
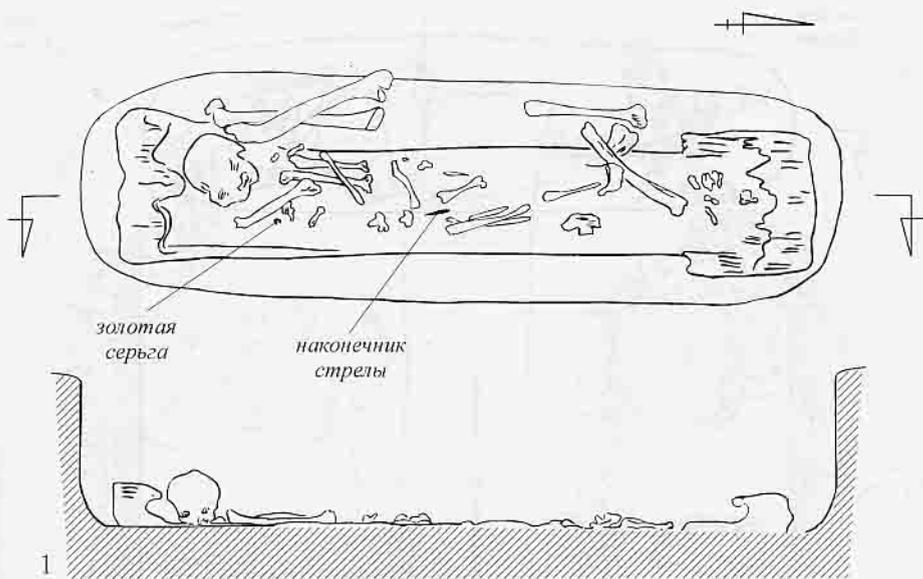
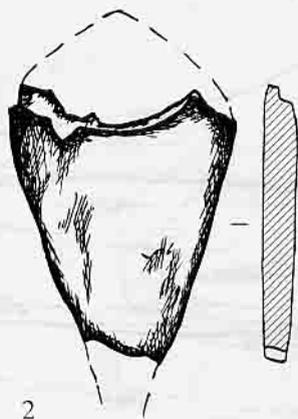

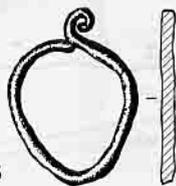
Рис. 23. Могильник Усть-Талькин: 1 – планиграфия и разрез погребения № 41 (по Е.Ф. Седакиной, 1959 г.). Сопроводительный инвентарь «нижнего» погребения № 41: 2 – пряжка, 3 – костяной наконечник стрелы, 4 – фрагмент ткани с орнаментом (по Е.Ф. Седакиной, 1965 г.)

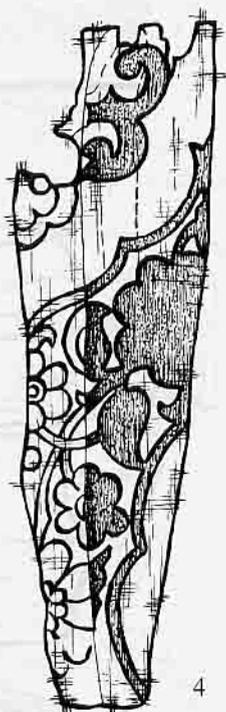
0 1 м

2

3

4

0 3 см

Рис. 24. Могильник Усть-Талькин, погребение № 42: 1 – планиграфия и разрез (по Е.Ф. Седакиной, 1959 г.). Сопроводительный инвентарь погребения № 42: 2 – наконечник стрелы, 3 – серьга, 4 – фрагмент ткани с орнаментом (по Е.Ф. Седакиной, 1965 г.)

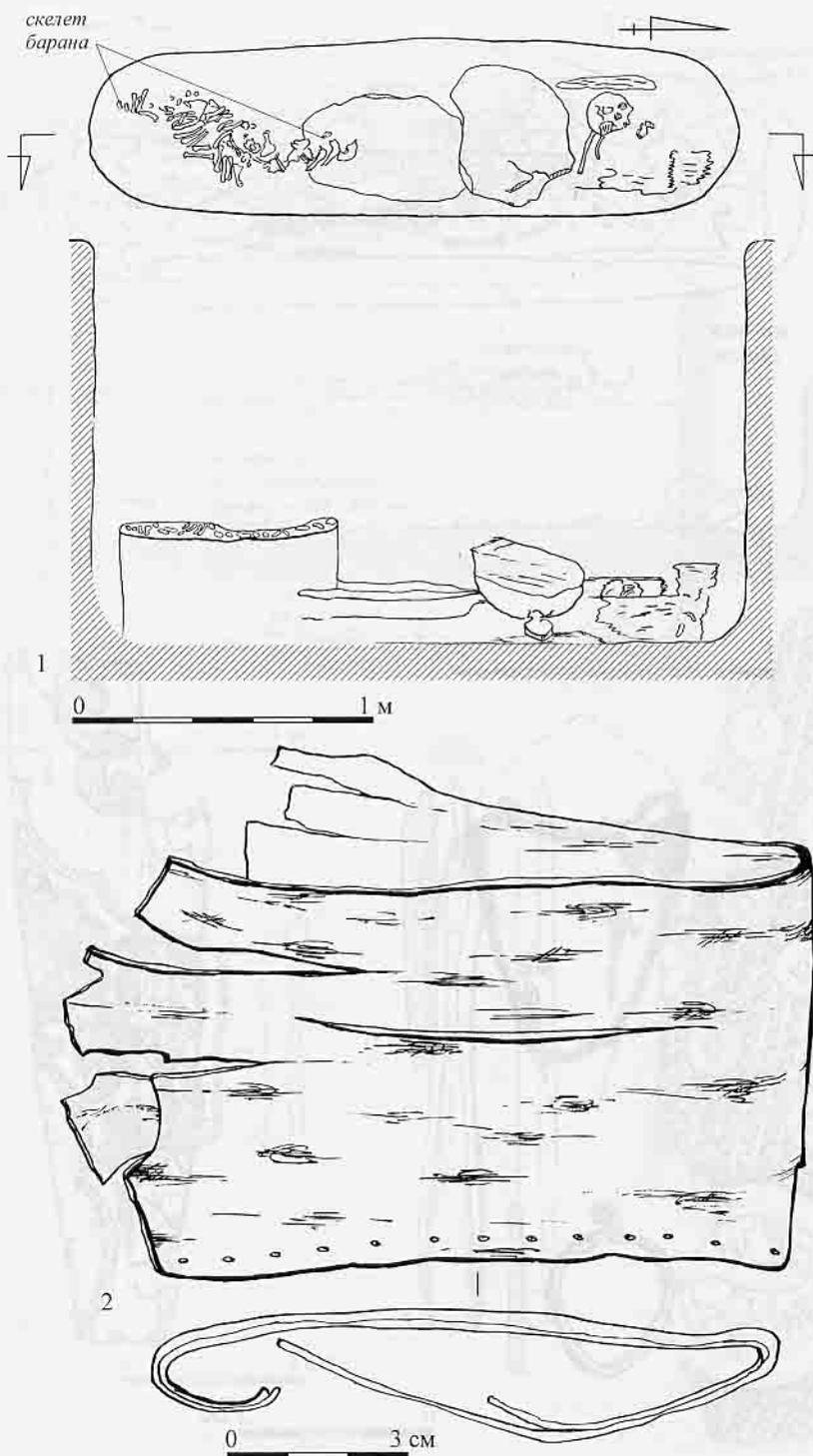

Рис. 25. Могильник Усть-Талькин, погребение № 43: 1 – планиграфия и разрез (по Е.Ф. Седякиной, 1959 г.), 2 – фрагмент берестяного сосуда из погребения № 43

отверстие
от удара

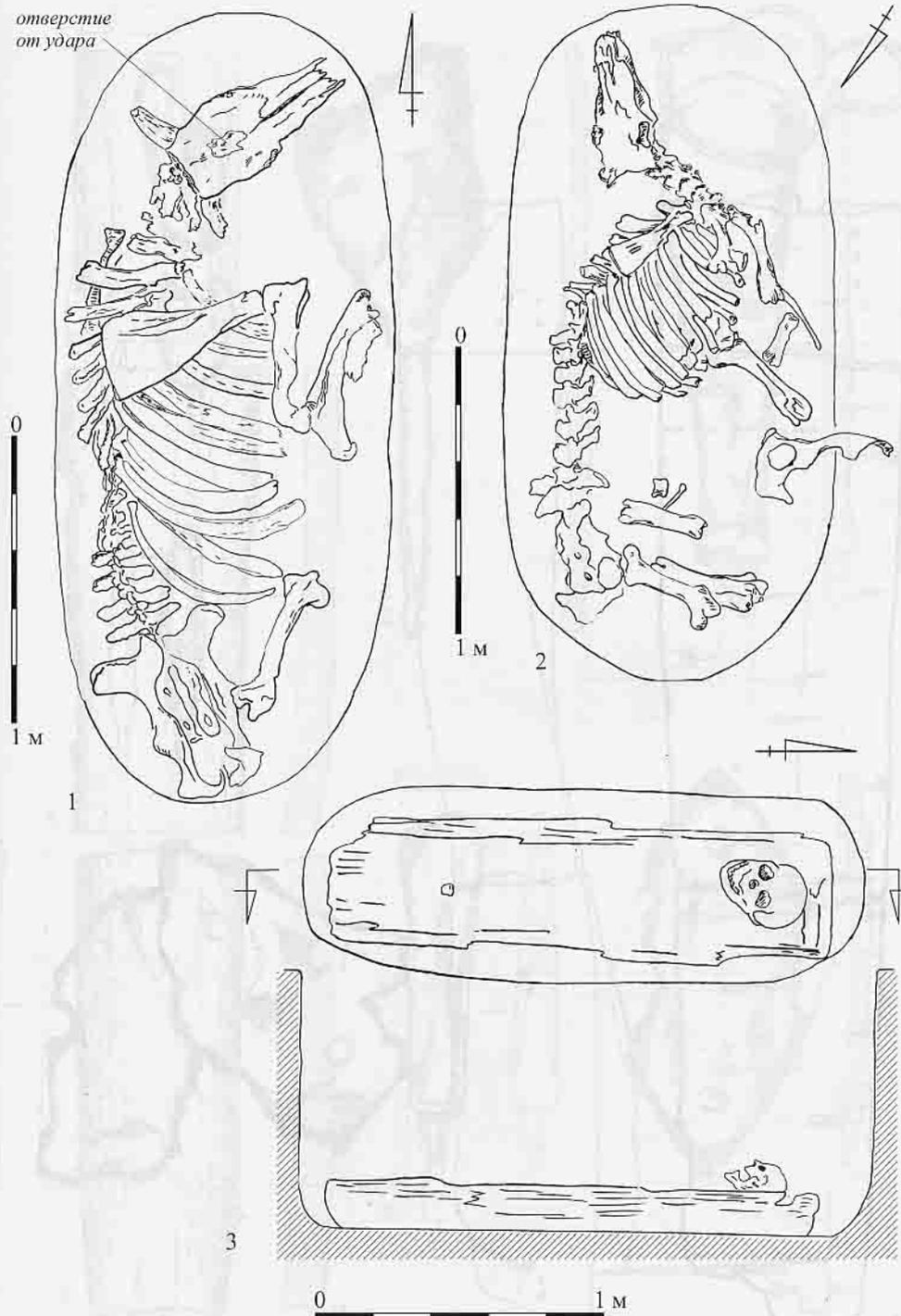

Рис. 26. Могильник Усть-Талькин: 1 – планиграфия погребения № 44 (по Е.Ф. Седакиной, 1959 г.), 2 – планиграфия погребения № 49 (по Е.Ф. Седакиной, 1959 г.), 3 – планиграфия и разрез погребения № 50 (по Е.Ф. Седакиной, 1959 г.)

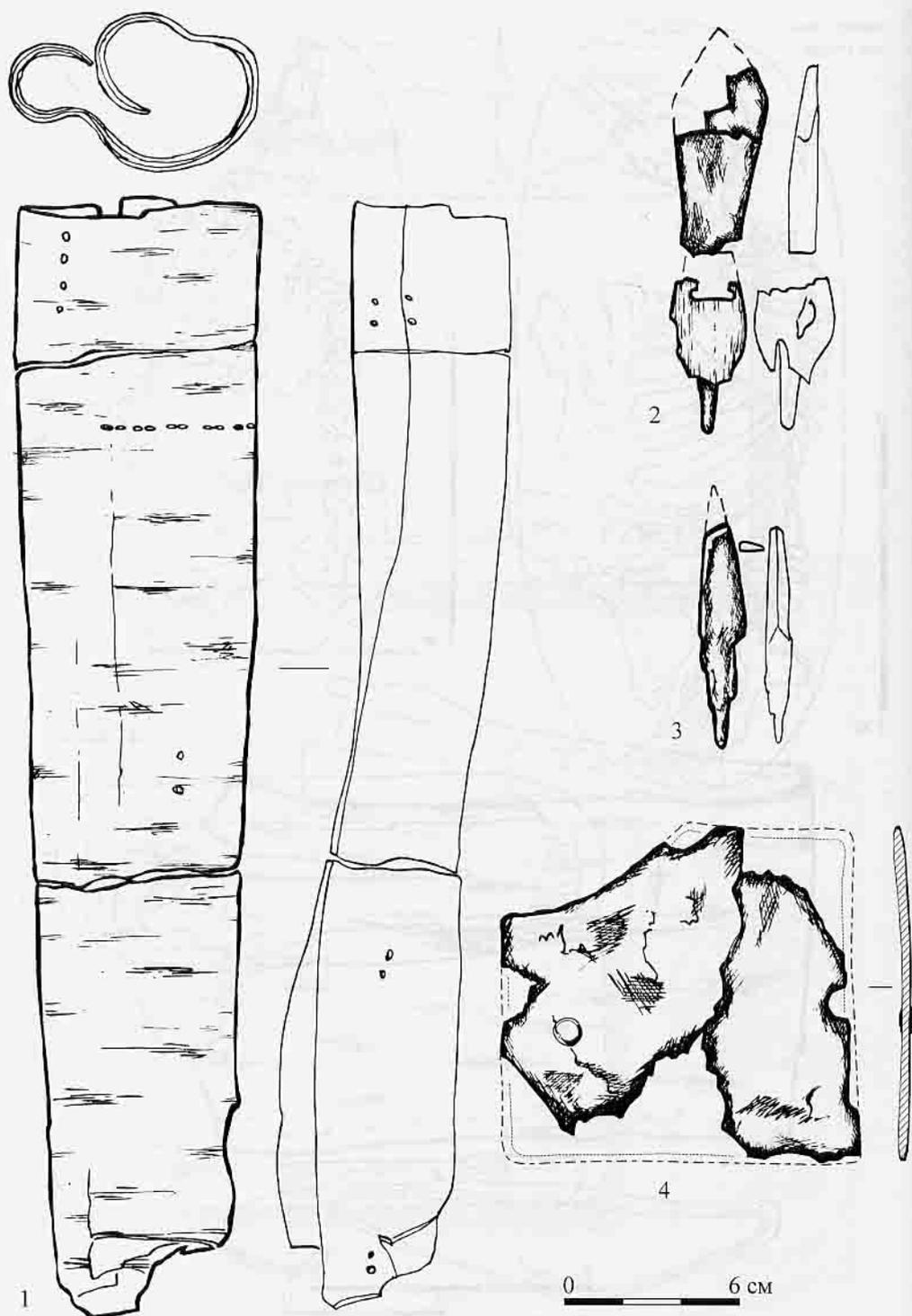

Рис. 27. Могилиник Усть-Талькин, сопроводительный инвентарь погребения № 51: 1 – берестяной колчан, 2 – наконечник стрелы, 3 – нож, 4 – панцирная пластина из погребения № 56

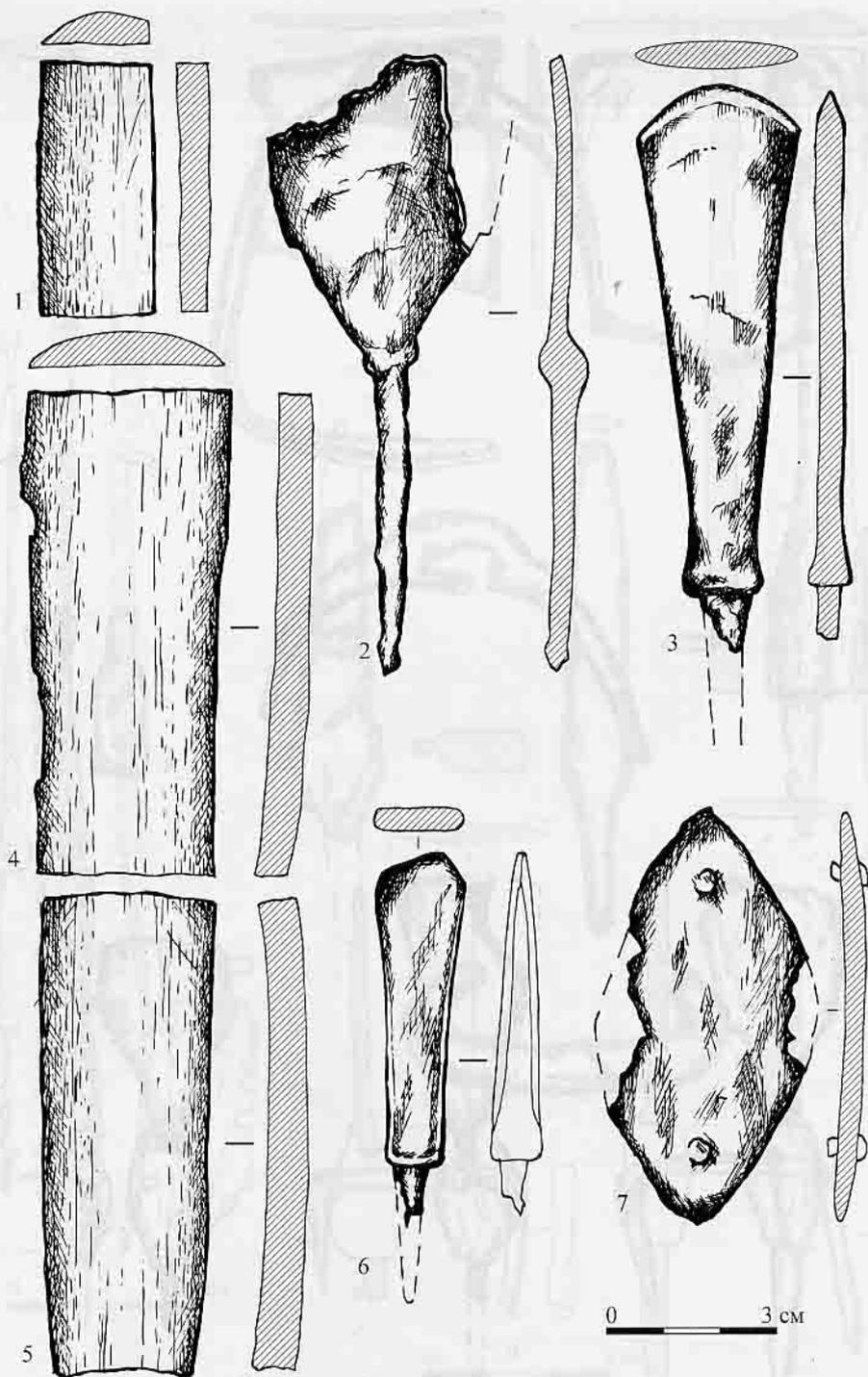

Рис. 28. Могилиник Усть-Талькин, сопроводительный инвентарь из погребения № 57: 1 – накладка лука, 2, 3 – наконечники стрел. Сопроводительный инвентарь из погребения № 66: 4, 5 – накладки лука, 6 – наконечник стрелы, 7 – бляшка-накладка

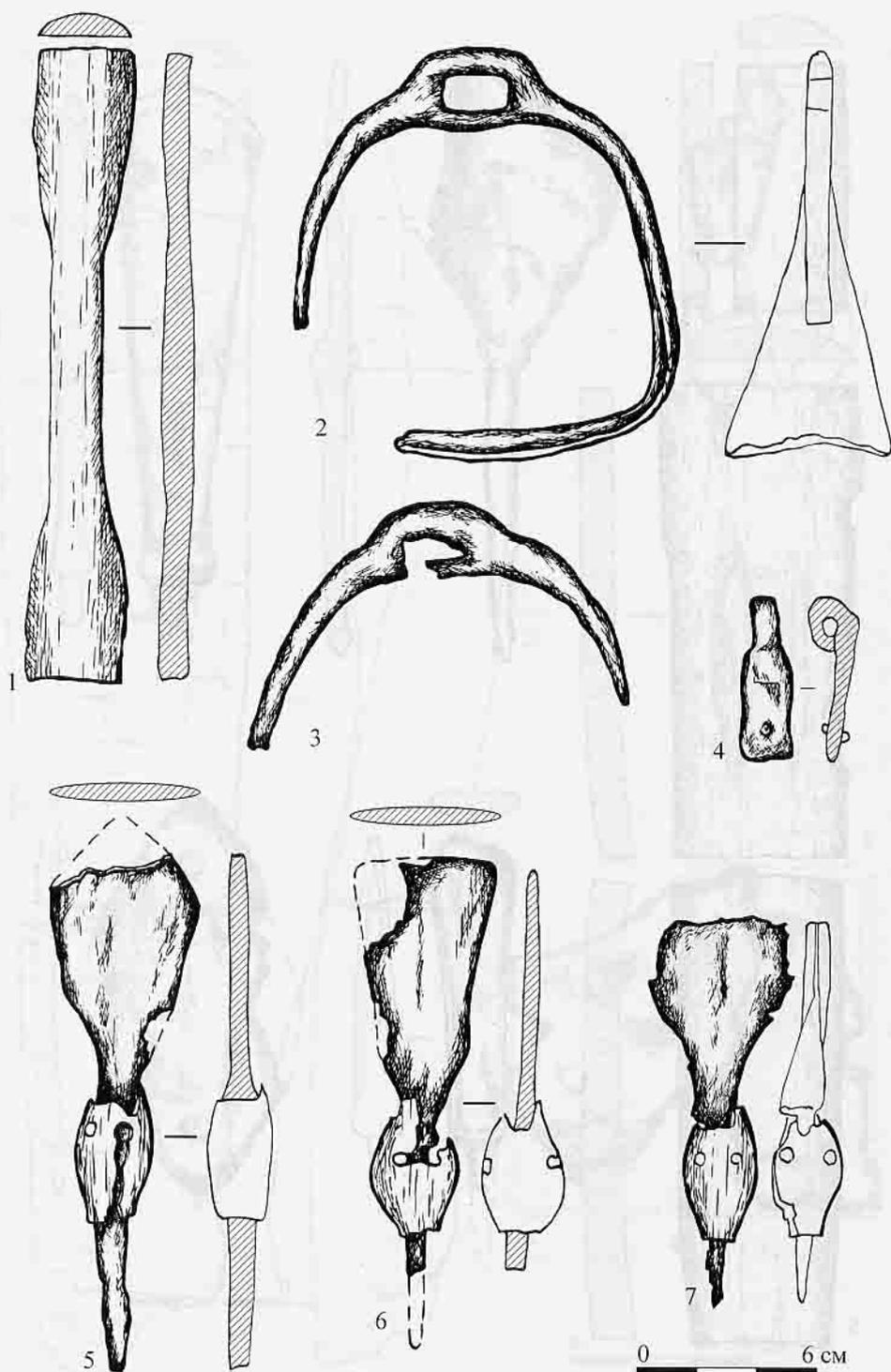

Рис. 29. Могильник Усть-Талькин, сопроводительный инвентарь из погребения № 68: 1 – роговая накладка лука, 2, 3 – стремена, 4 – петелька – крепление, 5 – 7 – наконечники стрел

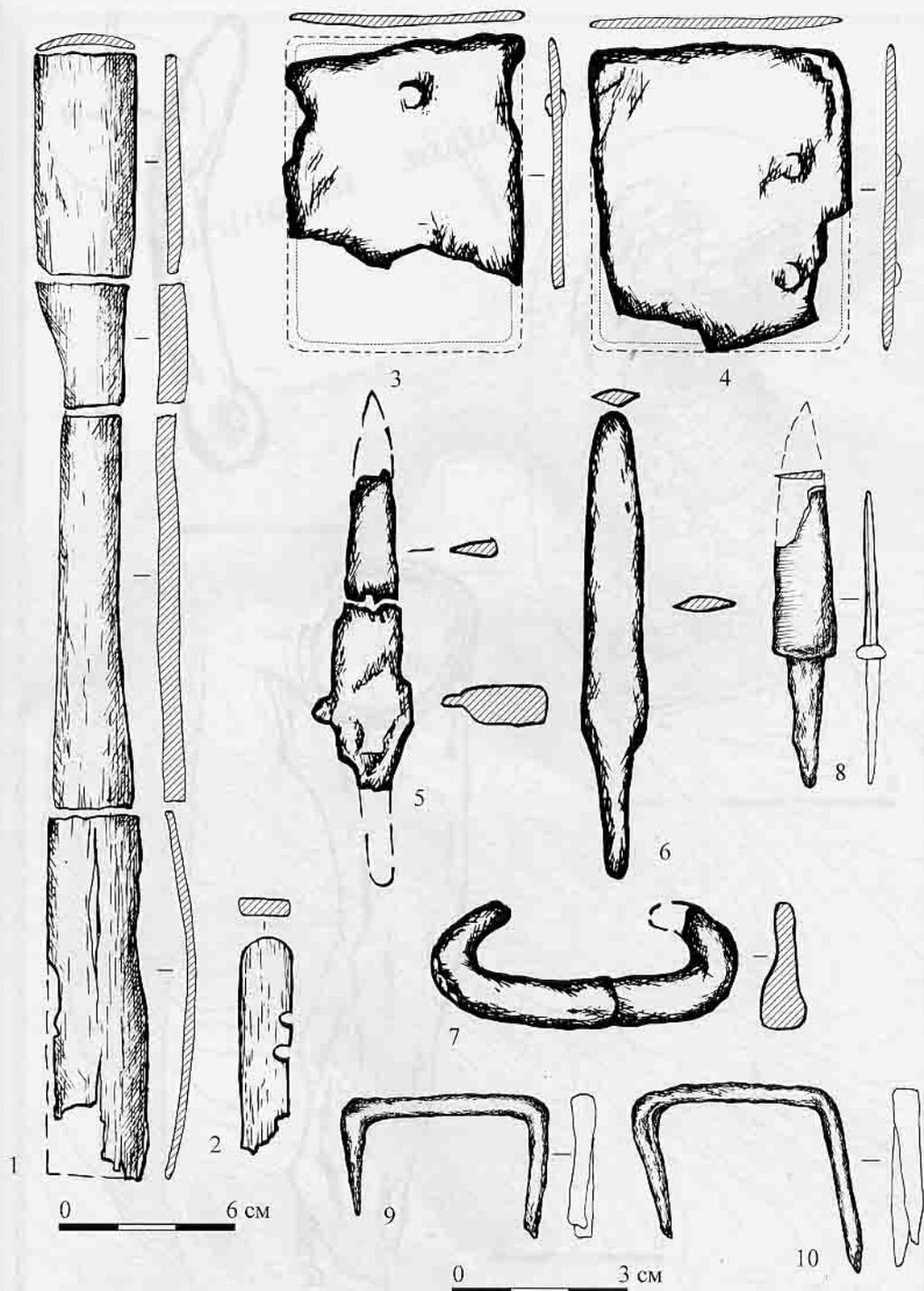

Рис. 30. Могильник Усть-Талькин, сопроводительный инвентарь из погребения № 70: 1 – роговые накладки лука, 2 – костяной концевой вкладыш лука, 3, 4 – панцирные пластины, 5, 6 – ножи, 7 – кресало. Сопроводительный инвентарь из погребения № 71: 8 – нож, 9, 10 – скобы

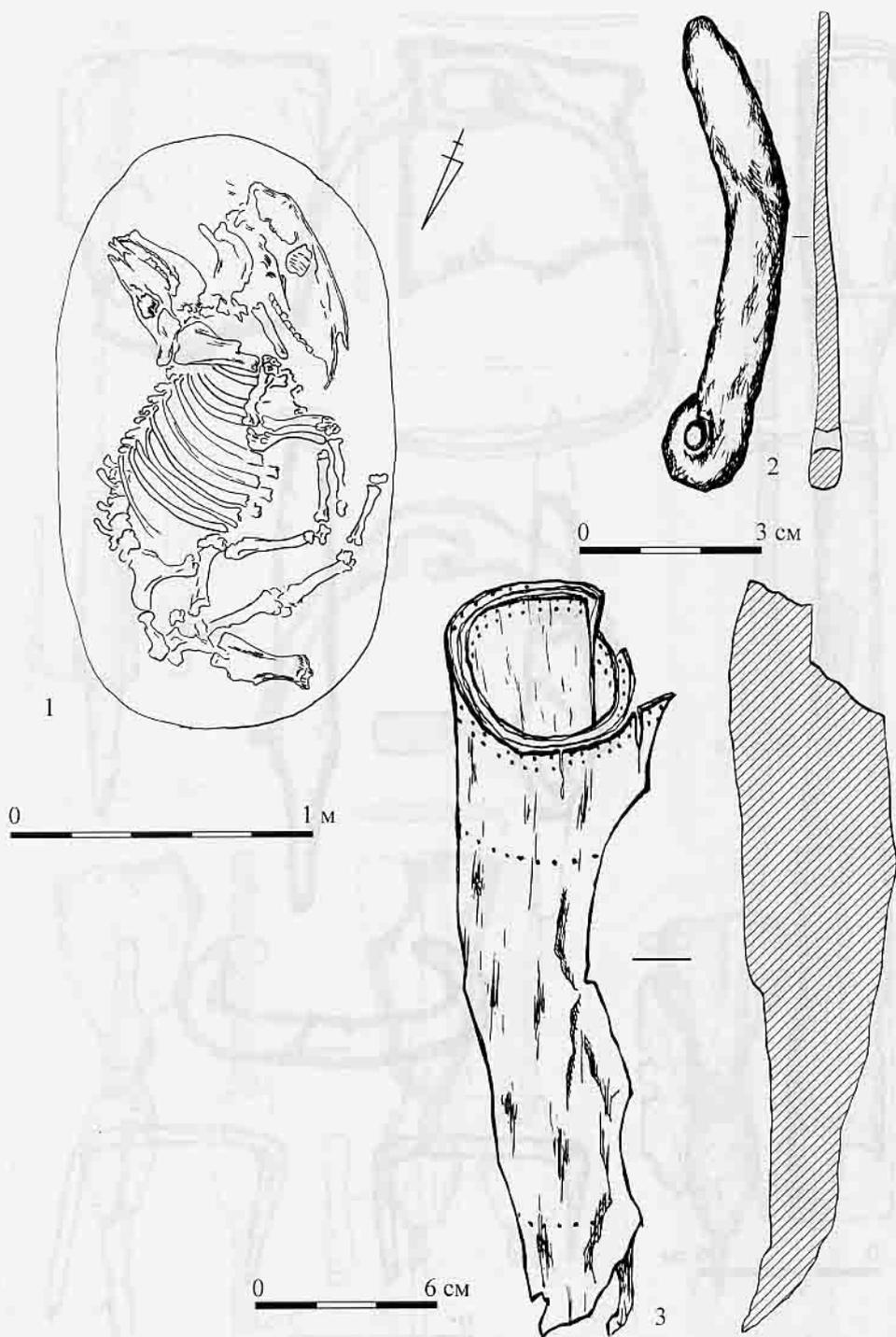

Рис. 31. Могильник Усть-Талькин: 1 – планиграфия погребения № 73 (по Е.Ф. Седякиной, 1959 г.), 2 – предмет неизвестного назначения из погребения № 74, 3 – фрагмент берестяного сосуда из погребения № 77

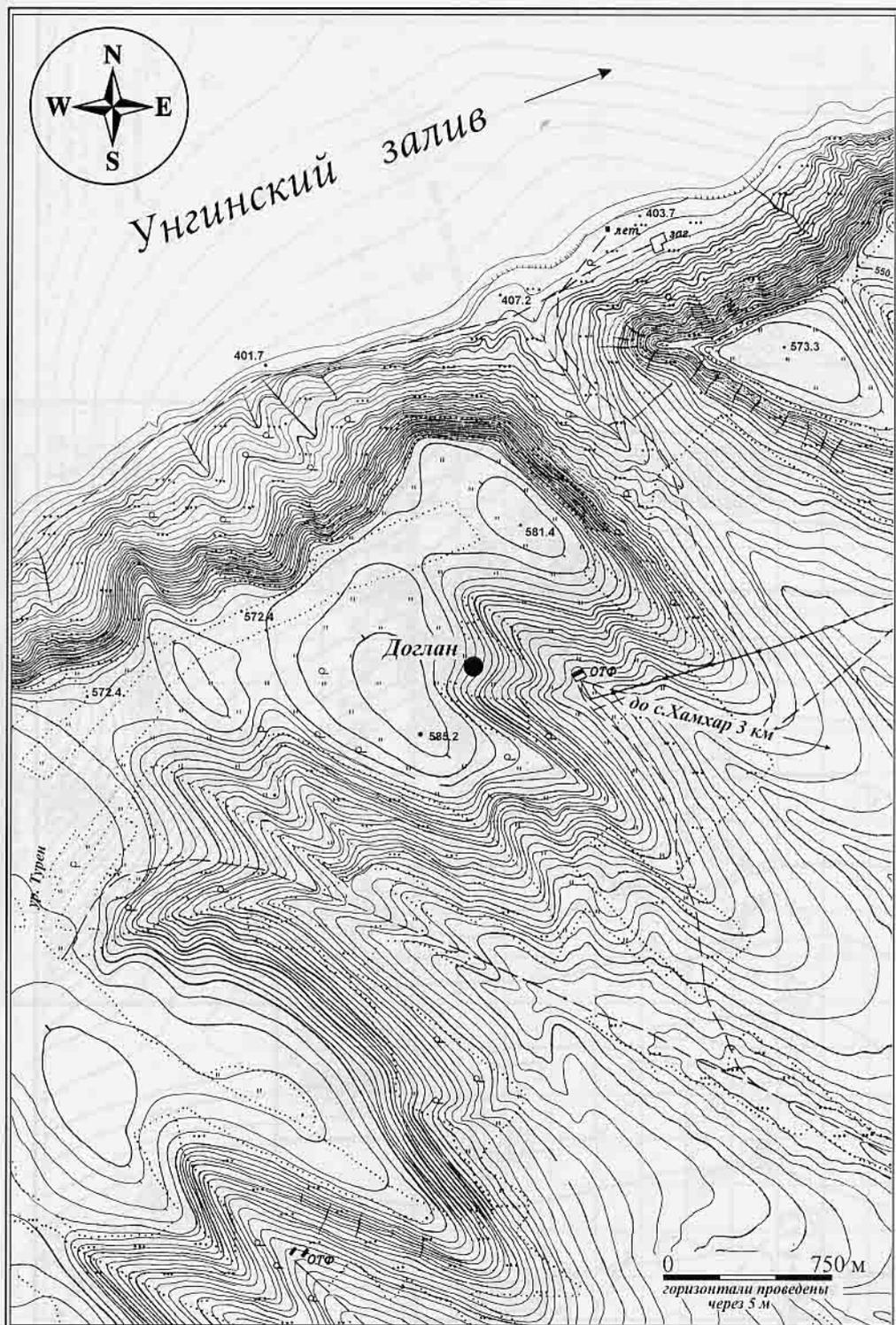

Рис. 32. Карта с указанием месторасположения могильника Доглан

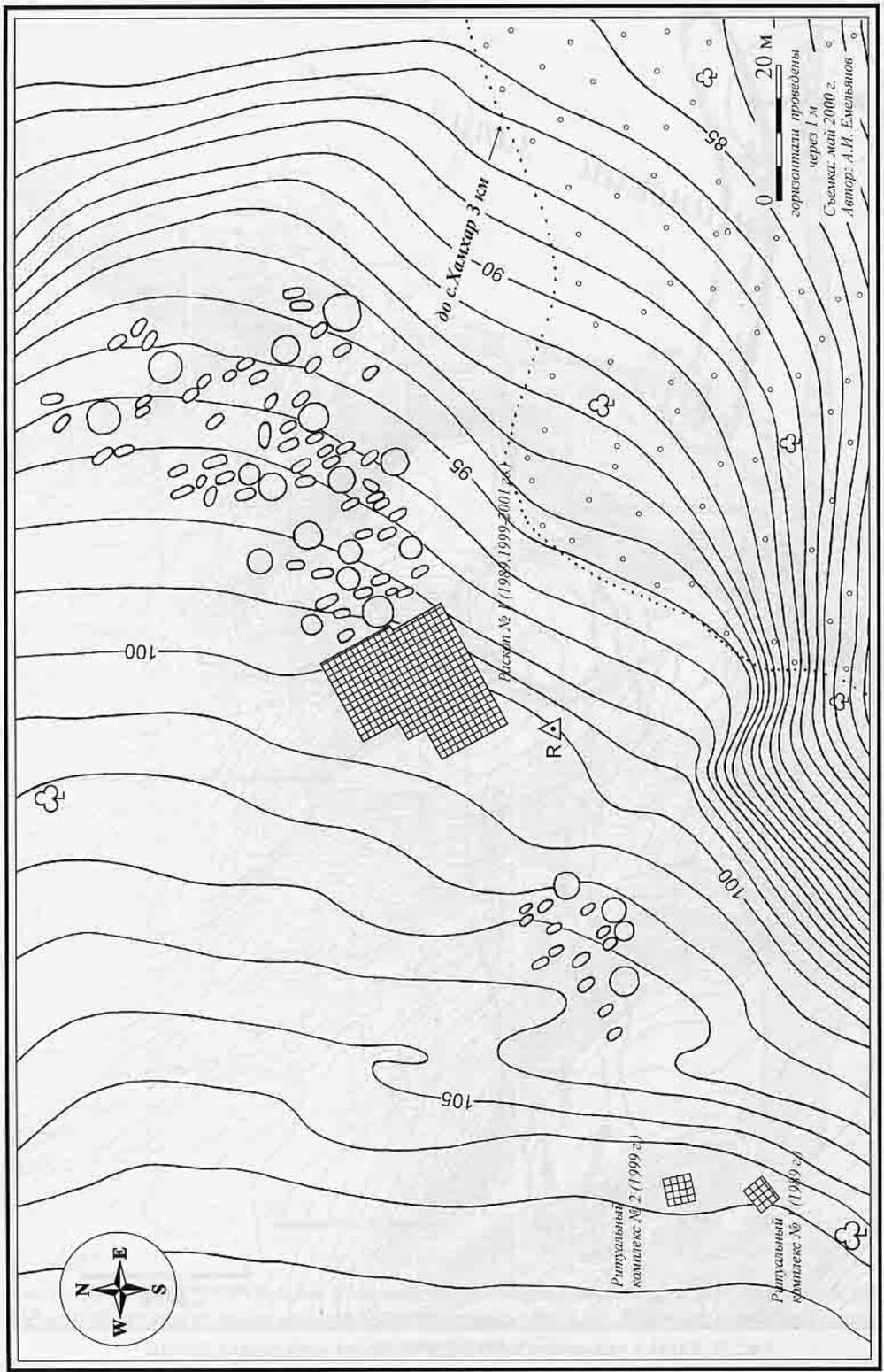

Рис. 33. Ситуационный план могильника Доглан

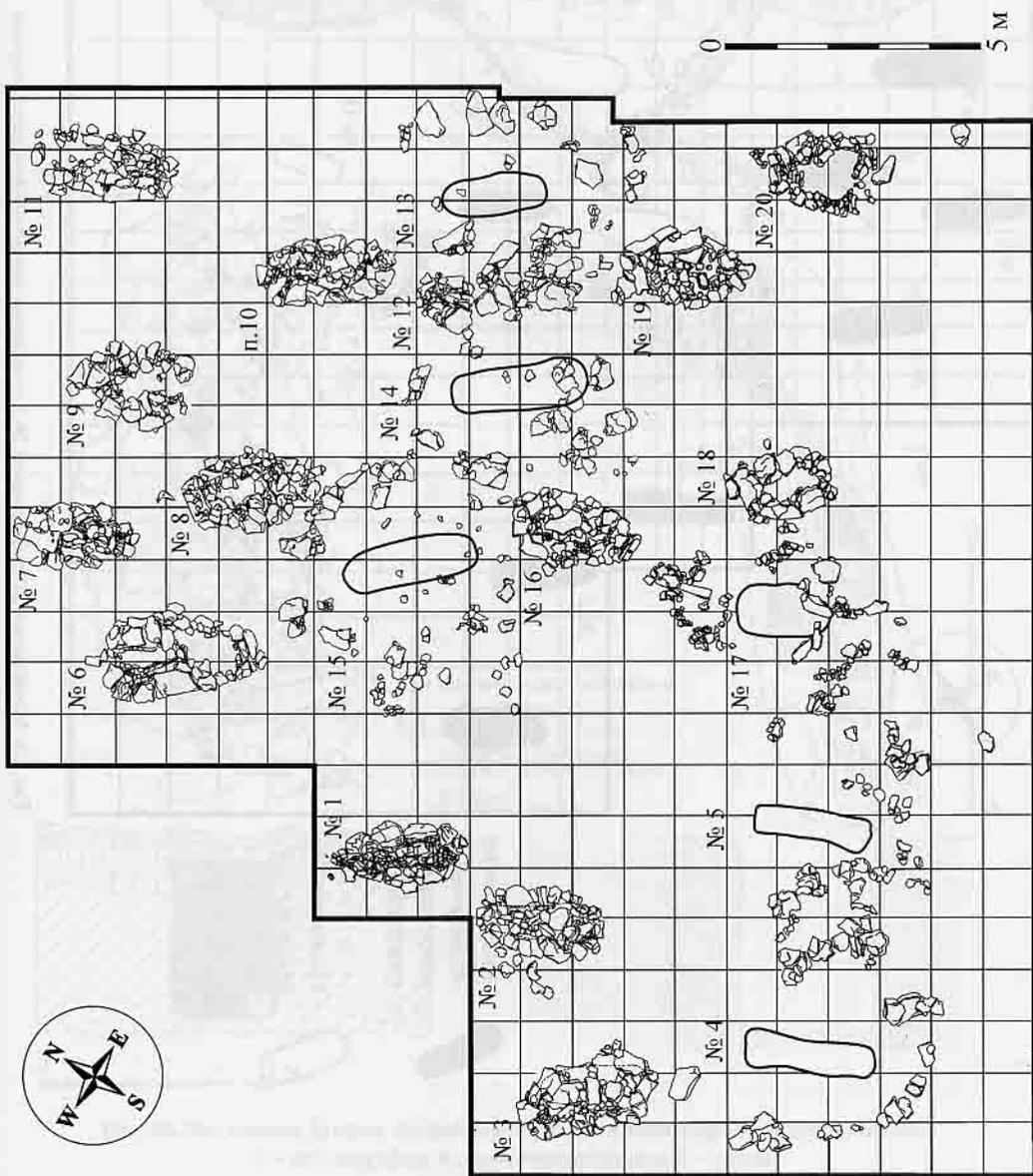

Рис. 34. Могильник Доглан,
раскоп № 1 – сводная
планиграфия надмогильных
сооружений

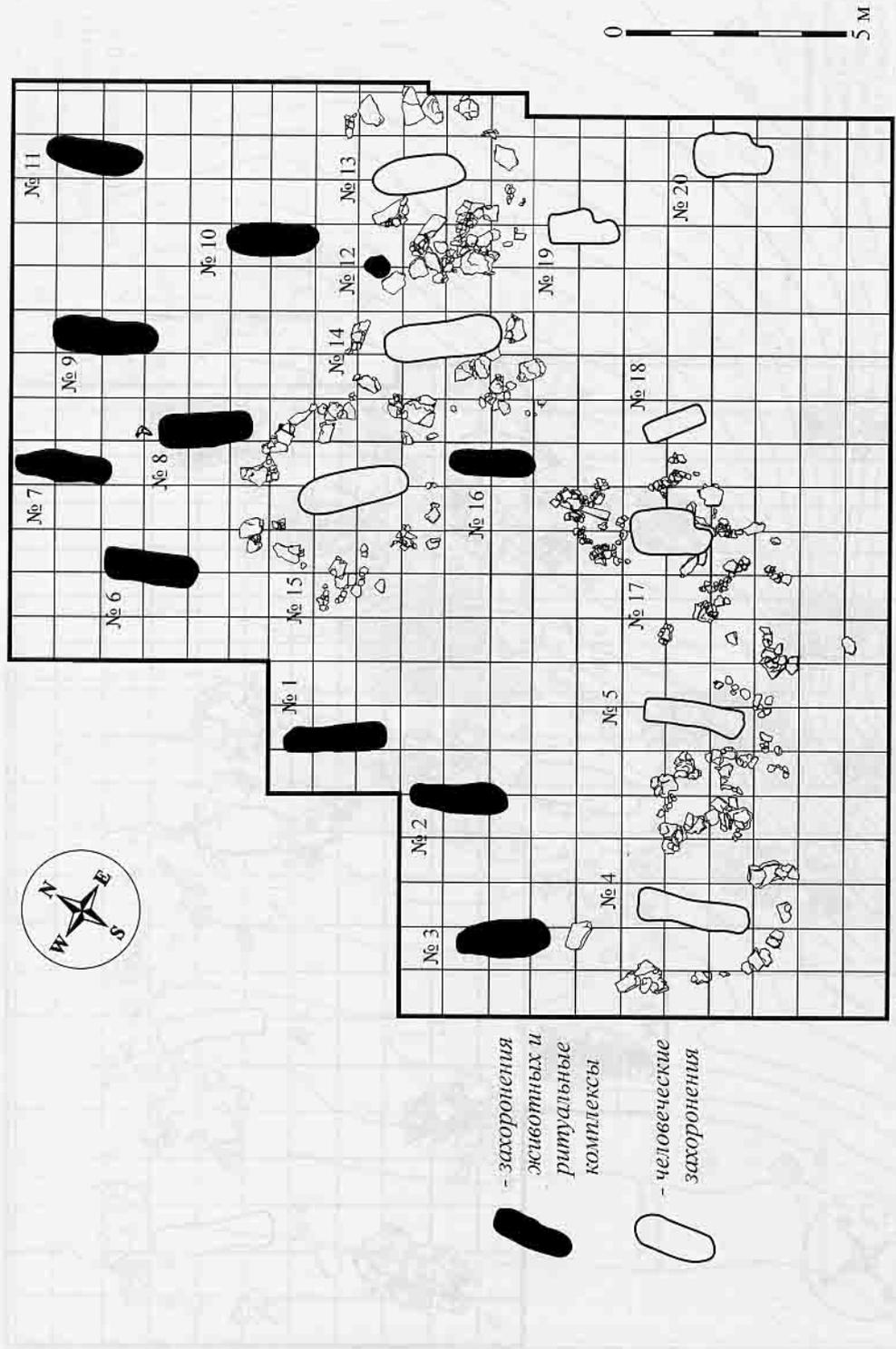

Рис. 35. Могильник Дуглан, раскоп № 1. – сводная планиграфия захоронений

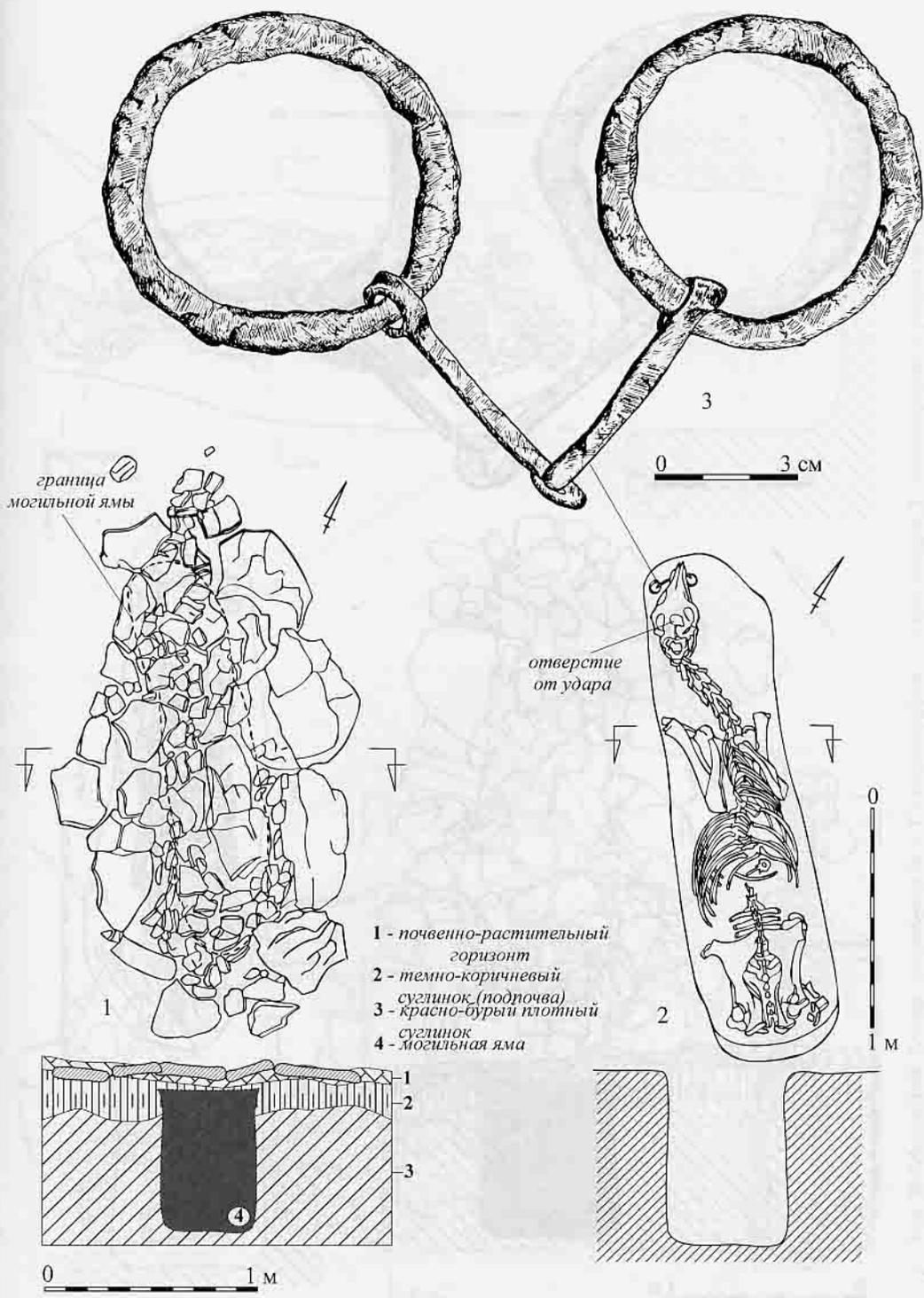

Рис. 36. Могильник Доглан, погребение № 1: 1 – планиграфия и разрез кладки, 2 – планиграфия и разрез захоронения, 3 – удила

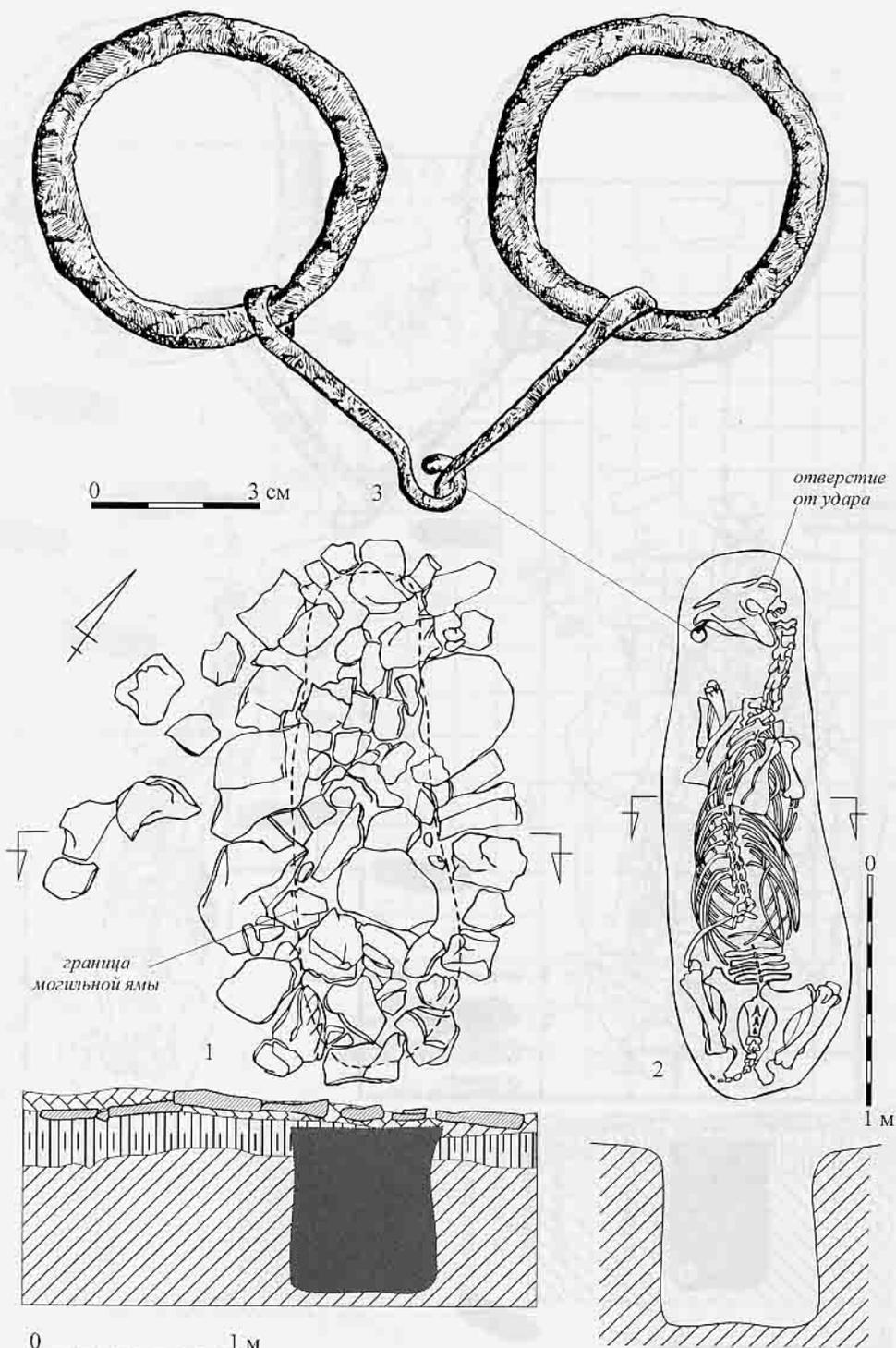

Рис. 37. Могильник Доглан, погребение № 2: 1 – планиграфия и разрез кладки, 2 – планиграфия и разрез захоронения, 3 – удила

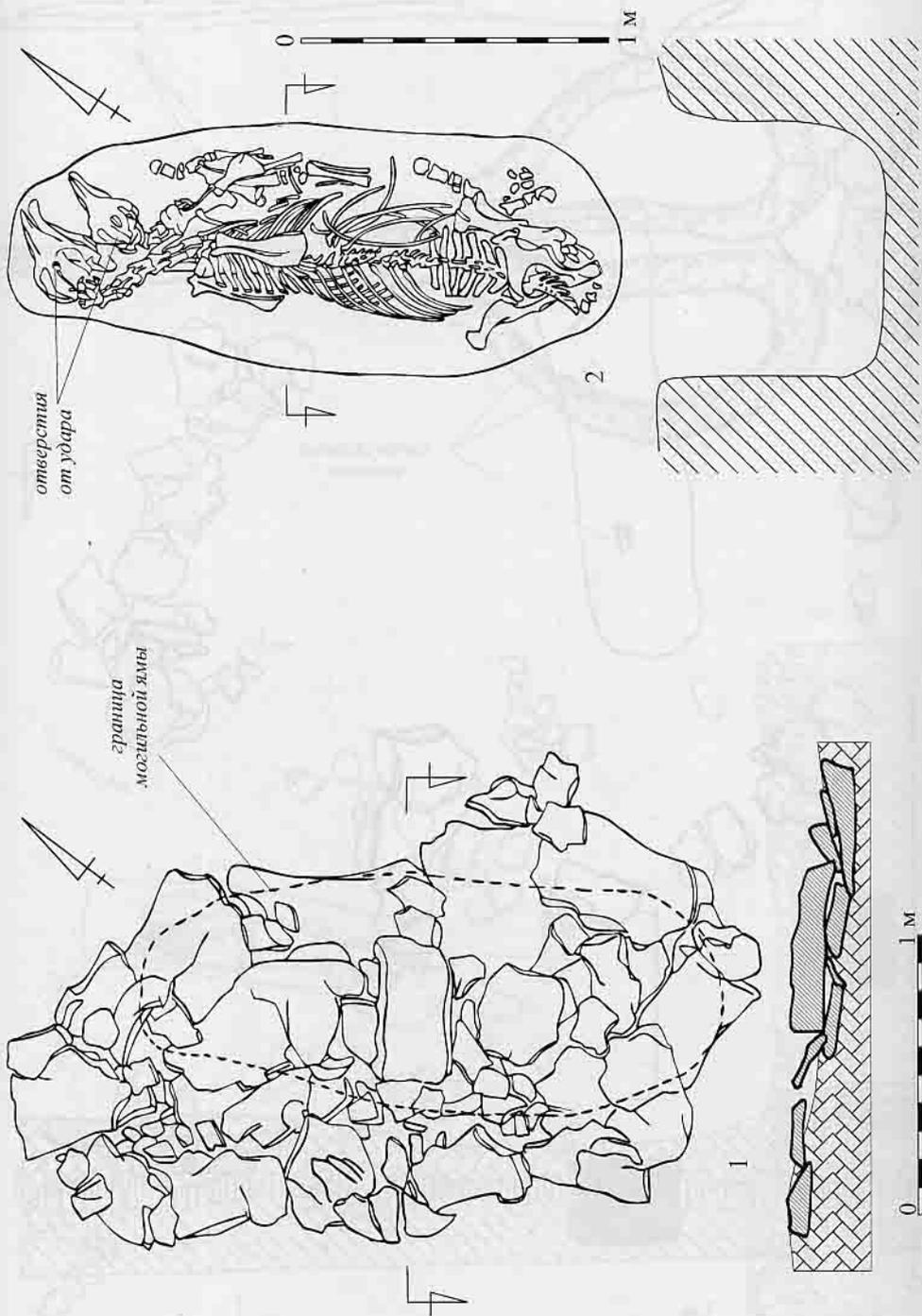

Рис. 38. Могильник Доглан, погребение № 3: 1 – планиграфия и разрез кладки, 2 – планиграфия и разрез захоронения

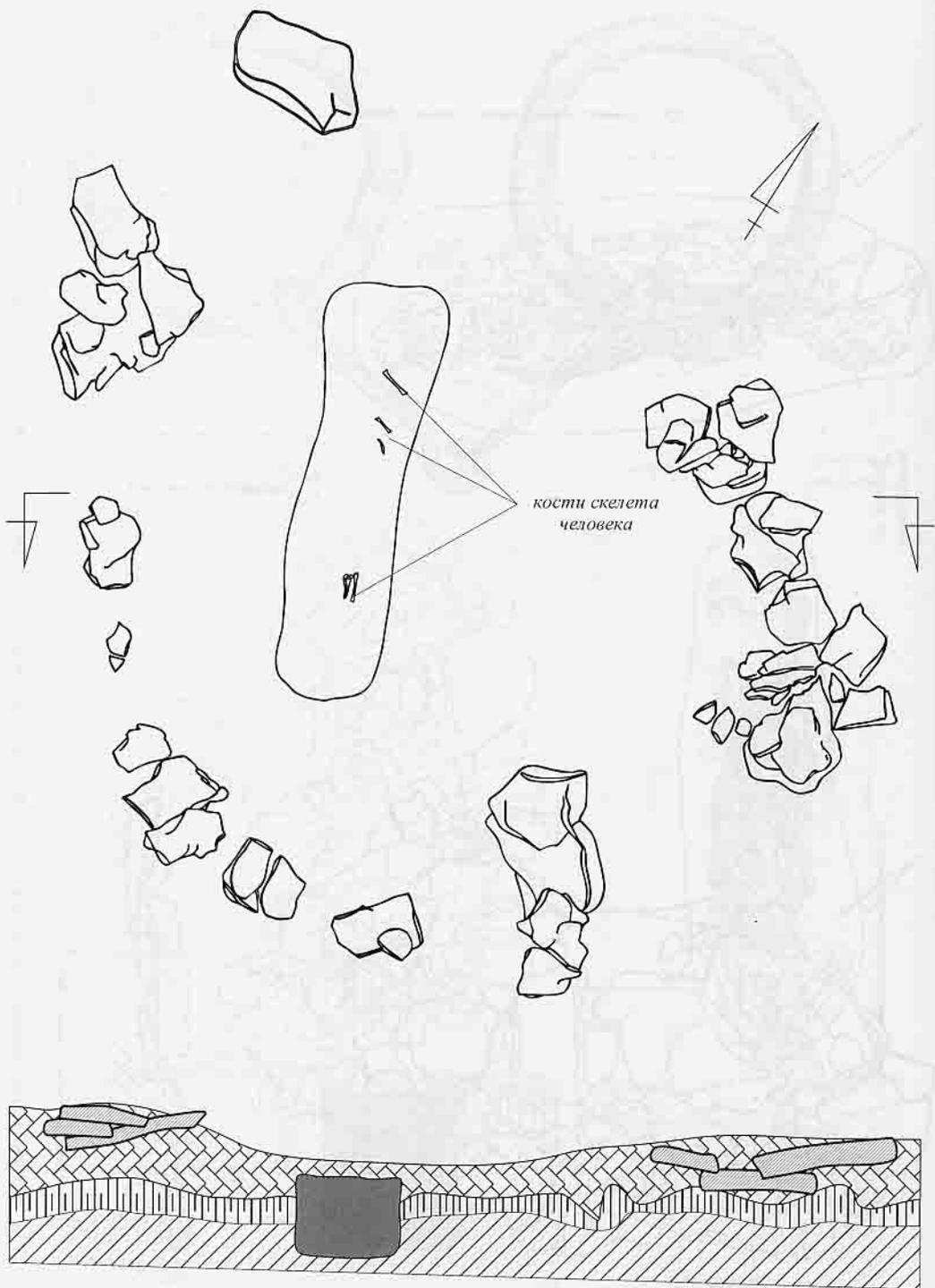

Рис. 39. Могильник Доглан, погребение № 4 – планиграфия и разрез

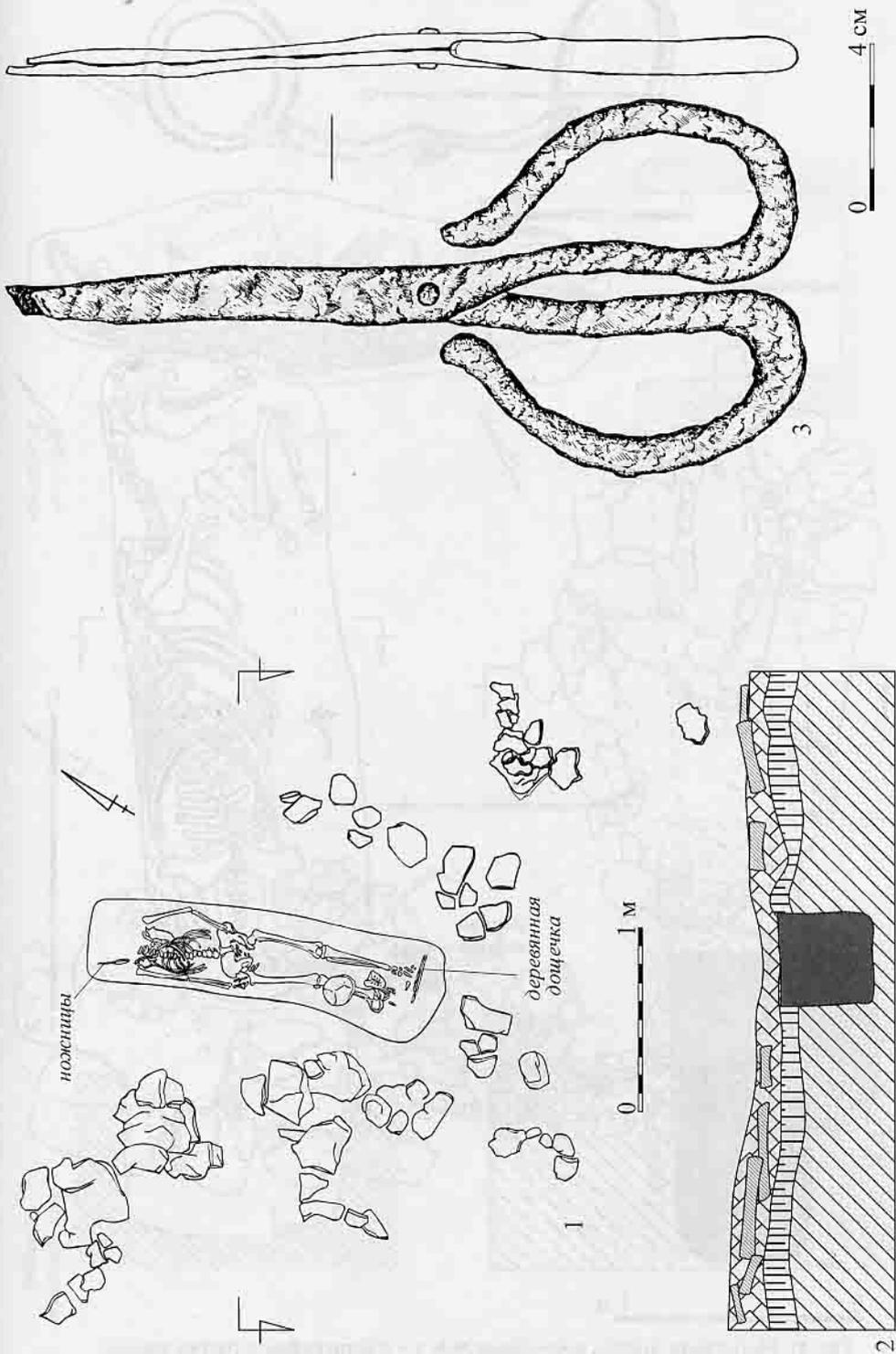

Рис. 40. Могильник Доглан, погребение № 5: 1, 2 – планиграфия и разрез, 3 – ножницы

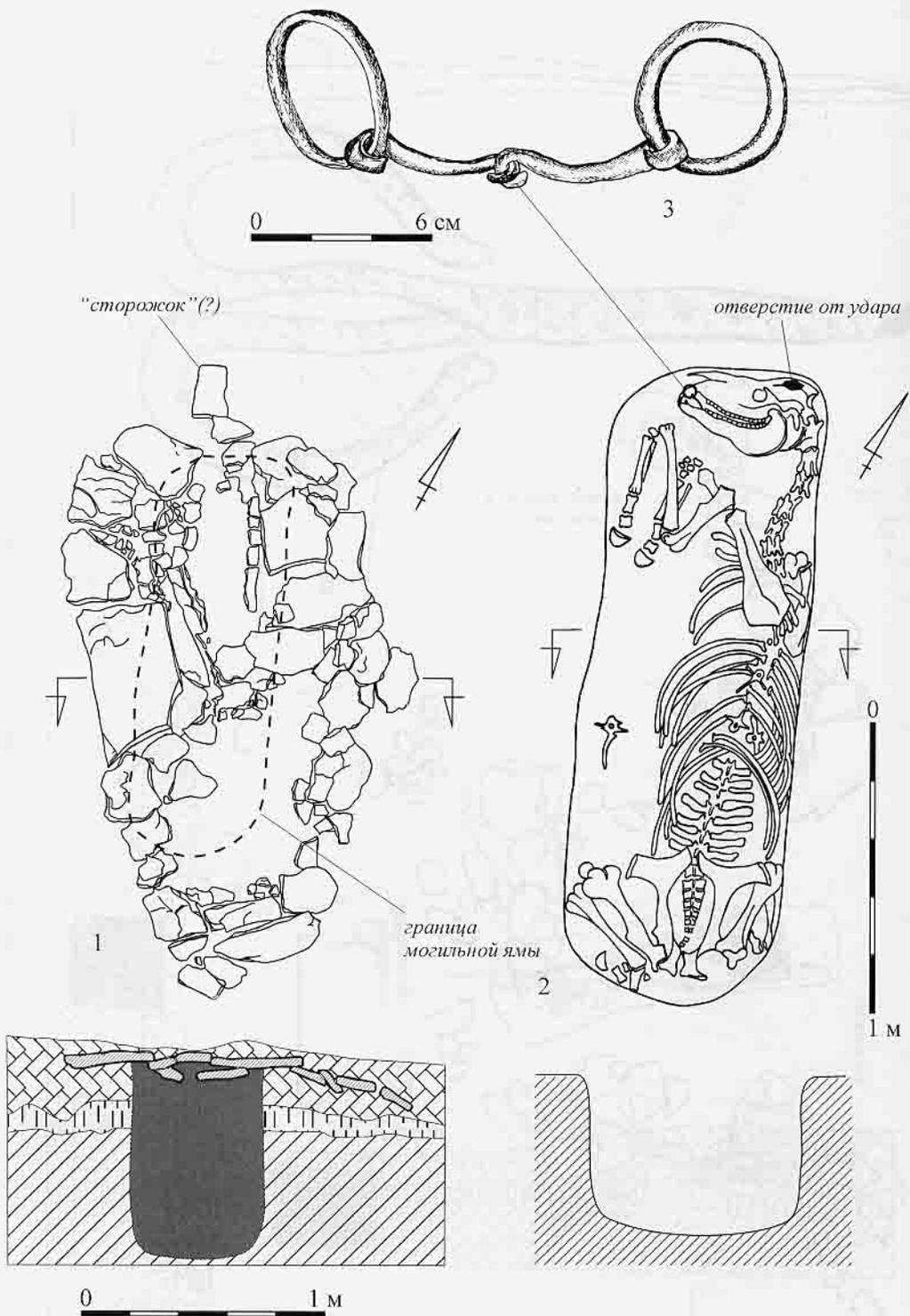

Рис. 41. Могильник Доглан, погребение № 6: 1 – планиграфия и разрез кладки, 2 – планиграфия и разрез захоронения, 3 – удила

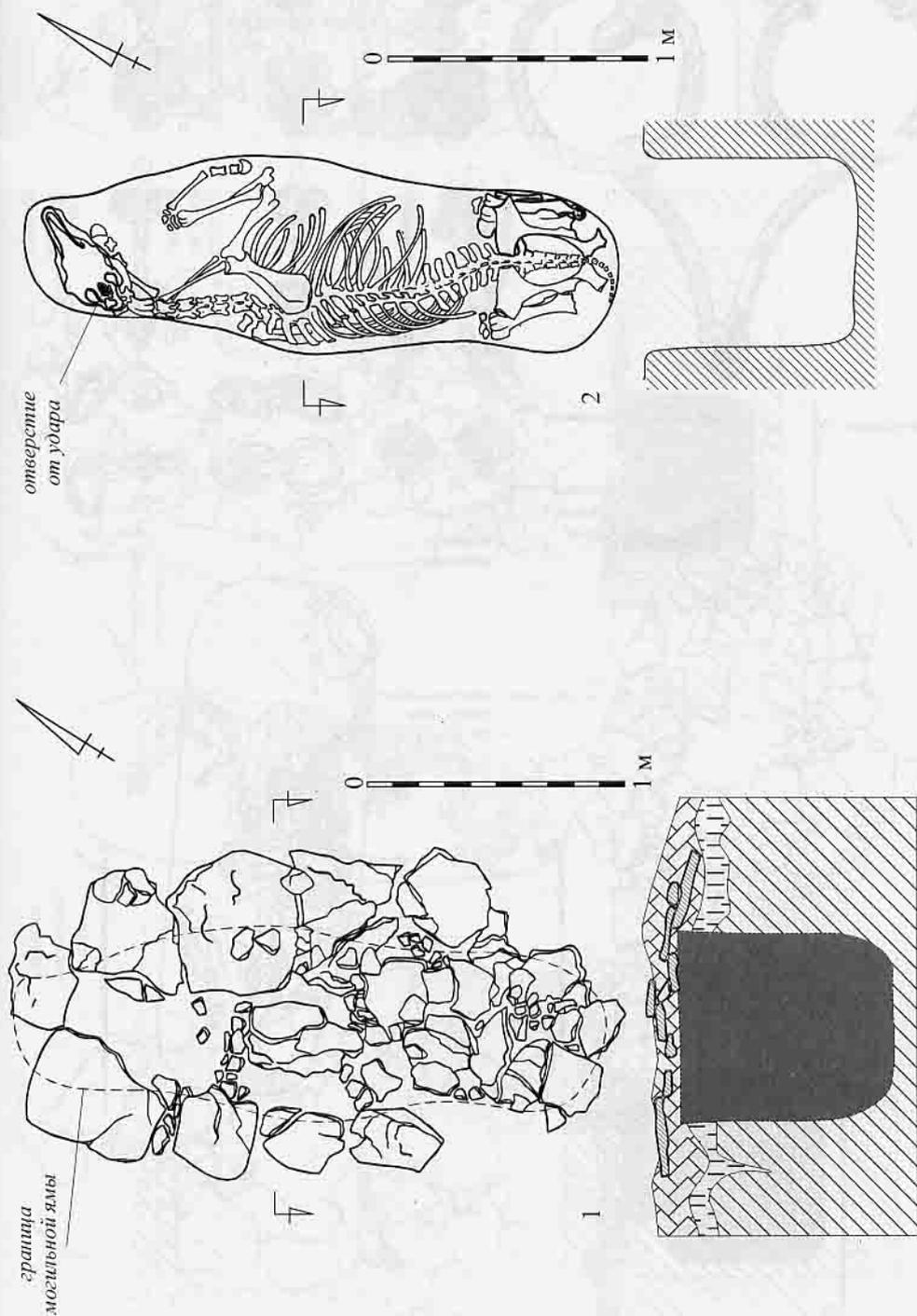

Рис. 42. Могильник Доглан, погребение № 7: 1 – планиграфия и разрез кладки, 2 – планиграфия и разрез захоронения

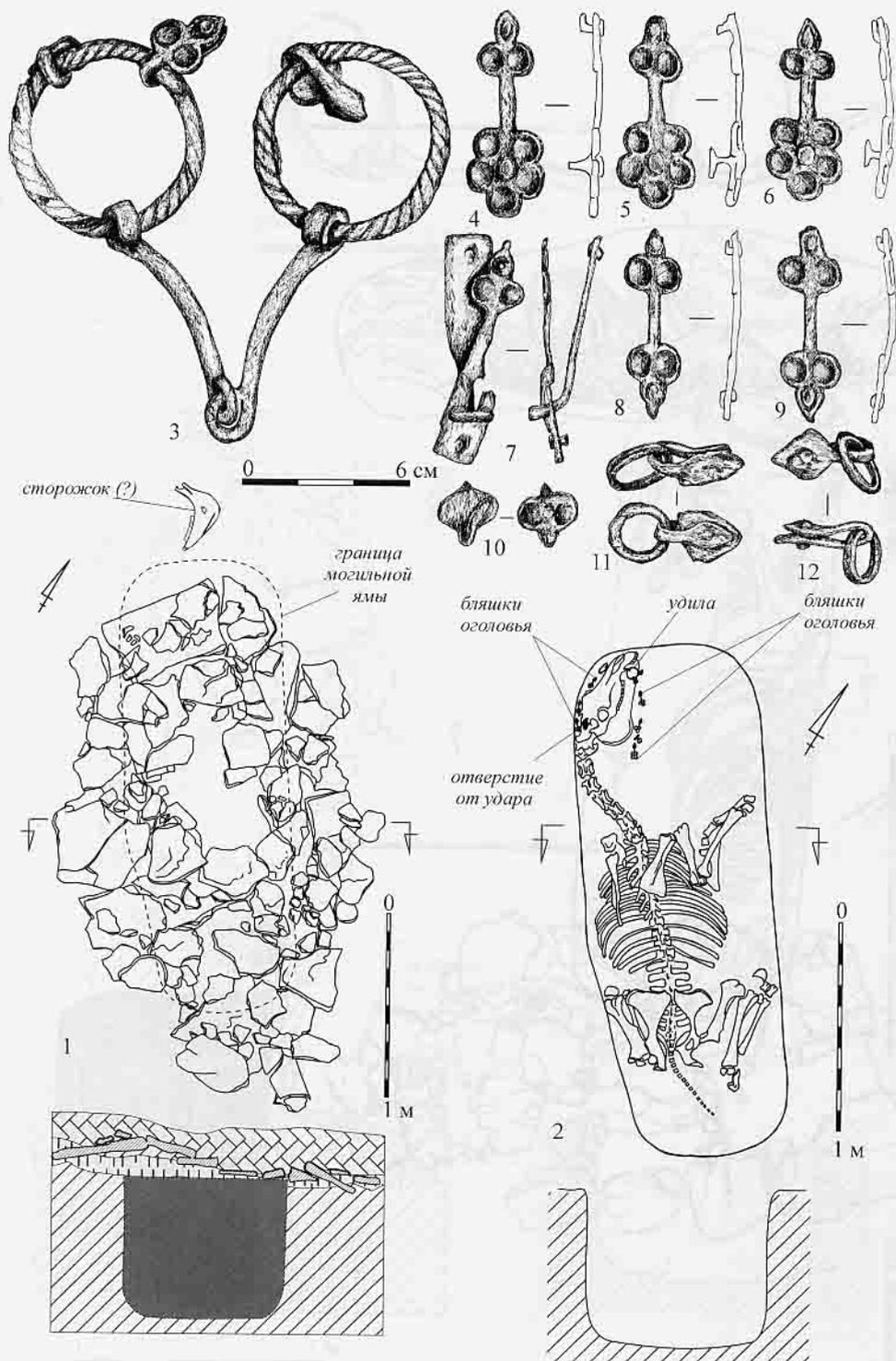

Рис. 43. Могильник Доглан, погребение № 8: 1 — планиграфия и разрез кладки, 2 — планиграфия и разрез захоронения, 3 — удила, 4 — бляшки оголовья

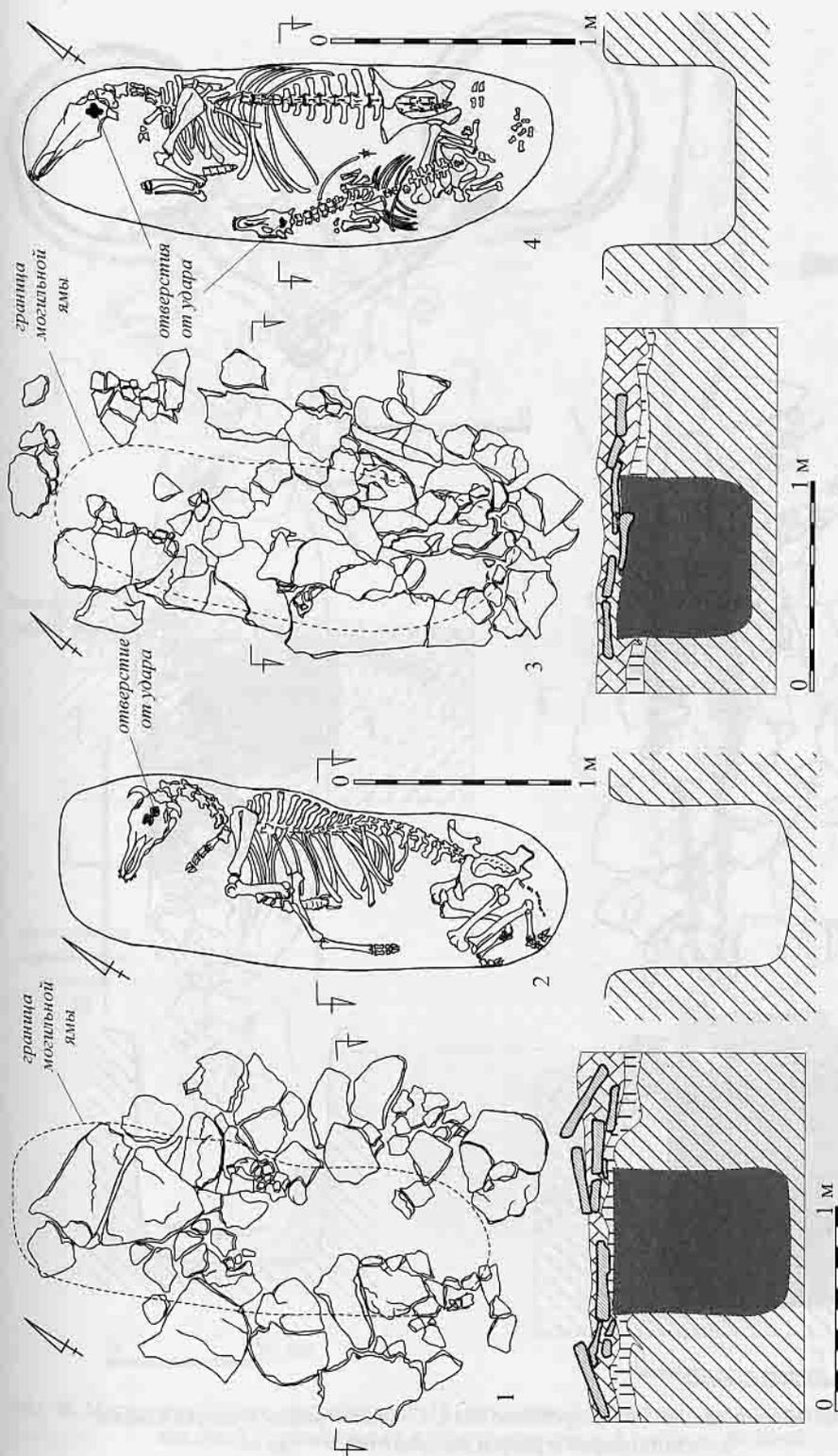

Рис. 44. Могильник Доглан, погребение № 9: 1 – планиграфия и разрез кладки, 2 – планиграфия и разрез захоронения. Погребение № 10: 3 – планиграфия и разрез кладки, 4 – планиграфия и разрез захоронения

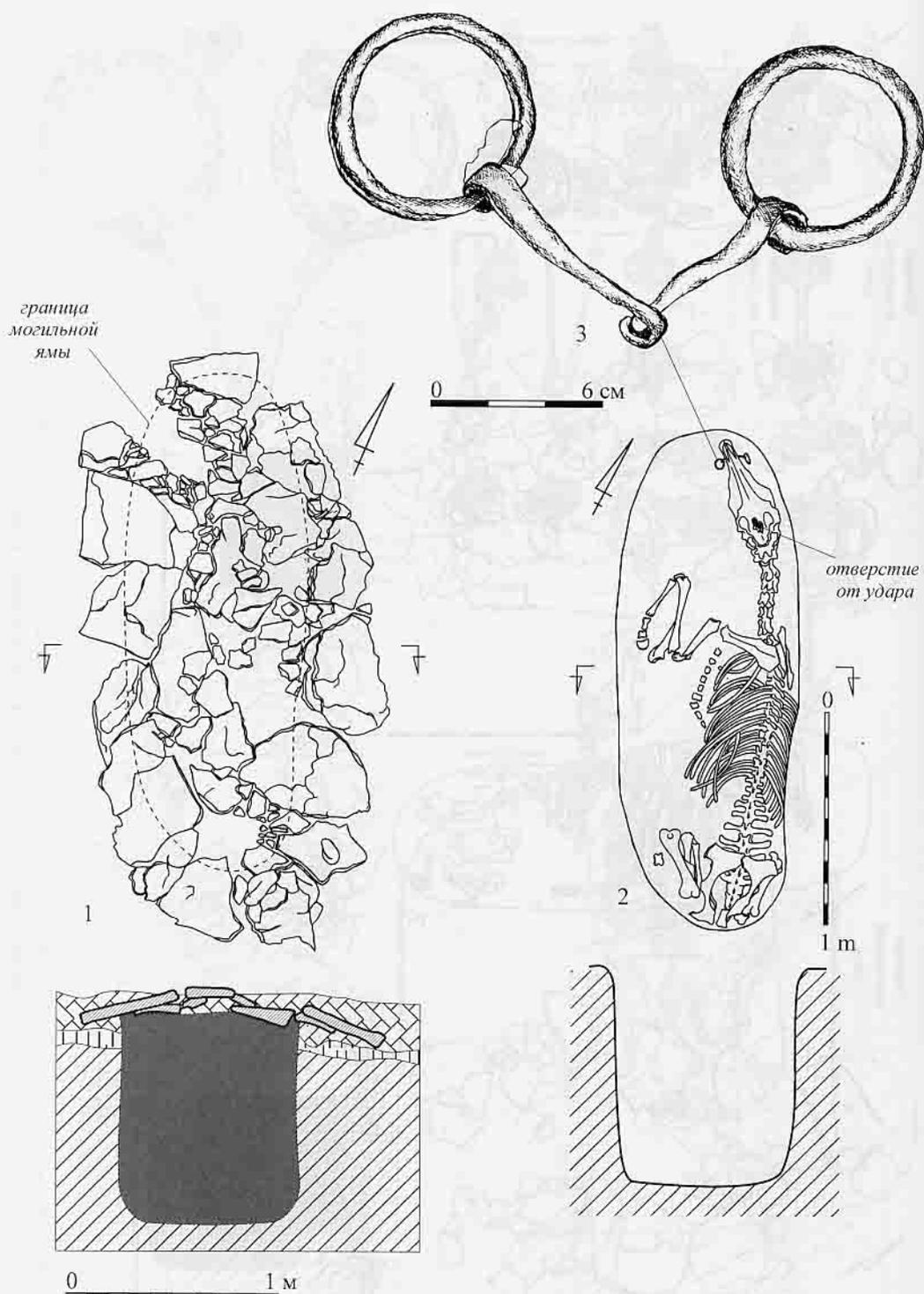

Рис. 45. Могильник Доглан, погребение № 11: 1 – планиграфия и разрез кладки, 2 – планиграфия и разрез захоронения, 3 – удила

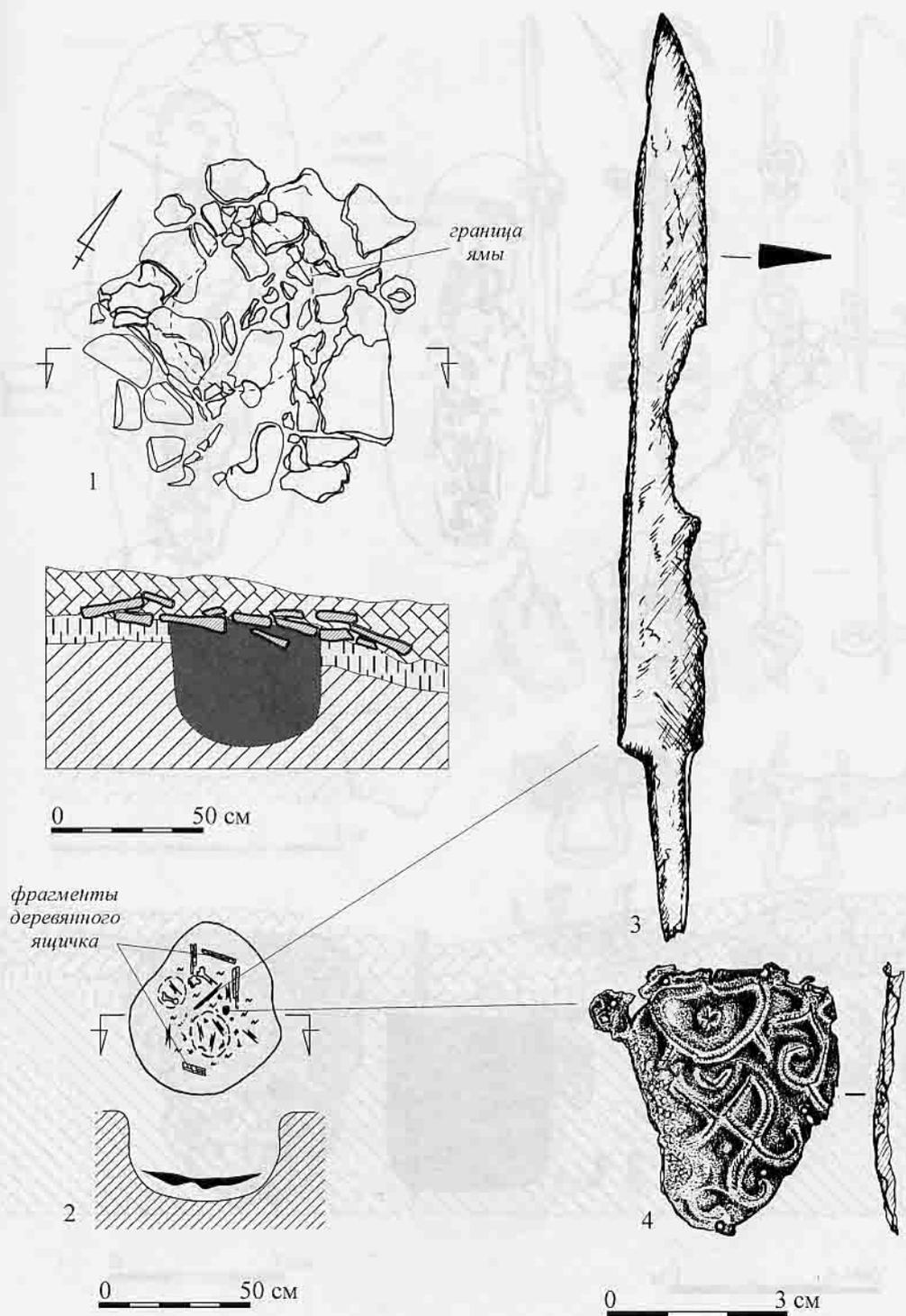

Рис. 46. Могильник Доуглан, погребение № 12 (ритуальный комплекс): 1 – планиграфия и разрез кладки, 2 – планиграфия и разрез комплекса, 3 – нож, 4 – бляшка

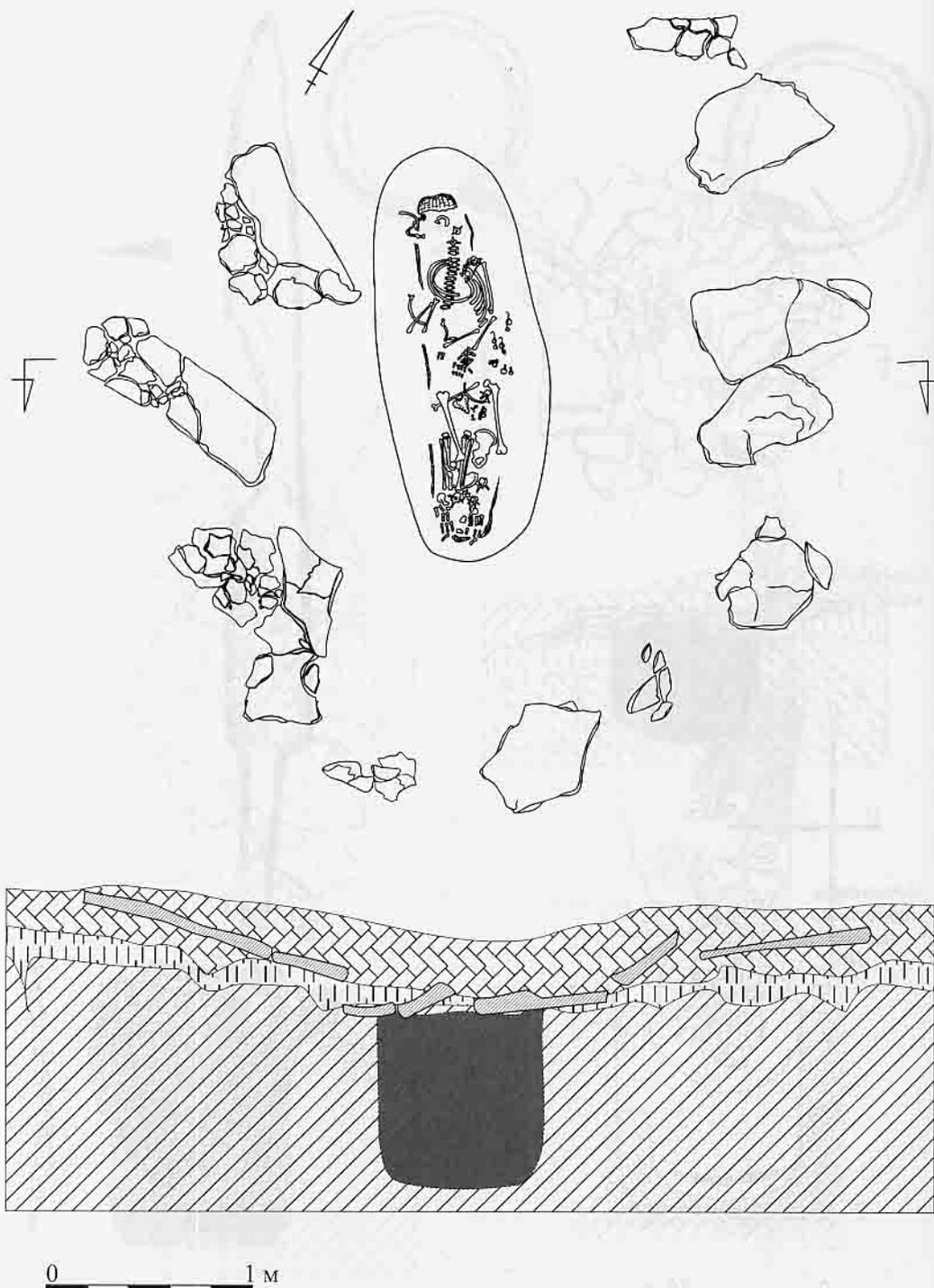

Рис. 47. Могильник Доглан, погребение № 13 – планиграфия и разрез надмогильного сооружения

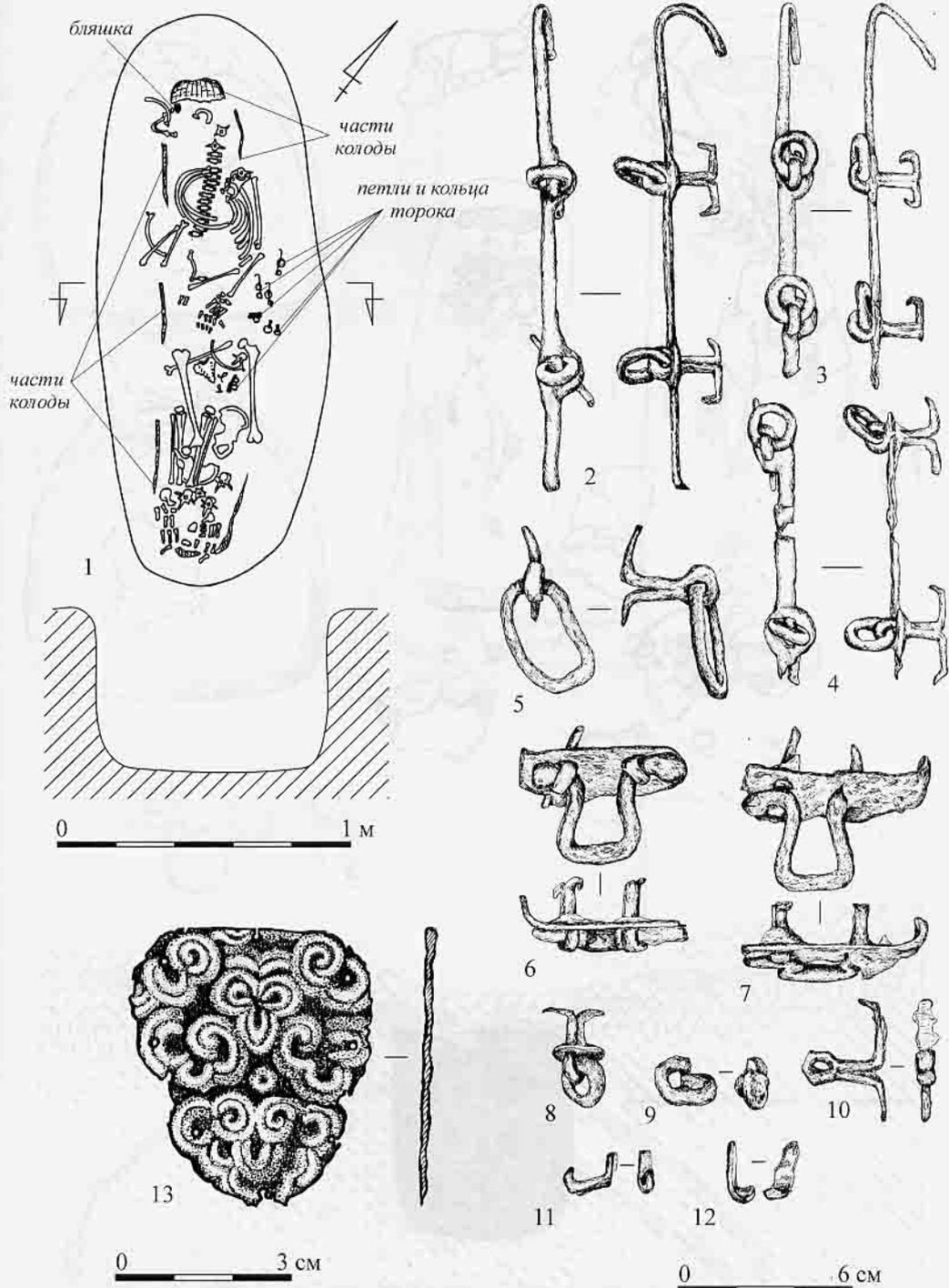
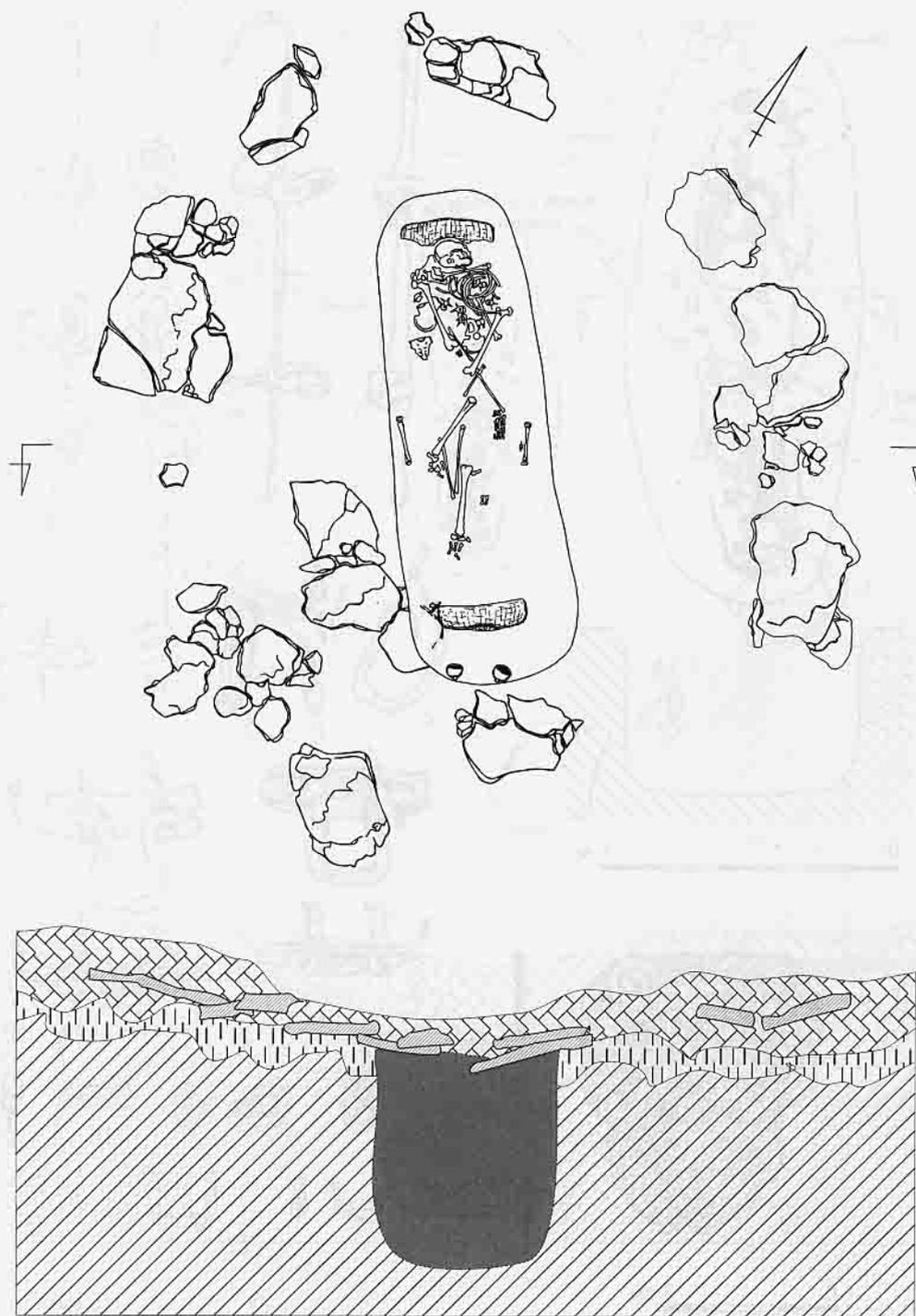

Рис. 48. Могилиник Доглан, погребение № 13: 1 – планиграфия и разрез захоронения. Сопроводительный инвентарь погребения № 13: 2 – 9 – кольца и петли торока, 10 – 12 – шпильки – крепления, 13 – бронзовая бляшка

0 1 м

Рис. 49. Могильник Доглан, погребение № 14 – планиграфия и разрез надмогильного сооружения

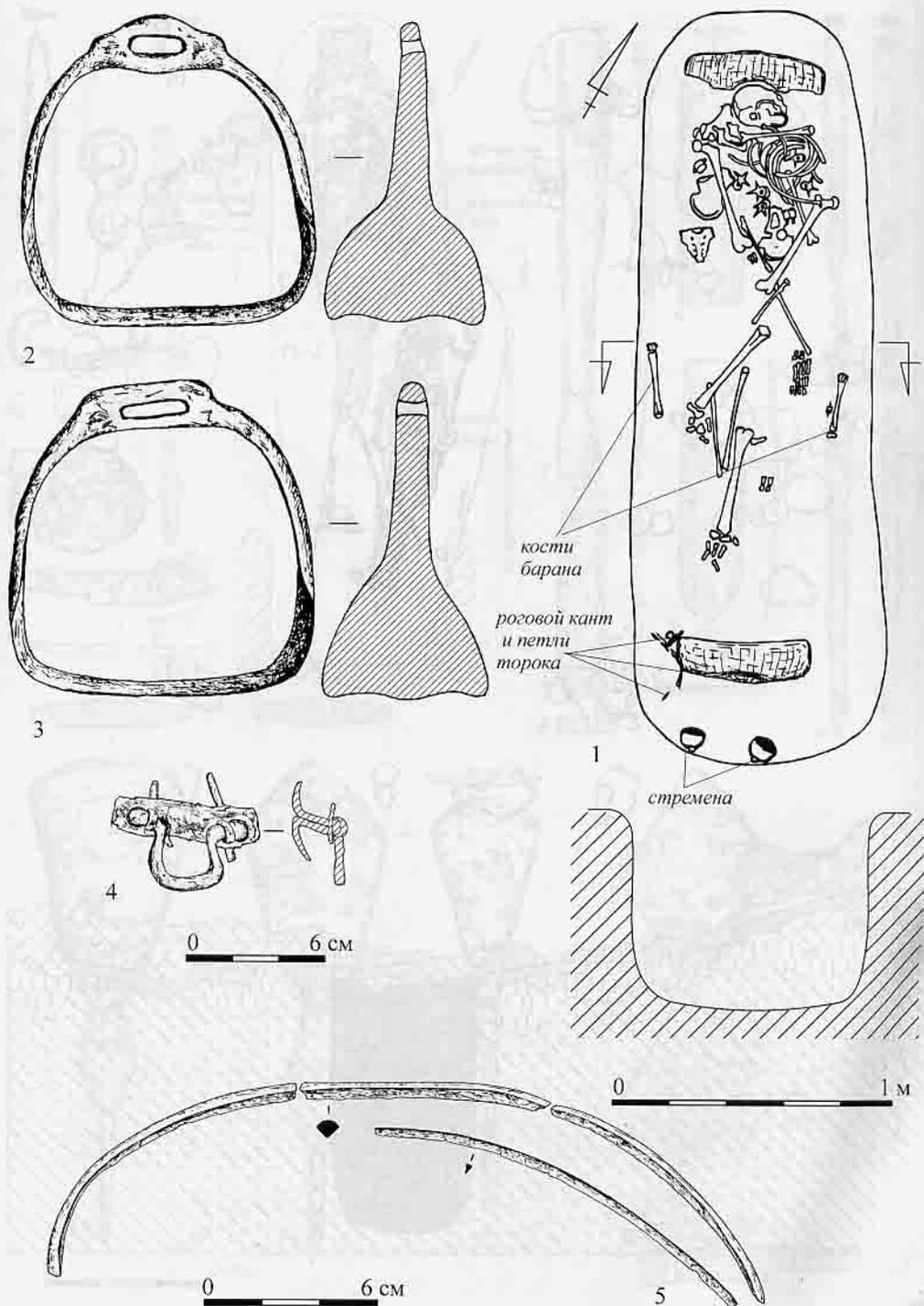

Рис. 50. Могильник Доглан, погребение № 14: 1 – планиграфия и разрез захоронения. Сопроводительный инвентарь погребения № 14: 2, 3 – стремена, 4 – петля торока, 5 – роговой кант луки седла

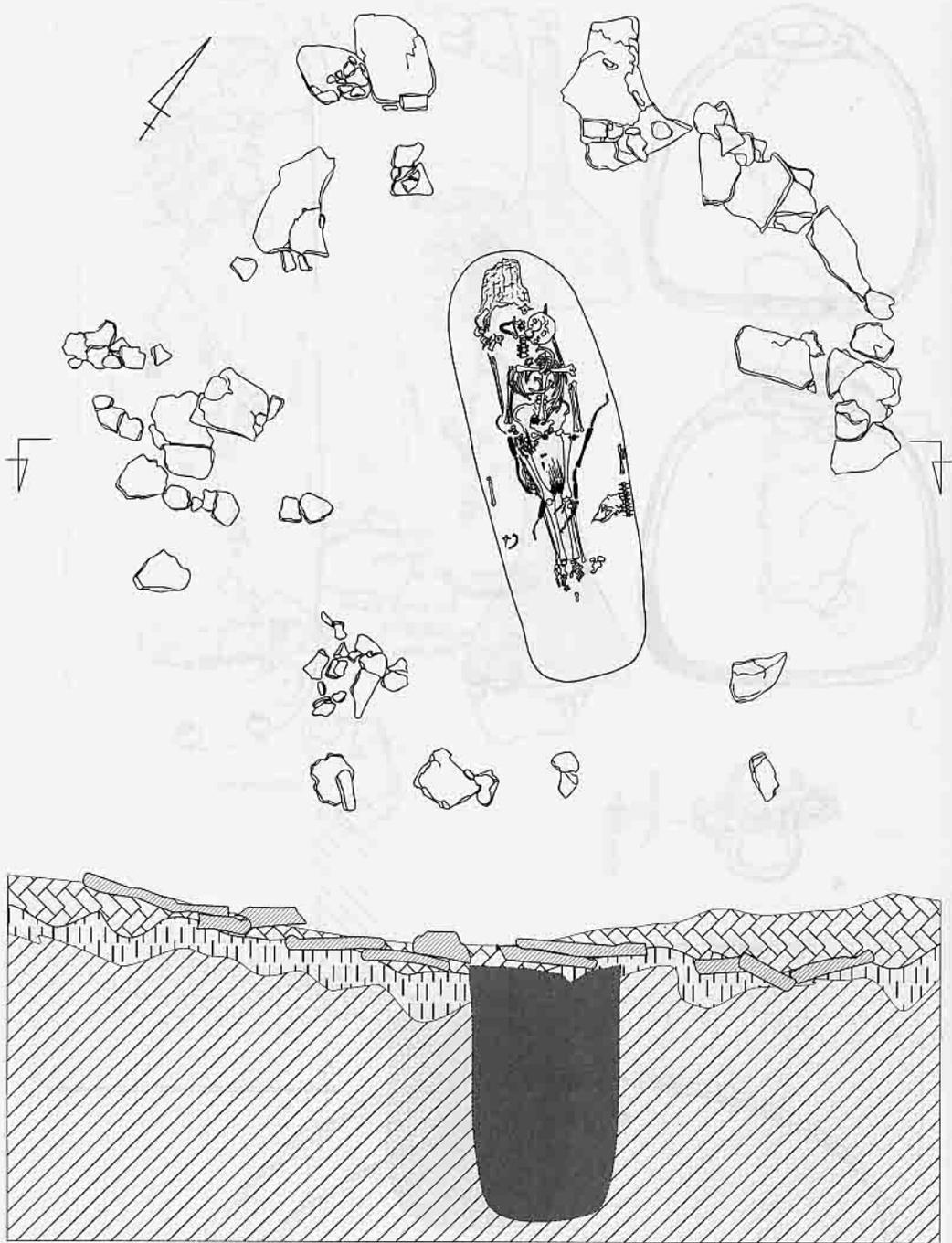

Рис. 51. Могильник Доглан, погребение № 15 – планиграфия и разрез надмогильного сооружения

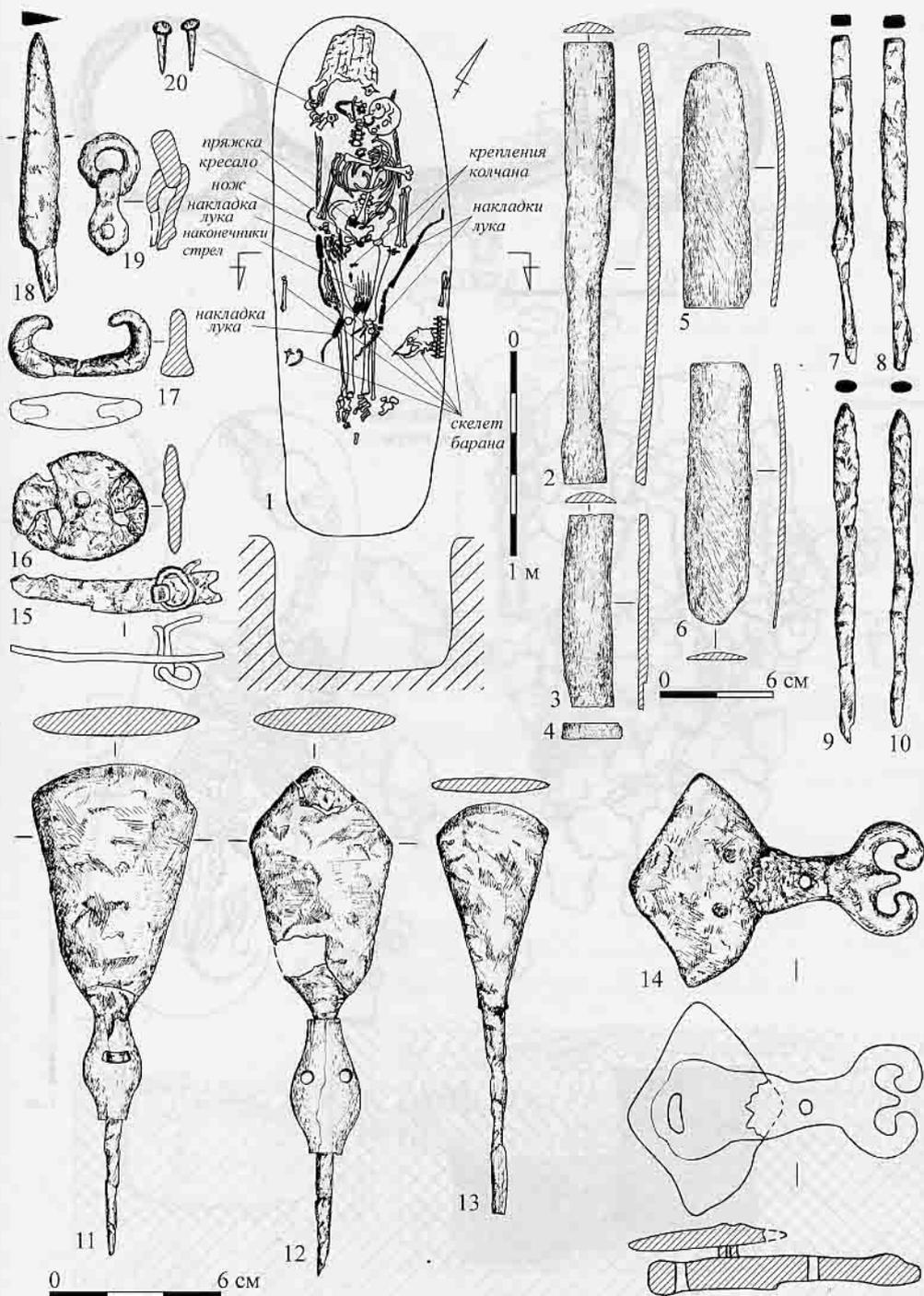

Рис. 52. Могильник Доглан, погребение № 15: 1 – планиграфия и разрез захоронения. Сопроводительный инвентарь погребения № 15: 2 – 6 – накладки луков, 7 – 13 – наконечники стрел, 14 – пряжка, 15 – пластинка с кольцом; 16 – бляшка-накладка, 17 – кресало, 18 – нож, 19 – крепление колчана, 20 – гвоздик

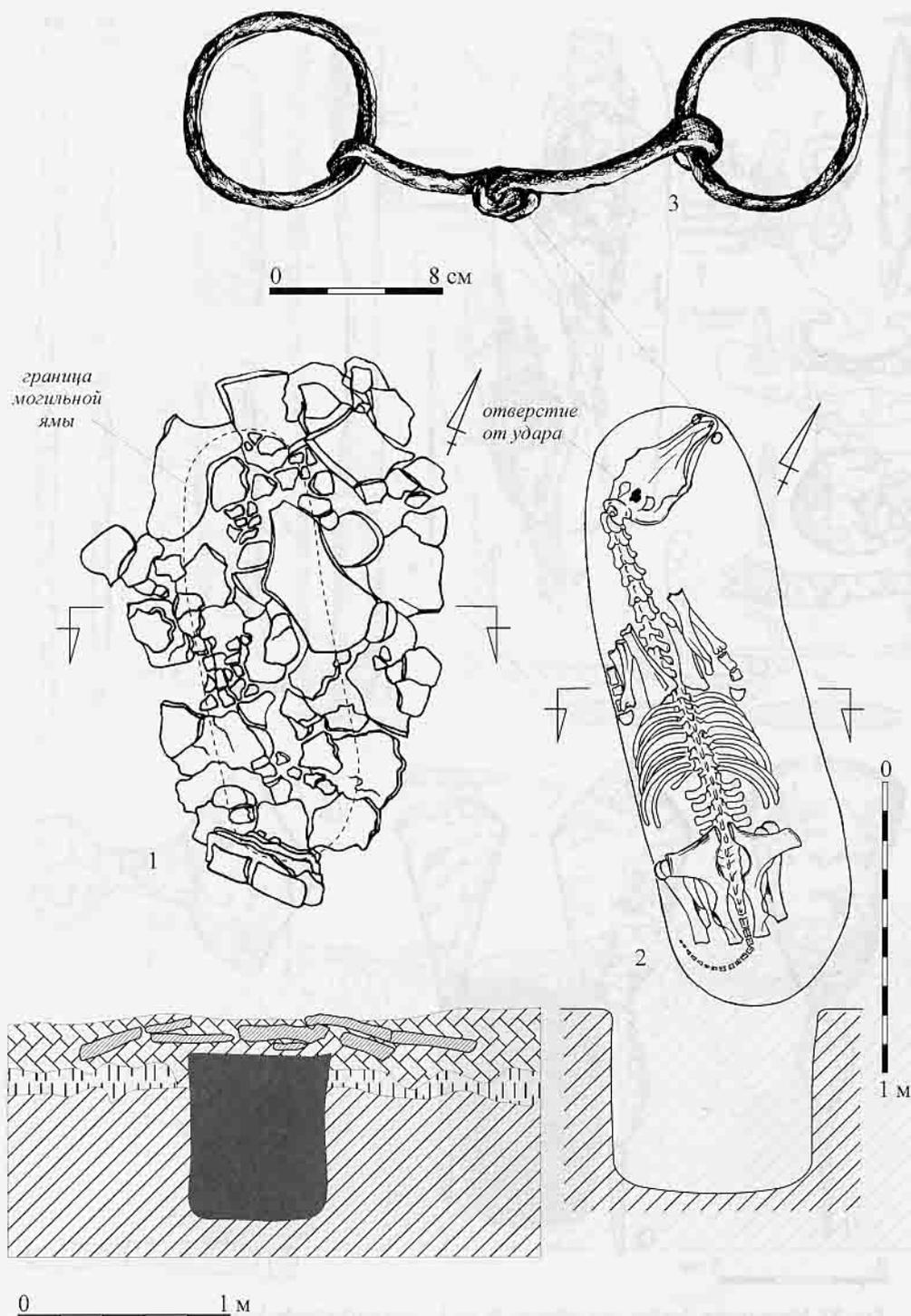

Рис. 53. Могильник Доглан, погребение № 16: 1 – планиграфия и разрез кладки, 2 – планиграфия и разрез захоронения, 3 – удила

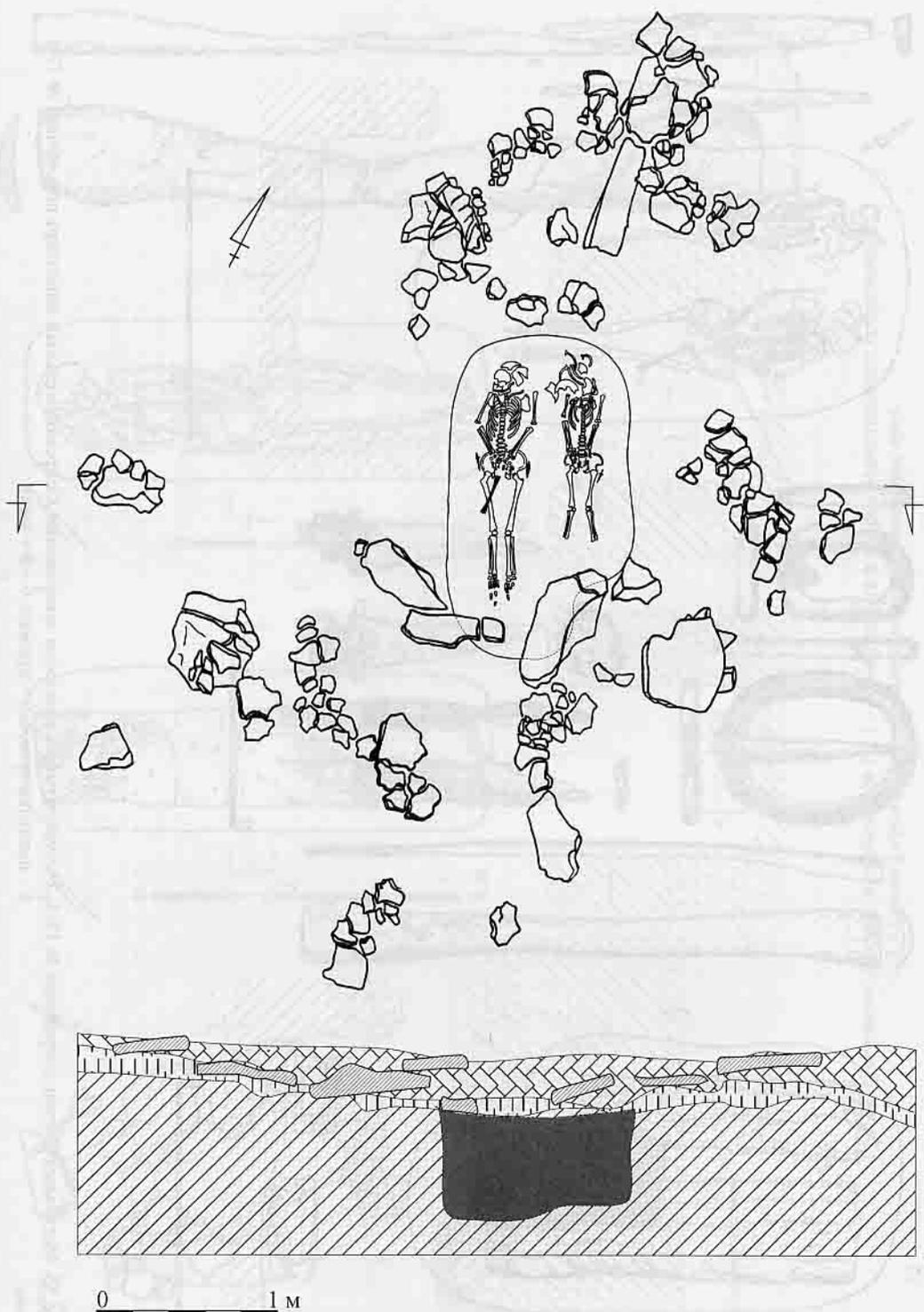

Рис. 54. Могильник Доглан, погребение № 17 – планиграфия и разрез надмогильного сооружения

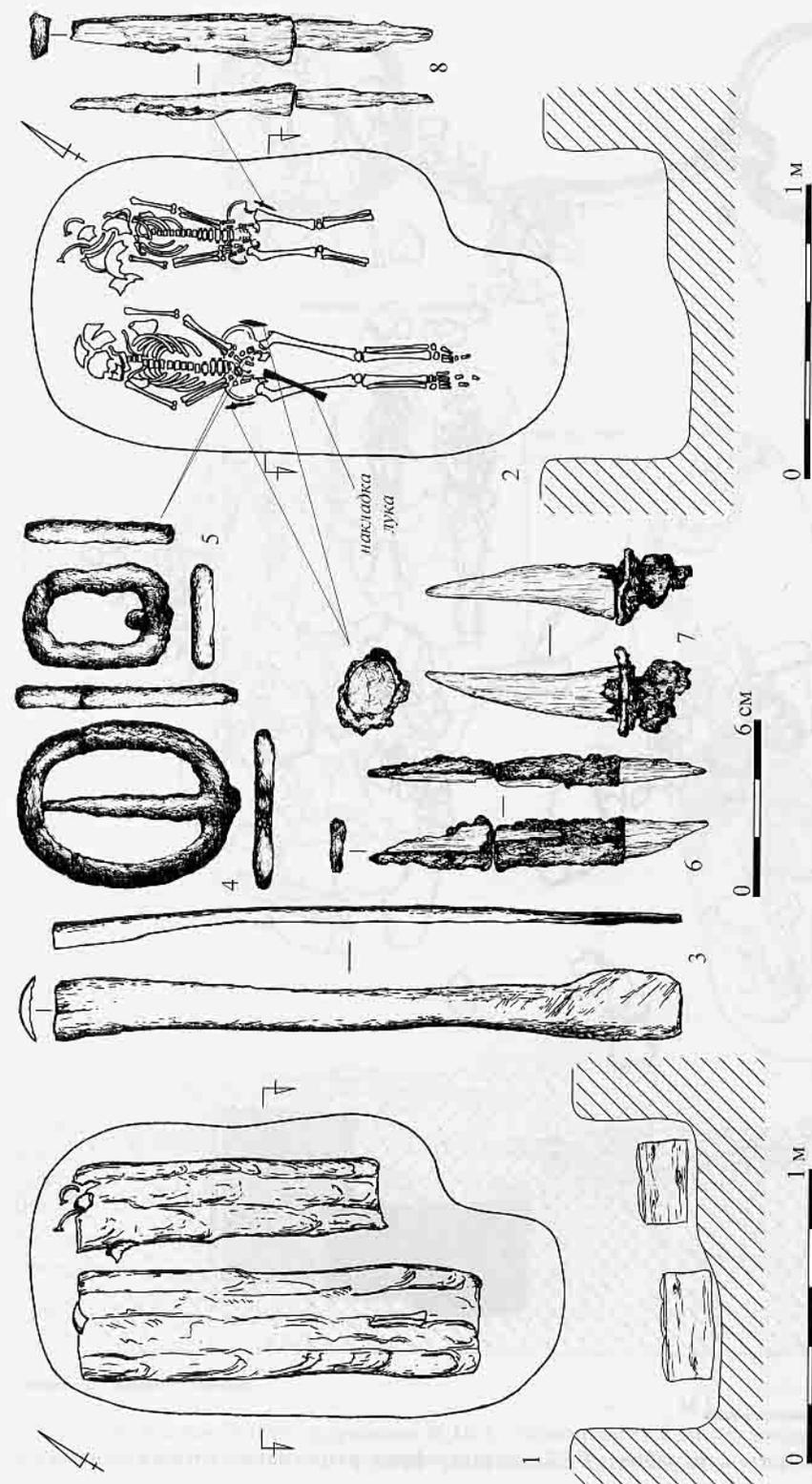

Рис. 55. Могильник Доглан, погребение № 17: 1, 2 – планиграфия и разрезы захоронения. Сопроводительный инвентарь погребения № 17: 3 – накладка лука, 4, 5 – пряжки, 6 – 8 – ножи

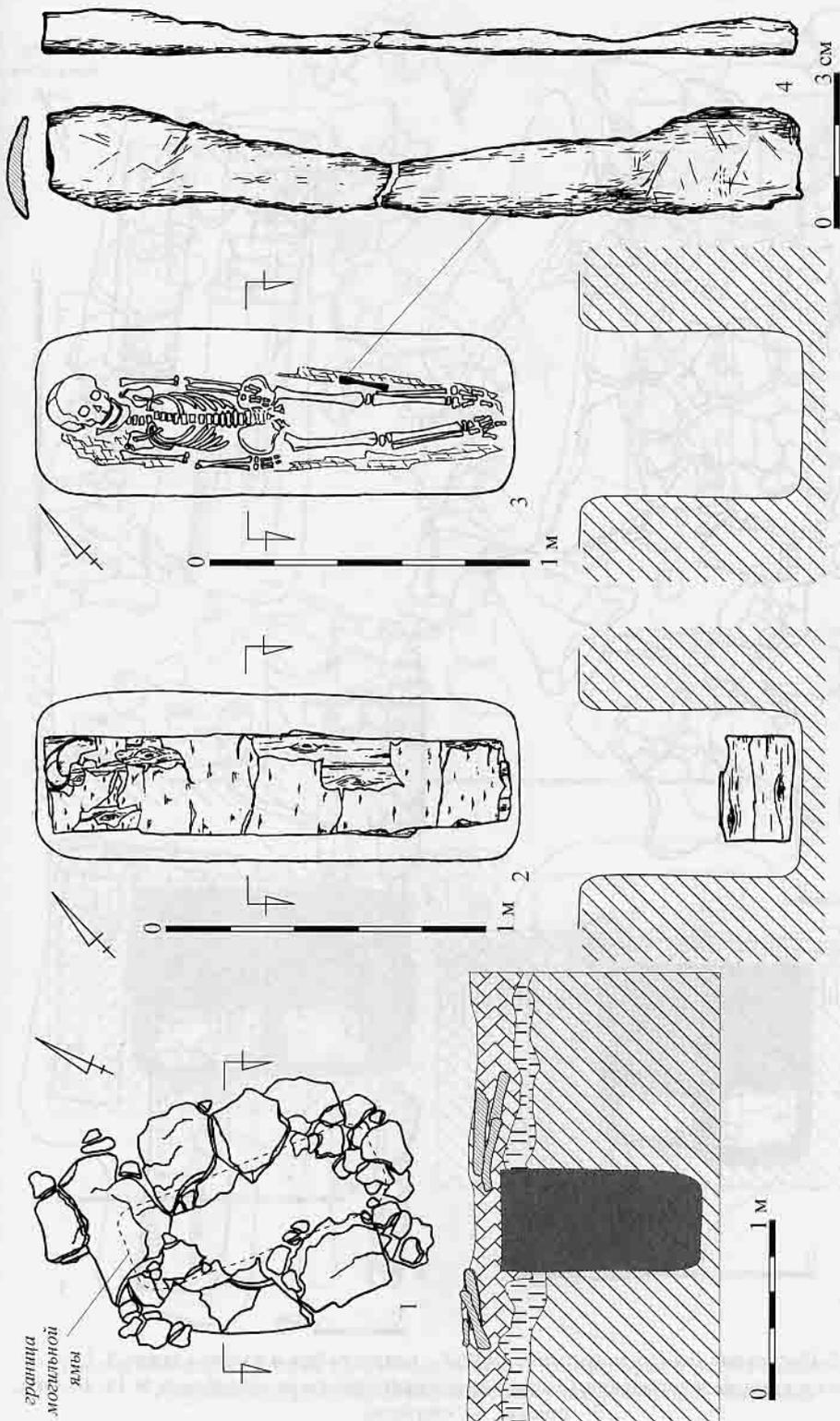

Рис. 56. Могильник Доуган, погребение № 18: 1 – планиграфия и разрез надмогильного сооружения, 2, 3 – планиграфия и разрезы захоронения, 4 – накладка лука

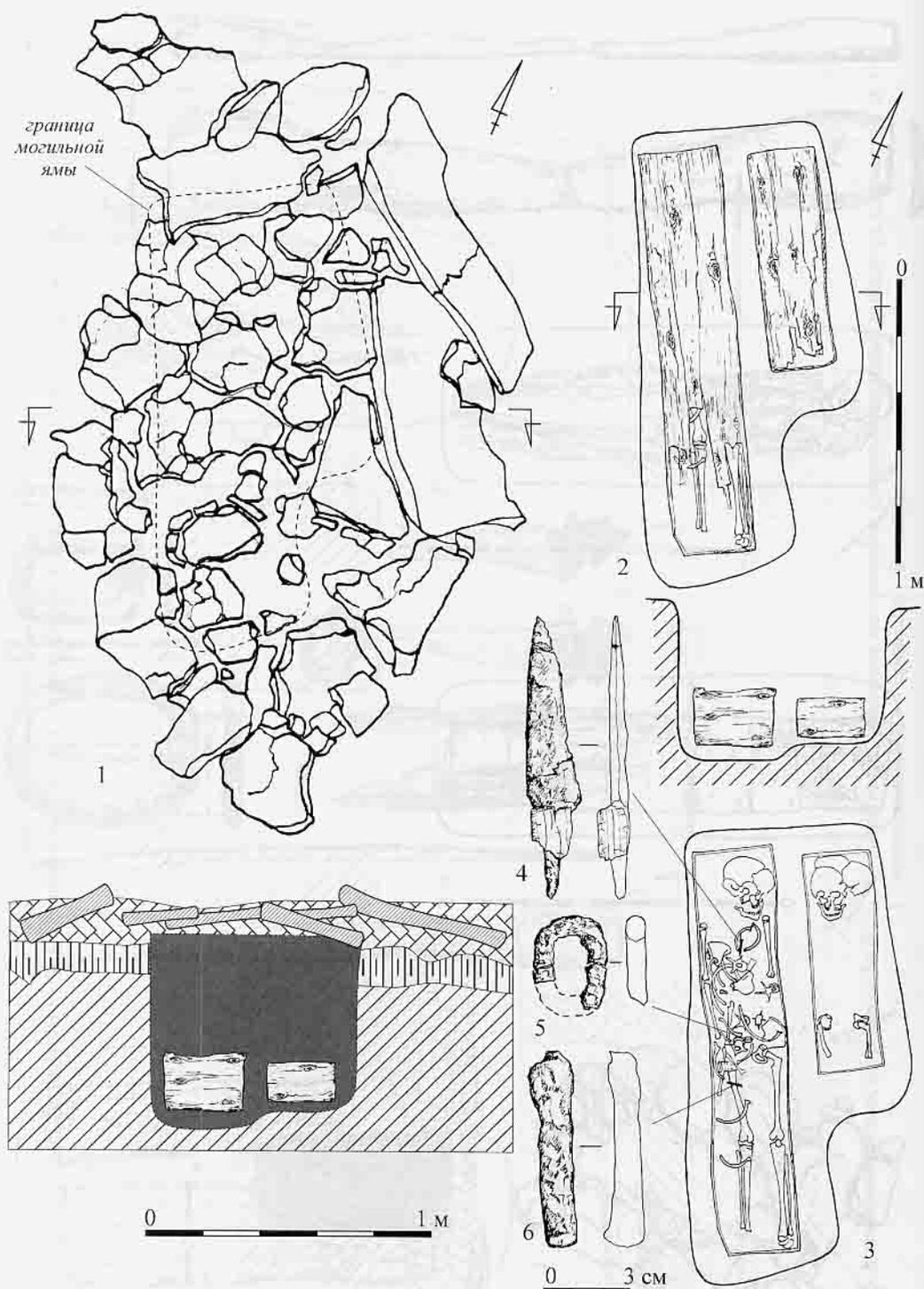

Рис. 57. Могильник Доглан, погребение № 19: 1 – планиграфия и разрез кладки, 2, 3 – планиграфия и разрезы захоронения. Сопроводительный инвентарь погребения № 19: 4 – нож, 5 – пряжка, 6 – стержень

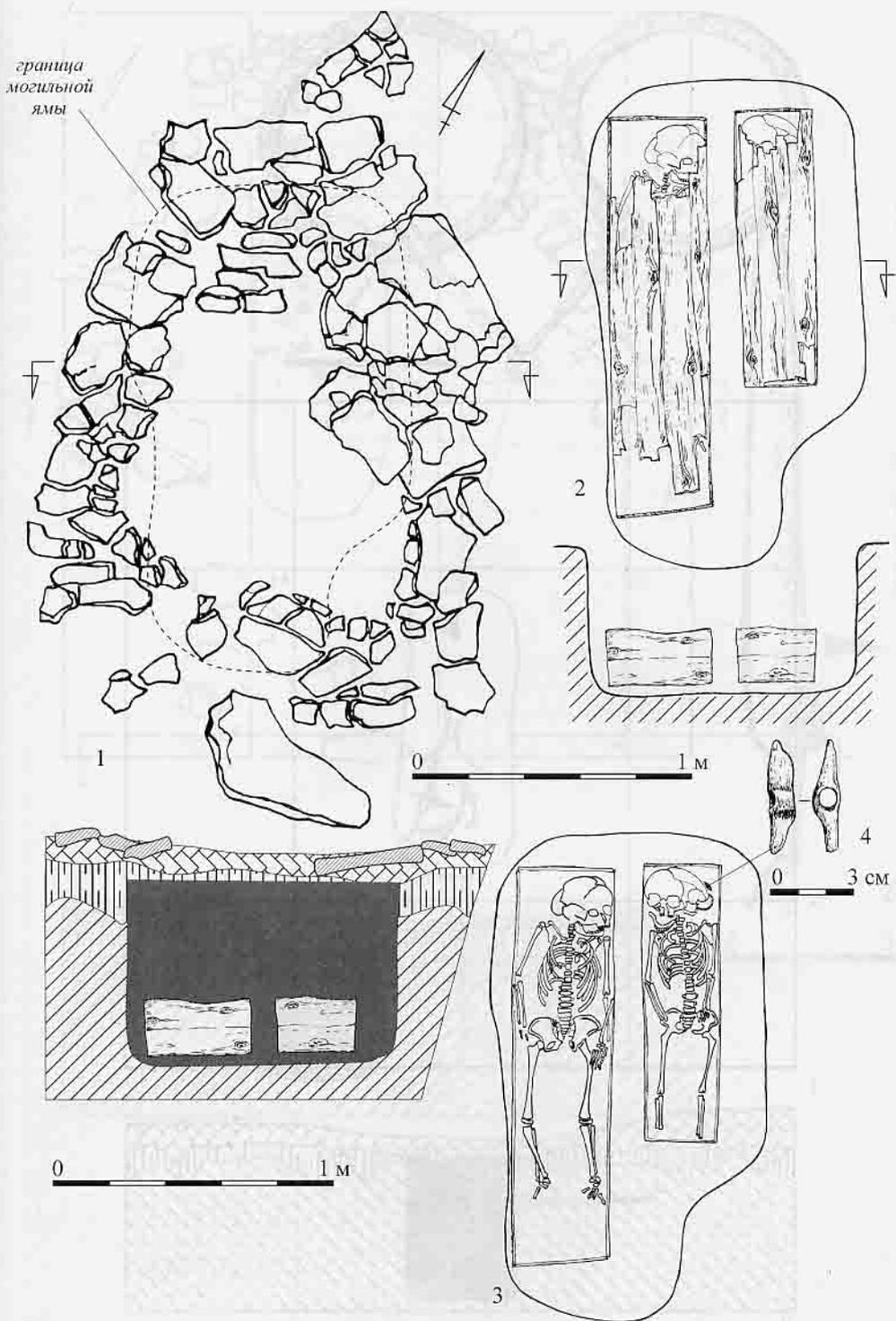

Рис. 58. Могильник Доглан, погребение № 20: 1 – планиграфия и разрез надмогильного сооружения, 2, 3 – планиграфия и разрез захоронения, 3 – пуговица

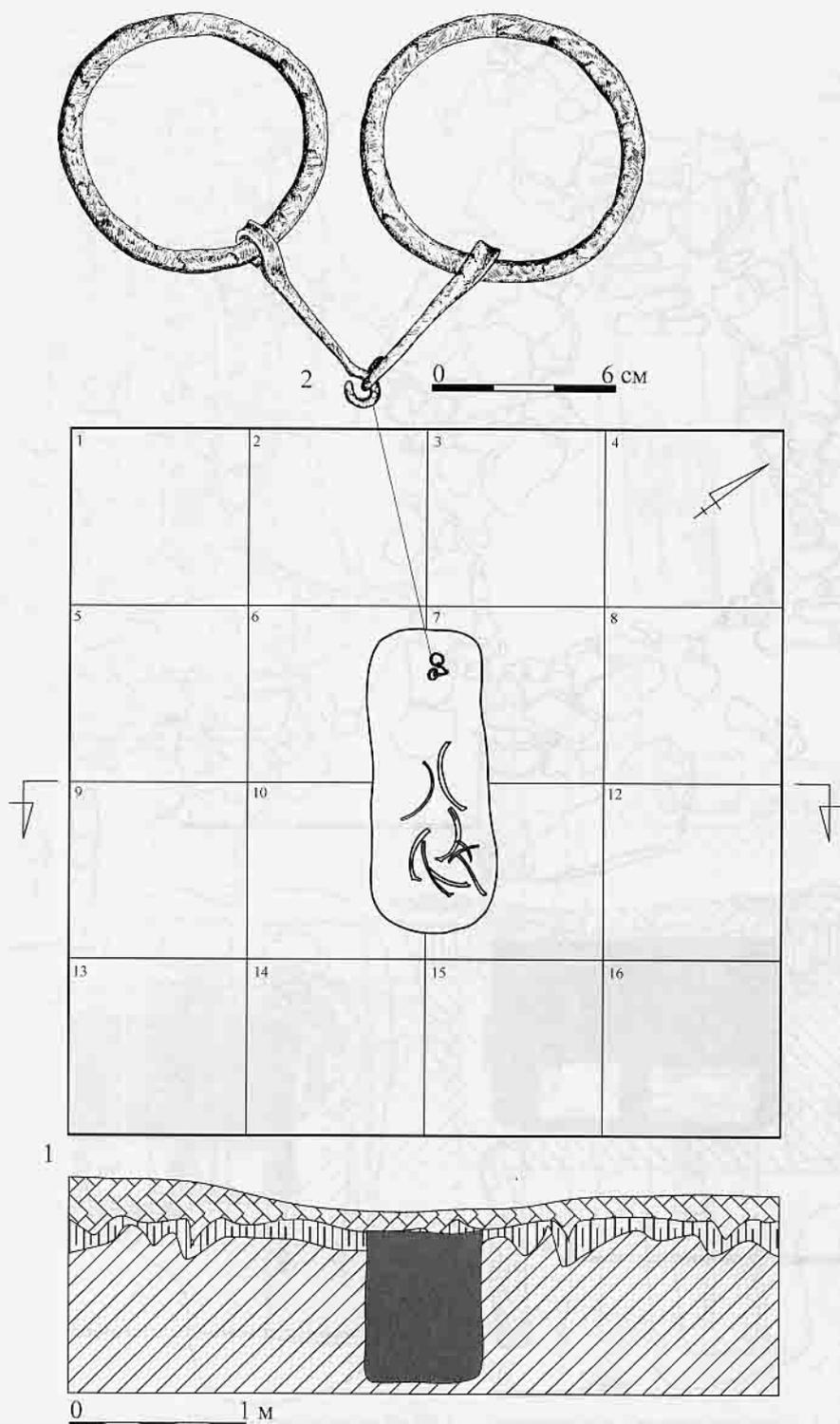

Рис. 59. Могильник Доглан, ритуальный комплекс № 1; 1 – планиграфия и разрез, 2 – удила

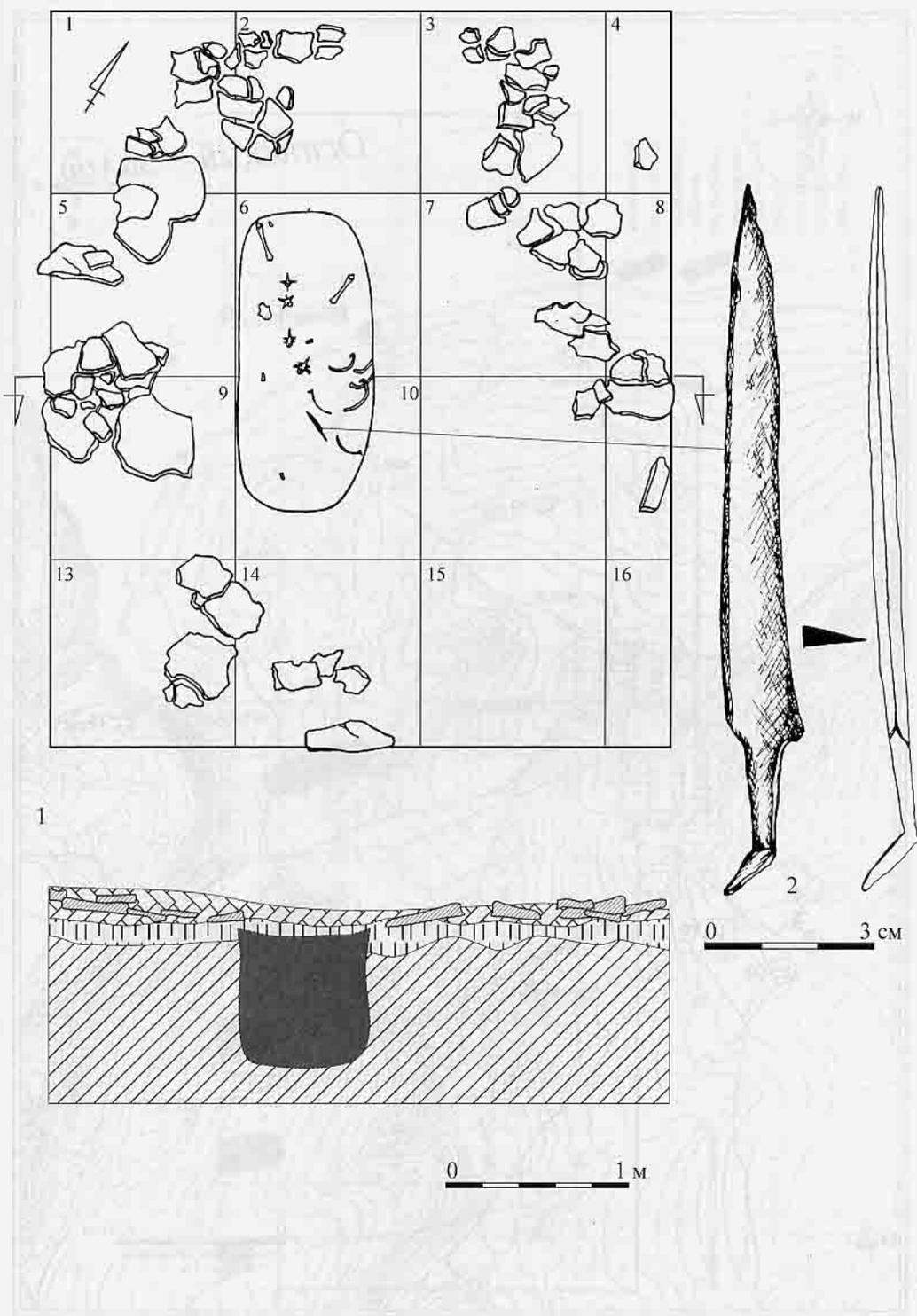

Рис. 60. Могильник Доглан, ритуальный комплекс № 2: 1 – планиграфия и разрез, 2 – нож

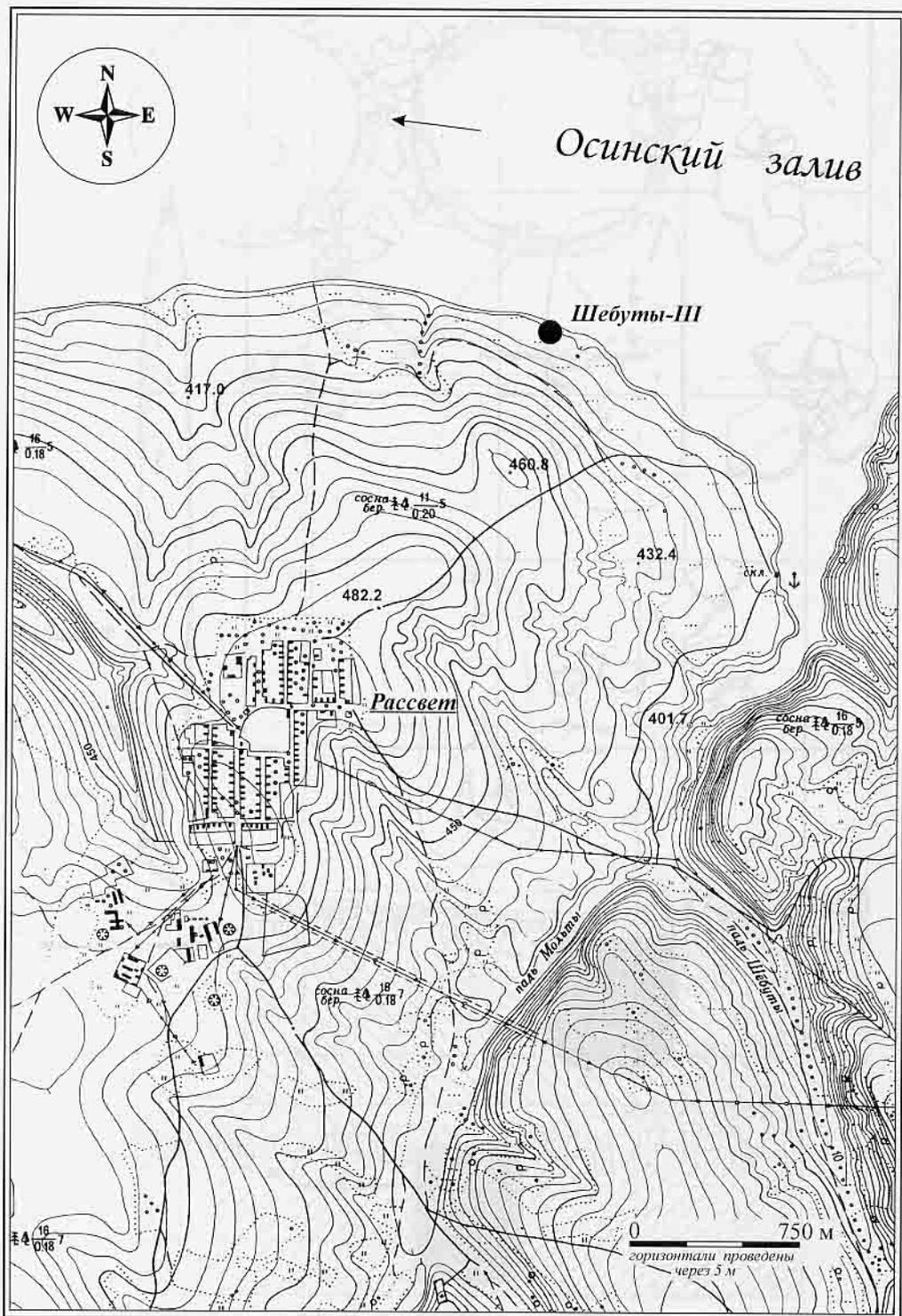

Рис. 61. Карта с указанием месторасположения могильника Шебуты-III

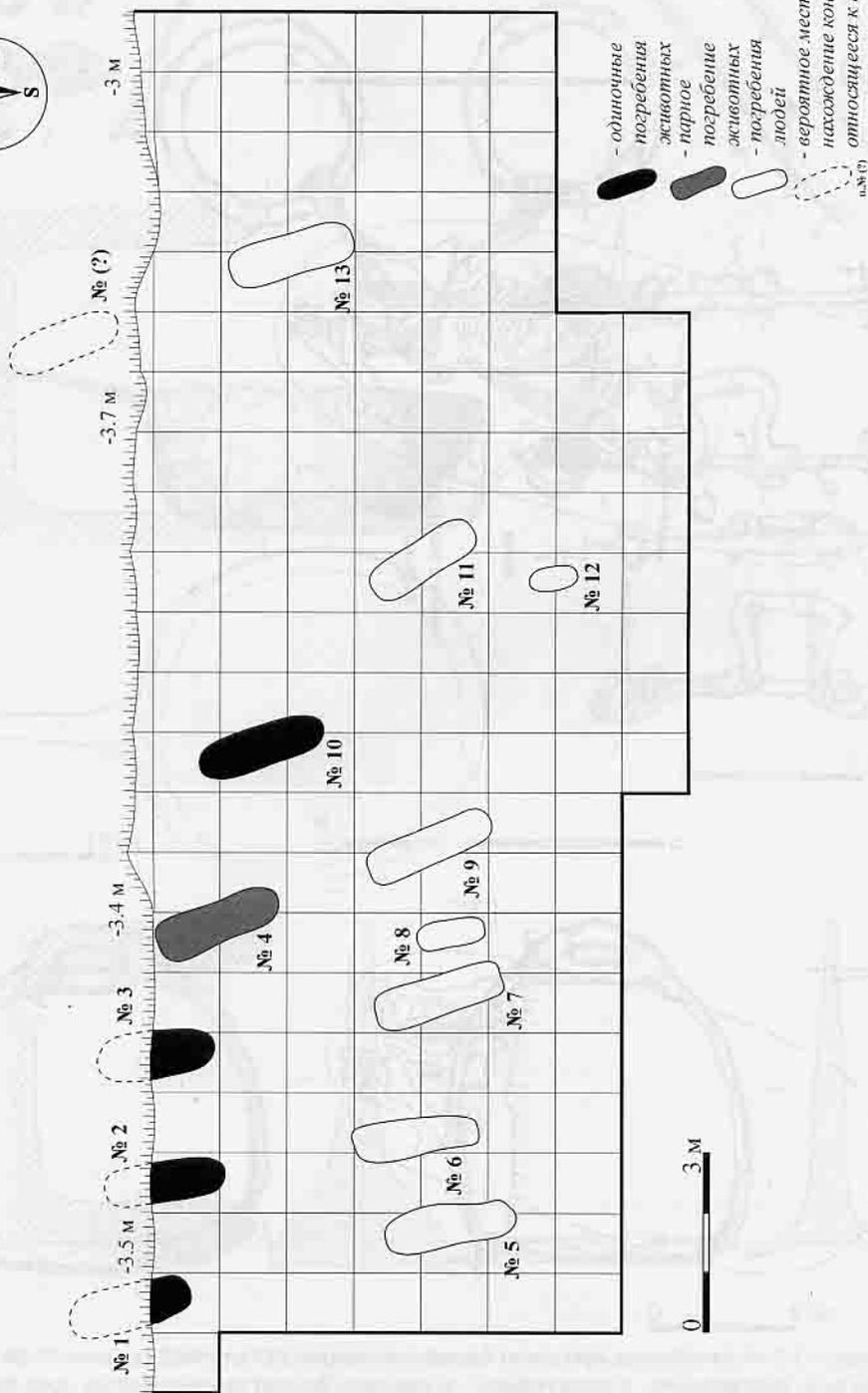

Рис. 62. Могильник Шебуты-III – сводный план раскопанных погребений

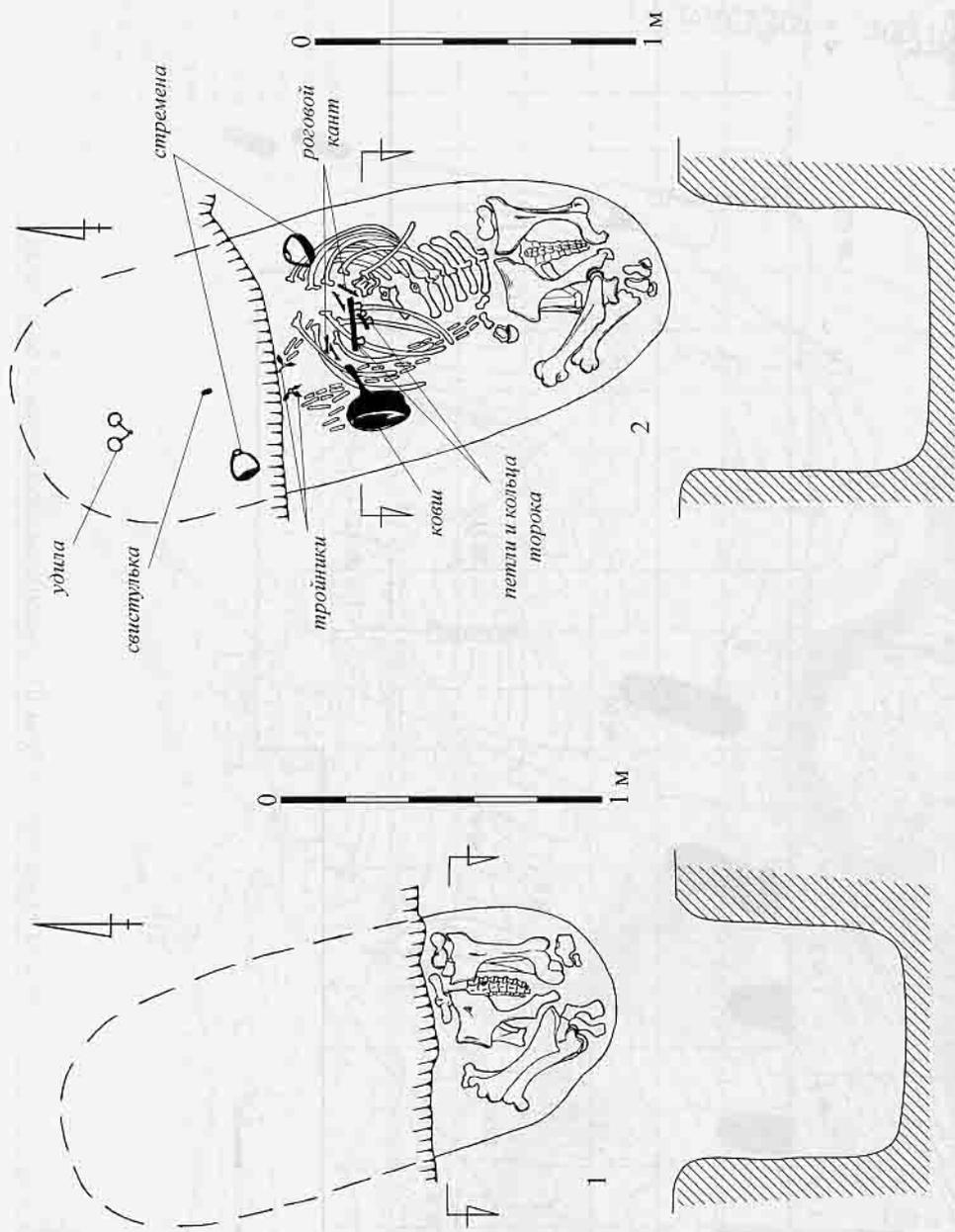

Рис. 63. Могильник Шебуты-III: 1 – планиграфия и разрез погребения № 1,
2 – планиграфия и разрез погребения № 2

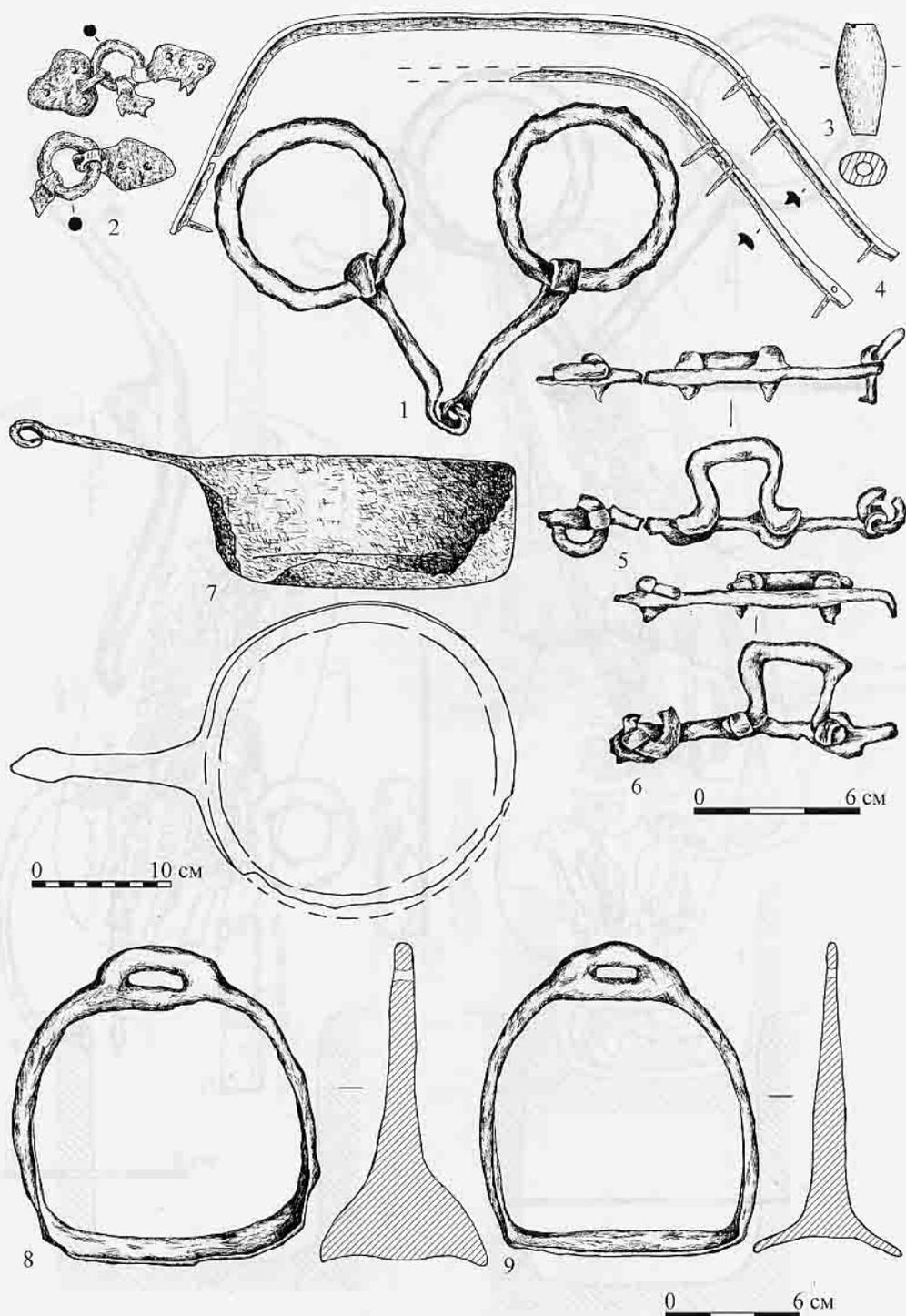

Рис. 64. Могильник Шебуты-III, сопроводительный инвентарь погребения № 2: 1 – удила, 2 – тройники-распределители ремней оголовья, 3 – «свистунок», 4 – роговой кант луки седла, 5, 6 – петли и кольца торока, 7 – ковш, 8, 9 – стремена

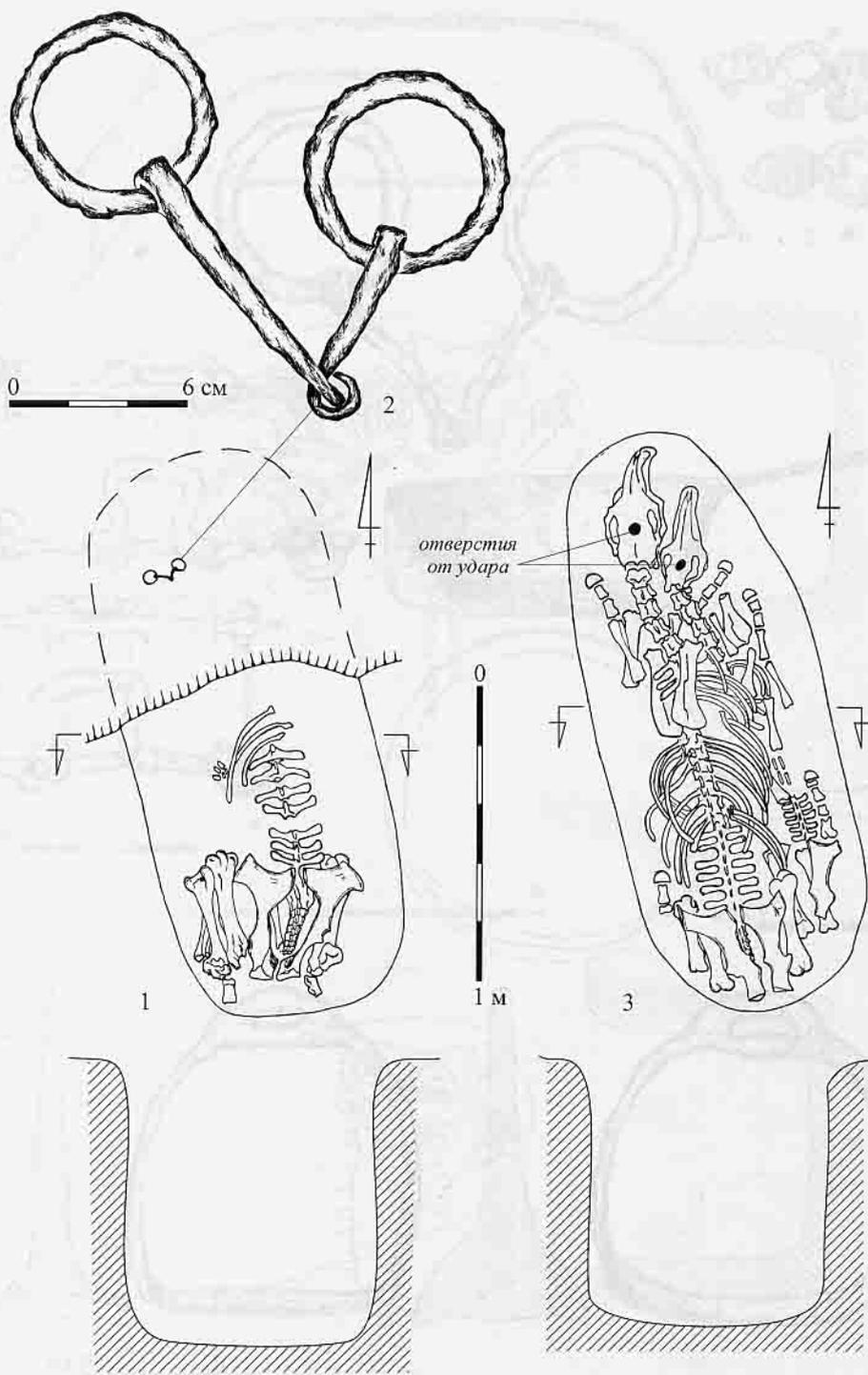

Рис. 65. Могильник Шебуты-III: 1 – планиграфия и разрез погребения № 3, 2 – удила из погребения № 3, 3 – планиграфия и разрез погребения № 4

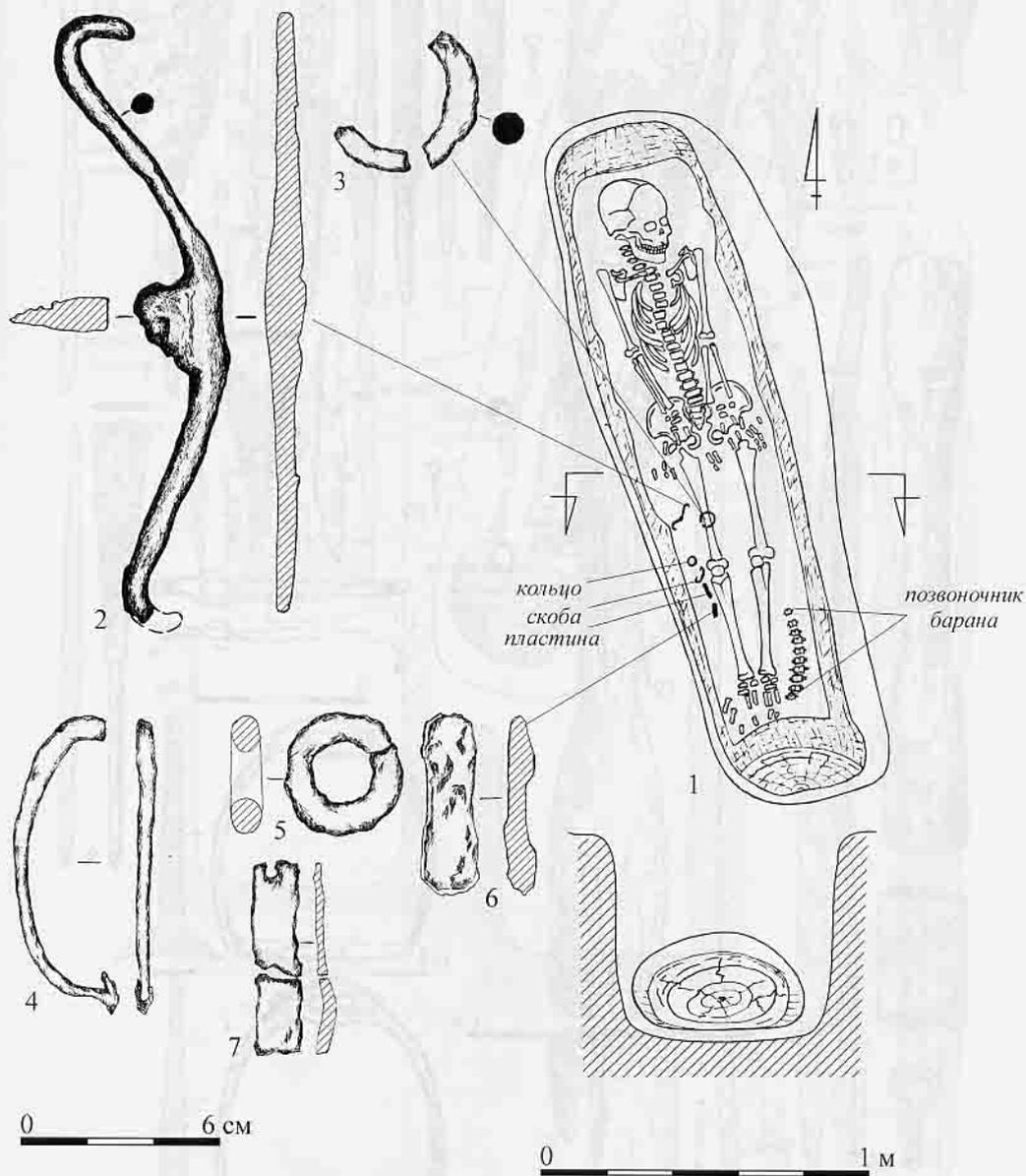

Рис. 66. Могилиник Шебуты-III, погребение № 5: 1 – планиграфия и разрез захоронения. Сопроводительный инвентарь погребения № 5: 2 – стержень, 3, 5 – кольца, 4 – скоба, 6 – стержень, 7 – пластина

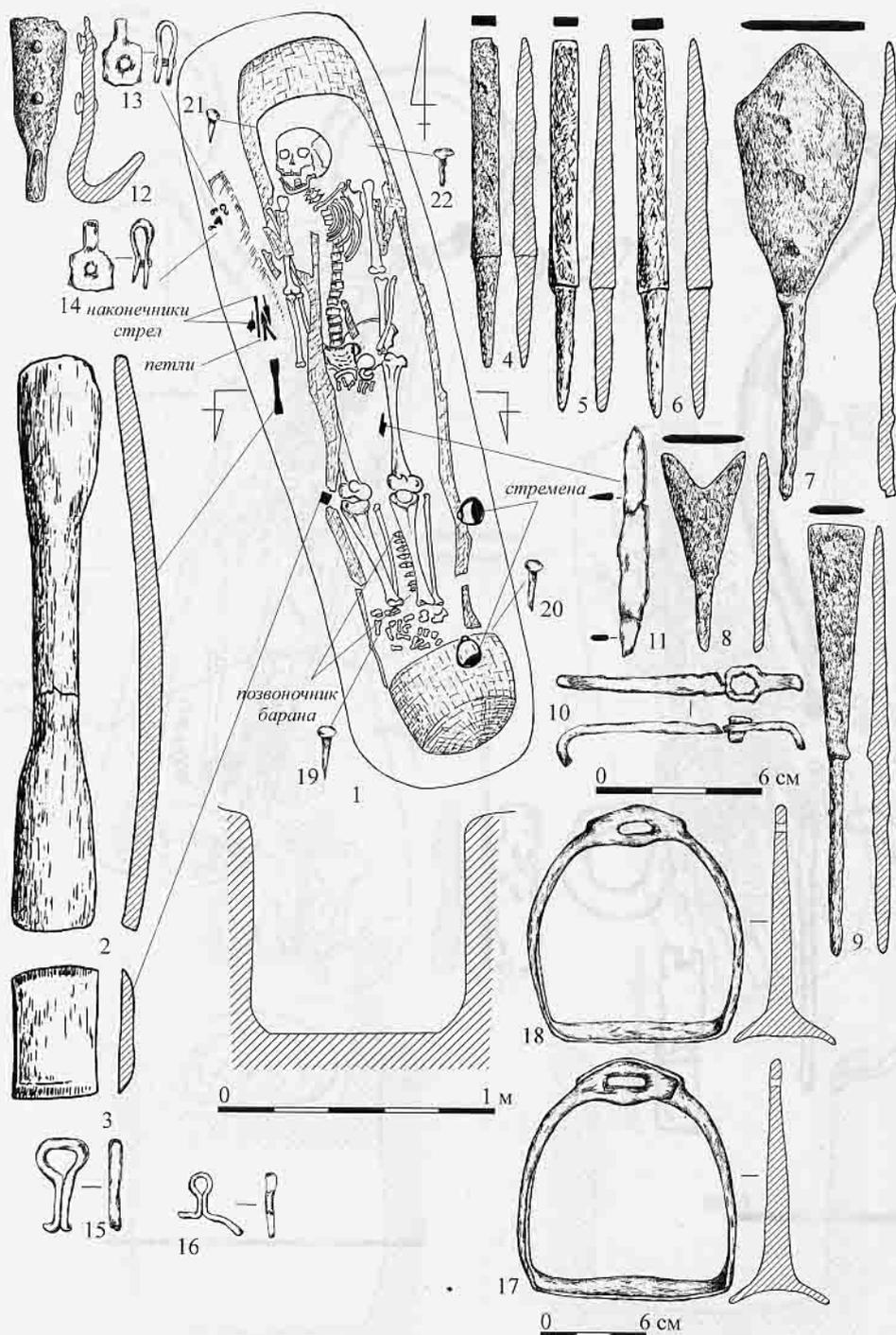

Рис. 67. Могилиник Шебуты-III, погребение № 6: 1 – планиграфия и разрез захоронения. Сопроводительный инвентарь погребения № 6: 2, 3 – накладки лука, 4 – 9 – наконечники стрел, 10 – скоба, 11 – нож, 12 – колчаный крюк, 13, 14 – крепления колчана, 15, 16 – шпильки – крепления, 17, 18 – стремена, 19 – 321 – гвоздики

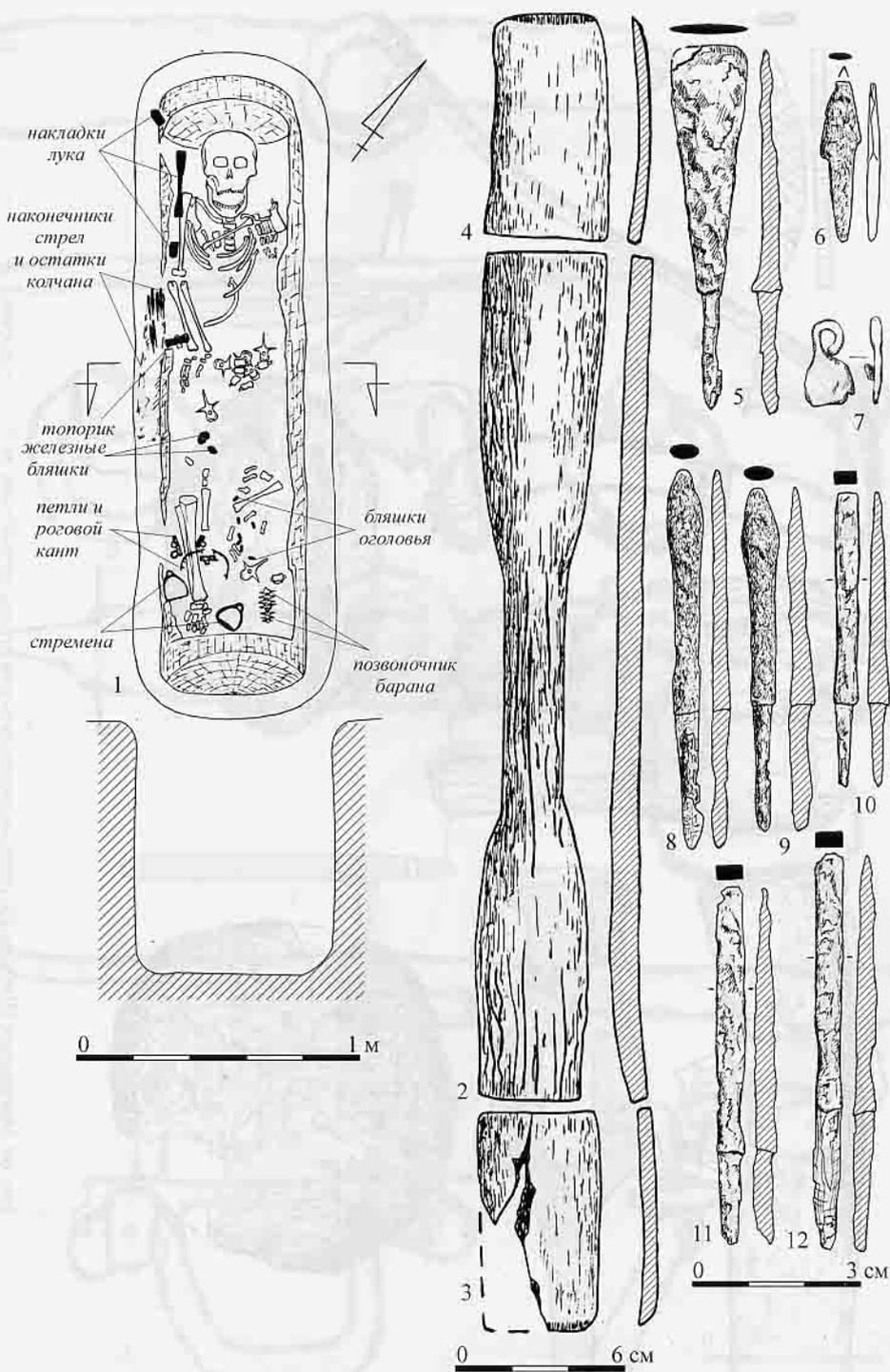

Рис. 68. Могильник Шебуты-III, погребение № 7: 1 – планиграфия и разрез захоронения. Сопроводительный инвентарь погребения № 7: 2 – 4 – накладки лука, 5, 6, 8 – 12 – наконечники стрел, 7 – крепление колчана

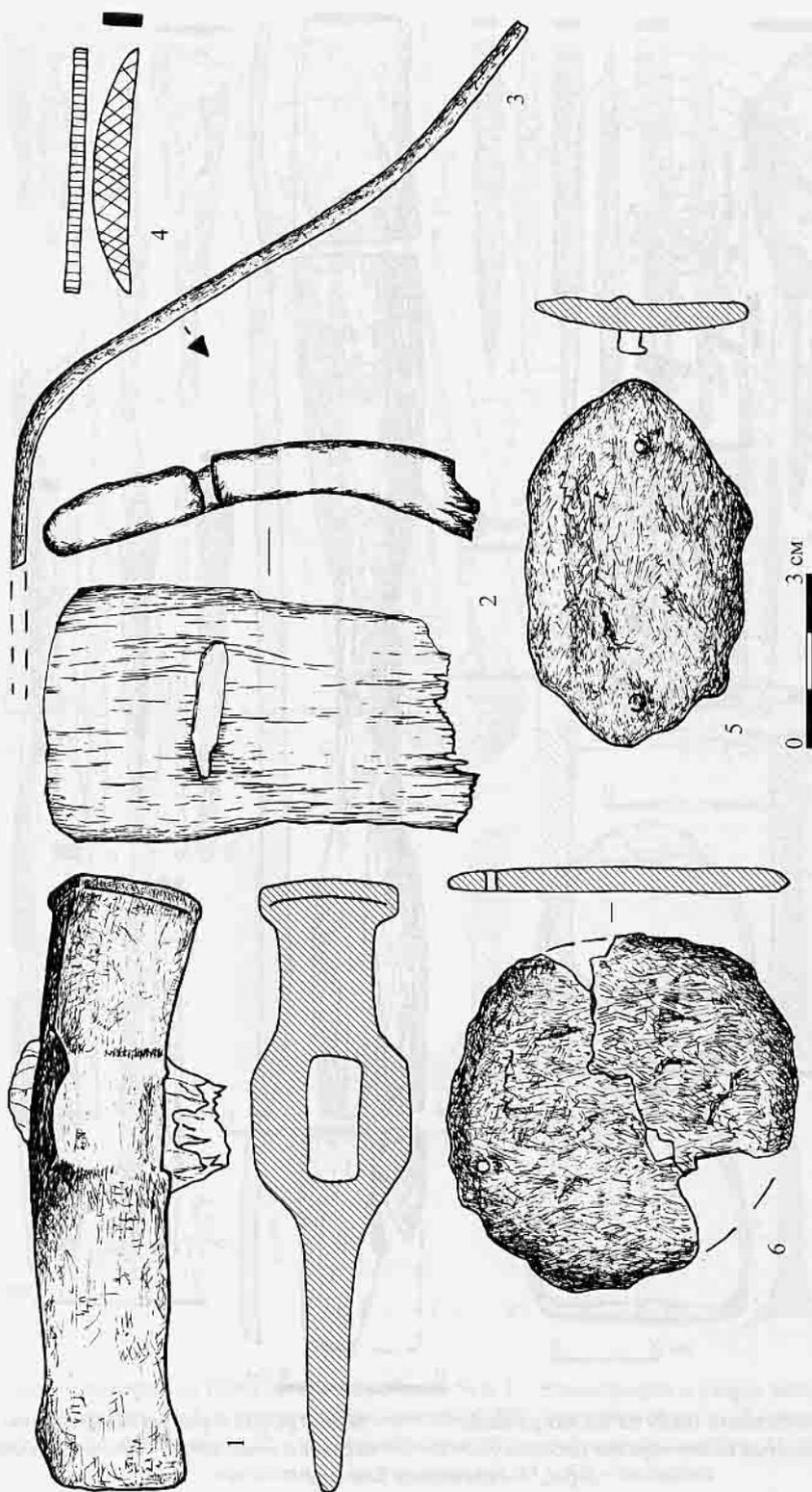

Рис. 69. Могильник Шебуты-III, сопроводительный инвентарь погребения № 7: 1 – топорик, 2 – пряжка (?) из дерева, 3 – роговой кант луки седла, 4 – костяная пластинка, 5, 6 – бляшки

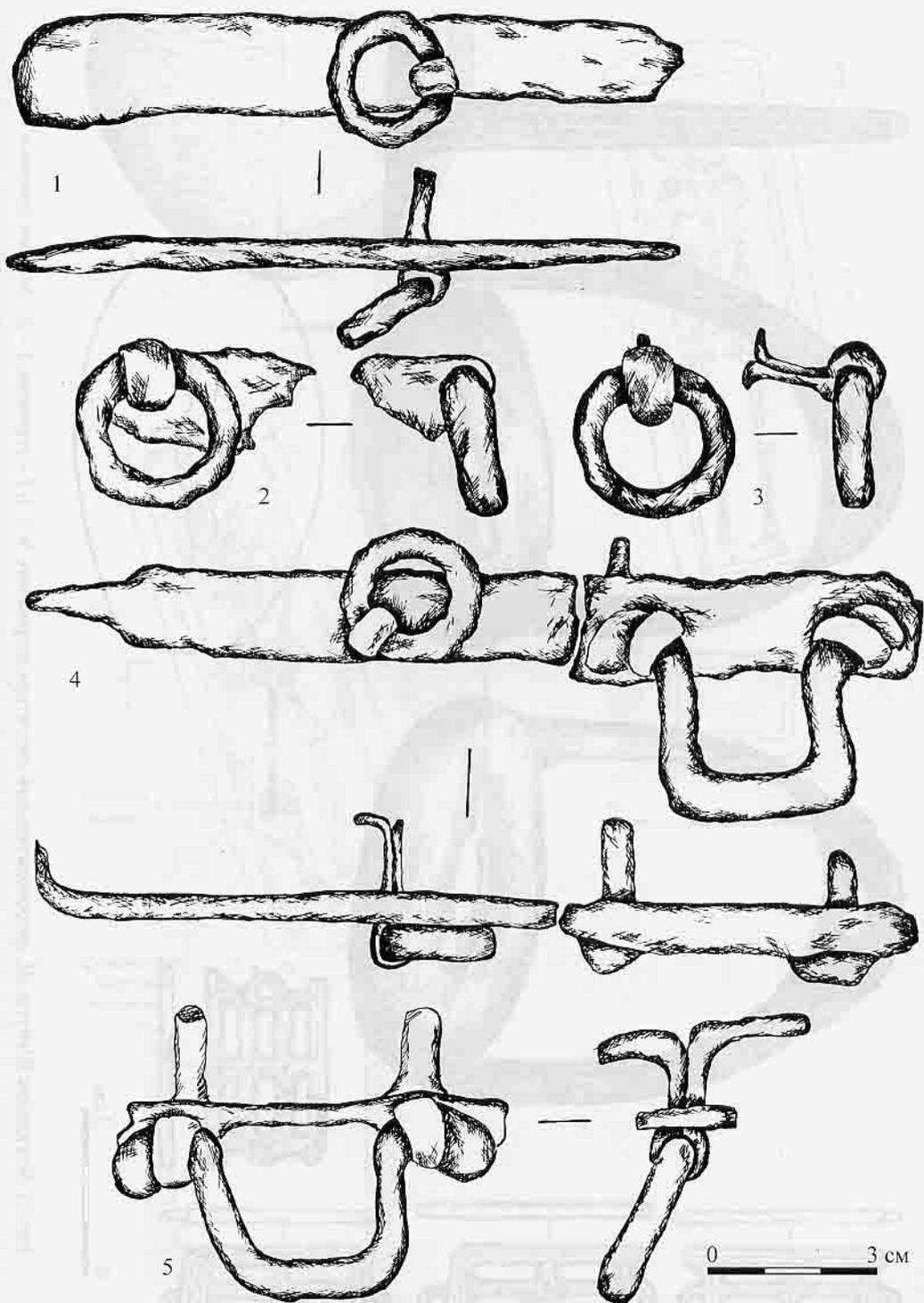

Рис. 70. Могильник Шебуты-III, сопроводительный инвентарь погребения № 7: 1 – 5 – петли и кольца торока

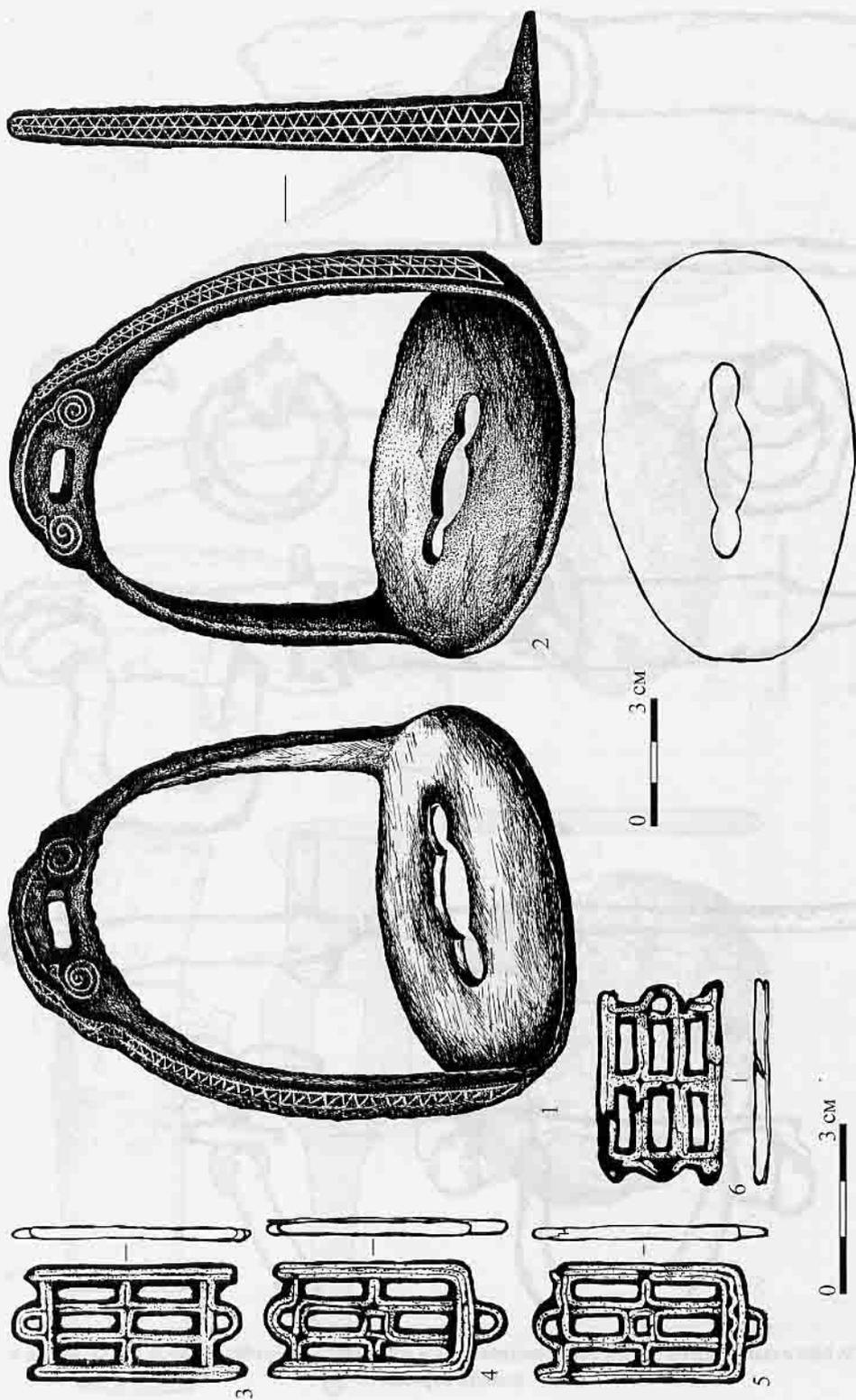

Рис. 71. Могильник Шебуты - III, сопроводительный инвентарь погребения № 7: 1, 2 - стремена, 3 - 6 - бляшки оголовья

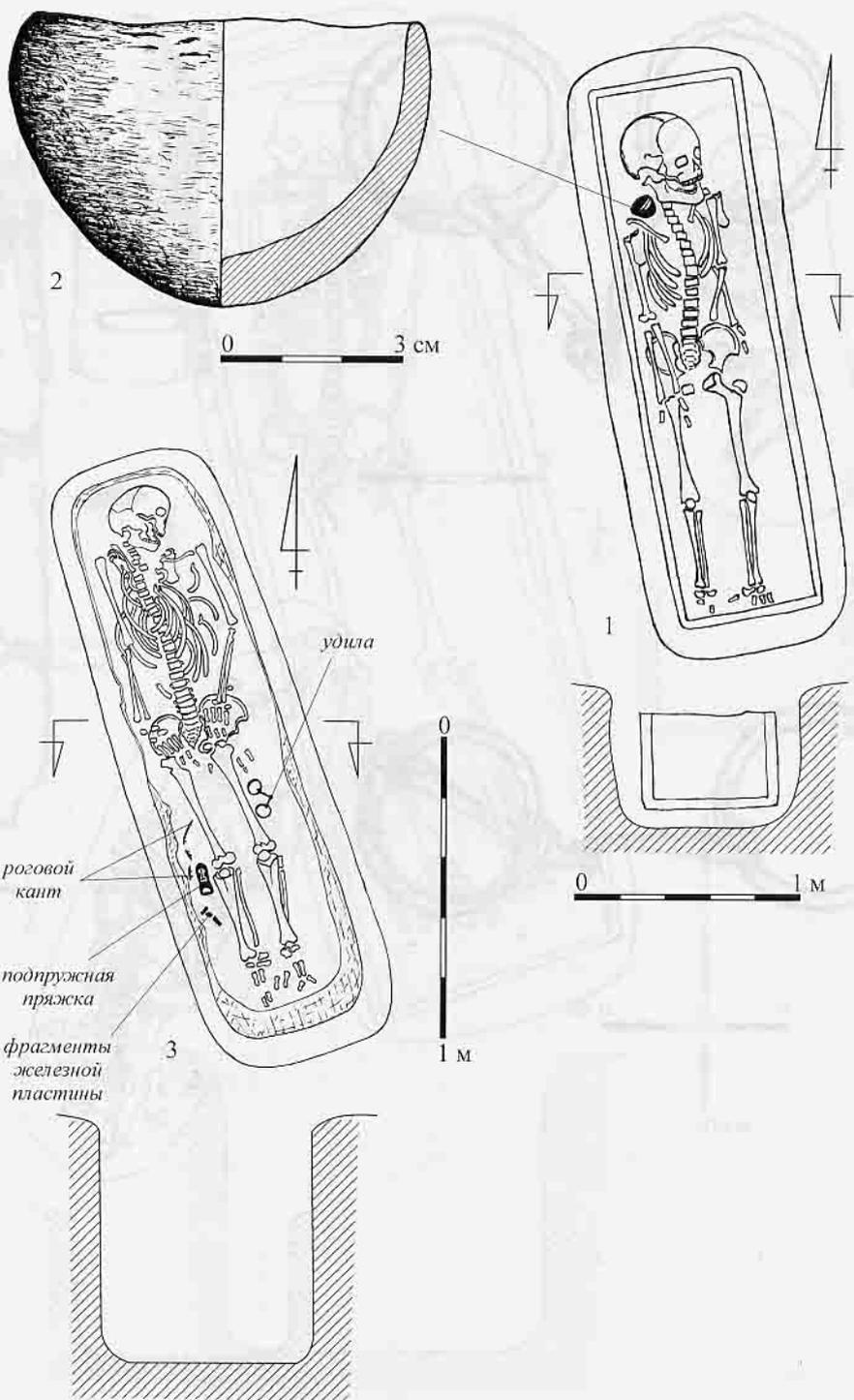

Рис. 72. Могильник Шебуты-III: 1 – планиграфия и разрез погребения № 8, 2 – чашечка из погребения № 8, 3 – планиграфия и разрез погребения № 9

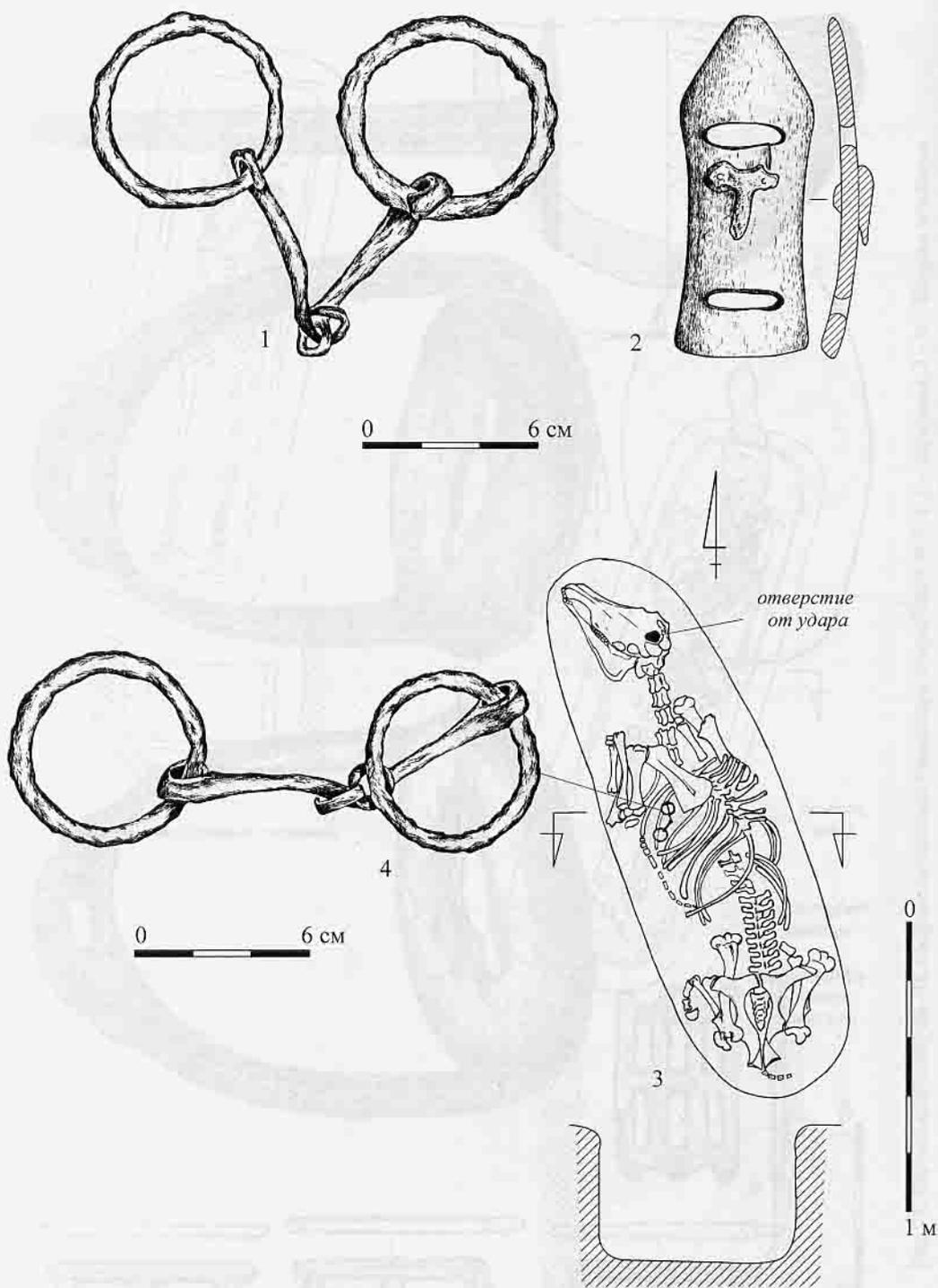

Рис. 73. Могильник Шебуты-III, сопроводительный инвентарь из погребения № 9:
 1 - удила, 2 - подпружная пряжка из рога. 3 - планиграфия и разрез погребения № 10,
 4 - удила из погребения № 10

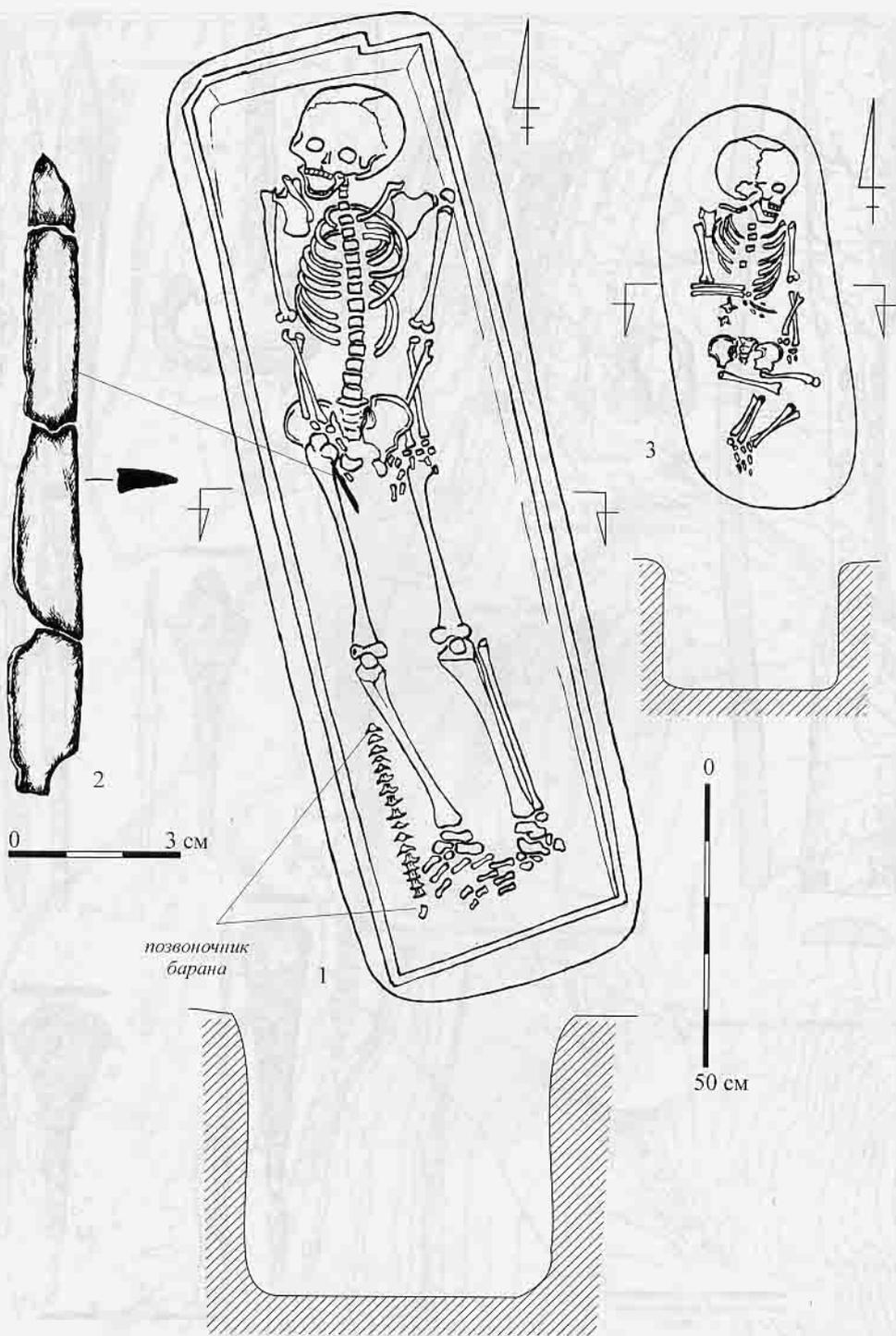

Рис. 74. Могильник Шебуты-III: 1 - планиграфия и разрез погребения № 1, 2 - нож из погребения № 1, 3 - планиграфия и разрез погребения № 132

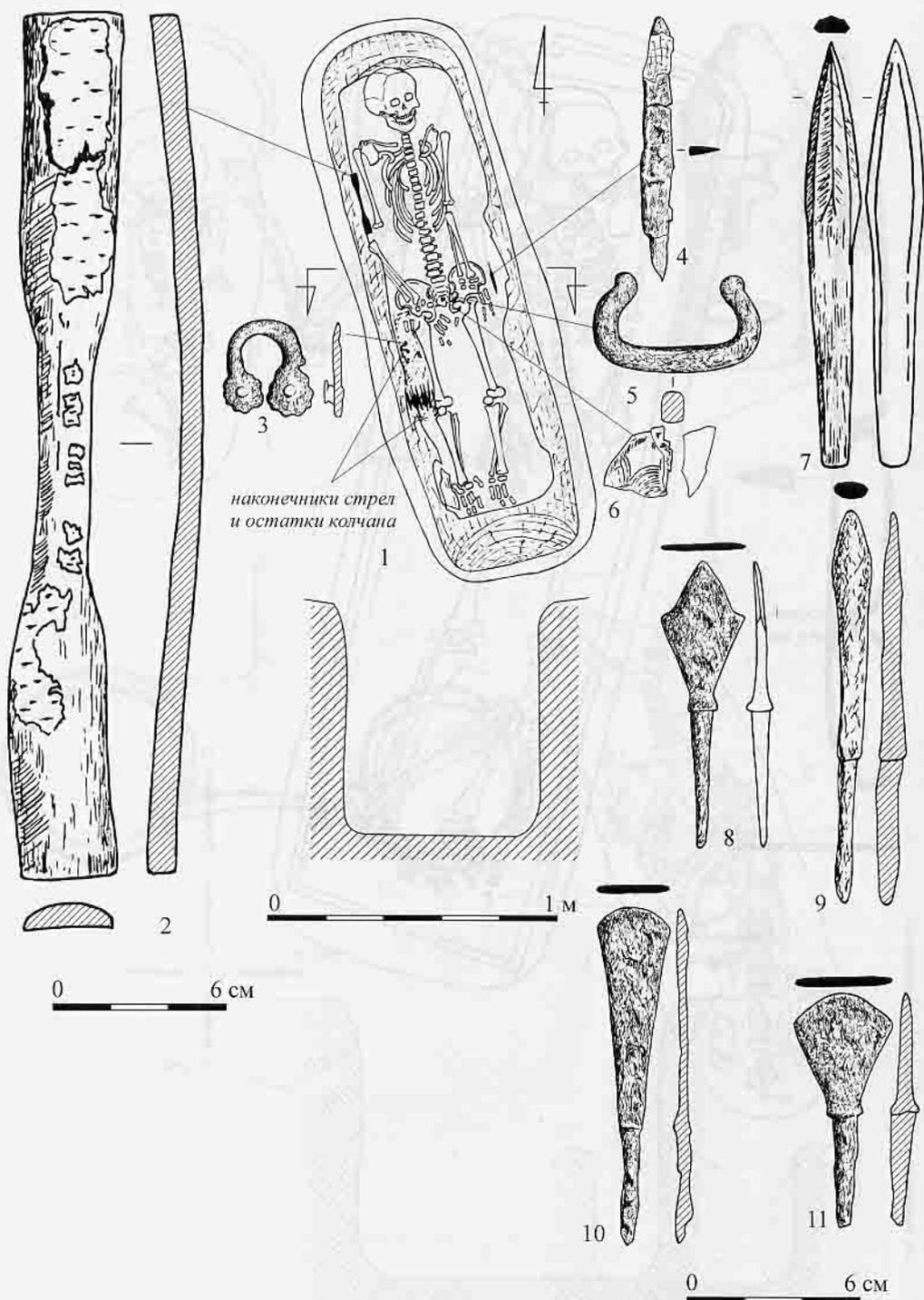

Рис. 75. Могильник Шебуты-III, погребение № 13: 1 – планиграфия и разрез захоронения. Сопроводительный инвентарь погребения № 13: 2 – накладка лука, 3 – крепление колчана, 4 – нож, 5 – кресало, 6 – кремь, 7 – 11 – наконечники стрел

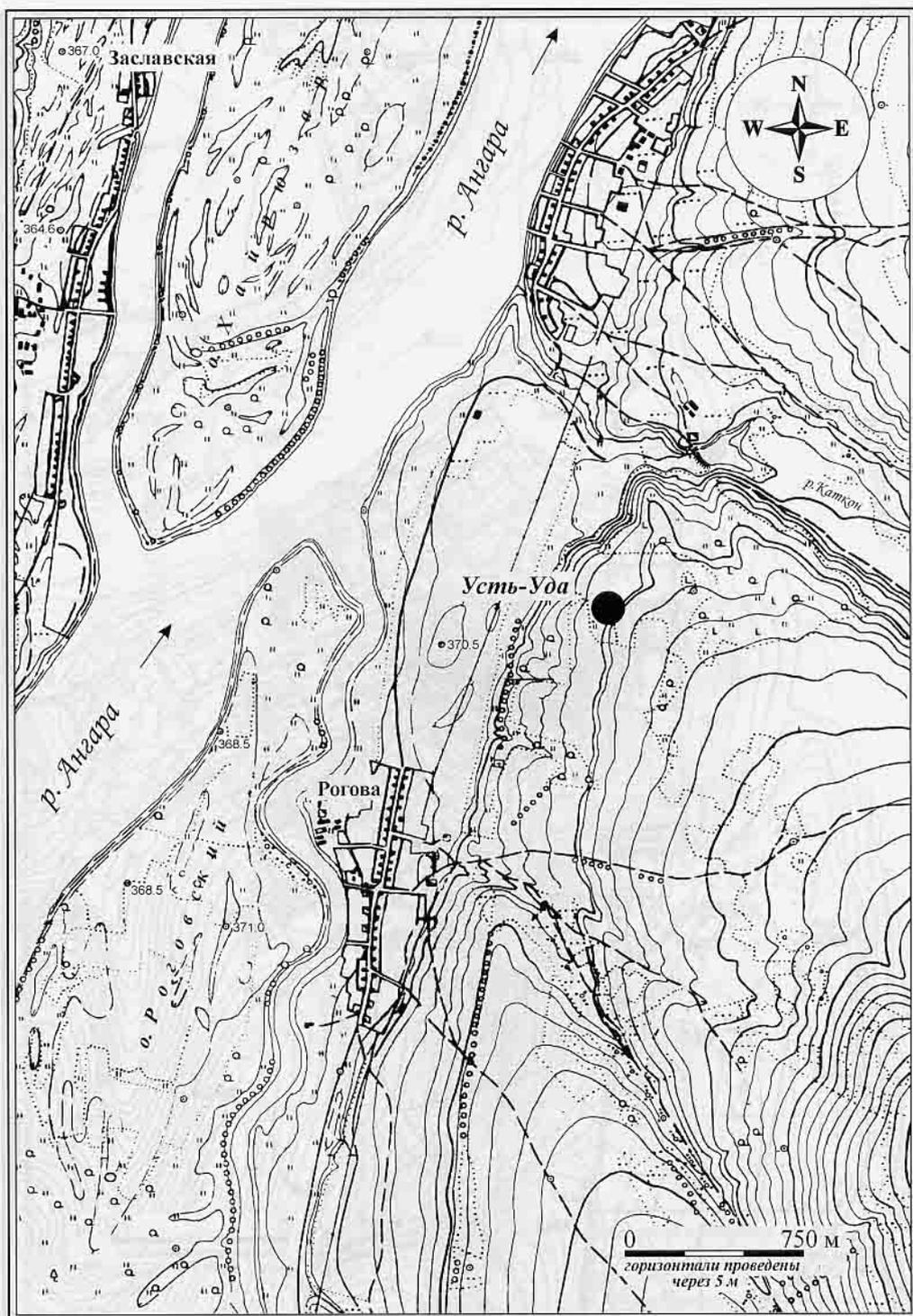

Рис. 76. Карта с указанием месторасположения могильника Усть-Уда до затопления ложа Братского водохранилища и переноса пос. Усть-Уда

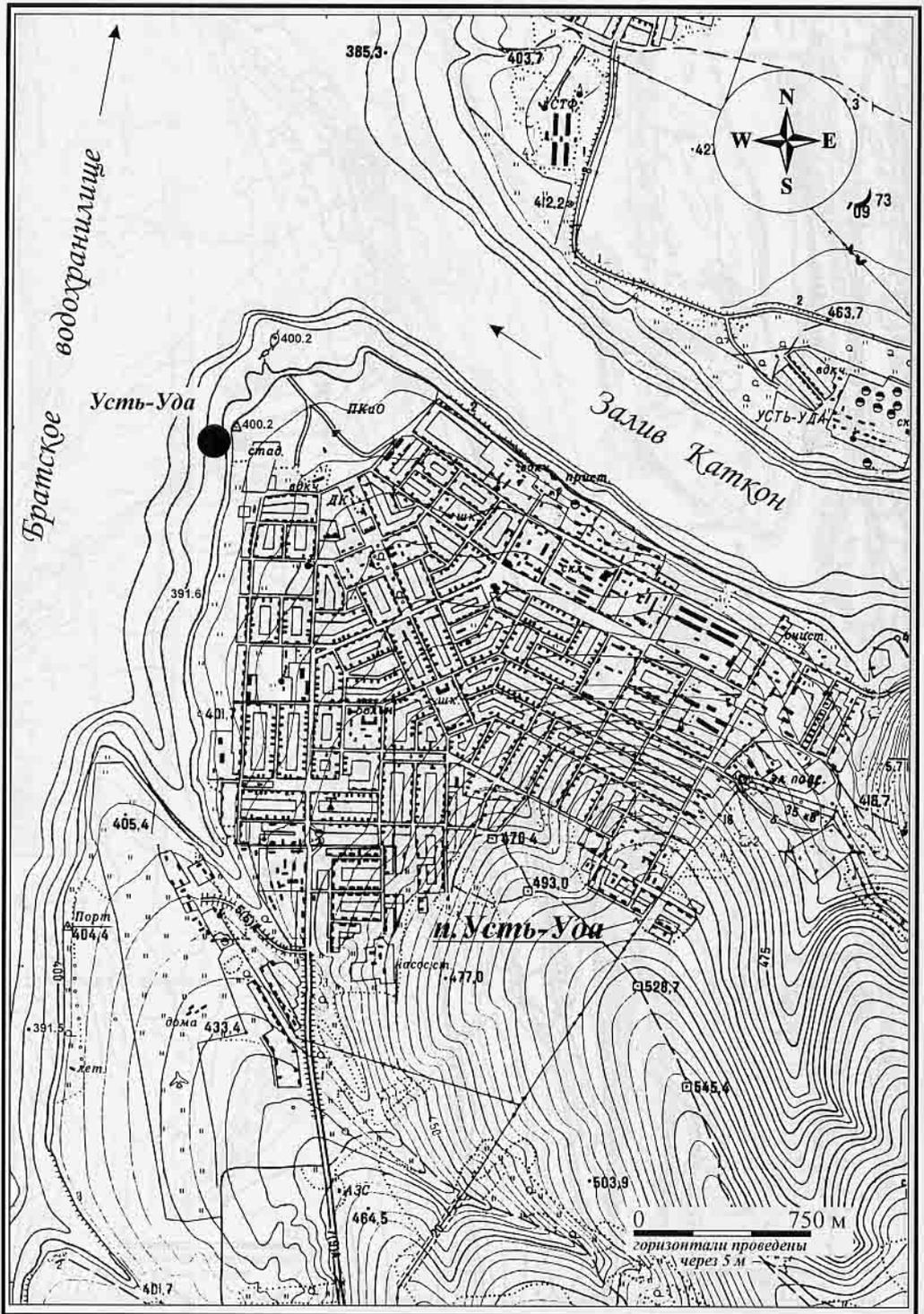

Рис. 77. Карта с указанием месторасположения могильника Усть-Уда после затопления ложа Братского водохранилища и переноса пос. Усть-Уда

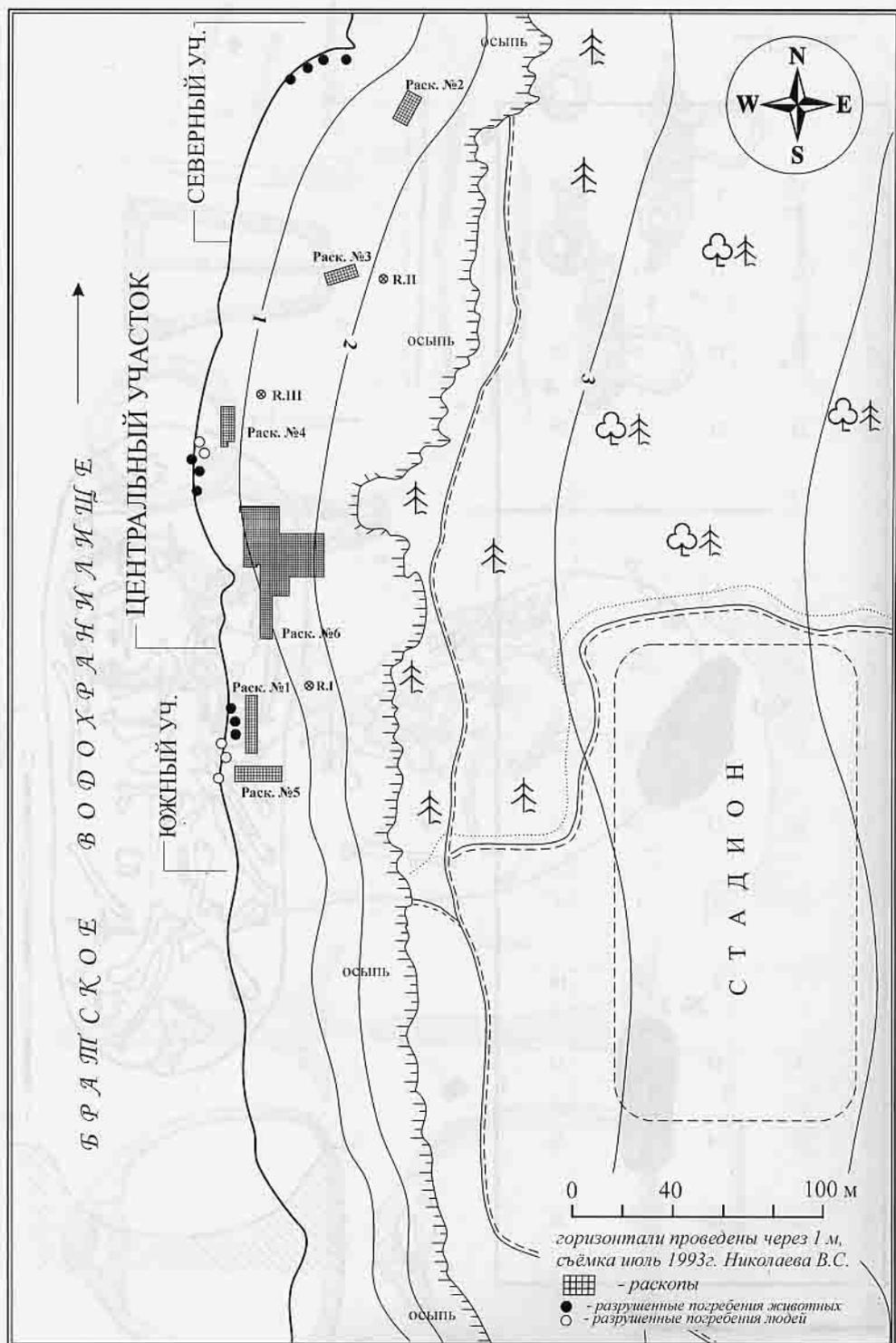

Рис. 78. Ситуационный план могильника Усть-Уда

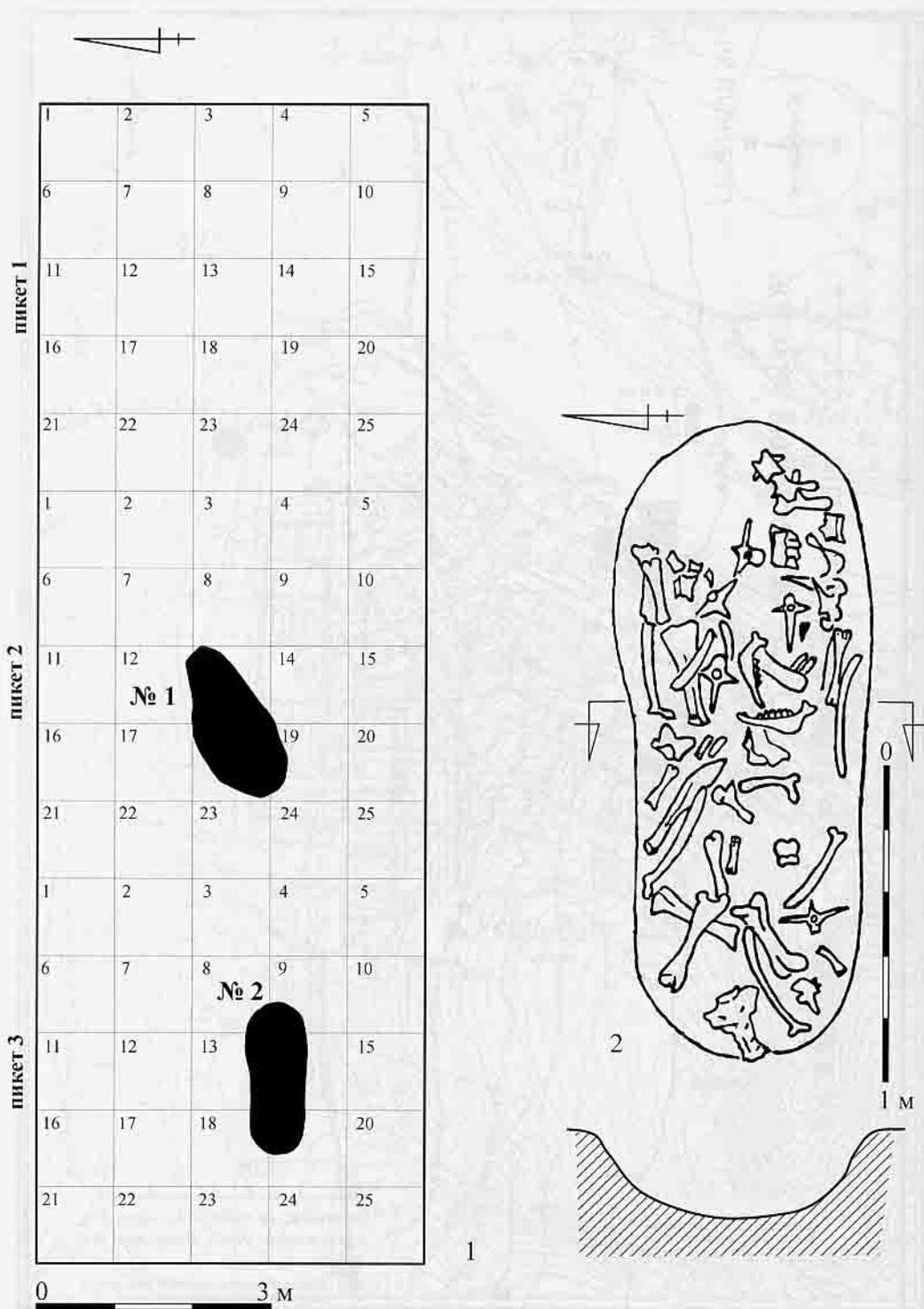

Рис. 79. Могильник Усть-Уда: 1 – план раскопа № 5, 2 – планиграфия и разрез погребения № 2

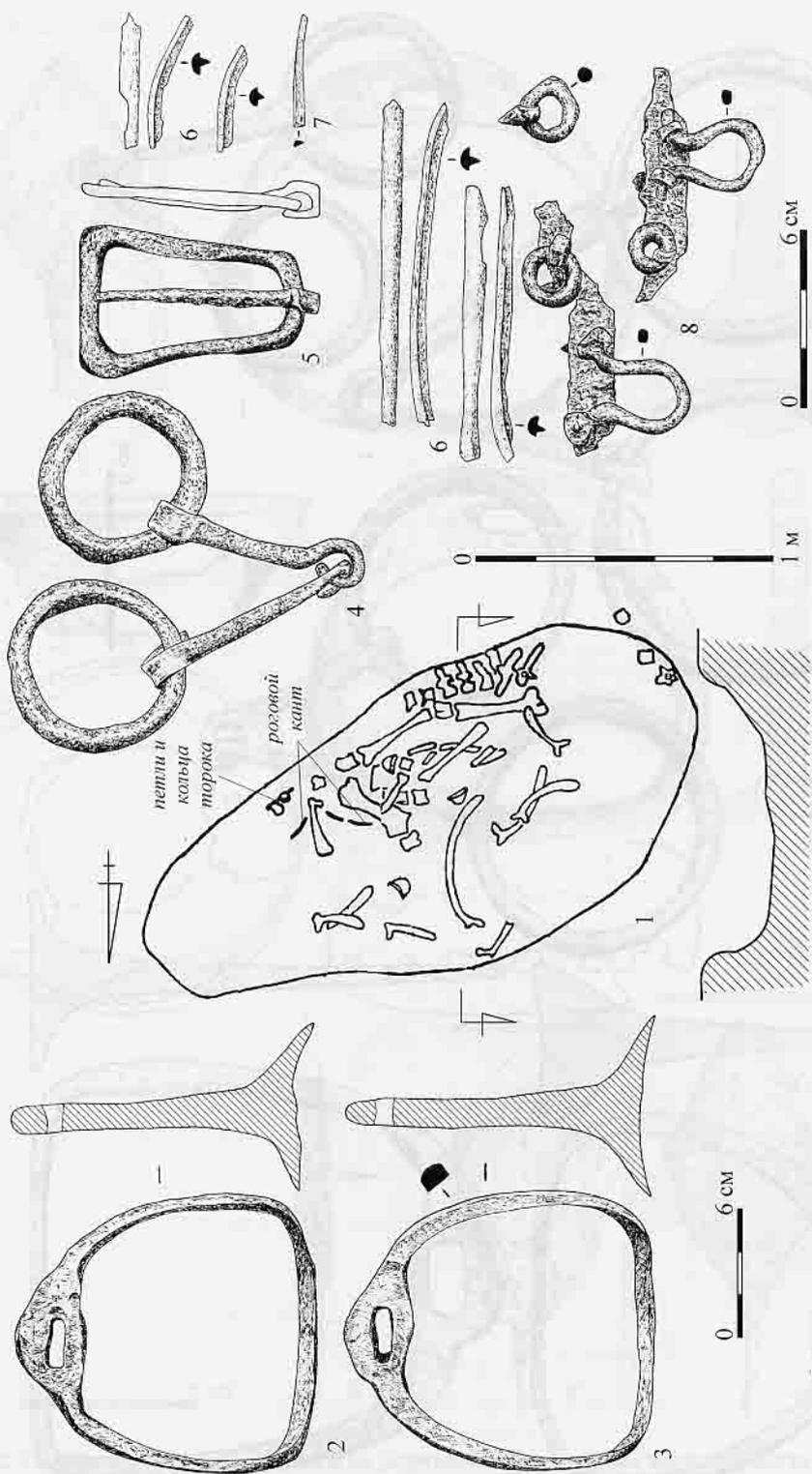

Рис. 80. Могильник Усть-Уда, раскоп № 5: 1 – планиграфия и разрез погребения № 1. Сопроводительный инвентарь погребения № 1: 2, 3 – стремена, 4 – удила, 5 – подпружная пряжка, 6, 7 – роговой кант лука седла, 8 – петли и кольца торока

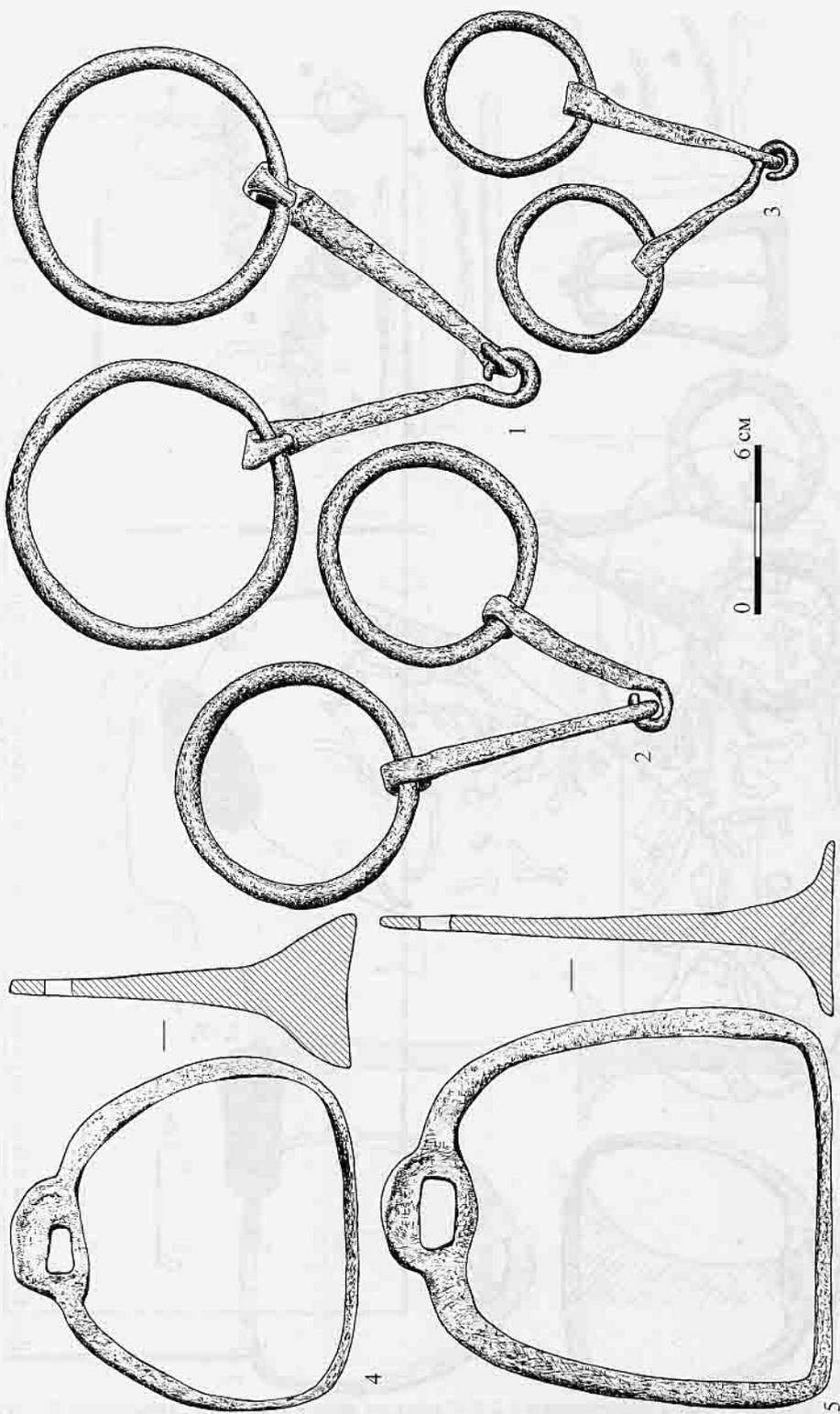

Рис. 81. Могильник Усть-Ула, предметы из разрушенных погребений южного участка памятника: 1 - 3 - удила, 4, 5 - стремена

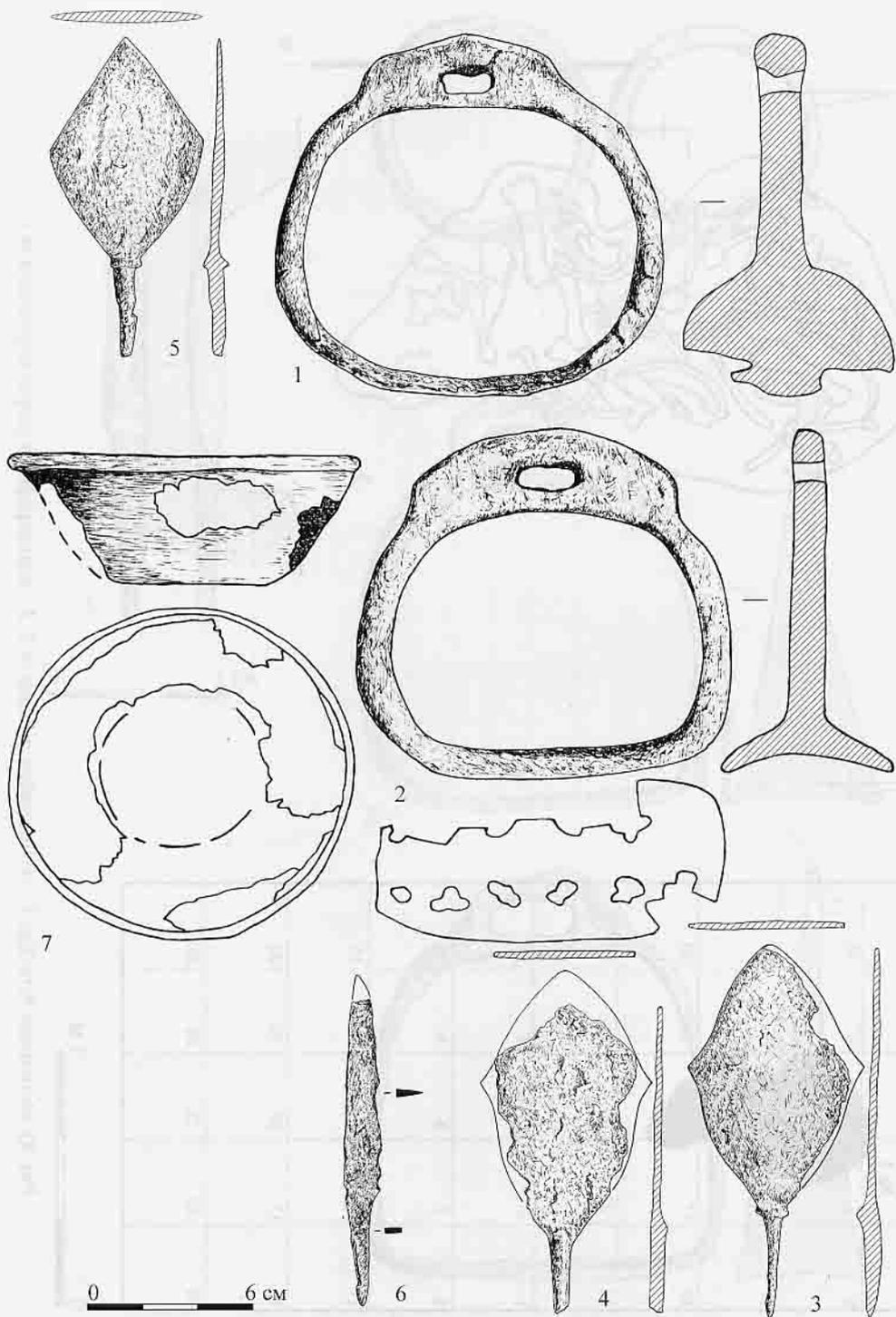

Рис. 82. Могильник Усть-Уда, предметы из разрушенных погребений южного участка памятника: 1, 2 – стремена, 3 – 5 – наконечники стрел, 6 – нож, 7 – чашечка

1	2	3	4	5
6	7	9	10	1
11	12	14	15	
16	17	19	20	
21	22	23	24	25
1	2	3	4	5
6	7	8	9	10
11	12	13	14	15
16	17	18	19	20
21	22	23	24	25

наконечник
стрелы

1

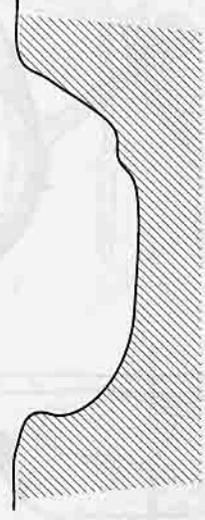
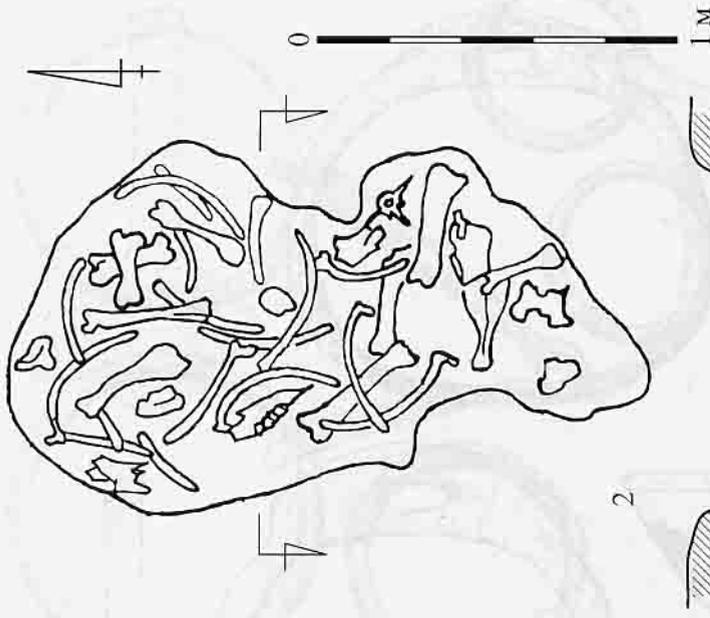

Рис. 83. Мотильник Усть-Уда: 1 – планиграфия раскопа № 2, 2 – планиграфия и разрез погребения № 1

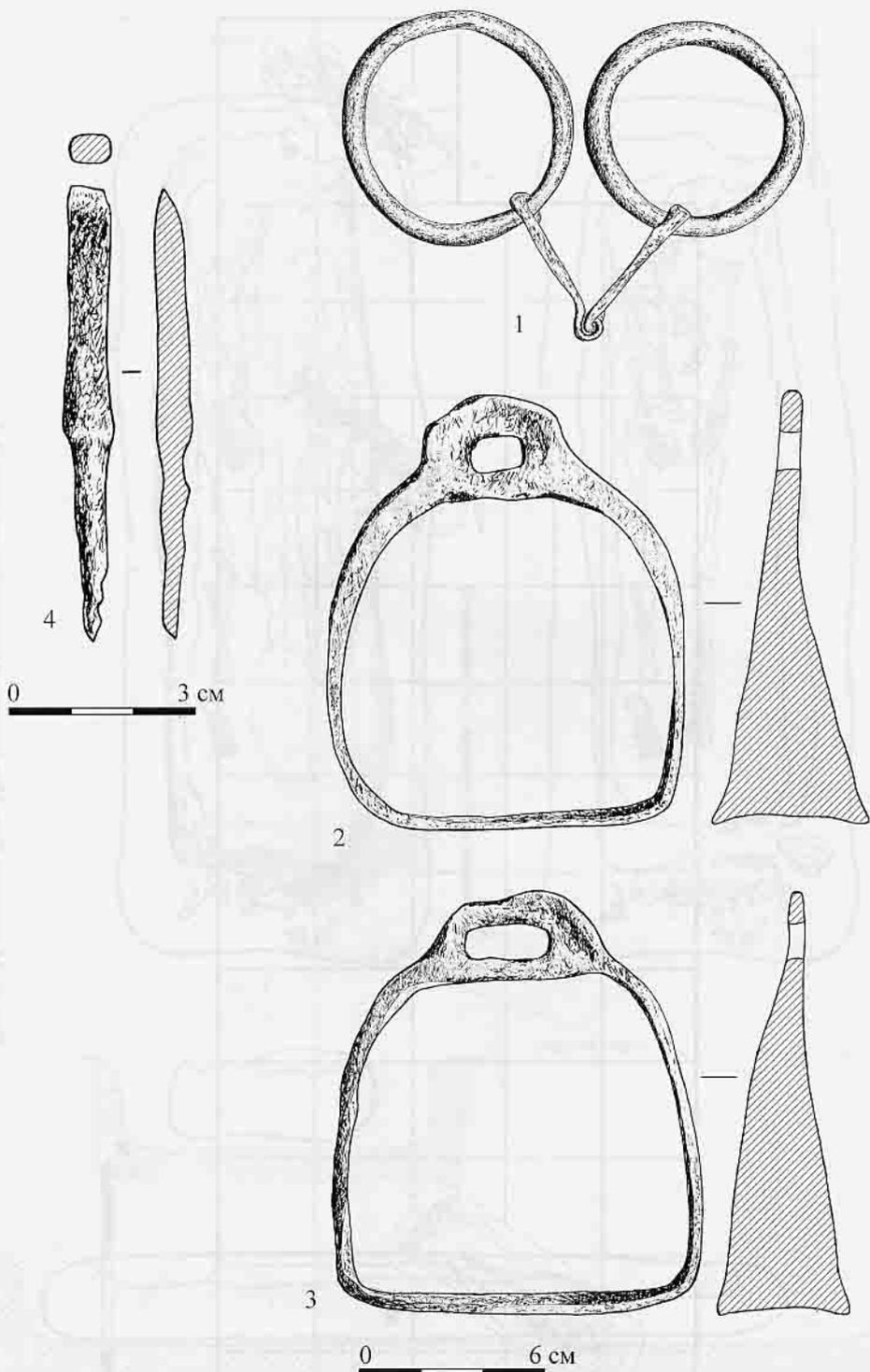

Рис. 84. Могильник Усть-Уда, раскоп № 2, сопроводительный инвентарь погребения № 1:
1 – удила, 2, 3 – стремена, 4 – наконечник стрелы

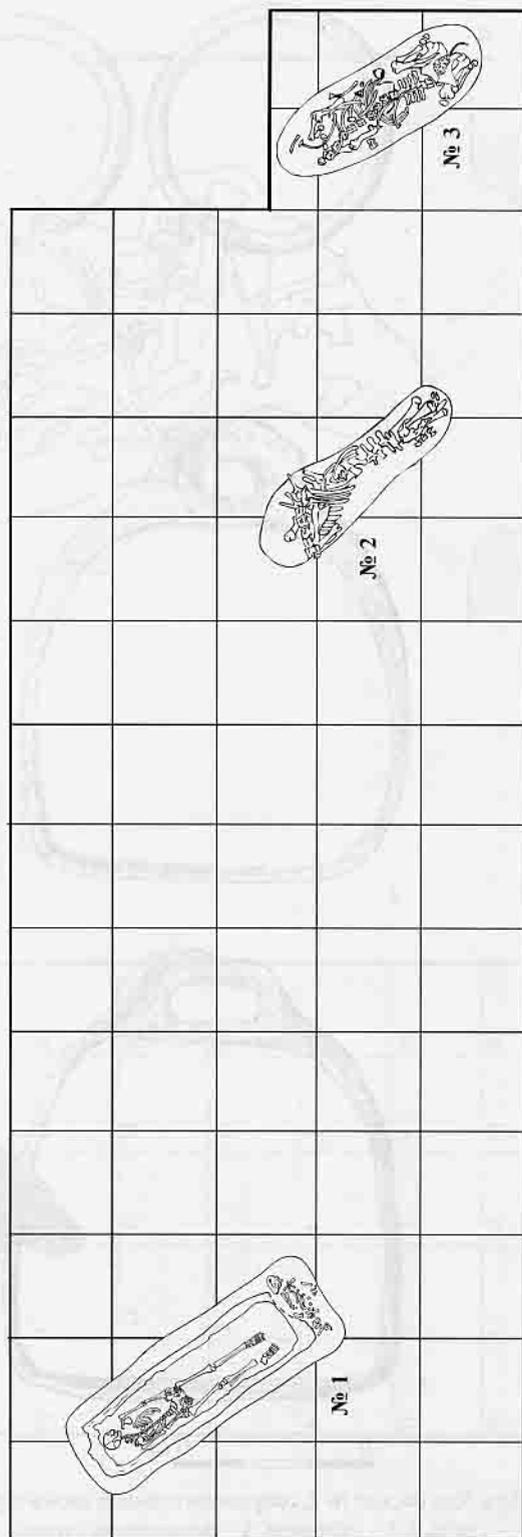

Рис. 85. Могильник Усть-Уда, сводная планиграфия раскопа № 4

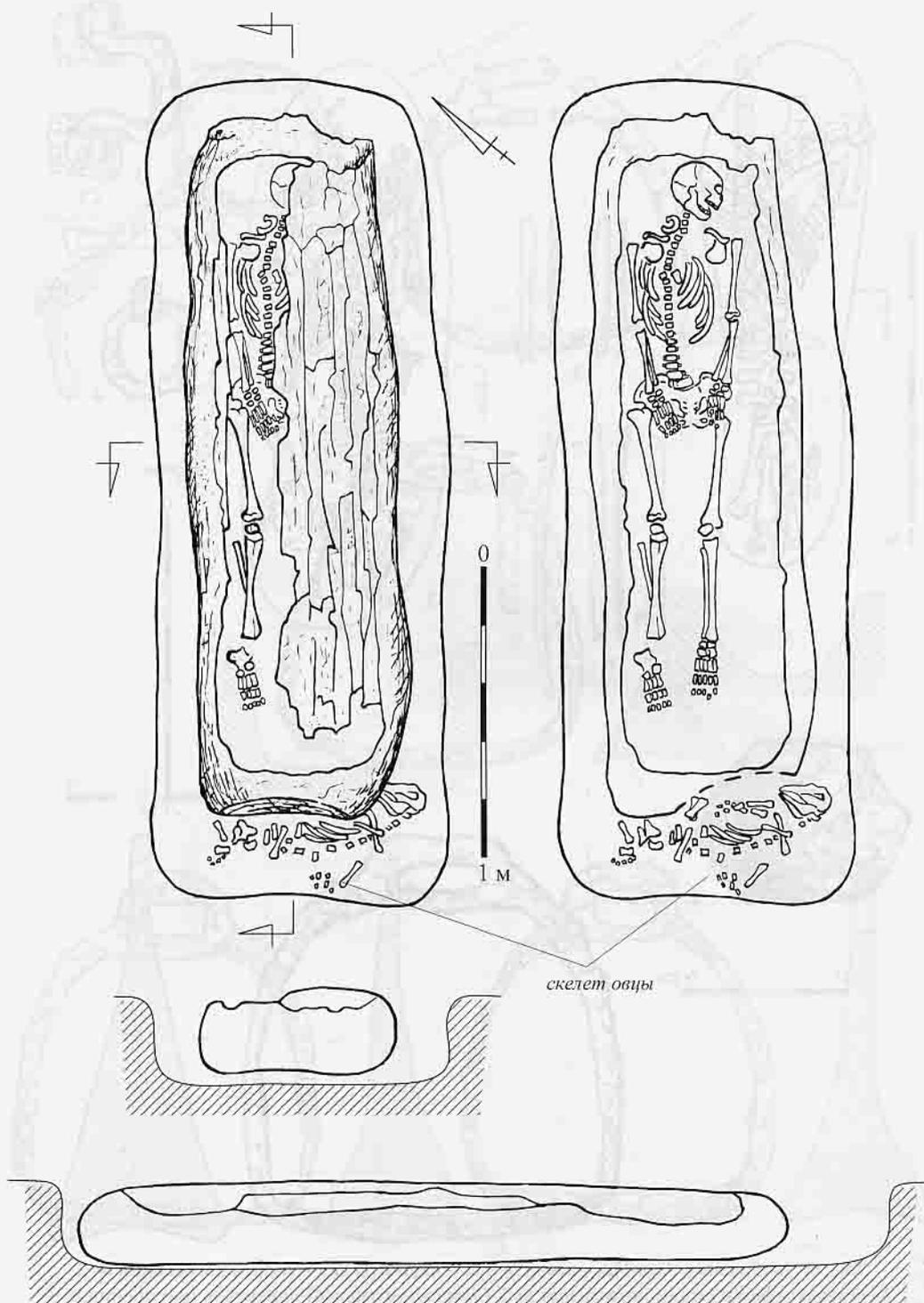

Рис. 86. Могильник Усть-Уда, раскоп № 4 – планиграфия и разрезы погребения № 1

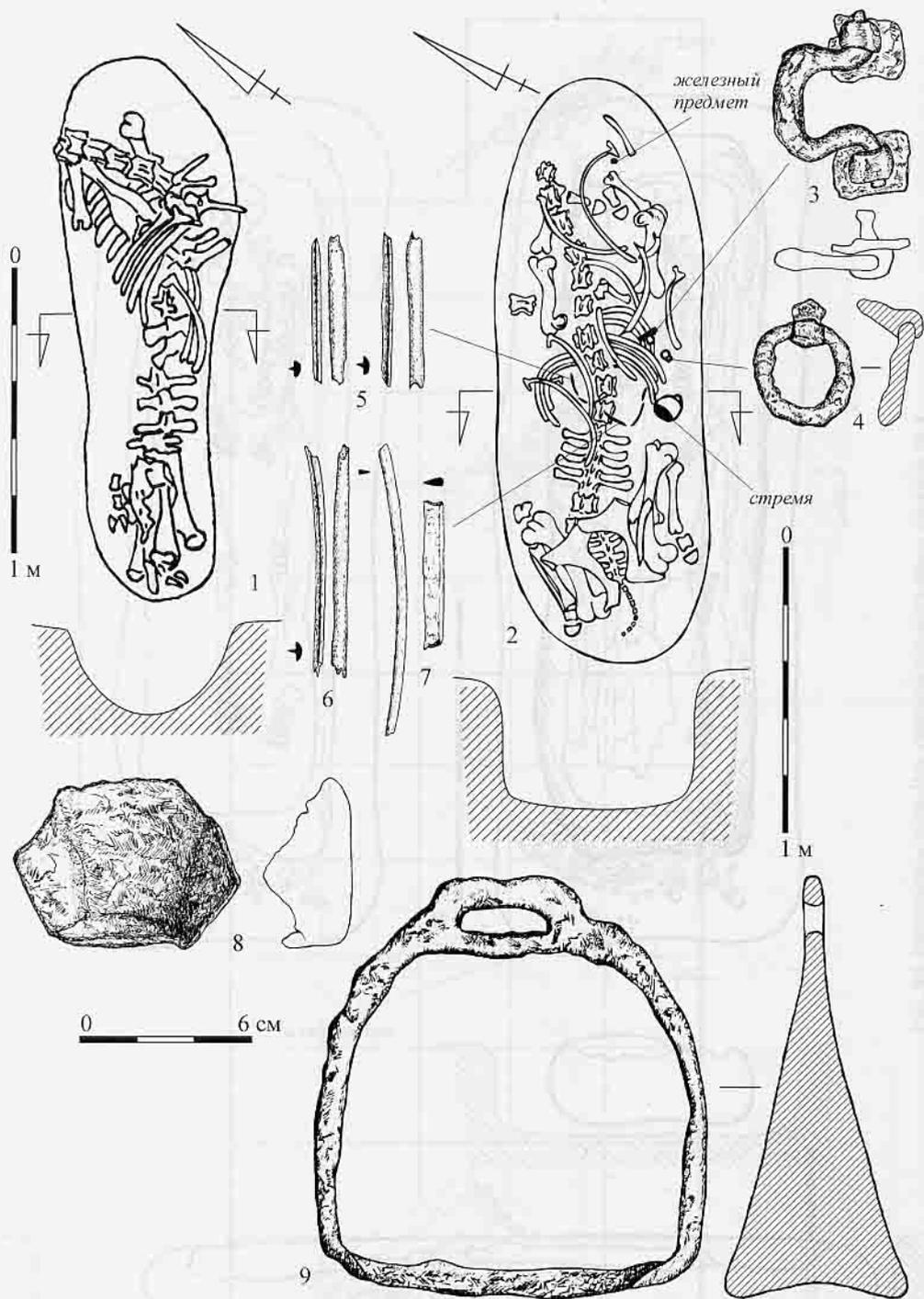

Рис. 87. Могильник Усть-Уда, раскоп № 4: 1 – планиграфия и разрез погребения № 2, 2 – планиграфия и разрез погребения № 3. Сопроводительный инвентарь погребения № 3: 3, 4 – петля и кольцо торока, 5, 7 – роговой кант луки седла, 8 – предмет из железа неизвестного назначения, 9 – стремя

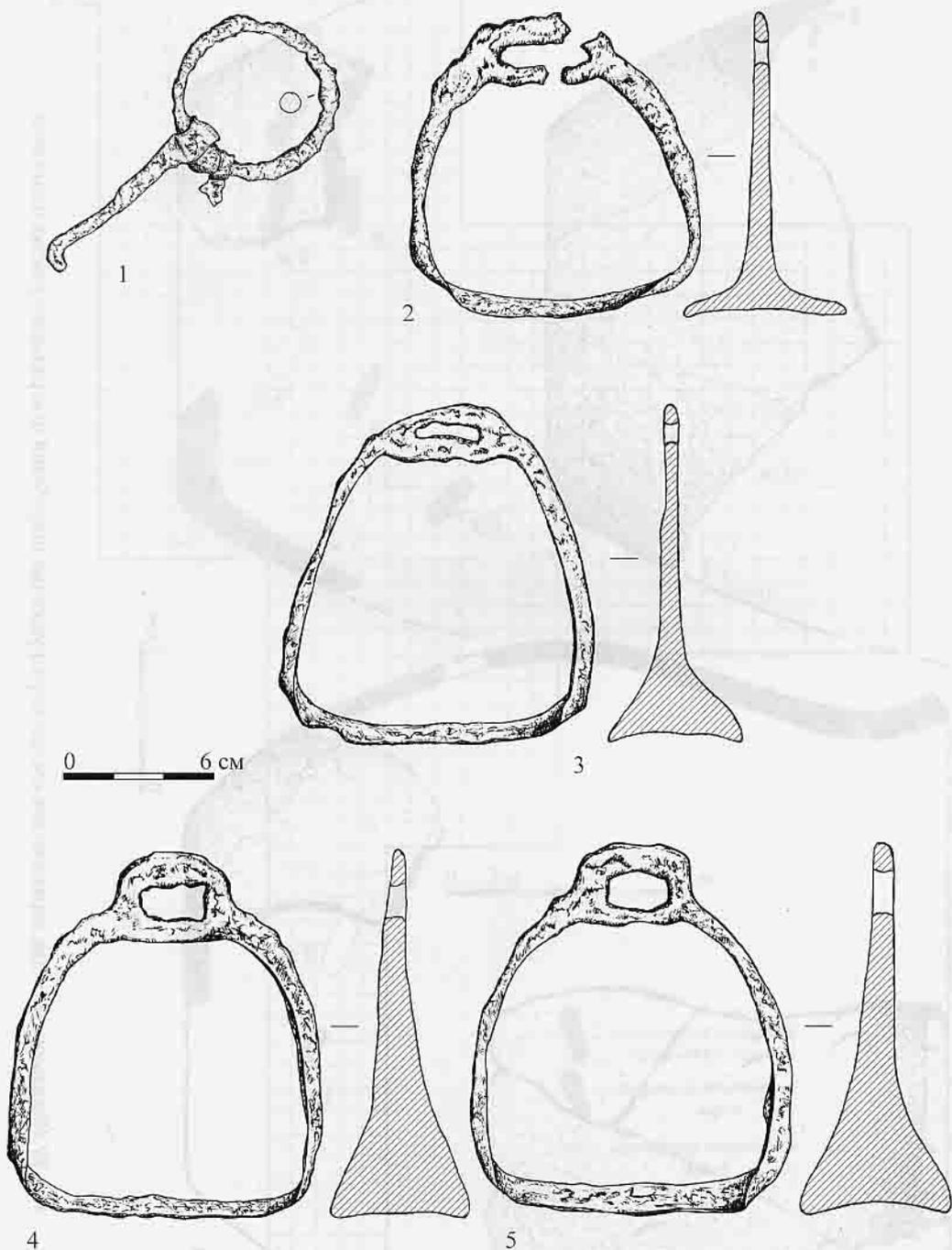

Рис. 88. Могильник Усть-Уда, предметы из разрушенных погребений центрального участка памятника: 1 – удила, 2 – 5 – стремена

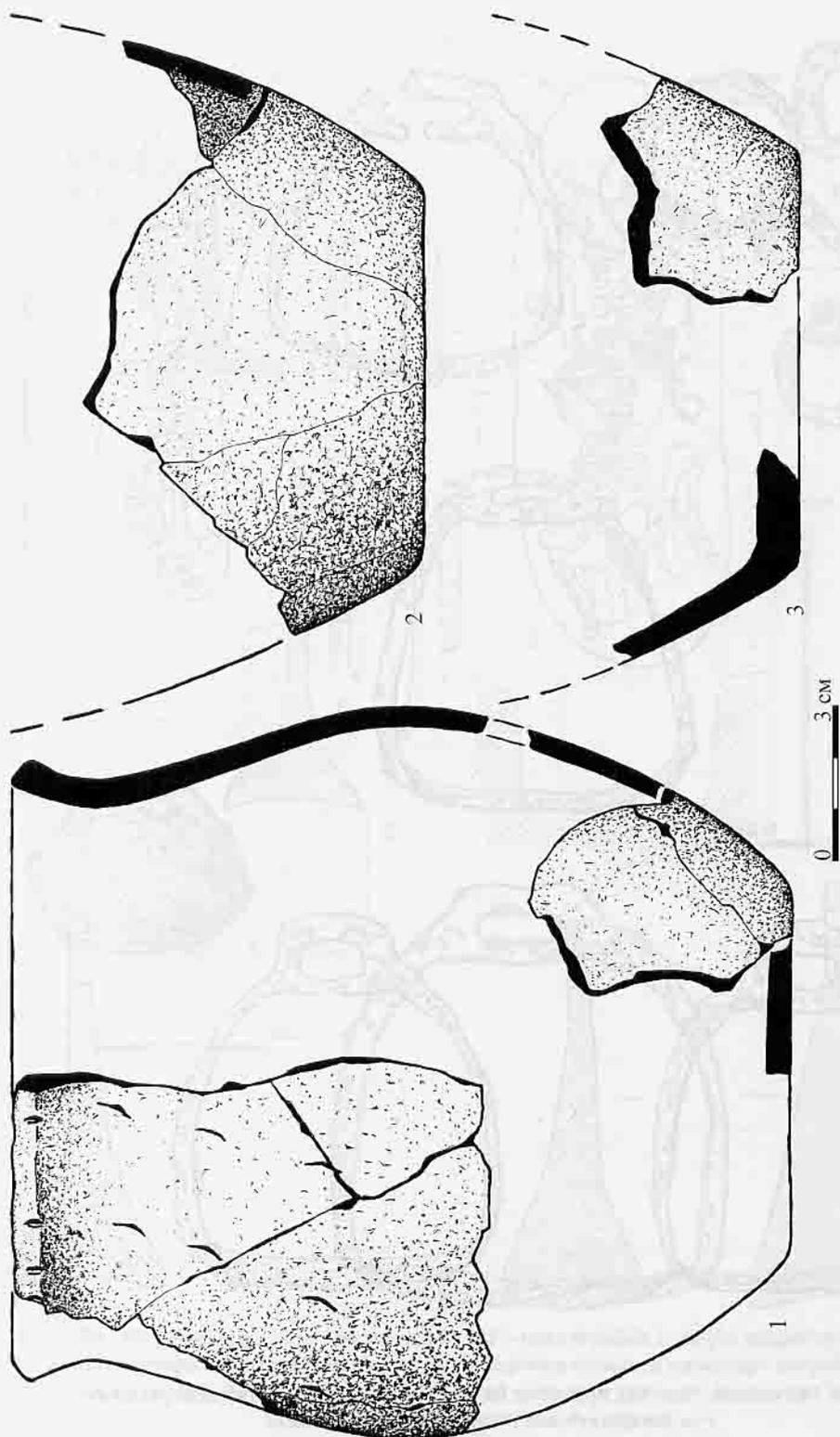

Рис. 89. Могильник Усть-Уда, керамические сосуды из разрушенных погребений центрального участка памятника

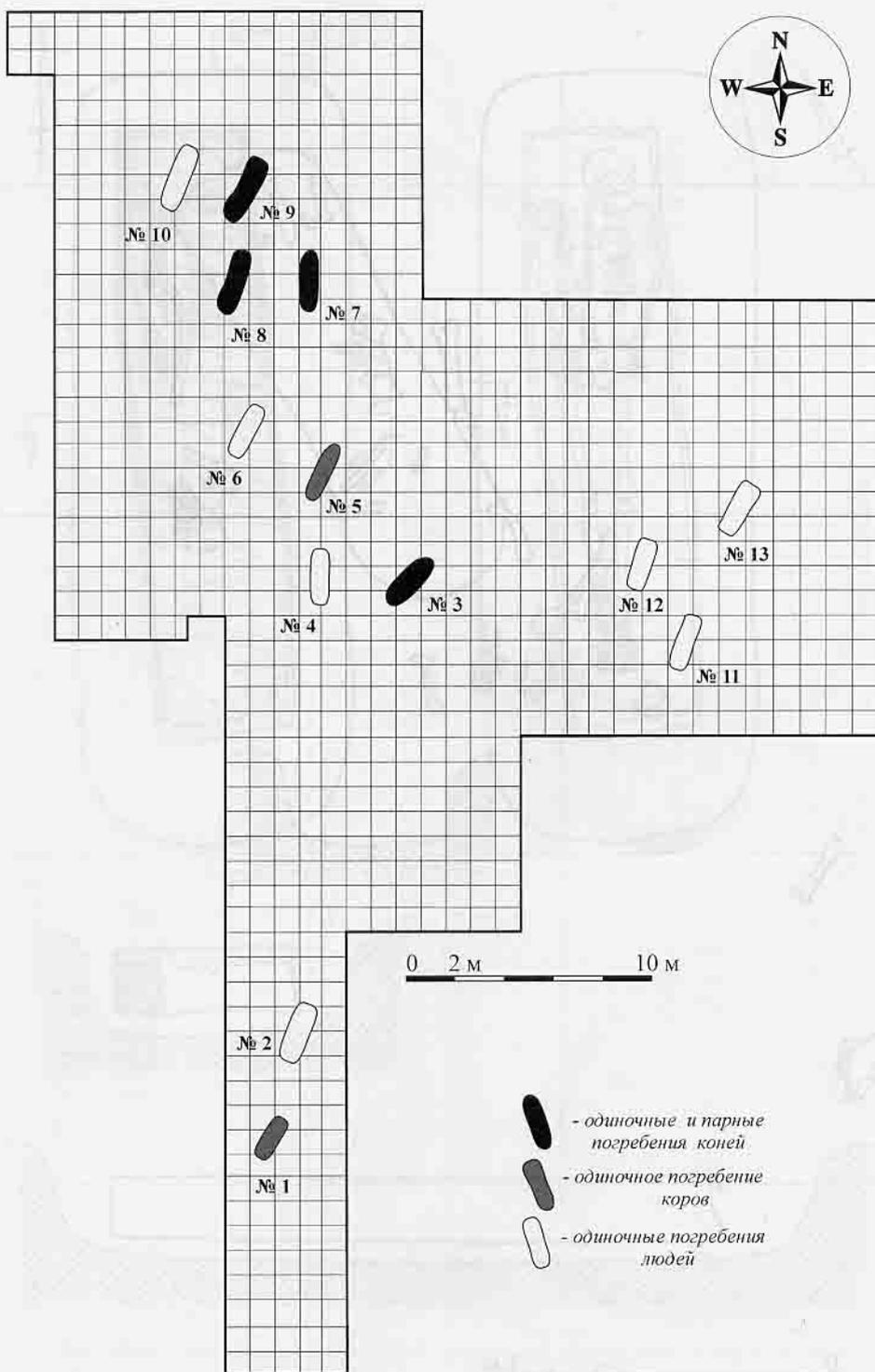

Рис. 90. Могильник Усть-Уда, сводная планиграфия раскопа № 6

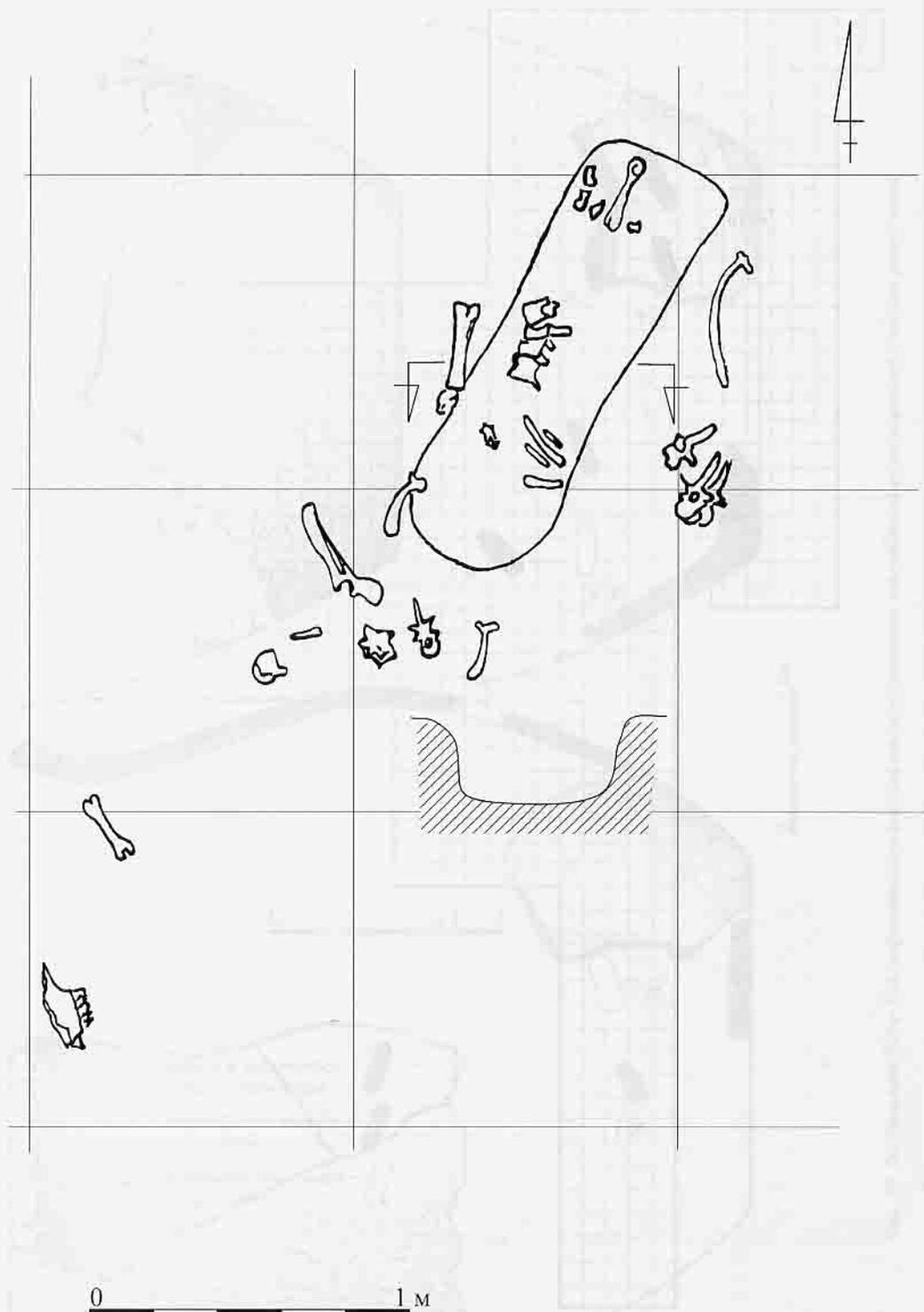

Рис. 91. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6, планиграфия и разрез погребения № 1

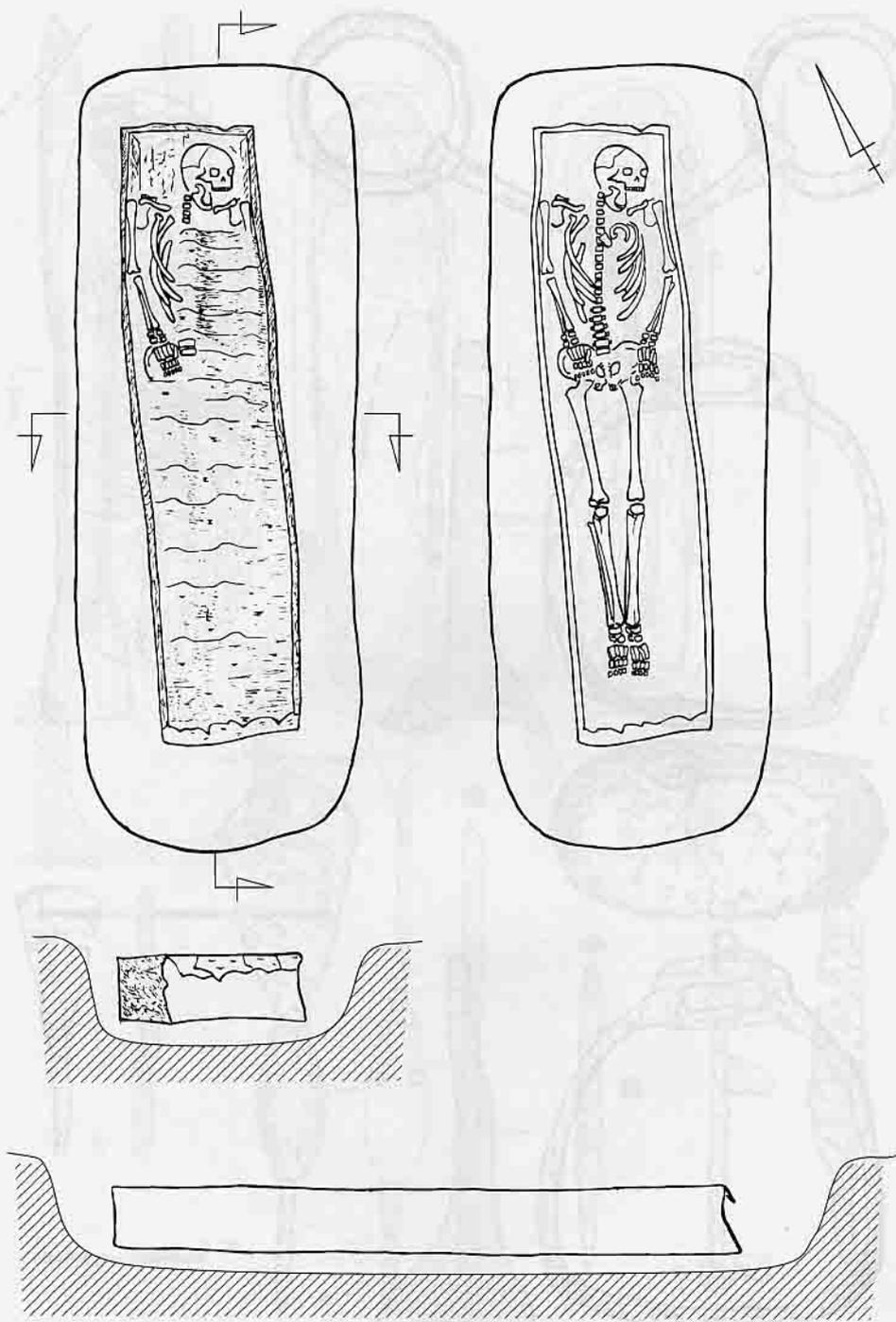

Рис. 92. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6, планиграфия и разрезы погребения № 2

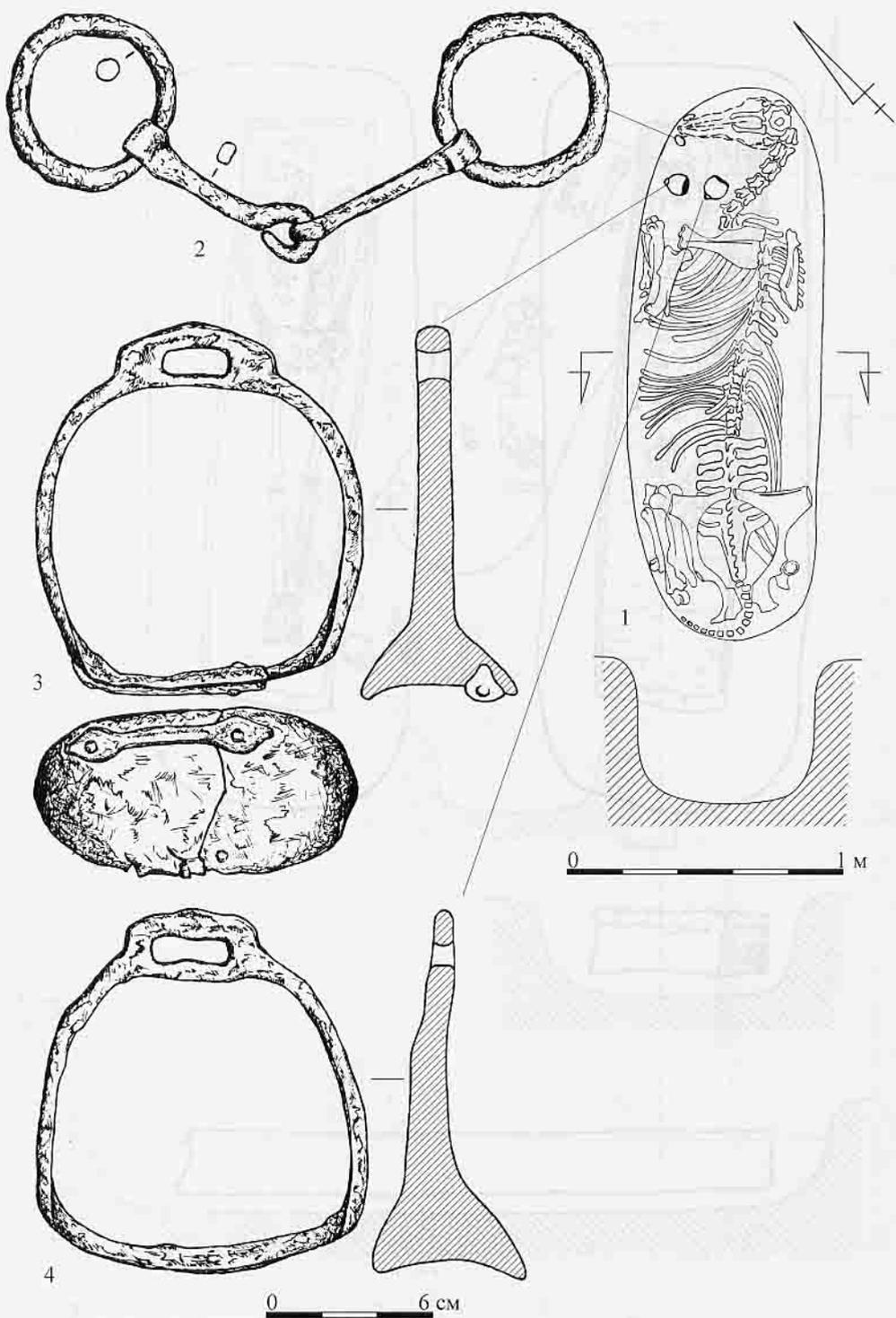

Рис. 93. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6, погребение № 3: 1 – планиграфия и разрез. Сопроводительный инвентарь погребения № 3: 2 – удила, 3, 4 – стремена

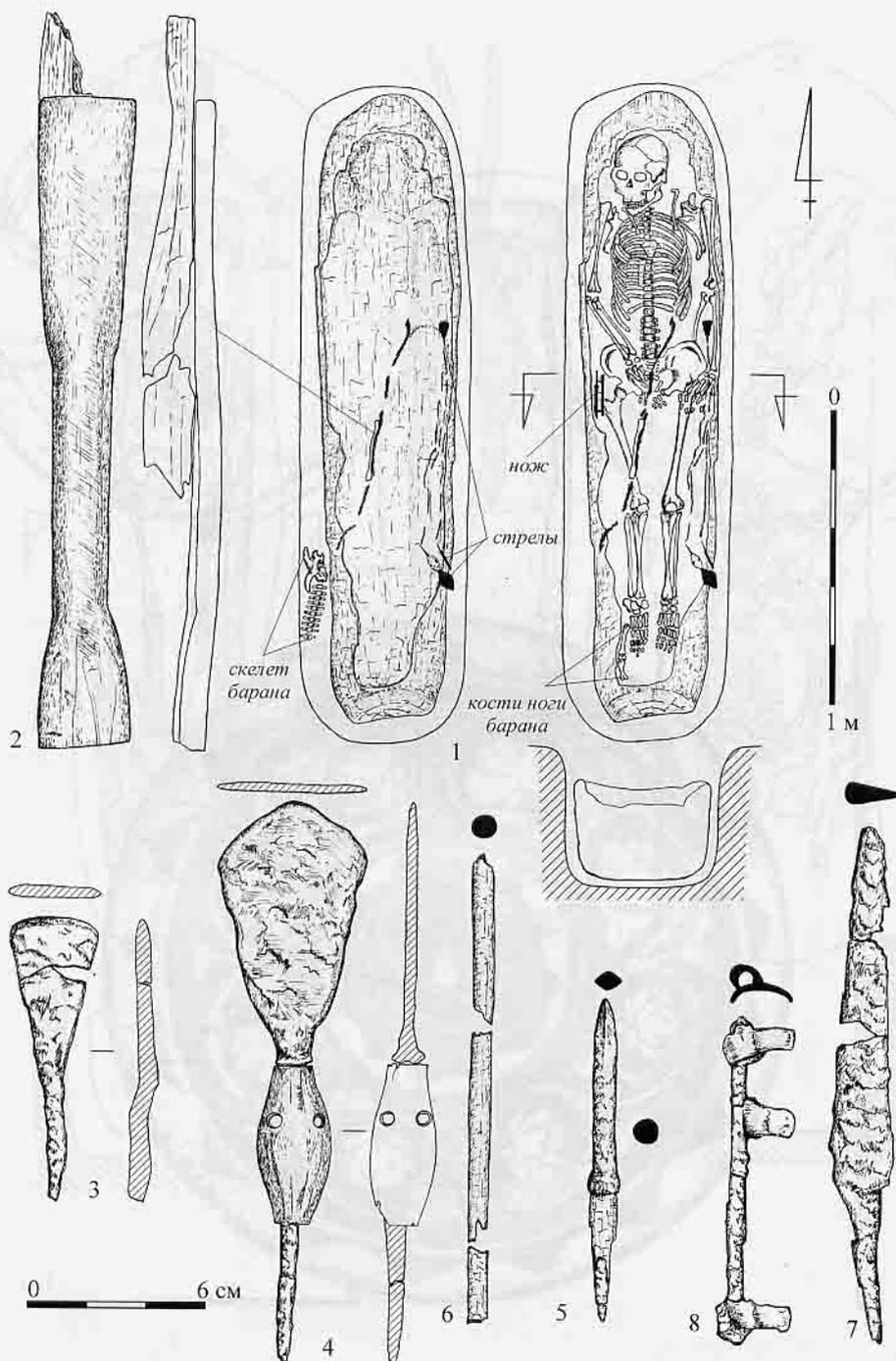

Рис. 94. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6, погребение № 4: 1 – планиграфия и разрез. Сопроводительный инвентарь погребения № 4: 2 – роговая накладка и части деревянной кибиты лука, 3 – 5 – наконечники стрел, 6 – деревянные части древка стрелы, 7 – нож, 8 – железная основа ножен

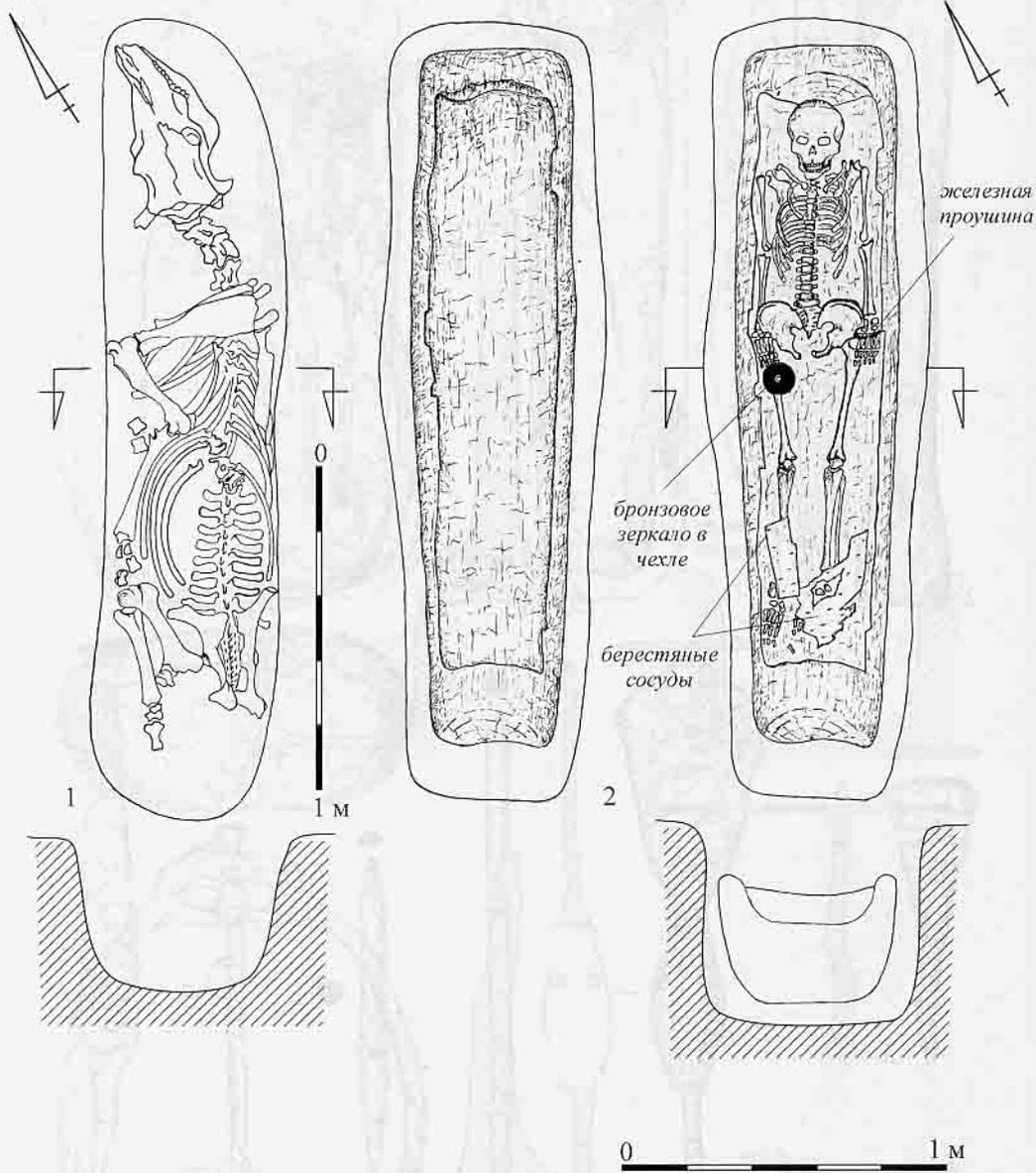

Рис. 95. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6: 1 – планиграфия и разрез погребения № 5, 2 – планиграфия и разрез погребения № 6

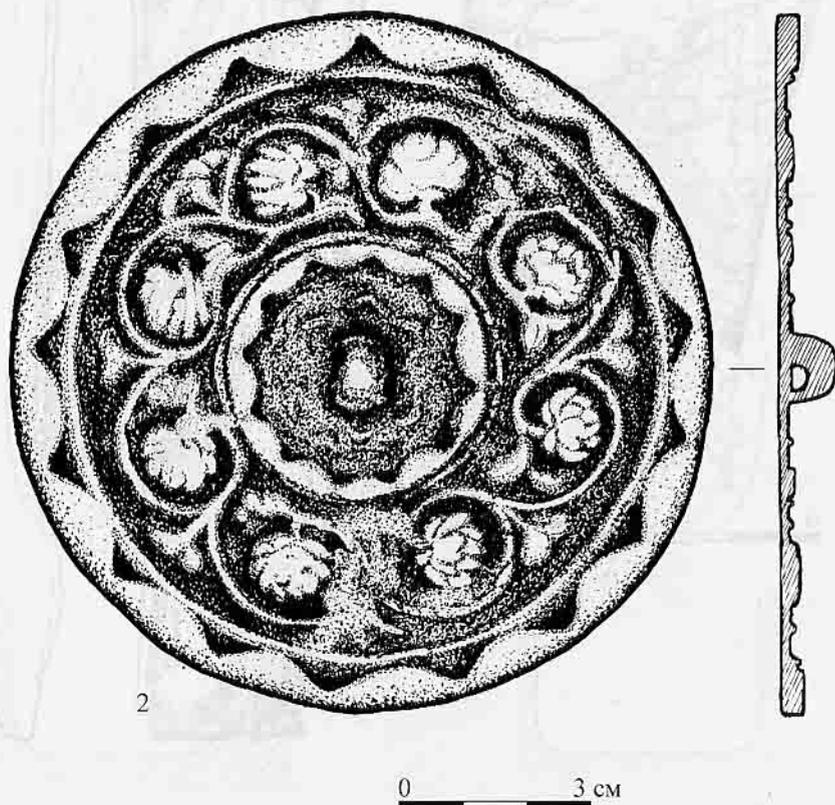
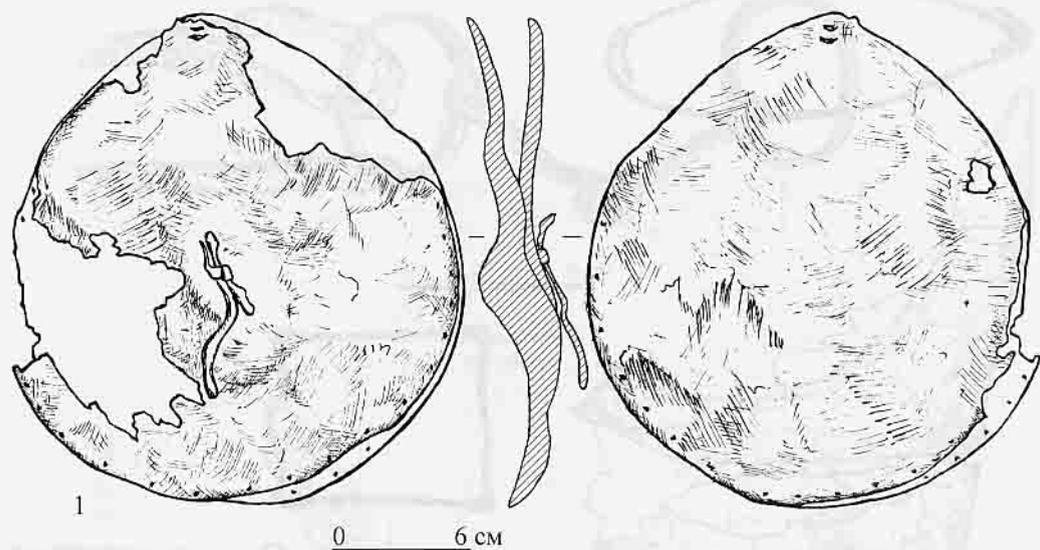

Рис. 96. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6, сопроводительный инвентарь погребения № 6:
1 – кожаный чехол зеркала, 2 – бронзовое зеркало

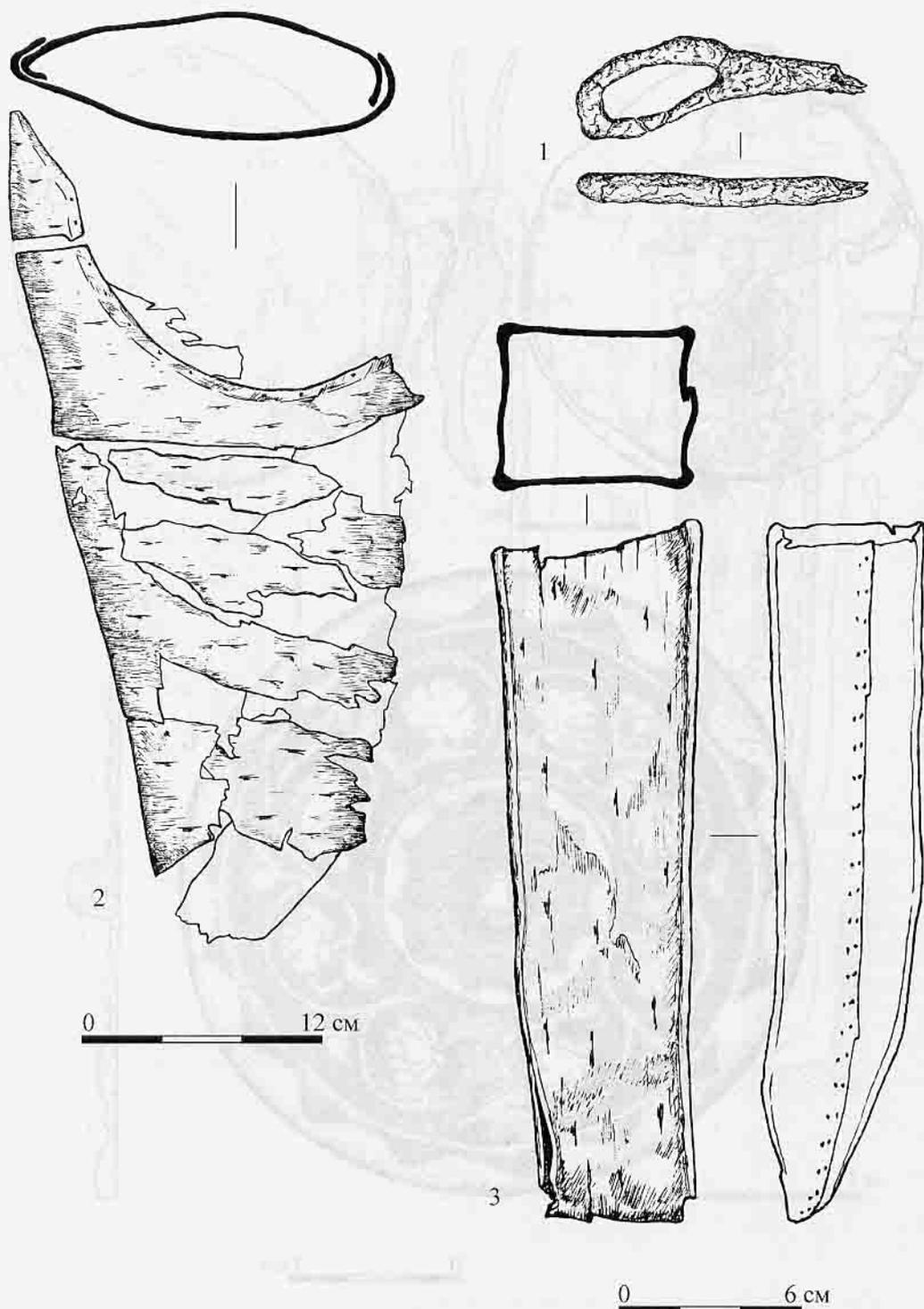

Рис. 97. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6, сопроводительный инвентарь погребения № 6:
 1 - проушина из железа, 2, 3 - берестяные мешочки

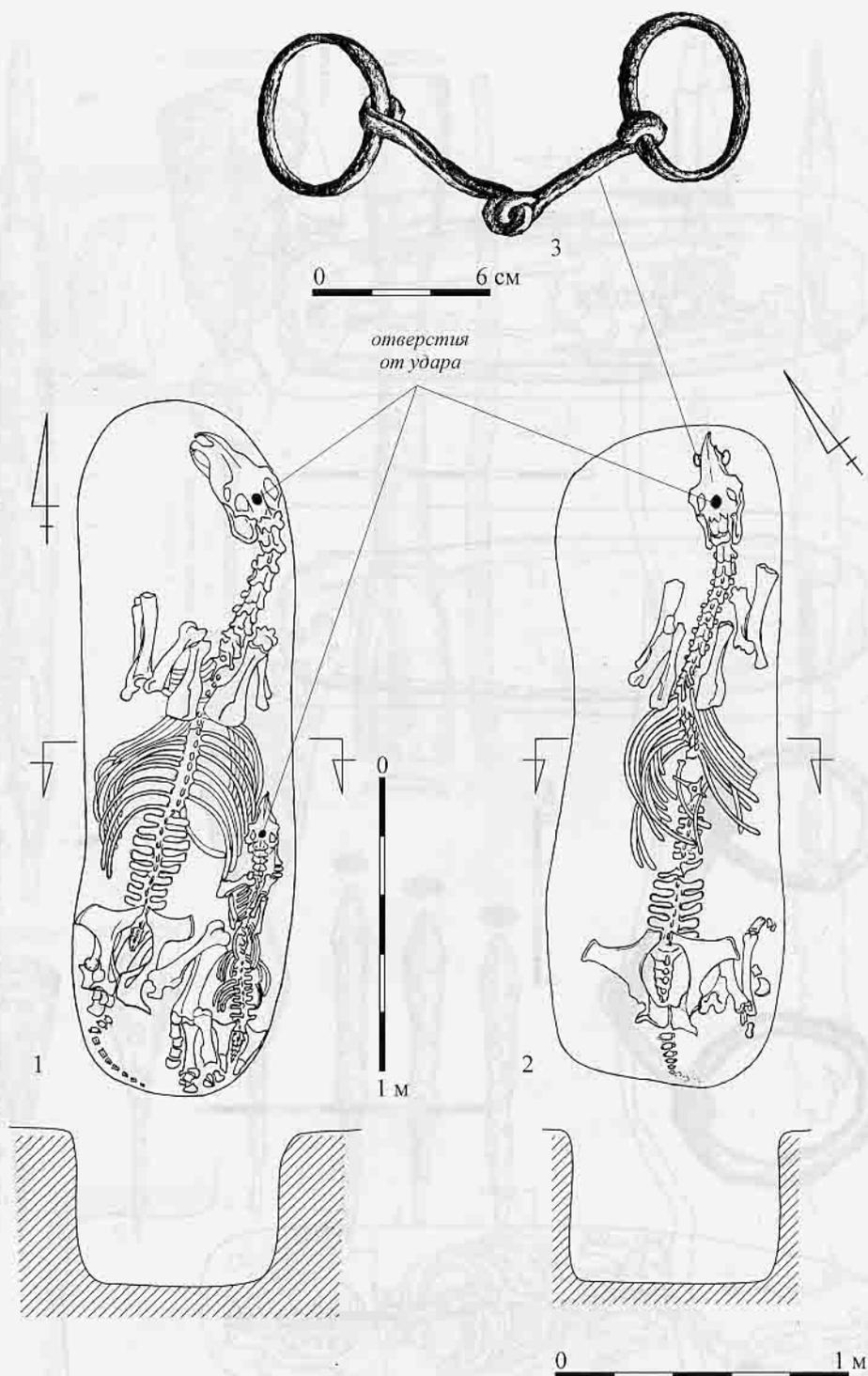

Рис. 98. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6: 1 – планиграфия и разрез погребения № 7, 2 – планиграфия и разрез погребения № 8, 3 – удила из погребения № 8

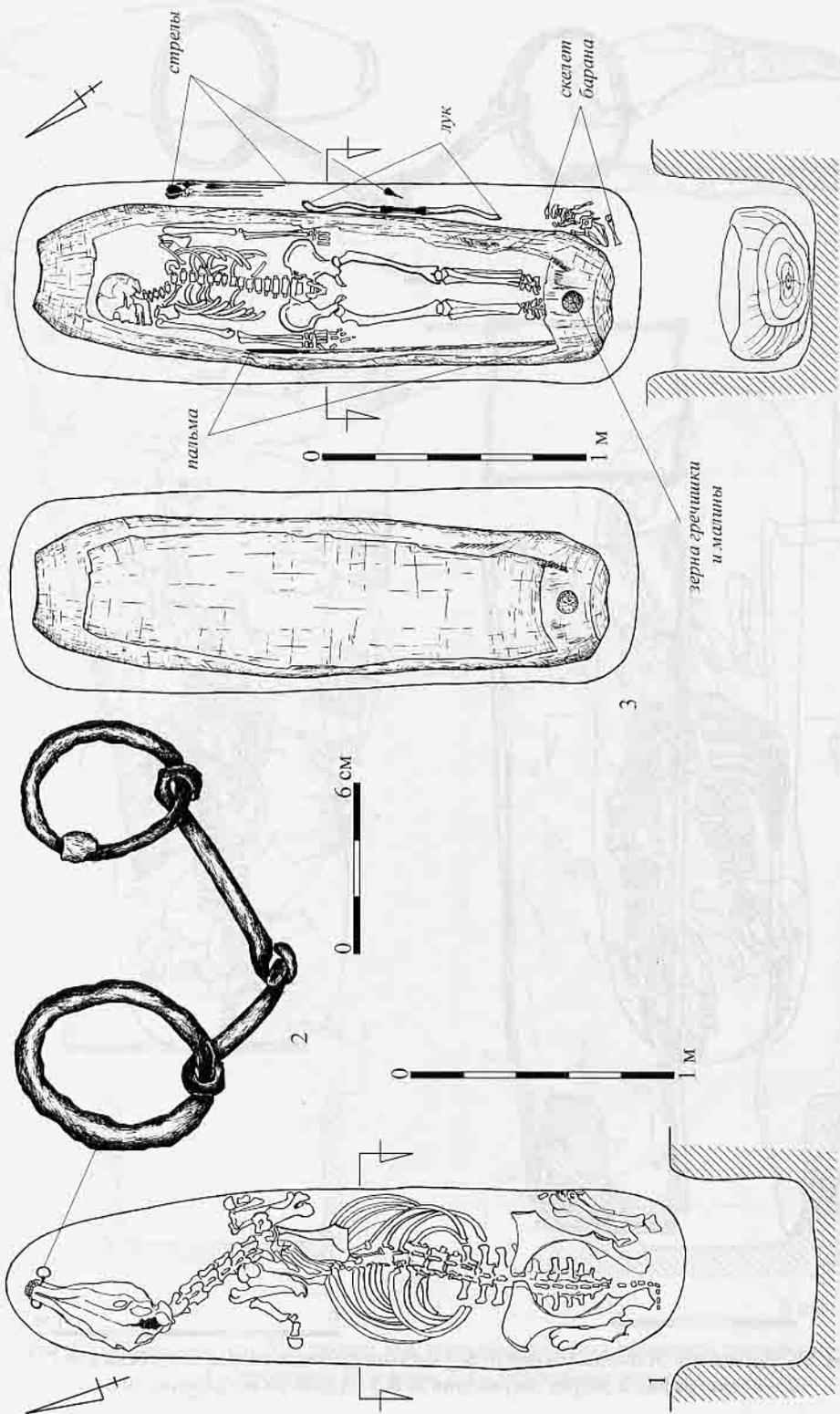

Рис. 99. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6: 1 – планиграфия и разрез погребения № 9, 2 – удила из погребения № 9, 3 – планиграфия и разрез погребения № 10

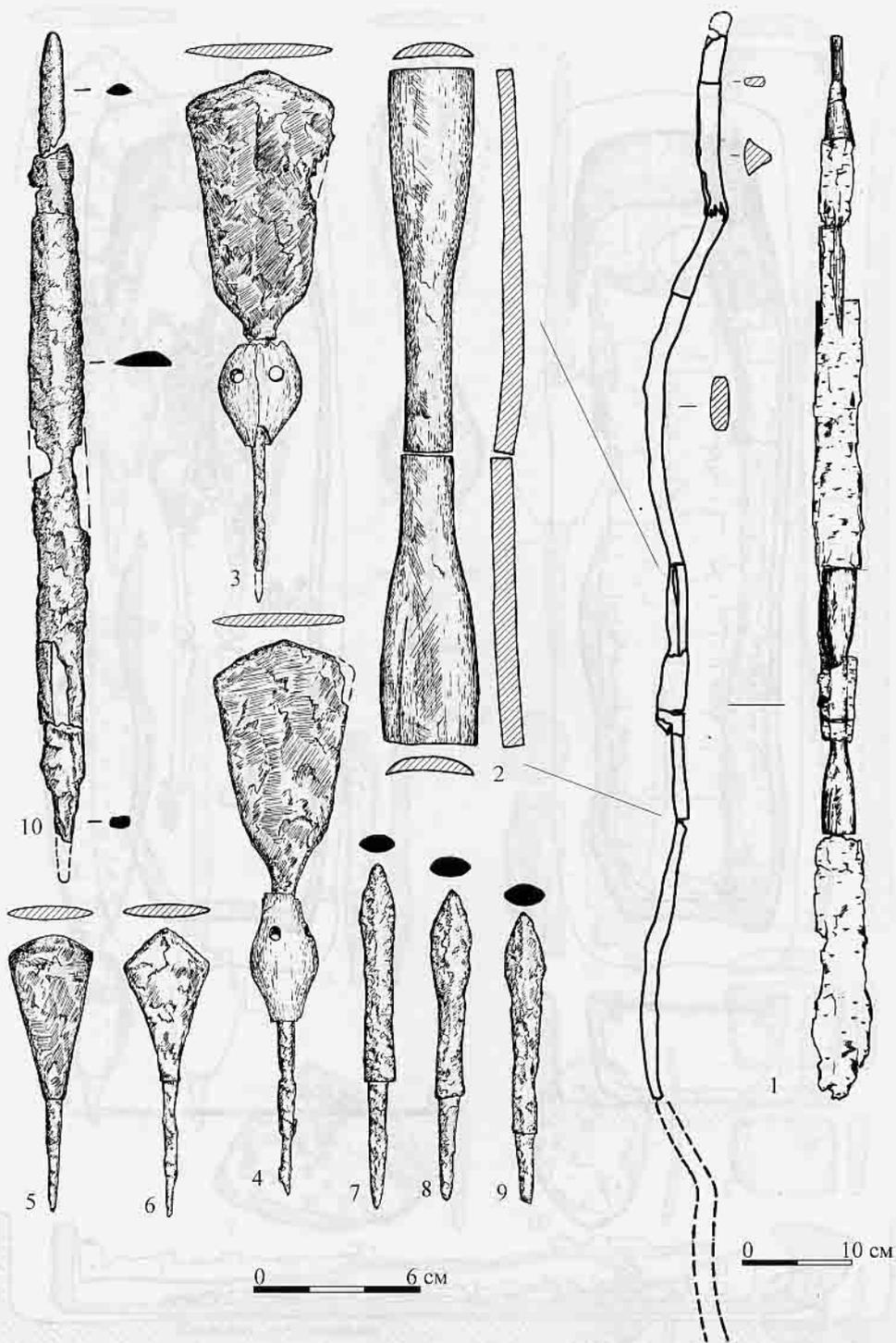

Рис. 100. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6, сопроводительный инвентарь погребения № 10: 1 – лук, 2 – фронтальная накладка лука, 3 – 9 – наконечники стрел, 10 – наконечник пальмы

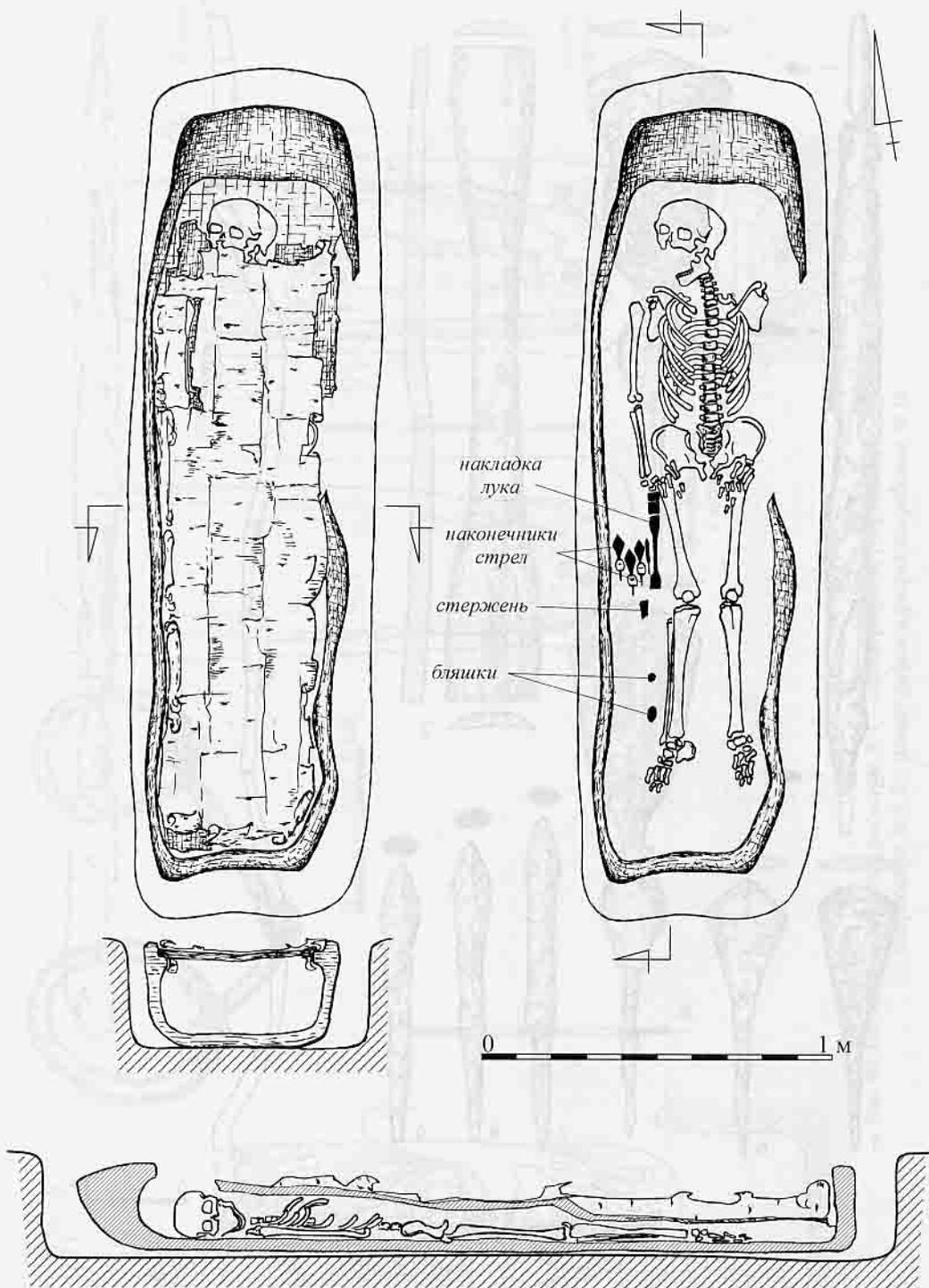

Рис. 101. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6, планиграфия и разрезы погребения № 11

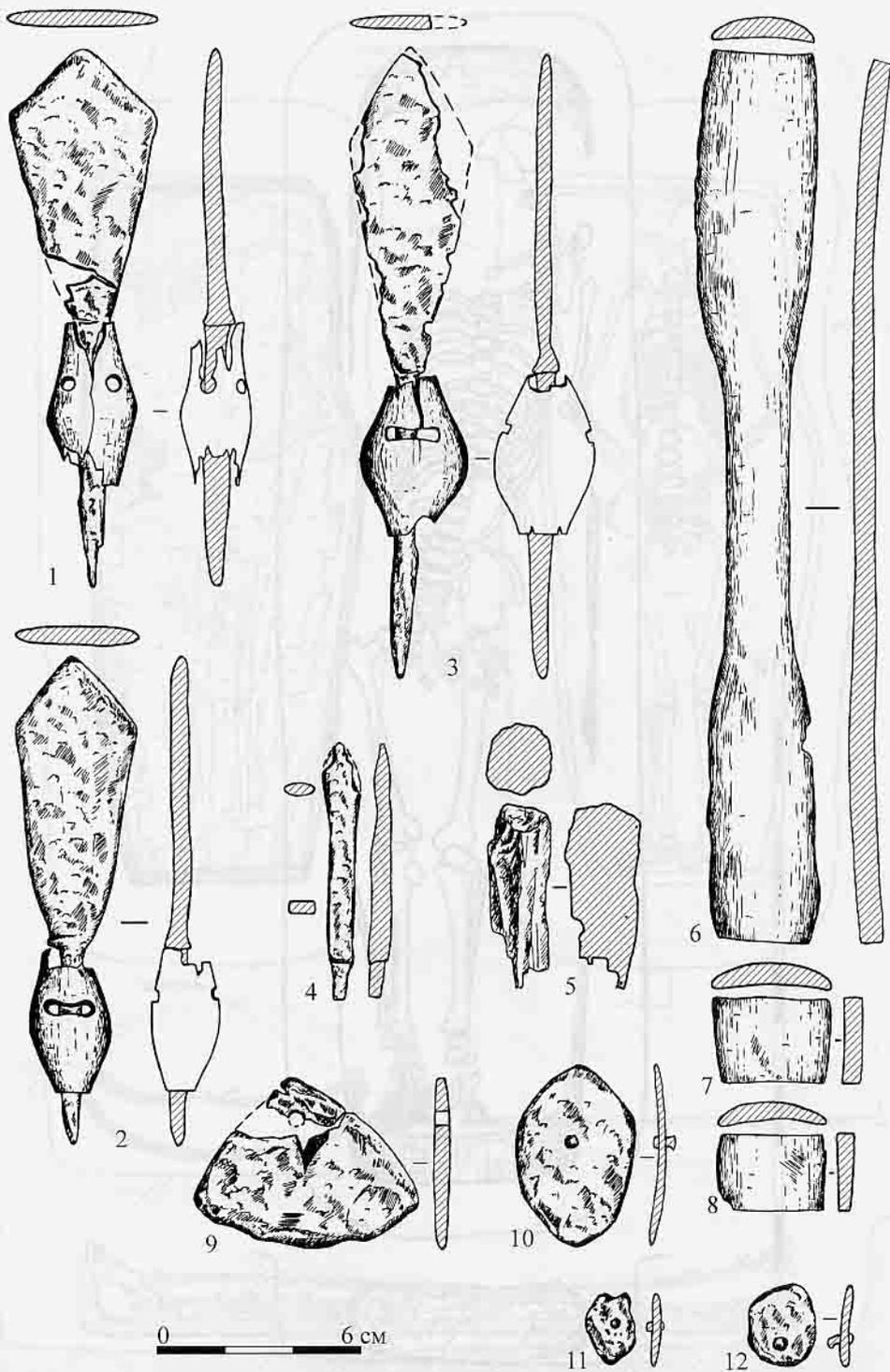

Рис. 102. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6, сопроводительный инвентарь погребения № 11:
 1 – 4 – наконечники стрел, 5 – стержень, 6 – 8 – роговые накладки лука, 9 – 12 – бляшки

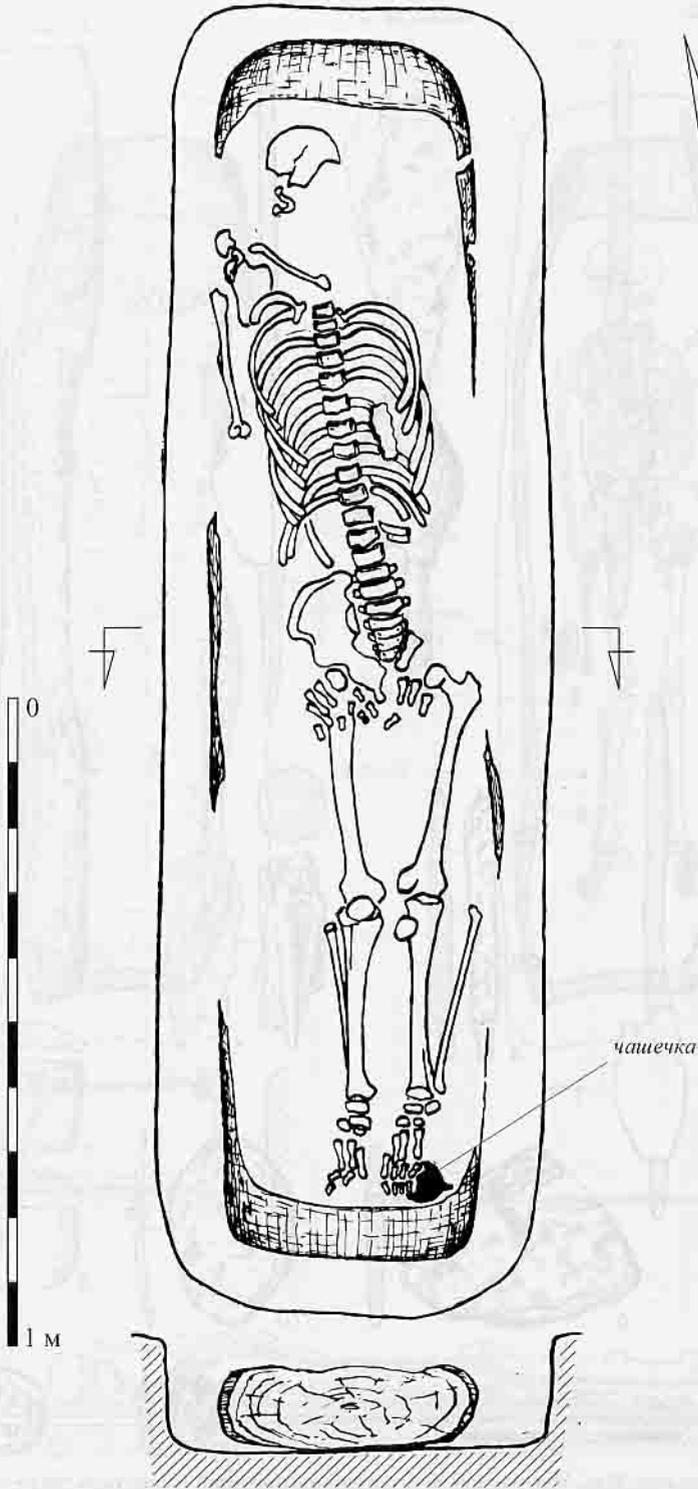

Рис. 103. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6, планиграфия и разрез погребения № 12

остатки шапочки
расшитой жемчугом

скоба

ножницы

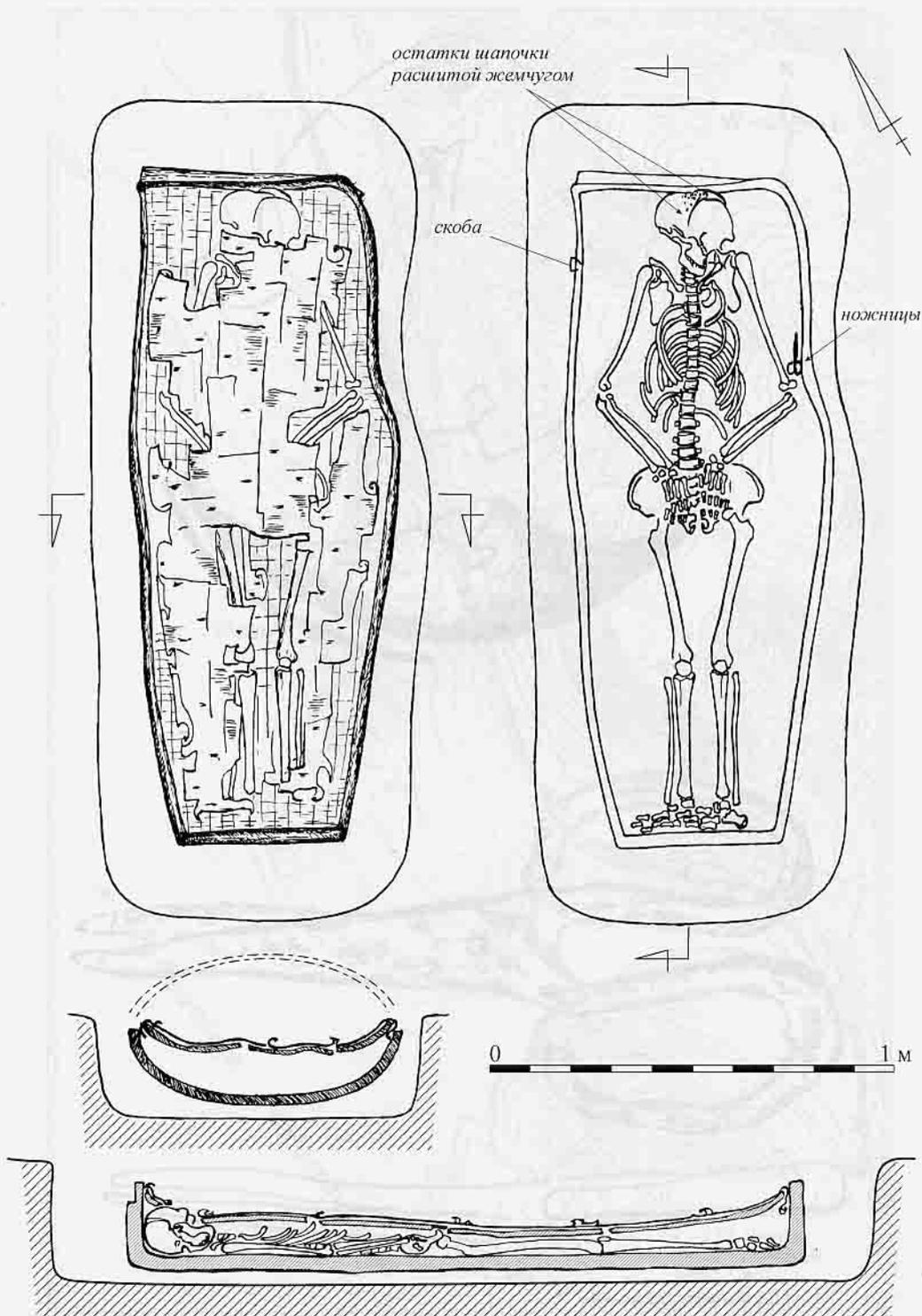

Рис. 104. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6, планиграфия и разрезы погребения № 13

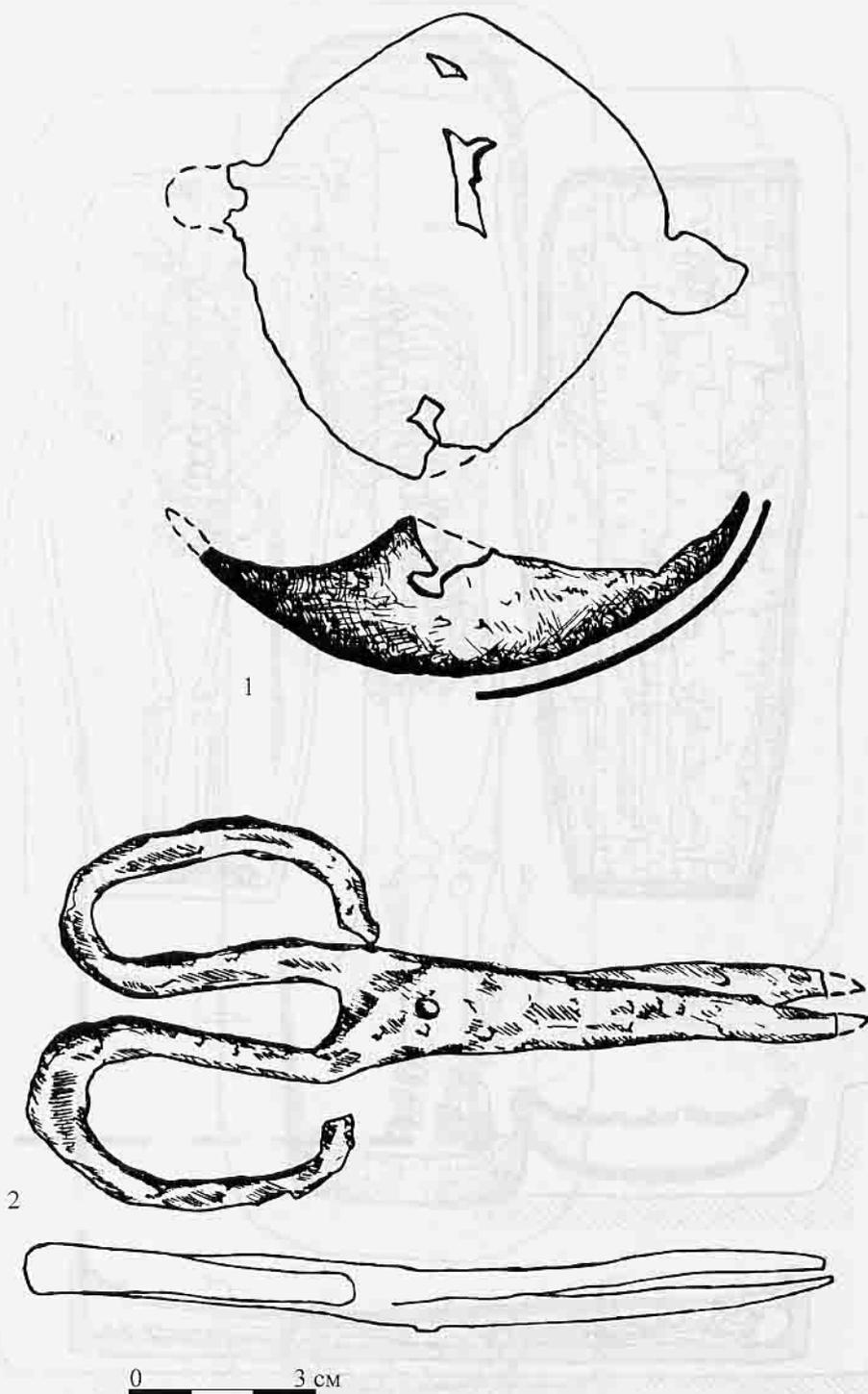

Рис. 105. Могильник Усть-Уда, раскоп № 6: 1 – чашечка из погребения № 12, 2 – ножницы из погребения № 13

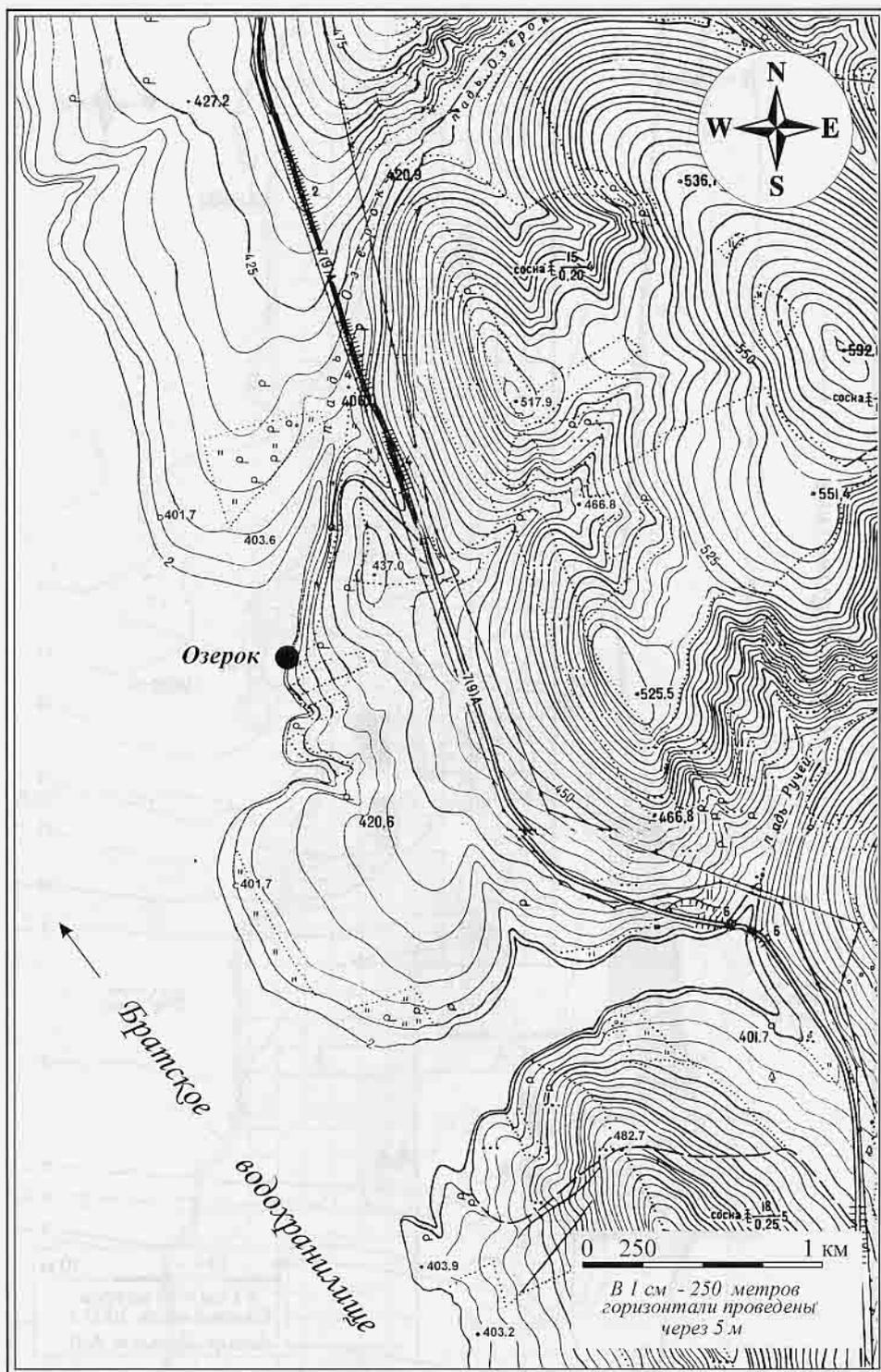

Рис. 106. Карта с указанием месторасположения могильника Озерок

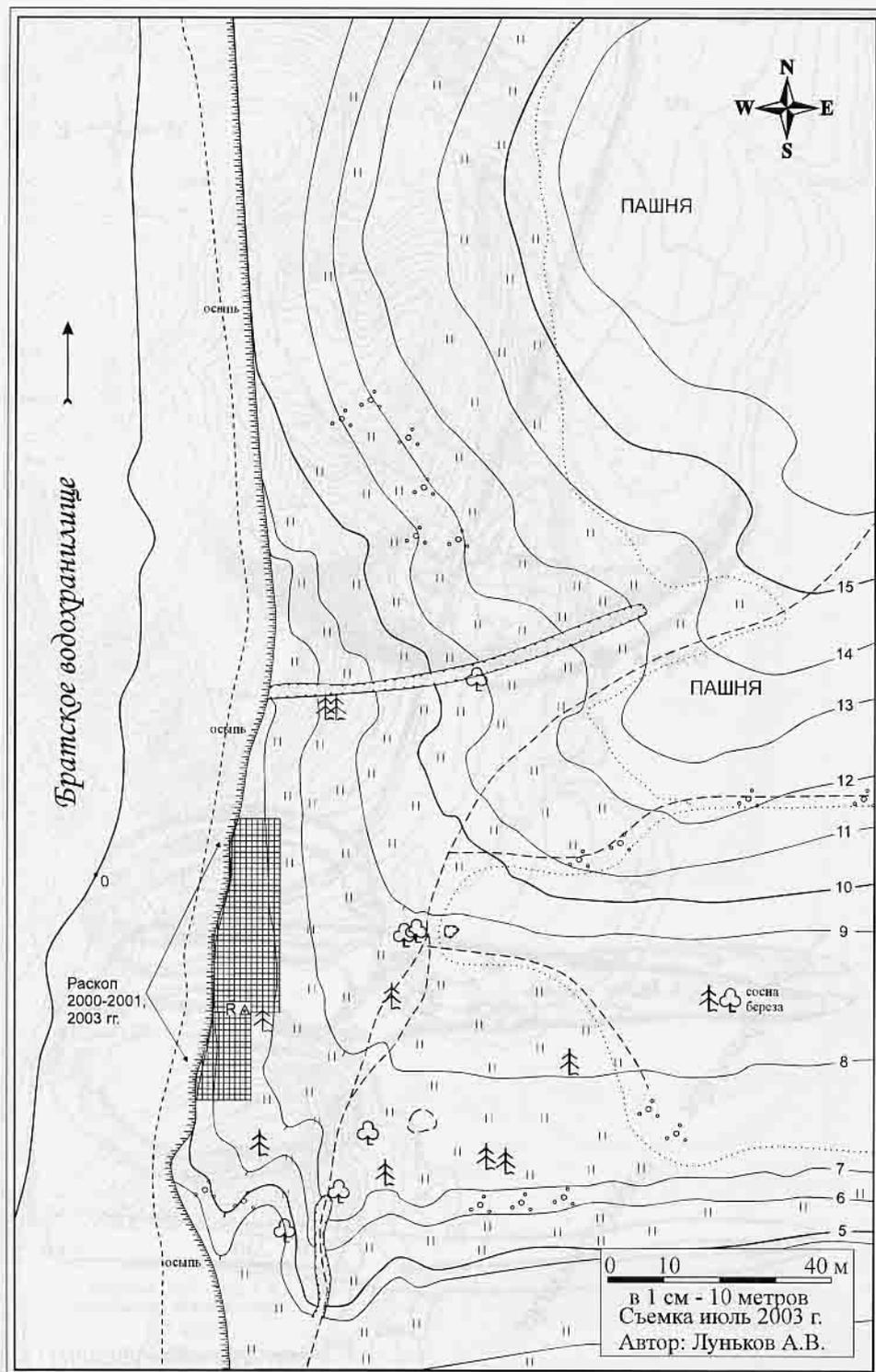

Рис. 107. Ситуационный план могильника Озерок

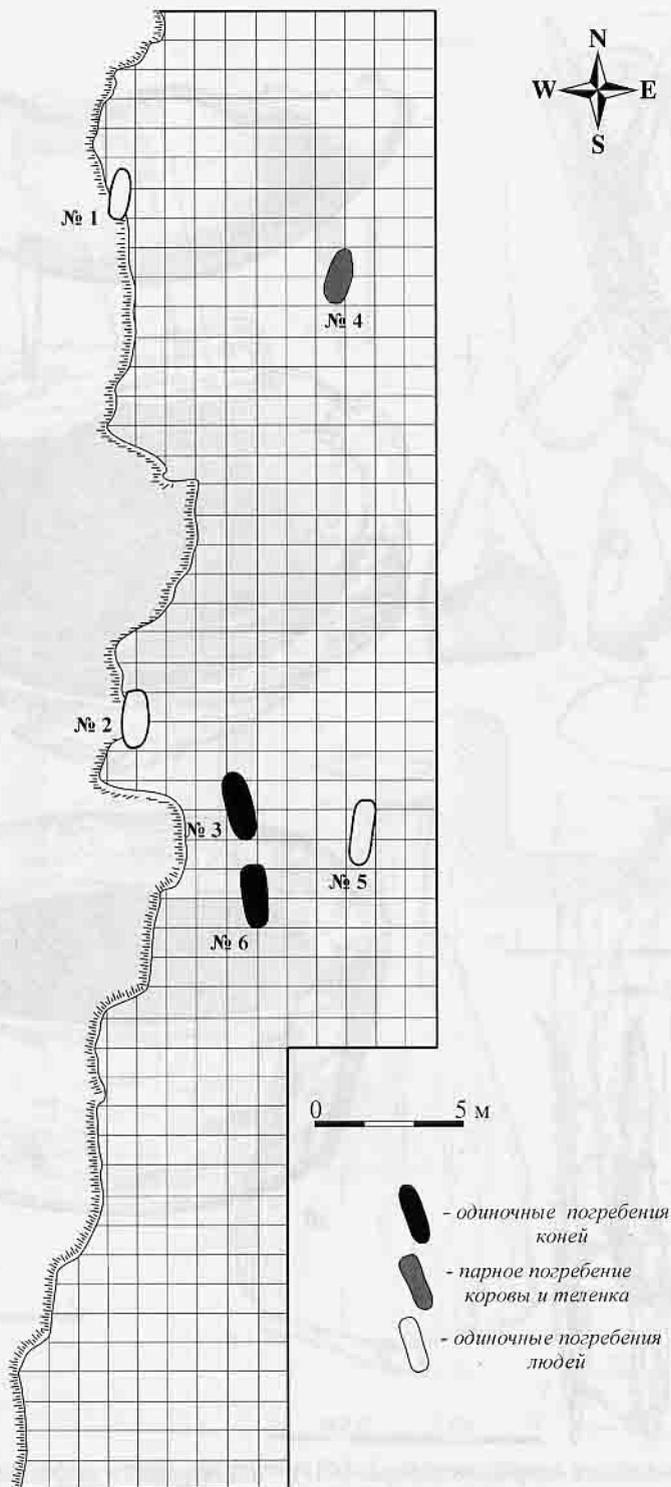

Рис. 108. Могильник Озерок, сводная планиграфия раскопанных погребений

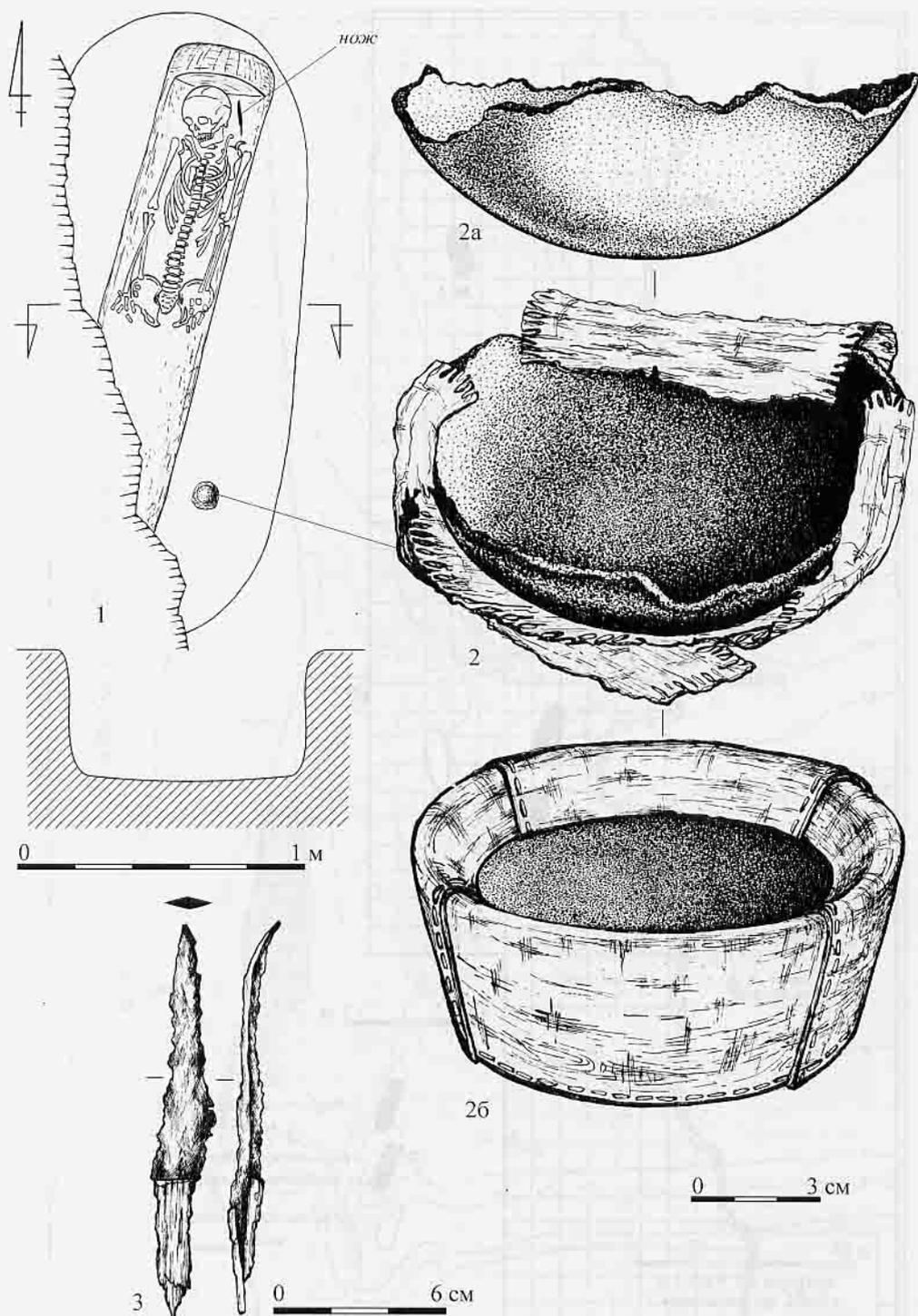

Рис. 109. Могильник Озерок, погребение № 1: 1 – планиграфия и разрез захоронения. Сопроводительный инвентарь погребения № 1: 2, 2а – комбинированный сосуд, 2б – реконструкция сосуда, 3 – нож

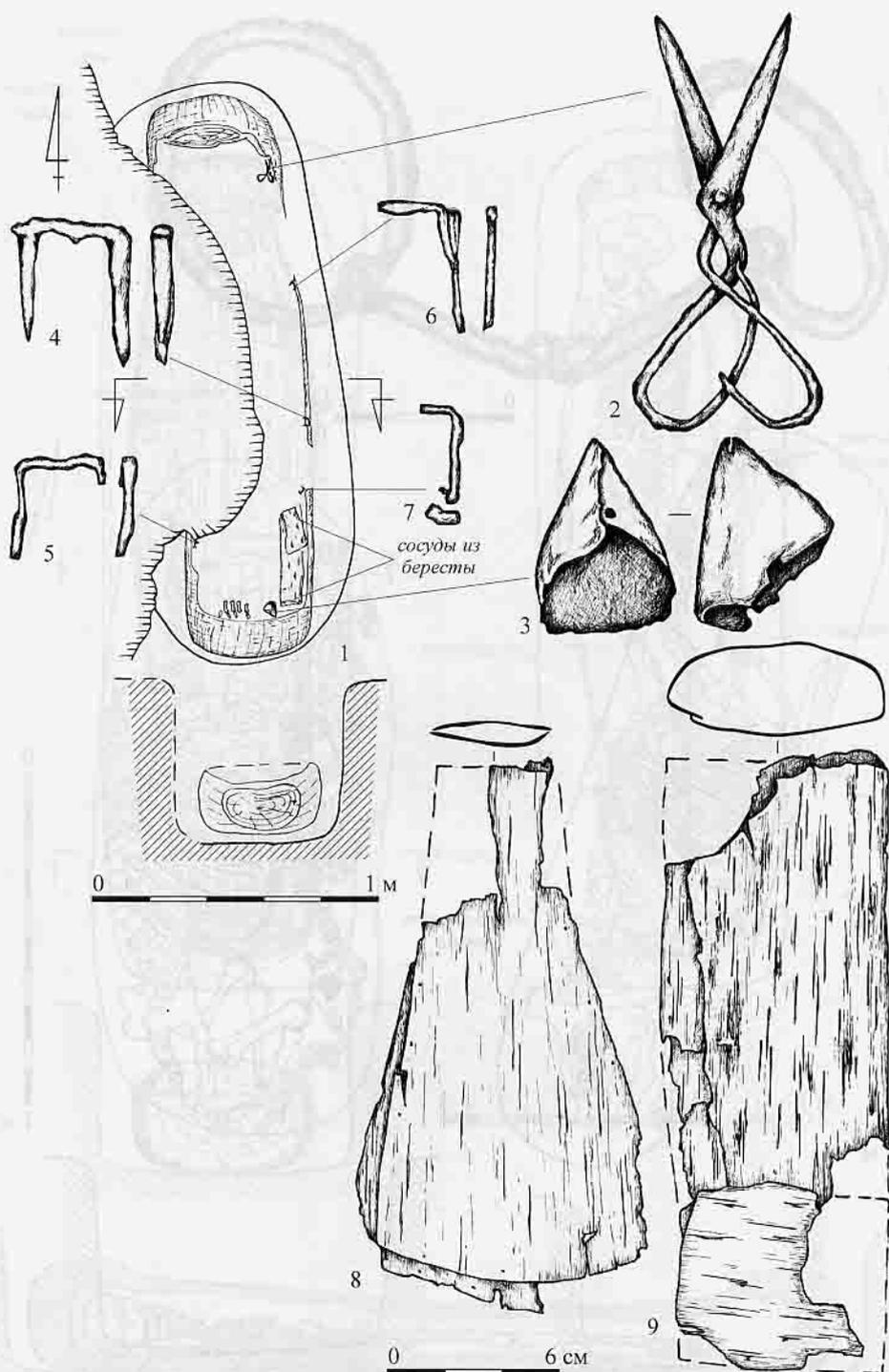

Рис. 110. Могильник Озерок, погребение № 2: 1 – планиграфия и разрез захоронения. Сопроводительный инвентарь погребения № 2: 2 – ножницы, 3 – наконечник-воронка, 4 – 7 – скобы, 8 – берестяной мешочек, 9 – берестяной туесок

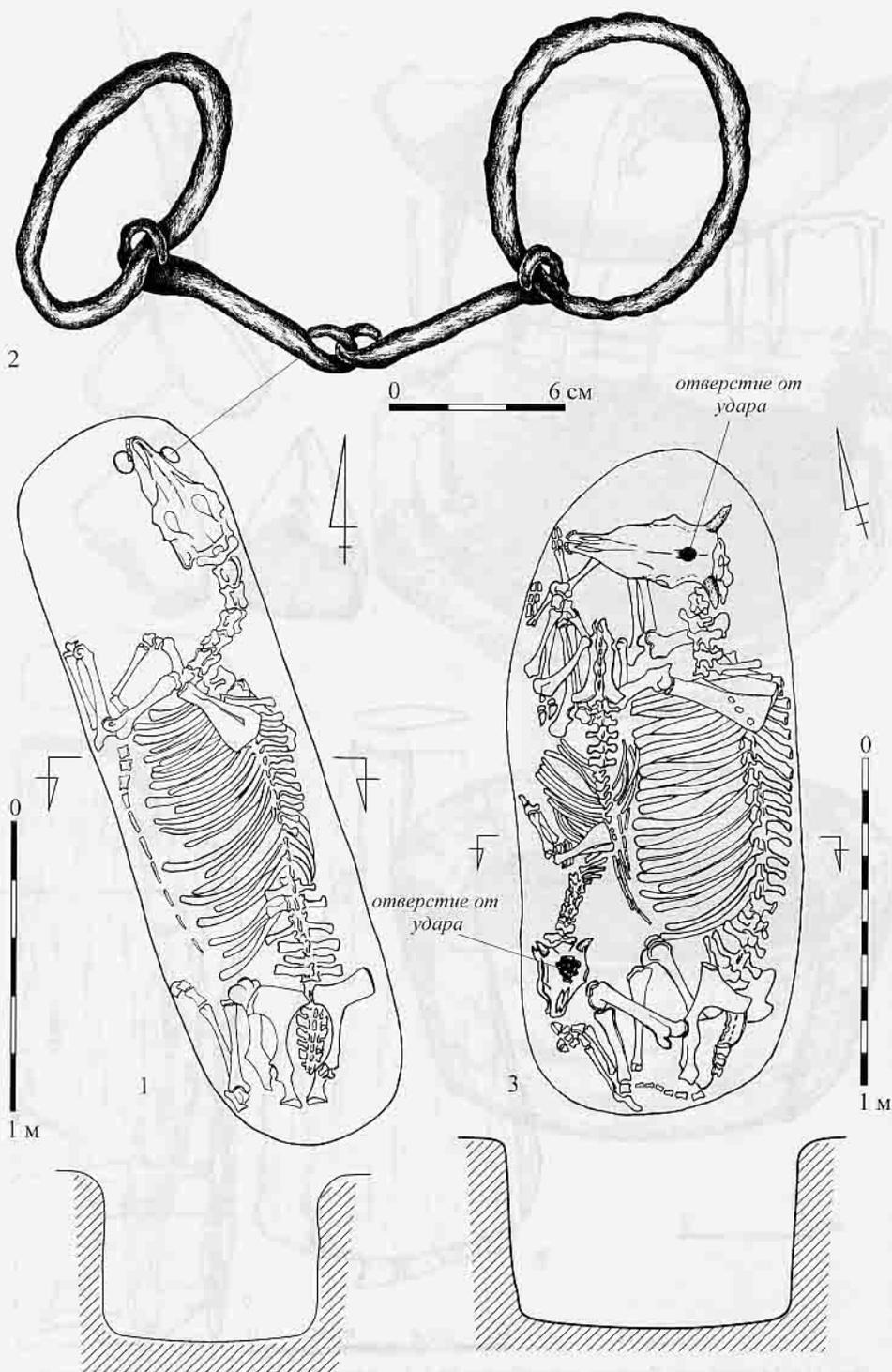

Рис. 111. Могильник Озерок: 1 – планиграфия и разрез погребения № 3, 2 – удила из погребения № 3, 3 – планиграфия и разрез погребения № 4

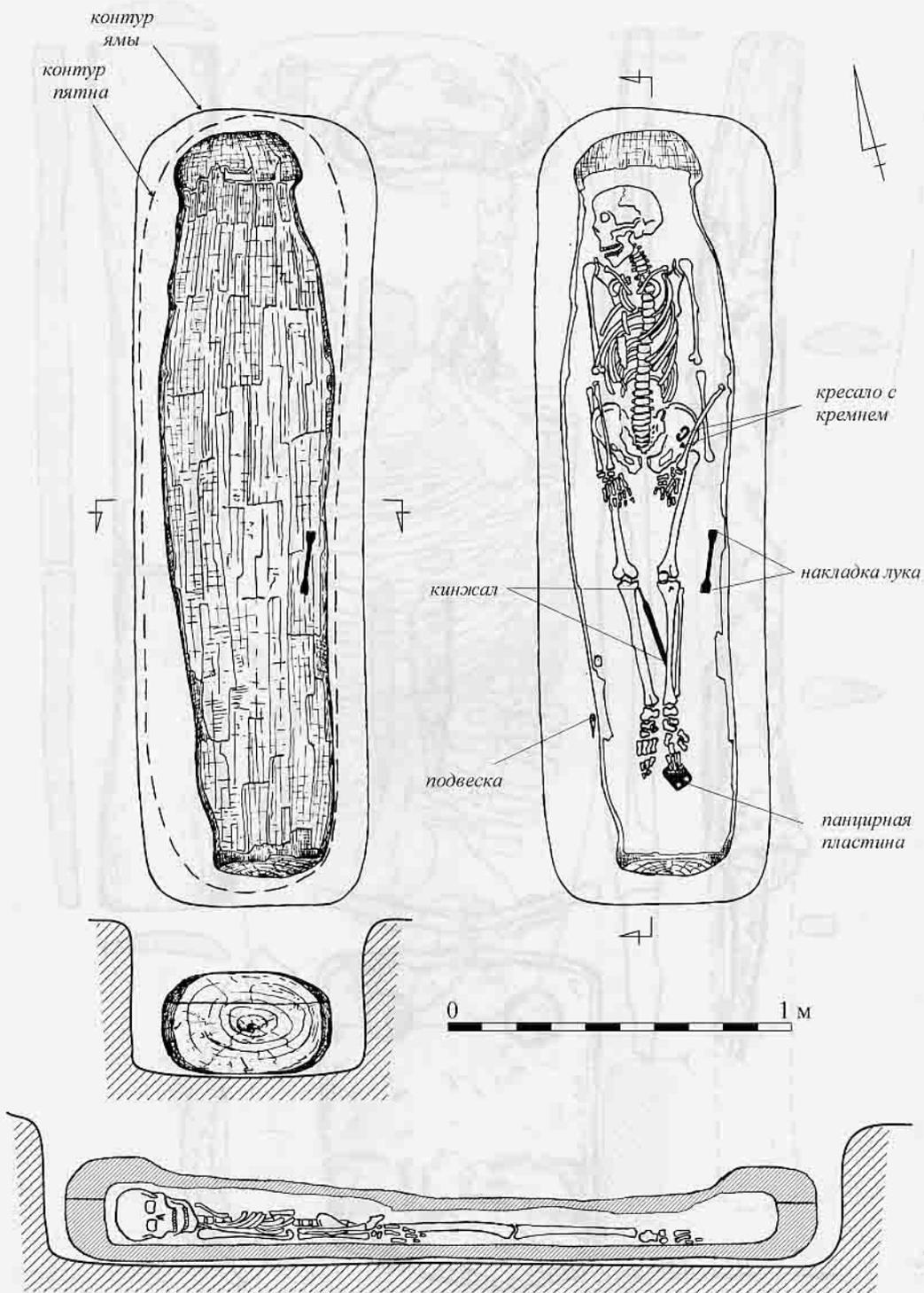

Рис. 112. Могильник Озерок, планиграфия и разрезы погребения № 5

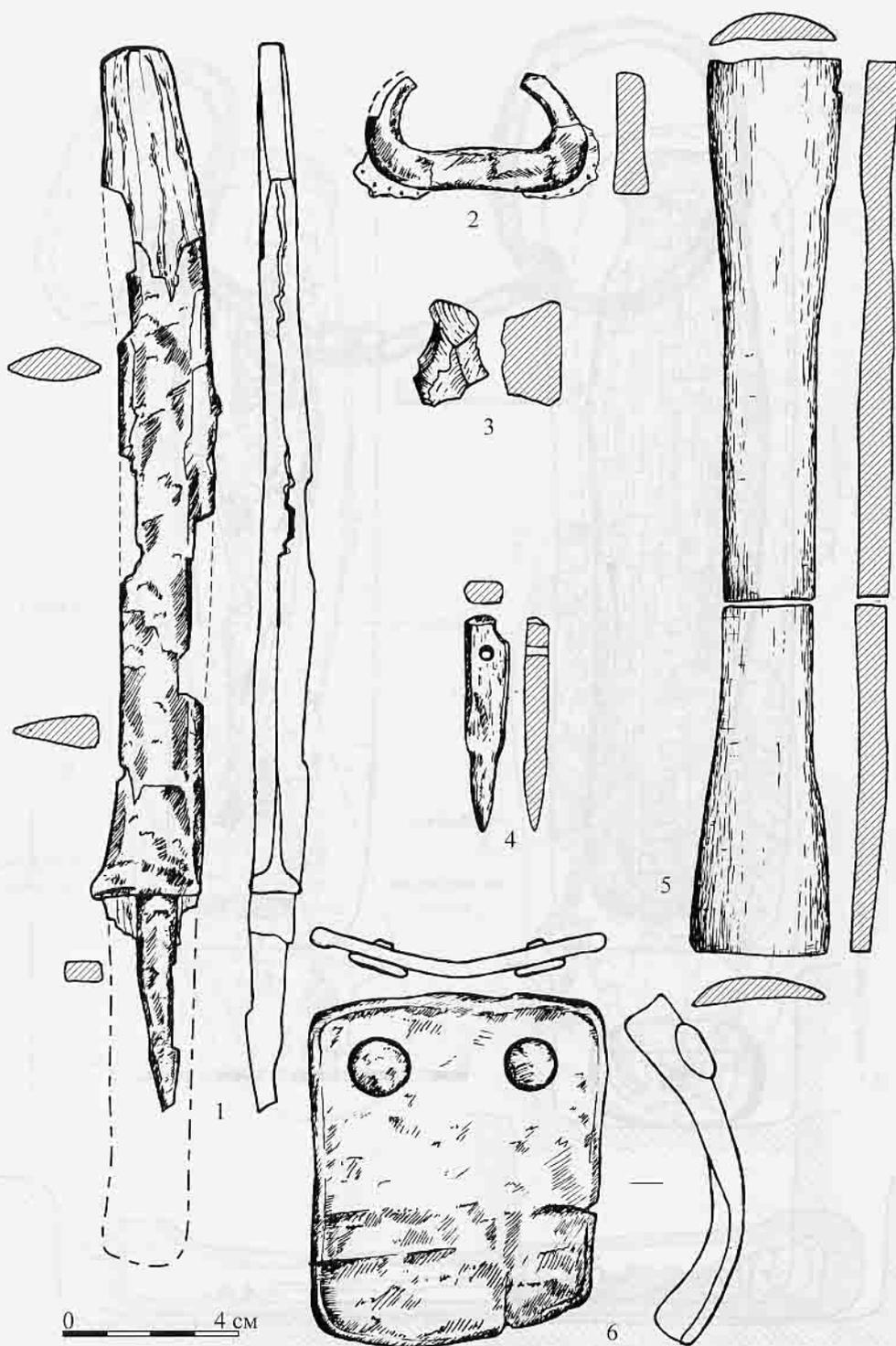

Рис. 113. Могильник Озерок, погребение № 5, сопроводительный инвентарь: 1 – кинжал, 2 – кресало, 3 – кремь, 4 – костяная подвеска, 5 – роговая накладка лука, 6 – пластина панциря

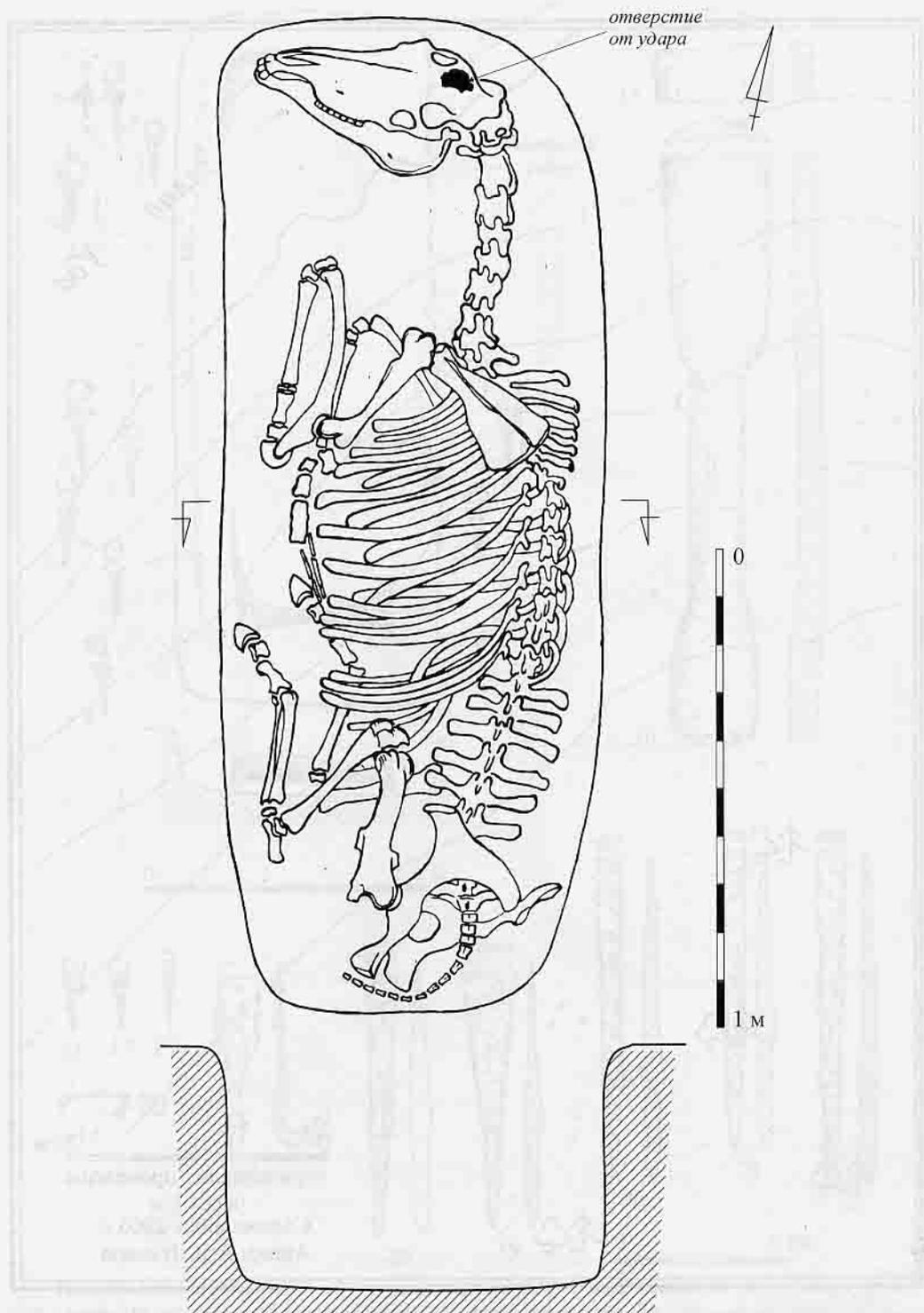

Рис. 114. Могильник Озерок, планиграфия и разрез погребения № 6

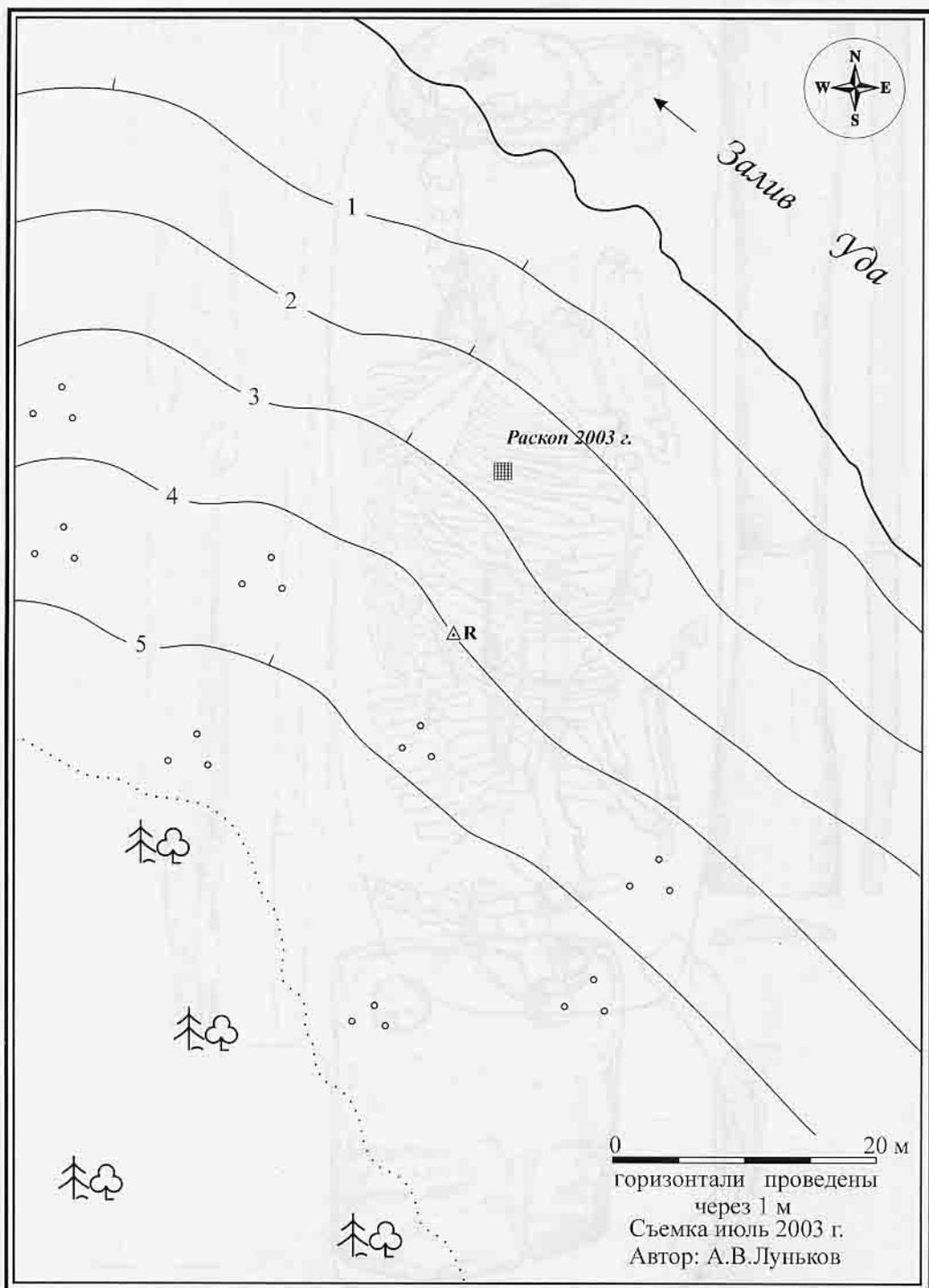

Рис. 115. Ситуационный план месторасположения погребения Уда

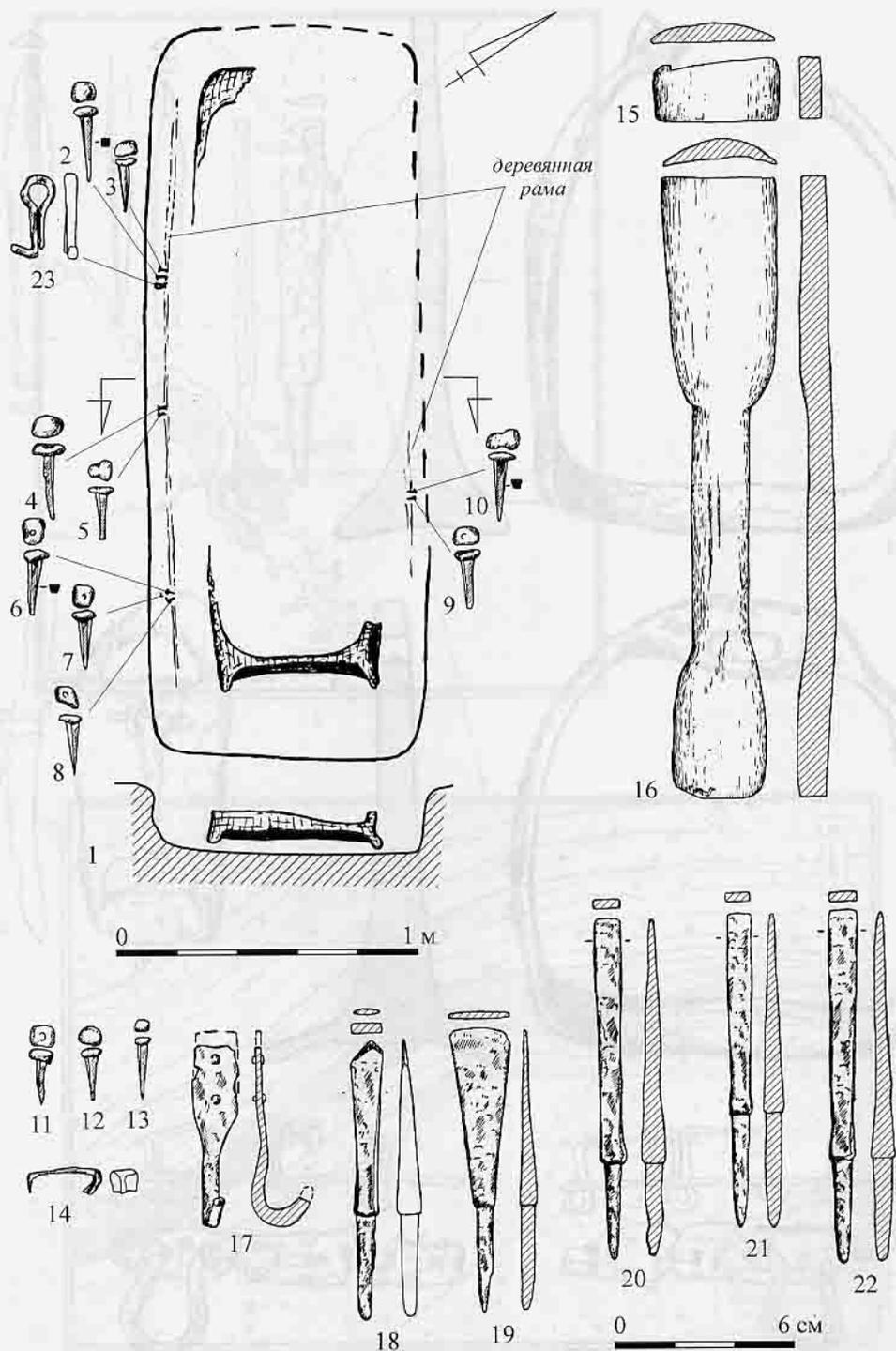

Рис. 116. Уда, погребение № 1: 1 – планиграфия и разрез захоронения, 2 – 13 – гвоздики, 14 – скоба, 15, 16 – роговые накладки лука, 17 – колчанный крюк, 18 – 22 – наконечники стрел, 23 – шпилька-крепление

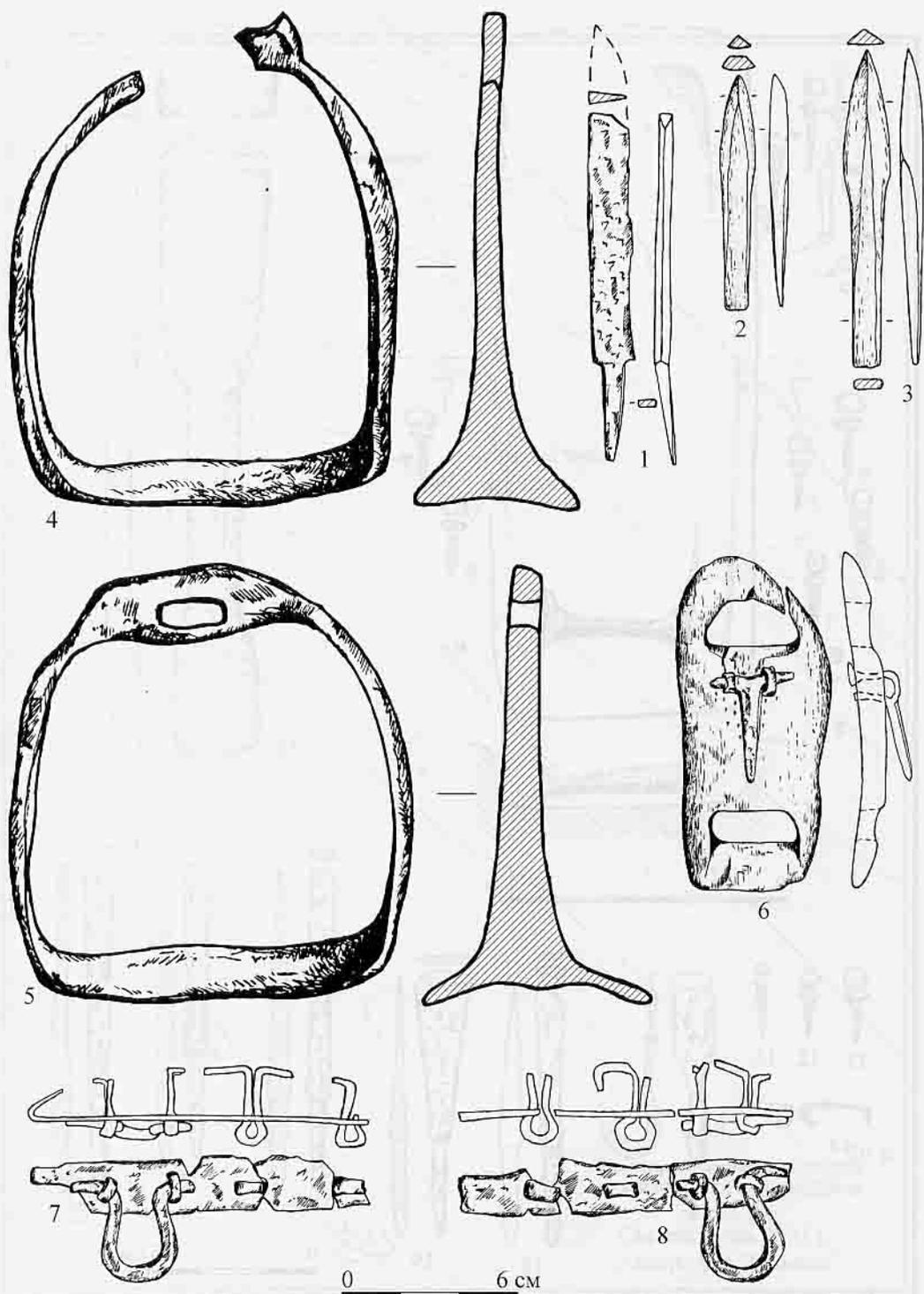
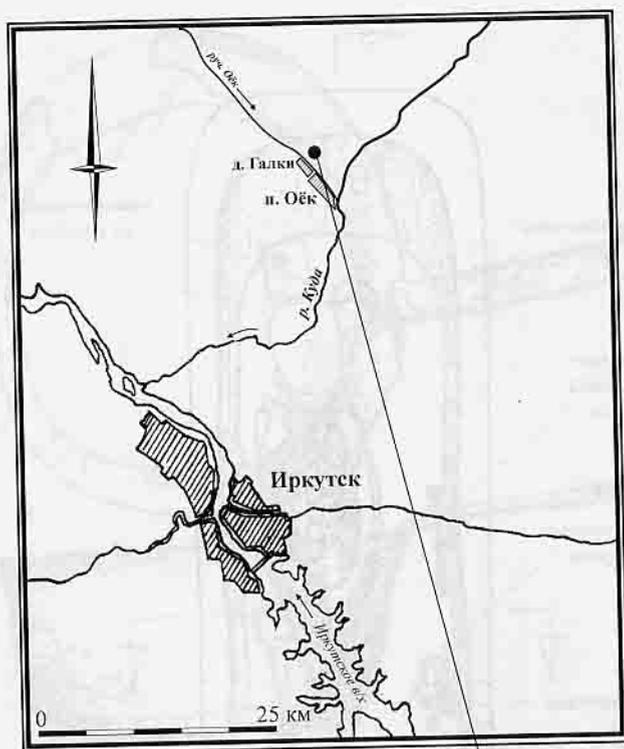
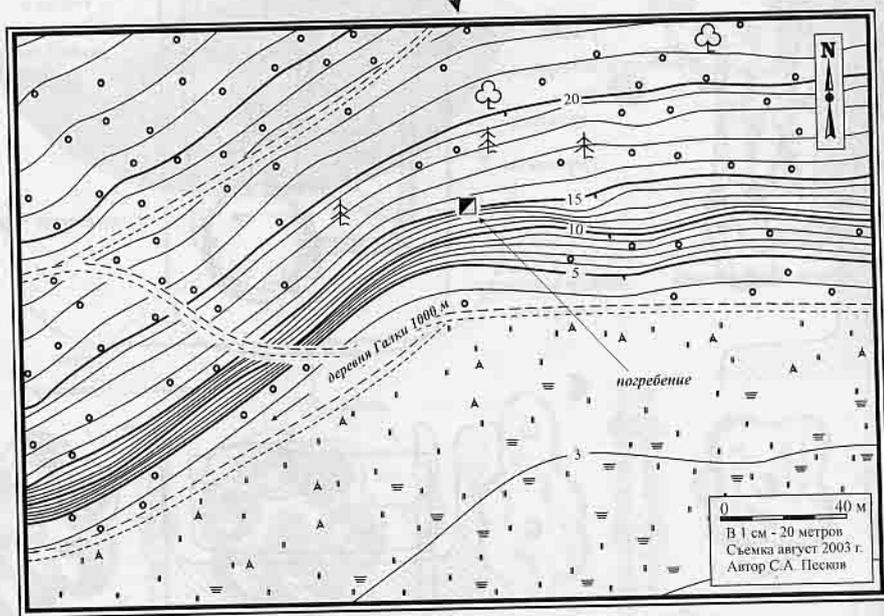

Рис. 117. Уда, сопроводительный инвентарь погребения № 1: 1 – нож, 2, 3 – костяные наконечники стрел, 4, 5 – стрелы, 6 – роговая подпружинная пряжка, 7, 8 – петли и кольца торока

1

2

Рис. 118. 1 – карта с указанием месторасположение погребения Галки, 2 – ситуационный план месторасположения погребения Галки

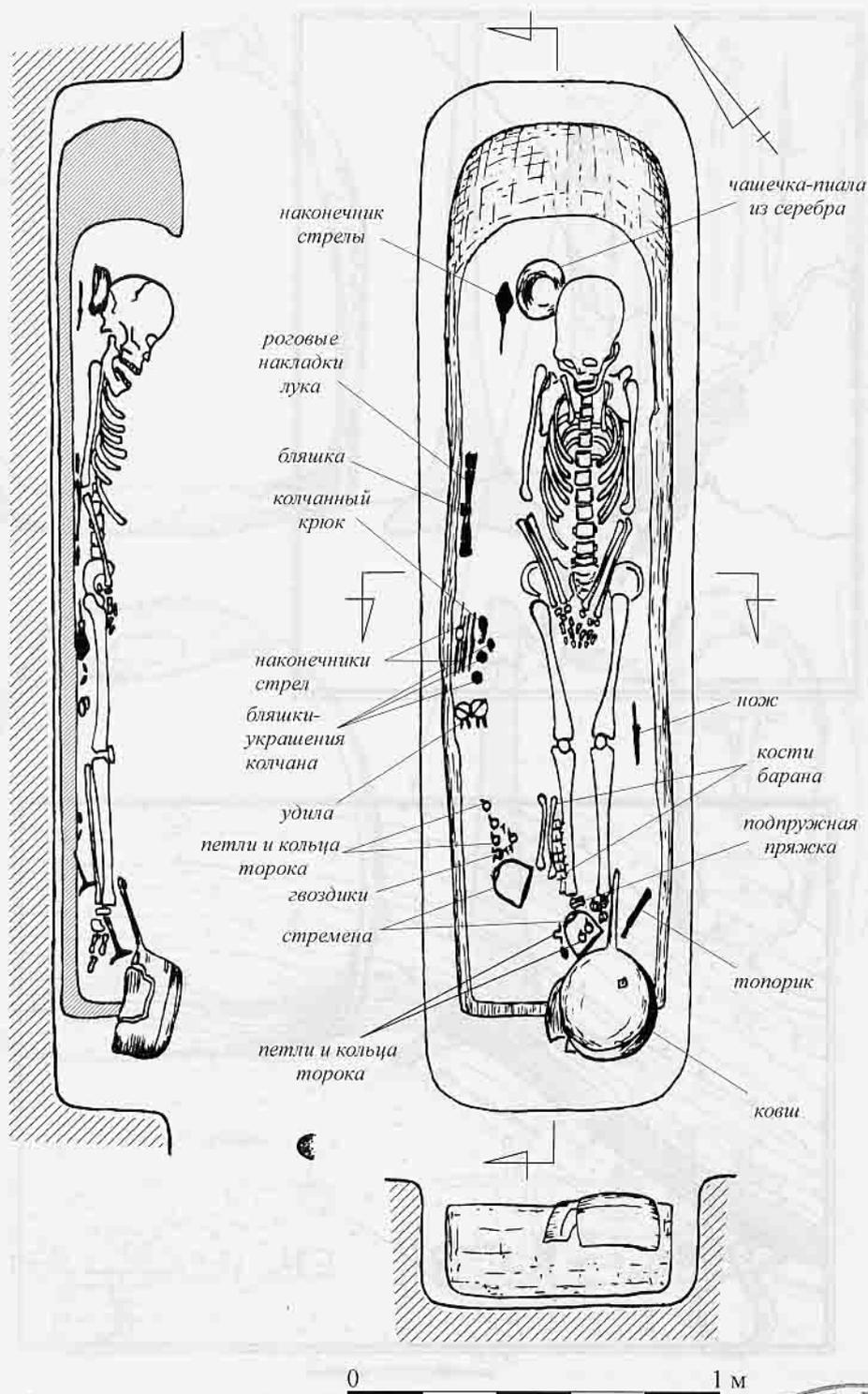

Рис. 119. Галки, погребение № 1, планиграфия и разрезы захоронения

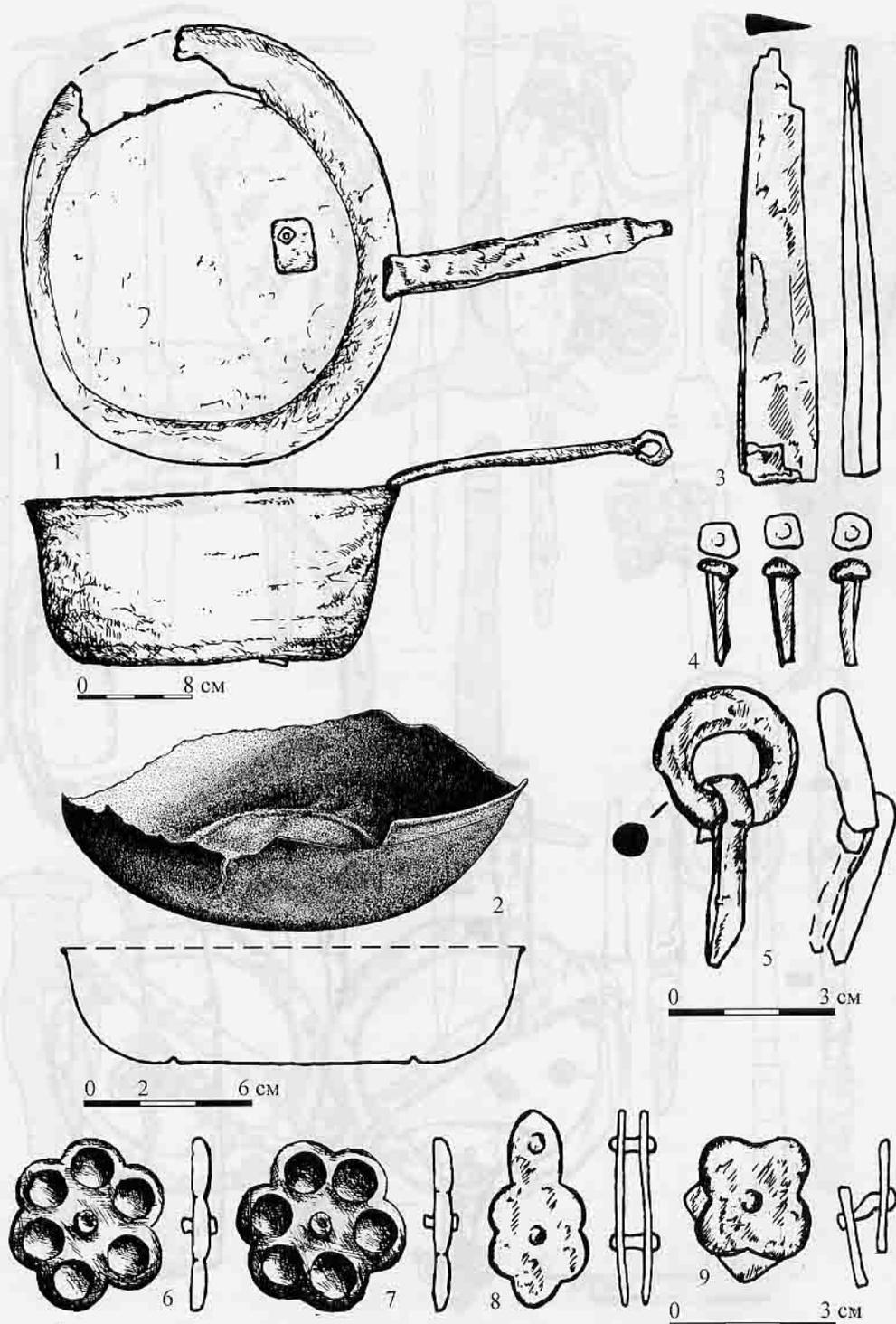

Рис. 120. Галки, сопроводительный инвентарь погребения № 1: 1 – ковш, 2 – чашечка, 3 – нож, 4 – гвоздики, 5 – кольцо на шпильке, 6 – 9 – блюда

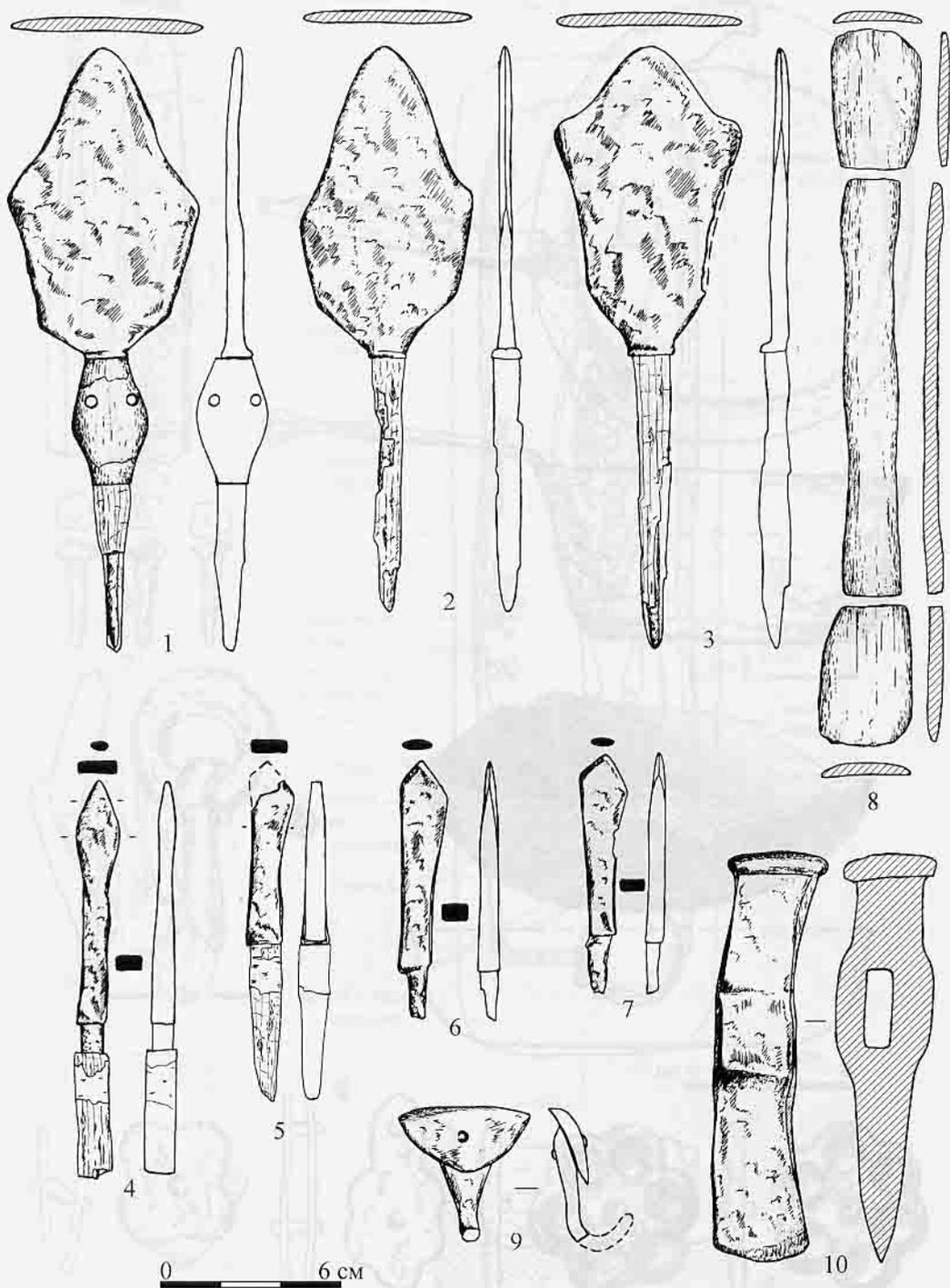

Рис. 121. Галки, сопроводительный инвентарь погребения № 1: 1 – 7 – наконечники стрел, 8 – роговая накладка лука, 9 – колчаный крюк, 10 – топорик

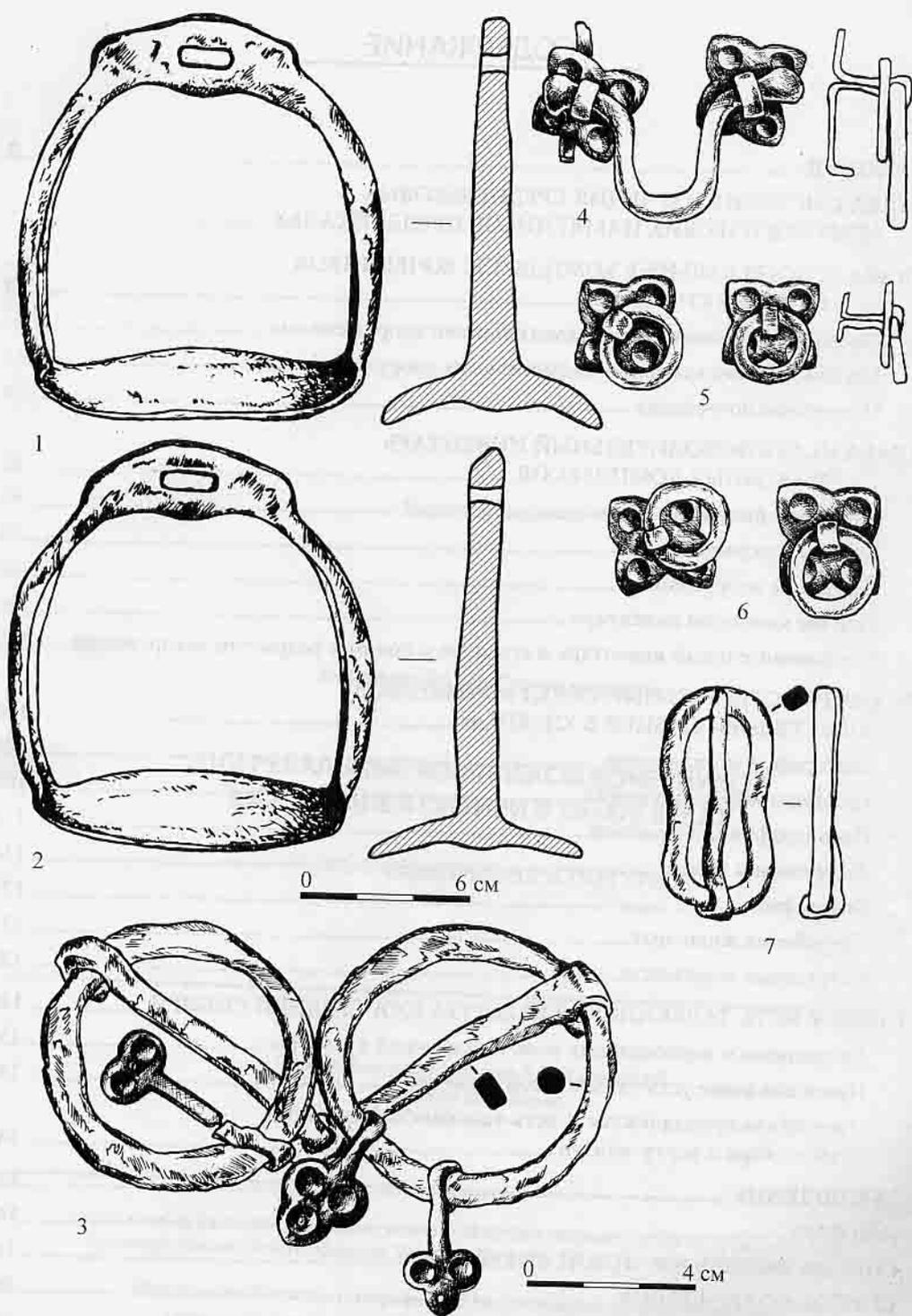

Рис. 122. Галки, сопроводительный инвентарь погребения № 1: 1, 2 – стремена, 3 – удила, 4 – 6 – петля и кольца торока, 7 – подпружинная пряжка

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРЕДБАЙКАЛЯ	9
ГЛАВА II. ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КОЧЕВНИКОВ ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ	24
Могильники с каменными надмогильными сооружениями.....	24
Могильники без каменных надмогильных сооружений.....	45
Одиночные погребения	58
ГЛАВА III. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ	61
Предметы быта и хозяйства.....	62
Одежда и украшения.....	74
Предметы вооружения	80
Прочие категории инвентаря.....	100
Сопроводительный инвентарь и его связь с полом и возрастом захоронений.....	102
ГЛАВА IV. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КОЧЕВНИКОВ ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ В XII–XIV вв.	104
Топография могильников.....	104
Надмогильные сооружения.....	107
Планиграфия могильников	112
Захоронения людей.....	114
Кенотафы.....	122
Погребения животных.....	123
Ритуальные комплексы.....	133
ГЛАВА V. УСТЬ-ТАЛЬКИНСКАЯ КУЛЬТУРА ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ	136
Хронология и периодизация усть-талькинской культуры.....	136
Происхождение усть-талькинской культуры.....	138
Этническая принадлежность усть-талькинской культуры. Туматы, хори и усуту-мангун.....	149
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
SUMMARY	161
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	163
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	180
ИЛЛЮСТРАЦИИ	181

Научное издание

Николаев Вадим Станиславович

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КОЧЕВНИКОВ
ЮГА СРЕДНЕЙ СИБИРИ В XII–XIV ВЕКАХ**

УСТЬ-ТАЛЬКИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Ответственный редактор А.В. Харинский
Редактор И. Р. Хенох

Сдано в набор 04.02.2004. Подписано в печать 22.05.2004. Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Minion. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,8. Уч.-изд. л. 29,8. Тираж 500 экз. Зак. 12.

Издательство Института географии СО РАН. г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1
Отпечатано в типографии «Географ». г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1